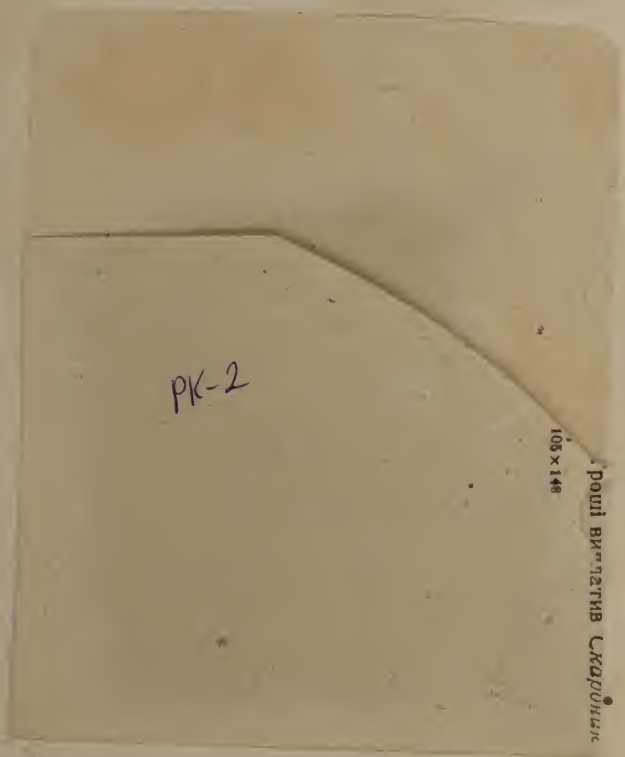
PK-2
K-107
1861 N 11-12
168983

К
104



157 9/11-12

1984

К
107

ОСНОВА

1861
1162

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

168983

»Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.«
Владимірѣ Мономахъ.

1861

28587

НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

ПЕЧАТЬ БИБЛІОТЕКИ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРОТОКОЛЬНО 1945

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. А. КУЛИША.

59
а

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 29 декабря, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ: *Чорномо́рський По́бутъ*, на стр. 3, напечатаны слѣдующія незачеркнутыя въ корректурѣ слова: о безуспѣшныхъ доселѣ попыткахъ.

Въ поэмѣ *Пасту́ся*, на стр. 12, въ стихѣ 17, вмѣсто *сиротою́*, слѣдуетъ читать: *сирото́ю*.

Въ примѣчаніи къ *Со́лижепіямъ и Сльдамъ*, на стр. 137, вмѣсто Coluber sauromates utrabilis, слѣдуетъ читать: Coluber sauromates и C. trabilis.

КОБЗАРЬ.

XXXVIII.

(Ча́стки).

Учі́теся, брати́ мої,
Ду́майте, чита́йте,
И чужо́му научи́йтесь
Й свого́ не цура́йтесь;
Бо хто ма́тіръ забува́е,
Того́ Богъ кара́е,
Чужі лю́де цура́ютця,
Въ ха́ту не пуска́ють;
Свої дітн — мовъ чужи́і,
И нема́е зло́му
На всій землі безконе́чній
Весе́лого до́му...

Я рида́ю, якъ згада́ю
Діла́ незабу́ті
Дідо́въ на́шихъ... страшні діла́!
Якъ-би́ іхъ забу́ти,
Я одда́въ би весе́лого
Віку полови́ну!
Оттака́-то на́ша сла́ва —
Сла́ва Украіни!... — —

Обніміте жъ, брати́ мої,
Найме́ншого бра́та:
Нехай ма́ти усміхне́тця,

Запла́кана ма́ти!
Благословіть дітéй своіхъ
Твéрдими рукáми;
И жіночокъ поцілýйте
(Чи́стими) устáми!
И забýдетця сромóтня
Дáвняя годи́на,
И оживé дóбра слáва, —
Слáва Украіни;
И світъ ти́хій, невечéрній
Ти́хо просія́е....
Обнімíтця жъ, брати́ мої,
Молю́ васъ, благáю!

XXXIX.

Прочитавши главу 35-у Исаіи.

Рáдуйся, ни́во неполи́тая!
Рáдуйся, зéмле, не повúтая
Квічáстимъ злáкомъ! Роспусти́сь,
Рожéвимъ кри́номъ процвіти́!..
И процвітéшъ, позеленіешъ,
Мовъ Іордáнови святúі
Луги́, зелéні береги́!
И честь Кармúлова, и слáва
Ливáнова, а не лукáва,
Тебé укри́е дорогúмъ
Золототкáнним, хитроши́тимъ,
Добрóмъ та вóлею підби́тимъ,
Святи́мъ амóфоромъ своімъ,—
И лю́де тéмнні незря́чі
Дивá Госпóдніі побáчять!

И спочúнуть невóльничі
Утóмлені рýки,
И коліна одпочúнуть,
Кайдáнами кýті!

Ра́дуйтеся, вбогоду́хи,
Не лякáйтесь ди́ва:
Се Богъ су́дить, визволя́е
Довготерпíли́вихъ—
Васъ убóгихъ—и воздае́
Злодíямъ за зла́я!

Тойді, якъ, Гóсподи, свята́я
На зе́млю пра́вда прилети́ть,
Хочъ на годи́почку спочи́ть, —
Незря́чі прóзрять, а криві́,
Мовъ са́рна зъ га́ю, помайну́ють.
Німи́мъ отве́рзутця уста́,
Прорве́тця, сло́во якъ вода́,
И дебрь-пусти́ня неполи́та, —
Сцілю́щою водóю ви́та, —
Проки́нетця; и потечу́ть
Весе́лі ріки, а озе́ра
Кругóмъ гаями поросту́ть,
Весе́лимъ пта́ствомъ оживу́ть.

Оживу́ть степи́, озе́ра,
И не верстові́,
А во́льні, широ́кі,
Скрізь шляхи́ святі́
Простелю́тця; и не на́йдуть
Шляхівъ тихъ влади́ки,
А рабí тими́ шляха́ми,
Безъ гва́лту и кри́ку,
Позіхóдятця до-ку́пи,
Ра́ді та весе́лі,
И пусти́ню опану́ють
Весе́лні се́ла.

25 марта, 1838 р.

XL.

И дóсі спи́тця — пíдъ горóю
Мíжъ ве́рбами, та надъ водóю.

Біле́нька ха́точка; сиди́ть,
Нина́че й до́сі, си́вий дідъ
Коло́ хати́ночки, и ба́вить
Хоро́шее та кучеря́ве,
Свое́ мале́нькее внуча́.
И до́сі сни́тця: ви́йшла зъ ха́ти
Весе́лая сміючи́сь ма́ти,
Цілу́е діда и дитя́ —
Ажъ три́чі ве́село цілу́е,
Прийма́ на ру́ки и году́е,
И спа́ть несе́; а дідъ сиди́ть
И усміха́етця, — и сти́ха
Промо́вить ни́шкомъ: »де жъ те ли́хо?
Печа́лі ти́, вороги́?...«
И ни́щечкомъ стари́й чита́е
Перехристи́вшись »Оче-нашъ«,
Крізь ве́рби со́нечко сія́е
И ти́хо га́сне... День пога́съ, —
И все́ почи́ло... Си́вий въ ха́ту
И са́мъ пішо́въ опочива́ти.

XLI.

За со́нцемъ хма́ронька пливе́,
Черво́ні по́ли розстила́е,
И со́нце спа́тоньки зове́
У си́не мо́ре; покрива́е
Рожевою пелено́ю,
Мовъ ма́ти дити́ну....
Оча́мъ лю́бо.... годи́ночку —
Малу́ю годи́ну —
Ніби се́рце одпочи́не,
Зъ Бо́гомъ заговори́ть....
А тума́нъ — ниначе во́рогъ —
Закрива́е мо́ре
И хма́роньку рожевую, —
И тьму́ за собо́ю
Розстила́е тума́нъ си́вий,

И тьмóю нiмóю
Оповúе тобi дýшу,
Й не знáешь дé дiтись,
И ждешъ ёгó—того́ свiту,
Мовъ мáтери дiти...

XLII.

Якъ мáю я журúтися —
Докучáти лю́дямъ,
Пiйдý собi свiтъ зá-очi!:
Що бýде, те й бýде!
Найдý дóлю — одружýся,
Не найдý — втоплю́ся,
Та не продáмсь я нiкóму,
Въ наймú не наймýся.

Пiшóвъ же я свiтъ зá-очi..
Дóля заховáлась,
А вóленьку лю́де дóбрi
И не торговáли,
А безъ торгý закúнули
Въ далéку невóлю.

— —

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Шестой отрывокъ.

25 іюля 1857.

Весь день провелъ у М—скаго на ближней пристани. Онъ арестованъ на недѣлю, по распоряженію окружного начальника — — Фр. вслѣдствіе кляузъ своего цейхвахтера — отвратительнѣйшаго надворнаго совѣтника М. Арестъ М—скаго ничего больше, какъ маска, а надворному совѣтнику велѣно подать въ отставку и передать свою должность нижнему чину какому-то фейерверкеру, М—лу И—ву. Это, въ своемъ родѣ, маска.

Передъ вечеромъ пріѣхалъ на пристань комендантъ и взялъ меня съ собою на огородъ, а ввечеру еще разъ прокатились мы въ лодкѣ по дождевому *ставу*.

26 іюля.

Сегодня во весь день и до половины ночи работалъ я надъ письмомъ графу Ѳедору Петровичу, и ничего не могъ сдѣлать съ этимъ неудающимся письмомъ. Мнѣ хочется высказаться какъ-можно проще и благороднѣе, а оно выходитъ или высокопарно до смѣшного, или чувствительно до нелѣпаго, или, наконецъ, льстиво до подлаго, но никакъ не выходитъ то, чего бы мнѣ хотѣлось. Это, вѣроятно, оттого оно у меня не клеится, что я еще не пришолъ въ себя отъ радости. Нужно подождать; еще время терпитъ: раньше 8 августа почта не отправится изъ укрѣпленія. Время еще терпитъ. Записать развѣ черновое на память, и изподоволь, на досугѣ, поправить, во избѣжаніе поговорки: *поспѣшить—людей насмѣшить*, какъ я это сдѣлалъ моимъ отвѣтомъ на письмо графини Н—ін Ив—вны, отъ 12 октября минувшаго

года, которымъ она первая извѣстила меня о предстоящей свободѣ и на которое я хватилъ ей такую восторженную чепуху (въ тороняхъ, разумѣется), что она сочла меня или съ ума спятившимъ, или—просто—пьянымъ. А чтобы этого и теперь не случилось, то напишу сначала черновое письмо; а попростывши немного, напишу и бѣловое.

»Ваше сіятельство,

Графъ Ѳедоръ Петровичъ.

»Вашему великодушному заступничеству и святому человѣколюбивому участію графини Н—сіи Ив—вны, обязанъ я моей новою жизнію, моимъ радостнымъ обновленіемъ. Я теперь такъ счастливъ, такъ невыразимо-счастливъ, что не нахожу словъ достойно выразить вамъ мою сердечную, мою безконечную благодарность. Безъ человѣколюбиваго христіанскаго участія въ моей безотрадной судьбѣ, меня задушили бы въ этой широкой тюрьмѣ, въ этой безконечной, безлюдной пустынѣ; а теперь я свободенъ. Теперь, независимо ни отъ чьей воли, я строю свое радужное будущее, свое безмятежное грядущее. Какая радость, какое полное счастіе, наполнятъ мою душу при мысли, что я снова увижу академію, увижу васъ, моего единаго спасителя, и слезами радости и благодарности омочу ваши чудотворящія руки! Молю милосердаго Господа сократить путь и время къ этому безпредѣльному счастію. А теперь, Боже всемогущій, услыши мою чистую, искреннюю молитву, и надолго-долго продли ваши драгоцѣнные дни, для славы божественнаго искуства и для счастія людей, близкихъ вашему любящему сердцу.

»21 іюля, получено здѣсь офиціальное извѣстіе о моемъ освобожденіи. Въ тотъ же день я просилъ коменданта дать мнѣ пропускъ черезъ Астрахань до Петербурга; но онъ, безъ воли высшаго начальства, не можетъ этого сдѣлать; и я, для полученія драгоцѣннаго этого паспорта, долженъ побывать еще разъ въ Оренбургѣ и сдѣлать, по этому случаю, 1000 верстъ лишнихъ почти по пустынѣ. Но Господь милосердый, помогавшій мнѣ исходить во всѣхъ направленіяхъ эту безлюдную пустыню, не оставитъ меня и на этомъ, теперь короткомъ, пути. Грустно только, что этотъ ненужный путь отдалитъ, по-крайней-мѣрѣ — на мѣсяцъ, радостную минуту свиданія съ вами и съ графиней Н—сіей Ив—ной, главной виновницею моего счастія!

»Всемогущій и премилосердый Господь не оставилъ меня здоровьемъ въ этомъ долголѣтнемъ и суровомъ испытаніи,—и любовь,—которую я, съ ранняго дѣтства, безсознательно питалъ къ прекраснымъ искуствамъ, — теперь посылаетъ онъ мнѣ любовь сознательную и свѣтлую, и крѣпкую, какъ алмазъ. Живописцемъ-творцомъ я не могу быть; объ этомъ счастіи неразумно было бы помышлять; но я, по пріѣздѣ въ академію, съ Божіею помощію и съ помощію добрыхъ и просвѣщенныхъ людей, буду гравёромъ à l'aqua tinta, и, уповая на милость и помощь Божію и на ваши совѣты и покровительство, надѣюсь сдѣлать что-нибудь достойное возлюбленнаго искуства, распространять, посредствомъ гравюры, славу славныхъ художниковъ, распространять въ обществѣ вкусъ и любовь къ доброму и прекрасному. Это чистѣйшая, угоднѣйшая молитва человѣколюбцу-Богу и посильно-безкорыстная услуга человѣку. Это мое единственное непреложное стремленіе. На бо́льшее я не могу надѣяться, и только буду просить—не оставить меня вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ, въ этой моей лучезарной надеждѣ.

»Цѣлую руки моей святой заступницы гр. Н. И., цѣлую васъ, ваше семейство, цѣлую все близкое вашему доброму сердцу, и остаюсь по гробъ благодарный *художникъ Шевченко.*

»Я не могъ себѣ отказать въ радости подписать подъ этимъ черновымъ письмомъ — *художникъ* Т. Шевченко, и сегодня въ первый разъ написалъ я это—душу радующее—званіе.«

27 іюля.

Сегодня за обѣдомъ Ираклій Александровичъ сообщилъ мнѣ важную художественную новость, вычитанную имъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*. Новость эта для меня интересна своею не-новостью. *Инвалидъ* извѣщаетъ, что наконецъ колоссальное чудо живописи — картина Иванова — *Іоаннъ Креститель*, окончена! и была представлена Римской публикѣ, во время пребыванія въ Римѣ вдовствующей императрицы Александры Ѳеодоровны, и по словамъ самого художника (въ газетѣ сказано — *скромнаго*) произвела фуроръ, какого онъ не ожидалъ. *Дай, Боже, нашому телятi вовка зiсти.* Но мнѣ что́-то страшно за автора *Марiи Магдалины*. Двадцатилѣтній трудъ сохранилъ ли сочность и свѣ-

жесть жизни? не увялъ ли онъ, какъ южный роскошный цвѣтокъ, отъ долгаго и ненужнаго поливанья? не заплѣснѣвѣлъ ли онъ, какъ хмельное пиво, отъ долгаго броженія? Боже сохрани всякаго артиста отъ такого печальнаго и запоздалаго урока.

Еще будучи въ академіи, я много слышалъ объ этомъ колоссальномъ, тогда уже почти оконченномъ, трудѣ. Художники нерѣшительно говорили объ немъ; аматёры рѣшительно восхищались,—въ томъ числѣ и покойный Гоголь. Карлъ Павловичъ Брюловъ никогда ни слова не говорилъ о картинѣ Иванова; самого же Иванова въ шутку называлъ *нѣмцемъ*,—по словамъ великого Брюлова, вѣрный признакъ бездарности,—съ чѣмъ я не могу согласиться въ-отношеніи Иванова, глядя на его Марію Магдалину.

Восторженное письмо Гоголя ничего не сказало художнику, ни даже опытному знатоку, объ этомъ произведеніи. Теоретики всѣ однимъ муромъ мазаны. Графъ де-Кенси написалъ отличнѣйшій трактатъ о Юпитерѣ Олимпійскомъ—статуѣ Фидія, издалъ его in folio, великолѣпно для своего времени (въ началѣ текущаго столѣтія), и если бы не приложилъ къ своему роскошному изданію рисунковъ, художники бы подумали, что душа самого великого Фидія говоритъ устами вдохновеннаго графа. Но неуклюжіе изобличители — рисунки испортили все дѣло... Какъ послѣ этого вѣрить этимъ восторженнымъ теоретикамъ? Говоритъ какъ будто и дѣло, а дѣлаетъ чортъ-знаетъ-что́. Почтенному графу, вѣроятно, нравились эти рисунки—уроды, если онъ приложилъ ихъ къ своему ученому трактату.

Какъ бы я былъ радъ, еслибы картина Иванова опровергла мое предубѣжденіе: къ колекціи моихъ будущихъ эстамповъ aqua tinta прибавился бы еще одинъ великолѣпный эстампъ.

О картинѣ Моллера — *Иванъ Богословъ проповѣдуетъ на островѣ Патмосѣ* во время праздника бакханалій, о которой я случайно прочиталъ въ *Инвалидѣ*, что она показывается въ Петербургѣ публично, въ пользу раненныхъ въ Севастополѣ,—не знаю — почему, я имѣю выгоднѣе понятіе о картинѣ Моллера, чѣмъ о многолѣтнемъ произведеніи Иванова.

28 іюля.

Еще вчера, т. е. въ суботу вечеромъ, уговорились мы съ Ф—скимъ провести сегодняшній воскресный день гдѣ-нибудь подальше отъ противнаго укрѣпленія, и для сей уединенной радости назначили мѣсто въ балкѣ, въ глубокомъ дикомъ оврагѣ, верстахъ въ пяти отъ укрѣпленія, гдѣ можно найти и защиту отъ солнца подъ скалами, и родниковую свѣжую воду. Уговорились мы итти туда рано и провести весь день въ ущельяхъ этого мрачнаго оврага. На-щотъ провіанта положено было, чтобы онъ взялъ кусокъ сырой баранины фунтовъ 5-ть для *кебаба*, хлѣба соразмѣрную долю и бутылку водки; а я—чайникъ чаю, сахару, стаканъ и 5 огурцовъ. Все улажено какъ нельзя лучше,—и дешево, и забористо,—и я уже, по своему обыкновенію, сибаритствовалъ умственно въ объятіяхъ мрачнаго оврага. Прошла ночь; настало утро и солнышко взошло, а Ф—скій не является на огородъ, какъ мы условились. Я ждать-подождать, а его все нѣтъ-какъ-нѣтъ. Я нагрѣлъ чайникъ и принялся за чай, не переставая смотрѣть на укрѣпленіе. Наконецъ ругнулъ я измѣнника хорошенько и принялся строчить новую тетрадь, а Андрій Оберéменко (огородникъ отъ подвижной команды и близкій мой землякъ), котораго я пригласилъ съ собою въ балку въ видѣ товарища и мѣхоноши, выпивши, вмѣсто стакана чаю, рюмку водки, принялся ругать нечестиваго Ляха.

Поусумнившись достаточно въ достоинствѣ многолѣтняго труда Иванова, я закрылъ тетрадь и пошелъ въ укрѣпленіе разрѣшить задачу, заданную мнѣ паномъ Ф—скимъ. Прихожу, а онъ сидитъ на крылечкѣ около казармъ и ругаетъ Дахмищина, солдата-жида, за то, что онъ не даетъ ему болѣе 20 коп. за койку. »А что же ты«, говорю я, »про балку забылъ?«—»Постой, дай кончить *гандель*«, говоритъ онъ. Кончивши гандель, онъ признался мнѣ, что отъ заката до восхода солнца тянулъ штоса, и протянулся *до-спати*. К—хъ даже подушку взялъ. Пособолѣзновавъ немного о его неудачѣ, я предложилъ снова путешествіе въ балку, уже въ три часа послѣ обѣда, взявши на свой коштъ и хлѣбъ и мясо и водку. Онъ охотно согласился, и мы, сказавши другъ другу—*непремѣнно*, разстались. Взялъ я у артельщика въ долгъ 5 фунтовъ баранины, столько же фунтовъ хлѣба, и возвратясь на огородъ, послалъ Обеременка въ кабакъ за водкою.

Послѣ обѣда, я, по-обыкновенію, вздремнулъ немного подъ вербою, и ровно къ тремъ часамъ собрались мы съ Оберемен-комъ въ дорогу. Собравшися, усѣлись мы снова подъ вербою. Пробило 4 часа: *нема́ на́шого пана Ф — ського.* Андрій молча посмотрѣлъ на меня и принялся снова за свою *лю́льку-бурю́льку.* Пробило и пять часовъ, — а пана Ф — скаго не видать. Андрій снова посмотрѣлъ на меня, и уже не вытерпѣлъ: плю-нулъ. Прошло еще полчаса, и Андрій началъ *расташо́вувать торбу* съ провіантомъ и, вынимая баранину, проговорилъ: *По-напрасну тілько добро́ зні́вечили... Сказано —ляхъ!*—прибавилъ онъ какъ бы про себя:—*невіра,—то такъ и пропаде́, такъ и здо́хне невірою.*—Я не нашелъ нужнымъ убѣждать Андрія въ противномъ, велѣлъ ему отдать баранину въ комендантскую кух-ню и просить повара зажарить ее къ вечеру; а самъ пошолъ на ближнюю пристань — навѣстить заключеннаго друга М—ского.

Проходя мимо первой батареи или флак-штока, я увидѣлъ внизу подъ скалою кучку солдатъ, играющихъ въ орлянку. Сна-чала я не обратилъ вниманія на эту, весьма-обыкновенную, кар-тину. Но мнѣ какъ-будто шепнулъ кто-то: не здѣсь ли Ф — скій? Всматриваюсь — и глазамъ не вѣрю: мой Ф — скій, спу-стивъ съ праваго плеча шинель, съ ловкостью знатока дѣла, бросилъ что́-то вверхъ; кружокъ игроковъ быстро поднялъ голо-вы и потомъ медленно опустилъ, крикнувши: *орелъ!* — Ф — скій нагнулся очистить конъ, а я, пожелавъ ему успѣха, по-шолъ далѣе.

Погостивши у М—ского до восхода едва-ущербленной луны, я собрался въ обратный путь. Прощаясь, онъ благодарилъ меня за навѣщеніе и еще за то́, что два года тому назадъ я не при-нялъ его благороднаго предложенія—поселиться у него на квар-тирѣ. Теперь только онъ понялъ, какую подлую кляузу могъ вывести М—въ изъ нашего сожительства: у него не дрогнула бы рука воспользоваться силою военныхъ законовъ, гдѣ сказано, что офицеръ, позволившій себѣ фамильярное обращеніе съ нижнимъ чиномъ, предается военному суду. Теперь только онъ увидѣлъ пропасть, отъ которой я его отвелъ, зная лучше отвратительна-го надворнаго совѣтника М—ва.

Ночь лунная, тихая, волшебная ночь. Какъ прекрасно-вѣрно гармонировала эта очаровательная пустынная картина съ очаро-

вательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочиталъ нѣсколько разъ, какъ лучшую молитву Создателю этой невыразимой гармоніи въ своемъ безконечномъ мірозданіи. Не доходя укрѣпленія, на каменистомъ пригоркѣ я сѣлъ отдохнуть и, глядя на освѣщенную луной, тоже—каменистую дорогу, я еще разъ прочиталъ:

Выхожу одинъ я на дорогу.
Предо мной кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Отдыхая на камнѣ, я смотрѣлъ на мрачную батарею, высоко рисовавшуюся на скалѣ, и многое-многое вспомнилъ изъ моей прошлой невольничьей жизни. Въ-заключеніе, поблагодарилъ всемогущаго Человѣколюбца, даровавшаго мнѣ силу души и тѣла—пройти этотъ мрачный, тернистый путь, не уязвивъ себя и не унизивъ въ себѣ человѣческаго достоинства.

Успокоивъ себя святою молитвою, я побрелъ тихонько на огородъ, нарушивъ глубокую тишину очаровательной ночи—пѣснію:

Нема въ світі гіршъ пікóму,
Якъ спрóмі молодóму...

Не доходя съ полверсты до огорода (это уже было въ первомъ часу ночи), меня встрѣтилъ *Андрій Обременко* вопросомъ: »Дé це васъ Богъ нóситъ до такóі доби́?«—»У гостяхъ, кажу, бувъ.«—»Та я бачу, що въ гостя́хъ, бо дóбрі лю́де тілько йдучи зъ гостéй, співа́ють.«—Я, какъ-будто не слыша его словъ, запѣлъ:

Идé бага́чъ, идé дукачъ
Пьянъ шата́етця,—
Надъ бідною голóтою
Насміха́етця.

— Та гóді вже вамъ,—перебиваетъ меня ласково Андрій: — идіть лу́чче та покладітця спать...—А я продолжаю:

Оди́нъ ведé за чупри́ну,
Дру́гий сти́ла бье:
Не йди туди́, вра́жий си́ну,
Дé голóта пье!..

Андрій, убѣдившись, что я совершенно пьяный, взялъ меня осторожно подъ руку, привелъ къ вербѣ, разостлалъ свою шинель, нарвалъ и положилъ подъ голову бурьяну, положилъ меня, перекрестилъ и ушолъ. Мнѣ не приходилося разочаровывать ста-

рика въ его богоугодномъ подвигѣ, а тѣмъ болѣе являть передъ нимъ свои лицедѣйскія качества. Я отъ души молча благодарилъ его и, недолго поворочавшись, заснулъ.

29 іюля.

Видѣлъ во снѣ Семена Артемовскаго съ женою, выходящаго отъ обѣдни изъ церкви Покрова: на Сѣнной площади будто разведенъ паркъ, деревья еще молодыя, но огромные; въ-особенности поразилъ меня своею величиною папортникъ: настоящій китайскій ясень. Въ паркѣ встрѣтили Кулиша, тоже съ женой, и вмѣстѣ пошли въ гости къ Михаилу Лазаревскому.

Все, что́ сердцу дорого, сгруппировалось на этотъ разъ въ моемъ сновидѣніи. И еслибъ не проклятые курчата своимъ несноснымъ чекотаньемъ меня разбудили, я непремѣнно бы увидѣлъ еще кого-нибудь изъ дорогихъ моихъ друзей. И мало того что бѣгаютъ около тебя, визжатъ, кокочутъ,—нѣтъ, нужно еще тебѣ на лицо вскочить да за носъ ущипнуть. Счастливъ ты, храбрый молодецъ, что не попался мнѣ подъ руку, а то бы я оторвалъ смѣлую голову, чтобы ты зналъ, какъ клевать добраго человѣка, когда онъ спитъ и видитъ во снѣ такіе отрадныя, милыя сердцу, лица.

Разбуженный такъ-не-кстати чубатенькимъ нахаломъ, я всталъ и ушелъ въ бесѣдку съ твердымъ намѣреніемъ продо́лжить прекрасное видѣніе. Но при всемъ моемъ желаніи, этотъ проэктъ мнѣ не удался. Солнце, которое другой-разъ такъ вяло, медленно подымается изъ-за горизонта, тутъ, какъ на смѣхъ, быстро выскочило, какъ бы желая поощрить безчеловѣчный поступокъ чубатого нахала и поднять на ноги смиренно въ углахъ дремавшихъ мухъ. Дѣлать нѣчего, трудно противу рожна прати; дѣлать нѣчего, я всталъ, уготовалъ себѣ трапезу, т. е. чай, и пошолъ искать человѣколюбиваго Андрія, такъ любовно успокоившаго меня вчера подъ вербою; чтобы столь милосердый подвигъ достойно оцѣнить, я думалъ его попотчивать

Ча́емъ шкля́нкою
И горі́лки ча́ркою.

Но, увы, это доброе намѣреніе мнѣ не удалось! Андрій (чего я никакъ не ожидалъ) спалъ сномъ праведника въ своей темной землянкѣ. Зная изъ недавняго опыта, ка́къ невѣжливо и не хо-

рошо нарушить чужой покой, я оставилъ Андрія въ покоѣ, вполнѣ увѣренный, что старикъ позволилъ себѣ вчера лишнюю чарку, что́ съ нимъ если и случается, то весьма-весьма рѣдко. Артиллерійскій огородникъ, его другъ и товарищъ по землянкѣ, пріятно разсѣялъ мое, несовсѣмъ выгодное, предположеніе въ-отношеніи Андрія. Онъ сказалъ мнѣ, что прошлой ночью Андрій былъ очереднымъ ночнымъ сторожемъ огорода и, разумѣется, во всю ночь не спалъ, — такъ теперь и пополняетъ ущербъ.

Дѣлать нѣчего, шкляпку и горілки чарку отложилъ я до другого разу, а теперъ напишу нѣсколько строкъ въ моемъ журналѣ на память о тебѣ, мой настоящій, простой, благородный землякъ.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ укрѣпленіе, я замѣтилъ въ солдацкой публикѣ (другой публики въ укрѣпленіяхъ не имѣется), въ этой однообразной — — публикѣ, совершенно не солдацкую фигуру. Походка, физіономія, даже *шапка-чабанка*, все въ немъ обличало моего земляка. Спрашиваю, что это за человѣкъ такой? Мнѣ отвѣчаютъ, что это Андрей, госпитальный служитель и *хохолъ*. Этого-то мнѣ и нужно. Физіономія его показалась мнѣ болѣе суровою, нежели вообще у земляковъ моихъ, и потому-то я началъ съ нимъ сближаться издалека и осторожно, удостовѣрившись отъ его ближайшаго начальства, отъ унтеръ-офицера Игнатьева и капитана Б — ова, смотрителя полугоспиталя, что Андрей Оберемепко — примѣрной честности и трезвой жизни человѣкъ. Я началъ искать случая поговорить съ нимъ наединѣ по своему, но онъ какъ-будто-бы замѣтилъ мои маневры и, какъ казалось, старался отклонить отъ себя эту честь. Меня это болѣе подстрекало на сближеніе.

Большую часть безсонныхъ ночей въ Новопетровскомъ укрѣпленіи провелъ я, сидя на крылечкѣ у офицерскаго флигеля. Однажды — это было зимой часу въ третьемъ ночи — сижу я, по своему обыкновенію, на крылечкѣ, смотрю — изъ-за лазаретной кухни выходитъ Андрій. Онъ тогда занималъ должность хлѣбопека и квасника. Завидное мѣсто огородника я ему уже выхлопоталъ. — »А що́, — говорю я, — Андрію, — и тобі ма́буть не спи́тця?« — »Та не спи́тця, матері ёго ковінька«, сказалъ онъ. Я затрепеталъ, услыша его чистый, неиспорченный, родной выговоръ. Я попросилъ его посидѣть *тро́хи* со мною, на что́ онъ неохотно согласился. Разговоръ началъ я, — какъ это обыкновенно и водится между солда-

тами,—спросомъ, которой землякъ губерніи и т. д. На мой спросъ, Андрій отвѣчалъ, что онъ—»губе́рніи Ки́евськоі, повіта Звенигоро́дського, изъ села́ Рі́заноі, *тутъ — коло Ли́сянки, коли́ чува́ли*«, прибавилъ онъ; а я прибавилъ, что нетолько чува́въ, и самъ бува́въ, и въ Ли́сянці, и въ Рі́заній и въ Русѝлівці, и всю́ди. — Однимъ словомъ, оказалось, что мы — самые близкіе земляки. »Я самъ ба́чу«, сказалъ онъ, »що ми свої, та не зна́ю, якъ до васъ приступи́ти, бо ви все то зъ офице́рами, то зъ ляха́ми, то́-що. Якъ тутъ,— ду́маю,— до ёго пидійти́? Мо́же воно́ й самъ яки́й-не́будь ляхъ, та такъ тільки ману́ пуска́е.«—Я принялся снова увѣрять его, что я настоящій его землякъ,—искренно желалъ продолжать разговоръ, но пробило три часа, и онъ ушелъ топить печь для хлѣбовъ и для квасу.

Такъ началося наше личное знакомство съ Андріемъ Оберемѣнкомъ. И чѣмъ далѣе — болѣе узнавали мы другъ друга и болѣе привязывались другъ къ другу. Но наружныя отношенія наши остались тѣ же самые, что́ и въ первое наше свиданіе: онъ себѣ не позволялъ ни одного шагу наружнаго сближенія, ни тѣни искательства, какъ это дѣлали другіе. Подозрѣвая во мнѣ, не знаю почему, богача-земляка и даже родственника коменданта, Андрій, наравнѣ съ другими, вѣрилъ во все это, но при другихъ онъ даже не кланялся со мною, чтобы не подумали другіе, что онъ навязывается ко мнѣ въ друзья. Мѣстомъ нашихъ постоянныхъ свиданій было помянутое крылечко, а время — ночь, когда все, кромѣ перекликавшихся часовыхъ, спало. Невозмутимо холодная, даже суровая наружность его, обличала въ немъ человѣка жосткого, равнодушного. Но это — маска. Онъ страстно любитъ маленькихъ дѣтей, а это вѣрный знакъ сердца кроткаго, незлобиваго. Я часто, какъ живописецъ, любовался его темнобронзовой усатой физіономіей, когда она нѣжно льнула къ розовой щечкѣ младенца. Это была одна, единственная, радость въ его суровой, одинокой жизни. Независимо отъ его простого, благороднаго характера, я полюбилъ его за то, что онъ, впродолженіи двадцатилѣтней солдацкой — — жизни, не опошлилъ и не унизилъ своего національнаго и человѣческаго достоинства. Онъ остался вѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ своей прекрасной національности. А такая черта благородитъ и даже неблагороднаго человѣка. Если мелькали свѣтлыя минуты въ моемъ темномъ долголѣтнемъ заточеніи,

то этими сладкими минутами я обязанъ ему, моему простому, благородному другу, Андрію Оберéменку.

Пошли же тебѣ Господи, мой неизмѣнный друже, скорый конецъ испытанію. И поможи тебѣ Пресвятая Матерь всѣхъ скорбящихъ — пройти эти безводныя пустыни, напиться сладкой днѣпровой воды и вдохнуть въ измученную грудь живительный воздухъ нашей прекрасной, нашей милой родины!

Впродолженіи дня я не видался съ Андріемъ. Передъ вечеромъ пошелъ я нарисовать видъ первой батареи съ того самого мѣста, съ котораго я ночью любовался ею, возвращаясь отъ Мостовскаго. Когда-нибудь сдѣлаю я акварельный рисунокъ. Уже стемнѣло, когда я возвратился на огородъ. Подъ вербою сидѣлъ Андрій и встрѣтилъ меня такимъ вопросомъ: — »А шо ми бу́демъ робúть зъ тúмъ мнúсомъ?« — »Зъ якúмъ?« — »А що на лёді дру́гий день валя́ецця.« — »Соба́камъ ёго́ въкинуть; а якъ не смердúть, то повечéряемъ.«— »Я вже вечéрявъ.« — »А я не хóчу вечéрять«, сказалъ я и уже хотѣлъ идти въ бесѣдку. — »А зна́ете щó?« сказалъ Андрій, останавливая меня.—»Не зна́ю щó.«— »Ходімо зъ отúмъ мнúсомъ за́втра ране́нько въ ба́лку та поснідаемъ до-ладу́.«—»До́бре, ходімо.«—»Та не беріть съ собóю оттого́ цúгана, оттого́ ляха́. Неха́й вінъ ска́зитця.«—»До́бре, не візьмемо нікóго.« — И мы разстались.

---

5 августа.

Въ 5 часовъ вечера приплылъ я на самой утлой рыбачьей ладьѣ въ городъ Астрахань. Все это такъ нечаянно и такъ быстро совершилось, что я едва вѣрю совершившемуся. Я, какъ во снѣ видѣнную, припоминаю теперь прогулку мою въ балку съ Андріемъ Обеременкомъ, послѣ которой на другой день, т. е. 31 іюля, И —і й А — вичъ внезапно согласился дать мнѣ пропускъ прямо въ Петербургъ. На другой же день онъ сдержалъ свое слово, а на третій, т. е. 2 августа, въ 9 часовъ вечера, оставилъ я Новопетровское укрѣпленіе и, послѣ трехдневнаго благополучнаго плаванія по морю и по одному изъ многочисленныхъ рукавовъ Волги, прибылъ въ Астрахань.

ЧОРНОМОРСЬКИЙ ПО́БИТЪ

НА КУБАНІ

МІЖЪ 1794 И 1796 РОКАМИ.

ОПЕРЕТТА Я. Г. КУХАРЕНКА.

НѢСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Украинская словесность развивалась и продолжаетъ развиваться при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Не упоминая о томъ, что́ всѣмъ извѣстно, укажемъ на обстоятельства, такъ-сказать, домашнія, но тѣмъ неменѣе замедляющія литературное развитіе нашего слова, въ различныхъ приложеніяхъ его къ дѣлу жизни. *Енеида*, Котляревскаго, имѣла въ предшествовавшемъ намъ поколѣніи успѣхъ потому, что была для него шуткою; *Наталка-Полтавка* — потому, что была забавою. Самые умные, самые дальновидные люди того времени разсмѣялись бы отъ всего сердца, еслибы имъ сказать, что эта пародія классической поэмы и эта копія съ иноземныхъ опереттъ сдѣлаются начатками особой литературы и получатъ значеніе жизненное, въ связи съ насущными интересами южнорусской народности. Полтава, въ лицѣ Котляревскаго, первая заявила потребность литературы новой — не-Ломоносовской и Державинской — для выраженія того, чѣмъ отличается русскій югъ отъ русскаго сѣвера; но Котляревскій не имѣлъ въ Полтавѣ преемниковъ. Дѣло его не могло быть признано общественнымъ событіемъ въ обществѣ помѣщиковъ, соединявшихся вокругъ такихъ лицъ, какъ князь Куракинъ, князь Лобановъ-Ростовскій и даже князь Репнинъ, людей, относившихся къ Украинѣ офиціально, съ высоты французской образованности и обусловленнаго ихъ общественнымъ положеніемъ взгляда на жизнь. Только въ университетскомъ городѣ, гдѣ

28838/1

существуетъ господство иного рода надъ умами и вкусами, могъ быть оцѣненъ талантъ Котляревскаго съ его серьёзной стороны. Такимъ городомъ явился Харьковъ. Въ Харьковѣ, Артемовскій-Гулакъ и Квитка продóлжили дѣло Котляревскаго, и произведеніями болѣе-художественными придали больше цѣны его начинанію, которое въ наше время, по перспективѣ, представляющейся для украинской литературы, можно назвать начинаніемъ великимъ. Но и тамъ повторилась съ украинской словесностью та же исторія, что́ и въ Полтавѣ. Сдѣланъ былъ нѣсколькими умами шагъ не въ мѣру народно-литературному развитію остального общества. Харьковская публика, равно какъ и дворянская публика всей Украины тогдашней, воспитывалась подъ вліяніемъ петербургской литературы, а на украинскихъ писателей смотрѣла, какъ на талантливыхъ затѣйниковъ. Появленіе Гоголя, который, хотя бралъ предметы для своихъ повѣстей изъ жизни украинской, но писалъ по-великорусски, еще больше отвратило глаза образованныхъ Украинцевъ — говоря вообще — отъ писателей, которые не только вдохновлялись жизнью народа, но находили у него и языкъ для выраженія этой жизни. Такимъ образомъ, словесность наша еще разъ умолкла на родной почвѣ. Понадобился кругъ людей, еще болѣе одушевленныхъ любовью къ народу и вѣрой въ него, еще болѣе человѣчныхъ, для того, чтобы дѣло Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака и Квитки не осталось мимолетною затѣею. Явился въ Петербургѣ Шевченко и началъ свое дѣло непосредственно съ того, на чемъ, можно сказать, покончила чисто народная наша муза. Прелесть его стиха, глубина его чувства были неотразимы, а главное—вокругъ него было побольше свободно-мыслящихъ Украинцевъ — въ Петербургѣ, чѣмъ вокругъ его предшественниковъ—на Украинѣ. Извѣстно, въ какой нравственной зависимости отъ столицы были вкусъ и понятія жителей Украины сороковыхъ годовъ. Петербургскіе люди, высоко оцѣнившіе Шевченка, больше имѣли вліянія на своихъ провинціальныхъ земляковъ, нежели въ свое время Полтавцы и Харьковцы, хотя, съ другой стороны, Шевченко тронулъ такія струны, къ которымъ многіе, и независимо отъ Петербурга, не могли остаться равнодушны. Невзгоды внѣшнія, сопровождавшія развитіе музы Шевченка, сдѣлали ее еще дороже для Украинцевъ. Литература наша наконецъ утвердилась на своихъ народныхъ началахъ. Но не объ этомъ у насъ будетъ рѣчь.

Въ то время, когда въ Полтавѣ умолкалъ Котляревскій посреди общества, воспитывавшагося подъ вліяніемъ чужихъ стихій; въ то время, когда Харьковъ заявилъ разочарованіе свое въ состоятельности родного

слова перомъ самого Квитки, который, склонясь на увѣщанія столичныхъ аристарховъ, унизилъ свой самобытный талантъ плохими повѣстями на чуждомъ для него языкѣ, во вкусѣ тогдашнихъ журнальныхъ романовъ; въ то время, когда самъ Шевченко жаловался въ прекрасномъ предисловіи своемъ къ *Гайдамакамъ*, что грамотѣи осмѣиваютъ его независимую народную музу, — на разныхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга пунктахъ земли южнорусской, многіе продолжали попытку идти слѣдомъ то́ за Котляревскимъ, то́ за Квиткою, то́ за Шевченкомъ; но препятствія къ развитію украинской литературы были слишкомъ велики и многочисленны. Они лежали не только въ обязательно-методическомъ образованіи нашихъ грамотныхъ людей, не только въ нажитыхъ цѣлыми столѣтіями предразсудкахъ въ родѣ тѣхъ, какія проповѣдываются нынѣ въ московскомъ *Днѣ*, но и въ личныхъ свойствахъ людей, которые на время являлись какъ-бы передовиками украинскаго движенія. Не обременяя читателей исчисленіемъ разныхъ случаевъ и явленій, которыя парализовали литературную дѣятельность начинавшихъ писать по-украински, доведемъ на этотъ разъ до свѣдѣнія нашего общества объ оставшихся доселѣ въ неизвѣстности попыткахъ о безуспѣшныхъ доселѣ попыткахъ одного изъ даровитыхъ нашихъ соотечественниковъ, Я. Г. Кухаренка — высказаться печатно въ печатномъ украинскомъ словѣ (1).

Четверть столѣтія назадъ, именно въ 1836 году, г. Кухаренко написалъ оперетту *Чорномо́рський По́битъ*, и донынѣ только весьма немногіе изъ насъ знали о ея существованіи. Покойный Шевченко очень хвалилъ эту пьесу, самъ отдалъ ее, въ 1842 г., въ цензуру и желалъ видѣть ее въ печати; но сочиненія на украинскомъ языкѣ въ то время съ трудомъ находили для себя издателей, такъ-какъ наша по-преимуществу простонародная публика, состоя изъ людей небогатыхъ, едва-едва поддерживаетъ наши книги такъ, чтобы издатель не былъ въ убыткѣ. Уже одно это печальное обстоятельство парализуетъ у насъ литературную дѣятельность способныхъ людей; но г. Кухаренко встрѣтилъ еще другую помѣху дальнѣйшимъ своимъ занятіямъ украинскою словесностію: именно — неудачное знакомство съ однимъ изъ тѣхъ господъ, которые, какъ литературные Плюшкины, любятъ класть подъ-спудъ все, что́ ни попадетъ къ нимъ въ руки. Много разъ пробовалъ онъ свое перо и посылалъ пробы къ своему харьковскому пріятелю

(1) Читатели *Основы* уже знакомы съ нимъ нѣсколько по прекрасному его разсказу: *Вороний Кінь*, помѣщенному въ X-й книжкѣ. *Ред.*

для печати... Напрасный трудъ, тщетное ожиданіе: втеченіе многихъ лѣтъ, ни одна строка не была предана тисненію! Безвкусіе ли этого господина было тому причиною, равнодушіе ли его къ движенію украинской словесности, или что-нибудь особенное, одному ему свойственное, — мы не беремся рѣшить; но г. Кухаренко, живя въ Черноморіи и видя въ немъ, изъ своего далека, передового человѣка (что́ было большо́ю ошибкою), да притомъ и передоваго Украинца (что́ было ошибкою еще бо́льшею), естественно долженъ былъ придти къ мысли о слабости своего таланта и недостаточности литературнаго своего образованія. Такимъ-образомъ, уплыло четверть столѣтія съ того времени, какъ онъ, въ первомъ своемъ опытѣ, обнаружилъ несомнѣнное призваніе къ литературной дѣятельности, которая, при другихъ обстоятельствахъ, при болѣе счастливомъ знакомствѣ съ людьми пишущими, могла бы быть весьма замѣчательною, а можетъ быть и блистательною. Немногіе начинали такимъ значительнымъ для перваго опыта произведеніемъ, какъ *Чорномо́рський По̀битъ*, и притомъ — въ какое время и въ какомъ мѣстѣ! Находясь въ такомъ отдаленіи отъ большихъ городовъ и театра, авторъ долженъ былъ почувствовать сильное влеченіе къ драматическому искусству, чтобы рѣшиться на сочиненіе подобной пьесы. Какъ не пожалѣть, что земля, заселенная Украинцами, всё еще не болѣе, какъ пустыня, едва-едва охваченная движеніемъ только самыхъ первыхъ, самыхъ насущныхъ человѣческихъ потребностей и интересовъ! Но, вмѣсто того, чтобы сѣтовать о томъ, чего мы не въ силахъ поправить, обратимъ вниманіе читателей на то, что́, какъ самородный цвѣтокъ, появилось въ этой пустынѣ, не смотря ни на какія невзгоды.

Чорномо́рський По́битъ г. Кухаренка представляетъ время первоначальнаго заселенія прикубанскихъ равнинъ остатками разбѣжавшихся Запорожцевъ и другими выходцами изъ Украины (которая, замѣтимъ, у этихъ переселенцевъ, въ ихъ воспоминаніяхъ, называлась и донынѣ называется *Русью*, и этимъ именемъ различается отъ Великороссіи). Нравы и обычаи тогдашней Черноморіи были вообще тѣ же самые, что́ и въ украинской Руси, но отличались нѣкоторою грубостью, по причинѣ рѣзкости характеровъ, которые выдавались изъ массы населенія и не рѣдко были съ ними въ разладѣ. Тутъ, между прочимъ, запорожская привычка къ бурлацкой, безженной жизни столкнулась съ необходимостію жениться и вести жизнь семейную; и такъ какъ мѣстныя власти прилагали попеченіе о размноженіи семействъ, то брачные союзы заключались иногда невзначай, безъ соблюденія всѣхъ обычаевъ

и обрядовъ, которыми они сопровождались и сопровождаются въ Украинѣ. Самые священники черноморскіе были, такъ-сказать, импровизированнымъ духовенствомъ. Черноморія подлежала въ то время вѣдомству Ѳеодосійскаго епископа. Довольно было аттестаціи со стороны старшины черноморской, чтобы присланный къ нему грамотный козакъ былъ рукоположенъ въ іереи. Такъ-какъ черноморскіе козаки головы и бороды брили, оставляя только чубъ и усы, то долго еще послѣ рукоположенія сохраняли воинственный видъ свой; но это не мѣшало прихожанамъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тою же увѣренностію въ дѣйствительности ихъ служенія, какъ и къ старымъ попамъ. Случалось и такъ еще, что войсковая старшина, видя стараго, заслуженнаго козака неисправимымъ въ задорной, безпокойной для общества, жизни, приговаривала его, въ видахъ исправленія нравственности, къ рукоположенію въ священники. Разсчетъ здѣсь былъ тотъ, что козакъ, уважая въ себѣ духовный санъ, опомнится и начнетъ вести жизнь порядочную. И дѣйствительно, не было, говорятъ, примѣра, чтобы поставленный такимъ-образомъ попъ не оставилъ своихъ дурныхъ привычекъ (1). Эти-то и другія подобныя черты черноморскихъ нравовъ и обычаевъ представлены г. Кухаренкомъ, въ его очень интересной и очень живой, характерной пьесѣ, съ замѣчательнымъ пониманіемъ сценическаго искусства. Въ числѣ, покамѣсть немногихъ, драматическихъ сочиненій на украинскомъ языкѣ, *Чорномо́рський По́битъ* будетъ драгоцѣннымъ подаркомъ для украинскаго театра. Это, впрочемъ, покажетъ опытъ. Мы только считали долгомъ своимъ познакомить читателей *Основы* съ талантливымъ авторомъ, столь долго остававшимся въ неизвѣстности, и поставить ихъ на точку зрѣнія, съ которой должно разсматривать предлагаемую пьесу, какъ произведеніе извѣстнаго времени и мѣста.

П. Кулишъ.

---

(1) Не должно упускать изъ виду, что старинное образованіе украинское основывалось на изученіи церковнаго устава, (большею частію этимъ и ограничивалось); а потому, каждый старшина былъ достаточно приготовленъ къ отправленію богослуженія въ священническомъ санѣ.

ЧОРНОМОРСЬКИЙ ПО́БИТЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВА.

ДІЄВІ ЛЮДЕ:

Ки́тишний сотникъ Тупи́ця.
Иванъ Прудки́й, коза́къ.
Илько́, братъ Прудко́го.
Явдо́ха Драби́ниха, вдова́.
Маруся, її дочка́.
Бори́съ Цвіркунъ.
Івга Цвіркунка.
Каби́ця, коза́къ, Незама́ївський курінний.
Кули́на, ёго́ полюбо́вница.
Игнатъ Очкурня́, робітникъ Тупи́ці.
Пріська Притулівна.
Парубки́ и дівча́та.

ДІЯ ПЕРВА.

Обстано́ва пока́зуе зсере́дини ха́ту вдови́ Драби́нихи и збо́ку две́рі въ хи́жу.

I.

Маруся, *си́дя на ла́ві пряде́ и співа́е.*

Боли́ть моя́ голо́вовька
Відъ са́мого чо́ла:
Не ба́чила мило́нького
Сёго́дні и вчо́ра.
Ой ба́читця, не журю́ся,
Въ ту́гу не вдаю́ся;
А якъ ви́йду за воро́та,
Одъ вітру валю́ся.
Ой ба́читця, що не пла́чу —
Се́рце замира́е,
Якъ згадаю́, що Ива́на
И до́се нема́е.
Нема́ мого мило́нького,
Нема́ мого со́нця!

Ні съ кимъ мині розмовля́ти,
Си́дя у вікони́ці!
Нема́ мого́ миле́нького,
Що ка́рі о́чі,
Ра́да бъ его́ дожида́ти
До те́мної но́чи!..
Нема́ мого́ миле́нького!
Нема́ его́ ту́та;
Вже поросла́ по слідо́чку
Шавлія та ру́та!..
Зелене́нький барвіночку,
Стелйся низе́нько!
А ти, ми́лий, чорнобри́вий!
Прили́ни швиде́нько.
Зелене́нький барвіночку!
Стелйся ще й ни́зче,
А ти, ми́лий, чорнобри́вий!
Прили́ни ще й шви́дче.

Охъ, Ива́не, Йва́не! мій голу́боньку си́зий! де ти такъ до́вго ба́рисся? скільки днівъ я тебе́ жда́ла, щобъ поба́читьця съ тобо́ю, та росказа́ти тобі, що моя́ ма́ти ча́сто до сусідівъ хо́дить та все роспи́туетця про яко́гось па́рубка: либо́нь хо́че мене́ відда́ти за его́ за́міжъ. Хто вінъ, яки́й вінъ,— не зна́ю и не ба́чила. Не приведи́, Го́споди, якъ Ива́нъ заіхавъ куди́ дале́ко, а ма́ти захо́дятця мене́ відава́ти за дру́гого, за яко́го не́люба! Я бъ імъ и сказа́ла, що люблю́ Ива́на, такъ що́ жъ?.. крий Боже, які вони́ серди́ті!... Тя́жко бою́сь ма́тери, щобъ.... *(Заду́муетця.)*

II.

Иванъ, *зовсімъ приору́жений, вхо́дить.* Добри́ вечіръ, Мару́сю!

Маруся, *зрадівши.* Се́рденько Ива́не! Чи ще ти живе́нький! *(Попу́рилась, мовъ се́рдитця).* Ну, до́брий же ти! відцура́вся зовсімъ мене́. Скільки я днівъ дожида́ю тебе́, таки́ ні слу́ху ні вісточки нема́; хоть би́ твій братъ Илько́ прийшо́въ сказа́ти: де ти и що́ ро́бишъ?

Иванъ. Ви́неньъ, ви́неньъ, моя голу́бочко. Я до́ма не бувъ. Оце́ неда́вно приіхавъ зъ Васюри́нської, та й уня́ть прощай!

Маруся, *здивова́вшись.* Куди́жъ то?

Иванъ Підемо съ товари́ствомъ за Куба́нь, чи не роздобу́демо чого́...

Маруся, *жа́лібно.* Такъ и е́! Уже́ жъ ти мене́, ма́буть, и не заста́нешъ!...

Иванъ, *съ тривогою*. Якъ се такъ, Марусю?

Маруся. Моя мати хотять, либонь, за когось мене віддати замiжъ....

Иванъ. Якимъ-би-то побитомъ? И за кого?

Маруся. Я й сама не знаю, а такъ догадуюсь, бо вони частенько ходять до сусідівъ совітоватись, та й готують усе, що треба для весілля....

Иванъ. Потрівай же, Марусю! я побіжу на-часокъ та покличу сюди мого хрищеного батька, сотника Тупицю, бо вінъ мене зъ козаками випроважа за Кубань, та ось тутъ зразъ, на улиці и дожидается. Я оце відъ його до тебе забігъ на часочокъ, щобъ попрощатись; а се таке діло, що якъ я тутъ не буду, то треба вже ему знати, що и якъ, и до чого? Бо вінъ чоловікъ такий, що поможе. Ти, Марусю, не крийся передъ нимъ ні въ чімъ. Вінъ мині той же рідний батько и чоловікъ у всему тямущий: чи ружа спортить, або направить,—відъ кулі, відъ гадюки, уроківъ, заговорівъ,—відъ любощівъ, не-любощівъ, сказано—характерникъ, та й годі. Отъ я зразъ. *(Підходить до дверей, відчиня іхъ и кличе.)* Тату! тату.

Тупиця, *за дверима*. А що тамъ?

Иванъ. Ідіть лишъ, будьте ласкові, сюди: мині до васъ діло е!

Тупиця, *не входячи*. Та й зразъ!

Иванъ, *до Марусі*. Ось вінъ зразъ прийде. Не журись, Марусю: усе гаразъ буде.

Маруся. Дай Боже, щобъ усе гаразъ було; а лучче всёго, якъ-би ти остався дома....

III.

Тупиця. Помагай Бігъ, діти! Будьте здорові съ тимъ, що сёгодня!

Маруся, *кланяетця низько*. Спасибі, добродію!

Тупиця, *до Івана*. Чи оце твоя й дівчина, Иване?

Иванъ. Оце жъ, тату, й вона.

Тупиця, *любуетця*. Годитця, сину! хороша! дуже хороша дівка! *(До Марусі.)* А мати жъ твоя де?

Маруся. Пішли десь до сусідівъ.

Иванъ. Та тутъ, тату, щось у ії матері коітця таке... *(До Марусі)*. Ось роскажи, Марусю!

Тупиця. А ну, дочко, роскажи, то й я послухаю.

Маруся, *утупивши очі въ землю*. Та то, добродію, я казала Іванові, що моя мати ходять часто до сусідівъ, та роспитують про якогось парубка: хотять, либонь, мене заміжъ віддати за єго; а тутъ ще Іванъ якъ сказавъ, що й самъ йде зъ козаками за Кубань... *(крізъ слёзи)* то вже, мабуть, мині за нимъ и не бути, бо въ мене мати такі сердиті, що крий Боже! Якъ мині по правді сказати, що я люблю Івана, то....

Тупиця. Сёго, дочко, не журися! Нехай-таки Іванъ іде собі съ товариствомъ до тихъ еретичихъ Черкесівъ, бо вінъ козакъ, ёго така стать.... Отъ якъ ми колись були въ старій Січі, то відтіль було ходимо добуватьця до Татаръ, або до Ляхівъ; а що ті прокляті Жиди, то було не попадайсь нашому братові. Витрусимо кишені! А тутъ більшъ нікуди кинутись, тілько до сихъ шолудивихъ Черкесівъ, то хоть скотини або коней чи не добудутца хлопці. Нехай собі ідуть зъ Богомъ! А про те, що тебе мати за другого віддасть заміжъ, то сёго чортъ ёго матиме. Ти знай Івана, а Іванъ тебе, та й годі... Та по чімъ же се ти, дочко, міркуешъ, що мати хоче тебе віддати заміжъ? Може, вона такъ ходить до сусідівъ?

Маруся. Э, ні, добродію! Вони їздили въ городъ, та й накупили ситцю на дві спідниці, червоної байки на юпку; платківъ, скиндячокъ; ковки (1) и дукачъ; та й приказують, щобъ швидче рушниківъ дошивала....

Тупиця. Трохи воно на те й походило.... Ну, та дарма! Чи ти знаешъ Іванового брата Илька?

Маруся. А якъ же? знаю.

Тупиця. Отъ же то гляди. Вінъ буде часто до тебе навідуватись, такъ яково що — то ти ёму скажешъ, що у васъ діятиметця, а вінъ мині, то я вже зразъ и запрявлю всима чортами, та й буде понашому...

Маруся. Дай, Боже, добродію, щобъ такъ було, якъ ви кажете! Ми за васъ до-віку будемо Бога молити.

Тупиця, *обернувшись до Івана; а Маруся між тимъ виходить за двері подивитьця, чи не йде її мати.* Та й ти, сину, не сумуй, мовъ собака въ човні, а якъ трапитця тобі оце за Кубанню, то воюй добре, щобъ вражихъ Черкесъ оджахнути.

Іванъ. Та объ сімъ, тату, й говорить нічого: не такъ вони намъ допекли, щобъ іхъ милувати! Тепера коня або вола и не думай випустить за слободу на нашу, бо такъ зразъ и підхоплять; а скілько бідныхъ ді-

(1) Серёжки.

тéй вонú перетягáли въ невóлю на той бíкъ Кубáні!... Такъ якúй же íхъ чортъ пíсля сёго мúлуватиме?

Тупúця. Ото жъ то й воно́, сúнку! А про Марýсю не турбýйся: се вже моé дíло. Хибá жъ мині первúна ворóчать по-своéму?

IV.

Маруся *вхóдить*. Мáтері що й дóсі не вúдко.

Тупúця. Підý лишъ я ще до козáківъ, та дé-що зъ нúми почурýкаю, а ви попрощáйтесь любéнько, та не бíйтесь нічóго: все гарáздъ бýде. *(Вихóдячи)*. Не гáйся жъ, сúну, дóвго, щобъ тебé козакú не дожидáлись; бо на двóрі вéчіръ, а вамъ трéба хýтко повернýтись зъ-за Кубáні.

Иванъ. Зáразъ, тáту, зáразъ! Не забарюсь!

Маруся. Дóбре, як-бú Богъ давъ такъ, якъ панъ сóтникъ обіщáється; отъ же мині щось не вíритця.

Иванъ. Чомý? На кóго жъ и понадíятись намъ съ тобóю, якъ не на ёго?.. Ну, прощáй же, моя Марýсенько! Прощáй, моя зíрочко! Зоставáйся здорóва, та не скучáй безъ мéне! *(Марýся плáче)*. Гóді жъ, гóді тобí плáкати, Мáрусю! ти — козáцька дочкá; а я козáкъ: чогó жъ намъ журúтись? Якъ Богъ помóже побúть вóрога Черкéса, та вернýтьця благополýчно до-дóму, то тодí бýдемо щаслúві; тодí вже поберемóсь, та бýдемо жúти й Бóга хвалúти, а тепéръ же трéба козакувáти, а тобí до сёго дíла заздалúгоди привикáти. Этъ се не остáння такá розлýка; се бýде частéнько: на те грянúця. Зоставáйся жъ здорóва, Марýсенько! та готýй тимъ чáсомъ рушникú.

Маруся. И вже!.. на щó íхъ готувáти? хибá щобъ булó чимъ слёзи утирáти... Ти пíдешъ за Кубáнь, та абó жъ забýдешъ свою Марýсю, що тебé щúримъ сéрцемъ любúть, абó жъ не вéрнесся!..

Иванъ. Гріхъ тобí, моя́сочко, такъ объ мині дýмати: я йду за Кубáнь, а сéрце моé тутъ у тéбе зостаéтця! А те, що не вернýсь, якъ убъютъ еретúчі Черкéси, то се въ Бóжій волí! Вінъ намъ пóмічъ и защúта! Зъ нимъ ми и підъ Очáківъ ходúли, Березáнь взялú, Шмаíлівъ, — тимъ собí й зéмлю Чорномóрську здобулú. А тó що жъ би булó, якбú на вóйну не ходúли? Розбíглись би зъ Старóі Сíчи, якъ руді мúші, та й гóді. Опъ бачъ співáють *(співáє)*:

Ой летíла бóмба зъ Москóвського пóля,
Та посередъ Сíчи впáла:

Ой хочъ пропа́ло сла́вне Запоро́жжя,
Такъ не пропа́ла сла́ва!

Оцю́-то сла́ву и намъ тре́ба підніра́ти. Дай мінї, Мару́сенько, тілько сло́во та білу ру́чку, що ти ні за ко́го не підешъ, по́ки я верну́сь изза Кубані, то мінї й воюва́тись бу́де ве́село, а побивши Черке́съ, за́разъ и прилечу́ до те́бе!..

Маруся, *подає́ ёму́ ру́ку*. Огъ тобі, Ива́не, рука́ мой! *(Притиснувши ёго́ ру́ку до се́рця)*. Отъ тобі мое́ се́рце! Ні за ко́го не піду́, по́ки ве́рнесся.

Иванъ, *пригорнувши Мару́сю до се́рця*. Проща́й же! проща́й, мой лю́ба! Будь щасли́ва, та не жури́сь, — а я не забарю́сь.

V.

Илько. А ну, бра́те Йва́не! иди́ швидче! товари́ство на ко́няхъ сиди́ть, давно тебе́ дожида́етця; та й ста́рий Тупи́ця гри́мае на те́бе.

Иванъ. За́разъ, бра́те Ильку! за́разъ! за мно́ю діло не ста́не *(До Мару́сі)*. Проща́й же! проща́й, ми́ла Мару́сенько! проща́й! *(Маруся смутна́, проважа́е зъ Илько́мъ Ива́на до две́рей. Тілько що вінъ вийшовъ за две́рі, Мару́ся, поклони́вшись ёму́, верта́етця до ко́ну, тихе́нько, заду́мавшись. За лашту́нками коза́цький го́мінъ)*: Гай, гай, коза́че! Якъ ти до́вго збира́есся!

Иванъ, *за лашту́нками*. Нічо́го, нічо́го, пани́-молодці! я відъ васъ не одста́ну.

Маруся *вбива́етця*, *ла́мле ру́ки*, *хо́дячи по ко́ну*.

Илько́. Чого́ ти, Мару́сю, жу́рисся? Диви́сь! козаки́ сидя́ть на ко́няхъ, якъ орли́; а ко́ні и землі підъ собо́ю не чу́ють; а въ бра́та Ива́на, диви́сь! кінь ворони́й, самъ коза́къ моло́ди́й, ажъ диви́тись лю́бо. Заспіва́ю ёму́ хоть пісні на доро́гу. *(Співа́е)*.

Иде́ коза́къ за Куба́нь,
Прі́одя́гся такъ, якъ панъ,
Зъ се́бе бра́вий,
Ко́нькъ жва́вий, —
Хоть куди́ коза́къ!

Сла́вне життя́ коза́цьке! Якъ сівъ на коня́, та й и ввесь тутъ; де схотівъ, тамъ и ставъ. Эхъ, коли́ то я діжду́ того́ ща́стя! Отъ же слу́хай:

либо́нь ідуть... *(За лашту́нками тупотя́ть ко́ні. Козаки́ співа́ють):*

Засвиста́ли коза́ченьки
  Въ похо́дъ съ полупо́чи,
Запла́кала Мару́сенька
  Свої я́сні о́чі.
Не плачъ, не плачъ, Мару́сенько!
  Не плачъ, не журя́ся.
За своє́го мале́нького
  Бо́гу помоля́ся.
Стоіть місяць надъ горо́ю,
  А со́нця нема́е;
Ма́ти сы́на въ доріженьку
  Слізно проважа́е:
Прощай, ми́лий мій сы́почку,
  Та не забавля́йся,—
Чрезъ чоти́рі неділеньки
  До до́му верта́йся.
Ой радъ би я, мату́сенько,
  Скоріше верну́тьця,
Та́ щось кінь мій воронє́нький
  Въ воро́тяхъ спіткну́вся.
Ой Богъ зна́е, коли́ верну́сь,
  Въ яку́ю годи́ну.
Прийми́ жъ мою́ Мару́сеньку
  Якъ рідну дити́ну!
Прийми жъ її, мату́сенько!
  Всі у Бо́жій во́лі:
Ой Богъ зна́е, чи живъ верну́вся,
  Чи ля́жу на по́лі.

Коза́цька пісня ти́хшае, ти́хшае... Тимъ ча́сомъ Мару́ся, на кону́, лама́е ру́ки, пла́че и мовъ мо́литця, підніма́е вго́ру ру́ки; то прийде до двере́й, то ве́рнетця до ко́ну и гірко заріда́е, то мовъ схаменє́тця. Илько́ потіша́е її.

VI.

Явдоха *въ се время вхо́дить и, не розчу́мавши іхъ рече́й, зкоми́зилась та зъсе́рцемъ їй ка́же:* Чого́ се ти, до́ню, тутъ съ па́рубкомъ стоішъ? *(До Илька́)* А ти, божевільний, чого́ сюди́ вбра́вся?

Илько́. Та такъ, панімату́сю! Козаки́ збіра́лись за Куба́нь, такъ я бра́та провожа́въ.

Явдоха. Глядѝ лишъ, Ильку! Я давно́ чу́ла про те́бе, що де до́світки, де вечірни́ці, де дівча́та на у́лиці зберу́тця, то ти тамъ вродѝвся. Идѝ собі, звідкіля́ прийшо́въ, та не ходѝ до насъ бі́льше.

Илько. Та й піду́, коли́ ви на ме́не се́рдитесь *(гаетця)*.

Явдоха. Идѝ, таки́ идѝ! *(розсердилась)* Ось тобі́ и две́рі, негі́дний сы́ну! *(за плече́ та въ две́рі)*. Отудѝ къ бі́су! Якъ то тепе́ръ на світі ста́ло! у насъ, въ старовину́, то ще такі́ парубки́ и не ду́мають про дівоцъ, а дівці такі́й и въ го́лову не прихо́дило съ парубка́ми водѝтись, не такъ, якъ тепе́ръ!

Маруся. Що се ви, ма́мо! Богъ зъ ва́ми! я́къ се ви на ме́не ка́жете? Хиба́ жъ я въ васъ яка́?

Явдоха. Та до яко́го ча́су ще дити́на, такъ якъ и тре́ба; а все-таки́ не годи́тця съ парубка́ми якша́тись. Отъ уже́ й лю́ди трапля́ютця, — отъ уже́ й за́міжъ пора́.

Маруся. Які́ тамъ, ма́мо, лю́ди?

Явдоха. Харько́ Кабиця.

Маруся, *сама́ собі*. Ка́жуть лю́ди, що се́рце вищу́нъ, то й пра́вда *(До ма́тери)* Яки́й, ма́мо, Кабиця?

Явдоха. Незайма́ївський! А я́къ би ти сказа́ла?

Маруся. Я? я бъ сказа́ла пря́мо, що не піду́ за ёго.

Явдоха. Чому́? *(сама́ собі)* Такъ и е, що кля́тий Илько́ обчеркну́въ ії ку́рячимъ зу́бомъ!...

Маруся. Вінъ, ма́мо, стари́й та серди́тий, а ще якъ оже́нитця, то бу́де ревни́вий. Та вінъ мені и зовсі́мъ не вподо́бавсь.

Явдоха. Отъ бачъ, що ти дурна́ еси́! ти ёго́ не зна́ешъ, та й варня́каешъ, що тобі на язикъ наверзе́тця. Вінъ хоть и старе́нький, такъ розу́мний и бага́тий ду́же, вінъ ще зъ-пі́дъ Шмаїлова принісъ бага́цько гро́шей, та все черві́нці.

Маруся. Коли́ вінъ, ма́мо, бага́тий, то неха́й собі шука́ убо́гої дівки, бо бага́та по до́брій во́лі за ёго не піде. А сёго́ ще ви не зна́ете, що прііхала Кули́на Кочугу́рівна? Вона́ того́ Кабицю, що ви ка́жете, ще въ Сама́рі передъ ро́змиромъ полюби́ла и вінъ обіща́въ зъ не́ю оженитись: божи́вся, кля́вся та й поки́нувъ. Вона́ ёму́ вірила и, якъ свата́ли до́брі люди, то й відка́зувала; а якъ же вінъ ії поки́нувъ, то вона́ бъ ра́да и за погане́нького чоловіка пі́ти за́міжъ, такъ не трапля́етця. Тепе́ръ вона́ бі́дна ажъ сюди́ за нимъ прийшла́, такъ що́ жъ? кля́тий Кабиця и диви́тьця на не́ї бі́дну не хо́че.

Явдоха. Ти еси́ дурна́, до́чко! що́ ти ме́лешъ? Се все бре[illegible]

говóри. Слýхай лишъ сюди́: Каби́ця вже ви́служивсь, въ одстáвці, бýде жи́ти дóма, хазя́йство держáтиме и худóбу доглядáтиме; а зъ молодóго щó? усé гони́тимуть: тó за Кубáнь, тó на кордóни, абó де въ далéкий похóдъ. Та отъ не далéко сказáть, якъ твій бáтько: аджé пішóвъ зъ кошови́мъ Чепігою въ Пóльщу, та тамъ и голóвку положи́въ; а тутъ чýтка, що військови́й суддя́ Головáтий піде въ Пéрсію—отъ и цілýйся изъ своімъ молоди́мъ, яки́й тамъ у тéбе на прикмéті. Тепéръ тілко за стари́мъ и пожи́ти. Гóді жъ, гóді не знать объ чімъ сумувáти. Опісля́ й самá бýдешъ рáда такóму чоловікові. Ви́кинь лишъ дуръ зъ голови́ та йди лягáй спáти, бо зáвтра трéба ранéнько встáти та дé-що зготóвити, бо врáнці й старости́ при́йдуть, то щобъ булó іхъ чимъ приня́ти. Охъ! я такъ нóги натоми́ла зá день, що наси́лу хожý! Підý лишъ ля́жу спáти, та й ти не гáйся; гаси́ каганéць, та й самá лягáй скòріше!.. Охъ! *(Ви́йшла).*

Маруся, *однá.* О мáмо, мáмо! гріхъ тобі обіжáти такъ дочкý свою́! Якъ мині на світі Каби́цю люби́ти, коли́ моі óчі зъ ёгó очи́ма не згля́нутця, и сéрце до ёго не обéрнетця? Щó мині тепéръ у світі Бóжому роби́ти? де мині дітись?

Въ хи́жі чýті гóлосъ Каби́ці:

Та ну, къ чóрту! иди́, кажý тобі! бýдешъ моімъ стáростою.

Маруся. Охъ, мині ли́хо! се. либóнь, идé до насъ Каби́ця! Побіжý скоріше въ малý хáту та засýну двéрі, бо вінъ и туди́ влóмитця. *(Вибігла).*

VII.

КАБИЦЯ *и* ОЧКУРНЯ, *вхóдять — підъ чáркою пáдто.*

Каби́ця, *приспівуючи:*

Ой здорóва, дівчи́нонько! чи ти спишъ?
Ке лишъ мині паляни́цю, абó книшъ!
— Паляни́цю, козáченьку, я бъ далá,
Такъ ще жъ тобі мякéнькоі не спеклá.

(Оглядáетця кругóмъ). Эгé! Щó за врáжа мáти? немá нікóго въ хáті! Невжé такъ рáно полягáли спáти? *(Підхóдить до дверéй и прóбуе).* Такъ и е! двéрі запéрті. Отъ тобі й книшъ! Отъ тобі й змóвини! *(До Очкурні)* А щó, Гнáте! якъ дýмаешъ? чи не торóхнуть лишъ мині лóбомъ у двéрі такъ, щобъ вони́ на дванáдцятеро розтрощи́лись? Диви́сь пакъ! сплять собі та й гáдки не мáють, а я й дóсі не вмóвився зъ дівкою.

Очкурня́. Та цуръ імъ! неха́й сплять! Ще й за́втра вспіешъ побала́кати; ато́ щобъ стара́ Драбу́ниха не зкоми́зилась съ просо́ння, то й пра́ця твоя́ пропаде́ ні за поню́хъ таба́ки.

Кабиця. А що́ ти ду́маешъ? и се пра́вда! Та потрива́й лишъ: я послу́хаю; мо́же, воня́ ще не сплять, а базікають объ чімъ-не́будь *(Підхо́дить до двере́й, наставля́е у́хо и слу́хае)*. Эге́! сону́ть!.. Ого́! Драбу́ниха крізъ сонъ щось забелькота́ла! Гмъ, дій его́ че́сти! Ну, нічого робить, неха́й сплять *(Одхо́дить)*. Ну, та й тя́жко жъ Мару́ся здиха́е! *(Заду́муетця)*

Очкурня́, *про себе, глузу́ючи*. Відъ то́го, що лю́бить тебе́, якъ соба́ка па́лицю. *(До Кабиці)* Ото́, щобъ ти знавъ, Ха́рьку, вона́ за́міжъ хо́че, такъ ій и верзе́тця со́нній про яко́го-не́будь па́рубка.

Кабиця. Уже жъ не про яко́го, якъ про ме́не, бо вона́ мене́ давно́ вже полюби́ла, — ще на тімъ ти́жні, отоді, зна́ешъ, якъ ми съ тобо́ю відъ шинка́рки Горпи́ни музи́къ вели́, а я попе́реду танцюва́въ, співа́ючи:

По доро́зі жукъ, жукъ,
По доро́зі чо́рний,—
Подиви́ся, дівчи́понько,
Яки́й я мото́рний!

А вона́, якъ поба́чила мене́, та тілко кихъ! кихъ! кихъ! А я за́разъ на усъ и закрути́въ, та й кажу́ собі мо́вчки: оце́ жъ, ма́буть, вона́ въ ме́не вля́палась небо́га! А въ само́го, голу́бчику, нена́че комашня́ по-за шку́рою полізла, якъ гля́нувъ на Мару́сю, та після́ то́го мовъ тале́нний хожу́: не йде зъ ду́мки, та й го́ді, такъ и тя́гне до не́і; такъ що́ жъ? Стара́ зовсімъ рішила́, що віддасть дочку́ за ме́не, а зъ молодо́ю ще після́ то́го не ба́чився ні ра́зу.

Очкурня́ *самъ собі*. Бачъ, га́спидський Кабиця, якъ розманіжився! нена́че молоде́нький! Піддрочу́ лишъ я его́. *(До Кабиці)*. Ой гляди́, Ха́рьку, щобъ вона́ и́ноді не попо́штувала тебе́ пече́нимъ ра́комъ!

Кабиця, *здивува́вшись*. Пече́нимъ ра́комъ? я́къ то такъ?

Очкурня́. Си́річъ, щобъ одвірка тобі не показа́ла. Ти, ма́буть, ще не чувъ, що я й самъ залиця́вся за не́і и вона́ мині приzна́лась, що мене́ лю́бить и піде за ме́не за́міжъ.

Кабиця, *здо́дзкавшись*. За те́бе за́міжъ! та що́ се ти, га́спидівъ Очку́ря? та я зъ тебе́ духъ ви́бью, та я тебе́ зувічу́, якъ соба́ку! та я тебе́ въ три погибелі зверну́, що й піръя на тобі не оста́нетця! Чи тако́му жъ бридко́му, якъ ти, жени́тися зъ Мару́сею? Подивись на се́бе, неотесо! адже́ жъ ти пога́ніший відъ...

Очкурня́ *поквóломъ*. Ха! ха! ха! ха! а ти хиба́ кра́щий вiдъ мéне? га, марó?

Кабúця. Та вонá на тéбе и плюнуть не захóче...

Очкурня́. А на тéбе плю́не, хоть не схóче, ха! ха! ха!

Кабúця. Щобъ такúй ледáчий, якъ ти, одбúвъ у мéне дiвку! та я скорiше зъ тéбе печiнкú вúрву!

Очкурня́. Побáчимъ, чия́ вiзьме! а я вже знáю, що вонá не минé моiхъ рукъ.

Кабúця. Твоiхъ рукъ? А ти жъ, блощúця смердю́ча, гробáкъ короткопу́зий, индúкъ кишкáтий, що отáкъ хóдить *(та й дмéться, якъ индúкъ)*.

Очкурня́. А ти — сичъ витрiшкувáтий! ха! ха! ха!

Кабúця. Харсу́нъ коротконóгий!

Очкурня. А ти бу́шля довгонóга! ха! ха! ха!

Кабúця. Свиня́ товстопу́за!

Очкурня́. А ти хортовá собáка! ха! ха! ха!

Кабúця. Мовчи жъ, бiсова худóбо! та тiкáй скорiше, пóки небúтий.

Очкурня. Самъ утiкáй, пóки чупри́на цiла!

Кабúця. Такъ ти оцé, гáспидська каракáтиця, почáвъ глузувáти надо мнóю? Тривáй, бéсуре! я тебé вiдучу́ до чужúхъ дiвóкъ залиця́тися! (*Засу́кує рукáва, налáзить на Очкурню́; той одъ ёго тiкáе и обернувшись, хапáе ёго́ за ру́ки.*)

Очкурня́. Та що́ се ти, навiсня́й! Ти справдi сказúвся. Хáрьку! та то я глузувáвъ надъ тобóю, а Мару́сi не тiлько не любúвъ, та й не бáчивъ, якá вонá.

Кабúця. Брéшешъ, псяюхо! Забожúсь, що зъ рóду не любúвъ и не любúтимешъ Мару́сi!

Очкурня. Ей-же-то-Бóгу не любúвъ и не любúтиму! цуръ íй!

Кабиця. Що зъ рóду и не подýмаешъ íї свáтати!

Очкурня. Та дáлибi що не дýмавъ и дýмати не бýду! Нехáй вонá тобi на лёдý пiдсковзнéтця!

Кабúця. Ні, зла личúно, не повiрю! Забожúсь дýжче.

Очкурня́. Щобъ же минi чáрки горiлки въ вiчi не бáчити! щобъ менé за живiтъ узяло́, колú не прáвду кажý!

Кабúця, *одступúвши одъ ёго́*. Глядú жъ, не збрешú! Бо якъ удру́ге попадéсся, пропадé чупря́на! Зроблю́ съ тéбе тиркáтого пiвня!

Очкурня. Та нéхай вамъ хáлепа! Оттó нагадáй козi смерть!.. Нехáй íмъ цуръ симъ дiвчáтамъ! Я зъ нúми й говорúти не вмiю!

Кабиця. Отъ за се козакъ! И не говори зъ моею Марусею. Ходімъ же теперъ до шинкарки Горпини та помирімось!....

Очкурня. Та чи помирімось, то й помирімось.

Кабиця. Козакъ, ій Богу козакъ! Поцілуймось же, брате Гнате!

Очкурня. Чи поцілуймося, то й поцілуймося! *(Поцілувались.)*

Кабиця. Ходімо жъ теперъ, брате Гнате! Уже ся нічъ не куди ходила. А шкода, що не бачився зъ Марусею! (*Идуть обидва обнявшись и приспівуючи*).

Козаченьку гарний!
Не ходи до Ганни,
Ходи до Марушки
На білі подушки;
А въ Марушки-душки
Чотирі подушки,
А пята маленька —
Сама молоденька,
А шоста перина —
Сама чорнобрива.

Завіса спускаетця.

ДІЯ ДРУГА.

I.

Видъ на кону той самий.

КАБИЦЯ *идѣ зъ досвітківъ и співаѣ*:

Казавъ мині батько,
Щобъ я оженився,
Не ходивъ на вечірниці,
Та й не волочився;
А я — козакъ жвавий,
Та й не волочуся.
Якъ до шинку доберуся,
Горілки напьюся.

Эхъ, лихо ёго матері! те тілько й негаразд, що я либонь постарівъ трохи. А колись изъ мене козакъ бувъ меткий та й завзятий на досвіткахъ та на вечірницяхъ. Якъ було забачу яку браву дівчину, то й моя! А теперъ уже не те... *(Позіхае.)* Эге! оце я не выспався! Та де жъ у гаспида выспатись, коли всю нічь съ Кирилломъ Очкурнею прогуляли?..

Ду́мавъ, чи не бу́де на до́світахъ Мару́сі, ажъ шкода́!.. ма́буть заспа́ла... А вже дівка! чортъ ёго́ й ба́чивъ тако́і: чорнобри́ва! черво́на! свіжа та по́вна, якъ полуни́ця!... Якъ гля́нешъ на не́і, то такъ мовъ завійна вхо́пить, ажъ жижки́ задрижа́ть.... Ні, вже сіі не хо́чу обду́рювати, а оженю́ся. Го́ді бурлакува́ти! Коли́бъ лишъ тільки вона́ пішла́ за мене́?... Та поздоро́въ, Бо́же, Мару́синну ма́тіръ! Вона́ мині подала́ сло́во, то вже ій со́ромъ бу́де, якъ збре́ше.... Та що оце́ іхъ не ви́дно и до́сі? Уже́ світа́, а вони́, ма́буть, и до́сі сплять.... Се по-па́нській доле́жують. Вчо́ра прихо́дивъ, — спа́ли, и сёго́дні.... Хиба́ розбуди́ти?... Та ні, не хо́чу, бо щобъ молода́ не росе́рдилась, якъ не да́мъ ій ви́спатьця. А, мо́же, тепе́ръ ій сни́тця, що я зъ не́ю женіха́юсь, або́-що!... Що́ жъ тепе́ръ роби́ти? И безъ Мару́сі ску́чно,— и буди́ти ії жа́лко.... Заспіва́ю лишъ тії, що мене́ коли́сь навчи́въ нашъ хору́нжий Гайдабу́ра, а тимъ ча́сомъ и вона́ розбу́ркаетця, та й почу́е, що я такъ га́рно співа́ю. *(Співае:)*

Ой приписа́ли одъ лемента́ря
До со́тника Харька́ ли́сти:
»Ой прийдь, прийдь, со́тнику Ха́рьку,
Ме́ду-випа́ до насъ пи́ти.«
Ой якъ ставъ Харько́, ой якъ ставъ Харько́
Зъ до́му свого́ вийзжа́ти,
А за нимъ ёго́ со́тничка Харьчи́ха
Съ хлібомъ-сіллю проважа́ти:
»Ой не ідь, Ха́рьку, ой не ідь, дру́же,
Бо то прокля́тая зра́да.
Лу́чче бъ ти въ за́мку зоста́всь съ козака́ми,
Тобъ я тобі була́ ра́да.«
Ой не послу́хавъ Харько́ господи́ні,
Що ду́же горілки вийся.
А за нимъ ёго́ жва́ві коза́ченьки:
»Ой стій, ба́тьку! не жури́ся!«
—»Ой якъ же мині, пани́-моло́дці!
Якъ мині не жури́тьця,
Що підо мно́ю мій кінь буланёнький
Та почáвъ станови́тьця?
А ще къ то́му, мої коза́ченьки,
На се́рденьку ту́га,
Що покида́ю я въ Жаботи́ні
Свого вірне́нького дру́га.«
Ой якъ приіхавъ вінъ до Паволо́чи,
Ставъ зъ коня́ свого́ вставáти,
Ой ставъ же ёго́ со́тникъ паволо́цький
Ме́домъ-випо́мъ частувáти.
Ой не встерігся Харько́, не встерігся,
Ме́ду-випа́ въ-смакъ напи́вся,

Та и на пáнське бíле лíжко
Спáти зáразъ положúвся.
Ой якъ заржáвъ же кінь буланéнький,
Стóячи біля пекáрні:
Ой и залилú сóтника Харькá
У залíзні кайдáни,
Ой якъ заржáвъ же кінь буланéнький
Та й у стáні на помóсті:
Ой стрáтили Харькá та и заховáли
У зелéній нехворóщі.

II.

Явдоха *за двери́ма*. А ну, Марýсю! ходíмъ у велúку хáту: либóнь женúхъ твій прийшóвъ.

Кабúця. Добри́-день вамъ, пані-мáтко! и тобі, Марýсю! Отъ же й дóбре, що ви одні дóма, та й дівка тýтъ: тепéръ на самоті и побалáкати дóбре: ніхтó не мішáтиме. А скажи́, Марýсю, при мáтері: чи ти підешъ за мéне? чи, мóже, въ тéбе крáщий е?

Явдоха. И де жъ то нема́, що й е либóнь? Одуріла дівка зовсімъ: тільки й мóви, що не піду за старóго, та й годі....

Кабúця. Якúй я старúй? отáкъ ушквáрь! Эгé.... Сóромъ же тобі, Марýсю, що мáти на тéбе жáлуетця; а такъ би не годúлось. *(До мáтери).* Та то, мóже, вонá сорóмитця васъ? Гéтте лишъ вíдсіль, я зъ нéю самъ побалáкаю....

Явдоха. Та й сількось! я й підý. А тільки кажý тобі, дóчко, вúкинь дуръ изъ головú. *(Вúйшла.)*

Кабúця, *залицяючись*. Ге, ге! чýешъ, Марýсю? полюби́ менé, будь ласкáва! полюби́ менé, моя́ ясочко, моя́ ýточко, моя́ лебéдочко! *(Чепурúтця.)* Я, бáчитця, козáкъ не послідній: одéжа на мині — якъ бачъ; грóшей пóвна кешéня, тá ще й въ саквáхъ е....

Маруся. Не трéба мині, дя́дьку, вáшихъ грóшей: у насъ, слáва Бóгу, й свої е.

Кабúця *зъ сéрцемъ*. Якúй я тобі дя́дько? Я ще молодéць, а не дя́дько! Щó то за дя́дько? *(Вéсело.)* Ти скажи́: »дружé«, та подáй мині своюó рýку, щобъ намъ побрáтися та жúти щасли́во....

Маруся. Якъ мині подивúтись на васъ, що ви такі старі, то не гріхъ и бáтькомъ назвáти, не тільки дя́дькомъ, а сёго́, щобъ намъ подружи́тись, то й до вíку не бýде....

Кабиця. Якъ не бу́де? А якъ я підведу́ люде́й, та якъ прису́дять тобі за ме́не за́міжъ ити́, то я́къ ти ска́жешъ?

Маруся. Хто мене́ мо́же присуди́ти за́міжъ ити́ за старо́го, якъ я сама́ не схо́чу? Ви вже підвели́ бідну Кули́ну Кучугу́рівну, що тепе́ръ ніхто́ не хо́че сва́тати, такъ вона́ ажъ сюди́ прііхала изъ Самарі....

Кабиця. Та неха́й вона́ своє́му ро́дові сни́тця! Цуръ ій! я ії не пова́жаю; а съ тобо́ю, моя́ га́лочко, моя́ ку́рочко.... Ке лишъ хоть пожениха́юсь. *(Обніма́ ії.)*

Маруся *одпиха́ ёго́.* Ге́тьте бо, дя́дьку! ге́тьте! Якъ вамъ не со́ромъ? Що́ це ви здумали?.. Та геть къ чо́рту!

Кабиця, *звомпивши.* Эге́! се бісъ, а не дівка! Бачъ, яка́ брику́ча! Неха́й тобі хрінъ, коли́ така́ бриклива.... *(Маруся втіка́е съ хати.)* Ота́къ, а не чортъ зна якъ!.. Та й не га́спідська жъ дівка! такъ и шморгну́ла! Эге́!... Отъ тобі й допита́вся!

III.

Явдоха *вхо́дить.* А що́, Ха́рьку? я́къ діло? чи допита́вся?

Кабиця. Якъ разъ допита́вся! и на мо́ву не дае́тця!

Явдоха. Эге́! А йонъ же йонъ, вра́жа дити́на! Я на не́і и не сподіва́лась, щобъ вона́ такъ гу́бу закопи́лила. Не да́ромъ же я ії зъ Илько́мъ на розмо́ві зу́спіла.

Кабиця. Зъ яки́мъ Илько́мъ?

Явдоха. Таджеж, коли́ зна́ете, съ Прудче́нкомъ.

Кабиця. Якъ? ото́й бла́зень, білогу́бе щеня́? Та я ёго́, вра́жого хло́пця, убью́, якъ соба́ку. Дивись! Уже́ бісові діти почали́ дівокъ у козаківъ одбива́ти! Отаки́й світъ наста́въ! Пострива́й же, ерети́ча дити́но бісова! я тобі дамъ за́тірки! попаде́сся ти въ моі леща́та!

Явдоха. Та въ ёго ста́рший братъ е, коза́къ га́рний, такъ що́ жъ? не посидя́щий: ёму́ й ну́дно, якъ до́ма сиди́ть; и тепе́ръ десь повіявся зъ козака́ми за Куба́нь....

Кабиця. Та цуръ ёму́! а ви лишъ скажіть, чи до́вго мене́ бу́дете води́ти? Такъ до́брі лю́ди не ро́блять.

Явдоха. Отъ же й ли́хо!.. Такъ я приймусь за не́і не такъ. Ось посиди́ тутъ, Ха́рьку, а я збігаю до сусіда Цвіркуна́, то, мо́же, вдвохъ съ Цвіркуно́ю чи не вкоськаемъ Мару́сі, та сю́ди й прийдемо.

Кабиця. Та йно́се!

Явдоха, *вихо́дючи*. Я не бу́ду бари́тись. Якъ зла́димо, то щобъ за́разъ и на рушни́къ ста́ли. Прощайте жъ до яко́го ча́су.

Кабиця, *оди́нъ*. Ай Драби́ниха! Отъ мото́рна жінка! За се куплю́ вже ій черво́ні чо́боти. Та й жінка жъ!... Э! я й забу́въ, що у ме́не въ кише́ні пля́шка зъ горілкою, та й не почастува́въ Драби́ниху! Гай, гай! А, дай же ёго ка́ту! Ну, що́ жъ тепе́ръ? Ся́ду лишъ оту́тъ по-коза́цькій, та ви́пъю хоть самъ горілки, та заспіва́ю запоро́зькоі пісні, щобъ не такъ су́мно було́. *(Су́дя до́лі по-коза́цькій, ви́нявъ пля́шку зъ кише́ні, одіткну́въ.)* Ота́кички безъ за́тички! *(Вийма́е ча́рку.)* Оце́ жъ и ча́рка! *(Налива́е, випива́е и співа́е:)*

Гей бувъ въ Сі́чі стари́й сіди́й,
На прізвище Ча́лий,
Ви́годувавъ си́на Са́ву,
Козака́мъ на сла́ву.
Ой бувъ Са́ва въ Неми́рові
Въ Ля́ха на обі́ді,
Не знавъ Са́ва и не відавъ
Въ своій тя́жкій бі́ді.
Гей якъ кри́кне та панъ Са́ва
На хло́пця мало́го:
»Сідла́й, хло́пку, сідла́й, мали́й,
Коня́ вороно́го!
Сідла́й коня́ вороно́го,
А собі друго́го, —
Поідемо огляда́ти
Ми до́му ново́го.«
Гей прііхавъ та панъ Са́ва
До своє́го до́му;
Пита́етця челя́доньки:
»Чи все гара́здъ до́ма?«
—»Та все гара́здъ, ба́тьку Са́во,
Та щось на насъ бу́де:
Щось у на́шихъ по́вихъ ха́тахъ
Си́вий го́лубъ гу́де!...«
—»Неха́й гуде́, неха́й гуде́!
Того́ не бою́ся...
Гей якъ гля́ну на Но́ву Січъ,
То ввесь издрігну́ся!«
—»Та все гара́здъ, ба́тьку Са́во,
Тілько одно́ стра́шно:
Виглида́ють гайдама́ки
Изза гори́ ча́сто....«
Ой сівъ Са́ва въ кінці́ сто́ла,
Роски́нувъ воро́жки:
»Ой ще жъ бу́де коза́къ Гна́тко
Чо́рноі доро́жки.«

Сидúть Сáва въ кінці́ стóла
Та тя́жко здихáе,
А Савúха въ новімъ ліжку
Дитúну хитáе.
»Ідú, хлóпче, до пивнúці
Та принесú пúва,
Та вúпъемо на здорóвья,
Та й за могó сúна.
Зайдú рáзомъ до вúнниці
Та вточú горілки,
Та вúпъемо за здорóвья
Та моéі жінки«.
Ой ще жъ не вспівъ малúй джýра
Звернýтьця зъ пивнúці,
Шатáється козáкъ Гнаткó
По новій світлúці....
»Здорóвъ, здорóвъ, пáне Сáво!
А я́къ собі мáешъ?
Изъ далéка гостéй мáешъ,
Чимъ ихъ привітáешъ?«
—»Ой чимъ васъ, панú молóдці,
Я бýду вітáти?
Ось давъ мині Госпóдь сúна,
Бýду въ кýми брáти.«
—»Колú хотівъ, пáне Сáво,
Насъ у кýми брáти,
Не йти булó бъ гей до Гáрду
Церквú руйнувáти.
Колú хотівъ, пáне Сáво,
Дóвго панувáти,
Не йти булó бъ изъ Ляхáми,
Насъ не дратувáти.«
—»Привітáю васъ, молóдці,
Мéдомъ-горілкою.«
—»Попрощáйся, пáне Сáво,
Зъ дітьми и зъ жінкою.«
Ой кúнувся та панъ Сáва
До я́сного мечá,
Взялú Сáву на три списú
Съ-підъ прáвого плечá.
Ой кúнувся та панъ Сáва
До своéі збрóі, —
Взялú Сáву на три списú
Та підняльú вгóру.

(Передъ кінцéмъ пісні виймáе изъ кешéні капшýкъ зъ грішми, висипáе грóші додóлу, наливáе въ чáрку горілку и пье.) Гу! еретúча Марýся не хóче йти за мéне. За кóго жъ вонá піде? Чимъ я не ко-

зáкъ, абó не хазяíнъ? Отъ же жъ оцé й грóші, оцé жъ и червíнці... хибá жъ íй болячки трéба? *(Починáє лічити.)* Разъ íхъ, два íхъ, три íхъ...

IV.

Пéредъ кíнцемъ пíснí МАРУСЯ *вводúть* КУЛИНУ; *побалáкавши зъ нéю тихéсенько дéщицю, зоставлáє íї на тімъ мíсцí, а самá вихóдить собí съ хáти.* КУЛИНА *тáжко смутнá, підхóдить збóку* КАБИЦІ, *глянула на ёго íрко, а далí, мовъ непарóкомъ, одвернýлась и жалíбно співáє:*

Вúйду я на гóру
Білими ніженькáми,
Глянý я на дýба
Кáрими очéнькáми, —
Ажъ на тімъ дубóньку
Два голýбонька гýде:
Гей щось на козакá
Та пригóдонька бýде...

Кабúця, *скрúва на нéї дúвлячись, співáє:*

А я тíї пригóдоньки не боюся,
А вíдъ тéбе, божевíльна, одступлюся.

Кулúна, *залúвшись слёзáми.* Бóже мúй, Боже мій! Хáрьку! чи не гріхъ тобí? чи ти Бóга не боíсся? щó ти зъ мéне зробúвъ?...

Кабúця, *кладé чáпко грóші въ кесетúну, та зъ сéрцемъ.* Та де ти взялáсь у нечúстого бáтька, марó? Геть відсíля. Пехáй тобí рябúй бíсъ вíдъ мéне! Чогó ти вяжесся, причепéндо? Геть зъ очéй моíхъ, бíсова марюкó!

Кулúна. Хáрьку!... Богъ тебé скарáє! *(Вихóдить.)*

Кабúця. Отъ, навíжéна непритóрена!... Пфу *(плюé)* на твоé пíрья! *(Наливáє и випивáє.)* Оцé гáспидська відьма! де вонá взялáся? А пехáй же íй хрінъ! колúбъ ще клопíтъ не наробúла. (*Встаé и чепурúтця*). Бíсова ящíрка! Гаразъ, що старóі Драбúнихи та Марýсі на сей разъ не трáпилось, атó бъ такóго пíднеслá печéного кабакá... А щобъ ти сказúлась, гáспидська нехлюя бíсова! Пипáче оцé менé обýхомъ пó лобу зацíдúла. Вúпью лишъ горілки, чи не повеселíша. *(Пье.)*

V.

ЦВІРКУНЪ, ЦВІРКУНКА, МАРУСЯ И ЯВДОХА, *а пото́мъ Илько́ у вікно́ зазира́е.*

Цвіркунка *попе́реду иде́ та й співа́е; проспіва́вши та й потанцю́ве съ Каби́цею вдвохъ, та й упя́ть такъ же, до са́мого кінця пісні.*

До до́му йду — товче́ники,
Изъ дому йду — товче́ники;
Та вже жъ мині пресу́чі
Товче́ники паску́чили!
Ой чи ви́йду на тане́ць—
Відъ старо́го бухане́ць,
Въ поти́лицю, або́ въ спи́ну,
Що й пога́ми вже не ви́ну.
Ой ту́тъ мині погуля́ти,
Усімъ ли́хомъ зацура́ти,
Драби́ниху звеселя́ти,
А Каби́цю ожени́ти.

Танцю́е съ Каби́цею.

Цвіркунъ *се́рдитця и кру́тить голово́ю, щобъ переста́ла співа́ти.*

Цвіркунка. Чого́ ти голово́ю кру́тишъ, мовъ той цапъ въ дроко-ви́цю? Ти жъ мене́ й горілки навчи́въ пи́ти. *(До люде́й.)* Якъ ми побра́лись зъ ци́мъ га́спидськимъ ді́домъ, та й пішли́ до люде́й въ го́сті, а се було́ объ великоднихъ святка́хъ. Я тоді була́ молода́ та хоро́ша, та дурна́,—горілки не вміла пи́ти. А тамъ у насъ у Старо́му Санджа́рові така́ була́ привітлива молоди́ця Мо́тря Черво́ниха, та й часту́е мене́ горілкою, та такъ про́сить поштиво, що Бо́же мій! Я глядь на свого старо́го, а він на ме́не, та й закрути́въ голово́ю. Я жъ ду́мала, що він се́рдитця, чомъ не пью, та за́разъ черкъ ча́рочку съ тарілки, хиль та й ви́пила. Сижу́ та й пиша́юсь, ажъ тутъ не-забо́ромъ и по дру́гій про́сять; то я все—що гляну на свого чоловіка, то він ще й ду́жче голово́ю кру́тить, а я й ду́маю: »Одже й ли́хо! коли́бъ лишъ на-вспра́жки не росе́рдивсь того́, що я, якъ ви́пила пе́ршу ча́рку, та й скриви́лась!« Я й сю хильну́ла; вте́рлась, та й сижу́.

Кави́ця. Ай Цвіркунка! ко́зирь-молоди́ця! Жа́лко, що мене́ тамъ не було́ съ ва́ми!

Явдоха. Чи ти жъ по по́вній и пила́?

Цвіркунка. А я́къ же? у насъ крий Бо́же, якъ приг'у́бишъ до ча́рки! Ка́жуть: після́ те́бе й Тата́ринъ не пи́тиме. Отъ я вже й байдуже́ на свого́ чоловіка поглядáти, а вінъ ота́къ и сидівъ між козака́ми. *(Показуе на бікъ.)* А да́лі по тре́тій, та й по четве́ртій ви́тягли. Прийшли́ козаки́, та й чаба́нъ съ козо́ю, що гра́ють. Якъ уцюкне́, бра́тіки, шекéні, якъ піду́ я въ ско́ки та въ бо́ки, ажъ намúсто на шúї гра́е, а підківки́ тільки чо́ко, чо́ко, чо́ко, чо́ко!.. Куди́ вамъ вашъ гуса́рицъ зъ своїми шпо́рами! Дале́ко й ходúть. А да́лі гулькъ! ажъ нема́ чоловіка въ ха́ті. Пішо́въ, ка́жуть, до до́му. Ба́тькові жъ ёго́ бісъ, що мене́ покúнувъ! *(Цвіркýнъ кúдаетця їі бúти, та ёго́ здéржують Кабúця и Явдóха; а Цвіркýнка тодí до Цвиркунá.)* Тю, навіжéний! чи ти сказúвсь! Адже́ се я роскáзую. Сядь та сиди́ ота́мъ. Отъ, погуля́ли тамъ до тре́тіхъ півнівъ, я й пішла́ до до́му. Не дійшла́, та підъ Середино́ю ха́тою й звали́лася, та й не тя́млю, коли́ и якъ я до́ма опини́лась. А що́ жъ ви, бра́тіки, ду́маете на похмілля? Якъ почáвъ мене́ оце́й дундýкъ *(показуе на Цвіркунá)* похмеля́ти, такъ я три неділі після ёго́ рукъ ви́лежала, та й оцю́ пісеньку ле́жачи скла́ла... А за́ що бивъ?....

Цвіркунъ. На́ що пила́ горілку?

Цвіркунка. А на́ що жъ ти крути́въ голово́ю?

Цвіркунъ. Щобъ и въ ротъ не бра́ла.

Цвіркунка. Бре́шешъ-бо, щобъ пила́!

Цвіркунъ кúдаетця бить, *а ёго́ здéржують.*

Кабúця. Та го́ді вамъ! Чи ви зъ ча́ду, чи що́?.

Цвіркунъ, *випру́чуючись.* Та вона́ такúй вже моіхъ рукъ не втіче́....

Кабúця. Та го́ді вамъ!...

Цвіркунка. Гля́нься на́ Бога прицýцуватий. Дивітесь, бра́тіки! самъ ви́вчивъ жінку горілки пúти, та й бъе́тця.

Цвіркунъ *плюе́.* Пьфу, соба́ко! *(Хóче вúйти, та ёго́ здéржують.)*

Кабúця. Та посúдь бо, Борúсе! чого́ ти дрóчисся, навісúй! Хиба́ жъ ми на те васъ покли́кали, щобъ вамъ сварúтьця? Сідáй лишъ, го́ді комизúтись.

Цвіркунъ. Та й посúжу, такъ неха́й же Івга нічо́го не роскáзуе та сяде поштúво.

Цвіркунка. Та о́дже й сяду.

Явдоха. Сідáйте. сідáйте, (*Побáчивши чáрку й пляшку дóлі*). Ось и горілка, та такъ дóлі и стоїть.

Кабúця. Та то я принісъ та й забýвъ васъ почастувáти.

Явдоха. Спасúбі! та въ насъ и своя е. Та хочá жъ сúрно заслáти та тоді й почастувáти. Якъ-такúй горілоцці такъ дóлі стоя́ти? (*Вихóдить, приносить сúрно, становить дóлі та й кáже Марýсі*). Чýешъ лишъ ти; придзедлёвана! гóді тобі отáмъ слúпити! подáй лишъ скатертúну. (*Марýся найшóвши скатертúну, подаé*). Подáй лишъ отáмъ зъ зáпічка балабанú гарячі, тетéрю, та підъімó хоть трóхи.

Кабúця. Э! э! Підъімó, підъімó, бо я цілісіньку нічъ не івъ, та вúголодавсь, якъ собáка въ пашéнній ямі.

Явдоха, *сідáючи*. Такъ зá день намоня́лась, що крúй Бóже! ажъ кісточкú всі боля́ть.

Цвіркунка. Чи не бувъ и въ васъ, нéнько, покíйний Драбúна такúй, якъ у мéне Цвіркýнъ?...

Цвіркунъ. Та цить!. (*крýтить головóю.*) Гай, гай! А йонъ же, йонъ!

Явдоха. Э, ні! перóмъ земля́, лéгко ёмý покíйному лежáти! Такúй бувъ чоловікъ, що хочá бъ оцій моїй тонкослізці Кабúця такúй удáвся.

Кабúця. Се бъ то я? Э, я, панімáтко, жáлуватиму твою дочкý.

Цвіркунка. Брéше, не къ вамъ річъ! Чоловіки все такъ кáжуть, якъ жéнятця, а навпóслі, якъ отъ и мій казáвъ....

Цвіркунъ. Та цить, кажý! Атó, врáжий синъ, колú я тобі оцúми ваганкáми головú не розібью!

Кабúця. Та дáлибі що жáлуватиму! отъ щобъ я оцёгó балабанá не проковтнýвъ. (*Берé балабáнъ.*)

Явдоха. Та пожáлуйте жъ горілочки! Ну лишъ, Івго, пошанýй насъ.

Цвіркунка. Та й сількось. (*Берé пля́шку зъ горілкою.*)

Явдоха. А я сáду трóхи та одпочúну. Сідáйте, лю́де дóбрі!

Илькó, *зазирáючи у вікнó потúху*. Эгé! тутъ либóнь свáтання. (*Цвіркýнка налива́ и піднóсить Явдóсі*). Пожáлуйте.

Явдоха, *не прийма́ чáрки*. Звóльтесь!

Цвіркунка. Дай же, Бóже, сéстро, вамъ дочкý віддáти, зя́тя придбáти й онýківъ діждáти. (*Випивае и піднóсить Явдóсі*) Пожáлуйте!

Илькó, *потúху*. И вже, відъ Кабúці навря́дъ діжде хто онýківъ.

Явдоха, *узя́вши ча́рку и вста́вши.* Спаси́бі вамъ, че́сні лю́де, що ви не цура́етесь моє́і ха́ти. *(Пье.)*

Цвіркунка, *до Каби́ці.* Пожалуйте!

Каби́ця. Звóльтесь!

Цвіркунка. Дай тобі, Боже, жінку хорóшу, на світі жи́ти й дітóкъ прижи́ти. *(Випива́е, пóтімъ налива́ и підно́сить).*

Каби́ця, *припя́вши ча́рку.* Спаси́бі, Івго, спаси́бі, моя перепілочко! Дóбре діло е не поміха, бу́де утіха.

Илько, *пóти́ху.* А зась, бісівъ діду!

Цвіркунка *налива́е ча́рку и підно́сить до Цвіркуна́.* Чи не розвеселю́ свого́ старóго хочъ ча́ркою. *(Співа́е:)*

Поздоро́въ, Бóже, мого́ старóго
И мене́ коло ёго,
Ой що вінъ мене́ не бъе, не ла́е,
Вінъ мене́ въ гóсті пуска́е.

Усі смію́тця.

Цвиркунъ, *усміхну́вшись не́хотя.* Вра́же начи́ння!

Явдоха́. Контету́йтесь, лю́де дóбрі: прошу́ покóрно! *(Ідя́ть.)*

Каби́ця. Пухкі балабани́, та й тетéря гóжа. Чого́-то зъ сёго́ свято́го хліба не зро́бишъ? усячину: діда, бра́тки, рябка́, су́чку, кале́ника, натика́на....

Илько *пóти́ху.* А, що́бъ ти вдави́всь, огоро́дня сатано́!...

Явдоха. Оце́ жъ, Ха́рьку, після хліба-со́ли та й за діло пора́ взя́тьця.

Каби́ця. Та эжъ! я вже давно́ наслуха́ю, до чóго воно́ дійде.

Илько *пóти́ху.* До тóго, що ти о́близня пійма́ешъ....

Маруся. Бóже мій, Бóже мій! Що́ се ма́ти хотя́ть зо мно́ю зроби́ти!... *(Сама́ собі).* Зе́мле сира́! розступи́ся! нехáй и моі кісточки́ зъ ба́тьковими въ тобі лежя́ть! Бóже мій, Гóсподи!... *(Пла́че.)*

Илько *пóти́ху.* Серде́шна Мару́ся!...

Цвіркунка *до Явдо́хи.* Отъ же зна́ете, не́пько, нехáй Харько́, оце́ йде та попа́ поедна́, бо, мóже, ще ёго́ й дóма немáс; а ій кóсу заплетемó: які́ жъ тутъ прибóри? Та й до це́ркви, та й на рушни́къ!

Илько *пóти́ху.* Отака́ ловись!...

Каби́ця. Эге́! та й такъ такий. Я оце́ піду́ до панотця́, а въ васъ щобъ було́ все гото́ве. *(До Мару́сі.)* Чого́ бо ти, Мару́сю, все рю́маешъ?...

Явдоха. Дурна́, то того́. Ось якъ ста́не на рушни́къ, то де ті й слёзи ді́нутця!

Цвіркунка. Де жъ ви, не́нько, ба́чили, щобъ дівча́та, якъ іду́ть за́мі́жъ, та щобъ не пла́кали?

Илько *поти́ху*. А найпа́че за тако́го мацапу́ру, якъ Кабиця.

Кабиця. Та й пра́вда! Ну, прощайте жъ до яко́го ча́су. *(Вихо́дить).*

Илько *поти́ху*. Иди́ до біса на обідъ зъ залізною ло́жкою, а я побіжу́ до со́тника Тупи́ці та роскажу́ ёму́, що тутъ дієтця....

Кабиця *до Явдо́хи*. Гляди́, пані-ма́тко, щобъ моя́ пра́ця не пропа́ла, бо, бачъ, твоя Мару́ся усе́ щось бундю́читця....

Явдоха. Та нічогісінько! Идіть собі, неха́й вамъ Богъ помага́е.

Кабиця. То-то гляди́, щобъ и сама́ и́ноді не зге́дзкалась, гля́дя на Мару́сини слёзи. Бачъ, усе́ ру́мсае....

Явдоха *до Кабиці*. Ище́ жъ таки́! Та йдіть робіть своє́ ді́ло! а ми своє́ зро́бимъ. *(До Цвіркунки)*. Приберй жъ ії, Івго....

Кабиця. Прощайте! *(Вихо́дить.)*

Усі. Прощайте! прощайте!

Маруся. Ма́мочко жъ моя, голу́бочко! не віддава́йте мене́ за Кабицю! Я вамъ по пра́вді ска́жу, що я... *(Утупила о́чі въ зе́млю.)*

Явдоха. Ну, що́ тамъ? кажи́!

Цвіркунка. Кажи́, ма́шко! чого́ ти сором'исся?

Маруся. Що́ жъ, мамко моя рідне́сенька! Я сло́во подала́ Ива́нові Прудко́му.....

Явдоха. У! то ду́рість, до́чко! Не звика́й! Бачъ, куди́ потетю́рилась! Та й Иванъ неха́й вибача́. Хочъ він коза́къ и бра́вий и во́інъ хоро́ший *(до Цвіркунки)*, такъ голіший же, не́нько, відъ ми́ши. *(До Мару́сі.)* И не ду́май, до́чко! Що на ёму одежа́ га́рна? Ото́ жъ и тілько, що на ёму́ та въ ёму́.

Маруся Та що́ се, ма́мо, ви ро́бите зо мно́ю? Хочъ-би люде́й зібра́ли та пора́дились. Якь же таки́ такъ? *(Плаче.)*

Явдоха. Яки́хъ тобі люде́й? Оце́ жъ и лю́де! Де тутъ тобі дівокъ набра́ти? Се не въ города́хъ, а се въ Чорномо́рні: и сами́ неда́вно прийшли́ въ Видну́ жи́ти; отъ ще й до́сі въ земля́нці....

Маруся *кла́няетця всім*. Прости́ мене́, моя́ ма́тінко! простіть мене́, до́брі лю́де; простіть, мої дівоцькі літа... тепе́ръ я пропа́ща на вікъ.... *(Почина́е співа́ти й пла́че.)*

Пливи́, пливи́, селезе́ню,
Ти́хо по воді,
Прибу́дь, прибу́дь, мій ба́теньку,
Тепе́ръ икъ мині!
»Ой радъ би я, дитя́ моє́,
Прибу́ти къ тобі, —
Наси́пано сирбі землі
На ру́ки мої!
Склепи́лися ка́рі о́чі,
Устоньки мої;
Не дамъ тобі пора́доньки
Бідній сироті!«

(За плаче́мъ перестає́ співа́ти.)

Усі, *пла́чучи*, Го́ді жъ, го́ді, до́чко, пла́кати. Ходімо лишъ, пора́ тебе́ прибра́ти. *(Вивбдять Мару́сю.)*

ДІЯ ТРЕТЯ.

Куншта́ція та жъ.

I.

ЯДВОХА, МАРУСЯ *прибрана*, ЦВІРКУНЪ *и* ЦВІРУНКА, *вивбдячи Марусю съ ха́ти.*

Цвіркунка. Бачъ, яка́ тепе́ръ ти хорбша, Мару́сю! що ажъ подиви́тись лю́бо! Такъ якъ ма́ківъ цвітъ! Неха́й уже́ тобі Богъ помага́ на до́бре діло. Не журйсь, до́ню! все гаразъ бу́де. Воно́ тілько спе́ршу трбхи страшне́нько вйхбдить за́міжъ, а да́лі й байду́же....

II.

КУЛИНА *и ки́тишний* (1) *сбтникъ* ТУПИЦЯ.

Кулина *въ слёза́хъ чіпля́ется на ши́ю Явдо́сі и тя́жко ту́жить.*

Ой ма́тінко!
Голу́бочко!
Ратуй мене́,
Лебідочко!

(1) *Ки́тишний* — тимъ зва́вся со́тникъ, що ки́тиця въ ёго була́ коло ша́блі.

Оборони́
Одъ напа́сти!
Не дай мині
Вразъ пропа́сти!
Харько́ мене́
Извівъ стидки́й!
Хотівъ сва́тать, —
Збреха́въ бридки́й!
Літа́ мої
Дороги́і,
Літа́ мої
Золоти́і,
Извівъ ма́рно
И барвінокъ
Зомя́въ, не́нько,
Якъ почи́нокъ!
Твою́ дочку́
Хо́че бра́ти,
Мене́ бідну
Зацура́ти!...
Ой ма́тінко
Голу́бочко!
Ратуй мене́,
Лебідочко!

За слёза́ми бі́льшъ не здужа́ співа́ти.

Явдоха *утира́е слёзи. До со́тника.* Здоро́ві, па́не! Що́ це? чого́ вона́ такъ ту́жить ду́же?

Тупиця. Оце́ твій га́спидський зять Харько́ занапасти́въ оцю́ дівку. А ти ще й дочку́ пха́ешъ за ёго! Чи ти зъ глу́зду зсу́нулась, чи що́? Роспита́йсь лишъ попе́реду. Він, еретичний дід, підмани́въ оцю́ дівку, обіща́всь жени́тися зъ не́ю ще въ Новосе́лиці. Отъ, коли́ зна́ешъ старо́го діда Кучугу́ру, що живъ земля́нкою на Матні міжъ хріномъ...

Явдоха. Та я́къ же? зна́ю! я й сама́ була́ въ тімъ уро́чищі и до́бре зна́ю старо́го Кучугу́ру. Такъ оце́ Кулі́на, ёго́ дочка́? Я зна́ла ії, якъ ще вона́ мало́ю була́.

Тупиця. Э, э! оце́ жъ то й вона́! Такъ вона́ — ска́зано дурни́й дівоцький ро́зумъ — поква́пилась, що въ ёго, бісового ді́да, бага́цько гро́шей е, та й поки́нула ба́тька, що, мо́же, до́сі зъ го́лоду згинувъ, та й притёпалась за нимъ ажъ сюди́. Такъ що́ жъ? Старий соба́ка зъ очей жене́. Оте́ твоій и доцці бу́де, о́-що!

Явдоха. Спаси́бі жъ вамъ, добро́дію, що ви оце́ сказа́ли. Цуръ ёму́, тому́ Кабиці! не віддамъ дочки́ за ёго! А мині Мару́ся й ка́же, що він такий, такъ я, не поняла́ віри.

Цвіркунка *до Явдо́хи.* Такъ оце́ бідна Кули́нка, ма́буть, така́, якъ у тій пісенці співа́ють. *(Приспівує:)*

Ба́тько дочки́ пита́е:
»Чомъ барвінокъ посиха́е?«
—»Котки́ мише́й гопи́ли,
Барвіночокъ зломи́ли.«
Ма́ти дочки́ пита́е:
»Чомъ хвартушо́къ не стика́е?«
—»Кукуру́зу, ма́мо, іла,
Кукуру́за набубніла.«

Кулина. Го́ре мині, бідній сироті! До чо́го я довела́ себе́! *(Пла́че).*

Цвіркунъ, *перебива́ючи жінці доспівувати пісню.* А йонъ же йонъ! де ні посій, тамъ и вро́дитця. Сядь та мовчи́, бо би́тиму!

Цвіркунка, *затули́вши ротъ руко́ю.* Сіда́йте, добро́дію!

Тупиця. Та тутъ не те, що сіда́йте; а тре́ба поду́мати, я́къ би оцій бідній Кули́ні помогти́?

Явдоха. Та якъ же, ви то зна́ете, добро́дію; а я, да́лебі, не зна́ю, чимъ. Я бъ ра́да ій свого́ па́льця врізати, щобъ ій помогти́, такъ що́ жъ?

Тупиця. Одже слу́хай! Вінъ, вра́жий дідъ, пішо́въ попа́ една́ти, щобъ звінча́въ ёго́ съ твое́ю дочко́ю, — я все зна́ю; то, якъ вінъ при́йде сюди́, то ми Кули́ну захова́емо хочъ у хи́жу, а Мару́сю поса́димо зъ нимъ, та й почнемо́ ёго́ частува́ти: то вінъ, ерети́чний дідъ, якъ упъе́тця, то ми Мару́сю геть, а Кули́ну пхиць до ёго, та й перевінча́емъ. Хочъ вінъ за́втра й огля́дитця, що лопатки́ въ горо́сі, то байдуже́: приви́кне та й жи́тиме. А я твоій доцці кра́щого зя́тя найду́. *(До Мару́сі тихе́сенько).* Ива́на Прудко́го.

Маруся, *раде́сенька, сама собі.* Ива́на!

Явдоха, Цвіркунъ и Цвіркунка. То й до́бре, добро́дію! оце́ — то та́къ!...

Явдоха. Я собі ду́маю, що якъ відказа́ти пря́мо Каби́ці, то тоді й не відче́писся відъ ёго; а оце́ до́бре ви ка́жете, добро́дію!

Маруся *веселе́нько.* Такъ я жъ тепе́ръ піду́ та наряжу́ Кули́ну та й ви́йду сюди́, якъ тре́ба бу́де.

Явдоха. Та й иди́ жъ, иди́. Бачъ, вра́жа дочка́! мовъ не та ста́ла: за́разъ повеселішала.

Кулина. Спаси́бі жъ вамъ, не́нько! Спаси́бі й вамъ, добро́дію, що ви не оставля́ете мене́, бідну сироту́. Вамъ Богъ запла́тить за до́бре діло. Ходімо, Мару́сю! ходімо, моя́ голу́бочко!

Маруся. Ходімо, Кули́но. *(Вихо́дять оби́дві.)*

Тупиця, *учу́вши то́пітъ.* Отъ же либо́нь Каби́ця чимчику́е.

III.

Кабиця *входить, підъ чáркою трóхи, співáючи:*

По дорóзі жукъ, жукъ.
По дорóзі чóрний:
Подивúся, дівчúнонько,
Якúй я мотóрний;
Подивúся, глянься,
Якúй же я вдáвся!
Хибá дасúй півтáліра,
Щобъ поженихáвся.

(Побáчивши Тупúцю, зупиняється, знімáє шáпку.) Вáші гóлови, отáмане бáтьку й товарúство! (1)

Тупиця. Товарúство! А щó жь, Хáрьку! чи ти справúвся съ попóмъ? Бачь, я до тéбе на свáтання прийшóвъ.

Кабúця. Спасúбі, бáтьку! Та чи ви знáете, щó зо мнóю трáпилось? чýдо та дúво! Я окульбáчивъ шкáпу та хотівъ бігти въ гóродъ попá еднáти, щобъ звінчáвъ. Колú мині лю́ди й кáжуть, що въ Вúдну новúй пíпъ приíхавъ. Я шкáпу покúнувъ, та до ёго. Колú дивлю́сь, ажъ Яцькó Передерій Кисляківський попóмъ—ха! ха! ха! Роспитáвся зъ нимъ, ажъ ёгó, знáете, що багáто дé-чого нашкóдивъ, вíйськовúй суддя Головáтий пристрýнчивъ трóхи, та й послáвъ на пóпа до владúки въ Крúмъ, такъ той ёгó й постáвивъ; такъ тепéръ: ýси отакі, а на голові й на бороді тільки пенькúй стирчáть... Такъ ми зъ нимъ розбалáкались, вúпили по чáрці, по дрýгій та й ще; такъ оцé я вже пъянéнький трóхи. *(Илькó зазирáє въ вíкнó).*

Цвіркунка *до Явдóхи тихéнько.* Отъ же й дóбре! Не багáто тепéръ и трéба.

Явдоха. А щó жъ ти? поднáвъ попá?

Кабúця. А якъ же? »Я тебé,« кáже, »зáразъ и звінчáю!«

Илько *потúху.* Я бъ тéбе звінчáвъ!

Тупиця. Такъ се той Передерій, що въ рóзмиръ на Кисляківському бадайдакý бувъ пúсаремъ?

Кабúця. Та эжъ!

Тупиця. Ну, то й не дúво: тó чоловíкъ письмéнний и розýмний зъ бíса. Вже колú зъ ёго бувъ козáкъ завзя́тий, то й попóмъ дóбрий бýде.

---

(1) Такъ Запорóзці вітáлись.

А ти, Ха́рьку, гара́здъ ду́же оце́ ро́бишъ, що зду́мавъ жени́тися: ато́ тебе́ врагъ не взявъ: ти чоловікъ невбо́гий. Тепе́ръ тілько шука́й га́рної жінки, та й го́ді.

Цвіркунка. А яко́ї жъ ёму́, добро́дію, кра́щої жінки тре́ба, якъ Мару́ся бу́де? Вже, якъ по пра́ді сказа́ти, то хочъ-би́ й не Кабиці така́ хоро́ша дівка.

Ка́биця, *взя́вшись у бо́ки, передра́жнює Цвіркунку.* Хочъ-би́ й не Кабиці така́ хороша́ дівка! А Кабиця чимъ не коза́къ? Дивись лишъ до́бре. Яко́го жъ Мару́сі кра́щого молодця́ тре́ба, якъ ми? Хочъ збо́ку... *(Повертаетця бо́комъ.)* Хочъ зза́ду... *(Повертаетця за́домъ.)* Хочъ спе́реду... *(Повертаетця передо́мъ.)* Куди́ ні поверни́, кругомъ коза́къ бра́вий...

Тупиця. Та що́ про те бала́кати? ви́дно Хому́ по похо́ду. Тутъ лишъ про се толкуймо, щобъ тебе́ скоріше ожени́ти, та й кінці въ во́ду...

Кабиця. Та я не відъ то́го.

Цвіркунка, *перебива́ючи.* Що́ жъ тутъ, добро́дію за му́дрощі Кабиці ожени́ти? Хиба́ жъ ми ма́ло переженили всякого наро́ду? Въ насъ у Чорномо́рії зато́го всі діди́ пережена́тця зъ молоди́ми дівча́тами. Тепе́ръ уже́ така́ поведе́нція, що старі усе́ же́нятця зъ молоди́ми, не тілько въ насъ у Чорномо́рії, та й по всёму́ світу.

Цвіркунъ. Але́ и тутъ не вмо́вчить!..

Тупиця. Та яке́ намъ ді́ло до цілого світа? Ми зна́ймо свою́ Чорномо́рию, а до...

Цвіркунка. Хиба́ жъ тілько й світу, що въ вікні? що Чорномо́рия, та й го́ді? Поідьте лишъ у Русь та подивітця, що́ тамъ ро́битця. Отъ ми йшли зъ старим на сю зе́млю черезъ Дінъ, такъ дивились відъ само́го Санджа́рова ажъ до До́ну; що бага́то наіхало моско́вськихъ панівъ скрізь по города́хъ, та й бага́го, добро́дію, е між ни́ми таки́хъ стари́хъ та черева́тихъ, та й зъ ро́ду не жона́тихъ. Пишний и до́брий е, такий привітливий та балаку́чий, а до и́ншого не зъ вівсо́мъ. Я вже до́вго не забу́ду, якъ оди́нь на насъ кричавъ: »Эй, хахли́! хахли́!« Ми жъ ду́мали: на кого́ бъ то вінъ ка́же? ажъ вінъ, добро́дію, на насъ! По́ки жъ ми розчуру́кали та зупинились, коли́ ди́вимось, ажъ и салда́ти за на́ми бі́жа́ть, и той панъ моско́вський иде́ та такъ розсе́рдивсь, що крий Бо́же! та й ка́же: »Што ви за лю́ди?« та такъ ла́етця пога́но, що цу́ръ ёму́! Ми й сказа́ли, що йде́мо на Чорномо́рию, такъ вінъ насъ ви́лаявъ, ви́лаявъ, та й ка́же: »У васъ тамъ всё брадя́ги«, та й верну́вся ла́ючись.

Цвіркунъ. Та го́ді тобі, хоть духъ переведи́. Се бісъ! и не защипить ій, га́спидській торохтійці!

IV.

МАРУСЯ *ввійшла́ и зупини́лась.*

Явдоха. Слу́хай, Ха́рьку! сіда́й лишъ отта́къ: оце́ панъ со́тникъ бу́де за ба́тька, а я вже за ма́тіръ; а Цвіркуно́въ съ Цвіркуно́вою старости́ми, та тілько ось яка́ вмо́ва: щобъ ти на́шої дочки́ не звавъ Мару́сею, а Кули́ною. *(До Цвіркуно́ки.)* Часту́й лишъ. *(Івга часту́е по черзі.)*

Илько *поти́ху*. Бачъ, якъ банькй ви́валивъ, мовъ бара́нъ!

Кабиця, *схаменувшись, придивля́ється въ парсу́нокъ Мару́сі.* А на́ щожъ ви ії Мару́сею зовете́?

Явдоха. У не́ї була́ ста́рша сестра́ Мару́ся, такъ вони́ такъ люби́лися, що крий Бо́же! та якъ ишли́ изъ Слободзе́ї на сю зе́млю, такъ вона́ доро́гою въ Перекопі вме́рла; то оця́ дочка́ й про́сить мене́: »Не зовіть«, ка́же, »мене́, ма́мо, Кули́ною, а зовіть Мару́сею, щобъ я своє́ї сестри́ не забу́ла«. Такъ я й кажу́: »та й сількось!« та й зову́ ії Мару́сею, а воно́, ба́чу, гріхъ...

Кабиця *про се́бе*. Не хотілось би мині на се ме́ння зва́ти, та нічого робити... *(Го́лосно.)* Та й бу́ду зва́ти Кули́ною!

Илько *поти́ху*. Бу́дешъ, хочъ не схо́чешъ...

Явдоха. Побожи́сь же, що бу́дешъ такъ зва́ти: ато́ й вінча́ння не вінча́нямъ, якъ ти ска́жешъ попо́ві, що Мару́ся, а не Кули́на; а вінъ такъ и почи́туватиме.

Тупиця. Та ще въ ме́трики якъ заведе́ Мару́сею, а вона́ тебе́ зду́ма поки́нути, то тоді якъ підешъ тяга́тись, а вона́ люде́й підведе́, що ії зва́ти не Мару́сею, то й відсу́дять у те́бе жінку.

Кабиця. Та й да́либі, що бу́ду!..

Явдоха. Ке лишъ, Івго́, ще й я зи́тенька попо́штую. *(Бере́ горілку и часту́е.)*

Кабиця. Та неха́й же хочъ сяде дівка коло ме́не, то хочъ мині повеселіша.

Явдоха *до Мару́си*. Сіда́й, сіда́й! *(Маруся сіда́е.)* Отъ тепе́ръ и въ парі. *(Часту́е.)*

Илько *поти́ху*. Якъ разъ па́ра! Мовъ ма́ківка зъ репяхо́мъ!

Кабиця *бере́ и пье*. Оце́ вже сла́бше пішла́.

Илько. Жаль, що въ го́рлі не застря́ла.

Тупиця. Та дай лишъ ще й я попо́штую; а Кули́на неха́й ху́стку зна́йде та рушники́.

Кабиця. Э, э, э, ху́стку оцюди́. *(Пока́зуе на ру́ку.)*

Илько *поти́ху*. Тобі вона́ й приста́ла, якъ соба́ці ли́ко. *(Мару́ся встае́ и вихо́дить.)*

Тупи́ця. Ну, се жъ уже́, Ха́рьку, ви́пий відъ ме́не, та й повя́жемо васъ. *(Підно́сить ча́рку. Каби́ця простяга́е ру́ку, а Тупи́ця обмани́въ.)* Отъ бачъ, ти вже и впився! Ще жъ я попе́реду ви́пью. Здоро́въ, Ха́рьку! Щасли́во тобі жени́тьця, та люби́ свою́ Кули́ну. *(Пье, налива́е и підно́сить Каби́ці.)*

Каби́ця. Э, э, э, бу́ду люби́ти *(Бере́ и пье.)*

Илько *поти́ху*. Якъ собака́ цибу́лю.

Кабиця, *ви́пивши*. Спаси́бі!

V.

КУЛИНА *вно́сить на таріці рушники́ и ху́стку.*

Явдоха. На лишъ, Івго, подержъ тарілку; а ти, Ха́рьку, встань та беріть у насъ благословенія, та й зъ Бо́гомъ *(бере́ въ Кули́ни таріку и передае́ Івзі.)*

Каби́ця, *встае́ озира́е себе́ и підхо́дить до Кули́ни, у́браної въ Мару́сину оде́жу; бере́ її и підво́дить до Тупи́ці и Явдо́хи.* Благословіте, та́ту, и ви, ма́мо, молоди́мъ на рушни́къ ста́ти.

Илько *поти́ху*. Гляди́, щобъ не впавъ!

Тупи́ця и Явдоха. Бо́же, васъ благослови́! та, Бо́же, вамъ помага́й на до́бре діло! *(Благословля́ть; по́тімъ Кули́на бере́ ху́стку зъ таріки у Івги и перевя́зуе ру́ку Каби́ці, а по́тімъ рушника́ми черезъ пле́чі Цвіркуна́ и Цвіркунку. Сіда́ють усі.)*

Каби́ця. А що́! мо́же, я не молоде́ць? хочъ въ отютя́пти поверни́, то й тамъ би зъ десятка не ви́кинули.

Илько *поти́ху*. Бачъ, яки́й ко́зирь!

Каби́ця *співа́е пьяни́мъ го́лосомъ*:

Ой ти, дівчи́но
Го́рда да пи́шна!
Ой спаси́бі тобі, се́рце,
Що́ за ме́не ви́йшла!

Кули́на.

Якъ же мицi, коза́ченьку,
За те́бе не ви́йти,
Що безъ те́бе не ма́тиму
Я життя́ у свiтi!

Кабиця.

Отепе́ръ ти, моє се́рце,
Бу́дешъ панува́ти:
Есть у ме́не вівці, ко́ні
И воли́ рога́ті.

Илько *пiдспiвуе тихе́нько*:

Бу́дешъ мене́, моє се́рце,
У плу́гъ запряга́ти,
Та по спи́нi лома́кою
До́бре потяга́ти.

Явдоха, *постерiгши Илька́ въ вiкнi*. Се ти, Ильку?

Илько́. Я.

Явдоха. Иди́ сюди́, вра́жий па́рубче! А то ще хто диви́вся зза плеча́?

Илько́. Та то Пріська Притулівна.

Явдоха. Бачъ! кличъ же й ii сюди́. Отъ же й гара́здъ, що тра́пився бо́яринъ изъ дру́жкою...

Кабиця *спiва́, куняючи:*

Га́рна була́ Мару́сенька,
Ще кра́ща Кули́на!..
Чи е въ те́бе, моє се́рце,
Мяке́нька пери́на?

VI.

Илько́ и Пріська. Помага́й Бiгъ вамъ на усе́ до́бре!

Явдоха. Спаси́бi, дiточки! Иди́, Пріею, до насъ. Ти бу́дешъ дру́жкою, а Илько́ бояриномъ. *(До Цвiркуна́ и Цвiркунки.)* Оце́ жъ бухи́нка панотце́вi и пля́шка горiлки, та й идiть, неха́й вамъ Богъ помага́е.

Кабиця, Кулина, Цвiркунъ и Цвiркунка *выхо́дять. Музи́ки гра́ють вiдхо́жої.*

Тупи́ця. Ота́къ скру́тимо вра́жого Каби́цю, що ёму́ й не присни́тця.

Явдоха. Та де ви, добро́дію, Кули́ну зу́спили?

Тупи́ця. Ишла́ бі́дна дівка світъ за́ очі. Дохо́дилась до то́го, що й істи ніхто́ не дає́. Край чужи́й, ро́ду нема́ нія́кого. Ишла́ та й сіла при Кубані надъ кру́чею и но́ги звішала; то якъ-би́ я не тра́пився на той часъ, то до́сі яки́йсь би сомъ поснідавъ би не́ю до́бре. Такъ я, відкли́кавши, роспита́въ її та почу́въ одъ Илька́, що́ тутъ у васъ дітця, та й напусти́въ її, а да́лі й привівъ изъ собо́ю. Ну, сла́ва Го́сподеві, що такъ тра́пилось. До-зли́дня таки́хъ сіро́мъ пожени́лось зъ молоди́ми дівча́тами, та такі хазяї́ни поробили́сь, що й ге́ть-то. А сёго́ нечи́стий не візме. Та ти зна́ешъ що́, Явдо́хо? Уже́ коли́ робити добро́ лю́дямъ, то робити. Отда́й лишъ Мару́сю за Ива́на Прудко́го?

Явдоха. Та воно́ бъ то й такъ, добро́дію! та тре́ба пе́рше зъ наро́домъ роспита́тись.

Тупи́ця. Та вже съ кимъ хочъ пита́йсь, то всякъ ска́же, що вінъ коза́къ до́брий, зъ се́бе бра́вий, не пъяни́ця, не волоцю́га, не розбиша́ка, а мото́рний, прово́рний: хочъ до лу́ка, хочъ до дрю́ка. Чи ще жъ тобі одино́ке життя́ не обри́дло? (*Мару́ся вихо́дить и поглида́е въ две́рі на вісілля.*)

Явдоха. Дежъ то, добро́дію, не обри́дло, що хто не схо́че, той тілько мене́, бідну, й не обіжа́е? Отъ, якъ-би́ не оцёй челяди́нъ (*пока́зуе на Мару́сю*), давно́ бъ світъ за́ очі пішла́, ато́ тілько й живу́ для не́і. Воно́ ні сло́ва—й грошеня́та во́дятця, та чи на́довго жъ то іхъ ста́не? Все тяга́емо зъ скри́ньки, а въ скри́ньку ніхто́ не поло́жить.

VII.

МАРУСЯ *вхо́дить.*

Тупи́ця. А що́, Мару́сю! я тебе́ оце́ сва́таю. Скажи́ лишъ по пра́ві, чи ти підешъ за Ива́на Прудко́го?

Маруся. А чомъ же, якъ ма́ти ска́жуть?

Явдоха. Отъ бачъ! Вона́ до сёго то́ргу й пішки! вона́ давно́ на ёго стріля́е.

Маруся. Ба́чите бо, ма́мо, я́къ за Каби́цю я не хотіла, що Бо́же мій! сама́ бъ собі смерть заподія́ла, такъ ви каза́ли все: йди́ та й иди́, а за Ива́на, то й не ка́жете...

Явдоха. Бо я Ива́на чи не розгля́діла гара́здъ, чи вінъ мині не полюби́вся, и сама́ не зна́ю....

Маруся. Бáчте, мáмо! óдже слýхайте. *(Співае:)*

Ой ний, мáти, тýю вóдý,
Що я напосúла;
Хвалú, мáти, того зя́тя,
Що я полюбúла.

Явдоха *співáе*:

Ой не бýду водú пúти,
Бýду розливáти:
Нелюбого зя́тя мáю,—
Бýду розлучáти.

Маруся.

Не розливáй водú, мáмо,
Бо тя́жко носúти:
Не розлучáй менé зъ мúлимъ:
Тобí зъ нимъ не жúти.

Явдоха. Эгé! бачъ! Се бъ то мáтері на догáдъ буряківъ, щобъ далú капýсти....

Тупиця. Отъ же слýхай, Явдóхо. Ти на свої витрібéньки плюнь. Этъ ти менé знáешъ? Я вдовéць, дітéй немá зъ рóду, то вже отáкъ мині и вмéрти трéба; а те ти знáешъ, щó въ мéне е?

Явдоха. А я́къ же? се всі знáють, що ви грошовúті добродію.

Тупиця. Эгé! отъ же то бачъ! оцéй Ивáнъ Прудкúй мій хрещéникъ та все примині й живъ, козáцтва вúвчився, и вже, якъ прáвду сказáти, то вéльми дóбрий козáкъ! такъ отъ же й слýхай. Отé, що въ мéне е, то вже кому́ воно́ білше достáнетця, якъ не ёму́? Нехáй тілько менé похова́.

Явдоха. Та якъ се ви, добродію, кáжете, то й я тéе... такъ де жъ вінъ?

Тупиця. Та вінъ тепéръ у козáцькому ділі, та швúдко й бýде. *(Чути гóмінъ и тóпітъ.)*

Тупиця и Явдоха *заразóмъ*. Щó тамъ такé? Та се нáше висілля йде зъ вінчáння.

VIII.

Цвіркунъ *и* Илько *ведýть підъ руки* Кабицю *пьянóго*; Пріська *и* Цвіркунка *идýть и співáють*. Кулина *тýтъ же*.

Летівъ горностáй черезъ садъ,
Пустúвъ піръячко на весь садъ:
Збірáйте, дружечкú, піръячко,
Звийте Кулúні гіллячко.

Сажáють Кабúцю на ослóні а вінъ розвертáетця и засипáе.

Тупиця. Отъ тобі й звивъ Харько́ гіллячко! що й ноги відки́нувъ, мовъ кули́къ після яйця́...

Кабиця *зъ про́сонія* Що́ е за ди́во?... Глянь!... Чого́ се ви догори́ нога́ми хо́дите? що́ се вамъ ста́лось! оце́ ди́во, на світі!... Гай, гай!...

Цвіркунка. Бачъ, я́къ ёго́ розвари́ло! вже ёму́ невість що́ и вижа́етця... Наси́лу перевінча́ли. Тро́хи й попа́ не звали́въ. Повінча́вши ще й пінъ давъ по ча́рці, такъ уже́ Бо́же мій, и рукъ не чу́емо: наси́лу довели́.

Тупи́ця. Ильку! а ходи́ лишъ сюди́.

Кабиця, *ле́жачи дридае нога́ми, мовъ танцю́е, та й приспіву́е*:

Танцюва́ла ри́ба зъ ра́комъ,
А петру́шка съ постерна́комъ,
Цибу́лиця съ часнико́мъ,
А дівчи́на съ козако́мъ.
Цибу́лиця дивуе́тця,
Якъ хо́роше танцю́етця.

Якъ Кабиця ми́мрить пісню, Тупи́ця ше́пче щось Илько́ві на у́хо. Илько́ вихо́дить съ ха́ти та й ка́же: Заразъ, ба́тьку!

Тупиця, *го́лосно*. Потрива́йте лишъ: я ще коло ёго пошепчу́ де́що. *(Підхо́дить до Кабиці, вийма́е зъ кеше́ні капшучо́къ зъ грішми, та й оддае́ Кули́ні.)*

Кабиця, *ду́маючи, що Кули́на*. Та потрива́й, Кули́нко! дай мині відпочи́ти хочъ тро́шки... Хочъ трішечки, Кули́нко!

Тупиця. На́, Кули́но, оці гро́ші, та й заховай, та й гляди́, не дава́й ёму́ до рукъ; а якъ спита́, де дівались, то ти запри́сь, що не зна́ешъ про іхъ и не ба́чила.

Кули́на. А якъ же́ вінъ мене́ би́тиме?

Тупи́ця. Аджé вінъ за́втра тутъ бу́де, то хто жъ тебе́ попу́стить? Ти бо слу́хай, дурна́! Тимъ тебе́ и Кабиця обмани́въ, що ти дурна́ така́. Ось слу́хай та вчись: якъ схо́че Кабиця похмели́тись, або́ якъ на що́ дру́ге тре́ба ду́же, то ти й ви́йми червінця та й купи́, що́ тре́ба; коли́ жъ спита́, де взяла́, то ти й ска́жешъ або́ на ме́не, або́ на Явдо́ху, бу́цімъ дали́ тобі, а чи насъ спита́е, то й ми ска́жемо, що дали́, то вінъ якъ поба́чить, що въ ёго га́спидъ-ма й копійки при душі, а відъ те́бе перепада́тиме, то вінъ тебе́ люби́тиме, жа́луватиме и слу́хатиме. *(Илько́ вбіга́е и принóсить саквй.)* Ке́ лишъ сюди́. *(Бере́ саквй, висипа́е зъ нихъ додо́лу мизеря́ку, знаходить гро́ші въ торби́нці и од-*

дає́ іхъ Кули́ні. На жъ отъ и сі гро́ші; якъ глядітимешъ, то ста́не зъ васъ на ввесь вікъ. *(До Илька.)* А ти, Ильку, візьми́, збери́ все въ сакви́, одеси́, та й повісь іхъ тамъ, де й були́. Та ще слу́хай. *(Зновъ ше́пче щось ёму́ на у́хо.)*

Каби́ця *крізъ сонъ.* У! ху! ху! та й журавлівъ же яко́го бага́то літа́е!..

Илько́, *вихо́дячи.* До́бре, ба́тьку! усе́ зроблю́ по-молоде́цькій.

Кулина *кла́няетця всімъ.* Спаси́бі вамъ, добро́дію! спаси́бі вамъ, моя́ мату́сю; спаси́бі й вамъ усімъ, до́брі лю́де, що не дали́ мині, бідній сироти́ні, пропа́сти!

Тупи́ця. Однесіть же Каби́цю въ хи́жу, неха́й вже тамъ съ Кули́ною собі якъ зна́ють... *(Всі беру́ть Каби́цю и несу́ть черезъ ха́ту въ хи́жу; тамъ ёго́ и Кули́ну зо́ставля́ютъ и всі вихо́дять на кінъ.)*

Кабиця *со́нний співае:*

Навари́ла гарбуза́
Та вки́нула ма́ку;
А въ той гарбу́зъ
Цвірку́нъ загру́зъ,
Тілько ви́дно...

Явдоха. Сіда́йте! сіда́йте! а ти, Івго, пошану́й Пріську та Илька́, якъ при́йде. Спаси́бі імъ, що потруди́лись; ато́ бъ доста́лось бігати та шука́ти боя́рина зъ дру́жкою.

Цвіркунка. Та тутъ таки́й вра́жий Илько́ балаку́чий та чудни́й! Отъ бачъ: тутъ и мовча́въ, мовъ не вінъ, а якъ ишли́ до попа́, то всю доро́гу рего́четця та жарту́е, а я й собі...

Цвіркунъ. Та мовчи́ жъ, леда́що! ато́ я й тутъ ище́ дамъ товче́ника тобі!

Тупи́ця. Та го́ді вамъ витребе́нькувати! Сіда́йте лишъ та слу́хайте гото́вого: оце́ ми вже одно́ діло до́бре зроби́ли, що старо́го Каби́цю ожени́ли съ Кули́ною; а тепе́ръ я сва́таю Мару́сю за Йва́на Прудко́го.

Цвіркунъ и Цвіркунка. Такъ що́ жъ? Бо́же, помага́й! Ими зна́емо, що то коза́къ хоро́ший.

Тупи́ця. Такъ ріша́й же, стара́: чи дає́шъ благослове́ння своій доцці за мого́ Ива́на? Вінъ коза́къ бра́вий; дівка ёго́ лю́бить и хо́че за ёго за́міжъ. Чи такъ, Мару́сю?

Маруся. Коли мату́ся ска́же, то адже́ жъ!

Тупиця. О! бачъ! ну, кінча́й же діло.

Явдоха. Та де жъ вінъ? неха́й же я́витця. Якъ Богъ дасть, що

вéрнетця, то я й поблагословлю́ іхъ, коли́ вже такъ Богъ суди́въ Марýсі. А до того́ ча́су неха́й лишъ молода́ насъ почастýе. Трéба могорічъ запи́ти.

Тупи́ця. Оце́ річъ до діла! А ну́ лишъ, Марýсю, дава́й по ча́рці. Ми вúпъемо за твоé зъ женихóмъ здорóвья.

Маруся. Зъ щúрого сéрця. *(Частýе сóтника.)*

XI.

Илько *вбіга́е, танцю́е й співа́е.*

Эй гопъ! гопъ! гопъ! та чукú!
Повернýлись козакú!

Усі. Чи вже? чи спра́вді?

Илько. Слýхайте! *(Ржуть кóні. Ива́нівъ гóлосъ співа́е:)*

Ой заржú, заржú, воронúй кóню,
Та підъ крутý гóру йдýчи,
Неха́й зачýе сéрце дівчúна,
Снідання готýючи!
Ой на вóлики та налúгачі,
А на кóники пýта,—
Ой колúбъ не ти, сéрце дівчúно,
То не бувъ би я тýта!

Явдоха. *не дослýхавши співу.* Сла́ва жъ тобі, Гóсподи!

Маруся. Ой ма́тінко! се жъ Ива́нъ, се жъ моé коха́нни!

Цвіркунка. Ось цúтте лишъ! годúтця й намъ зустрíти ёго́ пíснею. *(Завóдить. Дрýгі підтягують. Зъ ни́ми й Марýся:)*

Перечýла я черезъ лю́де,
Що мій мúлий въ гóстеньки бýде.
Ждала́ я, ждала́, ждала́-дожидала́,
Ворíтечка та й очпиняла.
Ажъ мій мúлий изъ похóду іхавъ
Та до мене въ гóсті заіхавъ.
Нíчъ моя́ тéмна, а зірóнька я́сна.
Дóле моя крáсна та щáсна!

X.

Якъ іщé пісня співа́ется, увіхóдить ИВАНЪ *въ усій збрóї.* МАРУСЯ *кúдается ёмý на шúю. Якъ доспівали остáннiй стихъ, завіса спускáется.*

ЗАГУБЛЕНІ ДУШІ.

БАЛЛА́ДА.

»Чи ти жъ мене́ вірно лю́бишъ,
Коза́че чорня́вий,
Чи, жарту́ючи зо мно́ю,
Тільки вво́дишъ въ сла́ву?«
—»Не жарту́ю, моє́ се́рце,
Бу́ду вікъ коха́ти,
Неха́й тільки відда́сть тебе́
Та за ме́не ма́ти.«
—»Чи я жъ тобі не каза́ла
Коза́че, серде́нько,
Що за те́бе відда́сть мене́
Старе́нькая не́нька?
Хиба́ жъ та́я цига́ночка,
Ди́влючись въ доло́ню,
Не каза́ла, що я въ не́ні
Щастли́вая до́ня?
Дали́сь мині-таки́ въ знаки́
Ти́і вечірни́ці...
Не відда́сть мене́ за те́бе —
Піду́ у черниці.«

Зорі сяють; середъ га́ю
Дівча́та співа́ють,
А дівчи́ну парубчи́на
Давно́ виглядає.
Не виглядай, бо не ви́йде:
Ма́ти не пусти́ла;
За сусіду бага́того

Її заручи́ла.
»Ма́мо, ма́мо, що́ ти ро́бишъ?
Чи мині жъ зъ нимъ бра́тись?
Хочъ худо́би въ ёго си́ла,
Чи ёму́ жъ коха́тись?
Бода́й же тій циган̀оцці
До́лі не діжда́ти,
Коли́ міні не схотіла
Пра́вдоньки сказа́ти!
Бу́ду клясти́ — спомина́ти
Ти́і вечірни́ці....
Ма́мо, зми́луйсь надо мно́ю
Віддай у черни́ці!«

Не віддала́. Біле ли́чко
Відъ слізъ помарніе,
А сусідки-воріженьки
Ска́жуть: багатіе.
»Не ді́ждете воріженьки!
Хай насъ Богъ проща́е....
Якъ згуби́ли свої ду́ші —
Тільки місяць зна́е...«

По-надъ шля́хомъ, біля га́ю,
Въ одну́ домови́ну,
Положи́ли, завали́ли
Коза́ка й дівчи́ну.
Ко́жну ве́сну, якъ дівча́та
Весня́нту співа́ють,
Про кохання тіе́й па́ри
Су́мно спомина́ють.
Ко́жну ве́сну, на моги́лі
Тя́жко ма́ти пла́че...
Надъ старо́ю голово́ю
Тільки во́ронъ кря́че.

В. Кулікъ.

Полтава, 1860 р.

ЧАБАНЪ.

На могúлі чабáнъ стóя,
Ніби про щó рýпивъ;
Опéршися на дирлúгу,
Очі въ зéмлю втýпивъ.

Заклáвъ рýку у кешéню,
Гаманъ витягáе,
Помнявъ тютюнъ дрібнéсенько,
Лю́льку накладáе.

А, наклáвши, взявъ у зýби,
Гýбки відривáе,
Та, на крéмінь положúвши,
Кресáломъ черкáе.

А вúкресавъ, кладé въ лю́льку,
Тя́гне, димъ пускáе,
Та на вíвці подивúвся
И вітра питáе:

»Де ти, вітре буйнéсенький,
Де ти пробувáвъ?
Скажúмінí, щó по світу
Йдучúпрочувáвъ?

»Скрізь же бо ти, буйнéсенький,
По пóлю гуля́ешъ,
Шумúшъ, гудéшъ, висвúстуешъ,
Тúрсу похиля́ешъ.

»Ти всю хмáру, що підъ нéбомъ
Гóнишъ, куди́ зна́ешъ,

Зъ могúлами, що на пóлі,
Ти самъ розмовля́ешъ.

»На óзері на тúхому
Фúлю підніма́ешъ,
И у лíсі проміжъ лúстямъ
Страше́нно гука́ешъ.

»На де́реві ти листóчки
Всі перебира́ешъ,
А úноли и гілля́ку
Зъ де́рева зіпха́ешъ.

»По садóчкахъ ти скрізь хóдишъ
И вíти лама́ешъ,
И кислúці зъ половúни
Безъ нýжди зрива́ешъ.

»Ніхтó тобі й не борóнить,
Иде́шъ, куди́ зна́ешъ,
Оббива́ти й обрива́ти
Скрізь пра́во ти ма́ешъ.

»Куди́ иде́шъ ти по шляхý —
И куръ підніма́ешъ;
Хто йде, їде прóтивъ тéбе —
Очі засипа́ешъ.

»На ца́рину спотикне́сся,
Кóпи роскида́ешъ,
Зъ стогівъ сіно, що на лука́хъ,
Всюди розвіва́ешъ.

»Хати́, хліви́ роскрива́ешъ
И тини́ лама́ешъ;
Хто накладе́ вогню́ въ пóлі,
И той роздима́ешъ.

»У мо́ре ти наве́рнесся —
И тамъ забушу́ешъ,
Чи мiжъ хма́ру забере́сся —
И тамъ запану́ешъ,

»И тамъ хма́ру, куди́ схо́чешъ,
Изъ гро́момъ попха́ешъ,
Оттаку́ ти, буйне́сенький,
Всюди си́лу ма́ешъ;

»Бо вiдъ те́бе въ те́мнiмъ лíсi
Ли́стя шелести́ть,
И ча́iчка съ паруса́ми
По водi лети́ть.

»Лети́ть ча́йка и доро́ги
Вслiдъ не оставля́е,
А, ти, здоро́въ, куди́ прiйдешъ —
Помина́й якъ зва́ли.

»Въ водi ри́ба, якъ ти иде́шъ,
На дно забере́тця,
Изъ дна слу́ха, якъ до те́бе
Вся фи́ля смiе́тця.

»Фи́ля жъ те все розбира́е,
Що́ ти нi гово́ришъ,
Бо посúнiе здале́ка,
А якъ ти дохо́дишъ,

»За́разъ начне́ надима́тьця,
Вала́ми коти́тьця,
Стовпо́мъ вго́ру пiдня́тьця,
Объ береги́ би́тьця.

»А я стою́ на моги́лi,
Лю́дьку потяга́ю;

Хочъ и чу́ю, що ти ви́ешъ,
Такъ не розбіра́ю.

»Хочъ-би́ мінї розібра́ти,
Якъ та фи́ля гра́е,
И я́къ моя́ гірка́ до́ля
Въ ту́зі погиба́е.

»За́ що жъ вона́ погиба́е —
Чи тобі каза́ти?
Бу́дешъ же ти, буйне́сенький,
Мене́ понима́ти?

»Понима́й же, голу́бчику,
Де́ вже не поня́ти!
Бо я рідним своїмъ сло́вомъ
Бу́ду товкува́ти:

»Що въ посто́ліхъ усю́ зіму
На снігу́ таньцю́ю,
У дира́вій свити́ноцці
»Въ моро́зі тупцю́ю.

»Отта́къ, вітре, якъ ти ба́чишъ,
И дню́ю й ночу́ю
У цій са́мій свити́ноцці
Літую й зиму́ю.

»Росказа́въ би тобі, вітре,
Скільки го́ря зна́ю,
Якъ підня́вся я на но́ги,
Добра́ не згада́ю«, —

Такъ товку́ю зъ бу́йнимъ вітромъ,
А вінъ вухъ не ма́е;
Хочъ я́къ кричу́, роска́зую, —
Вінъ не дочува́е.

Віе собі вінъ, небóга,
Млинúй повертáе,
А тимъ лю́дімъ, що въ невóлі
Слізъ не обтирáе.

»Шумúй жъ, вітре буйнéсенький,
Въ хмáрі й на зéмлі,
Ганя́й же ти шпáрко-шáмко
Човни́й по воді;

»А я на могúлахъ
Літа проведу́;
Ви́куривши лю́льку,
Дру́гу накладу́;
А мáло, то й трéтю:
Тютю́нъ въ гамані —
Пóки до спочúвку
У сирій землі.«

Тирса.

Стихú сі зложúвъ крепáкъ, а тепéръ врéменно-обя́занний. Ти́рсою прозвáли ми ёго́ самú, для ознáки стихівъ ёго́, а прозива́ється вінъ дóма úнше. Нехáй громáда ви́бачить, колú мóза ёго́ прúйдеться їй не скрізь до смаку́, бо тому́ чоловíкові ні въ кóго булó гаразд учúться, — хочъ и то прáвда, що народня пісня — велúка наўка, хто зрозуміе її чúстў красу́ и сúлу.

Ред.

НАСТУСЯ.

ПОЭМА.

(1648).

ПІСНЯ ТРЕТЯ. (1)

I.

Ой бря́знули на дво́рі цимба́ли;
Озва́лися у сінях бояри;
Заспіва́ли дружки́ у світли́ці;
Заби́лося се́рце у вдови́ці.
Голу́бонька зъ голубинчка́ ли́не:
Розлуча́ють зъ ма́тірью дити́ну, —
Розлуча́ють, вино́чкомъ вінча́ють,
Пи́шно, гу́чно по́іздомъ руша́ють.
Не морська́я кучеря́ва фи́ля
Изъ світли́ці Насту́сю вхопи́ла:
Ухопи́ли весільні го́сті...
Жа́ль, Бо́же, її молодо́сті!
Взяли́, взяли́, мовъ изъ са́ду квітку,
Завертіли у білу намітку.
Наміточко, серпа́нокъ тоне́нький!
Жа́ль, Бо́же, старе́нької не́ньки,
Що зъ дочко́ю ще не нажила́ся,
Слізонька́ми гірко облила́ся.

---

(1) Дві пе́рві пісні надруко́вані въ *Основі* за місяць Октябрь.
Ред.

Що дочкóю ще не навтішáлась,
Сиротóю у хáті зостáлась.
Чýє, чýє мáтеринe сéрце,
Якá дóля дóні доведéтця,
На хвилúну щáстя, на хвилúну,
Сумувáння бýде до загúну.
Нá хвилúну зъ мúлимъ обнімáння,
Дóвгі рóки гóря-горювáння.
Чýє сéрце, чýє — не вміє сказáти...
Веселúся, мáти, утішáйся зятемъ!
Слáвний Морозéнко на всю Украíну
Изнайшóвъ у тéбе у хáті дружúну.
Бúвся Морозéнко за нарóдню вóлю, —
Дякуй, мáти, Бóгу за щаслúву дóлю!
Бúвся Морозéнко, козакáмъ на дúво, —
Дякуй, мáти, Бóгу, пóки бýдешъ жúва!

II.

Простяглúсь, пішлú далéко
Луги́ за лугáми.
Красýетця зелéними
Річка берегáми.

Ще недáвно по тій рíцці
Застáви стоялú;
По застáвахъ орандáрі
Мúто зъ людéй брáли. [17]

Ще недáвно берегáми
Стоялú будúнки;
Въ тихъ будúнкахъ погибáли
Нáші Украíнки:

Одъ східъ-сóнця до півнóчи
Тонкý пряжу прялú,

Пря́ли, тка́ли та шляхе́цькі
Скри́ні наповня́ли.

Ще неда́вно ді́ди си́ві
Млинівъ догляда́ли,
Та зъ уну́кивъ ро́зміръ бра́ли,
Па́нові зспина́ли.

Ще неда́вно по три ко́рчми
Стоя́ло на ми́лі,
И що́глами одзнача́лись
Висо́кі моги́ли. [18]

Взяли́сь ди́момъ гострове́рхі
Шляхе́цькі буди́нки;
Виглядаю́ть изза пе́чищъ
Бі́лині хати́нки.

По дво́рищахъ будинко́вихъ
Пасу́тця теля́та;
На рушники́ та на хусткй
Бі́лять бі́ль дівча́та:

Бе́ле на́ша топе́нькая!
Якъ ми тебе́ ви́тчемъ,
Пови́жемо бі́лі ру́ки
Своімъ чорнобри́вцямъ.

Бе́ле на́ша топе́нькая,
Лю́ба на́ша пра́ця!
Го́ді, го́ді кля́тій шля́хті
Изъ дівча́тъ знущатьця! [19]

Нема́ заста́въ, нема́ ми́та!
Везіть, лю́де, жи́то;
Си́нте ро́зміръ не на шля́хту —
На свою́ грома́ду.

Понастро́млюйте на що́гли
Го́лови ранда́рські,

Неха́й зъ вітромъ розмовля́ють
Про поря́дки па́нські!

Повхо́дила кровъ у зе́млю, —
Земля́ пи́шнимъ цвітомъ
Искраси́ла усі тра́ви,
Де шля́хту поби́то.

Закрича́ли страшни́мъ кри́комъ
Всі луги́ й дубро́ви,
Та й замо́вкли, — веду́ть лю́дe
Ти́хні розмо́ви:

Якъ по-Бо́жому, свято́му
Жи́ти на Вкраі́ні,
Осяга́ти підъ лева́ди
Во́льні займанщи́ни.

Заня́въ Гу́ня займанщи́ну,
Заня́въ Моро́зъ дру́гу,
Та й осіли пасіка́ми
Край те́много лу́гу.

А святу́ю ба́тьківщину
Одда́въ Моро́зъ си́ну,
Неха́й веде́ въ стару́ ха́ту
Лю́бую дружи́ну.

Ой дозна́ла стара́ ха́та
Одъ ранда́рства ли́ха,
Та не ки́нула осе́лі
Ма́ти Морози́ха.

Лю́бо вітами стари́ми
Гру́ші ха́ту вкри́ли,
Що ді́ди́ й баби́ на спо́минъ
Уну́камъ сади́ли.

»Утіша́йся жъ молоди́ми,
Ма́ти Морози́хо!
А ми бу́демъ дідува́ти
По пасіка́хъ ти́хо,

»Бу́демъ собі дідува́ти,
Го́спода блага́ти,
Щобъ одвівъ уся́ке го́ре
Одъ твое́і ха́ти.

»По́ки въ це́ркву перерóбимъ
Костёльні руіни,
Неха́й Бо́гу бу́дуть хра́момъ
Пасіки́-пусти́ні.

»А про свя́то ми до те́бе
У ха́ту загля́немъ;
Якъ жили́ ми, горюва́ли —
За ку́хлемъ спомя́немъ.« [20]

III.

Що́ жъ було́ за до́бре, що́ жъ було́ за лю́бо
У старій, діди́зній Моро́зовій ха́ті,
Якъ се́рцемъ-душе́ю раділа-дивилась
На молоду́ па́ру Морози́ха ма́ти!

Що́ жъ було́ за ща́стя, що́ жъ була́ за втіха
Обуши́сі-те́щі, вдові одино́кій,
Якъ зъ-ра́на въ неділю прийде одві́дать
Роди́ну еди́ну, до́ню ясноо́ку!

Посіда́ють лю́бо за столо́мъ дубо́вимъ.
Стара́ господи́ня ста́вить кінву ме́ду.
Широ́ку, квітча́сту коза́цьку-лица́рську
Зачина́е Гу́ня зъ Моро́зомъ бесе́ду.

Га́рні-ненагля́дні діди́ сивоу́сі,
Мовъ голубівъ па́ра, си́вихъ-волоха́тихъ.
Буркоту́ть-гово́рять, мовъ у дзво́ни дзво́нять.
Ззира́етця мо́вчки изъ ма́тіръю ма́ти.

Га́рні, на́че въ срібнихъ образи́ вино́чкахъ,
Батьки́ військови́і на по́куті сія́ють.
Пова́жне обли́ччя, свяги́і розмо́ви,
И о́чі, мовъ зо́рі, ти́хо, лю́бо гра́ють.

IV.

Голу́бко Насту́сю
Не кажи́ мату́сі,
Яке́ го́ре твое́ се́рце чу́е...
Чу́е воно́, ни́е,
Та сказа́ть не вміе,
Що́ ёму́ недо́ленька готу́е.

Хай ма́ти не зна́е,
Що вже въ ти́хімъ ра́ю
Підъ квітка́ми шелести́ть гадю́ка.
Хай вона́ забу́де,
Яка́ тобі бу́де
Немину́ча, невимо́вна му́ка,—

Невимо́вна му́ка —
Изъ ми́лимъ розлу́ка;
Розстава́ння — се́рця розрива́ння;
Розмо́ва ночами
Зъ ними́ стіна́ми; [21]
На посте́лі — въ домови́ні спа́ння.

V.

Діди́ сиві, говірли́ві,
Голу́боньки буркотли́ві!
Буркоче́те, гово́рите, —
Яке́ жъ ли́хо ви тво́рите!

Живе́ сло́во ви сіете, —
Яке́ жъ ли́хо тимъ діете!
Коло жінки Морозе́нко
Не сіда́е вже близе́нько;
Не ди́вится Морозе́нко
Въ о́чі ка́рні пильне́нько;
Изъ осло́на зрива́ется,
За рушни́цю хапа́ется;
Обтира́е вінъ рушни́цю,
Заглида́е въ ладівни́цю,
Чи всі ку́лі, всі набо́і...
Озирне́ ясну́ю зброю,
Ся́де мо́вчки, кру́тить у́са,
Не спогля́не на Насту́сю.
Пону́рится, ви́йде съ ха́ти,
Ста́не сви́стомъ коня́ зва́ти:
»Ой ко́ню мій Бусурме́не!
Нудьга́ тобі жи́ти въ ме́не,
По лева́ді похожа́ти,
Зъ річки во́ду попива́ти.
Го́ді, ко́ню, смутно ржа́ти,
Підко́вами зе́млю рва́ти!
Тобі ну́дно на ота́ві,
Мині ну́дно жить безъ сла́ви,
Ой безъ сла́ви коза́цькоі,
Безъ заслу́ги лица́рськоі:
Що безъ сла́ви се́рце мля́ве,
Безъ заслу́ги се́рцю ту́га.
Тобі тісно у лева́ді,
Мині ду́шно жи́ти въ ха́ті.
Ой пора́ намъ погуля́ти,
До коза́цтва завіта́ти.
Росплету́ я тобі гри́ву —
Всімъ коза́ченькамъ на ди́во;
Уберу́ я тебе́, ко́ню,
Въ щирозло́ту, ясну́ зброю.
На степа́хъ ми вироста́ли,
По-надъ мо́ремъ грасува́ли,

Въ орла́ крилъ ми позича́ли,
Въ мо́ря си́ли здобува́ли.
Прилену́ли на Вкраіну, —
Бу́демъ би́тись до заги́ну!
Не заги́не на́ша сла́ва:
Добъемо́ся до Варша́ви, [22]
А въ Варша́ві на́шу сла́ву
Ми поса́димо на ла́ві,
Неха́й шля́хту вона́ су́дить,
На́шихъ пре́дківъ зъ гро́бу бу́дить
И, призва́вши передъ па́ни,
Поскида́е зъ нихъ кайда́ни, —
Поскида́е зъ нихъ кайда́ни
И залічить въ ду́шахъ ра́ни.
Лю́ба жінко! рідна ма́ти!
Го́ді жи́ти зъ ва́ми въ ха́ті!
Тре́ба шля́хту добива́ти,
Пре́дкамъ ра́ни заживля́ти.
Неха́й пре́дки сплять безъ бо́лю
На крива́вимъ рі́днімъ по́лю,
Неха́й сла́ва провожа́е
Чи́сті ду́ші іхъ до ра́ю.
На́ша сла́ва, на́ша пра́вда
Неха́й бу́де імъ награ́да
За ті му́ки, що терпіли
Одъ коли́ски до моги́ли!«

VI.

—»Ой що́ жъ се ти ми́лий,
Ду́маешъ-гада́ешъ?
Ма́буть мене́ молоде́ньку
Поки́нути маешъ? [23]

»Коня обніма́ешъ,
За гри́ву хапа́ешъ;
Кли́чу тебе́ серденя́ткомъ —
Ти не дочува́ешъ.

»Моé серденя́тко,
Кохáння единé!
На край свíта за тобóю
Пта́шкою полúну.

»Ой рубáйся-бúйся,
Бóемъ веселúся,
А на мéне, молодéньку,
Хочъ разъ озирнúся.

»Бýдешъ кровъ воро́жу
Изъ піскóмъ мішáти, [24]
А я бýду хустúною
Тобí пітъ втирáти.

»Бýдешъ середъ бóю
Зга́гою томúтись, —
Я подáмъ тобі съ крининці
Водúці напúтись.«

VII.

Навернýлась въ Морозéнка
Тéплая слёзúна, —
Пригорнýлася до ёго
Вірная дружúна.

Пригорнýлась... »Розступúся,
Нáша мáти, зéмле!
Я дознáла въ свíті щáстя, —
Бýде, бýде зъ мéне!

»Лýчче мінí заніміти,
Въ домовúні тліти,
Ніжъ коха́ння, мою дýшу,
Изъ рукъ упустúти!«

Ой не со́кілъ зъ високо́сти
Низе́нько спусти́вся:
Морозе́нко въ ка́рі о́чі
Лю́бо задиви́вся.

»Ой чи вамъ же, очена́та,
Слізми залива́тись?
Лу́чче жъ ма́ю гречкосіемъ
На ввесь вікъ оста́тись!

»Занедба́ю для васъ сла́ву,
Завзя́ття лица́рське.
Величáйся, кому́ лю́бо,
У піснях кобза́рськихъ;

»А я зъ ми́лою зоста́нусь,
Мовъ у ти́хімъ ра́ю,
И коня́ на круторо́гі
Воли́ проминяю!«

IX.

Молодо́сте-чарівни́це!
Хто́ тебе́ не зна́е?
Чого́ жъ се́рце замира́е,
Якъ тебе́ згада́е?

Те́пле, те́пле куб'е́лечко
Ти ёму звива́ла,
Въ Бо́жімъ ра́і квіти рва́ла,
Ёго́ чарува́ла.

Зачаро́ване, засну́ло, —
Сни чудо́вні сни́лись...
Чомъ же вони́ не справди́лись,
Якъ о́чі одкри́лись?

Не для тéбе, Морозéнку,
Воли́ крутороги!
Неха́й о́рють, гре́чку сіють
Брати́ твої вбо́гі,

А ти бу́дешъ Украіну
Ора́ти списа́ми
И по по́лю сіять во́лю
Вра́жими тіла́ми.

Бу́дешъ сіять, по́ки ля́жешъ
Въ по́лі спочива́ти.
Бу́де би́тись въ сиру́ зе́млю
Старе́нькая ма́ти; [25]

Розірве́тця зъ бо́лю-жа́лю
Се́рце голуби́не;
Заспіва́е-заріда́е
Уся́ Украіна. [26]

ЗАМІСТЬ ЭПИЛОГА ДО ПОЭМИ —

БРАТУ ТАРАСОВІ

НА ТОЙ СВІТЪ.

У пахáрській хáті
Украіна мáти
Обóхъ насъ рóдила;
У чúстому пóлі
На одномý лóні
Обóхъ насъ пестúла;
Однáкові пíсні
Обóмъ намъ співáла,
На едúне дíло

Обóхъ споряжа́ла.
Розійшли́сь ми рі́зно
Дітьми молоди́ми,
Зустрі́лися пі́зно
Між людьми́ чужи́ми.
Вку́пі працюва́ти
Братъ изъ бра́томъ бра́вся;
Що одна́ въ насъ ма́ти,
Ти не догада́вся.
Бра́тався съ чужи́ми,
Ра́дився съ чужи́ми,
Гордува́въ слова́ми
Щи́рими моі́ми.
И на той світъ ви́бравсь
Изъ семъі чужо́і...
Оста́всь я безъ те́бе
Кру́глимъ сиротою.

Що́ жъ мі́ні чини́ти?
Якъ у світі жи́ти,
Щобъ души́ живо́і
Не занапасти́ти?
Чи мі́ні по то́бі
Су́момъ сумува́ти,
Чи твою́ робо́ту
Взя́ти докінча́ти?

Докінча́ю, бра́те,
Не заги́ну ма́рне, —
Вті́шу Украі́ну,
Ма́тіръ безтала́нну.
Усміхне́тця, бра́те,
Запла́кана Ма́ти, [27]
И ло́бо ій бу́де
Діте́й спогада́ти:
»Різно́ діти, різно
Въ світі пробува́ли,

Та еди́ну ду́шу
Удво́хъ вони́ ма́ли.
Різно діти, різно
По́ світу блуди́ли,
Та на одно́ ділo
Ду́шу положи́ли.«

П. Кулішъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЭМѢ »НАСТУСЯ«.

17. — Стр. 2, ст. 24.

Ми́то зъ люде́й бра́ли.

Мытомъ называлась пошлина съ провозныхъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ, которую брали на заставѣ при переправѣ черезъ рѣку, при въѣздѣ въ городъ и т. п. Въ Украинѣ, при неограниченномъ господствѣ Жидовъ-арендаторей, подъ видомъ мыта, брали съ народа вездѣ, гдѣ ни вздумается бывало арендатору, со всего, съ чего вздумается, и столько, сколько вздумается. До какой степени возмутителенъ былъ этотъ грабежъ, можно судить изъ того, что народъ воспѣвалъ его въ своихъ думахъ, наравнѣ съ кровопролитными битвами и другими своими торжествами и страданіями:

Да бра̀ли ми́то-проми́то:
Одъ возово́го
По пів-золото́го,
Одъ пі́шого пішени́ці по три де́нежки ми́та бра́ли,
Одъ небора́ка ста̀рця
Бра̀ли ку́ри да я́йця,
Да ище́ (Жидъ) пита́е:
»Ци нема̀, ко̀тику, сце цого́?«

18. — Стр. 3, ст. 10.

Ще неда́вно по три ко́рчми
Стоя́ло на ми́лі
И що́глами одзнача́лись
Висо́кі моги́ли.

Кобзарь Андрей Шутъ сохранилъ въ своей памяти вѣрную картину безобразной жадности пановъ польскихъ, которые давали волю своимъ арендаторамъ выжимать изъ народа послѣднюю денежку. Онъ пѣлъ мнѣ:

Якъ одъ Кумівщини да до Хмельнищини....
У землі крале́вській добра̀ не було́:
Якъ Жиди-рандàрі
Всі шляхи́ коза̀цькі зарандова̀ли,

Що на одній ми́лі
Да по три шинки́ станови́ли.
Станови́ли шинки́ по доли́нахъ,
Зво́дили що́гли по висо́кихъ моги́лахъ....

19. — Стр. 3, ст. 26.

Подражаніе народной пѣснѣ-веснянкѣ:

Мала̀ нічка Петрівочка —
Не ви́спалась на̀ша дівочка,
По горі ходи́ла,
Тонку́ біль біли́ла,
Изъ тие́ю біллю говори́ла:
»Ой бе́ле жъ моя та̀ тоне́нькая!
За кого́ пійду̀ я, молоде́нькая?
Якъ я пійду за нелю́ба,
То я тебе́, бе́ле, у чорні потчу̀,
То я тебе, бе́ле, у бу́день зношу.
Ой якъ я пійду̀ та за ми́лого,
То я тебе́, бе́ле, у білі потчу̀,
То я тебе́, бе́ле, у свя́то зношу̀.«

20. — Стр. 5, ст. 6.

Въ-старину очень часто отецъ семейства, устроивши домашній бытъ дѣтей, оканчивалъ жизнь въ уединенной пасікѣ, куда ему обыкновенно доставляли пищу младшія дѣти, внучата, а также и старушка-жена, оставленная имъ для кроткаго руководства молодой семьи. Въ этомъ виденъ народный практическій разумъ. Старику отцу мудрено было бы сохранить достоинство свое въ домѣ, гдѣ молодая сила требуетъ простора и той свободы личности, на которой основывается дѣлимость семействъ въ Украинѣ. Напротивъ, старушка-мать, непривыкшая къ власти подъ владычествомъ мужа, легко подчинится въ главныхъ частяхъ хозяйства господству молодого домовладыки, а для дѣтей его и для руководства молодой жены она необходима. Я видалъ пасічниковъ, въ родѣ Гуни и Мороза. Пасіка у такихъ стариковъ дѣйствительно превращается въ молитвенную пу́стынь. На нихъ смотря́тъ, какъ на отшельниковъ, какъ на людей святыхъ. Тишина уединенія, отсутствіе житейской суматохи въ хозяйствѣ пасічника, свѣжесть окружающихъ его травъ, которыя должны, для самихъ пчелъ, изобиловать цвѣтами, и, наконецъ, таинственное жужжаніе роевъ, которыми онъ правитъ, подъ покровительствомъ святого Зосимы, — все это вмѣстѣ производитъ на посѣтителя то впечатлѣніе, какое, безъ сомнѣнія, производили первобытные славянскіе храмы. Когда прошла по Украинѣ *вели́ка руі́на* и все превратилось въ развалины, что́ говорило о шляхетствѣ и покровительствуемомъ шляхтою католическомъ и полу-католическомъ духовенствѣ, — старикамъ-отцамъ было естественно заступить мѣсто духовныхъ наставниковъ народа. Я знаю одно село, обливаемое напро́весні водою такимъ образомъ, что въ свѣтлый праздникъ нѣтъ возможности добраться до какой-нибудь церкви въ сосѣдствѣ для освященія пасхи. Въ замѣну этого, неграмотные старики собираютъ народъ подъ открытымъ небомъ и говорятъ публично о Христѣ и его ученіи, какъ слышали отъ своихъ дѣдовъ. На всѣхъ этихъ данныхъ основаны стихи мои:

Нехáй Бóгу бýдуть хрáмомъ
Пасіки-пустúні.

Далѣе, въ поэмѣ, слѣдуетъ изображеніе стариковъ, сидящихъ на пóкути подъ образами. Почти слово въ слово я слышалъ 4-й и 5-й куплеты III-ей строфы моей изъ устъ дѣвушки-козачки, разсказывавшей намъ въ Петербургѣ, съ сердечнымъ умиленіемъ, какъ у нихъ по праздникамъ украшается хата присутствіемъ почтенныхъ сельскихъ патріарховъ. Чувство старческой красоты доступно нашему народу, какъ и чувство красоты юношеской.

21. — Стр. 6, ст. 25.

Розмóва ночáми
Зъ німúми стінáми;

Народная пѣсня такъ изображаетъ подобное одиночество:

Ой пійдý я до кімнáти
Постілоньки слáти.
Постіль біла, стіна німа, —
Ні съ кімъ розмовлáти.

22. — Стр. 8, ст. 6.

Добъемóся до Варшáви,

Въ этомъ замыслѣ нѣтъ преувеличенія. Уже во времена Кумейковщины польскіе магнаты выражали свое негодованіе на высокомѣріе козацкое. Идеи завоеванія у козаковъ не было, такъ какъ они чуждались обладанія людьми, но у нихъ всегда было стремленіе ниспровергнуть существовавшій въ Польскомъ государствѣ порядокъ и попрать шляхетскія неправды, какъ называли они всѣ тѣ тенденціи, съ которыми и въ наше время аристократическіе представители Польши выступаютъ на поприще политической пропаганды. Вспомнимъ угрозы Богдана Хмельницкаго въ переговорахъ съ польскими послами. Его рѣчь не была пьяною импровизаціею: онъ высказывалъ то, о чемъ, безъ сомнѣнія, мечтали Морозенки, Богуны и пр.

23. — Стр. 8, ст. 30.

Этотъ куплетъ заимствованъ изъ народной пѣсни:

Що ти, мíлий, дýмаешъ-гадáешъ?
Мáбуть, менé покúнути мáешъ.

24. — Стр. 9, ст. 9, 10.

Бýдешъ кровъ воро́жу,
Изъ піскóмъ мішáти,

Въ народной думѣ Хмельницкій говоритъ козакамъ:

Ой козакú, дíти, дрýзі!
Дóбре ви дбáйте,
Ляхівъ побивáйте,
Кровъ іхъ Лáдську у пóлі
Зъ жóвтимъ піскóмъ мішáйте.

5. — Стр. 11, ст. 11, 12.

Бýде бúтись въ сиру́ зе́млю
Старéнькая мáти;

Въ народной пѣснѣ козаки говорятъ матери украинскаго Ахиллеса:

Не плачъ, не плачъ, Морозйхо,
У сирў зе́млю не бійся...

26. — Стр. 11, ст. 15, 16.

Заспіва́е-зарида́е
Усѧ Украі́на.

Народная пѣсня о Морозенкѣ начинается такъ:

Ой Моро́зе Морозе́нку,
Ой ти сла̀вний коза̀че!
За тобо́ю, Морозе́нку,
Усѧ Украі́на пла́че.

Намекнувъ на извѣстный по пѣснямъ конецъ Морозенка, я оканчиваю этимъ свою поэму. Жизнь этого любимаго героя Украинской старины представляетъ богатую тему для эпоса: онъ попалъ въ плѣнъ Полякамъ и былъ выкупленъ матерью, которая продала для этого не только домашній скотъ, но и всю военную добычу мужа и сына; потомъ онъ отыгралъ всю трагедію Хмельнищины и, послѣ Жванецкой битвы, очутился въ плѣну у Татаръ, которые вырѣзали у него живое сердце.

Вонй̀ жъ ёго́ ані сікли,
Ні въ чве́рті руба̀ли,
Тільки зъ ёго молодо́го
Живцёмъ се́рце взя́ли.

Все это очень завлекательно для поэта; но Морозенко извѣстенъ намъ почти по однѣмъ только пѣснямъ народнымъ. Сновать поэму по этой радужной основѣ значило бы — соперничать съ народною музою, чего я никому не посовѣтую. Другое дѣло — заимствовать отъ нея цвѣты и краски. Притомъ же моимъ намѣреніемъ было — представить козаковъ послѣ войны, или въ промежуткахъ военныхъ походовъ, дома. Въ лицѣ Обушихи я хотѣлъ показать, какихъ женщинъ создавала наша кровавая исторія (вспомнимъ осаду Трилісъ и разореніе Буши), а въ лицѣ Настуси — какъ тяжело падали на нѣжное, полное любви и страсти женское сердце необходимыя условія боевой козацкой жизни. Каковы были козаки внѣ хуторскихъ захолустьевъ своихъ, этихъ пріютовъ поэтическихъ преданій, пѣсень и врожденной мечтательности украинскаго характера, — это изображено мною въ другой, большой поэмѣ: *Велйкі Прóводи,* которую *Основа* начнетъ печатать съ январьской книжки 1862 года.

27. — Стр. 12, ст. 30, 31.

Усміхнѐтцл, бра́те,
Запла́кана Ма̀ти,

Изъ посланія Шевченка:

Обніміте жъ, братѝ мої,
Найме́ншого бра̀та,
Нехàй Ма̀ти усміхне́тця,
Запла̀кана Ма̀ти!

ДАВНЄ ГОРЕ.

ДУМА.

Василе́ві Миха́йловичу Білозе́рському.

Чомъ, Дуна́ю, ставъ ти му́тенъ,
Ставъ ти му́тенъ, калому́тенъ?
Ой чи вітри́ тебе́ зби́ли,
Чи лебеді білокри́лі,
Чи ко́ники вороне́нькі,
Чи козаки́ молоде́нькі? (¹)

Чого́, се́рце, ти суму́ешъ,
Чого́ ни́ешъ-занива́ешъ?
Чи ти но́ве го́ре чу́ешъ,
Чи да́внєє спомина́ешъ?

»Ой хоть чу́ю — не бою́ся:
Я крівце́ю розіллю́ся,
Розіллю́сь по рі́днімъ кра́ю
Одъ Есма́ні до Дуна́ю.
И съ крові уро́дять квіти, —
Звеселя́тця малі діти,
Уквітча́ютця дівча́та,
Радітиме стара́ Ма́ти.
Я суму́ю да́внімъ го́ремъ,
Що зросло́ надъ си́німъ мо́ремъ
И, въ безща́сную годи́ну,
Обняло́ всю Украі́ну, —

Якъ зінóвать розрослóся, (2)
Въ сéрце глúбоко впилóся.
Я сумýю, що не знáю
И не бáчу ёмý крáю.«

На далéкій Украíні
Не однá, не дві дівчúні
Рáді мéне привітáти,
До сéрденька пригортáти,
Въ рéчахъ дýшу вилúвáти,
Брáтомъ, тáтомъ називáти.
Ой дівчáта, ниúшні квіти,
Безталáнні мої діти!
Лýчче менé не вітáйте,
Та слізъ рéвних міні дáйте;
Лýчче менé не цілýйте,
Та зо мнóю посумýйте.
Нехáй сумъ нашъ по Вкраíні,
Якъ та мáти по дитúні,
Плáче — стóгне — вбивáетця,
Въ сóнні дýші врúвáетця.
Нехáй всяке тéпле сéрце
Нáшимъ бóлемъ издрігнéтця,
Нáшимъ бóлемъ, нáшимъ гóремъ,
Що зросло́ надъ сúнімъ мóремъ.

П. Кулішъ.

(1) У пісні співáють:

Чомъ ти, Дупáй, ставъ такъ смýгенъ,
Ставъ такъ смýтенъ, каломýтенъ?
Ой щó жъ, Дупáй, тéбе збило?
А чи гáлочки чорнéнькі,
Чи кóники воронéнькі,
Чи козак молодéнькі?

(2) *Зинòвать* (Cytisus austriacus L., ракитникъ луговой, штебелюнъ. Pallas). Ніякúмъ плýгомъ зінóваті не вúкоренишъ. Пóле, де поросла́ зінóвать, вважáють за пропáще.

ЧУМАЦЬКІ ДІТИ.

МИЦКЕВИЧОВА БАЛЛАДА: POWRÓT TATY.

»Идіть, мої дітки,
Дрібне́нькиі квіти,
На моги́лі ста́ньте
Та на шляхъ спогля́ньте.

»Верта́ється зъ До́ну
Чума́цтва бага́то, —
Чи не надъіжда́є
И вашъ рідний та́то.

»Літечко мина́є,
А ёго́ нема́є.
Чого́сь моє се́рце
Ни́є-запива́є.

»Дощі попсува́ли
Чума́цькі доро́ги, —
Коли́бъ не спіткали
Розбишаки вбо́гі!...

»Помоліте́сь, дітки,
Бо́гові свято́му,
Щобъ та́то щасли́во
Верта́вся додо́му.«

Ра́ді діти уволи́ти
Ма́терину во́лю,
Изняли́сь, покопотіли
На моги́лу въ по́ле.

До могúли припада́ють,
Травúцю цілу́ють,
А ста́ршенъке зачина́є
Моли́тву святу́ю:

»Бо́же, та́ту нашъ небе́сний!
»Змилуйся надъ на́ми:
»Верни́ татуся́ додо́му
»Зъ си́вими вола́ми!

»Неха́й ма́ти сере́дъ ночи
»Тихе́нько не пла́че;
»Неха́й татуся́ здоро́вимъ
»У ві́чі поба́чить!

»А для насъ, мале́нькихъ дітокъ,
»Вчинúй, мúлий Бо́же,
»Щобъ у та́та не о́днято
»Гости́нця въ доро́зі!«

Щúро мо́литця дітво́ра
Бо́гові свято́му,
Ажъ ось — »Гей, гей!« чу́ти въ по́лі,
»Гей, воли́, до до́му!«

—»Та́то! та́то!« закрича́ли
Дрíбні пташеня́та.
Копотя́ть ёму́ назу́стрічъ
Дівча́тка й хлопя́та.

Хто жъ то сло́вомъ те роска́же,
Що́ дiється въ се́рці?
Пригорта́е ба́тько дітокъ,
Пла́че и смiе́ться.

»Що́ мату́ся? чи здоро́ва?
Чи тя́жко журúлась?«

А хлопя́та вже по лю́шняхъ
На ма́жу схопи́лись:

»Гей ви, си́ві, полови́!
Гей, воли́, додо́му!
Щи́ро ми за васъ моли́лись
Бо́гові свято́му.«

Весели́тця ба́тько, гле́дя:
»Чума́цька нату́ра!
Зрости́, Бо́же!... Бу́де на́ша
Не послідня ху́ра.«

Задиви́вся, радіючи,
На дітокъ дрібне́нькихъ,
Ажъ тутъ — »Про́бі!« кри́кне зза́ду
На́ймитъ молоде́нький.

Озирну́вся — вже бурла́цтво
Воли́ випряга́е.
Вінъ до дрю́ка, — навкругъ ёго
Коми́шниківъ згра́я. (1)

»Моли́сь Бо́гу, сяки́й-таки́й,
Та дава́й черві́нці,
Вийма́й су́кні та кора́лі,
Що накупи́въ жінці!«

—»Схамені́тесь, лю́де Бо́жі!
Отъ мое́ бага́тство:
Плугъ волівъ, чоти́рі во́зи....«
Не вважа́ бурла́цтво.

(1) Коми́шники були́ розбишаки степові зъ утікачівъ па́ньскихъ и вси́кихъ и́ншихъ. Наро́дъ бувъ убо́гий, бо не зъ добра́ ки́давъ рідне село́ и се́мъю, та й жорсто́кий, бо, патерпівшись лиха, не вважа́въ и на чуже́ го́ре. Прочита́ти мо́жна про нихъ у *Записках* о *Южной Руси*, I, 75 и 157.

Байдуже́ й на дітські слёзи
Комі́шникамъ кля́тимъ:
Не спуска́ють у доро́зі
Чумака́мъ бага́тимъ.

»Ой беріте жъ воли́ й ма́жі
И ввесь мій пожи́токъ,
Тільки, про́бі, не робіте
Си́ротами дітокъ!«

Свяге́ сло́во — *малі дїти*,
И яке́ то́ се́рце
Що на ба́тьківські гаря́чі
Слёзи не озве́тця?

»Стійте, стійте!« загука́е
Комі́шникъ найста́ршний.
»Утіка́ймо, пани́-бра́ття:
Се здо́бичъ не на́ша!«

Шара́хъ зграя до байра́ка!
Мовъ пта́ство шугну́ли.
Зрадівъ ба́тько, уклони́вся
Въ но́ги гайдабу́рі. (²)

»Ой не дя́куй міні́, бра́те«,
Ка́же гайдама́ка:
»Неха́й бу́де твоя́ Бо́гу
Та діточка́мъ дя́ка.

»Зда́вна я чига́въ на те́бе
Зъ бідола́шнімъ бра́тством.

(²) *Гайдабу́ра* — те жъ, що й *гайдама́ка*, тільки ще гірше: щось жорсто́ке, хи́же и зовсімъ дя́ке. Жінка, що зна́ла одно́ ли́хо за чоловіко́мъ-розбишако́ю, зложи́ла, зъ го́ря, пісню:

Заколю́ я свиню́ бу́ру
Поминати гайдабу́ру...

(Ти худóбою й достáткомъ
Вслáвився міжъ чумáцтвомъ),

»И сёгóдні твоіхъ дітокъ
Бáчивъ на могúлі,
Якъ вонú за свогó тáта
Гóспода молúли.

»Спéршу я сміявсь, а пóтімъ
Порúнули слёзи,
Якъ згадáвъ объ своіхъ діткахъ
И жíнці-небóзі.

»Ой и въ мéне, брáте, дóма
Е дітки малéнькі,
И за мнóю тýжить-плáче
Іхъ безщáсна нéнька.

»Вертáйсь, брáте, до госпóди,
А ви, дрíбні діти,
За мою погúбшу дýшу
Гóспода моліте!«

Лóмусъ.

LAGO MAGGIORE.

Хожý берегáми,
Та й не нахожýся;
Дивлюсь на садú зелéні,
Та й не надивлюся. (1)

(1) У пíсні співáють:

По юлиці хóжу,
Та й не нахожýся;
Дивлюсь, де родúна,
Та й не надивлюся.

Сади́-виногра́ди
Въ во́ду порина́ють;
Поузъ бе́регъ ясні́ сму́ги
Якъ сріблó сия́ють.

Шука́ю-пита́ю
Зеле́ної ру́ти,
Щобъ тебе́, мій рідний кра́ю,
На-віки забу́ти.

Въ тобі, рідний кра́ю,
Лю́де туманію́ть;
По степа́хъ твоіхъ розло́гихъ
Бодяки́ красніють.

Тобі, рідний кра́ю,
Не давъ Госпо́дь до́лі.
Роски́нулась твоя́ до́ля
Моги́лами въ по́лі.

Зійду́ на моги́лу,
Гля́ну на Вкраїну...
Помандру́ю въ чужі́ зе́млі,
Да тамъ и заги́ну.

П. Кулішъ.

ДО ДАНТА,

ПРОЧИТА́ВШИ ЁГО́ ПОЭМУ *Пе́кло*.

Хто не зна́е, Да́нте, твого́ горюва́ння,
Той и твого́ пе́кла страшно́го не взна́е:
Съ твого́ се́рця ви́йшли ті оповіда́ння.

Въ пра́ведному се́рці той огонь пала́є,
Що па́лить у пе́клі ду́ші беззако́нні;
Въ му́ченому се́рці хо́лодъ побива́є

Рожёвні квіти, пи́шні, благово́нні,
Що ги́нуть безъ сліду, що, мовъ сонъ, зника́ють,
Оста́вивши въ се́рці бо́лі невимо́вні.

Неха́й усі лю́де ті́ бо́лі чу́ють;
Неха́й усі зе́млі, всі язи́ки зна́ють,
Якъ вели́кі ду́ші за ввесь миръ горю́ють.

П. Кулішъ.

БЕЗТАЛАННЯ.

Скажіть мині́, до́брі лю́де,
Навчіть мене́, бра́тця:
Якъ у сві́ті поміжъ ва́ми
Зъ ли́хомъ розмина́тьця?
Бо куди́ я ні уда́рюсь,
У які краіни,
То нікóли не мина́ю
Го́ря та кручи́ни;
Чи побра́таюсь и ра́дість
Мовъ ду́шу ухо́пить,
Ажъ дивлю́ся — бра́тъ мій ми́лий
Мене́ пе́рший то́пить!
Чи зострінусь зъ дівчи́ною —
Се́рденько озве́тця,
Я до не́ї — вона́ зъ ме́не
Глуму́е, сміе́тця!
Ма́буть, зги́ну, такъ якъ ги́не
Трава́ на обло́зі;
Бо стою, якъ той само́тній
Горо́хъ при доро́зі...

Кому́ тре́ба и не тре́ба,
Всякъ стрючки́й зрива́е,
И кінь то́пче и вілъ то́пче,
Ніхто́ не мина́е.
Гірко зна́ти, до́брі лю́де,
Ва́жко зна́ти, бра́тця,
Що мині́ між ва́ми зъ ли́хомъ
Та не розмина́тьця.
Чи посію жи́то въ по́лі,
Всімъ со́нечко гріе,
Літо прии́де — жи́то зійде,
Та й зазеленіе;
Ось поспіло, почало́ вже
Коло́сся схиля́ти
Та й повя́не, та й посо́хне,
Бо нікому жа́ти!
Де жъ ти, де жъ ти, моє́ ща́стя,
Де ти забари́лось?
Ма́буть же, хоть на годи́ну
Та й мині́ суди́лось!
Аже́ жъ и я народи́вся
Якъ усі одъ Бо́га
И мині́ изъ-ма́лу спи́лась
Широ́ка доро́га;
И міні́ здава́лось ча́сто,
Що кругъ ме́не ся́е,
И моє́ серде́нько ни́шкомъ
Зъ Бо́гомъ розмовля́е....
Де́ жъ ти, ща́стя, де схова́лось?
Дні безъ те́бе тра́чу.
Зглянь, неха́й тебе́ у вічі
Я хочъ разъ поба́чу.
Глянь крізъ ка́рі оченя́та
Мині́ на годи́ну,
Та й лети́ собі одъ ме́не, —
А я — въ домови́ну.

Невідо́мий.

ДО МАРУСІ Т*.

Не співа́й мині́, земля́чко,
На чужій чужи́ні,
Не нага́дуй мині́, се́стро,
Рі́дної Вкраїни.

Твоя́ пісня порива́е
Туди́ мою́ ду́шу,
Де люблю́ я ка́рі о́чі,
Та забу́ти му́шу.

Не забу́ду я до су́ду
И навпо́слі су́ду!
Тимъ кохáннямъ передъ Бо́гомъ
Хвали́тися бу́ду.

Лю́блять лю́де пи́шні квіти,
Лю́блячи зрива́ють,
А красо́ю, такъ якъ ді́ти
Мете́ликомъ, гра́ють.

Я люблю́ тебе́, дівчи́но,
Якъ дити́ну ма́ти.
Не бажа́ю за кохáння
Лю́бої одпла́ти.

Моє́ се́рце за кохáння
Мині́ одплати́ло,
Що доро́гу мою́ те́мну
Світомъ освіти́ло.

Освіти́ло — та́йну сло́ва
Живо́го откри́ло...
Ой не ду́рно жъ моє се́рце
Жило́ и люби́ло!

П. Кулішъ.

ДІВОЦЬКА ПРАВДА.

Со́нце встава́ло; скрізь на не́бі чи́сто,
Де́-не-де хма́рка гуля́ла по во́лі,
Ти́хо въ дібро́ві, тільки ле́дві ли́стомъ
Щось розмовля́ла висо́ка топо́ля.

»Слу́хай, коза́че!« гово́рить дівчи́на:
»Якъ одно́ со́нце у не́ба свято́го,
Такъ ти, мій любий, вірная дружи́но,
Оди́нъ у ме́не, и нема́ друго́го.«

Со́нце сіда́ло; скрізь на не́бі чи́сто,
Місяць зза га́ю випливавъ по во́лі,
Ти́хо въ дібро́ві, тільки ле́две ли́стомъ
Щось розмовля́ла висо́ка топо́ля.

А вже другому каза́ла дівчи́на:
»Якъ оди́нъ місяць у не́ба свято́го,
Такъ ти, коза́че, вірная дружи́но,
Оди́нъ у ме́не, и нема́ друго́го«.

Невідо́мий.

РОДИНА ЕДИНА.

Ой нема́ на рідний бе́рігъ
Бро́ду-перехо́ду;
Не знайти́ до ро́ду бро́ду
Черезъ би́стру во́ду.

Бы́стра річка — життя́ моє́,
Широ́ка-глибо́ка...
Пла́вле-то́не на тій ріцці
Душа́ одино́ка.

Ой ви́хопись, душе́ моя́,
Та змахни́ кріла́ми,
Полени́, де рідна ха́та
Стоіть міжъ сада́ми.

Ой кого́ жъ тобі позва́ти
Изъ рідноі ха́ти?
Глу́хо въ ха́ті... хиба́ вста́не
Зъ домови́ни ма́ти.

Ой неха́й вона́ уста́не,
На ме́не спогля́не,
Та зо мно́ю своє́ го́ре
И ща́стя спомя́не.

Ой я зъ ма́тернёго го́ря
Набіра́вся си́ли,
Ма́терні святі надіі
Дали́ мині кри́ла.

Облі́та́въ я ти́ми кри́льми
Ввесь світъ-Украіну;
Ся́ду-паду́ одпочи́ти
На вбо́гу моги́лу.

Убо́гая, низе́нькая,
Забу́та моги́ла, —
Вона́ въ ме́не на Вкраіні
Роди́на еди́на.

Навкруги́ стоя́ть гробни́ці
Съ ни́шними слова́ми...

Я на ій повішу ко́бзу
Зъ живи́ми струна́ми.

Ой хто прийде по роди́ні
Пла́кати-рида́ти, —
Бу́де ко́бза ёму́ гра́ти,
Се́рце розважа́ти.

Бу́дуть лю́де по тій ко́бзі
Мою́ ма́тіръ зна́ти,
Зъ не́ю й си́на, якъ еди́ну
Ду́шу, спомина́ти.

П. Кулішъ.

ДУМКА.

Якъ ра́нокъ оси́пле квіточки́ росо́ю,
А між очере́томъ вітре́ць подиха́е,
Прислу́хайся тільки, — чу́ешъ, надъ водо́ю
Мовъ щось потае́мне го́лосно співа́е.

То не солове́йки налетіли въ ло́зи;
Підня́вшись у-го́ру, не чайки́ кигичуть;
А въ тій пісні чу́ешъ и ра́дість и слёзи,
Мовъ би твою́ ду́шу якісь ду́ші кли́чуть.

А нема́ ніко́го... Очерети́ гну́тця;
Въ зеле́німъ лата́тті маківки́ бі́лію́ть;
Понадъ маківка́ми мете́лики въю́тця
И скрізь про́тивъ со́нця я́сно голубію́ть.

А якъ придиви́тись, то між маківка́ми,
Попідъ тимъ леге́нькимъ ра́нішнімъ тума́номъ,
Щось мовъ виглида́е очи́ма-зірка́ми,
Коли́шетця сти́ха тонки́мъ, гнучки́мъ ста́номъ.

Отцé жъ то та дýмка, що дýшу чарýе,
Що сéрцю співáє пісню таємнúчу:
Душá у тихъ співахъ святі дýші чýе:
Вонú ії съ пéкла у тúхий рай клúчуть.

Невідóмий.

ГУЛЬВІСА.

Ой ишóвъ я до дівчúни —
Одъ ворітъ вернýвся:
Підý лýчче до шинкáрки
Горілки напъюся!

Нехáй дóбрі люде слáвлять
Що въ шинкý ночýю, —
Щó за тúждень загорюю —
Зá нічъ прогайнýю.

Лýчче міні одъ громáди
Нарýгу приймáти,
Аніжъ собі вóльні рýки
Навіки звязáти.

Твоі чáрі, дівчúнонько,
Я по людяхъ знáю;
Томý щáстю, томý ráю
Віри не діймáю.

Ой колúбъ насъ не вúзано —
Мóже бъ намъ жилóся,
Що вóлею моé сéрце
Съ твоімъ понялóся.

Ой якéтамъ щáстя-дóля
Дé въ хáті невóля?

Моя́ до́ля — середъ по́ля
Невя́зана во́ля!

Ой загра́й мінї, кобза́рю,
Про ті ча́си да́вні,
Якъ у Сі́чі прожива́ли
На́ші пре́дки сла́вні.

Ой загра́й мінї, кобза́рю,
Неха́й я запла́чу,
Неха́й до́лю — во́льну во́лю —
Крізъ слёзи поба́чу.

Ой запла́чу-зарида́ю,
Ру́тою утру́ся...
До лю́бої дівчи́ноньки
По-вікъ не верну́ся.

Иванъ Го́рза.

Стихи́ Невідо́мого при́слано намъ зъ дога́дкою, що му́сять бу́ти Шевче́нковими пе́рвими про́бами. Не зна́емо, що́ ска́же грома́да, а намъ здае́тця, що ні. Не та ходá и не та мо́ва була́ въ молодо́го Тара́са. Ще жъ и те вва́жимо, що въ ко́жного поэта е кохáні словá, котрі вінъ за́любки́ вимовля́е. Тутъ ми не вбача́емо таки́хъ, що найлюбі́йші були́ молодо́му Шевче́нкові, а вбача́емо такі, що вінъ опісля́ вже почáвъ до свого́ стихá добіра́ти. А проте́ стихи́ невідо́мого ми вподо́бали и про́симо ёго, коли́ живъ, ще приславти въ *Осно́ву*.

Ред.

ГОРДОВИ́ТА ПАРА.

(БАБУСИНЕ ОПОВІДАННЯ.)

I.

Снігомъ віко́нечко на́ше заби́ло... Завірю́ха... Якъ-то на́шимъ тепе́ръ сере́дъ шля́ху? Ростіть скорійшъ, хлопя́та, на підмо́гу татусе́ві. И ма́тери нема́ щось до́вго зъ річки. Ростіть, ростіть, дівча́точка! До́бре сидіти въ те́плому за́пічку за стари́ми голова́ми... А якъ я оста́лась на світі мало́ю сироти́ною — вся́кої ну́жди дозна́ла. Яка́-то, Бо́же мій, да́вня давнина́, а короте́нький часъ-діво́цький на́че міні вчо́ра змигну́вся!. Тепе́ръ, що́ ні почу́ю, забува́ю, а крізъ ті молодо́щі дивлю́сь у давнину́, на́че крізъ во́ду прозірну́. Такъ, якъ оце́ ви обсіли мою́ куде́лю, — щобъ були́ здорове́нькі, — такъ було́ й я зімо́ю гра́юсь лялька́ми при своій бабу́сі... Дай ій, Го́споди, всі мита́рства пройти́, да й не зупини́тись.

Дре́вня була́ моя́ бабу́ся покійничка, — ще-то съ тихъ старосвітськихъ люде́й, що Шве́дчину и вся́кі невпоко́і коза́цькі своіми очи́ма ба́чили. Тоді, діточки, на Вкраіні вело́сь не-попа́шому. Що стра́шно, то стра́шно було́ слу́хати, а се́рце ли́нуло го́лубомъ у ту старовину́ невпокійну. Козаки́ були́ козака́ми, дітоньки, — одно́ сло́во: скрізь па́хло во́лею; земля́ була́ роскішна; ри́би въ воді, звіря въ гая́хъ — аби́ охо́та лови́ти; и тра́ви були́ буйнійші; здае́тця, й со́нце сия́ло кра́ще на свято́му не́бові, — да́лебі, дітки! Тимъ-то й бабу́ся-покійничка було́ ка́же: »Не стае́, не стае́, моя́ дити́но, таки́хъ дівча́тъ и козаківъ по Вкраіні, якъ за мого́ були́ дівува́ння.«

II.

Найчастíйшъ було́ спомина́е про Мару́сю Ковбанівну, що такóї красú, ка́же, и свíтъ наста́въ — не бува́ло. Я, ка́же, була́ ще пíдліткомъ, то мíні її коло цéркви пока́зували зда́леку. До нéї й приступи́ти, ка́же, було́ стра́шно: така́ вели́чня. Кунту́шъ на ій — самí златогла́ви: кора́лі на ій усі въ дукача́хъ. Да́внёго була́ ро́ду коза́цького Мару́ся Ковбанівна, — то ніхто́ не вберéтця кра́ще ій міжъ лю́де. И козаки́-молодики́ ій жаха́лись — не то що. Очи́ма пово́дить — на́че ду́шу съ тéбе вийма́е: все бъ ій росказа́въ, не потаївъ би й гріха́ передъ нéю. Влади́чня, спра́вді, ка́же, влади́чня була́ краса́ въ Ковбанівни.

Ба́тько ій Ковба́ня ота́манувавъ у Сíчі и все мо́ре спла́вавъ, порина́ючи на дно за дорогúми тими́ дука́тами й кора́лями,—такъто лю́де було́ сла́влять. Ато́ ще було́ ка́жуть, що вінъ по той бікъ Днíпра́ у Пóльщі яки́мись козака́ми ору́дувавъ, та й у на́шу сто́рону я́кось прибúвся. Неприступни́й бу́въ чоловíкъ стари́й Ковба́ня, — и жíнка одъ ёго нíчого́ не довíдалась, хто вінъ и що́ вінъ, и звíдкиля́ вінъ, и я́къ вінъ.

III.

Така́ жъ и дочка́ въ ёго ви́кохалась. Стари́й спочúвъ уже́ на цвúнтарї, молодо́ю дівчúною поки́нувъ свою́ Мару́сю. Молоде́ жъ було́, а го́рде й потайне́ — крúй Бо́же! Було́ й на у́лицю міжъ дівча́тъ не ви́йде, тільки хиба́ коло крини́ці, якъ зустрíне кото́ру, тро́шки посто́їть, сло́вомъ ласка́вимъ перекúнетця. И въ бу́день було́ дукачí но́сить; ста́не протúвъ со́нця — королівна, та й го́ді! Вже й дівча́та було́ ка́жуть, що въ нéї й вода́ зъ відеръ на́че срíбло́ ллетця. А козаки́ жъ тоді були́ не на́шихъ порубківъ — воёвники́, хоро́брі моло́дці, а боя́лись до нéї залиця́тись. Така́ була́ та Мару́ся Ковбанівна. Скúне о́комъ — на́че до тéбе заго́во́рить, а заго́во́рить — на́че загра́е. Яки́й би то и коза́къ бувъ, щобъ до нéї зъ жа́ртами, съ прикла́дками! Тако́го не було́ й на всій Гетьма́ниини, здава́лось. Отта́къ було́ роска́зуе мíні бабу́ся. Якъ-о́сь, ка́же, пíшла́ чу́тка поміжъ дівча́тами, що лю́битця Ма-

ру́ся съ Про́хоромъ Осау́ленкомъ, да й лю́битця пе́вне: и въ вишне́вімъ садку́ іхъ ба́чили про́ти місяця, и старосвітську скінда́чку Мару́сину пізна́ли въ Про́хора въ ко́впірі. Лю́битця. А Про́хоръ Осау́ленко бувъ коза́къ не зъ вели́чніхъ; щи́ра душа́, себе́ на́ сміхъ не пода́сть, та й го́ді. Були́ козаки́ на селі про́тивъ ёго — що волоха́ті ту́ркоти противъ го́луба. Отъ же пора́й, укажи́ дівоцькому се́рцю! Покоха́ла Мару́ся Про́хора — и мовъ, та хмели́на, коло́ ёго въе́тця. Що го́рда, то й го́рда, а вінъ спогля́не — и очи́ці спу́стить: всі вже помітили, и ото́ вже хвали́лись: »Бу́демо жъ до́бре да й до́бре гуля́ти на весіллі! Нехай Госпо́дь пару́е, коли́ собі прийшли́сь до па́ри!«

IV.

А багати́рка була́ Мару́сина ма́ти зъ діда-пра́діда: у не́і въ світли́ці підъ столо́мъ були́ зако́пані ще якісь Пиля́вські гро́ші, то сподіва́лись гульні на всю Гетьма́нщину. Про́хоръ бувъ собі такъ, небага́тий коза́къ: ёго́ паноте́ць на осау́льстві ба́тьківщину надполови́нивъ, щобъ-то одъ зна́чного товари́ства не одрізня́тись; такъ отъ же ёго́ Про́хоркові па́ра випада́ла якъ разъ до попра́ви. Чи дивува́вся жъ хто, чи ні, якъ та горди́ня, Мару́ся Ковбанівна, хло́пця собі прина́дила, — а, мо́же, хто й зави́дувавъ Осау́ленкові, я́къ-то вінъ доступи́всь до тако́і кра́лі, ажъ тутъ по селу́ гря́хнула и́нша чу́тка поміжъ моло́діжжю: Про́хоръ Осау́ленко до вбо́гої сироти́ Ори́нки Лободівни го́рнеця. Чи вона́ ёго́ якъ уразі́ла въ се́рце, та гордівни́ця, чи вінъ роздумавсь, а вже прово́дить зъ ю́лиці Ори́нку до са́моі ха́ти, и вона́ на ёго квітка́ми зъ горо́да середу-дня́ ки́дае.

V.

Що жъ на́ша Ковбанівна?.. То́ була́ мовчязли́ва, ато́ ще гі́рша ста́ла: мовъ малюва́ння яке́ пи́шне, сиди́ть було́ на ла́ві въ ма́тери. У неділю було́ за́йдемо до старо́і Кавба́нихи на очена́шъ, то й Мару́ся, верну́вшись изъ це́ркви, увійде въ світли́цю та, не скида́вши блава́ть своіхъ и золото́го дівоцького кара́блика, такъ и ся́де коло віко́нця. Со́нечко вда́рить по тихъ дукача́хъ препи́ш-

ипхъ, по тому́ брузуме́нті сутозолото́му... сяе Мару́ся—квітка квітко́ю! Ще заду́мается трóхи; брівоньки ті я́кось ніби насу́пить,— ажъ чогóсь сумъ бере́, на не́і ди́влячись: важке́ щось на ду́мці въ не́і, и краса́ ii грізна́ яка́сь изробúлась...

А до не́і — прочува́ли ми глу́хо — залиця́всь, черезъ свого́ осаўльця, со́тникъ, старúй Байда́къ. Удіве́ць бувъ и бездітний, а гро́шей си́ла, то неха́й би, ка́же, кому́-не́будь після ме́не доста́лось. Одказа́ла Мару́ся: »Хиба́ я зъ ро́ду гро́шей не ба́чила?« Не зважився панъ со́тникъ и старости́ присила́ти, щобъ не скепкува́ла вродли́ва Ковбанівна. Коли́ жъ чу́емо — по селу́ ту́ркітъ, ту́ркітъ. Самъ со́тникъ ри́дваномъ курúть до вдовиної ха́ти. Зъ ним ро́дичі нова́жні у ридва́ні. Коза́цтва ку́па комо́нникомъ, — ни́шно й гу́чно завіта́въ панъ со́тникъ до Ковбани́хи.

VI.

Тутъ же ми, ка́же бабу́ся, дивуемось тому́ по́їзду, а тутъ дівча́та якъ гукну́ть по селу́:

Пшли́ дру́жечки у три рядо́чки,
Ори́почка та й попе́реду!..

Дівúчъ-вечіръ збира́е вже Ори́на Лободівна: хусткú подава́ла за Про́хора Осаўленка. Такъ о́тъ що воно́ есть — той со́тницький по́їздъ: се жъ на́ша кра́ля хо́че весілля весіллямъ заломúти, місяця со́нцемъ загасúти!.. Такъ и есть! Мару́ся, мовъ зоря́ кра́сна, то въ одну́, то въ дру́гу ха́ту до свого́ ро́ду, до близькúхъ сусідъ и приятелівъ — на дівичъ-ве́чіръ дружо́къ збіра́ти. Вся въ зо́лоті, въ шовка́хъ. Тамъ одна́ пла́хта-*па́вине-пірó* паръ двохъ волівъ чума́цькихъ сто́яла, а кора́лямъ и ціни́ нема́. А су́кня жъ то зъ золотúми у́сами!.. Вже спра́вді такъ було́, якъ співаю́ть:

Пшла́ дівчúна черезъ бір,
А на ій су́кня въ вісімъ пілъ.
Якъ ста́ла су́кня спя́ти,
Ста́ла дібро́ва пала́ти...

Наро́дъ такъ и поривувъ до Ковбанúшиної ха́ти. А въ Ковбанúхи — всі зна́ли — въ лёху́ стоiть дві бо́чки старо́і ковúтоі, що ще Ковба́ня спустúвъ у лёхъ про весілля лю́бої до́ні, та дві бо́чки ме́ду, що зову́ть *пъяне́-чоло́*, або́ *спотúкачъ*, — тако́го, що

одъ одного́ ку́бка́ спотика́тимесся. Оце́ жъ уже́ коза́цтво позні-ма́ло зъ се́бе пояси́ и на пояса́хъ ті всі бочки́ витя́гують и ста́в-лять на зеле́ному моріжку́, покла́вши підъ бочки́ коло́дязну ця́мри-ну, щобъ кра́ще було́ точи́ти. Чу́тка така́ пішла́ (я́къ ті лю́де за́разъ и довідались!), що стара́ Ковбани́ха поки́не буди́ночокъ и дво́рище свое́, до со́тника зъ дочко́ю и зъ усе́ю худо́бою въ ху́-тіръ ёго́ Піжмурки перебе́ретця, то всі тру́нки на весі́ллі до́б-римъ лю́дямъ ви́частуе. А се, ба́чте, во́ля така́ Мару́сина була́, щобъ и ма́ти не жила́ въ нелю́бому ій селі.

VII.

Що́ жъ то за весі́лля ско́ілось, то й сказа́ти не мо́жна! Уся́ со́тня гуля́ла три дні и три но́чі; сами́хъ порохівъ дві мірки ви́-стреляли. Гарма́ти до вдовино́і ха́ти попривозили. Ро́дичі моло-до́і зъ гарма́тъ у воро́тяхъ стріля́ли, а коза́цтво зновъ зъ гар-ма́тами та зъ самопа́лами молодо́і добува́ло. Со́тникъ ве́рхи, си́-вий якъ го́лубъ, у золото́му жупа́ні, въ соболёвій ша́пці зъ ок-сами́тнимъ зеле́нимъ ве́рхомъ, а кінь підъ ни́мъ сірий, якъ ря́-бець, кінь туре́цький, — таки́й кінь, що й стари́й на ёму́ моло-ди́мъ здае́тця. Такъ черезъ гарма́ту й переско́чивъ!

А якъ до вінця́ іхали, то — Го́споде мій! — вісьмери́къ во-лівъ съ Піжмурокъ пригна́ли, таки́хъ, що ко́жна па́ра нещи-сле́нні гро́ші кошту́е. Со́тникъ у чума́цтві коха́вся. Та ще при-везли́ яко́гось німе́цького во́за, довже́незного, що и въ дворі не зміститця, та того́ во́за сами́ми киндяка́ми й ви́слали, ажъ по лю́шняхъ, по коле́сахъ тиліпа́етця, на війя́ киндя́къ ляга́е, а во-ла́мъ ро́ги, якъ те вілце, черво́ними та блаки́тними широче́нними стрічка́ми ввили́, вінки́ зъ дубо́вого ли́сту та зъ золоти́хъ гвоз-ди́ківъ на ши́і вола́мъ повішали. То́ були́ пи́шні воли́, що во́ла ажъ до землі звиса́ють, ато́ — па́че вві сні тобі вви́джуетця *Князь* изъ молодо́ю *княгинею* сидя́ть ви́соко на тому́ во́зі, а на-вкруги́ сва́хи, дружки́, світи́лка зъ мече́мъ и музи́ки; коза́цтво ве́рхи и спе́реду и зза́ду. Простя́гся по́іздъ до само́і це́ркви.

VIII.

И то жъ то въ це́ркві було́ всімъ ди́во: що дві па́рі ра́зомъ бу́дуть вінча́тися: Мару́ся Ковбанівна зъ со́тникомъ Байдако́мъ, а

Ори́на Лободівна зъ Осау́ленкомъ Про́хоромъ. Спра́вді, ка́же бабу́ся, якъ со́нце пога́сить місяця на не́бі, такъ Мару́ся погаси́ла и красо́ю и пихо́ю бага́тою нелю́бу ій па́ру. Хто ба́чивъ іі въ це́ркві — не вся́ке прото́впилось, и я, ка́же бабу́ся, тільки коло це́ркви стоя́ла та на ті воли́ диви́лась, та ди́вомъ дивува́ла, що зъ ро́ду таки́хъ волівъ съ таки́ми пи́шними рога́ми не ба́чила... дакъ хто ба́чивъ, кажу́, Мару́сю въ це́ркві, — вжаха́лися зъ іі краси́ ди́вноі. Біла яка́сь вона́ зроби́лась, тільки тро́шки кра́ски по що́кахъ розлива́лось, та гу́боньки аліли; та ще лу́чча, ще кра́ща, ніжъ було́, якъ зъ Осау́ленкомъ лю́битця. Очі сия́ють, якъ зо́рі, — спра́вді, ка́жуть, якъ зо́рі ті очі сия́ли. Зго́рда позира́ла на Осау́ленка и на ёго Ори́ну, сироту́ вбо́гу. Та́, якъ голу́бка полохли́ва, до свого́ подру́жжя хили́лась. И Осау́ленкові було́ я́кось ніяково. Богъ ёго́ вже зна́е, що́ въ ёго на душі було́ тоді, а по́слі объяви́лося... Неха́й Госпо́дь одъ тако́го боро́нить вся́кого чоловіка хрище́ного... Бода́й би лу́чче тако́го й не чува́ти!

IX.

Одгуля́ли вісі́лля, ви́провадили молоди́хъ у Піжмурки. Прида́нки біснува́лись ище́ съ ти́ждень, переіжджа́ючи то до вдови́ Ковбани́хи, то до со́тника Байдака́. Меди́ й нали́вки лили́сь у ёго річкою. Да́лі все зати́хло. Ковбани́ха ви́бралась до зя́тя. Ще, мо́же, мину́ла неділя, чи й дру́га, а тамъ и ви́явилось ли́хо, що підъ те весе́ле бенкетува́ння наклю́нулось. Тяжке́, дітки моі, ли́хо бува́е съ то́го, якъ яка́ люди́на вро́дитця го́рда та пи́шна! Нема́ чолові́кові ща́стя, въ ко́го жінка бу́де горди́ня; нема́ й жі́нці добра́, коли́ въ чоловіка невгамо́ване го́рдее се́рце. Осау́ленкові, якъ вінъ ще залиця́вся до Мару́сі, чи люби́вся зъ не́ю, про́сто сказати, — здало́сь, що вона́, та Мару́ся, краса́ малёвана, багати́рка пи́шна, що вона́ нимъ горду́е, що вона́ зъ ми́лости ніби тільки до ёго свою́ вквітчану, зо́лотомъ пови́ту го́лову схиля́е. Богъ іхъ зна́е, яке́ тамъ сло́во міжъ ни́ми бо́вкнуло, тільки вінъ засумува́въ тя́жко, тро́хи, ка́жуть, самъ собі сме́рти не заподіявъ, а да́лі — пострі́ва́й же! взявъ та й прихили́вся до вбо́гоі сироти́, до Ори́ни безтала́нноі! А та собі — пострі́ва́й же! та й переказа́ла со́тникові: приізди́ за рушнико́мъ. »Бода́й васъ, моі безтала́нночки! ка́же було́ бабу́ся: хочъ-би ви матірка́мъ своімъ одкри́лися, хочъ-

би одну́ люди́ну ви коло се́бе зъ щи́рымъ се́рцемъ та зъ до́брымъ ро́зумомъ ма́ли!... Сами́ себе́ запапасти́ли, мо́вчки собі по я́мі ви́копали!«... Ось слу́хайте, що́ ста́лось.

X.

Ра́нкомъ въ-осени́, тільки що со́нечко почало́ по кра́сному рідко́му ли́стячку сия́ти, ди́вляться лю́де — по селу́ йде на́ша па́ні со́тничка, та въ чому́ якъ вона́ у́брана? Су́кні на ій су́княми, а коса́ роспле́тена по вітру ма́е, и на голові вино́къ изъ сухи́хъ васи́льківъ та чорнобри́вцівъ, що за сволока́ми по світли́цяхъ затика́ють. Отъ съ того́ ха́тнёго зілля вона́ бідола́шня вино́къ собі сплела́ и бі́жить, якъ та ри́бонька въе́тця, до Осау́ленкової ха́ти. Осау́ленко на́че ждавъ ії — ви́йшовъ назу́стрічъ. Побачи́въ — и зарида́въ якъ мала́ дити́на. Лю́де обступи́ли безтала́нночку божевільню, а вона́ про́сить іхъ на весілля, кла́няетця... Що́ жъ то були́ за жа́лощі! Краса́ ії не зміни́лась, ли́чко гори́ть, очи́ці ся́ють, та стра́шно було́ на не́і диви́тись.

Ви́йшла й нещасли́ва Ори́на съ ха́ти, нічо́го й не ка́же, и чоловіка свого́ не винняе, а той ажъ у сиру́ землю бъе́тця. Коли́ жъ тутъ панъ со́тникъ іде... Похили́вся, — вже не той, що на весі́лі бувъ... зрозумівъ, яко́го собі ща́стя доско́чивъ. Ласка́вимъ, ти́химъ сло́вомъ почавъ свою́ молоду́ жінку́ благати, щобъ додо́му верну́лась. Вона́ на́че й опамята́лась; схили́ла го́лову на бі́лі ру́ки, ли́чко въ доло́ні втопи́ла, — повізъ вінъ ії додо́му.

XI.

Засумува́въ же тя́жко нашъ Осау́ленко пі́сля сёго, запуди́въ світомъ несказа́нно. Зъ лица́ спавъ, ажъ почорнівъ одъ вели́кої ту́ги, и все въ па́сіці зъ ді́домъ-па́сішникомъ сиди́ть. Воно́-то й тре́ба було́ ёго́ по́мочи, щобъ на́ зіму бжо́ли установи́ти, такъ коли́ жъ вінъ и додо́му не навідаетця, — тамъ и почу́е въ курені, и все — роска́зува́въ опісля́ ді́дъ — все мо́вчки пла́че, а вночі вста́не и навкруги́ па́сіки, мовъ неприка́яний, блука́е. Не до́вго жъ се й проволокло́сь. Каза́ли до́брі лю́де: »Бережіть ви сёго́ чоловіка!« та якъ ёго́ вберегти́? То́ не дити́на. Вінъ и діло ро́бить, и нікому важко́го сло́ва не ска́же; и Бо́гу мо́литця, тільки знай мовчи́ть та суму́е, та ча́хне, мовъ свічка та́не.

XII.

На са́мого Нау́ма, ка́же бабу́ся, що дітей лю́де до дяка́ одда-ю́ть, иду́ть на́ші селя́не черезъ гре́блю до це́ркви, ажъ ди́вляться — на стри́жні Осау́ленкова ша́пка пла́вле. А въ ёго була́ запоро́зька кабарди́нка съ кабарди, — ёму́ въ Сі́чі подаро́вано, якъ горі́лку вози́въ у Сі́чъ. Диву́ютця лю́де й жаха́ютця: щось воно́ не до́бре віщу́е. Коли́ жъ дівча́та: »Гля́нте, гля́нте! вино́къ зъ сухи́хъ васи́льківъ та чорнобри́вцівъ!« Спра́вді де взя́вся, ви́плывъ изза осоки́ таки́й са́мо вино́къ, якъ бувъ на молоді́й со́тницці. Почало́ бистрино́ю ша́пку крути́ти, а тутъ вітере́ць повіявъ... И сплила́сь ша́пка доку́пи зъ вино́чкомъ, и поплили́ по стри́жню въ-па́рі.

»Э, та се жъ воно́ щось е тутъ нега́рне!« сказа́ли старі лю́де. »А шука́йте чо́вна, дава́йте не́вода!« Заки́нули не́видъ, — такъ и есть! ви́тягли іхъ у-па́рі. Обня́вшись вони́ въ воді лежа́ли.... Що́-то стра́ху було́ на нихъ диви́тись! що́-то жа́лощівъ! Прибігъ кіньми со́тникъ, и те́ща зъ нимъ прі́хала. Ну, вже тутъ и росказа́ти не мо́жна, гово́рить було́ бабу́ся, яко́го було́ плачу́ та ле́менту. За́разъ іхъ и поховали́; здобули́ въ кого́сь гото́ву просто́ру домови́ну. Надъ ста́вомъ, поміжъ ве́рбами й похова́ли іхъ у одній домови́ні. Нехай іхъ уже́ Госпо́дь хочъ на тімъ світі не розлуча́е!

Петро́ Забоцень.

МЕЖИГОРСЬКИЙ ДІДЪ.

(ОПОВІДАННЄ БАБУСІ.)

Я ще була́ дівчиною, якъ ходи́въ до насъ изъ Межи́горъя яки́й ся здоровє́нний дідъ-па́сішникъ. Таки́й я́кось чудни́й бувъ, — зовсімъ и на па́сішника не похо́дивъ. Ба́тько каза́въ, що вінъ лі́тъ пятдеся́тъ бувъ січовико́мъ, би́вся зъ Ордо́ю, та вже якъ стара́вся, — приіхавъ на байдаку́ зъ кошови́мъ у Межи́горъя и зроби́вся у че́нцівъ па́сішникомъ. Ото́жъ було́, якъ обри́дне ёму́ сидіть изъ ченця́ми, то й при́йде до ба́тька, та й бала́кають собі у-двохъ, спомина́ючи старовину́; бо й ба́тькові доставалося на свойму́ віку́ бува́ти у буваль цяхъ. Було́, якъ за́чнуть объ войні розмовля́ти, то дідуга́нъ за́разъ и въ-бо́ки бере́тця, и вусъ кру́тить, и чо́рта зга́дуе. .. ій же Бо́гу пра́вда! По́ки ще не ви́пье, то було́ и мно́гі лі́та співа́, и ба́тьку, и ма́тері, и мині, апо́стола чита́, — а го́лосъ таки́й у ёго бувъ, якъ зъ бо́чки, ажъ вікна джирча́ть, ажъ гли́на зъ сте́лі си́плется. Якъ же ви́пивъ ча́рку, дру́гу, — то вже го́ді зъ писа́нія, за́разъ почне́ пісні співа́ть, баля́си точи́ть, та таке́ вига́дувать, хочъ зъ ха́ти тіка́й; було́, й мене́ зачіпа́... ій же Бо́гу пра́вда! Така́ вже, ба́чите, запоро́зька нату́ра: ні літа́ ій не ви́вітрять, ни підъ си́вимъ во́лосомъ не схова́ется. И моли́вся вінъ я́кось чу́дно, не такъ, якъ ченці, а мо́вчки, — покло́нівъ не кладе́, — а чо́тківъ було́ ёму́ ченці й не наста́чатця: ура́нці подару́ють, а ввечері вже не пита́й, — загуби́въ.

Разъ мині довело́сь и ба́чить, якъ вінъ моли́вся. Прийшо́въ до насъ та й забала́кався до пізнёго ве́чора, — а тутъ якъ но́чи насу́нули хма́ри, хруго́мъ зама́залось, — а тамъ якъ ушква́рить дощъ—

якъ зъ відра́; зроби́лось, нена́че горобина́ нічъ. Отъ ба́тько и уговори́въ діда переночува́ть у насъ, бо до на́сіки було́ верстовъ пять. »Ори́сю«, ка́же мині ба́тько: »постели́ нанотце́ві у світли́ці.« (Була́ у насъ черезъ сіни світли́чка). Узяла́ я пери́ну, подушки́ и пішла́; стело́,—а тутъ и черне́ць увійшо́въ. Тільки ввійшо́въ, та́къ и хря́пнувсь навко́лішки; якъ уда́рить себе въ гру́ди, та́къ ру́ки й закля́кли въ ёго на́вхрестъ; якъ гля́не на нко́ну, ажъ о́чі, що вже одъ ста́рісти позападали, ви́котились и заблища́ли, — ажъ побіли́въ, якъ кре́йда! Якъ гля́нула я на діда, то мині здало́сь—не то Госпо́дь— и стіна́ почу́ла ёго моли́тву!.. Ажъ гру́ди въ ме́не заложи́ло,—сама́ не зна́ю, я́къ и я опини́лась на колінахъ, и поду́мала собі мо́вчки: »Го́споди, поми́луй и мене́ грішну!« Не до́вго й моли́вся: уста́въ, — тутъ тільки догле́дівсь, що я у світли́ці. »А що́ ти«, ка́же, »тутъ ро́бишъ?« А я ёму́ кажу́: »Стело́ вамъ посте́лю«. Отъ він погради́въ мене́ по голо́вці... За́разъ изъ не́ба, мовъ съ пе́чи: »Неха́й же, ка́же, тобі за се приспи́тця га́рний козакъ«.

Такъ отто́й, кажу́, дідъ и співа́въ и компонува́въ пісні й ду́мки. Разъ у неділю, після обіду, ви́йшовъ у садо́къ и ка́же мині:

— Хо́чешъ, Ори́сю, я тебе́ навчу́ пісе́нь и ду́мокъ?

— Навчіть, нано́че, кажу́:— я ду́же люблю и пісні и ду́мки.

А я змо́лоду ду́же була́ го́стра: було́ на ву́лиці, на вечорни́цяхъ, у до́світки, въ коля́дці, на йгрищахъ, піхто́ якъ я пе́редъ вела́. Безъ ме́не не знали, я́къ и за́ що взя́тьця, якъ и пісню завести́. Було́, якъ ма́ти не пу́стить мене́ на вечорни́ці, то й парубки́ поросхо́дятця, а ста́немо гра́тьця въ хре́щика, або́ въ гусе́й, то ні одинъ-таки́ па́рубокъ, зо всёго села́, не дожене́ мене́: така́ була́ прудка́.... ій же то Бо́гу пра́вда! А парубки́ які були́!.. не тепе́рішнімъ рівня! Які тепе́ръ парубки́? оску́блені горобці передъ ти́ми.... ка́ зна на́ що поперево́дились... Ті, було́, зійдутця на вечорни́ці въ карма́зинахъ, въ блавата́сі, у висо́кихъ смуше́вихъ шапка́хъ, та якъ ста́нуть баляндра́сить, то й ме́ртвий би розгреготався.... ій же Бо́гу пра́вда!.. А було́ якъ понахо́дять зъ Ки́ева вартові козаки́, то таки́й гарми́деръ підійму́ть, — хочъ тіка́й зъ села́! На́шимъ парубка́мъ ни́ки порозбива́ють, осели́дці пообрива́ють, всі вечорни́ці розжену́ть... Та й на́шому бра́ту доставалось: пійма́ють було́ дівчину — а вже одъ нихъ не втіче́шъ, и мене́ лови́ли — обсту́плють та й не пуска́ють. »Се«, ка́жуть, »відьма: ми її ба́чили на Ли́сій Горі!« Бо́житься, заприся́гаеся, такъ

не йму́ть вірн: »тре́ба,« ка́жуть, »подивйтьця, чи нема́ у не́і хво́стика!« И вже, кажу́, не втіче́шъ одъ нихъ и не схова́есся, хочъ пу́щі такі кругомъ села́ були́, що не продере́сся, па́льця не просу́нешъ. Тепе́рички и не вгада́ешъ, де той и лісъ бувъ; тоді трава́ ви́ща була́, якъ тепе́ръ де́рево.... ій же Бо́гу пра́вда! Косарі, було́, ко́сять, та ажъ ко́си лама́ють, а тепе́рички що́? и въ коліно тіе́і трави́ не бу́де...

Ну, такъ ба́чите... що́ жъ я таке́ роска́зувала?.. Отъ ей же Бо́гу забу́ла... якъ згада́ешъ молоді літа́, то здае́тця и не верну́лась би наза́дъ,—тамъ би зъ ду́мкою й оста́лась!.. Эге́, про ду́мки, про ченця́... »Хо́чешъ, ка́же, я тебе́ навчу́ пісня́мъ и ду́мкамъ? Якъ я вмру, то вони́ ще съ тобо́ю поживу́ть яки́й часъ.« Отъ я й ви́вчилась, и ста́ршу дочку́ Окса́ну навчи́ла, такъ шкода́ жъ, дочка́ моя́ вме́рла, а зъ не́ю и пісьні, и ду́мки. Та ще я́къ небога́ и вме́рла: на́глою сме́ртю: гли́нище завали́лось, та й ії придави́ло... Після се́бе оста́вила двое діточо́къ: хло́пчика и дівчинку, манюсенькихъ, ще такъ, тільки що одъ землі підня́лись. Та й си́ротамъ не давъ Богъ талану́: уну́ка оддали́ въ не́крути и погна́ли підъ Ту́рка, та тамъ десь у шпиталі́ и вмеръ, а уну́чка... Опя́ть забреха́лась!.. що́ бо я роска́зувала?.. ій же Бо́гу забу́ла!.. Эге́, навчи́въ мене́ черне́чий дідъ пісня́мъ и ду́мкамъ, и які́ жъ га́рні були́ ті пісні́ й ду́мки! такъ до се́рця й прикипі́ли. Де бъ не була́, куди́ бъ не пішла́, и вони́ зо мно́ю, якъ курча́та за кво́чкою. Засну́, такъ и въ сонъ мій залита́ють, якъ ті бжілки́, що гуду́ть въ вітяхъ ли́пи, якъ вкри́етця вона́ паху́чимъ цвітомъ; а тепе́рička усе́ забу́ла, усе́ розвіялось, якъ та роса́, що ніхто́ и не зна́е, куди́ вона́ хова́етця. Одну́ тільки ду́мку ще й па́мятую, та й ту забу́ду, ко́ли Госпо́дь протя́гне віку. Та й не до́вго жъ мині вже и ди́хать на сімъ сві́ті; зовсімъ стара́ ста́ла, и но́ги не де́ржуть, и не дочува́ю, и не добача́ю, а ча́сомъ такъ гру́ди зало́жить, що й го́лосу не одведу́... Сю зіму, тро́хи була́ не заме́рзла, біля́ самісінькихъ двере́й. Підняла́сь страше́нна завірю́ха, а я й ви́шла зъ ха́ти; тільки переступи́ла порігъ, а мене́ якъ підхо́пить вітеръ—та въ заме́тъ; силкуюсь уста́ть, а мене́ такъ и ва́лить, такъ снігомъ и замі́та; кричу́, такъ що́ зъ мого́ кри́ку, коли́ вітеръ на де́сять голосівъ реве́ та ви́е, и скіглить и гоготи́ть!.. Та вже дівча́та, спаси́бі имъ, догле́ділись, що мене́

нема́, ви́йшли, ви́гребли зъ су́горба и внесли́ въ ха́ту; тро́хи не одубі́ла... ій же Бо́гу пра́вда!

Що́ жъ я росказу́вала?.. опя́ть забу́ла... Що́ за напа́сть така́!.. Почну́, почну́, та й те́е... и зібью́сь зъ пантели́ку... чи пакъ, про ду́мку... Кажу́ жъ вамъ, що одну́ тільки и па́мятую. Дідъ мині каза́въ, що скомпонува́въ ії, якъ ще бувъ молоди́мъ и оста́вся після ба́тька и ма́тери кру́глимъ сиротою. Отъ, слу́хайте, по́ки ще не забу́ла:

Схили́вши го́лову коза́къ,
На роспу́тті стоя́въ,
Зъ своімъ се́рцемъ небора́къ
Таку́ ду́мку гада́въ:
»Одинъ, якъ били́на въ по́лі,
Ча́хну, загиба́ю,
Не по своій во́лі
Талану́ шука́ю.
Нема́ не́пі, нема́ та́та,
Нема́ сестри́, нема́ бра́та,
Нема́ жінки,
Нема́ тітки,
Нема́ во́лі,
Нема́ до́лі...
Моя́ жъ хати́на—
Въ сирій землі домови́на!«
А се́рце ёму́ въ одвітъ
Таки́й дае́ привітъ.
»Не журі́ся, коза́че,
Забу́дь свое́ го́ре,
Огляньсь, небора́че,
На бі́лий світъ-мо́ре!
Твоя́ ма́ти—твоя́ во́ля,
Ба́тько твій—
Степъ сиви́й.
Сестра́ твоя́—твоя́ до́ля,
Брати́ твоі—два пісто́ля!
Го́стра ша́бля—твоя́ жінка,
Япича́рка—твоя́ тітка,
А хати́на—
Світъ безъ ти́на,
Коза́цька пери́на!«
Ма́ти-во́ля тебе́ знаря́дить,
Ба́тько-степъ тебе́ напра́вить,
Сестра́-до́ля не поки́не,
Ша́бля-тітка не заги́не,
Брати́-пісто́лі оборо́нять,

Япичáрка врагівъ одгóнить.
Йди́ жъ, козáкъ, світъ за очи́ма,
Неси́ свою́ смерть за плечи́ма.
Не бійсь сме́рти: пóки живе́шъ—
Ії нема́,
А якъ умре́шъ —
Тебé чортъ-ма́!«

Отъ вамъ и дýмочка.—И ті гáрні були́, такъ забýла жъ... ій же Бóгу забýла!.. Стара́ вже ста́ла, пора́ бъ и кісточкáмъ на вічний покóй... А здаéтця, бýцімъ ще и не дýже стара́. Аджéжъ Кротúха старішъ одъ мéне: я була́ ще дівчинкою, а въ нéї вже було́ трóе діточóкъ, а и дóсі, що-рóку, хóдить на Пречúсту у Кúївъ пішки... А та—якъ ії?.. Дýдничиха... такъ ся далéко ще старішъ одъ Кротúхи, а ще дéржить ії Госпóдь на сімъ свíті. У той рікъ, якъ я вихóдила замíжъ, вона́ оженúла сúна зъ дочкóю того...якъ ёго́?.. що живъ въ тімъ селі, на горі, проти того́, що млинъ збудувáвъ... вінъ же ще чумаковáвъ... Ні, збреха́ла!.. Щó я кажý!.. Не вінъ чумаковáвъ, а той... якъ ёго́?.. що біля́ манастиря́ пáсіка... На умі вертúтця, такъ не згадáю жъ...ще́ жъ біля ёго́ хáти и верба́ росте́... та ні!.. Оттáкъ збреши́!.. Не верба́ — а колóдязь... ёго́ жъ усі знáють... Га?.. не чýю... кахи-кахи́-кахи́... охъ, лúшечко! грýди заложúло... кахи́-кахи́, кахи́-кахи́-кахи́!

Олекса Стороженко.

Межигоръя.
1850 рóку.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

III.

Если выйти изъ хутора Гарного и круто повернуть направо, то встрѣтишь лѣса старые, густые, въ которыхъ, говорятъ, водятся и медвѣди. Въ дѣтствѣ меня очень занимала непроницаемая темнота этихъ лѣсовъ; какъ я ни всматривался въ эту гущину, но никакъ не могъ замѣтить малѣйшаго просвѣта; точно черная стѣна, недвижно стояли, и теперь стоятъ, вѣковые дубы. Задолго до сумерекъ, лѣса эти становятся мрачны, и глухой шелестъ ихъ листьевъ наводитъ на человѣка раздумье: идти туда, или нѣтъ? И вечеромъ, дѣйствительно, никто туда не пойдетъ, кромѣ стараго пастуха Архипа, которому извѣстны всѣ окружныя тропинки. Довольно, говорятъ, войти въ этотъ лѣсъ на 15 шаговъ, чтобъ очутиться въ темнотѣ; а страха такого натерпишься, что лучше было бы и не разсматривать. Подъ осень, по ночамъ, выходятъ оттуда съ воемъ волки; одни отправляются за добычей къ хутору, а огненные глаза другихъ, какъ угольки, высвѣчиваютъ на опушкѣ. И днемъ, въ праздники, отправляясь по грибы, дѣвушки всѣ сторонятся отъ этого лѣса; иная, посмѣлѣе, и вскочитъ туда,—и съ визгомъ выбѣгаетъ поскорѣе назадъ. Страшный лѣсъ! А откуда этотъ страхъ? никто не знаетъ. Спросите любого: видѣлъ ты тамъ медвѣдя? онъ скажетъ: нѣтъ. Что́ же, *лісовйкъ* тамъ живетъ?—и этого никто не знаетъ, никто не видѣлъ и лѣшаго. Повѣрья какія-нибудь есть?—Нѣтъ. —Былъ случай, который навелъ такой страхъ?—И этого не было. Спросите любого крестьянина, почему онъ не ходитъ въ лѣсъ?—онъ непремѣнно отвѣтитъ: »тамъ, ма́буть, нечи́сто.« Почему жъ Архипъ не боится?—*Вінъ заговóрений.* Странно! что́ же, наконецъ, за причина? должна же быть причина?—Нѣтъ причины... Спрашивалъ я и у старыхъ людей, людей умныхъ,

много и хорошо знающихъ, и они ничего не сказали, только, покачавъ головой, совѣтовали и мнѣ не ходить. Говорили бабы, будто жили тамъ когда-то разбойники и много душъ загубили, а теперь души тѣ живутъ въ лѣсу и ходятъ по ночамъ; но бабамъ вѣрить нельзя. Дівча́та — тѣ краснѣютъ да смѣются, когда спросишь у нихъ,—самому совѣтуютъ познакомиться съ лѣсомъ. Живетъ еще на хуторѣ одна старуха—*тітка Маруся*, что́ не боится черныхъ дубовъ и ходитъ въ лѣсъ,—да она чудна́ баба, вездѣ ходитъ, и всѣ боятся ея не менѣе страшнаго лѣса. Кто, говорятъ, обидитъ тітку Марусю,—тому добра не ждать: вѣдьма она, и непремѣнно напакоститъ. И съ-виду она страшная: ей лѣтъ шестьдесятъ, а ходитъ такъ скоро, что и малый лѣтъ двадцати едва поспѣваетъ за нею; одѣвается всегда въ яркіе цвѣта, а плáтокъ на головѣ чорный; ходитъ всегда съ длинной палкой. Никогда работы никакой не дѣлаетъ, а любитъ домашнюю птицу и усердно смотритъ за нею, не любитъ даже, когда повара убиваютъ ее для стола. Лѣтомъ всѣ сидитъ подъ амбаромъ; собирается около нея кучка дѣтей,—она имъ сказки разсказываетъ, да по головкѣ гладитъ, и храни Богъ, обидѣть ребенка: тітка Маруся по́ѣдомъ заѣстъ злого человѣка. Молодыхъ дѣвушекъ она не любитъ, всѣ браситъ ихъ: »се, ка́же, леда́що!« А тѣ тоже, не пропустятъ случая допечь ей какъ-нибудь: молодежь не боится мести старухи; нова́жные хуторяне, напротивъ, обращаются съ нею почтительно, питая сильную вѣру въ могущество ея волшебства. Какъ только выйдетъ тітка Маруся погрѣться на солнышкѣ, дѣти со всѣхъ сторонъ летятъ къ ней навстрѣчу, прыгаютъ около нея, цѣпляются за красную ея запаску и съ радостнымъ шумомъ провожаютъ ее къ амбару, гдѣ обыкновенно бываетъ постоянное ея засѣданіе. Зимою тітка Маруся забирается на печку, въ своей хатѣ, и появляется на воздухъ только затѣмъ, чтобъ полюбоваться на своихъ любимцевъ: курей, индѣекъ, гусей и т. д. Тамъ, на печи, проводитъ она мѣсяцевъ пять въ полномъ уединеніи, шепчетъ что-то цѣлый день, да возится съ котами, которыхъ также очень жалуетъ, въ ущербъ собакамъ, которыхъ терпѣть не можетъ; и если въ ея дверяхъ покажется собачья морда, то у тітки Маруси однимъ горшкомъ меньше непремѣнно: что́ подъ руку попадется, тѣмъ и швырнетъ. Работы, по-обыкновенію, въ рукахъ у нея нѣтъ никакой, и никакія убѣжденія ключника въ томъ, что она даромъ хлѣбъ ѣстъ, не могутъ заставить ее работать. Единственное занятіе, за которое она иногда берется, это—какъ поспѣетъ макъ—добываніе его изъ маковокъ. Вообще, тітка Маруся не любитъ общества и постоянно со-

стоитъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ окружающими. Лѣтомъ, когда люди не на работѣ, хуторяне проводятъ цѣлый день на воздухѣ, и голосъ тітки Маруси не умолкаетъ ни на минуту. Предлогъ къ ссорѣ она найдетъ во что́ бы ни стало. Откуда нашло на тітку Марусю такое мизантропическое настроеніе—никто не знаетъ. Замужемъ она никогда не была; въ молодости, слышно, была отличная работница, изъ себя красавица; сверстники ея, лѣтъ 40 назадъ, были безъ ума отъ Маруси; жениховъ у ней было пропасть. Но Маруся отказывала да отказывала. А тутъ вдругъ съ нею что́-то неладное случилось: спала дівка зъ лица́, а станомъ пополнѣла. Подсмѣиваться начали надъ нею... Вдругъ исчезла Маруся; куда?—никто не зналъ. Искали ее, искали—не нашли, да такъ и забыли. Черезъ нѣсколько лѣтъ она вернулась домой, уже съ покрытой головой, и хлопчикъ съ нею; а гдѣ ходила — никому нес казала. Съ той поры стала она грустна и печальна; много плакала, перестала работать; а тутъ мальчикъ ея умеръ. Затосковала Маруся, постарѣла, посѣдѣла, сморщилась, озлилась на всѣхъ, высохла въ щепку, избѣгала людей, и народъ рѣшилъ, что она вѣдьма.

Особенно не любила тітка Маруся Ондрія. Просто, видѣть не могла его равнодушно; дня не проходило лѣтняго, чтобъ они не поругались. Только завидитъ тітка Маруся своего врага—и пойдетъ кричать на три двора. Ондрій впрочемъ больше всё махалъ только рукой да отдѣлывался междометіемъ: ну, ну!

— Вылѣзло уже пугало! кричитъ Маруся.

— Ну, ну, ну! отвѣтитъ Ондрій, и пойдетъ своей дорогой.

— Куда ты, бісівъ сйну? цыпленка задавишь, дьяволъ!

— Ну, ну, ну!

— Да ты бъ на свѣтъ постыдился смотрѣть!

— Ну, ну, ну! — Махнетъ Ондрій рукой, да поскорѣе въ первую дверь и спрячется.

Ондрій никогда не любилъ говорить о тіткѣ Марусѣ, и всегда становился угрюмъ и сердитъ, какъ только рѣчь до нея касалась. Не тутъ ли была разгадка мизантропіи старухи? Душа человѣка — потемки.

Заговорилъ я о тіткѣ Марусѣ потому, что сказалъ о страшномъ лѣсѣ, съ которымъ я мало-по-малу познакомился. Отъ скуки, взялъ я разъ ружье и пошелъ въ лѣса; прогулки мои повторились нѣсколько разъ. Сначала ружье носилъ я съ собою только для того, чтобы видѣли, что я не даромъ шатаюсь; но мало-по-малу я пристрастился

къ охотѣ, и отправлялся въ лѣсъ почти каждый день. Во время такихъ прогулокъ, заходилъ я иногда далеко отъ дома; кстати кругомъ было много болотъ, и охота была славная. — Въ первый разъ, я какъ-то всталъ на зарѣ, вышелъ изъ дому съ ружьемъ, и случайно повернулъ къ лѣсу. Подошедши къ самой опушкѣ, я однако остановился; жутко стало: черно такъ, что страхъ. Но подумалъ, подумалъ, да и рѣшилъ идти. Скоро я протиснулся въ такую гущину, что и слѣду человѣческаго уже не видно. Но я не обратилъ на это вниманія, бодро шелъ впередъ, и мало-по-малу такъ замечтался, что забылъ совсѣмъ о ружьѣ и не чувствовалъ на плечѣ его тяжести. Утро было чудное; кругомъ такая тишина, что ни одинъ листокъ не шевельнется; только слышался шелестъ моихъ шаговъ, да спугнутая иволга или кукушка перелетала съ дерева на дерево. Тѣсно сплетшіеся между собою кусты загораживали мнѣ дорогу, и мнѣ съ трудомъ удавалось раздвигать ихъ. Солнечные лучи рѣшительно не пробивались въ эту глубь, и я не почувствовалъ ни малѣйшаго жара, хотя шелъ уже часа три. Я забылъ сказать, что лѣсъ этотъ назывался *Сагайдачнымъ*. Причину этого названія я никакъ не могъ открыть; говорили, что такъ называется уже много лѣтъ, и другого названія никто не зналъ и не слыхалъ. Въ этомъ названіи, казалось мнѣ, кроется что-нибудь чудесное, быть-можетъ историческое: недаромъ же освящено оно тѣмъ славнымъ именемъ. Погружаясь въ такія размышленія, я совсѣмъ позабылъ объ окружавшей меня дѣйствительности и перешелъ въ какой-то волшебный міръ, много имѣвшій общаго съ тѣмъ, какой создавало мое воображеніе въ дѣтствѣ. Лѣсъ, переставая уже быть лѣсомъ, превращался въ какую-то одушевленную громаду; деревья, казалось, двигались и заслоняли мнѣ дорогу; вылетавшія изъ кустовъ птицы представлялись мнѣ какими-то врагами, съ которыми я долженъ былъ сражаться. Сорвавшійся съ дерева огромный глухарь такъ перепугалъ меня, что я не цѣлясь, выстрѣлилъ по немъ. Трескъ выстрѣла освѣжилъ меня и разогналъ всѣ фантазіи. Въ нѣсколькихъ шагахъ лежалъ убитый тетеревъ и слабо помахивалъ однимъ крыломъ. Я поднялъ его и сунулъ въ ягдташъ. Тутъ я почувствовалъ сильную усталость; взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что былъ на ногахъ часовъ пять. Принявъ во вниманіе то, что шелъ я не останавливаясь и, повидимому, не мѣняя направленія, я сообразилъ, что былъ отъ дому покрайней мѣрѣ въ двадцати верстахъ. Нужно было отдохнуть; я опустился на землю и, прислонясь къ дереву, задремалъ. Поднявшись черезъ нѣсколько времени, я рѣшительно не

зналъ, куда идти. Не замѣтивъ направленія, въ какомъ я удалялся отъ хутора, и не твердо надѣясь на то, что во все время пути не мѣнялъ направленія, я былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Идти, однако, нужно Я повернулъ влѣво. Пройдя версты три, я замѣтилъ, что лѣсъ начинаетъ рѣдѣть: выходило, что я брелъ не въ ту сторону, куда слѣдовало. Продолжая путь, я наткнулся, наконецъ, на дорогу, на которой замѣтны были слѣды колесъ. Но это помагало мало; я всётаки не зналъ, куда повернуть, направо или налѣво. Слѣдуя, впрочемъ, правилу мудрыхъ, повернулъ налѣво. Дорога эта привела меня сперва къ небольшому озеру, а потомъ къ селу. Въ сторонѣ, на маленькой возвышенности, стояла большая выбѣленая хата. Я подошелъ къ ней. Прежде всего ко мнѣ бросилась огромная собака съ лаемъ; отмахиваясь отъ нея ружьемъ, я добрался до дверей, которыя, полѣтнему, были отперты. Спиной ко мнѣ сидѣла дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Я попросилъ воды и позволенія отдохнуть. Миловидная дѣвочка встала и черезъ нѣсколько секундъ принесла кружку съ водой, и подала мнѣ, низко поклонившись, что́ означало: Бу́дте здоро́ві пи́вши!

— Чия́ се ха́та?—спросилъ я.

— Оста́пова, отвѣтила дѣвочка.

— Се твого́ ба́тька зову́ть Остапомъ?

— Ні, діда.

— А тебе́ якъ зову́ть?

— Прі́ською.

— Де жъ твій оте́ць?

— Ба́тько вме́ръ, отвѣтила Приська.

— А ма́ти?

— И ма́ти вме́рла.

— А де жъ дідъ?

— Въ ха́ті, нездýжае.

— Що́ жъ, ви вдвохъ живете́?

— Ні, у ме́не е сестра́ и братъ. Сестра́ — на огоро́ді, а братъ — чумаку́е.

— Чимъ же дідъ нездýжае?

— А хто ёго́ зна́е, равнодушно отвѣчала Приська:—все боли́ть.

— И давно́ вже?

— Зъ місяць бу́де,—тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ отвѣтила дѣвочка.

— Що жъ вінъ, усе лежи́ть?

— Ні, йноді вивóдимъ ёгó на сóнце, — сидúть на прúзьбі.

Я вошелъ въ хату. Слабый свѣтъ, врывавшійся черезъ небольшое окошечко, заслоненное снаружи большимъ дубомъ, не позволялъ сразу осмотрѣть все. Но вскорѣ я замѣтилъ въ углу, на *полу́*, человѣческую фигуру, лежавшую лицомъ къ стѣнѣ. Человѣкъ этотъ, на шумъ, произведенный моимъ появленіемъ, отозвался вопросомъ:

— Се ти, Пріська?

Я назвалъ себя и объяснилъ, по какому случаю попалъ къ нему въ гости. Затѣмъ освѣдомился о его здоровьѣ.

— Охъ, нездýжаю! слабо отвѣтилъ больной.

При этомъ онъ съ усиліемъ повернулся на другой бокъ, и сѣлъ, поджавъ ноги. Подойдя къ постели, я увидѣлъ очень старого дiда. Рѣдкіе, пожелтѣвшіе уже волосы свидѣтельствовали о многихъ годахъ, пронесшихся надъ этой головой; лицо, по-видимому, нѣкогда длинное, высохло, сморщилось и цвѣтомъ походило на высохшій лимонъ; когда-то длинный носъ свернулся въ крючокъ; губы впали; глаза, лишенные всякаго блеска, ушли такъ глубоко въ свои орбиты, что трудно было разглядѣть ихъ сразу; черты потеряли выраженіе, и даже не отражали въ себѣ физическихъ страданій. Вся фигура старика такъ умалилась и скомкалась, что издали можно было принять ее за дѣтскую. Болѣзнь, продолжительная, безъ всякаго пособія, насквозь проѣла несчастнаго человѣка, вытянула изъ него всю жизнь, оставивъ только легкую оболочку, которая едва удерживала дыханіе, ежеминутно готовое отлетѣть.

— Щó въ тéбе болúть? спросилъ я.

— Охъ, усé болúть, прошепталъ старикъ, медленно покачивая головой. — Лихомáнка здавúла, прибавилъ онъ.

— Давнó ти нездýжаешъ?

— Да вже, мабуть, лiтъ съ пять, якъ не встаю́: нóги не слýхають..

— Чи ти́ жъ лiчúвся?

Старикъ хотѣлъ улыбнуться; но только пошевелилъ сухими губами и махнулъ рукою.

— И молодúмъ бувъ, такъ не лiчúвся нiкóлu, атó бъ на стáрiсть здурiвъ! насмѣшливо проговорилъ онъ.—Якъ прúйдетця не вмоготу́ терпiти, такъ я вúпью кваску́, отъ и всi мої лiки. А лiчúться — хибá щобъ лю́де смiялись! Ні! Да вже стáрiсть прийшлá, порá й умирáть. Дýмавъ, що пóстомъ кóнчусь, зовсiмъ одхóдивъ, и попá вже звáли; такъ ні,—ще вúдержавъ. Тепéръ, колúбъ внýка побáчить да благословúть... вiнъ у мé-

не сла́вний хло́пець, — лiтъ сiмъ ужé чумаку́е. Колúсь, то бува́ло й я ходúвъ у Кримъ...

Старикъ замолкъ, утомленный длинною рѣчью.

— Ти бъ тепле́нького напúвся, тра́ви яко́i-не́будь; все ле́гше бъ було́, замѣтилъ я.

— Усé одна́ково, — умира́ть тре́ба. Я пожúвъ чима́ло, — нiчого жалiться; дiте́й нема́; внуча́та повипроста́ли: одна́ на ви́данню дiвчина — Окса́ною звуть, а Прiська — ще пiдро́стокъ. Якъ дожúву́ до зiми, ви́у́чка ожену́. Ато хочъ-би́ за́разъ уме́рти: обри́дло, пра́ву ка́жучи, жить: *за года́ми й свiту не ви́дно.*

— А скiльки тобi годъ? спросилъ я.

Старикъ помолчалъ, подумалъ, покачалъ головой и вздохнулъ.

— Охъ, пани́чу, пани́чу! бага́то менi годъ, бага́то, що й не скажу́... Ось якъ стро́iли дворе́ць у Бату́ринi, такъ ба́тько мiй лiсъ возúвъ туди́, — такъ и мене́ бравъ изъ собо́ю; я ще малúмъ хло́пцемъ тодi бувъ... А тепе́ръ, ка́жуть, ужé й дворе́ць той роспада́ется... Такъ, що менi бiльше́ ста лiтъ повúнно бу́ти.

При воспоминанiи о такой старинѣ, Остапу удалось улыбнуться. Онъ замѣтно повеселѣлъ, вспомнивъ, видно, что́-то хорошее.

— Я поле́жу да посмокчу́ лю́льки,— сказалъ старикъ, вытаскивая изъ-подъ-себя люльку и кашукъ съ табакомъ: — чи не поле́гшае.

Дрожащими руками набилъ онъ люльку, взялъ въ ротъ, даже самъ огонь высѣкъ, и съ наслажденiемъ потянулъ дымъ.

— Самúхъ царiвъ да царúць скiльки вме́рло за мого́ життя́! заговорилъ снова Остапъ. — Гетьма́нства тiльки шмато́чокъ зазна́ю, ато́ тiльки чува́въ. А ще зазна́ю, якъ у насъ вiльно було́... Синú мої пiдъ Ту́рка ходúли... самъ я не ходúвъ, а синú ходúли: двохъ тамъ и вби́то. Та се жъ колúшне ще дiло!— да́вня рiчъ! *Щу́ка* тодi ще й со́тникомъ у насъ не бувъ. О, сла́вний бувъ со́тникъ! Нiхто́, було́, въ со́тнi не перенé ёго́. Гетьма́на якъ iздили стрiча́ть, такъ я при ёму́ верховúмъ бувъ. Отъ, стрiтили... Ура́ кричали. Панъ гетьма́нъ бувъ у капта́нi, зо́лотомъ шитiмъ, и звiзда́ була́ на боку́, — подúкувавъ намъ, па́ну со́тнику сказа́въ ласка́ве слово́; въ Моско́вщину вiнъ тодi iхавъ. Отъ, Щу́ка, ви́провадивши ёго́, сiвъ обiдать, да пúва такъ насмокта́вся, що тiльки головою́ та рука́ми помота́въ, пробелькота́въ щось — та й Бо́гу ду́шу одда́въ... А тамъ уже дру́гi поря́дки пiшли́, — прибавилъ Остапъ, помолчавъ немного.

— А жiнка твоя́ давно́ вме́рла? спросилъ я.

— Э, пани́чу! и не спомина́йте: ще до Хранцу́за; а тре́тій синъ бувъ и підъ Хранцу́зомъ, да вже верну́вшись до-до́му одружи́вся, да го́дівъ зъ де́сять тому вме́ръ, а торікъ и невістка уме́рла. Ону́ки, дай Богъ імъ сча́стя! оста́лись... Вони́ у ме́не роботя́щі оби́дві, а найбілшъ — Пріся, хочъ и мала́... Ну, звісно, то вже дівка.... не робо́та въ ії на умі. Тепе́ръ, що літо, дакъ такъ ти́хо, — парубківъ нема́ до́ма; а всю зіму га́ласъ на селі таки́й, що Бо́же упаси́: вечорни́ці, да весілля́, да коло ши́нку зберу́тця. Ну, не мо́жна... и Окса́на — и та туди́ жъ лізе... Я все ій кажу́, щобъ стерегла́сь, щобъ не здуріла.

На нѣсколько минутъ мы оба замолчали. Но старикъ, по-видимому, обрадовался случаю поговорить, вспоминая былое, можетъ быть, въ послѣдній разъ передъ смертью, а потому скоро заговорилъ снова:

— Згада́въ я Хранцу́зівъ: жа́лко було́ й диви́тись, якъ гна́ли іхъ, бідола́шнихъ, зімо́ю, цілими вата́гами. На іхъ, біднихъ, и оде́жини пошти́ ніякоі нема́: той у жіно́чу ю́нку вбра́вся, той но́ги соло́мою обгорну́въ, дру́гий въ однімъ мунде́рчику, — дрижи́ть уве́сь, — а въ то́го на голові намо́тана рогіжка... иду́ть — підска́кують, да все: ала́! ала́! Ну, приго́нять іхъ у го́родъ, або́ въ село́, — погріютця тро́хи, а тамъ — изно́въ... у доро́гу... А поба́чить, чо́ртівъ синъ, га́рну дівку, — такъ и ки́нетця до не́і, такъ и рве́тця... Эге́!.. бага́то-таки́ довело́сь мині поба́чить на віку́, бага́то... Ба́тько, ма́ти уме́рли, жінка, діти... а рідні — и не зна́ю вже — скільки; а тепе́ръ отъ и само́му прихо́дитця на той світъ вибира́тись... Пора́, пора́... Ка́жуть: »тя́жко умира́ть«. Бре́шуть, ій Богу—бре́шуть! Тя́жко такъ лежа́ть да боліть, а умира́ть—и не тя́жко и не стра́шно. Гру́ди да́вить, ди́хати тру́дно, да безсо́нниця; воро́чаесся, воро́чаесся цілу нічъ, сто́гнешъ, по́ки уто́мисся, ви́куришъ и́поді лю́льку... само́му ажъ су́мно ста́не... хочъ-би́ скоріше смерть! Всі якъ ви́йдуть изъ ха́ти, — води́ нікому пода́ть, а въ го́рлі такъ пересо́хне, що ажъ скрипи́ть... чого́ тутъ жить ище́? пропада́ть скоріше!

Бѣдному Остапу становилось, вѣрно, тяжело; боль, должно-быть, допекала; онъ началъ метаться; голова слегка затряслась, удушливый кашель дребезжалъ въ горлѣ, дыханіе ускорилось, и сидѣть ему было не-въ-мочь; онъ прилегъ... Пріська подошла къ лавкѣ, равнодушно посмотрѣла на старика, сложила на груди руки, потомъ поймала у себя на носу муху, и отошла. Я подалъ Остапу воды; пропустивъ въ горло нѣсколько глотковъ, онъ по-видимому успокоился, поднялся опять, и попросилъ квасу. Съ наслажденіемъ тянулъ старикъ этотъ ѣдкій напитокъ, который, очевидно, былъ ему вреденъ, но увѣрить его въ

этомъ было совершенно невозможно; напившись, онъ нѣсколько ободрился. Я опять совѣтовалъ ему напиться теплаго; но Остапъ рѣшительно воспротивился и опять повторилъ, что смолоду не лѣчился, и теперь не станетъ.

Между-тѣмъ, мнѣ пора было возвращаться домой. Я сталъ прощаться съ Остапомъ, обѣщая навѣстить его еще когда-нибудь. Старикъ благодарилъ за посѣщеніе, совершившееся, впрочемъ, случайно; на прощанье сказалъ, что зналъ моего отца, похвалилъ его, прибавивъ:

— Вашъ отéць бувъ ищé незгірший панъ, ато есть такі, що...

И замолчалъ.

Когда я спросилъ, кáкъ пройти домой, онъ сказалъ, что Оксана выведетъ меня на дорогу, бывшую неподалеку, и велѣлъ Пріськѣ позвать сестру. Я вышелъ изъ двора и ждалъ Оксану за воротами. Чрезъ нѣсколько минутъ она вышла.

Взглянувъ на мою проводницу, я былъ пораженъ: Оксана была рѣдкая красавица. Сильный загаръ на смугломъ лицѣ придавалъ ея чернымъ глазамъ блескъ и силу необыкновенную. Она стояла потупившись, смущенная нѣсколько присутствіемъ посторонняго лица, да къ тому же еще и паничéвського; но когда, по временамъ, она бойко вскидывала на меня свои глаза, я не могъ удержаться отъ волненія: столько было въ нихъ жгучей страсти. Чего бы не дали барыни и барышни за такіе глаза и за умѣнье такъ просто и естественно владѣть ими! А между-тѣмъ Оксана и не подозрѣвала въ себѣ этой силы и прелести, взглядъ ея не былъ плодомъ долгихъ и трудныхъ упражненій, искуство не изощряло его: одна природа, или, пожалуй, игра случая, тáкъ распорядилась, потративъ на эти чудные зрачки огромное богатство. Костюмъ Оксаны, оторванной отъ работы на огородѣ, тоже былъ не изыскань: заношенную рубаху обхватывала темная запаска, подвязанная на таліи поясомъ, да на густыхъ каштановыхъ волосахъ надѣтъ былъ небольшой узко-сложенный ситцевый платокъ; прибавьте къ этому два цвѣтка краснаго маку — вотъ и весь нарядъ. Стройная, гибкая, съ здоровою античною грудью, — Оксана была невообразимо хороша; полнѣйшее отсутствіе сознанія своей красоты придавало ей прелесть самой природы, въ лучшую ея минуту.

— Ти проведéшъ менé? спросилъ я, когда миновало мгновенье удивленія.

— Я, тихо отвѣчала она.

Мы пошли. Оксана шла долго позади меня, и если я отставалъ,

чтобъ поровняться съ нею, она тоже сдерживала походку. Дѣлалось ли это изъ уваженія къ моей особѣ, или въ видахъ предупрежденія какой-нибудь нескромной выходки съ моей стороны, —я не знаю. Но какъ бы то́ ни было, это очень огорчало меня: мнѣ сильно хотѣлось заговорить съ нею. Я въ первый разъ былъ съ глазу на глазъ съ простою деревенскою дівчиною, и мнѣ крайне любопытно было узнать ея мысли, складъ рѣчи, понятій и т. п. Эта новизна казалась завлекательнѣе самой красоты, а тутъ-то я и не зналъ, — ка́къ приступить къ бесѣдѣ. Наконецъ, собравшись съ духомъ, рѣшился заговорить о соловьѣ, хотя и чувствовалъ, что это будетъ несовсѣмъ кстати, — не то́, что́ нужно. Та́къ оно и вышло: на замѣчаніе мое о соловьиномъ искусствѣ въ пѣніи, Оксана съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, находя, вѣроятно, мое замѣчаніе глупымъ, и едва отвѣчала, что ихъ тутъ бездна и что они всегда та́къ поютъ.

— Не то́! подумалъ я. — Що́ ти робы́ла на горо́ді? перемѣнилъ я вопросъ.

Тутъ она уже посмотрѣла на меня еще съ бо́льшимъ недоумѣніемъ, широко раскрывъ глаза, — точно я спросилъ, идемъ мы лѣсомъ, или плывемъ по водѣ?

— Поло́ла, — отвѣчала она однако, немного погодя.

— Опять негодится! подумалъ я, прибирая, между-тѣмъ, приличный вопросъ.

— А ча́сто ти на робо́ті? заговорилъ я, немного погодя.

— Да що-дня́, отвѣчала Оксана, громко разсмѣявшись.

— А, чортъ-возьми! чуть я не вскрикнулъ.

Оксана снова засмѣялась.

— Чого́ ти сміе́сся? — спросилъ я, поровнявшись въ этотъ разъ съ нею, и подойдя какъ-можно ближе.

— Да чого́ жъ ви пита́ете, чи я ча́сто на робо́ті? Якъ же у насъ не робы́ть по бу́дняхъ? — Ми не пани́, — прибавила она потомъ.

— И не ску́шно... чи те́е... не ва́жко тобі? поправился я поскорѣй.

— А хочъ и ва́жко?.. не сидіть же, скла́вши ру́ки. На те́ діло, щобъ робы́ть. Хто́ жъ бу́де за ме́не робы́ть? Ми наймичо́къ не де́ржимо.

— А кра́ще, одна́къ, співа́ть да съ парубка́ми гуля́ть, — лукаво замѣтилъ я.

— На те с неділя да праздники́, возразила Оксана, слегка улыбнувшись. — А парубки́ хиба́ гуля́ють? вони́ тожъ день-у-день на робо́ті...

— Ти, однáкъ, лю́бишъ гуля́ть съ паруо́ка́ми?

— Чому́ й ні?! Съ кимъ же дівча́тамъ и гуля́ть, якъ не зъ хло́пця-ми? отвѣчала она уже довольно бойко, начиная, по-видимому, освоиваться со мной.

— А бага́то у васъ на селі хло́пцівъ?

— Да чима́ло... на всіхъ ста́не!

— А кото́рий же кра́щий?

— Кото́рий?.. переспросила она, какъ бы обдумывая отвѣтъ. — Да всі га́рні... якъ кому́.

— А тобі жъ хто кра́щий?

— А хто жъ? мій мині й кра́щий.

— Якъ же ёго звуть?

— Степа́номъ.

— Вільний, чи па́нський? спросилъ я.

— Авже́жъ вільний, съ гордостью отвѣчала Оксана.—На́ що мині па́нський? я сама́ вільна, такъ вільного й зна́ю. Да у насъ у селі нема́ па́нськихъ: все козаки.

— Що́ жъ? лю́бишъ ти Степа́на?

— А вамъ на́ що знать? про те́ я зна́ю.

— Вінъ ду́мае взять тебе́ за се́бе?

— А хто ёго́ зна́е? Ми объ сімъ не пита́емось. Спе́ршу злюби́тьця тре́ба, а тамъ вже — що́ Богъ дасть....

— Ну, а якъ Степа́нъ да оже́нитця съ дру́гою, а тебе́ поки́не?

— Хто? Степа́нъ? съ недоумѣніемъ спросила она; но потомъ спокойно прибавила: — Нехай же́нитця... що́ мині?.. ми ще не злюби́лися, *вінъ не завя́заний*.

Мнѣ, однако, удалось подмѣтить во взглядѣ Оксаны что́-то похожее на гнѣвъ.

— Да у насъ та́къ не во́дитця, продолжала она: — се не моска́ль! А москалі-таки́ умію́тъ обду́рювать дівча́тъ, замѣтила Оксана, какъ-бы про себя. — Ні, Степанъ такъ не зро́бить, рѣшительно казала она, нѣсколько разгорячившись и позабывъ, что минуту назадъ легко соглашалась на такой исходъ своей любви.

— Паничу, паничу! вдругъ вскрикнула она, схвативъ меня за руку и указывая пальцемъ на дерево: — стріляйте.

Я выстрѣлилъ по тетереву и далъ промахъ. Оксана, съ видимымъ сожалѣніемъ, слѣдила за отлетавшей птицей, держась за полу моего сюртука.

— Шкода́! наконецъ сказала она. — Мій бра́тікъ лу́чче стріля́е: якъ шара́не въ стадо утей, такъ разомъ кількóро іхъ и вбъе.

По я забылъ уже о неудачномъ выстрѣлѣ, и всей силой зрѣнія вцился въ молодую дѣвушку. Раздосадованная моимъ промахомъ и находясь еще подъ вліяніемъ прежняго разговора, вся она была необыкновенно воодушевлена: щоки ея раскраснѣлись, тонкія ноздри медленно раздувались, губы раскрылись, грудь подымалась... Я едва удержался, чтобъ не поцѣловать Оксану, и не могъ не выразить своего восторга словами: »яка ти га́рна, Окса́но!«

— Лу́чче бъ стріля́ли якъ слідъ, а не на ме́не диви́тьця, спокойно замѣтила она.

— Окса́но, ти вміешъ співа́ти? спросилъ я.

— Ище́ бъ то́... авжежъ умію.

— Заспіва́й що-не́будь.

— На́ що? хиба́ тепе́ръ ве́чіръ? у насъ співа́ють тільки по вечора́хъ або́ зимóю, за пря́жею, а тепе́ръ я не ста́ну співа́ть.

И не стала — какъ я ни просилъ. Вскорѣ мы вышли на *битую* дорогу.

— Ну, тепе́ръ я піду́ до-до́му, а ви все пря́мо, все пря́мо йдіть: тутъ одна́ доро́га. Прощава́йте!

— Прощай, Окса́но! съ невольнымъ вздохомъ отвѣчалъ я: мнѣ жаль было разставаться съ нею.—Кла́няйся своему́ дідові и сестрі.. да ще о́тъ-що: дозво́ль тебе́ поцілува́ть...

Оксана громко-громко захохотала и отсторонилась.

— Отъ ище́ ви́думали! Зъ яко́го ди́ва я цілува́тимусь изъ ва́ми? у насъ сёго́ не во́дитця: ми не паи́.

— Да я нічо́го... я тільки та́къ... бормоталъ я, совершенно растерявшись, самъ не знаю—отчего.

— Да го́ді, го́ді! говорила Оксана, все смѣясь. Прощава́йте, йдіть собі.

— Будь ла́ско, позво́ль поцілува́ть, приставалъ я.

Долго Оксана смѣялась... наконецъ позволила: надоѣло, вѣрно, слушать мои моленья.

— Ну, чого́ та́къ приста́ли? ну, цілу́йте...

Я поцѣловалъ ее въ лобъ. Она слегка провела пальцемъ по лбу и посмотрѣла на меня: кажется, ее удивило, что я выбралъ лобъ для поцѣлуя.

— Що, вдовольнились? спросила она насмѣшливо.

Мнѣ хотѣлось подарить ей что-нибудь на память, но, кромѣ денегъ, со мной ничего больше не было. А денегъ я дать не рѣшался: я боялся, чтобъ Оксана не подумала, что я хочу подкупать ее. Я снялъ съ шеи легенькій синій фуляръ и отдалъ ей. Она поблагодарила, сказала еще разъ — прощайте, и скрылась за деревьями. Я отправился своей дорогой.

К а — п а.

ТАЛАНТЪ.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ одной изъ малорусскихъ губерній есть село Панки́, К-го уѣзда,— село большое-пребольшое: душъ до восьмисотъ въ немъ. Есть тутъ крестьяне, и козаки, и мѣщане; а ужъ пановъ — сила-силенная: я собственнымъ языкомъ насчиталъ тридцать-восемь помѣщичьихъ усадьбъ. Тутъ и полковники, и поручики, капитаны, регистраторы и совѣтники, а больше всего такъ себѣ — паны.

Но не въ томъ дѣло. Пановъ много; мужики здѣшніе говорятъ: »у насъ панівъ, якъ грибівъ!« да не объ нихъ хочу рѣчь вести. Разсказывали про нихъ много и былей и небылицъ. Да еще и разсердятся, пожалуй. А знаете ли вы, что́ значитъ разсердить пановъ?... Боже васъ сохрани! — ни откреститься, ни отмолиться. Боюсь я ихъ, боюсь...

Лучше я разскажу про одного козака, это, знаете, не опасно: въ амбицію онъ не войдетъ, да и все же не панъ, а козакъ. Хотя мнѣ и самому случалось слышать перепалки между паномъ и козакомъ: »ты, говоритъ, будь себѣ панъ, а меня не тронь, — потому я вольный козакъ!« (воиъ оно что́!); ну, да я не боюсь перепалки: козакъ мнѣ пріятель.

Лѣтъ почитай тридцать будетъ тому назадъ — жилъ въ Панчаряхъ попомарь Яковъ Оедоровичъ Чо́вникъ. Человѣкъ онъ былъ добролюбивый, не пьющій. Онъ пилъ горілку, да не такъ, какъ другіе. Выпьетъ онъ и чарку, и другую и третью, да не напьется до безобразія, какъ говорятъ, до положенія ризъ. Да и не любилъ же Яковъ Оедоровичъ пьянаго люду!... бывало, если увидитъ — отвернется, плюнетъ, да и пойдетъ прочь.

Жилъ тотъ попомарь мирно и честно, людей не обижалъ, да и самъ въ обиду не давался, — вольный козакъ. Въ церкви, какъ ходитъ это съ колокольчикомъ, такой смирный, тише воды, ниже травы; а на улицѣ —

другой человѣкъ: и идетъ-то плавно, и говоритъ съ новагомъ, и лишняго ничего не сдѣлаетъ... Шапка на немъ сивая, тулупъ изъ решетиловскихъ смушковъ — любо поглядѣть на него.

Жилъ эдакъ онъ на бѣломъ свѣтѣ лѣтъ тридцать-пять одинокимъ; жениться — не женился. Бывало, нашъ отецъ Василій и говоритъ ему: »что, Яковъ, не женишься? женись, — славно службу отправлю!« — »Добре, батюшка, женюсь«, скажетъ бывало. Подумалъ, подумалъ, да и женился.

Жила въ нашемъ селѣ одна вдова-козачка, не молодая ужъ была женщина — лѣтъ, чай, за тридцать. Дѣтей у ней не было; жила эта вдова честно по смерти мужа почитай лѣтъ десять. Достатку у ней особеннаго не было: домишко вотъ-вотъ повалится, а поправить некому; коровенка была, овечекъ пары двѣ, да свинокъ двѣ-три... Да одна душа не бѣдна. То ленкомъ промышляла вдова, то табакъ наймется садить къ какому пану, то бубличковъ испечетъ, да и продаетъ въ храмовой праздникъ, либо такъ въ воскресенье возлѣ церкви,— такъ и перебивалась.

Вотъ на этой-то вдовѣ и женился нашъ пономарь; хотя и не пара она ему была, — почитай ровесница, ну, да это его дѣло. Сыграли свадьбу, да и зажили помаленьку: пономарь ходитъ въ церковь по праздникамъ да учитъ грамотѣ ребятишекъ; пономарша печетъ бублики, да мычетъ кужелки. Жили они мирно да любо годковъ семь,— и дѣтками Господь благословилъ: было у нихъ два сына — Ваня да Оедя, а больше и не было.

Вотъ и случился разъ казусъ какой. Было воскресенье. Людей на базарѣ собралося много: наѣхали боровики съ тесомъ, жидовки съ разнымъ крамомъ, чоботари и прочее такое. Ну, извѣстно, въ деревнѣ всякій пойдетъ на базаръ; тотъ купитъ, тотъ продастъ, а другой такъ — людей посмотрѣть. И пономарша тутъ же бублики продаетъ, тутъ и другія бублешницы. Вотъ и подошелъ къ ней панъ, дородный такой, съ звѣздочкой, — смотритъ бублики, щупаетъ. Пономарша хвалитъ да увиваетъся: »возміть, панночку, — гарні, якъ медъ!« Тутъ другая торговка и давай къ себѣ оттягивать пана (извѣстно — торговка, хоть и не городская, а всё торговка): »та у мене кращі, та ще теплі, та у мене зъ макомъ!« Панъ къ ней, — купилъ, да и пошелъ своей дорогой. Ну, пономарша ничего, смолчала; а торговка, бой-баба, и давай смѣяться надъ нею. Слово за слово, и пошла писать, — такъ и обсыпаютъ одна другую какъ горохомъ. Кричали, кричали, — дѣло дошло до того, что торговка и намекни пономаршѣ на какого-то купца, который ночевалъ у ней, когда она была вдовою, — вѣдь до драки дошло! Бѣда съ этими бабами!..

Какъ узналъ пономарь про это произшествіе, такъ и опустился совсѣмъ. Началъ пить, посѣдѣлъ года въ два, а тамъ отецъ Василій изъ должности выгналъ. Пилъ, пилъ Яковъ Ѳедоровичъ, да и душу Богу отдалъ, не будь помянутъ лихомъ. Осталась опять пономарша вдовою, да не такъ ей было жить, какъ прежде: худобку покойный мужъ вогналъ всю въ шипокъ, а тутъ ребятишки подросли, ѣсть просятъ, а самимъ работать не подъ силу. Да и зелье такое вышли эти хлопці, одно слово — озорники. Еще меньшой сынъ Ѳедя — такъ-сякъ, а ужъ Ванька—упаси Господи! Козы не пропуститъ. Напла лись отъ него бублешницы, да и жидовкамъ доставалось.

Крѣпко стиснуло горе бѣдную вдову. Господь милостивъ — не оставилъ, — перебивалась кое-какъ. Ребятишки сокрушали ее. Жаль было ее и прихожанамъ, а тамъ и рукой махнули, — головорѣзы такіе, что бѣда. Хотѣла вдова отдать куда, да никто не беретъ,—не хотятъ взять обузы на свою шею.

Жилъ у насъ въ селѣ портной старичекъ. Человѣкъ одинокій; былъ онъ прежде крѣпостной, служилъ въ полку съ своимъ паномъ, а тамъ и откупился. Петро̀ Кравчу́къ прозывался. Вотъ и вспомнилъ Петро́ Кравчукъ пономаря. Вспомнилъ, какъ покойникъ и откупиться ему помогъ, и панамъ словечко замолвилъ, — да и задумалъ взять къ себѣ меньшого сына покойника, Ѳедю. Рѣшено — сдѣлано. Ѳедю отвела мать къ Кравчуку. Онъ было и бѣжалъ разъ: жутко показалось сидѣть на одномъ мѣстѣ, да мать, извѣстно, посѣкла, острастку дала — ну, и привыкъ. Остался со вдовою одинъ Ивась: никого не нашлось на его забубенную голову.

Мимо нашего села проходитъ большая дорога, и станція почтовая тутъ же съ полверсты. Шляхъ этотъ теперь не существуетъ, также какъ и станція. Съ открытіемъ шоссе почтовая ѣзда прекратилась, посадки порубили, дорога поросла травою; только посерединѣ едва-едва пробивается легкій слѣдокъ, утертый колесомъ поселянина. Почтовые колокольчики замолкли, къ прискорбію пановъ. Иногда, правда, заливается звонокъ станового или исправника, но онъ звенитъ совсѣмъ иначе, какъ объяснилъ мнѣ одинъ острякъ. Онъ говоритъ, что въ звонѣ почтового кококольчика слышны слова: далѣй, далѣй, а колокольчикъ властей будто-бы такъ и звенитъ: дай, дай, дай...

Итакъ, ужъ нѣтъ того, что́ было; а былъ возлѣ почтовой станціи постоялый дворъ одного пана, который отдавался въ наймы русскому дворнику, отъявленному мошеннику — Игнату Пафнутьеву Шех-

раеву. У этого-то дворника и находилъ себѣ пристанище Иванъ Паламаренко.

Много лѣтъ спустя, пришелъ въ наше село батальонъ ....аго пѣхотнаго полка. Солдаты, гдѣ-нибудь въ глуши, сущіе хозяева. Недаромъ ихъ такъ побаиваются и избѣгаютъ Малороссы. »Не прихóдитця москаля́ дя́дькомъ зва́ти!« говорятъ они. Все видятъ, все знаютъ усатые чоловіки, дядькú и батькú, да ничего не подѣлаешъ! Да и что́ взять съ москаля? »Що зъ ёго візьмешъ?« говорятъ они. И они говорятъ правду. Ну, что́, въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ мужичекъ солдату? Пожалуется начальнику?— Начальника трудно уловить: онъ по гостямъ, тамъ интрижки, балы съ шикомъ и гикомъ и прочее такое. Правда, иногда плохо приходится москалику, пойманному на »гаря́чому вчúнку«, да ему не привыкать-стать.

Зашумѣли паны, зашумѣла и молодежъ козацкая. Всѣ были рады. Передъ ней сейчасъ же мелькнули залихватскія пѣсенки, попойки, небывалыя ба́лы... А нужно сознаться, къ сожалѣнію, что малорусская молодежь ужасно падка до солдатчины. Рѣдко мнѣ случалось встрѣчать настоящаго Малорусса изъ молодежи, за то какъ ярка эта встрѣча! При видѣ такого человѣка, — такъ вотъ и рвется душа, такъ и хочется пѣть и рубиться!

Случалось вамъ бывать въ Малороссіи? Если нѣтъ—ѣдемте. Вотъ мы подъѣзжаемъ къ селу вечеромъ въ лѣтнюю пору; еще издали слышенъ смѣшанный гулъ голосовъ, — онъ такъ и стоитъ столбомъ въ вечернемъ воздухѣ, будто видишь его. Вотъ ближе, ближе, и вы ясно слышите звуки русской пѣсни, что-нибудь въ родѣ — »молодка, молодка!« Но все это перемѣшано, перековеркано — словно гречка съ капустою! Это поютъ парубки — дико, несвязно! Не слушается голосъ, не въ его натурѣ, — на это нужно россійское горло. Смутно у васъ на душѣ.... Утѣшьтесь.... слышите? Вотъ другіе звуки, родные, стройные, какъ ихъ повелительницы; это пѣсня дівчатъ, — родная пѣсня! (солдатчина не обуяла ихъ, хоть и онѣ заглядываются на браваго солдатика) и родное эхо звонко откликается роднымъ звукамъ.

Вдова покойнаго пономаря жила, да горевала. Иванъ хоть и не занимался исключительно одной работой, однако то тѣмъ, то другимъ помогалъ матери. Природа щедро одарила его и дородностью, и умомъ, и талантами. Днемъ онъ — то то, то сё сдѣлаетъ, а пришелъ вечеръ — его дѣло: балалайку въ руки и пошелъ улицей. Малорусская молодежь падка къ танцамъ; тутъ, не то что балалайка, а просто, случается, со-

берется на улицѣ кружекъ, вотъ одинъ и задирликаетъ языкомъ (лучше не придумаю слова): смотришь — одинъ взялся въ боки, поправилъ шапку, за нимъ другой, да и начнутъ валять тропака, только подковки звенятъ, — веселый народъ!

Не дуракъ былъ Иванъ, зналъ за что́ хватиться, и трудъ его щедро вознаграждался. Да онъ и умѣлъ взять свое: бывало, разохотитъ да и тпру! Молъ, будетъ съ васъ. Куда́ тутъ будетъ! вотъ и сыплются гро́ши. Да зато и игралъ же Иванъ! Ухъ, какъ игралъ! — »ме́ртвий затанцю́е«, какъ выражалась его публика. Было много способовъ у Ивана зашибить деньгу, но самый главный—это охота. Човникъ былъ страстный охотникъ. Трудность добыванія пороху и гибель дичи, сдѣлали изъ него хорошаго стрѣлка. По смерти покойнаго пономаря, его отца, осталось старое кремневое ружье. Покойникъ любилъ подсидѣть зайчика на снопокъ. Иванъ берегъ это ружье пуще глазу, онъ даже разговаривалъ съ нимъ, — безъ шутокъ. Бывало — ни свѣтъ, ни заря,—Иванъ на болотѣ; а ужъ убить — убьетъ! Полъ-версты будетъ на животѣ подкрадываться подъ какую-нибудь утку, и убьетъ-таки, безъ дичи домой не придетъ; и самъ сытъ и заработаетъ. Пановъ много; тому понесетъ, другому... тотъ гривенникъ дастъ, тотъ порошку зарядовъ десятокъ, а иногда и полтинникъ перепадетъ, кто пощедрѣе. Такъ перебивался Иванъ до вступленія войска; пришелъ баталіонъ, принесъ онъ много доходу Човнику.

Ивану минуло дватцать-семь лѣтъ. Не смотря на молодость и прежнія проказы, не смотря на то, что Иванъ былъ холостъ, его всѣ какъ-то уважали. Никто бывало иначе не назоветъ его, какъ Иванъ Яковлевичъ. Не потому, что онъ былъ сынъ пономаря, не потому, что ходилъ въ нанковомъ сюртукѣ, а не въ свиткѣ; никто не осуждалъ его, всѣ знали, что онъ помогаетъ матери, не пьетъ. И паны любили его, а объ охотникахъ и говорить нечего, — они иначе не называли его, какъ змѣемъ. Украсть-ли гдѣ гончую, выхолить щенка, потаскать лягаваго, выпробовать ружье, повесть на охоту — все Иванъ. Да и на всѣ руки онъ: придетъ къ кому изъ пановъ, — посадятъ его и чаю дадутъ, а ужъ услужить — услужитъ: пощекатурить надо — пощекатуритъ; и ножку къ столу приклеитъ, и замокъ починитъ, и чего-чего не сдѣлаетъ Иванъ! Ужъ Господь его знаетъ, гдѣ онъ всему этому выучиться успѣлъ.

Вошли войска. Солдаты — народъ гулячій, и Иванъ живо сошелся съ ними. Гдѣ ихъ кружекъ, Човникъ непремѣнно тамъ съ балалайкою. Вскорѣ балалайку замѣнила гармоника. Иванъ игралъ на ней также

складно и хорошо. Солдаты вездѣ водили Ивана съ собой, поили и кормили; да скоро надоѣло ему это. Захотѣлось доставать денежки полегче. Больно полюбилась ему игра въ три листа. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ у Шехраева, гдѣ собирались игроки, и слѣдилъ за игрою. Жадно смотрѣлъ онъ на кучи мѣди и мелкаго сребра, которыя ставились на конъ, — и такъ легко было получить этотъ конъ! И вотъ задумалъ Иванъ думу, задумалъ крѣпко. Ему хотѣлось непремѣнно всѣхъ обыгрывать, какъ обыгрывалъ одинъ солдатикъ, который зналъ *секретъ*. Но онъ не хотѣлъ допытываться; онъ хотѣлъ дойти самъ до этого секрета, своимъ умомъ.

Не смотря на все это, Иванъ не бросилъ охоты; онъ даже чаще занимался ею съ появленіемъ солдатъ, — пороху было въ-волю. Только въ послѣднее время Иванъ вмѣстѣ съ зарядами носилъ въ карманѣ колоду картъ. Пойдетъ онъ, настрѣляется, а тамъ и сядетъ гдѣ-нибудь, да и давай перебирать карты.... И вѣдь добился толку, да еще какого! всѣхъ за поясъ заткнулъ.

Разъ подъ вечеръ Иванъ осторожно пробирался на постоялый дворъ, будто боясь, чтобъ его не замѣтили. Шелъ онъ торопливо, оглядываясь, и пробравшись въ заднія ворота, прямо прошелъ въ горницу дворника. Перекинувши пары двѣ словъ, онъ выразительно подмигнулъ хозяину и вышелъ на дворъ. Шехраевъ въ раздумьи вышелъ за нимъ. — »Дай денегъ, Игнатъ Пафнутьичъ«, были первыя слова Ивана, когда онъ убѣдился, что они глазъ-на-глазъ. Эта просьба поразила дворника; онъ стоялъ нѣсколько времени, выпуча глаза, и наконецъ зихихикалъ, смотря на нетерпѣливое, комически-важное лицо Човника. »Чего смѣяться-то, Игнатъ Пафнутьичъ?« продолжалъ Иванъ; »денегъ дай, говорю, аль не разслышалъ?«—Дворникъ разсердился: »Денегъ дай«! передразнилъ онъ: »а откуда я тебѣ возьму денегъ, Иванъ Яковличъ? Да и что́ я за богачъ такой? Самъ, чай, знаешь, какъ перебиваюсь; копѣйка за копѣйку ребромъ не зацѣпится — пройдетъ! Да и что́ выдумалъ — денегъ дай! (дворникъ входилъ въ азартъ) Да что́ я тебѣ, казна что-ли-ча? Прости, Господи! Коли затѣмъ пришелъ, — проваливай съ Богомъ, Иванъ Яковлевичъ, проваливай!« Дворникъ отвернулся. — »Что жъ, и пойду«, сказалъ съ полудосадой Иванъ, »и пойду, да пожалѣешь, Игнатъ Пафнутьичъ! Помяни мое слово, пожалѣешь. Ты думаешь, что́? Дай десять цѣлковыхъ, вотъ тебѣ крестъ — завтра пятнадцать отдамъ.« Дворникъ качалъ головой. — »Ну, прощай!« и Иванъ поплелся къ деревнѣ, тихо, нерѣшительно, будто ожидая, что вотъ Игнатъ

Пафнутьичъ опомнится и воротитъ его. И онъ не ошибся. Не успѣлъ Иванъ отойти добрыхъ пятидесяти шаговъ, Шехраевъ воротилъ его и началъ разспрашивать, на что́ ему деньги. Иванъ отвѣчалъ уклончиво— нужно, молъ. Долго толковали, долго жался дворникъ, наконецъ рѣшился: Иванъ долженъ былъ принесть ружье и пять лисьихъ шкуръ въ залогъ, за что́ и получилъ десять цѣлковыхъ.

Былъ совсѣмъ вечеръ. Пріемная Шехраева наполнилась солдатиками, которые, попивая водочку, играли въ три-листа. Иванъ принесъ закладныя вещи. Дворникъ осмотрѣлъ ихъ тщательно: взводилъ нѣсколько разъ курокъ ружья, желая увѣриться, не испорчено ли оно, долго перевертывалъ лисьи шкуры, то щупая выдѣлку, то пробуя волосъ, — все оказалось исправно. Игнатъ Пафнутьичъ вынулъ десять цѣлковыхъ и подалъ Ивану, предупредивъ его, что если не отдастъ завтра денегъ, то вещи пропадутъ, что уговоръ дороже всего.... Шехраевъ съ удовольствіемъ посматривалъ на отличныя лисьи шкуры, выдѣланыя чисто, вытянутыя съ искуствомъ.

»Теперь слушай, Игнатъ Пафнутьичъ«, сказалъ Иванъ. »Ты, понимаешь, молчи; послѣ разскажу, увидишь. Да вотъ что́: какъ попрошу водки, — подай кварту, либо двѣ, — не жалѣй — заплачу; да, понимаешь, имъ-то (Иванъ мигнулъ) водочки, а мнѣ-то гусиной, — понимаешь?«... и Иванъ пошелъ къ солдатикамъ въ сборную.

Человѣкъ восемь солдатъ сидѣло въ шинеляхъ на-распашку вокругъ стола. Они всѣ были выпивши, громко разговаривали, прикрашивая рѣчь крѣпкимъ словцомъ; мѣдныя деньги позвякивали по столу, раздавалось хлопанье картъ. Ивана замѣтили и на минуту прекратили игру. Начались разспросы, — гдѣ пропадалъ, что такъ долго не былъ. — »Э, да онъ никакъ подкуражился!« сказалъ одинъ солдатикъ-шулеръ. »Ну, братъ Иванъ, молодецъ! насилу раскусилъ дѣло!« Иванъ ловко притворился выпившимъ и разсказалъ солдатикамъ какую-то небывалую исторію, какое-то будто-бы горе, — вишь, дескать, съ горя напился, да и сѣлъ къ сторонкѣ, задумался. Солдаты, предполагая, что Иванъ пьянъ, пристали, чтобъ игралъ въ карты. Долго отнѣкивался Човникъ, наконецъ махнулъ рукой и сѣлъ по три копѣйки ставка. Солдаты обрадовались находкѣ, а шулерокъ съ презрѣньемъ отвернулся отъ трехъ копѣекъ: не стоило. Началась игра. Проигралъ Иванъ четвертакъ, проигралъ другой и третій, горячась больше и больше и раззадоривая игроковъ — да и унекъ ихъ разомъ. Была его сдача. Иванъ роздалъ карты. Первый по немъ пошелъ четвертакъ; второй мирилъ и пять цѣлко-

выхъ, третій отсталъ; Иванъ мирилъ и еще два рубли. Мирили. У всѣхъ оказались хлюсты — у Ивана старшій. Повѣсили носы солдатики, а Иванъ какъ-будто ничего и не было — взялъ денежки. »Эхъ, горько, горько!« сказалъ Иванъ. Это былъ условный знакъ, — дворникъ принесъ водки и началъ подчивать, не забывая нравоученій Ивана. »Что́ жъ, играть, такъ играть! Давай, Петръ Ивановичъ«... сказалъ Човникъ, обращаясь къ шулеру-солдатику и притворившись совсѣмъ пьянымъ. — »А покажи, братъ, есть ли деньги? Я меньше полтины — ни, ни!« — »Полтина, такъ полтина, деньги есть«, и Иванъ кинулъ красненькую. Солдатикъ загорѣлся. »Ну, давай! ну, изволь; давай, братъ, давай«, повторялъ онъ. Усѣлись играть въ-троемъ: дворникъ, Иванъ да шулеръ; солдаты прочіе, безъ гроша, смотрѣли.

Долго тянулась игра, — перевѣса не было ни на чьей сторонѣ. Но вотъ Иванъ ловко подмѣнилъ карты и сдалъ, — никто этого не замѣтилъ. Дворникъ пошелъ, шулеръ десять рублей, Иванъ мирилъ и еще десять подъ дворника и между тѣмъ толкнулъ его подъ столомъ ногою, — Шехраевъ бросилъ карты въ колоду. »Десять и двадцать!« крикнулъ шулеръ. — Иванъ мирилъ и еще пять. Шулеръ удивился. Онъ придвинулъ свѣчу, еще разъ внимательно разсмотрѣлъ подъ столомъ карты — »мирилъ«, сказалъ онъ. »Да положи, братъ, деньги на конъ.« Иванъ мигнулъ дворнику, — тотъ подалъ три красненькихъ. »Тридцать-два козырей!« провозгласилъ солдатикъ, загребая деньги. »Три туза старше«, возразилъ Иванъ, показывая карты, — и потащилъ деньги. Шулеръ ошалѣлъ. — »Стой!« завопилъ онъ, »тузы должно́ изъ другой колоды! обыскать!« Искали, искали, ничего не нашли. А Иванъ взялъ денежки, да и пошелъ, оставивъ въ недоумѣніи всѣхъ, не исключая и дворника. — Ай да Иванъ Яковлевичъ! не даромъ двѣ недѣли носился съ колодою. Такъ порѣшилъ Иванъ съ солдатиками. Они не перестали удивляться ему, но играть съ ними не хотѣли. Нужно было подумать, куда кинуться. Иванъ рѣшилъ это живо.

Въ селѣ нашемъ, въ числѣ тридцати-осьми помѣщиковъ былъ нѣкто Дмитрій Александровичъ Глекъ, человѣкъ небѣдный, но обиженный природою: немного нѣмъ, немного глухъ, немного близорукъ, но при всемъ этомъ — добрѣйшая душа, хотя въ дѣлахъ житейскихъ ужасно наивный, или лучше сказать, непонимающій почти ни бельмеса. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ глупъ, — нѣтъ! Но покажите ему что-нибудь такое, чего онъ еще не видалъ, — онъ готовъ отдать все. Иванъ зналъ это и не рѣдко грѣлъ руки около Дмитрія Александровича. И теперь,

когда ему былъ нуженъ человѣкъ, который свелъ бы его съ юнкерами, — жребій прямо палъ на Глека.

Дмитрія Александровича всѣ называли *нѣмцемъ* (нѣмымъ); онъ былъ лѣтъ тридцати пяти, человѣкъ холостой, хлѣбосолъ. Военные не выходили отъ него. Къ Дмитрію Александровичу можно было придти во всякое время выпить и закусить, поиграть въ карты и прочее такое. Военные любятъ это, тѣмъ болѣе, что съ панномъ Глекомъ нечего было церемониться. Вы сегодня у него и завтра, и, пожалуй, каждый день, и онъ всегда радъ вамъ. Если вамъ надоѣстъ говорить съ нимъ по-нѣмецки, можете дѣлать, что́ вамъ угодно: ходить, свистѣть, пѣть, плясать, — а онъ себѣ пойдетъ въ другую комнату, да сядетъ читать молитвенникъ, свою единственную книгу; ато пожалуй и попляшетъ съ вами. Однимъ словомъ, изъ Глека могъ сдѣлать всякій, что́ угодно, да онъ же еще и благодаритъ. Вы у него обѣдаете, онъ послѣ обѣда пожметъ вамъ руку и непремѣнно скажетъ: *покоо бадарю!* (покорно благодарю). Возьмете у него лошадей — покоо бадарю, — такая ужъ у него привычка. А если спросите: да за что́ вы благодарите?—онъ улыбнется и еще сильнѣй пожметъ вашу руку.

Дмитрій Александровичъ носитъ бороду, длинные сапоги, пальто особаго покроя изъ толстаго сукна и непремѣнно шапку съ краснымъ околышемъ. (Онъ хоть нигдѣ не служилъ, но это его страсть). Гдѣ бъ вы ни увидали Глека, — на обѣдѣ, на вечерѣ, — вездѣ онъ въ этомъ костюмѣ; вездѣ бывалъ Глекъ, всѣ его любили, всѣ надъ нимъ трунили, но осторожно: онъ не любилъ стѣснять себя, — пожалуй такого жару задастъ, что ну!

Иванъ зналъ, что къ дѣлу нельзя было приступить какъ-нибудь. Прежде всего нужно было прилично одѣться. Човникъ отправился въ городъ и сдѣлалъ себѣ черную пару платья, успѣвъ мимоходомъ обыграть тамъ кого-то. Потомъ одного прекраснаго утра, облачившись въ обнову, отправился къ Дмитрію Александровичу, не забывъ захватить пару дичи, деньженокъ да три наперстка.

Когда Иванъ вошелъ къ Дмитрію Александровичу, Глекъ пилъ чай. Поблагодаривши за дичь, онъ спросилъ, откуда Иванъ взялъ платье? »Выгралъ«, отвѣчалъ Иванъ.—»Какъ?« Човникъ досталъ изъ кармана три наперстка и таинственно показалъ ихъ Дмитрію Александровичу. Глекъ выпучилъ глаза. Иванъ поставилъ рядомъ наперстки и подъ крайній положилъ горошину. »Смотрите«, сказалъ онъ, подымая наперстки одинъ за другимъ и ставя опять, смотрите: »вотъ нѣту, вотъ нѣту, вотъ есть!

Кто узнаёть — выграёть, кто не узнаёть — програёть! Подъ какимъ горошина, угадайте!« Дмитрій Александровичъ поднялъ крайній наперстокъ, — но увы! горошина улетѣла! — »Вотъ она«, сказалъ Иванъ, поднимая средній наперстокъ. Глекъ окончательно сбился съ толку. Иванъ повторилъ нѣсколько разъ, и горошина путешествовала, приводя Глека всё въ большее недоумѣніе. Нужно знать, что Дмитрій Александровичь ужасно любилъ деньги. Онъ началъ просить Ивана открыть секретъ, думая, что заграбитъ золотыя горы, — напрасно! Иванъ уперся: онъ сказалъ, что если покажетъ теперь, то самъ забудетъ; что пельзя ни за что́, но что послѣ онъ откроетъ секретъ, потому, молъ, вы добрый человѣкъ, помѣщикъ. Кончено! Дмитрій Александровичъ растаялъ — стоило похвалить его. — »Давайте играть въ дурачки«, сказалъ Иванъ, посидѣвши. »Кто останется — цѣлковый.« Глекъ согласился и выигралъ три рубли. Иванъ отправился домой, сопровождаемый Дмитріемъ Александровичемъ до дверей; онъ просилъ Ивана приходить почаще играть съ офицерами. Визитъ не пропалъ даромъ. Чрезъ нѣсколько дней Човникъ перебрался на житье къ Дмитрію Александровичу: наперстки сдѣлали свое дѣло.

Иванъ зажилъ бариномъ у Дмитрія Александровича: онъ вставалъ въ десять часовъ, пилъ съ нимъ чай, проводилъ цѣлые дни, плетя разныя занимательныя исторійки. А ужъ нахохочется бывало Иванъ на сторонѣ надъ Глекомъ. Животы надорвешь, какъ представлять начнетъ: и говоритъ-то точно такъ, и смотритъ, и руками дѣйствуетъ—вылитый Дмитрій Александровичъ, а въ глаза зато—какъ медомъ мажетъ. Да что́ толковать? Иванъ ко всякому въ рукавъ влѣзетъ!

Ходятъ гости къ Глеку, всё юнкера, всё въ преферансъ играютъ, а Иванъ сидитъ тутъ же, да смотритъ, а играть не играетъ. »Пустая это игра«, говаривалъ онъ, »подстрѣленнаго кулика не стоитъ! Одно слово—дрянь!« Бывало просятъ его,—»нѣтъ-съ, говоритъ, не играю.«

Разъ собралось у Глека человѣкъ пять юнкеровъ. Три съ хозяиномъ составили пульку, а остальные слоняются по комнатѣ,—скучно. »Неугодно ли въ три-листика?« говоритъ Иванъ. »По пустяку, говоритъ, сядемте.« И сѣли. Иванъ проигралъ рублей до трехъ, почесалъ въ головѣ, досталъ изъ бумажника пачку асигнацій (онъ размѣнялъ на рублевыя) досталъ, блеснулъ: »съ пяти-десяти«, говоритъ. Тѣ сказали, что нѣтъ. Иванъ руки подъ столъ, да и тащитъ изъ другого кармана ту же пачку (заманить значитъ). »ахъ«, говоритъ, »извините, забылъ! есть мелочь.« Да вѣдь такъ-то сдѣлаетъ все это,—вы голову готовы про-

закладывать, что у него двѣ толстыхъ пачки асигнацій. Ну, расплатился, юнкера ушли; тѣмъ дѣло и кончилось.

На другой день, ни свѣтъ ни заря, опять пожаловали господа юнкера,—разгорѣлись у нихъ глазки на Ивановы денежки.

»Ну, господа, что́ жъ, будемъ дѣлать?« — Тотъ говоритъ — на охоту, другой — въ гости куда пойдемъ, третій свои резоны представляетъ; одинъ Иванъ молчитъ,—смекнулъ, въ чемъ дѣло. Кончилось однако тѣмъ, что рѣшились всѣ остаться и играть въ карты. Но во что́ играть? вотъ вопросъ. Господамъ юнкерамъ непремѣнно хотѣлось играть всѣмъ вмѣстѣ. Думали, думали — и обратились къ Ивану. »Не знаю«, говоритъ. — »А, есть одна игра!« воскликнулъ одинъ: »три-листка! Да скучно«, присовокупляетъ онъ. — »Да́, дѣйствительно скучно«, возражаетъ другой. Однако рѣшаютъ играть въ три-листика. Ну, Иванъ, своимъ порядкомъ, и поддѣлъ ихъ. Пустыя совсѣмъ карты у него и онъ валитъ десять цѣлковыхъ, всѣ и спасуютъ, а онъ усмѣхнется, да и покажетъ,—молъ вотъ съ чѣмъ шелъ. Да подъ конецъ и улопалъ; безъ гроша пустилъ господчиковъ, а одинъ и кольцо и часы оставилъ, да еще и ружье. Ну, ружьето до́ма было, не отдалъ, надулъ. Дорого заплатили юнкера за свою машину, а Иванъ ничего, посмѣялся. Не однихъ юнкеровъ обыгрывалъ Иванъ, живши у Дмитрія Александровича: пріѣзжали чиновники мелкіе — и тѣмъ доставалось; случалось, другой и сертучекъ оставитъ.

Жила въ домѣ Дмитрія Александровича клюшница Варвара, дѣвка бѣдовая, коса острая! Орудовала она всѣмъ домомъ. Хоть и тугонекъ былъ панъ Глекъ, не любилъ, чтобъ что́ у него пропадало, ну, а на Варварѣ спросу не было. Бывало, спроситъ Дмитрій Александровичъ, гдѣ вчерашнее масло, либо что другое? »Я взяла«, скажетъ Варвара,— ну, и конецъ. А другой кто, — Боже упаси, бѣда!

Вотъ не поладилъ разъ Иванъ съ этой Варварой: не любилъ онъ ее. Слово-за-слово, Иванъ ее и толкнулъ. Какъ завизжитъ: »Гвалтъ, убилъ!« извѣстно, баба.... Ну, дѣло-то вышло плохо, пришлось Ивану взять свой сундучекъ, да на старое мѣсто. А вѣдь будто предчувствовалъ Човникъ эту штуку: наканунѣ выжалъ у Глека цѣлковыхъ пятнадцать, да и былъ таковъ.

Вотъ и зажилъ Иванъ съ матерью; опять пошелъ вечеромъ съ гармоникой по улицѣ, на до́свѣтки съ дівча́тами. Играть было не съ кѣмъ: солдаты его боялись, юнкера не хотѣли знать, когда Дмитрій Александровичъ открылъ имъ, что́ такое Иванъ. Были игроки между козаками, да съ ними Иванъ не игралъ,—малый кушъ.

Но, несмотря на то, что Човникъ обыгрывалъ мошенническимъ образомъ, онъ былъ благороденъ по-своему. Я былъ самъ свидѣтелемъ, какъ разъ у Шехраева обыгралъ онъ пьянаго какого-то проѣзжаго офицера. Онъ выигралъ у него все, что́ было: лошадь съ санями и упряжью, полушубокъ, шапку, ружье, перчатки и восемнадцать рублей денегъ. Что́ жъ вы думали? онъ взялъ только ружье и деньги, да еще и денегъ далъ ему на дорогу пять рублей. И это не потому, что боялся Иванъ жалобы; нѣтъ, онъ никого не боялся. Становой не рѣдко получалъ отъ него выигранные перстеньки и прочее. Да что́ становой! всѣ были довольны Иваномъ, всѣ его знали. И такихъ случаевъ бывало у него много.

Но вотъ начали поговаривать про рекрутскій наборъ. Дошла эта вѣсточка и до пономарши,—за ея сыновьями была очередь: одному не миновать. Подумали, погадали да снарядили Ѳедора, младшаго брата Иванова.

Ѳедоръ въ эту пору давно уже вышелъ изъ учениковъ отъ старика Кравчука. Онъ ходилъ по селамъ, работы было много. Не смотря на все это, Ѳедоръ былъ голъ, какъ турецкій святой. Все, что́ ни заработывалъ онъ, оставалось въ шинкѣ: Ѳедоръ пилъ запоемъ.

Поплакала старушка, достала изъ скри́ньки нѣсколько скопленныхъ рублей, благословила сына и—съ Богомъ. Иванъ повезъ брата въ уѣздный городъ, сдалъ и остался, чтобъ проводить совсѣмъ Ѳедора; партія должна была выйти чрезъ нѣсколько дней. Тутъ случилось обстоятельство, которое вывернуло дѣло на изнанку. Собрали партію—выступать. Одного рекрутика и не оказалось. Искать, да искать и привели его пьянаго изъ шинка. Тутъ, разумѣется, расправа. Ѳедоръ съ братомъ стоитъ, побѣлѣлъ весь, трясется....Жалко стало его Ивану. »Что, думалъ онъ, если и Ѳедоръ подпадетъ подъ эту штуку? Вѣдь молодъ онъ, тщедушный такой, не укрѣпился путемъ! А непремѣнно подпадетъ, потому болѣзнь — запоемъ пьетъ.« Иванъ зналъ, что ничѣмъ не отъучить брата отъ водки: не разъ билъ онъ его, билъ такъ, что самому становилось жалко, а толку не добился-таки. Подумалъ это Иванъ, да и потянулъ за партіей въ ближній городъ, гдѣ она должна была остановиться на нѣсколько дней. Какъ онъ тамъ уладилъ все, — не знаю. Знаю только, что Ѳедоръ воротился домой къ матери, а Иванъ заступилъ его мѣсто и отправился въ полкъ по назначенію.

Ужъ ка́къ старушка обрадовалась своему Ѳедѣ, и Боже мой! Да не долго прожила послѣ того: одно—старость таки, а другое—горевала много, проводивши Ѳедора. Слегла пономарша, да и Богу душу отдала.

Похоронилъ Ѳедоръ мать, продалъ избу съ огородомъ и пошелъ опять бродить по селамъ.

Простылъ и слѣдъ Човниковъ у насъ въ селѣ. Поговорили добрые люди, да и стали забывать по-немногу.

Да, видно, не на то родился Иванъ въ Панкахъ, чтобъ забыли его. Ровно чрезъ полтора года явился онъ въ свое село, явился собственною своею особою, съ полною отставкою, по случаю болѣзни. Не даромъ говорили мужички, что у Ивана »не одна му́ха сиди́ть у но́си!..« Покрушился Иванъ, узнавши, что хата его продана. Онъ нанялъ квартиру у Шехраева; опять зазвенѣла балалайка по улицамъ, опять Иванъ началъ загребать денежки у проѣзжихъ, да и женился наконецъ на вдовѣ, поповнѣ. Взялъ онъ за ней землицы.....

Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ минуло, какъ Иванъ воротился изъ солдатъ, и всё тотъ же Иванъ Човникъ. И женился, а не перемѣнился. Земли онъ самъ не обрабатываетъ, — сдаетъ; зато мастеръ на всѣ руки: столяръ, портной, печникъ, слѣсарь и сапожникъ, а ужъ музыкантъ—артистъ: онъ и на балалайкѣ, и на гитарѣ, и на скрипкѣ, и на гармоникѣ, а въ полку, слышно, на трубѣ игралъ. Охоты тоже не бросилъ Иванъ: она много приносила ему дохода, не умерла его страсть; что́ бы онъ ни дѣлалъ, коли погода — все броситъ, за ружье и маршъ! Перемѣна въ томъ, что вмѣсто кремневки, стрѣляетъ изъ двустволки, — образовался, значитъ.

Съ Глекомъ Иванъ опять сошелся, пристрастилъ его къ охотѣ и стрѣляетъ его порохомъ и дробью, сколько душѣ угодно.

Да вѣдь такой-то уродился, что одно дѣло не по-нутру ему: ему давай все, все сдѣлаетъ, а однимъ чѣмъ-либо заняться не можетъ, скучно ему. Ну, что́ бы, кажись? чего лучше? недавно одинъ богатый помѣщикъ приглашалъ его къ себѣ въ псари, какъ опытнаго охотника. Содержаніе готовое, жалованья сто-двадцать рублей серебромъ, — вѣдь не согласился. »Я, говоритъ, теперь самъ себѣ панъ: что́ хочу, то дѣлаю; а тогда — хочешь, не хочешь — дѣлай!« Вотъ каковъ Иванъ Човникъ!

Л. М.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

24 іюля. Челнскій монастырь, Трубчевскаго уѣзда.

Простясь съ трубчевскими знакомыми, я пошелъ черезъ Челнскій монастырь къ Чернигову. Большая дорога идетъ горой, но пѣшеходы ходятъ въ монастырь лугомъ, т. е. низомъ. Эта дорога очень живописна: справа крутая, отвѣсная гора, покрытая лѣсомъ, изъ котораго кое-гдѣ виднѣются хаты, пасѣки, а слѣва — ровный лугъ, поросшій кустарникомъ, по которому прихотливо извивается Десна, Десенки, маленькіе ручейки...

— Какая эта деревня? спросилъ я встрѣтившагося мужика старика, указывая на видиѣвшуюся изъ лѣсу на горѣ деревню.

— А деревня Темная.

— Вольная, или господская?

— Теперь господскихъ деревень нѣтъ: Господь Богъ положилъ въ сердце царю — всѣ деревни сдѣлать вольными.

— Да сперва-то деревня Темная была вольною, или господскою? опять спросилъ я.

— Удѣльная.

— Должно-быть старая, старинная?

— Какъ міръ стоитъ, такъ и та деревня стоитъ, только сперва она не такъ называлась: не называлась Темной.

— Какъ же?

— Называлась Красной деревней.

— Почему же ее стали звать Темной?

— Ты, можетъ, слыхалъ, нашъ городъ *Трубчесскъ (sic)* былъ за княземъ Трубецкимъ, не за теперешними Трубецкими, а за прежнимъ,

что жилъ лѣтъ за сто, ато и еще больше, до насъ. Такъ за тѣмъ княземъ Трубецкимъ былъ и городъ Трубчесскъ и всѣ села и деревни, что подъ Трубчесскомъ стоятъ, весь *Трубчесскій* уѣздъ; стало-быть и Темная за нимъ же была. И былъ у того князя сынъ, княжичь — большой охотникъ съ малыхъ лѣтъ за охотою, съ ружьемъ ходить, съ собаками. Пошелъ этотъ княжичь разъ за охотою, подошелъ онъ къ этому самому мѣсту, запримѣтилъ дикую утицу, приложился изъ ружья, выстрѣлилъ... Только утица та поднялась, перелетѣла Десну и пала. Княжичь видитъ: утица пала; раздѣлся и поплылъ на тотъ берегъ за той утицей. Поплылъ княжичь черезъ Десну, судорга ногу что-ли свела, это случается... такъ ли ужь Богъ далъ, только княжичь не доплылъ до берегу, не доплылъ — утонулъ... Бросился народъ его вытаскивать, побѣжали къ старому князю... прибѣжалъ князь... вытащили княжича, а тотъ ужь Богу душу отдалъ: какъ ни качали и на рукахъ и на бочкахъ(1) — откачать не могли. »Откуда бросился княжичъ въ Десну? спросилъ старый князь у народа.« — »Да вотъ изъ-подъ самой Красной деревни«, сказалъ народъ въ отвѣтъ старому князю. — »Какая такая Красная деревня?« — »А вотъ эта самая.« — »Какая она Красная! это деревня Темная!« Съ тѣхъ поръ и пошла та деревня зваться Темною деревнею а не Красной. Посмотри: кругомъ деревни Любовно, Хотьяново; все прозвища хорошія; одна только эта деревня — Темная.

Дорога шла кустарникомъ, и я, пройдя съ версту отъ Темной, наткнулся на кучу мужиковъ, лежащихъ подъ кустомъ.

— Здравствуйте, братцы!

— Здорово, почтенный!

— Семъ-ко я съ вами отдохну.

Я сѣлъ и закурилъ папиросу.

— Дай-ко мнѣ, человѣкъ почтенный, огоньку, я и себѣ сдѣлаю цигарочку, сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Не хочешь ли моего табаку? спросилъ я у него.

— Нѣтъ, не хочу: въ вашемъ табаку скусу такого нѣтъ, какъ въ нашемъ; нашъ будетъ скуснѣй.

Съ этими словами онъ досталъ изъ кармана листъ печатной бумаги, оторвалъ клиномъ вершка въ три отъ него кусокъ, плотно свернулъ его трубочкой, насыпалъ въ эту цигарку табаку.

---

(1) Къ сожалѣнію, и теперь эти способы въ сильномъ употребленіи не только между простымъ народомъ, но и болѣе образованнымъ.

— Дай-ко огоньку, сказалъ онъ, кончивъ свою многосложную и довольно искусную работу.

— Изволь, любезный! Да неужели же твоя цигарка лучше моей? въ твоей цигаркѣ больше бумаги, да еще и замасленной, чѣмъ табаку.

— Бумага не мѣшаетъ, отвѣчалъ тотъ рѣшительнымъ, недозволяющимъ возраженій тономъ,— бумага-та и цигаркѣ только больше скуку придаетъ.

— Куды идешь, почтенный человѣкъ? спросилъ меня, позѣвывая и крестя ротъ, другой мужикъ.

— Развѣ не видишь? отвѣчалъ за меня первый, поплевывая въ сторону,—развѣ не видишь? Въ Чолнскій *помастырь:* тутъ, кажись, дорога одна!

— А вы оттуда? спросилъ я, оставаясь очень доволенъ отвѣтомъ за меня.

— Яни (они) деготь гнали.

— А ты, любезный?

— А мы по своей части.

— Гдѣ же вы деготь гнали? спросилъ я, мирясь съ отвѣтомъ говоруна.

— А всё больше по господскимъ лѣсамъ, отвѣчалъ тотъ же говорунъ.

— Что́ жъ, нанимаетесь?

— Нѣтъ, сами сидимъ, проговорилъ одинъ изъ работниковъ, — самимъ лучше.

— Яни отъ ведра, прибавилъ говорунъ.

— Ка́къ отъ ведра?

— Два ведра себѣ, третье барину.

— Много же можно заработать въ годъ?

— А какъ придется.

— Да сколько же?

— И сказать того никакъ не возможно; деготь гнать — дѣло огнёвое, не угадаешь никакъ.

— Да прошлый годъ сколько ты заработалъ? спросилъ я неподатливаго на слова работника.

— Да прошлый годъ я себѣ рублей пятьдесятъ серебра принесъ домой.

— Прошлый годъ хорошъ былъ?

— Ничего.

— Кабы изъ своего лѣсу гнать деготь — не въ примѣръ лучше, заговорилъ опять говорунъ: — изъ своего гонишь — все твое; а изъ барскаго — третье ведро: какъ ты тамъ себѣ хочешь, а третье ведро изволь отдать барину, чей лѣсъ.

— У васъ своего лѣсу нѣтъ?

— Нѣтъ, есть.

— Отчего же вы изъ своего не гоните?

— Не даютъ.

— Отчего же?

— Да оно только слава, что нашъ, ато не нашъ; даромъ не даютъ, а всё купить надо.

— Да вы изъ какихъ?

— Мы изъ удѣльныхъ.

— Стало-быть и лѣсъ не вашъ, а принадлежитъ къ удѣльнымъ имѣніямъ?

— Стало-быть такъ.

— Что жъ вы, хорошо живете?

— Теперь ничего.

— А прежде?

— Прежде всего бывало.

— Отчего же теперь лучше?

— Народъ сталъ обходительнѣй.

— Какой народъ?

— А начальство.

— Это правда, что́ правда, заговорилъ опять мой говорунъ: — сперва къ начальству, не то что подойти да поговорить, а и взглянуть-то не всякій сунется; ну, а теперь на-счетъ этого стало просто: за своей нуждой иди прямо къ начальнику: нынѣ дурного слова не скажетъ начальникъ тотъ.

— Чиновнаго народу много, проговорилъ одинъ изъ артели, до-сихъпоръ упорно молчавшій.

— Чиновниковъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, изъ своего брата, изъ мужиковъ, чиновнаго народу ужъ очень много. — —

— Вѣдь чиновники изъ мужиковъ вездѣ есть? Безъ чиновниковъ ка́къ же быть?

— Вездѣ есть чиновный изъ брата своего мужиковъ, да не столько,

сколько у насъ, отвѣчалъ еще угрюмѣй тотъ же мужикъ: — у насъ больше.

— Сколько же у васъ?

— Да у насъ на деревнѣ живетъ 400 душъ, то-есть всѣхъ жителей 400 человѣкъ, и сколько ты думаешь у насъ чиновнаго народу изъ мужиковъ?

— Я не знаю.

— Человѣкъ пятьдесятъ будетъ!

— Какъ 50?

— Пятьдесятъ-то будетъ вѣрныхъ, не было бы больше: ты вотъ что́ скажи!

— Какіе жъ такіе чиновники?

— Голову, писаря считать нечего... а вотъ: два благонамѣренныхъ, пляховой и лепартовщикъ... да всѣхъ и не пересчитаешь — —

— Что́ жъ они, беруть съ васъ взятки?

— Что́ онъ возьметъ съ мужика? съ мужика ему взять нечего.

— Какое же вамъ дѣло до чиновнаго народу? съ васъ они ничего не берутъ: пусть ихъ живутъ...

— Да вѣдь тебѣ работать надо, а тутъ тебя выберутъ въ какіе не на есть лепортовщики, — работать и не работай, а въ пору только службу справляй.

— А все вамъ ни въ примѣръ лучше жить, чѣмъ господскимъ мужикамъ, сказалъ говорунъ.

— У какого барина?

— Да хоть у А — на.

— Э!.. А — нъ шиломъ грѣетъ, проговорилъ тотъ, усмѣхаясь, — шиломъ грѣетъ... печетъ!..

Челнскій монастырь, 25 іюня.

Челнскій монастырь стоитъ верстахъ въ десяти отъ Трубчевска, на крутой горѣ, покрытой мѣломъ, и изъ монастыря невидно ни одной деревни: такъ и кажется, что, войдя въ этотъ монастырь, оторвешься отъ всего остальнаго міра, — до-того мѣсто уединенно. Но это только пока вы не вошли въ монастырьскую ограду. Едва вы ступили шагъ въ ограду, видите, что здѣсь тѣ же люди, тѣ же желанія, тѣ же опасенія и тотъ же самый народъ, какой и въ селахъ и въ деревняхъ; монаховъ съ пер-

ваго разу не замѣтите: по всему монастырскому двору розсыпанъ былъ народъ: мужики, раскинувшись подъ тѣнью деревъ и церквей, спали; бабы-богомолки изъ окрестныхъ деревень, собравшись кучками, шушукались; бабы-торговки громко тораторили. Я пришелъ въ субботу передъ всенощною,—поэтому народу было болѣе обыкновеннаго.

Въ говорѣ народа слышится одно: начала новой жизни, созданныя 19 февраля; въ этомъ говорѣ слышатся и радость, и надежды, и страхъ... не за будущее, нѣтъ—народъ увѣренъ въ своемъ хорошемъ будущемъ; боится народъ преступить законъ, сдѣлать не по закону и тѣмъ замедлить исполненіе царской воли. А отъ недоразумѣній — какія ужасныя бываютъ послѣдствія!..

— Гдѣ братская? спросилъ я у перваго попавшагося мнѣ монаха.

— А вотъ, отвѣчалъ монахъ, махнувъ рукой на братскую,—ступай сюда, здѣсь братская.

Въ братской было народу много, и мужчинъ и женщинъ; разговоръ шелъ довольно оживленный и почти общій: одно теперь у всѣхъ на умѣ...

— Вамъ что!? говорила одна баба-богомолка: — что хочешь, то и дѣлай, не дѣлай беззаконія какого — и только... а намъ, мои матушки родныя, просто — головушку всю закрутило...

— Да вы чьихъ? спросилъ какой-то не то монахъ, не то послушникъ.

— А...ыхъ мы, А — скіе...

— О чемъ же у васъ головы закрутило? Али жирно пѣлись на теперешней волѣ?

— Когда было, родимый! Давно ли воля-то сказана? такъ ту же пору и отъѣшься! Какъ можно, родимый!..

— А отчего жъ?

— Да не знаешь сама, какъ дѣло повести...

— — — Яица барину нужно собрать съ мужиковъ да барину на дворъ и отнести.

— Ты такъ бы и сказала.

— Какъ быть? Сперва бывало повѣстятъ: собирай съ народу яйца! ну, соберутъ, да и отдадутъ, кому слѣдуетъ...

— А нынче повѣщали?

— Вотъ то-то, что нѣтъ.

— Что жъ вы?

— Да что! стали сходку собирать, да въ-тихомолку... нынче не любятъ, говорятъ, этихъ сходокъ... собрали сходку; одни говорятъ: »со-

бирай яйца, неси на барскій дворъ; не понесешь — бѣда будетъ,« а другіе кричатъ: »не носи безъ приказу — бѣду наживешь!« Не разъ, да и не два сходку собирали; ну, и порѣшили на томъ: собирать яйца, нести яйца безъ повѣстки; тамъ ужъ что́ Богъ дастъ, тому ужъ и быть: видно, надо.

— Да чему жъ тутъ быть? спросилъ монахъ: — барину отнесешь яйца, баринъ поѣстъ тѣ яйца; вотъ только и будетъ всего, больше ничего не придумаешь.

— Какъ не только! проговорилъ одинъ мужикъ,—только и будетъ... только!..

— Да чему же еще быть?

— Скажутъ, бунтъ!

— Какой же бунтъ?

— Скажутъ, бунтъ! продолжалъ тотъ же мужикъ.

— Бунтъ! какъ есть! заговорила толпа.—Царская воля вышла, въ той царской волѣ, сказываютъ, написано: яицъ господамъ не носить; какъ же ты царскую волю не сполнишь?

— Ну, а какъ про барскія яйца въ царской волѣ не сказано ничего, тогда ка́къ?

— И то правда...

— Вотъ объ этомъ то и мы сёмали, (1) продолжала старуха,—сёмали, сёмали и порѣшили на томъ, что собирать барскія яйца и самимъ безъ повѣстки нести на барскій дворъ. Вотъ хорошо, собрали, снесли. А тутъ еще другое горе приключилось: присланы отъ конторы деньги, разчесть конторой велѣно по гривеннику за десятокъ...

— Подвохъ! какъ есть подвохъ! заговорили очень многіе изъ слушавшихъ и мужиковъ и бабъ: — сперва за яйца не платили, а теперь раздобрился!..

— Какой же тутъ подвохъ?

— Толкуй, подвохъ!

— Вотъ такъ-то и мужики гадали, продолжала старуха: — подвохъ ли подъ насъ подводятъ, али такъ взаправду въ царской волѣ сказано, только...

— Деньги взяли?

— Взяли, родимый.

— Ну, смотрите жъ...

---

(1) Смѣкали: семъ сдѣлаю, семъ не сдѣлаю.

— Да ужъ что́ Богъ дастъ!

— А что́ только у насъ дѣлается! сказалъ, вздохнувъ, одинъ мужикъ, сидѣвшій въ сторонѣ.

— А что́?

— И сказать не знаю какъ...

— Да вы чьихъ?

— Мы ничьихъ.

— Вольные?

— Нѣтъ, удѣльные...

— А у васъ-то что́?

— У насъ землемѣры землю межуютъ — вотъ что́!

— Да не у васъ однихъ: землемѣры вездѣ ходятъ, вездѣ, у всѣхъ землю мѣряютъ.

— Вездѣ мѣряютъ, а пока еще Богъ миловалъ: пока еще нигдѣ земли не рѣжутъ...

— Да у насъ еще пока тоже Богъ миловалъ, продолжалъ старикъ:— землю мѣрять мѣряютъ, вѣшки становятъ, а земли рѣзать не рѣжутъ!..

— А пусть ихъ мѣряютъ!

— У насъ не одну землю мѣряютъ.

— Какъ не одну землю?

— Десну мѣряютъ! проговорилъ старикъ, къ ужасу всѣхъ слушателей...

— Ка́къ Десну?

— Десну!

— И я видѣлъ...

— Всѣ видѣли...

— Я, братцы мои, диву дался, заговорилъ одинъ: — что́ такое это означаетъ? воду Богъ создалъ, вода у насъ вольная: кто хочешь, по этой водѣ ступай, бери эту воду, сколько себѣ знаешь; сколько тебѣ надо, столько и бери... и эту-то воду Божію мѣряютъ!... Своими бъ глазами не видалъ, — людямъ бы и вѣры не далъ... да и вѣрить-то какъ?

Я вышелъ изъ братской; на крыльцѣ и въ сѣняхъ бабы толковали всё о той же волѣ.

— И что́ такое дѣлается, одинъ Богъ святой знаетъ! Спросишь, кто грамотный да путный, тотъ тебѣ про волю и говорить не станетъ; а какой безпутный — того напletетъ, что и не разберешь... послушаешь того безпутнаго — просто, мои родныя матушки, просто голову сниметъ... Ужъ такая бѣда, что и сказать нельзя!

— Послушаешь — выпорютъ! поддакнула другая, тоже старушка-богомолка.

— Куда выпорютъ!

— Выпорютъ, родимая!

— Коли бъ выпороли, да тѣмъ бы и дѣло повершили! Въ книгу, моя родная, запишутъ!

— Запишутъ! какъ есть — запишутъ! заговорили слушавшія богомолки.

На дворѣ подъ деревомъ сидѣла куча мужиковъ; и я подсѣлъ къ нимъ.

— Здравствуйте!

— Здраствуй, почтенный!

— Объ чемъ толкуете?

— Да всё про волю.

— Что́ же про нее, про волю, много толковать? слава Богу, что воля эта вышла.

— Такъ-то оно, такъ!

— А еще же что́?

— А вотъ что́: было у насъ начальство, господа; теперь насъ отъ господъ отобрали и никакого намъ начальства не даютъ; теперь у насъ никакого начальства нѣтъ.

— На что́ же вамъ начальство?

— Ну, спросить о чемъ, хоть бы о той же волѣ, и спросить некого, никто ничего не скажетъ. (1)

— А теперь начальство стало — не начальство, подтвердилъ другой мужикъ.

— Это какъ?

— А вотъ какъ: бывало ѣдетъ становой, услышимъ колокольчикъ — поджилки дрожатъ! а теперь ѣдетъ становой — ничего; и уѣдетъ становой — тоже ничего!

— Это-то и хорошо!

— Это хорошо; да спросить что́ не у кого.

— Да что́ вы будете спрашивать?

— Какъ что́, другъ? обо всемъ теперь надо спроситься: порядки заводятся новые, а мы люди неграмотные, — какъ разъ въ бѣду влѣзешь, совсѣмъ съ головой влѣзешь!

---

(1) Тогда въ Орловской губерніи еще не были назначены мировые посредники.

— Да вотъ хоть бы у насъ, прибавилъ другой мужикъ: — мало-мало въ такую бѣду было попали, что и.... Тутъ мужикъ только рукой махнулъ, а ни одного слова не сказалъ: видно, что они ждали большой какой-то бѣды.

— Да вы Апраксинскіе?

— Апраксинскіе...

— Да, у васъ недалеко было до бѣды, да и до большой бѣды, другъ ты мой!

— Какъ не большой!

— Какъ еще это Богъ помиловалъ!

— Его святая воля!

— Какая жъ у васъ бѣда была? спросилъ я этого мужика.

— Большой бѣды Богъ миловалъ, а была бы. Вотъ какъ вышла воля, насъ, мужиковъ, баринъ собралъ, объявилъ намъ царскую волю, — хорошо. »Вы, говоритъ, живите смирно, да со мной ладно.« — Мы ему поклонились. — »Вы работали, говоритъ опять-таки баринъ, — вы работали на дворъ по шестнадцати десятинъ въ клину, теперь работайте по десять...«

— Какъ на дворъ? спросилъ я.

— У нихъ по дворамъ разсчитано, объяснилъ мнѣ другой мужикъ: — въ твоемъ дворѣ три работника, три работницы, да въ томъ двору пять работниковъ да пять работницъ, — значитъ одинъ дворъ; восемь работниковъ, восемь работницъ — вотъ тебѣ и цѣлый дворъ выходитъ. Это у нихъ такъ заведено ужъ изстари.

— Это такъ! продолжалъ разскащикъ. — »Теперь, говоритъ баринъ, работайте дворомъ по десять десятинъ.« Мы на это ни одного словечка не сказали, поклонились только. »Ну, говоритъ, прощайте!« Мы опять поклонились; поклонились мы барину, да и разошлись. Послѣ стали толковать промежъ себя: чью намъ волю сполнять, царскую, или барскую? Царь указалъ мужику трехденку, бабамъ двуденку (1), а баринъ не желаетъ царской трехденки, — какъ тутъ барина слухать? Думали, думали и придумали сполнять царскую волю, а барской не сполнять: выходить на трехденку, а сколько дворомъ сработаешь, больше десяти десятинъ — барскіе!

— Куда больше сработать! дай Богъ и десять десятинъ сработать, и то въ пору!.. Больше!.. заговорили мужики, — больше какъ ни сработалъ! Сработалъ!..

---

(1) Т. е. мужикамъ работать три дня въ недѣлю. бабамъ — два.

— Ну, да тамъ что́ Богъ дастъ! продолжалъ разсказчикъ.—Еще и то положили: велитъ баринъ на трехденку на лошадяхъ выѣзжать, — всѣмъ на барщину на лошадяхъ и выѣзжать, всѣмъ безпремѣнно!..

— Безлошадникамъ-то (1) какъ же? спросилъ кто-то изъ слушавшихъ этотъ разсказъ.

— Сказано, всѣмъ!

— Да вѣдь у васъ во всѣхъ деревняхъ на половину, пожалуй, будетъ безлошадниковъ.

— Ну, ужъ всѣ выѣзжай на лошадяхъ!

— Да какъ же?

— И объ этомъ на міру говорили; порѣшили: у кого нѣтъ лошади, возьми, у кого́ двѣ, а чтобъ барская трехденка не стояла, чтобъ на міръ попреку не было; на томъ и порѣшили, и положили объявить о томъ барину, управляющему, что́ ли, кому надо, по начальству, чтобъ грѣха какого не вышло.

— Да́, такъ, кажись, по закону будетъ, утвердительно сказалъ одинъ.

— Такъ, по закону, по закону! подтвердили другіе,—по самой царской волѣ!

— — —

Я подошелъ къ другой толпѣ.

— Ты только то́ посуди: земля твоя, ты самъ-свой; живи, никого не забиждай, и тебя пальцемъ тронуть никто не можетъ; ты ведешь дѣло по-Божью, и никто ни тебя, ни твоего дому, ни твоей земли, говорю, не можетъ тронуть; а своровалъ въ чемъ — судъ! Судъ разсудитъ — ты виноватъ.

— Виноватаго въ Сибирь!

— Да хоть за Сибирь!

— А праваго никто обиждать не моги! продолжалъ первый.—Привелъ бы Господь только, чтобъ всѣ настоящіе порядки произведены были!

— Народъ болтаетъ: настанутъ новые порядки, и всѣ суды пойдутъ праведные: хоть будь ты какой богачъ, хоть тысячами бросай, а коли проворовался — спуску не будетъ, въ Сибирь, или чего кто стоитъ.

— Сказано, свѣту будетъ поновленіе.

---

(1) Мужики, обработывающіе землю и по бѣдности не имѣющіе рабочихъ лошадей; такому мужику очень трудно справиться.

— А! П. И. здравствуйте! сказалъ, подходя ко мнѣ, отецъ П., съ которымъ меня познакомили въ Трубчевскѣ. — Хотите посмотрѣть нашъ монастырь, нашу ризницу?

Разумѣется, я на это согласился съ радостію, и мы пошли съ нимъ по монастырю.

Въ Челнскомъ монастырѣ вся постройка новая; одинъ только корпусъ, въ которомъ находится теплая церковь — довольно старинной постройки Иконъ стараго письма я не видѣлъ ни одной; книгъ старыхъ, рукописей тоже нѣтъ; самая замѣчательная рукопись — синодикъ прошлаго вѣка, изъ котораго видно, что князья Трубецкіе до послѣдняго времени не оставляли Челнскаго монастыря. Такъ, подъ 1768 годомъ, въ синодикъ вписанъ князь Алексѣй Никитичъ, бывшій ктиторъ монастыря. Чудотворной здѣшней иконы Богородицы я не видалъ: лѣтомъ эта икона въ ходъ идетъ, большую часть лѣта пробываетъ въ Трубчевскѣ, гдѣ жители приносятъ ее къ себѣ въ домъ и служатъ ей молебны, которые поютъ очередные монахи изъ Челнскаго монастыря. Челнская чудотворная икона пришлыла къ мѣсту, на которомъ теперь стоитъ монастырь, по Деснѣ въ челнѣ, — поэтому и монастырь получилъ названіе Челнскаго. Преданіе говоритъ, что она писана преподобнымъ Алимпіемъ, знаменитымъ Кіевскимъ иконописцемъ.

— Гдѣ здѣсь, батюшка, пройти къ пещерамъ? спросила меня богомолка старуха, когда я вышелъ за монастырскую ограду полюбоваться мѣстностію монастыря.

— Не знаю, отвѣчалъ я.

— Пойдемъ, батюшка, вмѣстѣ поищемъ. Какъ не найдти? чай, народъ пойдетъ къ пещерамъ, и мы за народомъ.

— Пойдемъ, матушка!

— Вотъ сюда, сюда, подъ гору, говорила старуха, сходя съ крутой горы.

— Подъ гору-то ты, матушка, сойдешь, сказалъ я: — какъ только на гору взбираться будешь?

— Отчего же не взобраться?

— Да видишь, какая крутизна; а тутъ, на бѣду, никакой тропиночки не видно; по дорожкѣ всё бы легче было.

— Ничего, родимый!

— А какъ не взойдешь?

— Молитвы Клеопа преподобнаго помогутъ.

— Котораго Клеопа преподобнаго?

— А вотъ того, который въ этихъ пещерахъ спасался.

— Давно онъ жилъ?

— Нѣтъ, не очень давно.

— Что́ жъ, народъ его помнитъ?

— Какъ не помнить! человѣкъ святой былъ! А молиться станетъ,— сказываютъ, за всеночной всякій канонъ долго пѣлъ!.. Не даромъ Десна рѣка свой путь перемѣнила.

— Это какъ?

— Она текла, Десна-то, подъ самимъ монастаремъ, а за молитвы Клеопа, вишь гдѣ пошла!

— Да чѣмъ же теперь лучше?

— А какъ же? Монастырь, монастырскую гору не подмываетъ.

26 іюля. Заштатный городъ Погаръ, Черниговской губерніи.

Изъ монастыря я, послѣ обѣдни, пошелъ на дорогу, идущую изъ Трубчевска на Погаръ. Я уже говорилъ, что Челнскій монастырь окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, и по этому лѣсу, съ одной стороны монастыря, разсыпаны курганы и на многихъ изъ нихъ ростутъ вѣковыя деревья. Говорятъ, что еще въ самое недавнее время весь правый берегъ Десны былъ покрытъ дремучими лѣсами; теперь этихъ лѣсовъ нѣтъ; если и попадаются, то очень небольшіе, какъ, напримѣръ, около Челнскаго монастыря. Говорятъ, что въ старыхъ дремучихъ лѣсахъ было множество кургановъ. Что ихъ было больше теперешняго, это вѣроятно, но и теперь эти курганы идутъ непрерывною цѣпью по крутому правому берегу Десны; по крайней мѣрѣ, я могу сказать, что эту цѣпь кургановъ видѣлъ отъ Усока до Челнскаго монастыря. Въ самомъ Трубчевскѣ — городище. Городокъ — не что́ иное, какъ курганы.

— Кормилецъ, батюшка! Христа ради, сотвори твою святую милостыньку!

Я оглянулся: сзади меня стоялъ старикъ въ довольно ветхой свиткѣ, безъ сумы и безъ подсумка.

Черезъ минуту мы съ нимъ были пріятелями.

— Сядемъ-ко здѣсь, сказалъ я ему, садясь около дороги: — я закурю папироску. Ты куришь?

— Не, не вживаю!

— А не вживаешь, не надо.

— Ты-то кури, мнѣ это ничего, говорилъ онъ, присаживаясь возлѣ меня, — ты кури!

— Какіе здѣсь курганы, дѣдушка? Откуда они у васъ взялись? спросилъ я его.

— То не курганы, то татарскія могилы, отвѣчалъ старикъ, улаживаясь получше сѣсть.

— Зачѣмъ же Татаръ хоронили здѣсь?

— Это было лѣтъ за сто, ато глядишь—и больше, монастырь нашъ Челнскій былъ богатый монастырь. Услыхали Татары про богачество монастырское... а Татары вѣры не нашей, Татары вѣры поганой, имъ что монастырь? Они грѣха не знаютъ-ти—святой монастырь, церковь-ти ограбить... имъ все едино, ти церковь, ти просто домъ!.. Задумали Татары, монастырь этотъ Челнскій ограбить, собрали силу несмѣтную и пошли на монастырь... Только игуменъ со старцами подняли чудотворную икону Челнской Богородицы и обошли кругомъ монастыря; тогда Татарове всѣ переслѣпли. Страхъ на нихъ такой напалъ... видѣть-то не видятъ ничего... отъ страху этого они и почали саблями другъ отъ дружки отмахиваться... Отмахивались, отмахивались, да другъ дружку, сами себя, всѣхъ до одного и позарубали... Старцы видятъ такое чюдо матушки Богородицы, вышли изъ монастыря, выкопали ямы, побросали, какъ собакъ какихъ поганыхъ, ихъ тѣла въ тѣ ямы да заметали землею; оттого и пошли эти курганы.

— А за Трубчевскъ къ Усоху—тамъ какіе курганы? Тоже татарскія могилы?

— Не, тѣ — не могилы.

— А что́ жъ?

— Тѣ — курганы.

— Отчего жъ пошли тѣ курганы?

— А кто ихъ знаетъ! Мало ли народъ что́ болтаетъ! всего не переслушаешь.

— Что́ же народъ болтаетъ?

— Болтаетъ народъ, что всѣ тѣ курганы какіе-то Кудеяры насыпали... кто ихъ знаетъ?

— Какіе же такіе Кудеяры были?

— Болтаютъ, что изстари жилъ какой-то народъ, Кудеярами прозывался; народъ былъ — злодѣй, безбожный, съ нечистою силою зналася... вотъ тѣ Кудеяры и курганы понасыпали.

— Для чего же они, эти Кудеяры, курганы тѣ понасыпали? добивался я у старика.

— А кто ихъ знаетъ!

— Народъ же что-нибудь да говоритъ, для чего Кудеяры этихъ кургановъ столько понасыпали?

— Говоритъ народъ, отвѣчалъ старикъ, значительно понизивъ голосъ, — говоритъ народъ, что въ тѣхъ курганахъ золото, серебро да камни самоцвѣтные, да свѣчи восковыя; тѣ Кудеяры понакладывали, да тѣми курганами все золото, серебро позасыпали.

— Для чего же?

— Клады клали.

— Находили эти клады?

— Нѣтъ, не слыхалъ я, чтобъ тѣ клады кому въ руки дались: ихъ достать никакъ нельзя.

— Отчего же?

— Съ большими заклятіями положены.

— Будто теперь никто ужъ и не знаетъ заклятій?

— Видно, мало знающихъ.

— А никто не пытался достать эти клады?

— Какъ не пытался? пытался, да только толку въ томъ мало: роютъ, роютъ, а всё ничего не выроютъ. Вотъ первый Бугаевскій баринъ... какъ пойдешь къ Погару, Бугаевка тебѣ по пути будетъ... такъ старый Бугаевскій баринъ все имѣніе на клады потратилъ, а такъ и умеръ: ни одного клада не нашелъ... А сколько денегъ потратилъ! все имѣніе продалъ на клады эти.

— Отцы наши, родные кормильцы! заголосилъ сзади меня тонкій бабій голосъ.

Я обернулся: сзади меня стояла женщина лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ виду очень здоровая, держа за руку мальчика лѣтъ пяти или шести. Какъ мальчикъ, такъ и сама женщина были до-нельзя грязно одѣты: по взгляду видно было, что они своей одеждой хотѣли произвести сильный эффектъ на благочестивыхъ богомольцевъ.

— Ты отколь? спросилъ ее довольно грозно мой прежній собесѣдникъ-старикъ.

— Да мы изъ Любовна! отвѣчала женщина. А вы, родимый, сами то изъ какихъ такихъ мѣстовъ?

— Мы крестьяне господина Аѳанасина, отвѣчалъ какъ-то съ разстановкой мой старикъ.

— Апраксинскіе! протяжно, не то подтвердительно, не то вопросительно, проговорила женщина.

— Да́, мы Апраксинскіе! строго заговорилъ старикъ. А ты, баба молодая, работать не работаешь, а по міру ходишь; по міру ходишь—святой милостыней питаешься.

— А что́ жъ, что питаюсь?!

— А то, что грѣхъ большой!

— Какой же грѣхъ?

— Да кто тебѣ святую милостыню подастъ, на твою душу всѣ грѣхи того, какъ на шею жерновъ, — вотъ что́!... Вотъ какой грѣхъ!... Баба ты еще молодая, а ходишь по міру, святой Христовой милостыней побираешься да питаешься!

— А самъ-то ты не побираешься?! самъ Христовымъ святымъ именемъ не кормишься?! завопила женщина-побирушка, горячась всё болѣе и болѣе.—Вишь какой святой! А ты посмотрѣлъ бы у меня на дворъ да на хату, да послѣ того ты бъ меня и казнилъ, коли сто́ю! Я побираюсь, а онъ свой хлѣбъ ѣстъ!... У меня пять человѣкъ дѣтей, а работниковъ только и есть, что я одна!... Тоже учитъ!... А работниковъ только я да вотъ еще на помогу чертенокъ!

Тутъ женщина — не извѣстно, для какой причины — дала своей помогѣ довольно значительнаго подзатыльника. Мальчишка-помога разревѣлся.

— Чего ты? крикнула на него мать, мазнувъ его по глазамъ, по носу и губамъ своимъ грязнымъ рукавомъ, думая тѣмъ привести въ надлежащій порядокъ несчастнаго ребенка.—Чего еще разревѣлся?... Вишь, учить умѣетъ, продолжала она опять въ пользу моего собесѣдника, — учить умѣетъ, а самъ, небось, по міру ходитъ, милостыней Христовой святою питается, а другимъ, поди ты, другимъ — грѣхъ!

— Я, матушка, слѣпъ.

Тутъ только я замѣтилъ, что мой собесѣдникъ слѣпой. Онъ такъ вольно себя держалъ, что я этого никакъ не подозрѣвалъ; но довольно было взглянуть ему въ глаза, чтобъ увѣриться въ справедливости его словъ: на обоихъ глазахъ были бѣльма.

— А что́ жъ, что ты бѣльмастый! кричала баба, — а вишь, какой кряжистый да здоровый!... Да и съ бѣльмами-то своими, захотѣлъ бы, нашелъ работу! Какой здоровый, а работать, небось, солоно!

— Матушка! заговорилъ старикъ, — матушка, кость только у меня широка, костью я широкъ, а силы-то: на гору взойду — задыхаюсь; право, на гору не взойду.

— Задыхаешься! на гору не взойдешь!.. а какъ посмотрѣть въ хатѣ, то подъ кутóмъ, небось, что твой кладъ!...Тамъ, небось, денжищевъто у проклятаго!

— Нѣтъ, матушка, не обиждай! Сродясь сумки да подсумки не надѣвалъ! Прошу Христа ради хлѣба насущнаго, даждь намъ днесь; а про запасъ, видитъ Богъ! видитъ Богъ, отродясь не просилъ! Станешь просить милостыню, другой день именемъ Христовымъ вымолишь хлѣба и на мѣсяцъ, такъ тотъ мѣсяцъ и по міру не хожу.

— Разсказывай!

— Да и разсказывать-то нечего!

— Знаемъ мы васъ....

— Дай Богъ тебѣ путь-дорогу, человѣкъ почтенный! сказалъ, приподымаясь, старикъ.

— Не поминай лихомъ! отвѣчалъ я.

— Али совѣсть взяла? пѣла свое баба; — али стыдно стало, какъ самому правду стали высказывать!

Старикъ повернулъ въ монастырь, баба юркнула въ лѣсъ, а я пошелъ на большую дорогу, подвигаясь впередъ къ Погару.

Жаръ стоялъ страшный; дождя давно не было; даже душно было; но всё-таки богомольцевъ по дорогѣ было много, въ-особенности богомолокъ, и съ дѣтьми, и безъ дѣтей.

— Далеко до Бугаевки? спросилъ я одну женщину, которая вела за руку сынишку лѣтъ четырехъ, возвращаясь отъ обѣдни.

— Недалеко, родной, недалеко: верстъ какихъ шесть будетъ, ато еще пять... больще пяти не будетъ.

Простой народъ не любитъ обижать: всегда хочетъ порадовать хоть однимъ простымъ словомъ; такъ и теперь: отъ Челнскаго монастыря до Бугаевки верстъ пятнадцать, да, кажется, и семисотныхъ верстъ (1). Я это зналъ и спросилъ женщину только, чтобъ съ нею заговорить. Она не хотѣла меня огорчить предстоящимъ длиннымъ путемъ, и потому, хоть на словахъ, да сократила дорогу.

Кстати припомню, что на вопросъ одного проѣзжаго: сколько верстъ осталось ѣхать? мужикъ отвѣчилъ: десять верстъ.

---

(1) Когда проложили линію для шоссе отъ Курска до Харькова, то число верстъ увеличилось, хоть дорога и прямѣй сдѣлана. Это объясняется тѣмъ, что сперва версты были семисотныя т. е. въ 700 сажень, а не въ 500, какъ теперь.

— Какъ десять?

— Да десять, батюшка!

— Ты врешь, дуракъ! крикнулъ разсердившійся, неизвѣстно за что, проѣзжій.

— Чего ты ругаешься? сказалъ мужикъ: — скажу двадцать, и двадцать поѣдешь, здѣсь стоять да кричать не останешься; сколько скажу, столько и поѣдешь!

Итакъ женщина мнѣ обѣщала только пять верстъ, вмѣсто пятнадцати, или и всѣхъ двадцати.

— Да какъ же такъ? спросилъ я ее: — говорятъ, отъ Челнскаго монастыря до Погара двадцать-пять верстъ слишкомъ, а отъ Бугаевки останется до Погара только верстъ десять; поэтому должно отсюда до Бугаевки болѣе пяти-шести верстъ?

— По этому выходитъ больше, согласилась со мной женщина.

— Ты сама откуда?

— Изъ Любовни, родимой.

— А куда ходила?

— Къ обѣднѣ, родимой.

— И мальчишку что ли водила? сынокъ, чтоль твой?

— Сынокъ, сынокъ мой; водила къ обѣднѣ: причащала. Надо съ малыхъ лѣтъ пріучать Бога бояться.

— Правда, тетушка, правда твоя.

— Какъ не правда, родимой!... Что, Васюшка, уморились твои ноженьки? обратилась она къ своему сыну. — Дай возьму тебя на рученьки, ножки твои отдохнутъ.

Женщина взяла на руки мальчика, сняла съ головы повязанный сверхъ кички платокъ, закрыла голову сыну, и тотъ ту жъ минуту заснулъ.

Въ монастырѣ всѣ женщины, повязывая платкомъ кичку, распускали сзади по спинѣ концы платка, который — замѣтить кстати — обыкновенно бываетъ темнаго цвѣта; между тѣмъ, какъ здѣсь, вездѣ я встрѣчалъ женщинъ, повязанныхъ платкомъ, тоже поверхъ кички, чалмообразно. Этотъ головной уборъ тѣмъ болѣе похожъ на чалму, что самая кичка очень низка и что сложенный платокъ толсто наматывается къ низу. Панёвы здѣсь встрѣтилъ такія, какихъ въ Великой Россіи я не видалъ: здѣшняя панёва состоитъ изъ четырехъ, или иногда изъ трехъ полотнищъ матеріи, приготовляемой изъ шерсти исключительно для панёвъ, и эти полотнища не сшиваются, а подвязываются кушакомъ, какъ запа-

вѣски; ежели панёва состоитъ изъ трехъ кусковъ, то спереди панёва не закрываетъ рубашки (1). Но во всякомъ случаѣ, состоятъ ли изъ трехъ, или четырехъ кусковъ, — надѣваютъ передникъ. Лѣтній костюмъ дѣвушекъ немногосложенъ: головной уборъ состоитъ изъ платка, сложеннаго шарфомъ, которымъ обертываютъ голову, не закрывая макушки и завязывая спереди; волосы заплетаютъ или въ одну косу всѣ, или оставляютъ около ушей по локону, не заплетенному, или и совсѣмъ не заплетаютъ. Остальной нарядъ — рубашка, подпоясанная поясомъ; иногда надѣваютъ передникъ, который закрываетъ грудь, животъ и ноги до колѣнъ.

— Отчего въ церкви, спросилъ я женщину, когда она усыпила своего сына, — отчего въ церкви всѣ женщины были не такъ повязаны платкомъ, какъ обыкновенно?

— Какъ же можно, родимый, въ церкви платокъ скрутить? Въ церкви такъ нельзя.

— Отчего же?

— Да ужъ нельзя: въ церкви надо платокъ распустить. Хоть старуха, хоть молодая, а какъ идешь въ Божію церковь, повязывай платокъ что есть лучшій и концы распусти.

— Платокъ у васъ всегда купленный?

— У насъ только и наряду купленнаго, что платокъ одинъ; да и тотъ прежде, въ старые годы, не покупали: полотенцемъ повязывали, хоть и въ церковь идти; теперь дома-то и ходимъ съ полотенцемъ, а идти куды — всё платочкомъ повяжешь. А дома-то все свое носишь, не купленное.

— Полотенце вѣдь тоже надо вышить красными хоть нитками; краску надо, чай, тоже покупать?

— И, гдѣ покупать! Всего, другъ, не накупишься. Да какая у насъ и краска-то! Пойдешь въ лѣсъ, наскоблишь шкурки съ яблонки, вотъ тебѣ и вся краска готова.

— Когда же надо яблонку скоблить? спросилъ я: — лѣтомъ, или зимой?

— Вотъ объ эту пору и скоблить надо. Зимой у насъ никто и не скоблитъ.

— Яблонка-то вѣдь портится?

— Портится, да что въ ней толку-то? Здѣсь лѣсная яблонка кислая,

---

(1) Это украинскія плахты *Ред.*

съ лѣсной яблонки яблочка не скушаешь. А съ хорошей ка́къ можно скоблить! Мы съ хорошей не скоблимъ.

— Вѣдь краски разныя; ка́къ же вы красите одной яблонкой?

— Яблонкой красимъ въ красное, въ черное — ольховой корой, въ желтое — пупавки, ато и сандалу прибавляемъ.

— А что́, тетушка, можно зайти къ тебѣ, пообѣдать? спросилъ я, когда мы подходили къ Любовну.

— Да и звать-то мнѣ тебя не зачѣмъ, отвѣчала баба: — печь нонче не топила, да не знаю, досталъ ли хозяинъ мой хлѣба-то; ато во всей хатѣ во́ каково кусочка не сыщешь!...

— Да я тебѣ, родная, за обѣдъ твой заплачу, что́ будетъ стоить, сказалъ я. »Можетъ быть« думалъ я, »что баба и скупится.«

— И, родимый! Христосъ съ тобою! Что́ ты заплатишь? Коли бъ у насъ постоялый дворъ держали; ато хлѣбъ есть — какъ не накормить человѣка? да бѣда-то вся въ томъ: хлѣба, какъ есть, кусочка крошечнаго въ хатѣ нѣту....

— Отчего же у васъ такая бѣдность?

— Христосъ ее знаетъ!... Такъ, видно, Богъ далъ.... Хозяинъ у меня человѣкъ больной....

— Чего жъ онъ не лечится?

— Лечился, родной, лечился.

— Да что́ жъ?

— На лекарство не йдетъ!

— Кто же его лечилъ?

— Да всѣ лечили! и здѣсь всѣ лекарки, и въ городѣ къ лекарямъ ѣздилъ....

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— А что́ Богъ дастъ.

— Господа, что ль кормятъ?

— Мы не господскіе.

— Какіе же?

— Мы удѣльные.

— Да вѣдь надо что-нибудь ѣсть; дома хозяинъ больной, хлѣба не добудетъ.

— Я работаю.

— И всю семью кормишь?

— Чего не заработаю, міръ подаетъ.

— Что́ же ты, по міру ходишь?

— А что́ сдѣлаешь? Придется, ѣсть нечего, — нужда заставитъ и по міру идти.

— И сынишка твой ходитъ по міру?

— Изъ лѣсу въ поборъ не пускала! какъ то рѣшительно отвѣчала баба.

— Отчего же?

— И сама-то пойду, такъ дѣтямъ про то не скажу; чтобъ дѣти про то и не знали.

— Отчего же?

— Привыкнетъ христарадничать съ измалку, — работать-то и не заставишь послѣ.

— Дѣло, родная!

— Какъ не дѣло, родимый!.. Ну, прощай, родимый! Спасибо тебѣ за путь, за дорогу!

— Спасибо и тебѣ.

Женщина пошла на деревню, а я присѣлъ у колодезя, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ прохожихъ изза Трубчевска, возвращавшихся съ лѣсныхъ работъ домой на рабочую пору, и богомольцевъ изъ Челнскаго монастыря.

— Что́, братцы? спросилъ я, поздоровавшись: — можно здѣсь у кого пообѣдать?

— Ну, нѣтъ, братъ, отвѣчали мнѣ: — здѣсь въ Любовно не пообѣдаешь: негдѣ.

— Отчего же?

— А для́-того: хлѣба ни у кого нѣтъ.

— И не покупаютъ?

— Купила-то нѣтъ; ато для́-чего нельзя? было бъ купило — былъ бы и хлѣбъ.

— Народъ что ли ужъ очень бѣденъ?

— Куда жъ богатъ! Нашъ братъ мужикъ завсягды деньгами скитается; объ деньгахъ мы и не толкуемъ; стало быть бѣденъ, коли и хлѣба корки нѣтъ.

Изъ Любовна я повернулъ влѣво и зашелъ въ Хотяиновѣ въ одну избу. Изба стояла на некрытомъ дворѣ; противъ избы, аршинахъ въ пяти, стоялъ амбаръ, соединенный съ избой развалившимся навѣсомъ. Избушка была худенькая, маленькая: не болѣе 6 — 7 аршинъ въ свѣту, т. е. отъ одной стѣны до другой, и безъ сѣнецъ. Когда я вошелъ, пожи-

лая женщина что-то наливала въ деревянную чашку для мальчика лѣтъ трехъ.

— Здравствуй, хозяйка!

— Здорово, родимый!

— Можно у васъ отдохнуть?

— Отдохни, кормилецъ! Видишь, какая жара стоитъ. Объ эту пору куда пойдешь?

— Ну, хозяюшка, дай пожалуста напиться.

— Изволь, родимый, испей водицы: вода холодная, только что съ колодезя принесла. Да ты не пей такъ-то воды: на жару это не хорошо, говорила привѣтливая хозяйка: — на жару выпьешъ чистой водицы — жажду не утолишь, жажда пуще возьметъ; а ты возьми кусочекъ хлѣба, пожалуй, да водицей и запей.

— Дай же мнѣ кусочекъ хлѣба, попросилъ я хозяйку, когда она мнѣ поднесла ковшикъ воды.

— Да у меня хлѣба ни крошки нѣту! отвѣчала, съ самымъ веселымъ взглядомъ и улыбкой, моя хозяйка.

— Какъ нѣтъ?

— Да ни крошечки!

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— А на, попробуй! сказала она, подвигая ко мнѣ чашку, изъ которой ѣлъ мальчикъ.

Я попробовалъ: что-то жидкое, пряное, безвкусное, травянистое.

— Что это такое? спросилъ я.

— Каша, кормилецъ.

— Изъ чего ее варила?

— А пойдешь въ поле, ржи натрешь да и сваришь: рожь-то не дозрѣла, такъ теперь на кашу на день натрешь, тѣмъ и кормишься.... Коли бъ посолить хоша, то скуснѣй была бъ; ато соли-то нѣтъ; а безъ соли скусу того въ кашѣ не будетъ.

— И молока нѣтъ?

— У насъ на деревнѣ не сыщешь ни у кого: надежъ былъ—всѣхъ коровъ повычистило.

— Плохо жъ вы, родная, живете.

— Э, кормилецъ! У людей и того нѣтъ. Есть, что и хуже насъ грѣшныхъ живутъ.

— А развѣ есть?

— Какъ не быть!

— Да гдѣ же?

— Возьми хоть а—скихъ: тѣ еще...куды хуже насъ, бѣдные, мучаются!

— Чѣмъ же вы лучше живете?

— У насъ хоть лошадка есть; всё работать можно; а работать будешь — и хлѣбъ, Богъ дастъ, будетъ; а тѣ — безлошадники, на половину лошадей нѣтъ: какъ имъ справляться? имъ по-вѣкъ справиться нельзя.

— Сходи, хозяюшка, перебилъ я хозяйку, подавая ей мелочи около рубля серебромъ, — сходи купи хлѣба, поѣдимъ.

— Да у насъ столько не купишь печенаго хлѣба, сказала хозяйка, взглянувъ на деньги.

— Все равно, ты муки купи да хлѣбовъ напеки.

— Да тебѣ какъ же ждать?

— Я послѣ зайду, тогда и поѣмъ, отвѣчалъ я, выходя изъ избы.

Послѣ неудачной попытки пообѣдать въ Хотьяновѣ, я пошелъ къ Бугаевкѣ, дорогой пустынной, то́ лѣсомъ, то́ полемъ. И для кого такая широкая дорога между Трубчевскомъ и Погаромъ (въ 30 саженъ)? я никакъ догадаться не могу. По дорогѣ до Бугаевки я видѣлъ одного только мужика, вышедшаго съ проселка.

— Куда идешь? спросилъ я.

— Да бѣда надо мной такая стряслась, что одинъ только Богъ святой знаетъ, ка́къ бѣду эту и разхлебать будетъ.... Горе такое....

— Какое горе?

— Какъ, другъ, не горе? Лошадь пропала!

— Давно пропала?

— Да ужъ третій день бѣгаю, спрашиваю; да гдѣ ее сыщешь! Знать, совсѣмъ въ-чисту́ю пропала.

— Хорошая лошадь?

— Хороша ли, дурна,—всё свой животъ!... А вору какая же воля брать дурную? Воръ, разумѣется, выбираетъ что ни самую лучшую изо всего табуна.

— Откуда жъ у тебя увели лошадь?

— Со двора проклятый свелъ. Стали мы ужинать; поужинали, хотѣли въ-ночное ѣхать; а тутъ хвать—лошади нѣтъ! Кинулся туда, сюда, — нѣтъ какъ нѣтъ!... И ума не приложу, что́ съ головушкою горькою своей дѣлать!

— Жаль мнѣ тебя, братъ, а помочь, самъ знаешь, помочь этому дѣлу не могу.

— Куда помочь!

— Часто у васъ лошадей крадутъ?

— Какъ не часто!... Только и послышишь: то́ тамъ тройку свели, то́ тамъ пару; недѣли не будетъ, какъ около насъ никакъ ужъ лошадей семь свели.

— За одинъ разъ?

— Нѣтъ, ночче сведутъ у меня, завтра у тебя.... Такъ обидѣли, такъ обидѣли....

— Скоро хватились, ка́къ же вы не догнали вора? спросилъ я.

— А ка́къ его догонишь? Загонитъ ее въ лѣсъ, тамъ его, вора-то, и не найдешь.

— Услышишь: лошадь заржетъ....

— И лошадь у вора никогда не заржетъ.

— Не заржетъ?

— Не заржетъ. Воръ привяжетъ къ хвосту камень; хочетъ лошадь заржать, надо лошади хвостъ поднять, а въ хвосту камень; лошадь вспомнитъ про камень и не заржетъ.

Отъ Хотьяинова или Хотьяиновки до Бугаевки нѣтъ ни одной деревни; только версты за двѣ стоитъ въ лѣсу небольшой хуторъ. Выйдя изъ этого лѣсу, вы сей-часъ же переходите въ Черниговскую губернію. Здѣсь мѣсто вышло пуповиной и передъ вами открывается великолѣпный ландшафтъ: поле, склоняясь въ лѣвую сторону, мѣстами примыкаетъ къ рощамъ, а мѣстами теряется за горизонтомъ; едва верстъ за десять, виднѣется Погаръ; вправо у самой опушки нѣсколько крестовъ. Ужъ не могилы ли несчастныхъ корчемщиковъ?

Въ Бугаевкѣ первый шинокъ, стало быть *вольница*, стало быть и Малороссія началась. Сколько разъ мнѣ ни случалось въѣзжать въ Малороссію, я замѣчалъ всегда шинокъ почти на самой границѣ, и въ этомъ шинкѣ народу вездѣ труба нетолченая!... Кто ѣдетъ въ Малороссію — встрѣчу справляетъ съ вольницей; кто выѣзжаетъ въ Россію — прощается съ шинкомъ, съ хорошей вольной водкой. Великороссіяне, живущіе часто за десять верстъ отъ границы, тоже часто заходятъ погулять въ шинокъ. Вѣдь шинокъ не то, что́ кабакъ. Въ кабакѣ, кромѣ водки, можно найти только прошлогодніе калачи, бублики и изрѣдка ржавую селедку. Да и самъ цѣловальникъ не похожъ на хозяина: у цѣловальника за-часту́ю и хозяйства никакого нѣтъ, и весь домъ не домъ, а одинъ ка-

бакъ. Въ шинкѣ для кабака собственно отведено небольшое мѣсто, а въ остальномъ домѣ вы найдете мѣсто и отдохнуть, и закусить вамъ подадутъ. Такъ и въ Бугаевкѣ мнѣ, по постному положенію, подали луку съ квасомъ. Хмѣльного народу, по обыкновенію, въ шинкѣ было много, и всѣ бабы: однѣ шли съ богомолья изъ Челнскаго монастыря, другія пришли съ какихъ-то крестинъ — доканчивать крестины.... Костюмъ былъ на всѣхъ одинъ, но говоръ слышался и южнорусскій и сѣверный, и, какъ сѣверный говоръ сбивался на южный, такъ и въ южномъ много слышалось сѣвернаго. Во многихъ кучкахъ запѣвали пѣсни или совсѣмъ малороссійскія, или хотя и русскія, но большею частію на малороссійскій ладъ. Малороссійскіе напѣвы, впрочемъ, слышатся довольно далеко отъ границы Малороссіи: я слыхалъ эти напѣвы въ Малоархангельскомъ, Мценскомъ уѣздахъ Орловской губерніи и даже въ Новосильскомъ Тульской губерніи; а въ Кокаревкѣ, за сорокъ верстъ отъ Трубчевска къ Дмитровкѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на свадьбѣ, я не слыхалъ ни одного напѣва свадебной пѣсни сѣверно-русскаго: всѣ южные.

Въ шинкѣ все шло громче и громче, шумнѣй и шумнѣй, и все безтолковѣй и безтолковѣй. И я, видя, что тамъ дѣлать нечего, пошелъ по деревнѣ. У одного двора сидѣлъ у воротъ мужикъ.

— Помогай Богъ! сказалъ я ему, усаживаясь около него на какую-то колоду.

— Милости просимъ! отвѣчалъ мужикъ. — Сядись, братъ, отдохни со мной.

— Эко, сколько народу у васъ въ шинкѣ! сталъ я заговаривать съ нимъ.

— Народъ, знаешь, идетъ со всѣхъ сторонъ въ Бугаевку въ шинокъ: здѣсь водка дешевая, да и *крѣпче*, чѣмъ въ Трубчевскѣ; вотъ народъ и взялъ такую *привычку* ходить въ Бугаевской шинокъ: другой, сердчный, бѣжитъ и невѣсть откуда на дешевку.

— Скажи пожалуста, отчего у васъ на этой сторонѣ деревни хаты стоятъ на дворѣ, а на той, къ барскому дому — на улицу?

— На этой сторонѣ постройка старинная: какъ дѣды строились, такъ и теперь строютъ; а тамъ почали строить всё по-новому: всѣ хаты на улицу.

— Отчего же?

— Тамъ господскіе живутъ; господа ихъи перестроили на свой ладъ, а мы люди вольные, мы козаки, — живемъ, какъ наши отцы, наши дѣды намъ позволили.

— Теперь вѣдь нѣтъ господскихъ крестьянъ; такъ бывшіе господскіе будутъ перестраиваться по-старому, или уже такъ и останутся, какъ господа ихъ построили?

— Нѣтъ, такъ и останутся... куды имъ!...

— Отчего же?

— Они мужики.

— Теперь всѣ вольные почти совсѣмъ, только временно обязанные; а уладятся съ господами, и совсѣмъ будутъ вольные люди тогда.

— Всё будутъ мужики.

— Да отчего же?

— Сказано въ писаніи: »отъ лося родится лосенокъ, отъ свиньи— поросенокъ.«

— Ну, такъ что́ жъ?

— Мужикъ привыкъ подъ господскимъ страхомъ жить; безъ этого страху мужикъ пропадетъ: настоящимъ человѣкомъ не сдѣлается никогда.

— Это, братъ, не ты говоришь — зависть твоя говоритъ! сказалъ я ему на это.

— Помогай Богъ! проговорилъ въ чуйкѣ, какъ послѣ оказалось, погарскій мѣщанинъ-сапожникъ, человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти или восьми, рослый и здоровый.

Я обрадовался новому собесѣднику: разговоръ нашъ съ прежнимъ товарищемъ былъ какъ-то не ловокъ: или мнѣ приходилось съ нимъ согласиться, или спорить съ нимъ. Согласиться мнѣ не хотѣлось, а спорить — значитъ учить, а отъ этого я рѣшительно разъ навсегда отказался: изъ этого ничего никогда не выйдетъ, да и время даромъ только пропадетъ.

— Объ чемъ толкуете? спросилъ мѣщанинъ, тоже присаживаясь къ намъ.

— Да всё объ волѣ.

— А что́ объ волѣ толковать?

— А то́ толковать, отвѣчалъ мой мужикъ-козакъ, — то́ толковать, что отъ этой воли всѣмъ будетъ плохо.

— Нѣтъ, дядя, сказалъ мѣщанинъ.— Ты возьми только то́: всѣ будутъ вольные; всякому человѣку богатѣть можно, никто его и не тронетъ, тогда и нашему брату-мѣщанину не въ примѣръ лучше будетъ. Теперь что́ ты возмешь съ мужика? съ голаго, что съ святого, взять нечего!.. .

— А разбогатѣетъ мужикъ?

— Разбогатѣетъ мужикъ?... Тогда и ты около него поживишься, сытъ всё будешь!

— Это какъ?

— А такъ: взять теперь хоть меня; сошью я сапоги; много у меня мужикъ купитъ? онъ бы и радъ купить сапоги тѣ, да купить-то не на что́; мужикъ безъ сапогъ, а ты безъ денегъ! Теперь ты, положимъ, рыбу ловишь; мужикъ бы и взялъ у тебя рыбки, да взять-то нельзя: безъ денегъ ты ему рыбки не дашь; ты и сиди со своей рыбкой, а денегъ-то и у тебя нѣту, и тебѣ купить что́ надо, ты не покупаешь, какъ ни плохо, а такъ пробавляешься.

— Отъ лося — лосенокъ, отъ свиньи — поросенокъ! проговорилъ угрюмо козакъ.

— Нѣтъ, дядя! попомни мое слово: всё пойдутъ лоси; свиньямъ воду не будетъ, всѣ свиньи переведутся....

— Переведутся?

— Переведутся, дядя!

Оба замолчали.

— Пойдти напиться, сказалъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, козакъ.

— Вынеси и мнѣ водицы, попросилъ мѣщанинъ: — ишь жара какая стоитъ!

Козакъ вынесъ воды и подалъ мѣщанину.

— Будь здоровъ кушамши, прибавилъ онъ съ поклономъ, когда мѣщанинъ взялъ ковшъ съ водой въ руки и началъ пить.

— Благодаримъ покорно, отвѣчалъ тотъ, напивши воду.

— Не хочешь ли и ты? спросилъ меня козакъ: — вода у насъ ужъ очень легкая.

— Сдѣлай милость, дай, дядя!

Козакъ опять принесъ воды, и съ тѣмъ же привѣтомъ подалъ мнѣ.

— Славная вода! сказалъ я, поблагодаривъ хозяина за воду и отдавая ему ковшъ.

— И вода у насъ хороша, да и озеро у насъ такое доброе. Такого другого и не сыщешь.

— Чѣмъ же оно доброе?

— А тѣмъ оно доброе: никогда никому никакого зла не сдѣлало; никто изъ самыхъ стариковъ не запомнитъ, чтобъ наше озеро малому ребенку какую *вреду* сдѣлало.

— Какой же вредъ можетъ сдѣлать озеро?

— Въ нашемъ озерѣ ни ребенокъ... да не то что ребенокъ, а надо сказать цыпленокъ, и тотъ не утонулъ. Ти лѣто, ти зима — озеру все равно, всё озеро доброе.

— Какъ называется ваше озеро?

— Святое озеро называется.

— Почему жъ его такъ назвали?

— А потому его назвали Святымъ, что озеро доброе очень!

До Трубчевска отъ Дмитровки дорога иногда идетъ лѣсомъ, а отъ Трубчевска къ Погару лѣсъ идетъ дорогою: среди распаханныхъ полей, на которыхъ не видите ни кусточка, лежитъ широкая дорога, указной тридцати-саженной мѣры, и по этой-то дорогѣ ростетъ лѣсъ, оставляя довольно мѣста для прохожихъ и для немногочисленныхъ своихъ проѣзжающихъ, а поэтому и лѣсъ не мѣшаетъ проѣзжающимъ, а равно и проѣзжающіе — лѣсу.

— Чей это хуторъ? спросилъ я встрѣтившуюся мнѣ бабу, отойдя отъ Бугаевки верстъ шесть или семь.

— Это не хуторъ.

— А что жъ?

— Это шинокъ.

— Въ шинкѣ можно напиться?

— Что́ же? можно.

Я пошелъ къ шинку.

— Здравствуй, служивой! сказалъ я сидѣвшему на порогѣ отставному солдату.

— Здравствуй, братъ!

— Можно попросить напиться?

— Можно: попроси у Жида.

— Здѣсь шинкарь Жидъ?

— Жидъ; здѣсь всё пойдутъ шинкари жиды; въ Бугаевкѣ былъ послѣдній шинкарь изъ Русскихъ.

— Тамъ отчего же Русскій?

— По всей той границѣ шинкари изъ Русскихъ; трубчевской откупщикъ снялъ всѣ шинки по границѣ, да и насажалъ изъ Русскихъ, чтобъ водку въ Россію не перевозили.

Я вошелъ въ шинокъ, а за мной и отставной солдатъ. Въ шинкѣ сидѣла Жидовка-дѣвка, лѣтъ 20 слишкомъ, да Жидовка-женщина, лѣтъ подъ сорокъ.

— Эй, Жидова! крикнулъ за меня солдатъ, — дай человѣку напиться чего! да поскорѣй!

— Да чего же? спросила оторопѣвшая Жидовка.

— Да чего-нибудь! Только ты, почтенный, воды не пей: хуже пить захочется; а спроси-ка полкварты пива — лучше будетъ.

— Коли станешь со мной пить, спрошу пива, отвѣчалъ я солдату, — ато не надо.

— Пожалуй! побалуемъ пивомъ! Эй, Жидова! скорѣй полкварты пива давай!

— Только пойдемъ изъ шинка, тамъ гдѣ-нибудь выберемъ мѣстечко, тамъ и пиво выпьемъ.

— Пойдемъ, сядемъ на бугорокъ.

— Давно въ отставкѣ? спросилъ я солдата, когда мы съ нимъ сѣли за пиво.

— Да ужъ давно: съ 834 года въ-чистую уволенъ, отвѣчалъ солдатъ.

— Когда жъ ты въ службу пошелъ?

— Въ службу пошелъ я въ 806 году.

— Долго же ты служилъ?

— Да послужилъ-таки Богу и великому государю; всего-на-все моей службы больше двадцати-восьми лѣтъ насчитаешь.

— Много, чай, видѣлъ на своемъ вѣку?

— Какъ не видать?

— Ну, а когда лучше было служить: въ прежнія времена, хоть въ 806 году, или теперь?

— Съ которой стороны возьмешь: съ одной стороны было лучше прежде, съ другой теперь стало лучше. Льготы солдату стало больше.

— Чѣмъ же?

— Одежа стала легче. Теперь что солдатская одежа? Все равно — ничего!... Самъ и одѣнется, самъ и раздѣнется.... Выскочитъ зачѣмъ изъ фронта, — самъ и раздѣлся, самъ и одѣлся, и опять во фронтъ.

— А въ-старину?

— Въ-старину было не то. Бывало, не раздѣнешься самъ, а одѣваться! не то что самъ, а одинъ и не одѣнетъ! Бывало, веревкой опояшутъ да кряжемъ скручиваютъ, а поверхъ веревки протупею надѣнутъ. Опять взять штаны, что лѣтнія, что зимнія натянутъ — вошь не подлѣзетъ; все равно, какъ обольютъ штанами ногу ту!... А станутъ пудрить!...

— А тебя развѣ пудрили?

— А какъ же?

— И косу носилъ?

— Нѣтъ, косы не носилъ, а такъ бо́рошномъ завивали да пудрой посыпали.

— Кто же? Другъ друга?

— Нѣтъ, солдатъ такъ не сдѣлаетъ; на это были особенные парукмахыры; завьетъ тебя парукмахыръ, натретъ голову саломъ, а послѣ мукой посыпетъ; кисти у нихъ такія были; возьметъ онъ кисть эту, обмокнетъ въ муку, наставитъ кисть на голову, да и толкаетъ кулакомъ по кисти, а мука-то на тебя и сыпется.... Бывало, завтра надо въ парадъ, такъ съ вечера начнутъ убираться... намажутъ голову саломъ, обсыпятъ тебя мукой, такъ спать-то и нельзя: муку оботрешь, волосики помнешь!... Такъ и сидишь цѣлую ночь, и къ стѣнкѣ прислониться нельзя, и на руку не облокотишься!... Да и муку-то покупали на солдатскія же деньги....

— Сами солдаты покупали муку?

— Нѣтъ, изъ солдатскихъ денегъ вычитали на муку, а покупало — — начальство. Да и вся служба солдатская стала не та.... Какая теперь служба? солдата никто не смѣй пальцемъ тронуть! Этого я не хвалю. У насъ, бывало, солдатъ учить можно было, а теперь ка́къ его выучишь? Бить его нельзя: ка́къ ему службу, нужду солдатскую укажешь? безъ битья рекрута въ настоящіе солдаты и не произведешь!

— Отчего же?

— Такъ, не произведешь.

— А солдату теперь лучше?

— Солдату? какъ можно! На половину... куда на половину!... Третію часть прежней службы не осталось! — —

— Чѣмъ же сперва было лучше?

— Начальство было лучше.

— Чѣмъ же начальство было лучше?

— А всѣмъ, за что́ не возьмешь! — — Тогда были начальники крѣпкіе, твердые....

— Тѣ крѣпкіе начальники били солдатъ, а теперешніе, ты самъ говоришь, не бьютъ.

— Да и за солдата не стоятъ.

— А прежніе стояли?

— — — Стояли!... Теперь солдата поставятъ въ хату къ мужику, все равно, что его и нѣтъ у тебя на квартирѣ.... Да еще что́? Хо-

злину тотъ солдатъ воду носитъ, дрова рубитъ.... Ну, а прежде — — придетъ, бывало, на квартиру солдатъ, — — спроситъ солдатъ чего, хоть птичьяго молока, хозяйка давай!

— Ну, а ежели нѣтъ у хозяйки?

— Гдѣ хочешь доставай хозяйка, хоть жаромъ духъ пускай, а солдату давай!...

— Что́ жъ, хозяева жаловались начальникамъ вашимъ? спросилъ я.

— Жаловаться?!.. Ну, этого не было!

— Отчего жъ?

— Ну, нѣтъ! жаловаться не ходили: пожалуется — хуже будетъ хозяину. — —

— Отчего жъ теперь солдаты такъ не дѣлаютъ?

— Попробуй-ка теперь какой солдатъ то́ сдѣлать, такъ сей-часъ къ начальнику, а отъ начальника теперь никакой заступы!

— А при тебѣ были другіе начальники? спросилъ я, когда тотъ пересталъ говорить.

— Всякіе были; я только одно скажу: старинные начальники — — заступу дѣлали — — солдату — — Только за службу и спрашивали.

— А за службу спрашивали?

— За службу спрашивали. Былъ у насъ майоръ изъ хохловъ же, изъ насъ; — — Ну, а на службѣ — держи ухо востро! — — меньше двухсотъ палокъ и не отсчитывалъ.... — —

— — —

— И любили его солдаты?

— Нельзя было не любить: своего ни за что́ солдата не выдастъ.... А и лихой былъ командиръ: ничего не боялся, никого отродясь не трусилъ, хоть кто́ будь. Разъ мы пришли въ Петербургъ; привели насъ на какую-то улицу Грязную; на этой улицѣ Грязной сталъ смотрѣть насъ Аракчеевъ....

— А ты видалъ Аракчеева?

— Ка́къ не видалъ? Тутъ же на смотру бывалъ Аракчеевъ; такъ былъ маленькій, черномазенькій, каржавенькій.

— Такъ что́ же Аракчеевъ на смотру?

— Пріѣхалъ это Аракчеевъ смотрѣть насъ... тогда къ царскому параду готовились.... И то́ не такъ, и это не такъ! И то́ дурно, и это не хорошо!.. — —

— И Аракчеевъ ничего?

— На ту пору ничего; только вышли мы на Царицынъ Лугъ; вышли наши армейскіе, вышла и гвардія. Пріѣхалъ самъ царь Александръ Павловичъ, и Аракчеевъ пріѣхалъ. Царь скомандовалъ, Аракчеевъ скомандовалъ гвардіи, да не ту команду объявилъ,—гвардейцы и перемѣшались. А тутъ майоръ верхомъ на лошади...а и лошадка была плохенькая: такъ кобылка куцынькая... Майоръ-то перещеголялъ гвардейцевъ, — — и своихъ армейцевъ выставилъ!... — — А тутъ подъѣхалъ царь. — »Спасибо, майоръ, спасибо!« говоритъ царь майору, — — а Аракчеевъ такъ и остался.

— Такъ и ничего майору Аракчеевъ и не сдѣлалъ? спросилъ я разскащика.

— На ту пору ничего.

— А послѣ?

— Послѣ къ чему-то привязался — — Аракчеевъ.

— А Аракчеева солдаты любили?

— —

— Да Аракчеева никто не любилъ: ни великій князь Константинъ, ни генералы, ни солдаты.

— А въ сраженіяхъ Аракчеевъ каковъ бывалъ? спросилъ я. — Хорошъ?

— Аракчеевъ и въ сраженіяхъ не былъ ни въ одномъ. — —

— А ты бывалъ въ сраженіяхъ?

— Э-э! бывалъ!... Я въ самое сраженіе-то почитай всю службу прошелъ.

— А въ какихъ же ты сраженіяхъ былъ?

— Да я всѣ кампаніи выслужилъ: и съ Французомъ, и съ Шведомъ, и съ Туркомъ.... Только съ Французомъ больше всѣхъ войны у насъ было: сперва мы Прусаку помогали, а тамъ война была у насъ съ Французомъ же, какъ Французъ Москву сжегъ; а тамъ сами къ Французу два раза ходили.

— И ты бывалъ?

— А какъ же? бывалъ!

— Такъ ты много-таки видывалъ?

— Видывалъ! Сперва говаривали: »бывалый человѣкъ: не изъ семи печей хлѣбъ ѣдалъ«, а я про себя скажу: не въ семи царствахъ-государствахъ хлѣбъ ѣдалъ!

— Въ какихъ же ты царствахъ-государствахъ хлѣбъ ѣдалъ?

— А давай считать. Прусаку помогали, у Прусака были, — это

разъ; подъ Турка ходили, Турокъ—два; у Шведа—три; какъ Француза гнали, тутъ земель много прошли.

— Какія жъ тамъ земли?

— Тамъ много всякихъ: тамъ Саксонія, Буварія, Австріяны—такъ, жемигульный народъ... Еще земля, гдѣ наша царевна Марія Павловна живетъ,—не велика земля, не большая, а хорошо живутъ... да тамъ много земель, и не пересчитаешь.

— Хорошо тамъ живутъ?

— Всяко бываетъ: кои хорошо, а бываетъ кои, что и дурно, ато и вовсе плохо.

— Гдѣ же плохо?

— Да вотъ хоть Австріяны.

— Австріяны плохо живутъ?

— Плохо! Сами-то Австріяны, настоящіе, тѣ живутъ хорошо; а другимъ-то у нихъ ужъ очень плохо!

— Какимъ же другимъ?

— Ты развѣ не знаешь? Была Польша царство, а сосѣдомъ у Польши царства: Австріяны, Прусакъ да мы; сосѣди сговорились промежъ собой, да и разписали по себѣ Польшу. Такъ приписнымъ-то къ Австріянамъ, не настоящимъ, ужъ очень плохо! бѣдно живутъ!

— А прочія земли?

— Турокъ живетъ не хорошо; у тѣхъ повѣрья нехорошія.

— Какія жъ у нихъ повѣрья?

— У насъ—Христосъ, Богородица, Николай угодникъ, а у Турокъ только и есть, что одинъ Мугамедъ.

— Какой Мугамедъ?

— У Турокъ онъ самый и есть за всѣхъ. А такъ, распутный человѣкъ. »Вина«, говоритъ, »не пей, а женъ сколько хочешъ держи.« Вотъ и вся ихъ вѣра; а Турокъ ему одному только и молится!

— Только одному и молится?

— Одному! Вотъ еще Шведъ, не ловко живетъ; не то, чтобъ не хорошо, а такъ: за большимъ хлюстомъ не гонится,—ему этого не надо совсѣмъ.

— А другія царства?

— Тѣ хорошо живутъ. Вотъ что Буварія, что Саконія, что земля, гдѣ живетъ наша царевна, живутъ — и Боже мой!... Вотъ еще Французъ...

— Какъ тѣ живутъ?

— Да вотъ я у Француза два раза былъ, а больше полфунта хлѣба въ день и не съѣшь.

— Отчего?

— Того да сего хватишь — ну, и сытъ!... фрухты разные.... А вина простого нѣтъ: всё вино ренское!

— Ренское вино лучше нашего?

— Ренское лучше: выпьешь стаканъ, два, хоть и три — ни рукой, ни ногой не владѣешь, а не ошалѣешь, память не отшибетъ. Нашей водки выпьешь два стакана — и память всю отшибетъ, и на другой день голова болитъ, а отъ ренскаго и голова не болитъ.

Павелъ Якушкинъ.

ЛИСТИ СЪ ХУТОРА.

ЛИСТЪ V.

Хто такий »Хуторянинъ«.

Не здивуйте, добродію, що я замовчавъ бувъ изъ своіми листами. Мовчять люде й довше. Иншій такъ замовкне, що пишешъ до ёго, пишешъ, та й покинешъ. Бачте, літомъ нашому брату хуторянину не до писання, а тепер — навідаесся до молотника, та й за книжку, або за піро.

Та що оце? якъ ми зъ вами кумедно зійшлися, що й досі ви не знаете, хто я такий и де мене по Вкраіні шукати, якъ-би часомъ трапилось вамъ завітати въ нашу сторону! Та й добрі люде, Оснівці, нехай-таки знають, що міні зъ своімъ прізвищемъ крітися нічого: якъ хто бъ до мене звернувъ зъ битого шляху, то, слава Богу, знайдетця, чимъ пошанувати. Такъ ото мавъ я вамъ роскázувати про всякі случаі и про наші прості звичаі, та перше роскажу про себе самого.

Живу я, коли хочете знати, на ріцці Говтві. Гарна була въ старовину річка; воювали на ій козаки зъ Ляхами й Татарами не згіршъ, якъ и на Сулі, та лучилась якось така причина. (Сето люде, бачъ, такъ говорять.) Мати втікала черезъ Говтву одъ Орди зъ дитиною, та й впустила дитину въ воду, та якъ почала плакати та вбиватись понадъ річкою та проклинати річку, то — сказано материні слёзи — почала річка сохти. Та ще роскázують — пзнайшла та мати джерело Говтвине, та й заткнула те джерело; отъ и зовсімъ почала съ того часу переспхати Говтва. Тільки й пожпвляетця вона, що боковими крпничинами. Съ тихъ-

то крини́чинъ вода́ въ Го́втві де́-не-де по степа́хъ леліе, а туди́ бли́жче къ Сулі, то й геть-таки́ вилискуетця и піски́ ри́е, на́че й путя́ща яка́ річка. Та не про те моя́ річъ. На верхівъя́хъ тні-то Го́втви есть ху́тіръ Бе́лебень. Ото́ жъ мій и ху́тіръ. Тамъ я собі живу́, и всі мене́ дале́ко навкруги́ зна́ють, бо я й самъ прозива́юсь Бе́лебнемъ-таки́. Спита́йте кого́ хо́чте попадъ Го́втвою: »А де тутъ живе́ коза́къ Павло́ Бе́лебень?« то й пока́жуть изъ степово́го горба́, — кряжъ у насъ на степу́ есть височе́нний таки́й! — то й пока́жуть, такъ у доли́ні на́че, величе́нна ку́па дуби́ни, ли́пини, вербй, есть и топо́лі гостроверхі, якъ дзвіни́ця: »Ото́ ху́тіръ Бе́лебень.«

Про ба́тька, діда й пра́діда свого́ роскажу́ коли́ и́нколи, бо то що сло́во, то й исто́рия. Ска́зано — старовина́, все тоді було́ не такъ, якъ тепе́ръ наста́ло: и лю́де и́нші, и звича́і и́нші. На сей разъ, коли́ хо́чете, зна́йте тільки, що ні панотецъ мій — перо́мъ надъ нимъ земля́ — ні дідъ не подали́сь у ту слу́жбу, що ви́думали въ насъ Німці, якъ засіва́ли на Вкраіні дворя́нъ. А були́ лю́де замо́жні, то вже не кому́ бъ и панува́ти по-німе́цькій, якъ не імъ. Отъ же ні: оста́лись про́стими хуторя́нами и че́сної сви́ти зъ се́бе не ски́пули. А що вже про пра́діда, то одно́ сло́во — що вінъ зъ-ма́лку бувъ чу́рою въ кошово́го Сірка́, и въ Сібіръ ёго́ провожа́въ, и на Запоро́жжя зъ нимъ верну́вся. Отъ, мо́же, ви й не зна́сте, що сла́вний ли́царь Ива́нъ Сірко́ одві́давъ Сібіру такъ са́мо, якъ и Палій Семе́нъ. Коли́сь и про се роскажу́ вамъ, якъ не доку́чу своімъ покла́дливимъ хуторськи́мъ писа́ннямъ. Такъ ба́чте, яко́го га́рту було́ на́ше ко́дло! До́ма ми не росли́ мазу́нчиками, маміями, то по́слі й на па́нство не ква́пились. А були́ підступи й підъ нашъ рідъ. Знахо́дились такі добро́дії зъ на́шихъ-таки́ ро́дичівъ. що повиска́кували я́кось у старшину́ чино́вню, повдяга́лись у німе́цькі gала́нці и поврости́ли въ те купъя́, що *бу́рхомъ* про́звано. То, було́, й ка́жуть на́шимъ, настоя́щимъ уже́ Бе́лебнямъ: »Одда́й міні сюди́ свого́ си́на, я ёго́ щасли́вимъ зроблю́; чоловіко́мъ«, ка́же, »ёго́ зроблю́.« — »А, бода́й васъ хінда щасли́вими тамъ робила!« було́ на́ші між со́бе гово́рять. »Бачъ, де въ іхъ лю́де зъ дітей вихо́дять!« Та було́ й зада́сть хло́пця у низові степи́: »Отъ де тобі пау́ка, я́къ у світі шука́ти ща́стя, я́къ чоловіко́мъ бу́ти між людьми́!« Бо й тамъ у насъ були́ ро-

дичі, а коли́ не ро́дичі, то приятелі, товари́ство да́вне, — що лу́ччо ро́дичів.

Тимъ-то поря́дкомъ, добро́дію, и мене́ туди́ за́слано на яки́йся часъ. Бувъ я съ панотце́мъ на я́рмарку въ Полта́ві. Гуля́въ мій панотє́ць изъ Чорномо́рськими чумака́ми. Міні й байдуже́, що він такъ зъ ни́ми бра́тается, ажъ тутъ уже́ й до мене́ у нихъ ді́ло дохо́дить. Тре́ба жъ вамъ попе́реду ще зна́ти, що старосві́цькі лю́де нікóли въ сві́ті не бува́ли пъяни́ми. Весе́лими вони́ бува́ли на підпи́тку и всякі чудасі́и витворя́ли, а щобъ звали́тись, нічо́го не памята́ючи, — зъ ро́ду я сего́ на своє́му ро́дові не ба́чивъ. Що щó то бувъ підпи́токъ у старосві́щину? Не горілка, не запіка́нка, не варену́ха була́ тутъ найголовні́йша річъ, а га́рне сло́во за ча́ркою. Сло́вомъ упива́лись на́ші ді́ди́ й батьки́, а не тру́нками. Се вже тепе́ръ такъ повело́сь, що всі нему́ють и се́рцемъ и сло́вомъ, та тільки й зна́ють, що горілкою собі о́чі заліва́ти.

Такъ отъ, сере́дъ са́мого бе́нкету, говори́ли-говори́ли го́сті, співа́ли-співа́ли — я слу́хаю; ажъ ось панотє́ць кивну́въ на мене́, підізва́въ, та й ка́же: »Си́ну мій Па́влику, дити́но моя́ лю́ба! пора́ тобі мі́жъ людьми́ поча́ти жи́ти. Иди́ лишéнь ти зъ оці́ми чумака́ми та подиви́сь Бо́жого сві́ту.«

Почу́вши таку́ річъ, я — ніде пра́вди діти — у слёзи. А панотє́ць-покійничокъ: »Не плачъ«, ка́же, »ду́рно, Па́влику, а слу́хай, що́ я тобі скажу́. Ти въ мене́ лю́бий хло́пець до́ма, та сего́ зъ мене́ ма́ю. Покажи́ себе́ мі́жъ чужи́ми людьми́, дале́ко одъ домівки, що ти спра́вді хоро́шого ро́ду дити́на. Тоді верта́йсь до мене́, будешъ міні ще доро́жий, ще любі́йший.«

Святі слова́! тепе́ръ-то я зна́ю, що́ вони́ зна́чили, а тоді я пла́кавъ, слу́хаючи. »Не проща́вшись ні зъ мату́сею, ні зъ се́страми...« поча́въ бувъ я хли́паючи каза́ти.

»Матуся вже съ тобо́ю попроща́лась, мій го́лубе!« ка́же панотє́ць, показа́вши на нови́й хре́щикъ, що напіма́тка наділа на мене́, випрова́жаючи въ Полта́ву.

Я-таки́ й постерігъ, що вона́ чого́сь ду́же була́ смутна́, ажъ онъ чого́ въ не́ї въ о́чахъ слёзи блища́ли! А чумаки́ вже ва́лку риштую́ть. Коли́ вони́ й коли́ поприганя́ли? Панотє́ць мене́ обня́въ, поцілува́въ, до се́рця пригорну́въ. »Отъ«, ка́же, »тобі й ма́ти, оце́й дя́дько, Кири́ло Порохня́«, та й переда́въ мене́ Кири́лові Порохні изъ рукъ у ру́ки.

Чума́къ Порохня́ бувъ висо́кий, огрядни́й собі козарлю́га, весе́лого по́гляду, не старий ще чоловікъ, га́рний — хочъ карти́ну зъ ёго малю́й. Я люби́въ ёго́, що хоро́шихъ пісе́нь співа́е, та чи ду́мавъ же то, щобъ оце́ мині зъ нимъ довело́сь чумакува́ти?

Ру́шили ми съ Полта́ви на́дъ-вечіръ. Недале́ко одъіхавши, ста́ли, ота́борились, воли́ повипряга́ли. Заходи́лись ка́шу вари́ти. Лю́де все такі ласка́ві те чума́цтво Кири́лове. Той у сопілку мене́ поча́въ учи́ти, той пісню підъ сопілку тихе́сенько підво́дить. А самъ Кири́ло, — що бувъ таки́ й геть-то підъ ча́ркою,—сівъ оддалі́къ усіхъ, на важни́ці, и гукну́въ на все по́ле, мовъ у вели́кого дзво́на вда́ривъ:

Ой у по́лі криниченька,
Вода́ протіка́е.
Ой тамъ чума́къ молоде́нький
Сі́рі воли́ напува́е...

Хло́пець я бувъ тоді малий и не вче́ний; не знавъ ще́, що́ то за поэзія, що́ то за ча́рі живо́писі и гармо́нії. Отъ же чумаки́ пе́рві мене́ всёго того́ почали́ вчи́ти. На душі въ ме́не зроби́лось такъ, якъ буває въ поэта підъ часъ того́ душе́вного про́зору, що все́ на Бо́жому світі ніби розмовля́е зъ ёго душе́ю. Га́рні въ насъ у ху́торі Бе́лебні стави́ и дібро́ви понадъ става́ми, та ніко́ли я ни́ми такъ не втіша́вся, якъ у степу́ га́емъ зеле́нимъ понадъ річкою Во́рсклом. Со́нце зайшло́ за степову́ рівняву и вда́рило по висо́кихъ верхівъя́хъ дубо́вихъ черво́нимъ світомъ, а по степу́ пішла́ здоро́ва, лю́ба прохоло́да. Во́лики бованію́ть по стерні, а въ гаю́ гуна́ одклика́етця на Кири́лову пісню. Тутъ запала́въ ого́нь підъ таганко́мъ. Кругъ огня́ — на́че карти́нами обста́вився чума́цький та́боръ: спя́ють на те́мному по́лі весе́лі, говіркі лю́де, по́раютця кругъ казанка́, шутку́ють, рего́чутця. »И я вже чума́къ, не домонта́рь. Маміе́мъ ніхто́ вже мене́ не зва́тиме.« Ду́мка ся весели́ть мене́. Поглида́ю на рожеві хма́ри по си́нёму не́бові. Дале́ко-дале́ко за тимъ рівнимъ по́лемъ піде на́ша доро́га!... »Поба́чу бага́то Бо́жого світу; верну́сь додо́му вже не хло́пцемъ-погоничемъ. Бу́де що́ росказа́ти й само́му папотцеві.« Ди́во яке́сь изо мно́ю зроби́лось. Самъ не зна́ю, чого́ мині ве́село між чумака́ми. Го́ді по домівці сумува́ти, — мовъ руко́ю одняло́ всі жа́лощі.

Не бу́ду вамъ докуча́ти всімъ тимъ дрібязкомъ, съ котро́го

складáється степове́ життя́ чума́цьке, та й чи є въ ко́го таке́ сло́во, щобъ чоловіка взявъ, та й перепісъ у степъ — щобъ він на́че своїми очи́ма на все те диви́вся, що́ чумако́ві передъ очи́ма пере́йде? Роскажу́ хіба́ про свою́ хлопя́чу приго́ду чума́цьку, бо вона́ въ ме́не одна́ тільки й була́; а якъ-би́ не ся приго́да, то хвали́вся би своїмъ чума́цтвомъ, мовъ яки́мъ весіллямъ безпе́чнимъ. Ішли́ ми сте́помъ. Я вже навы́къ до чума́цькихъ звича́ївъ, и мене́ вже на за́днёму во́зі поса́жено за вартово́го. День бувъ ти́хий, пого́жий. Почало́ вечоріти. Се найкра́ща пора́ въ степу́. Диви́вся я, диви́вся на ясне́ не́бо, ле́жачи догори́ на своїмъ васа́зі, та й заснувъ. И до́бре жъ міні заснулось, коли́ не счувсь, якъ и зъ во́за скоти́вся! Упа́въ, — сплю собі на шляху́. Коли́ жъ проки́нусь: де́ це я? Не́бо надо мно́ю зо́ряве; збо́ку світить молоди́къ; трава́ ро́сяна надъ шля́хомъ побли́скує .. Круго́мъ те́мно и ти́хо. Диву́юсь я, що́ се зо мно́ю! ажъ ось — чу́ю: гомоня́ть дво́е; иду́ть шля́хомъ, підхо́дять до ме́не; а я лежу́, дивлю́сь, що́ вони́ за лю́де! Ба́чу, що чумаки́, зъ батога́ми. А се, ба́чте, на́ші, ота́борюючись, постерегли́, що мене́ нема́е, та й пішли́ шля́хомъ шука́ти. »Ось де він, вража́ дитина!« гукне́ надо мно́ю Кири́ло Порохня́, та якъ ушкварить мене́ батого́мъ, такъ я й зареготавъ, підско́чивши. Зъ-ро́ду я до́ма би́тий не бувъ (ми панотця́ боя́лись безъ бійки, а панімáтки слу́хали безъ ла́йки), такъ мене́, на́че гадю́ка, чума́цька пу́га вкусила. А він удру́ге; а я навте́ки, а він ще лясь, лясь на ввесь степъ! »Такъ оттаки́й съ те́бе вартови́й!« Та я вже й не чувъ, що́ він каза́въ: покопотівъ, якъ лоша́къ, до та́бору.

Ну, по пра́вді скажу́: боліла міні та пу́га; та неха́й би ще вдво́е, втро́е мене́ Кири́ло попоцви́гавъ, тільки щобъ не глузува́ло зъ ме́не товари́ство Надійшо́въ до та́бору ота́манъ, а въ ме́не на о́чяхъ слёзи. Він, спаси́бі ёму́, й зупини́въ за́разъ регітню́. И до́сі ёму́ за се дя́кую. Га́рний чоловікъ бувъ, добря́щий. Вже-то не ду́рно панотецъ одда́въ мене́ ёму́ на ці́ле літо... Эге́, тільки на одно́ літо; а я й не знавъ сёго́. Чува́въ я не разъ, якъ нашъ рі́дъ вихо́вувався на Запоро́жжі, то ду́мавъ, що й моя́ оце́ черга́ прийшла́ у Вели́кому Лу́зі дубува́ти; ажъ Кири́ло Порохня́ росказа́въ міні, що вже мину́лись ті роско́ші Низові Запоро́зькі; Німо́та вже тамъ ку́блитця; Запоро́зці повтіка́ли давно́ вже за Дуна́й, а котрі осяглú собі зе́млю попадъ Куба́нню, и вже

тутъ не те́, що було́ въ Сі́чі; тільки й сла́ви, що чума́цтво та скота́рство.

Походи́ли ми чумаку́ючи по всіхъ ярмарка́хъ одъ Полта́ви та ажъ до Катеринода́ра. Передъ Покро́вою зновъ опини́лись на Вкраї́ні. Завіта́ли въ Кременчу́къ, переїздимо́ черезъ Дніпро́ по плавно́му тому́ мо́сту, коли́ зиркъ! назу́стрічъ панотє́цъ. »Го́ді, си́ну, чумакува́ти! Бу́де съ те́бе!« Зновъ я до́ма, и — що́ то, якъ ши́рше гля́нешъ по́ світу! ті жъ са́мі лева́ди и стави́ и горби́ степові навкруги́ ху́тора Бе́лебня здали́сь мині ра́емъ. Не знавъ я, що́ се за добро́, по́ки не ба́чивъ сте́пу и мо́ря. Тамъ свої дива́, а тутъ свої, а, не зна́вши світу Бо́жого ши́роко, не взна́ешъ, чого́ що́ сто́їть.

Оттака́-то, добро́дію, була́ моя́ запра́ва зъ-ма́лку. Тимъ я, мо́же, й оста́всь про́стимъ хуторяни́номъ, дарма́ що довело́сь мині зъїздити зе́мель бага́то и съ усяки́ми людьми́ наговори́тись, и всяки́хъ книжо́къ начита́тись. Того́ бъ я бажа́въ и и́ншимъ письме́нним земляка́мъ. Неха́й би й вони́ рідного по́буту про́стого не ки́дали и въ неме́цькі звича́і не вдава́лись; неха́й би черезъ нау́ку, черезъ освіту, про́стого на́шого лю́ду не ме́ншало. Ато́, хто ви́хопитця въ письме́нні, въ тему́щі книжко́ві лю́де, — уже́ й не нашъ. Німець зъ ёго Німцемъ, — півень, а не чоловікъ, хочъ візьми́ та й посади́ на сідало. Мій Бо́же! чи то жъ нашъ про́стий людъ не вартъ, щобъ ми ёго́ о́бразу подо́бнлися? Таже́ жъ ніяка нау́ка тако́го правди́вого се́рця не дасть, як у на́шого до́брого селяни́на, або́ хуторяни́на. Нау́кою ми тільки ро́зуму собі прибільшуємо. То хиба́ жъ оце́ розу́мне ді́ло, щобъ уже́ й рідну сви́ту зъ се́бе ски́нути, що прочита́въ па́ру книжо́къ неме́цькихъ? Ні, въ насъ у ху́торі Бе́лебні, сла́ва Бо́гу, не такъ. У ме́не и сини́ й до́чки шу́плять уся́кі мо́ви чужозе́мні и одно́ 'дно́го навча́е, а про-те́ — оде́жа на іхъ про́ста, недорога́, и вони́ въ ме́не зовсімъ-таки́ лю́де, а не паненя́та.

Отъ же, коли́ хо́чете зна́ти, то величаю́ть мене́ лю́де па́номъ и въ сви́ті, бо я, собі на́ лихо, ухопи́въ маленького чинка́. Пораяли, бачъ, лю́де. Я ще тоді бувъ молодико́мъ, а панотця́ вже на світі не було́; то приятелі столи́чні мене́ я́кось и вко́ськали. То за це мині лю́де — звісно, не уми́сно — и дорека́ють. Такъ уже́ зву́чено бідола́хъ. Що́ жъ? за се й гнівати́сь на іхъ нічого. Колиб-то вони́ всі зна́ли, у чо́му си́ла!.. ге, що́ й каза́ти!..,

Такъ оце́ я, ба́чте, пану́ю. Отъ, разъ, на́дъ вечіръ,—неда́вніми вже оце́ года́ми, — по́раюсь я въ се́бе на дво́рі, коли́ се — чума́къ стари́й у двіръ увійшо́въ.

— Здоро́ві були́, па́не!

— Здоро́ві бува́йте й ви, діду́сю!

— Чи пізна́ли?

Я дивлю́сь: о́бразъ га́рний, благи́й таки́й. Голова́ на́че срібло́мъ пови́та, а білий усъ ажъ ся́е. Здае́тця, й зна́ю сёго́ чоловіка, та ні!

— Кири́ло Порохня́, па́не! озва́вся дідъ. — А я жъ васъ, добро́дію, пу́гою на степу́ цви́гавъ!.. А тепе́ръ прошу́ ва́шоі ла́ски: неха́й моі во́лики по ва́шому степу́ похо́дять.

Ну, що́ вже й каза́ти! Зрадівъ я, мовъ рідного ба́тька поба́чивъ. А Порохні, бачъ, ста́лась у доро́зі приго́да: причепи́лось до ёго́ това́риша яке́сь пика́те нача́лство съ тиі дрібно́ти, що тільки на мале́нькихъ мухъ снуе́ паути́ну. Отъ Порохня́, чу́ючи, що я, черезъ свое́ письме́нство, де́-съ-кимъ зна́юсь, и вда́вся ото́ до ме́не, зверну́вши зъ вели́кого чума́цького шля́ху, чи не обороню́ я ёго́ това́риша одъ напа́сти, та що́-то запоро́зька люди́на!.. не знавъ, чимъ себе́ нагада́ти па́нові, та нагада́въ тимъ цви́ганнямъ. Бо́же жъ мій, Бо́же! які жъ то весе́лі літа́ вінъ міні́ нагада́въ!...

Степи́-поля́, степи́-поля́,
Ро́скішъ моя́!
Го́ді міні́ по васъ гуля́ти!..

Сёмий де́сятокъ зачина́ю, — не до літа́ння вже по світа́хъ. Му́шу сидіти до́ма.

Козакъ Белебень.

СБЛИЖЕНІЯ И СЛѢДЫ.

I.

ВОВКУЛАКИ (¹)

(НЕВРО-ЛИТВИНЫ.)

Въ моей *Долинѣ* сдѣлалось скучно; все, что красило весну и лѣто, улетѣло: и эти влюбчивые, тихіе соловьи, и роскошныя головки украинскихъ цвѣтовъ, пахучихъ, цвѣтущихъ нѣжно въ своей глуши; улетѣлъ ароматный воздухъ и яркій заходъ іюльскаго солнца, спрятана уже въ омшаникъ и пасіка на цѣлые полгода, осталось послѣ нея только мѣсто, окаймленное вербами безъ листьевъ и заснувшей акаціей. Вечера сдѣлались длиннѣе; по небу начали бродить такія не родственныя, холодныя, свинцовыя тучи, — такъ же безжалостно гналъ ихъ сѣверный вѣтеръ, какъ и срывалъ безжизненныя листья четырехъ грушъ, берегущихъ мою хату; проходишь цѣлый день, топчешь ихъ, эти бѣдные засохшіе листья, а они словно стонутъ подъ ногами!

Я въ своемъ хуторѣ живу одинъ. Наскучила ли мнѣ прежняя бродяжническая жизнь подъ другимъ небомъ, или бранная военная, какъ сказалъ однажды мой знакомый, — я не хочу ни разсказывать, ни опредѣлять; только жить мнѣ одному совершенно не скучно. Когда весна тѣшитъ меня, грѣшнаго, молодою своею жизнью, я упиваюсь, говоритъ Иванъ Назарычъ, студеной водой изъ криницы, оберегаемой крестомъ. ѣмъ сочные арбузы и дыни, такія душистыя, что аромату изъ одной достаточно было бы для сотни тепличныхъ; но когда настанетъ глубокая осень, за-

---

(¹) Съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей *Основы* на этотъ превосходный образецъ народопзученія. *Ред.*

пугаетъ человѣка дождями и Богъ-знаетъ-чѣмъ, тогда, вспомнивъ, что есть на свѣтѣ гдѣ-то теплые семейные уголки, кипучій самоваръ, за самоваромъ юная хозяйка, такая свѣжая и веселая,—но-неволѣ позовешь къ себѣ въ хату одноглазаго Омéлька, моего alter ego, поговорить, потолковать и *пожалкува́ться* на осень.

Въ моихъ *Сближеніяхъ* одноглазый Омéлько будетъ являться очень часто; а какъ эта старая людина, по своей легендѣ, дорога для моего брата Платона, какъ семейственное воспоминаніе, то я долженъ сначала немного остановиться на этой личности, довольно знаменательной и бурной, но непритворно-доброй и практически-умной.

Было когда-то доброе старое время во всѣхъ отношеніяхъ безконтрольнаго управленія. Былъ вѣкъ тяжелаго произвола, пора башмачковъ съ краснымъ каблукомъ, пора вопиновъ въ напудренныхъ парикахъ и послѣдняя минута хватски-закрученнаго уса, щирозолото́го паса, жупана и закинутыхъ рукавовъ бархатнаго кунтуша, — время дукатовъ, таможенъ и воеводъ. Въ эту трескучую пору — дѣду моему, губернскому стряпчему, какая-то бѣдная *Литвинка*, изъ своихъ Могилевскихъ лѣсовъ, принесла на хуторъ малаго ребенка; но гдѣ и кто былъ отецъ его, сама она не знала, и на вопросъ объ этомъ отвѣчала: »А спросите сами у жолнеровъ, которые проходили чрезъ Могилевъ и шли мимо моего окошка; много ихъ проходило на коникахъ, напѣваючи:

Пукý, пукý въ окóнечко!
Ви́глянь, ви́глянь, дівчи́ночко,
Води́ коню́ дай.

Кто былъ въ то время счастливѣе хуторянина, который beatus, qui procul negotiis, имѣлъ близъ Кіева: *и ставóкъ и млинóкъ и вишнéвий садóкъ*, когда у него было все свое собственное: свои вареники, свои груши, свой медъ, даже собственное мѣсто для своей могилы, когда придетъ пора переселиться изъ этого великаго хутора, называемаго мі́ромъ, въ небесный градъ Божій; а у дѣда моего, служаки Екатерининскихъ временъ, было много добра. Въ его Сипаровкѣ нескучно было Омельку бѣгать по Паращинѣ и Поповой левадѣ, и расти, зимними вечерами, въ теплой хатѣ, освѣщаемой каганцемъ и подъ-часъ лучиной, слушать разсказы стараго Мойсея Паламарчука о наѣздахъ узкоглазыхъ Татаръ, о Гайдамащинѣ, какъ тогда смутно было жить на свѣтѣ, о *великой зимѣ;* вѣроятно, ему не тягостно было лазить по деревьямъ и выдирать изъ гнѣздъ молодыхъ пищетней и голубей на жаркое, а послѣ об-

лизываться, когда на *веселый шпиль* ему доставалось нести на полумискѣ это вкусное жаркое для старого пана, засѣвшаго тамъ съ своими гостями побесѣдовать, при тепломъ вечерѣ, лунной ночи и выстрѣлахъ 12 *мужчирей*, изъ которыхъ такъ искусно палилъ старый Семенъ Гусятникъ. По обыкновенному порядку растительности, и Омелько долженъ былъ подойти подъ общіе человѣческіе законы — и вырости; вотъ старшіе, замѣтивъ, что малому прошло уже время лазить по деревьямъ и копать земляныя печки и пора ему заняться чѣмъ-нибудь подѣльнѣе, — общимъ совѣтомъ, въ хуторѣ состоявшимся, опредѣлили Омелька — пасти скотъ на Кагарлицкихъ поляхъ, дозволивъ ему, въ видахъ снисхожденія, взять съ собою старую собаку, про случай волка, и сдѣлать сопілку. Старательно ли пасъ молодой адъюнктъ часть своего стада, разсчетливо ли онъ, укрывшись въ большой травѣ, выдоивалъ своихъ коровъ, чтобы хорошо полакомиться молокомъ, имѣлъ ли онъ встрѣчи, сѣрымъ днемъ или ночью, съ сверкающими глазами волковъ, сколько разъ мокнулъ, обливаемый дождями всѣхъ временъ года, — онъ положительно не помнитъ; только одно пропзшествіе изъ номадной жизни, которое, конечно, и позабыть трудно, выпуклѣе осталось на его памяти. Это то, что играя и щелкая большимъ бичемъ, онъ концемъ его вырвалъ себѣ глазъ, и остался уже на всю свою жизнь одноглазымъ Омелькомъ; что, однако, не помѣшало ему, въ вѣкѣ болѣе зрѣломъ, курить люльку, переносить въ глухую полночь дешевую водку на вечерницы, волочиться за дівчатами, какъ слѣдуетъ доброму козаку, и наконецъ, наговорившись у перелаза съ Марусею, жениться на ней и послѣ самимъ старымъ паномъ быть посаженнымъ въ одну изъ трехъ его пасікъ, на Большой Паращинѣ, которая когда-то видѣла Омелька разоряющимъ гнѣзда и безсмысленно истребляющимъ, для какихъ-то надобностей, ровный орѣшникъ и цвѣтущія вѣтви пахучихъ липъ. Долго ли, мало ли сидѣлъ онъ въ пасікѣ, не къ чему и намъ знать; однообразно ложились на его памяти годъ за годомъ; каждое лѣто тѣже самыя были хлопоты: чтобы хорошенько отцвѣлась первая лоза, сады, луга, лѣса, и пчелкѣ Божьей былъ бы взятокъ, чтобы она работала весело, выходила на *пріру*, роилась какъ слѣдуетъ и на осень стояло бы въ незапертомъ амбарѣ стараго пана съ десятокъ полубочекъ меду. А время всё шло да шло, и въ одно изъ его давно прошедшихъ мгновеній стараго, веселаго, добраго пана не стало, а съ нимъ вмѣстѣ, при новыхъ хозяевахъ съ наклонностями къ городской жизни, не стало въ полномъ, благословенномъ хуторѣ ни пасікъ съ тысячью пней пчелъ, ни восьмидесяти дойныхъ коровъ, ни

трехъ плуговъ рогатыхъ херсонскихъ воловъ, ни мѣрки елисаветскихъ карбóванцівъ, ни дорогъ, обсаженныхъ венгерками, ни монастырскихъ — лаврскихъ щепъ. Въ два, три года — — безсмысленнаго управленія, все народонаселеніе разбѣжалось, никѣмъ не кормленное, неодѣваемое; все было разобрано, разхищено, раздарено безъ толку; выкопаны и съѣдены скотомъ щепы, выловлены изъ пруда ручные коропы, перенесены и самыя хаты въ другія сосѣднія села; весенняя вода вырвала плотину, — ушла и *вода*. Я думаю, Синаровка грустила за своимъ добрымъ старымъ панóмъ, на могилѣ котораго благодарное потомство не успѣло еще поставить креста.

Но тамъ еще оставался витающій сторожевой духъ. Это былъ Омелько; долго еще бродилъ онъ по знакомымъ ему шалúнкамъ и левáдамъ. Съ пылкой Марусей онъ разошелся тихо, безъ всякихъ исторій. Ему не нравилось ея короткое обращеніе съ выдуманнымъ кумомъ изъ Ржищева и новыя сподницы, на которыя онъ не давалъ денегъ. Разъ высказавшись предъ нею, онъ послѣ уже хладнокровно слушалъ, когда люди говорили ему, что жена его въ Кіевѣ на базарѣ продаетъ шелковицу; томился только онъ за своей Синаровкой, раскладывая *багáття* на старомъ баштанѣ, чтобы спечь немного картофеля для себя и своего вѣрнаго *Тарзана*.

»Какъ душа, непринятая Богомъ, долго я еще такъ дѣйствовалъ«, говоритъ Омелько, »пока не пришло мнѣ на умъ, что я не крѣпостной же какой-нибудь, а просто ничей; что могу я выпросить у кого слѣдуетъ себѣ бумагу, чтобы никто ко мнѣ уже не привязывался; вѣдь меня мать на рукахъ издалека, изъ Литвы, принесла; пойду я лучше, по законному, въ *свiтá*, когда здѣсь въ хуторѣ руíна да безлюдье.«

Подумано—сдѣлано. Пришелъ онъ въ городъ, отыскалъ часть и заявилъ свою словесную просьбу начальствующему лицу, а начальствующее лицо, знакомое и дружное съ наслѣдниками хутора, сейчасъ же рѣшило его просьбу: — — съ прибавленіемъ кое-какого жосткаго словца, такъ свойственнаго многимъ въ древнія *мимоидоша*, выбросило Омелька изъ комнаты — на 25 лѣтъ — въ херсонскія степи.

Кáкъ онъ жилъ на Куяльникахъ, ловилъ на Тилигулѣ рыбу, пасъ отáры, косилъ траву, думалъ за Дунай къ Некрасовцамъ, и во время Крымской войны, возвратившись въ родныя мѣста, заплакалъ горькими, старческими слезами, охваченный украинскимъ вѣтромъ и напившись родной кринúчной воды; кáкъ онъ сѣлъ у меня въ пасікѣ,—я разскажу послѣ; теперь же прибавлю только, что въ продолженіе двадцати-пятилѣтней жизни туриста, онъ ни разу не сидѣлъ въ тюрмѣ и безъ всякаго

паспорта, какъ человѣкъ тихій, честный и уже ничего не просящій, никакому начальству не попадался подъ руку.

А разговориться съ Омелькомъ было очень нетрудно. »Наверніте« (дайте тему), скажетъ онъ, и смотри—идетъ уже его поэтическій разсказъ о каменныхъ бабахъ, дѣвахъ-вояхъ, о сильно-могучемъ богатырѣ, дьячковомъ сынѣ изъ Стаекъ; скажетъ, отчего какая трава Божьею весною ростетъ, какимъ зельемъ вылечить бѣшеную собаку, или заживить рану, изъ какихъ растеній можно добывать губку, ка́къ *мотровать* (?) хорошій табакъ...

Но надъ моимъ хуторомъ стояла еще не настоящая осень, глухая и дождливая. Правда, приморозки по утрамъ кусали за руки, когда мы садили по рвамъ и лугу вербовые колья, въ тѣхъ надеждахъ, что когда они будутъ такими огромными, какъ теперь тѣ, которыя посажены вовремя проѣзда Екатерины II по уѣздной почтовой дорогѣ изъ Новгородъ-Сѣверска въ Черниговъ,—насъ давно, давно не будетъ на свѣтѣ; но зато къ полудню, или вѣрнѣе сказать, къ *раннимъ обѣдамъ*, солнышко еще тепло смотрѣлось на замороженное временемъ лицо Омелька, мою полу-лысую голову и въ кашу, которую мы варили въ *кабѝці*, подъ открытымъ небомъ около пасіки; и покуда, бывало, спрячется оно за гору, можно было еще наработаться, и вродолженіе дня около чего-нибудь похлопотавши, въ теплой хатѣ сидѣть вечеромъ и *базікать*.

Сегодня разговоръ у насъ долго не вязался. Я приводилъ въ порядокъ названія украинскихъ растеній, а Омелько вязалъ рукавицу. Въ промежуткахъ говорили мы о хорошихъ чабанскихъ собакахъ: ка́къ хорошо было бы и намъ ихъ имѣть! гдѣ бы достать ихъ? вѣдь не ѣхать же за ними въ Крымъ или въ Балту. Омелько брался у Бубнова, на стенý, по-просту — украсть *щеня́*, если онъ не захочетъ продать или не подаритъ.

— Что́ у насъ на хуторѣ за собаки? Вотъ у дѣдушки вашего, такъ были настоящіе *брита́ны*,—всѣ на цѣпяхъ, а сорвется съ цѣпи, та́къ скотину, которую встрѣтитъ, и положитъ. А наши собаки что́? дрянь! только Голый да Хайка и знаютъ свое дѣло. Слышите, какъ *ляскота́ть?* это на звѣря. Уже и пойдетъ проклятый волкъ подъ туманъ подкрадываться къ селамъ, чтобы украсть овцу или поросенка. Но еще рано, до Зачатія Анны недѣль пять; теперь онъ развѣ только въ одиночку шляется—не страшно. А спросили бы вы Мусійка, когда его съѣли волки? на первой недѣлѣ Пилиповки. Какой здоровый мужикъ былъ и охотникъ!... и ружье не помогло. Вѣдь сказано: иному человѣку или

скотинѣ уже на роду написано быть съѣденнымъ звѣремъ. Набралась когда-то душа моя страху, да и матери моей только послѣ уже говорилъ Пальчій старый, что то́ были не простые волки.

Я зналъ, что мой собесѣдникъ на этомъ не остановится. Я молчалъ, въ пріятномъ ожиданіи дальнѣйшаго разсказа. Омелько, подумавъ немного, продолжалъ:

— Мнѣ, напримѣръ (отъ соприкосновенія съ разными сословіями, онъ выражается иногда книжно, по-лакейски), правда будетъ уже семьдесятъ лѣтъ.

— Какихъ тебѣ семьдесятъ? а не хотѣлъ ли я тебя сватать на Оксанѣ?

— Цуръ ій!.. Можетъ и болѣе, потому что вашего прадѣда я еще помню, а онъ умеръ за Екатерины, лѣтъ десять или пятнадцать послѣ того, какъ отъ ченцовъ отобрали села. Куда! мнѣ больше семидесяти лѣтъ; есть ихъ, можетъ-быть, до семидесяти-пяти. Вотъ, когда мать принесла меня въ Синаровку, еще немного въ ней жило: одна еще только хата была, — сказано, большая, теплая, а насъ всего человѣкъ пять, не болѣе: Омелько, Лысунъ еще тогда былъ, мать, Пальчій и старый Паламарчукъ за хозяина.

— Не Семенъ ли, который ко мнѣ пріѣзжалъ?

— Нѣтъ, этого самого Семена Паламарчука батько; а батько его, знаете, кто́ былъ? Первый ку́харь у высокопреподобнаго архимандрита лаврскаго, Зосимы. Правда, и Семенъ уже *старъ чоловікъ*, но его не было еще на свѣтѣ, когда его отецъ у насъ хозяйновалъ на хуторѣ. Дѣдушка вашъ лѣтомъ-то забѣгаетъ на хуторъ, а зимою всё живетъ въ Кіевѣ...Лѣса тогда были страшные, непроходимые около Днѣпра; проклятыя саха́рни еще не вываливали ихъ въ пень, такъ какъ теперь, и лѣсъ-то, какъ старые люди, былъ здоровѣе, сильнѣе. Орѣшина росла, — большіе полозья изъ нее можно было дѣлать, а не то, что сосна или грабъ. Теперь — смотрѣть жаль — все *нівечять*, не даютъ и дереву дорости вѣку. Звѣря въ лѣсахъ было тоже немало: кабанъ, волкъ и медвѣдь попадались часто. Я уже былъ такимъ, *якъ хло́пець* Грицька Огородника, не знаю, ка́къ его зовутъ; но только все, что́ тогда дѣлалось и говорилось, помню, какъ сегодня. Ну, скажите на милость Божію, почему же теперь все, что́ ни сдѣлаю сегодня, не дальше, завтра забываю? Сказано — *старе́нная ста́рість*. Было это послѣ *водохре́щей*. Днемъ мать всё было возится съ *дійцемъ*, Пальчій рубаетъ дрова, а я, сказано, какъ неразумное дитя, подъ этотъ случай саночка́ми спу-

скался съ горы; какъ слышу — завыли не своимъ голосомъ наши собаки; смотрю, вижу—семеро волковъ стоятъ, повѣсивши головы и опустивши хвосты, около воротъ нашей левады. Создателю мой! что́ теперь будетъ со мною! А Пальчій,—онъ былъ такой понурый и неразговорчивый,—знай кричитъ мнѣ: »Иди, дурню, въ хату, да сними шапку. Это ничего, это бѣдные *сіро́ми*.« Ну, въ хату! Дала мнѣ мать *свячёної* води́ці, чтобы со мною не было *перепо́лоху*, и заставила сидѣть на печи. »Не бойся, говоритъ, дити́ночко.« Правду сказать, немного таки-испугался.— Вечеромъ, когда всѣ собрались къ вечерѣ, Пальчій и говоритъ Паламарчуку: »Знаешь, нашего Омелька *стайча́нскіе* чуть не перепугали.« — »А что, всѣ ихъ восемь ходитъ?« говоритъ Паламарчукъ.—»Ні, только уже... скільки, Оме́льку?« спрашиваетъ меня Пальчій,—»Сімъ«, говорю. »Я сначала думалъ, что это собаки, а только что пересчитать успѣлъ....« — »Молчи, дурню«, ка́же мати. »Какіе же это, хлопці, волки-сіро́ми?« — »Это, жінко, всѣ штучки твоихъ ро́дичей Литвиновъ«, говоритъ Пальчій. »Еще ты не заходила въ наши стороны—лѣтъ этому пятнадцать—шлялся у насъ Литвинокъ Михалко. То деготь гдѣ-нибудь учитъ гнать, то зимою, впросившись къ кому-нибудь въ хату, сидитъ себѣ ни́шкомъ на печи да плететъ постолы. Года съ четыре въ нашемъ краю, слава Богу, все было тихо, смирно; и Литвинокъ никому не дѣлалъ зла. Довелось ему одну зиму зимовать въ Стайкахъ у Судзя. Народъ, сказано, заможній: два сына съ на́ймитомъ ходятъ на пятнадцати паровицахъ на Донъ и въ Крымъ, который только-что взяли Москали отъ Татарскаго солтана, плугъ воловъ дома; невѣстка, самъ старый Судзь; гдѣ жъ имъ было поважать Литвинка? Правду сказать, и смотрѣть на него было тошно. Вотъ какъ-будто вижу его передъ глазами: маленькій, плюгавенькій, въ лаптяхъ и порваной, поганой кожушинкѣ, съ головы у него колтунъ (1) такой *огі́дливий* виситъ, а смотри ты, какой былъ колдунъ да знахорь! »Колдунъ?« *ка́же* ма́ти. »Молчи, жінко«, говоритъ Пальчій (а онъ былъ такой *жорсткій, немовля́щий):* »великій колдунъ, сказано — Литвинъ. Просидѣлъ тамъ Михалко у Судзя до Евдокіи; уже порядочно повернуло на весну; гонитъ старый Литвина изъ хаты: »Иди, говоритъ, куда хочешь; довольно съ тебя моей хаты, смотрѣть на тебя гадко, что и *ну́жа* тебя, а ты нужу ѣшь.« — »Не будетъ же у тебя, Судзю«, отвѣчаетъ ему Литвинъ, »ни ну́жи, ни само-

(1) Plica polonica.

му тебѣ чего ѣсть, и въ семьѣ всей твоей всѣ вы осьмнадцать лѣтъ будете звѣрями бѣгать да *хилѝть* съ голоду передъ народомъ Божьимъ голову, покуда какая-нибудь христіанская душа не упроситъ за васъ Господа.« Вотъ они всѣ, сыновья, невѣстки, Судзиха, самъ Судзь и стали волками; ходятъ теперь по свѣту голодными, потому что имъ запрещено ѣсть: ни на человѣка, ни на звѣря кинуться не могуть, только опустятъ голову и хвосты да воютъ. Мнѣ (говоритъ Пальчій) сама титариха разсказывала, когда шла въ Кіевъ на богомолье; еще говорила, что гдѣ-то этотъ самый Михалко цѣлую сватьбу оборотилъ, но какой-то чернецъ изъ Выдубицкаго монастыря отчиталъ ее.«

— А ты же, Омельку, что́ думаешь? спросилъ я его, останавливая (онъ уходилъ ужинать):—правда ли этому?

— Извѣстно правда, отвѣчалъ онъ съ убѣжденіемъ, достойнымъ прежняго легковѣрнаго Грека (¹):—что Литвинъ, то колдунъ.

Удивительно, до какой древности доходятъ у нашего народа преданія, легенды, таинственное вѣрованіе въ непостижимое, извѣстныя уже тысячелѣтіе назадъ, ка́къ поразительно соотносятся онѣ, съ преданіями доисторическихъ народовъ, которые когда-то проходили и заселили Русь!

Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ М. А. Грабовскаго, что сравненіе преданій нашего народа съ преданіями, извѣстными уже Геродоту, было бы достойнымъ трудомъ для человѣка, любящаго Украину. Общая физіономія преданій — одна и та же: Каудалъ или Мирсиль, царь Сардскій, любимцу Гигесу показываетъ свою жену нагою, желая убѣдить, что она красивѣйшая изъ женщинъ; обиженная царица подговариваетъ Гигеса убить царя и выходитъ за него замужъ. Преданіе, не разъ встрѣчаемое въ сказкахъ, включительно до г. Ржевусскаго, который то же повторяетъ въ своемъ разсказѣ o Despocie Rascyi i Panu Hutieckiem. Аматъ, заболѣвъ, посылаетъ къ Дельфійскому оракулу спросить о причинѣ болѣзни. Въ сказкахъ и пѣсняхъ Украины, даже и въ современномъ быту, не бѣгутъ ли къ знахарькамъ? Легенда о музыкантѣ Аріонѣ, который переплылъ море на дельфинѣ, дала поводъ преданію, записанному В. М. Б—з—скимъ, что каждую субботу съ мутныхъ волнъ Чернаго моря выходятъ морскія чудища *(полови́на жѣнки—полови́на рѣби)*, поютъ пѣсни, а наши чумаки, слушая эти

(¹) Mirum est quo procedat graeca credulitas, говоритъ Плиній.

пѣсни, разносятъ ихъ по цѣлой Украинѣ. Можетъ быть, и въ Литвинѣ Омелька живетъ Невръ Геродота?

За человѣческій вѣкъ, говоритъ Геродотъ, до Даріева похода въ Скиѳію, Невры должны были покинуть свою сторону, потому что имъ не было житья отъ змѣй, которыхъ много водилось въ ихъ землѣ и еще болѣе наползало изъ пустынныхъ окрестностей (1). Оставивъ родину, они по-неволѣ поселились у Будиновъ (своихъ сосѣдей славянскаго племени, жившаго, вѣроятно, далѣе на востокъ), земля которыхъ поросла густыми лѣсами, и въ самомъ дремучемъ бору есть большое водообильное озеро, окруженное трясиною и тростникомъ, а въ томъ озерѣ водятся выдры и бобры и еще другія животныя съ четыре-угольными рылами. Хвостами этихъ животныхъ опушиваютъ платья, а..... ихъ полезны отъ истерическихъ припадковъ (IV, 108, Геродотъ).

Въ такомъ подробномъ и точномъ описаніи обширной Будинской страны, никто не найдетъ съ Манертомъ Донской стени. Въ придонскихъ степяхъ нѣтъ трясинъ, тогда-какъ онѣ всюлошь являются около Пинска, Мозыря, гдѣ и до-сихъ-поръ дремучіе лѣса, въ которыхъ по-нынѣ водятся бобры, выдры и куницы, которыхъ Геродотъ надѣ-

(1) На половинѣ теченія Днѣстра, народъ и понынѣ разсказываетъ о большихъ змѣяхъ, которыя будтобы тамъ водятся. Преувеличенныя описанія иногда надѣляли ихъ исполинскимъ размѣромъ, и память объ этомъ сохранилась еще до-сихъ-поръ. Такъ, извѣстный польскій натуралистъ, езуитъ Ржончинскій, утвердительно говоритъ, что большія змѣи (*Полозъ*, слѣдственно боа Линнія), покрытыя твердой чешуей и отъ осьми до десяти аршинъ длины, обитали въ степяхъ украинскихъ и достигали величины и толщины большой палки. Но и въ новѣйшихъ сочиненіяхъ встрѣчаются подобныя басни. Говорятъ, что лѣтъ за сорокъ видѣли около Одессы огромныхъ змѣй, которыя пожигали собой траву, имѣли на головѣ огненные вѣнцы и такъ далѣе. Конечно, ни одинъ настоящій естествоиспытатель не вѣритъ такимъ разсказамъ. (»Я видѣлъ въ 1768 году въ кунсткамерѣ въ Петербургѣ нѣкоторую змѣю съ коропою, въ спиртѣ, которой кожа есть тончайшая и блестящая; содержатъ оную за королеву всѣхъ змѣй, почитаемую отъ многихъ славныхъ авторовъ за баснословную.« Дѣтскій Атласъ 1771, Ф. Дильтея). Въ 1829 году, на пути къ Черному Морю, я самъ слышалъ, говоритъ Эйхвальдъ, что въ Рыбницѣ на Днѣстрѣ, около ста-девяносто верстъ отъ Одессы къ сѣверу, одинъ помѣщикъ видѣлъ страшную змѣю въ десять аршинъ длины и въ четверть толщины. Самыя большія змѣи которыхъ лично наблюдалъ я въ южной Подоліи, но болѣе къ Бугу и Днѣпру, были Coluber sauromates ultabilis, Палласа. При двухъ дюймахъ толщины, они были до шести футовъ длиною; но какъ и эта длина довольно значительна въ сравненіи съ другими туземными породами, то здѣсь и поводъ ко всѣмъ преувеличиваніямъ.

летъ четыре-угольными мордами. Стóитъ только взглянуть, по словамъ Эйхвальда, на карту Пинскихъ болотъ, чтобъ указать въ этой лощинѣ большое озеро временъ Геродотовскихъ. Здѣсь стекается множество рѣкъ для образованія Припети. Вся эта, изрѣзанная рѣками, лощина, по новѣйшимъ тригонометрическимъ съемкамъ, у Бѣлина и близъ Пинска, едва на шестьдесять-восемь сажень выше морской поверхности, тогда какъ немного къ сѣверу фольваркъ Пуцевича у Новогрудка возвышается на сто-пятьдесять-одну сажень надъ уровнемъ Балтійскаго моря; а на югѣ, къ истоку Случи, подымается уже Аврачинская возвышенность, раздѣляющая эту водяную систему. Значительное пониженіе Пинской земли, и отсюда къ востоку по Припети до самаго Мозыря, дѣлаетъ этотъ край обширнымъ водоемомъ для всѣхъ рѣкъ, которыя сливаются въ него во множествѣ съ сѣвера, запада и юга, и прежде, когда не было еще никакихъ предохранительныхъ мѣръ отъ наводненія, онѣ легко могли образовать одно большое озеро. Извѣстіе объ немъ не могло не дойти до свѣдѣнія черноморскихъ колонистовъ, которые торговали мѣхами и получали этотъ товаръ отъ Невро-Будиновъ, и должно было обратить на себя вниманіе Грековъ.

Кромѣ того, говоря о Неврахъ, Геродотъ описываетъ ихъ еще *кудесниками*. Скиоы и поселившіеся у нихъ Эллины разсказываютъ, что каждый Невръ, по разу въ годъ, превращался въ волка, а тамъ опять принималъ прежній свой видъ. «Что они ни разсказывай, а я не вѣрю; однакожъ они утверждаютъ это и еще клятвенно» прибавляетъ Геродотъ съ обычнымъ своимъ простодушіемъ. Наконецъ, онъ называетъ ихъ *вшеѣдами*, потому-что, по неопрятности, они размножили этихъ насѣкомыхъ, которыми и теперь всегда почти сопровождается колтунъ, — отвратительная болѣзнь, столь обыкновенная въ болотистомъ Полѣсьѣ, по низовьямъ Вислы и въ Литвѣ.

П. Ревякинъ.

Хуторъ Вовча Долина.
Васильк. уѣзда Кіевск. губ.

СТЕПНЫЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО 4-е. (¹)

Главное неудобство для хозяйства Новороссійскаго края представляютъ засухи, но на послѣдніе два года — прошлый 1860 и 1861 — въ этомъ отношеніи нельзя пожаловаться.

Старожилы здѣшніе говорятъ: »если дождлива весна, то будетъ сухая осень; если сухая осень, то будетъ дождливая весна«; но прошлый (1860) годъ совершенно не оправдалъ этого замѣчанія, потому что дожди шли довольно исправно весною и осенью, лѣтомъ же, въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ, была порядочная засуха, которая, впрочемъ, хлѣбамъ не повредила, но зато пасѣки сильно пострадали, такъ-что были примѣры, что, изъ выставленныхъ весною 150 шей, на зиму пришлось спрятать не болѣе 50-ти. Во время же уборки сѣна дожди были такъ обильны, что погноили даже сѣно, т. е. оно почернѣло еще въ копнахъ, чрезъ что́ не годится на сбереженіе про неурожай. Всѣ прошлогодніе скирды, послѣ зимы, сильно осѣли, что́ и доказываетъ недоброкачественность сѣна. При нашемъ жаркомъ лѣтѣ, сѣно обыкновенно сгребается на другой, а иногда и въ тотъ же день, какъ скосится, развѣ встрѣтится недостатокъ въ полурабочихъ, а это нерѣдко бываетъ; въ такомъ случаѣ оно можетъ пролежать нѣсколько дней. Впрочемъ, есть у насъ сортъ травы, которую нарочно оставляютъ въ покосахъ, пока не смочитъ ее дождь, — это чаполочъ (Hierochlon borealis).

Трава эта бываетъ весьма намъ полезна: она заводится обык-

(¹) Первые три письма помѣщены въ журналѣ *Сельское Хозяйство* за нынѣшній годъ.

новенно на истощенныхъ поляхъ, съ виду очень походитъ на пырей (Agrostis vulgaris), но такъ горька, что, въ свѣжемъ состояніи, ея не ѣстъ никакое животное, и такимъ образомъ земля, по необходимости, оставляется въ покоѣ на нѣсколько лѣтъ и удабривается сгнивающею чаполочью. Какъ только чаполочь начинаетъ выводиться, значитъ земля уже достаточно удобрилась, или, какъ обыкновенно говорятъ, отдохнула. Плодородной же земли первый признакъ—растущій на ней ковыль, или кійло (Stipa pennata). Въ случаѣ неурожая травы, косятъ и чаполочь, но въ такомъ случаѣ, какъ я сказалъ уже, ее оставляютъ въ покосахъ, пока она не смочится дождемъ, послѣ чего она теряетъ свою горечь и становится не только съѣдобнымъ, но даже здоровымъ для скота кормомъ. Замѣчательно, что другое, обыкновенное на нашихъ поляхъ горькое растеніе, полынь (absinthum vulgare), скотъ ѣстъ очень охотно, только молоко у коровъ, отъ этой пищи, получаетъ горькій вкусъ; этотъ вкусъ сохраняетъ и сметана.

Я сказалъ, что въ гребцахъ у насъ часто бываетъ недостатокъ. Дѣйствительно — рабочихъ, т. е. косарей, приходитъ къ намъ очень достаточно изъ сосѣднихъ Кіевской и Подольской губерній и Бессарабіи, но полурабочихъ, т. е. женщинъ и мущинъ, не могущихъ косить, сравнительно очень мало. Лучшими рабочими считаются у насъ *фальчары*— Русины, приходящіе изъ Бессарабіи и Буковины. Названіе фальчары происходятъ отъ молдаванскаго слова *фальча* (мѣра поверхности, немного больше десятины), потому что они нанимаются обыкновенно работать отъ фальчи. Недостатокъ въ полурабочихъ заставилъ нашихъ помѣщиковъ вводить у себя грабли, польза которыхъ признана всѣми. Прежде всего начали употреблять деревянные грабли Абазы, состоящіе изъ длинной жерди, обыкновенно трехъ-мѣрной латы, усаженной деревянными зубьями въ $^3/_4$ аршина длины, но эти грабли требуютъ ловкости и сноровки отъ рабочаго, что́ не всегда можно найти, а во вторыхъ— они слишкомъ громоздки, и поэтому и не вошли въ общее употребленіе. — Потомъ начали употреблять грабли системы Говарда (преимущественно фабрики Рансома и Симса), а наконецъ Лутковскаго.

Въ граблихъ Говарда каждый зубъ можетъ подниматься и опускаться, почему эти грабли могутъ хорошо работать на неровной почвѣ. Недостатокъ ихъ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что они дѣлаютъ слишкомъ малые валики, а во-вторыхъ, что человѣкъ долженъ идти за ними пѣшкомъ,—поэтому ихъ работа соразмѣряется не съ силой лошади, а съ силой человѣка, т. е. съ тѣмъ, сколько онъ въ состояніи выходить. Теперь

начали распространяться конныя грабли системы Лутковскаго; они отъ Говардовскихъ отличаются тѣмъ, что имѣютъ козлы, на которыхъ сидитъ человѣкъ, правящій лошадью, и имѣютъ большіе зубья, почему дѣлаютъ довольно большіе валки. Подъ козлами устроена... которую человѣкъ нажимаетъ ногами, когда надобно выбросить сѣно. Урожай въ 1860-мъ г. былъ превосходный, но имъ мало кто воспользовался, потому что саранча поѣла большую часть хлѣба; особенно опустошительно дѣйствовала она тамъ, гдѣ выродилась. У меня саранча уничтожила ровно половину посѣвовъ, а въ другихъ имѣніяхъ не оставила *буквально* ни одного колоса. Замѣчательно, что изъ всѣхъ хлѣбовъ больше всего не посчастливилось овсу, — прошлый годъ его рѣдко въ какомъ имѣніи не уничтожила саранча, а въ нынѣшнемъ онъ рѣдко гдѣ уродилъ, а, большею частью, позаросталъ бурьяномъ; по этимъ причинамъ онъ сильно вздорожалъ.

Осенью холода́ начались довольно рано, и дождей было очень достаточно, но снѣгъ долго не выпадалъ. Наконецъ 18 декабря сдѣлалась сильная вьюга и снѣгу намело не только достаточно, но даже черезъ-чуръ. Эта вьюга надѣлала много бѣдъ: людей и скота много погибло, дороги такъ позасыпало, что, въ теченіи нѣсколькихъ дней, не было вовсе проѣзду, позаносило и пообрушивало много строеній и почти всѣ колодцы.

Дороги пришлось прокладывать табунами, т. е. если была надобность куда-нибудь ѣхать, то предварительно надо было прогнать по этому направленію табунъ лошадей, чтобы сколько-нибудь протоптать снѣгъ. Такъ-какъ, по причинѣ глубокаго снѣга, были проложены очень узкіе дороги, то, при мало-мальски тяжеломъ экипажѣ, чтобы не засѣсть въ снѣгу, наши помѣщики принуждены были запрягать лошадей, съ выносомъ, безъ форейторовъ, какъ говорятъ Поляки: *z bicza*. Прошлую зиму это была у насъ модная ѣзда.

Скотъ, находившійся на *тырлахъ* (мѣста, гдѣ даютъ ему кормъ въ степи, на открытомъ воздухѣ) въ описанную вьюгу, меньше пострадалъ, но близь построекъ много его подушено снѣгомъ. И у меня задушило снѣгомъ одного верблюда и пару воловъ; снѣгомъ заметено было довольно скота, но поодкапывали; животное задыхалось только въ такомъ случаѣ, когда на него наметано было снѣгу больше сажени, а если меньше, то оставалось живо, потому что отъ дыханія образовывалось въ снѣгу сверху отверстіе, куда, хоть въ небольшомъ количествѣ, протекалъ свѣжій воздухъ; по этимъ отверстіямъ и находили заметенный скотъ.

Подъ Балтой, по слухамъ, 18 декабря, замерзло 17 человѣкъ, и въ

другихъ мѣстахъ было много, въ этотъ день, подобныхъ несчастныхъ случаевъ. Вообще прошлая зима была у насъ очень снѣжная и морозная: морозы доходили до 30 градусовъ, чего никто не запомнитъ. Снѣгу было такъ много, что всѣ говорили, будто весенняго разлива не выдержитъ ни одна плотина. Но эти опасенія оправдались только отчасти, потому что, какъ у насъ выражаются, *пустило* не вдругъ, а оттепели перемежались съ морозами, поэтому скоплявшаяся отъ таянія снѣгу вода имѣла время уходить исподоволь. Впрочемъ, нѣсколько плотинъ было таки вырвано *второю водою*, но не всѣ, какъ опасались; а стоявшія нѣсколько лѣтъ безъ воды всѣ наполнялись. *Первою водою* называется у насъ весенняя вода, текущая, когда земля еще не оттаяла *(не прорвала)*; естественно, что тогда плотины, скованныя морозомъ, легче выдерживаютъ напоръ воды. *Вторая вода* — весеннее теченіе, когда земля уже разстаяла; понятно, что тогда чаще страдаютъ плотины.

Кстати, разскажу про свой опытъ—употребить снѣгъ въ пользу садоводства.

Я сказалъ, въ началѣ этого письма, что главное неудобство нашего края составляютъ частыя засухи, которыя, при преобладающемъ у насъ глинистомъ грунтѣ, гибельны для садоводства; какъ бы ни были сильны дожди, но если они непродолжительны, то деревьямъ проку отъ нихъ мало, потому что, при нашей волнистой мѣстности, вода скоро стекаетъ, не просачиваясь въ глинистый грунтъ до корней, и молодые деревья, въ первый годъ по посадкѣ, на половину пропадаютъ. Гибнутъ они отъ засухи, большею частью, какъ говорятъ у насъ, въ *Спасівку*, т.е. между 15 іюлемъ и 15 августомъ: въ эту пору почти всегда бываетъ засуха; дожди же непремѣнно бываютъ, по замѣчанію старожиловъ, хоть и небольшіе, во время еврейскаго праздника Кущей, т.е. въсентябрѣ мѣсяцѣ. Осенью (1860 г.) я посадилъ тысячъ до двухъ дикихъ деревьевъ, въ видѣ живой изгороди, и когда (въ генварѣ мѣсяцѣ) снѣгъ около нихъ слегся, я приказалъ покрыть его гнилою соломою, полосою аршина въ два ширины, толщиною на четверть аршина, для того, чтобы снѣгъ и сырость сохранить возлѣ посаженныхъ деревьевъ на возможно продолжительное время. Эта мѣра мнѣ вполнѣ удалась, потому что еще 1-го мая снѣгъ былъ подъ соломою, а сырость удержалась до сихъ поръ т. е. пока не начались осенніе дожди. Изъ посаженныхъ деревьевъ пропало не болѣе 5-й части, тогда-какъ, безъ этой мѣры, надобно было бы радоваться, еслибъ хоть половина ихъ уцѣлѣла.

Прошлый годъ замѣчателенъ еще введеніемъ новой отрасли въ на-

шемъ хозяйствѣ, а именно: верблюдовъ. Дѣло было такъ: многіе изъ выселившихся въ Турцію Татаръ пригнали въ Вознесенскъ на ярмарку своихъ верблюдовъ, и тамъ купили ихъ нѣкоторые изъ нашихъ помѣщиковъ; тоже и въ Одессѣ, куда прибыла большая партія переселенцевъ, за недостаткомъ мѣста на судахъ въ Евпаторіи, чтобы отсюда ѣхать въ Турцію, но какъ скота не позволили имъ брать на суда, то они должны были продать его на мѣстѣ въ Одессѣ.

Я купилъ себѣ первоначально пару большихъ верблюдовъ въ Вознесенскѣ, а когда нашелъ ихъ годными для всѣхъ полевыхъ работъ, то послалъ за ними въ Крымъ, гдѣ и куплено мнѣ ихъ 10 паръ.

По словамъ Татаръ, пара верблюдовъ замѣняетъ двѣ пары воловъ, но, по моему замѣчанію, это можно сказать про самыхъ рослыхъ; сила же обыкновенныхъ немного превышаетъ силу воловъ; но предъ послѣдними они имѣютъ преимущество въ большомъ шагѣ. Для перевозки тяжестей и для машинъ они особенно выгодны.

Для уясненія превосходства верблюдовъ въ работѣ предъ волами и лошадьми, я думаю, достаточно будетъ слѣдующаго сравненія: Пара обыкновенныхъ верблюдовъ, безъ отягощенія, можетъ везти тяжесть въ 80 пудовъ, пара воловъ отъ 50 до 60, а пара лошадей отъ 40—50; пара верблюдовъ дѣлаетъ въ день, шагомъ, отъ 60 до 80 верстъ, пара лошадей отъ 50—60, а пара воловъ отъ 25—30. Зиму верблюды переносятъ довольно легко; у меня всю прошлую зиму они были на открытомъ воздухѣ, а пропало два, и то скорѣе случайно, — одинъ, стоявшій въ загонѣ, былъ и купленъ больнымъ, а другого, въ загонѣ же, задушило снѣгомъ. Зимою кормили ихъ *перепадами*, т. е. сѣномъ, оставшимся послѣ кормленія овецъ. Соль они чрезвычайно любятъ, такъ что съѣсть фунтъ соли за одинъ разъ верблюду ничего̀мъ. Шерсти съ 20 штукъ я собралъ нынѣшней весной $4^1/_2$ пуда; опытные люди совѣтуютъ не мыть ее, потому что мытая она трудно сваливается и кромѣ того стриженую шерсть (съ шеи, бедеръ и колѣнъ) и просто снимаемую (со всего остального туловища) собирать отдѣльно, потому что та и другая шерсть совершенно разныхъ качествъ.

Простымъ плугомъ свободно орютъ цѣлину пара обыкновенныхъ верблюдовъ и выорываютъ столько, сколько въ состояніи выходить человѣкъ, правящій плугомъ, но въ машинѣ, какъ я сказалъ уже, они, по своему большому и ровному шагу, незамѣнимы. Главный недостатокъ ихъ тотъ, что въ дождливую пору ими нельзя работать: они, по особенному

устройству своей ступни, совершенно не въ состояніи ходить по мокрой землѣ, а скользятъ и падаютъ.

Крестьянамъ не нравится въ верблюдахъ привычка ихъ, при грубомъ и жестокомъ обращеніи съ ними, плеваться. Да вѣдь какъ плюютъ! Сразу залѣпитъ все лице.

Пасутся они обыкновенно на самомъ бурьянистомъ полѣ и тѣмъ хороши, что если только бурьяну достаточно, то не требуютъ вовсе присмотру, потому что далеко не уходятъ. Обыкновенно они пасутся такъ: схвативъ цѣлый кустъ бурьяну, скомкаетъ его, проглотитъ и потомъ стоитъ задумавшись съ четверть часа, потомъ протянетъ голову, схватитъ другой кустъ — таже операція; такимъ образомъ онъ въ сутки, пасясь, едва сдѣлаетъ отъ 30 до 50 шаговъ.

Этимъ и закончу настоящее мое письмо.

М. Левченко.

Сентября 10 дня,
1861 года.
С. Майорское.

ЛЮДСЬКА ПАМЬЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ.

СПАФАРІЄВА РУДКА.

I.

Рóківъ зó три назáдъ довелóсь мині іхати у Білгородъ. Набúвши на перекладнúхъ дóбре бóки, я наняв собі зъ Хáрківа вóльонго підвідчика, старéнькаго дідуся Микúту Д. Ужé повихóдили зъ вечéренъ, якъ рýшили ми въ дорóгу. Микúта дóвго чогóсь мýлився и не хотівъ протúвъ ночи виїздúти, а про-тé—поíхали. Якъ вúíхали за городскі левáди въ пóле, сóнечко вже сіло, починáла пáдать росá.

— А щó, Микúто! спитáвъ я свогó підвідчика,—чи сúми шляхáми горáздъ іздити? зъ дорóги не збýдимо?

— Оцé-такúй! озвáвся Микúта,—нехáй Богъ боронúть! Сóрокъ літъ не блýдячи іздивъ, атóбъ-то вже тепéръ нá лихо пішлó! Колúбъ тільки зáвидна переíхати Спафаріеву Рýдку.

— А далéко та Рýдка?

— А по той бікъ Лúпцівъ: верстóвъ пять.

— Щó жъ то за Рýдка? мáбудь, багнюка пекéльна?

— А ніби-то ви й не знáете, щó то за Рýдка, що й питáете? сказáвъ, усміхáючись, Микúта.

— Дáлебі, що не знáю. Колú справдí на тій рýдці дýже грýзько, то лíпше заночýємо у Лúпцяхъ: противъ дня все-такúй смíліше іхать.

— Гм! воно́-то не грýзько, та, мáбудь, хужъ, ніжъ грýзько.

— Якъ же се такъ?

— А ось якъ. Се діялось въ дáвню давнúну, ще при гетьмáнахъ. Тоді по оцій самій дорóзі, де ми ідемо, булú непереходúмі рудкú. Дýже

до́бре тре́ба було́ зна́ти тропу́ о́бъїздками, щобъ мину́ти рудки́; а хто, не зна́вши, якъ ускочить було́ у ру́дку, та ще зъ важки́мъ во́зомъ, то та́кечки зав'я́зне въ багню́ці, що не́вно просидить не оди́нъ день, поки́ль хто ви́рятуе. Отъ разъ я́кось Спафарій яки́йсь, покра́вши у Ли́пцяхъ ко́ней, пусти́вся навтіка́ча навпросте́ць, та й попа́въ у ру́дку. Загру́зъ бідола́га, боро́стаетця собі въ грязі, а тутъ погоня ёго́ й насти́гла, та й привела́ въ грома́дську роспра́ву. Злодіївъ тоді у насъ не вело́сь такъ бага́цько, якъ тепе́ръ: за злодійство тоді катъ катува́въ. Осуди́ла грома́да одкатова́ть того́ Спафарія, та кудись-то дале́ко й засла́ла ёго́. Недо́вго вінъ тамъ бувъ—утікъ відтіля́, уда́рився въ ліса́, та на оній самій ру́дці, що я роска́зую, вовки́ ёго́ й розірва́ли.. Отто що! Съ то́го ча́су и зове́тця ся ру́дка *Спафарієвою*...

— Ну, дакъ що́ жъ тутъ страшно́го?

— Що? ось слу́хайте дальшъ. Спафарій бувъ Литви́нъ и зна́вся зъ *нечи́стими*. Якъ поймали́ ёго́, такъ вінъ ту́ю ру́дку прокля́въ, и съ то́го ча́су нема́ тіе́і но́чи, щобъ у глупу́ пі́вночъ на оній ру́дці, або́ огні не горіли, або́ вовки́ не ви́ли... звісно—то *нечи́ста* си́ла ви́е по-во́вчи, голо́сить за Спафаріемъ... Буває́ й такъ, що змій тамъ коромисломъ літа́е, або́, ні съ то́го, ні съ сёго, ви́скочить зъ ру́дки кішка, та й ся́де на ши́ю; або́ клубо́къ попере́дъ ко́ней ко́титця.. Да чого́ тамъ не трапля́етця?... Цуръ ёму́! не проти́въ ночи зга́дувати...

Мики́та знявъ ша́пку, три́чі перехрести́вся, а да́лі й ка́же:

— Якъ хо́чте, а не слідъ намъ іхать дальшъ Ли́пцівъ; переночу́емо, а на зорі й поідемо.

Роби́ть було́ нічого́; я послу́хавъ Мики́ти.

Верта́ючись наза́дъ, просто́явъ я у Ли́пцяхъ ці́лий день, роспи́туючи уся́кого про Спафаріеву Ру́дку. Ніхто́ нічо́го не знавъ.. »Е, ка́жуть, така́ ру́дка, а чого́ вона́ зове́тця *Спафарієвою*—не зна́емо.« — »Эге́, поду́мавъ я, се жъ Мики́та підві́зъ візка́, щобъ налика́ти мене́!« та, вернувшись у Полта́ву, забу́въ и про Мики́ту, и про Спафарія, и про ру́дку, и про нечи́сту си́лу.

II.

То-рікъ, перебіра́ючи старі діла́ въ схо́вані Полта́вськоі Губе́рськоі Роспра́ви, найшо́въ я одно́ 1727 ро́ку: »о битіи Старосанжаровськимъ сотникомъ Ивану Левенцю вмісто сотника Самуіла Спафарія.« Прочитавши се діло, за́разъ згада́въ я Мики́ту, и поба́чивъ, що въ роска́зі ёго́ є части́на истори́чнёі пра́вди. Изъ діла ви́читавъ я ось що:

Ро́ку 1725, се́рпня 7 дня, старосенжа́ровський пі́шъ Яковъ Вла́совъ донісъ, що со́тникъ Самійло Спафарій на Спа́са, бу́дучи на *попразднестві* у брате́рському домі, не хотівъ ви́пити ча́рки горілки, а да́лі язо всёї я́рості ставъ злосло́вити ёго́ (попа́) таки́ми слова́ми:— — Ма́будь, по настро́йству попа́, и старосанжа́ровськиі козаки́ (15 чоловікъ) донесли́, що Спафарій 1-го лю́того, того́ жъ таки́ ро́ку, на пита́ння збо́рщиківъ, котрі везли́ *зборъ государевъ*, де сей зборъ схова́ти, одвітова́въ зъ гнівомъ: »*о́сь куди*« и, піднявши капта́нъ, ставъ збо́рщиківъ *по-матерно* ла́яти.—По цімъ доно́самъ, и Спафарія, и попа́ Вла́сова взя́то підъ аре́штъ въ *Малороссійскую Коллегію*. Що́ імъ обо́мъ тамъ ро́блено, не звісно, тілько въ 1727 р. ве́лено Спафарію знова́ бу́ти со́тникомъ у Старо́му Санжа́рові; а такъ якъ ще до сёго соверше́ннымъ со́тникомъ приділенъ Ива́нъ Ли́венець, то Спафарій жа́лувався за се царе́ві и писа́въ, що »въ прошлихъ годѣхъ виѣхалъ онъ въ Рассію зъ маткою своею Маріею и братомъ Иваномъ зъ Волоскои земли зъ господаремъ Волоскимъ, оставя въ Волоской землѣ домъ, деревни и протчіе всѣ свои пожитки, и по прибытіи служилъ сотникомъ въ Миргородцкомъ полку въ мистечки Ереське съ 718 по 727 г. (?) и былъ на службѣ въ Дербенѣ и прочихъ мѣстахъ немалое время, по указу императора Петра I определенъ сотникомъ въ Старой Санжаровъ въ октябрѣ 1727 г., но гетманомъ одставленъ.«

Царйця Га́нна Ива́новна 2 листопа́ду 1730 ро́ку, веліла написа́ти до гетьма́на Дани́ла Апо́стола: »Въ Коллегію Иностр. дѣлъ писать: оный челобитчикъ Спафарій чево ради отъ уряду сотничества старосанжаровскаго отставленъ?« Гетьма́нъ пита́въ про те полта́вськаго суддю́ Васи́ля Кочубе́я, котри́й, прописа́вши все те, що́ ми вже сказа́ли, да́лі гово́рить, що Спафарій самъ не схотівъ и козаківъ старосанжа́ровськихъ не посла́въ у Глу́ховъ на эле́кцію. Тоді гетьма́нъ Апо́столъ, уба́чивши непоря́дки и *проти́вности*, со́тенного правле́нія Спафарію держа́ть не приказа́въ, и »о битіи сотникомъ Ивану Левенцю« ви́давъ универса́лъ 6 октября́ 1729 р.

Скоро пі́сля сёго, неділь черезъ дві, князь Голи́цинъ при ука́зі присла́въ до ёго (Кочубе́я) и велівъ Спафарія за *злодійство коне́й* въ Ха́рковському полку́ *учини́ть наказаніе* въ Полта́ві *по малоросійскому обыкновенію*. 1-го листопа́ду тогóжъ таки́ 1729 ро́ку, Спафарія *бито киями въ Полта́ві публи́чно передъ Ра́тушою*.

Въ одвіті своє́му въ Полковій Ха́рковській Ра́тушѣ Спафарій сказа́въ, що 12 сентября, зъ на́ймитомъ своімъ Михаіломъ Бурла́кою, приіхавъ

зъ Старо́го Санжа́рова у Ха́рківъ проси́ть кня́зя Голи́цина ослобони́ть ёго ха́ту одъ посто́ю. Зъ Ха́ркова заїзди́въ у село́ Тишки́ до Ага́фиі Чижако́вой; не заста́вши ії до́ма, на дру́гій день поіхавъ въ Ли́пець и іду-чи, загру́зъ на ру́дці. Бувъ вінъ підни́вши и, ви́прягши ко́ней, пусти́въ на па́шу, а зъ на́ймитомъ самоту́жки ви́тягли візъ изъ ру́дки. Не зна́й-шовши своіхъ ко́ней, на́ймитъ запрігъ чужи́хъ па́ру, на котри́хъ вінъ поіхавъ до Ли́пця, а челя́дника посла́въ шука́ть своіхъ. Одъіхавши верстви́ півтори́, догнавъ ёго́ борщёвський жи́тель Дани́ло Полежа́евъ и пізна́вши своіхъ ко́ней, одвівъ ёго́ до ли́пецького ви́саря Иова, а той одісла́въ ёго́ до нака́зного со́тника въ Борщёвую, и ту́течки со́тникъ Васи́ль Ягуно́въ взявъ у ёго ша́блю срібромъ опра́влену и тру́бку пе́нькову, а ёго́ само́го посла́въ у Ха́рківъ, въ полкову́ ра́тушу підъ калаву́ромъ.

III.

Щобъ лу́чче грома́да вба́чила, що́ за чоловікъ бувъ Спафарій, ви-пи́суемо одъ сло́ва до сло́ва одвіти старосенжарівскихъ козаківъ 23 листопа́ду 1730 р. у Полкову́ Полта́вську канцеля́рію, »якимъ обихо-жденіемъ Самуілъ Спафарій, будучи сотникомъ в сотне Старасанжаров-ской найдовался и кому якия обиды, побои и витиски кгрунту и прочіе чинилъ.«

»1. Василію Вѣсичу и Іосифу Макаренку, товариству сотнѣ Старо-санжаровскои, 1726 году зделавъ такую обиду, что узялъ у нихъ меду прѣсного полъ-шоста ведерка, цѣною ведерко по три копы и по той ценѣ опослѣ имъ не хотячи дати денегъ и до сего году нічого не уплатилъ, в чемъ для вѣры подписалися, а вмѣсто Василя Вѣсича и Осифа Макарен-ка, по ихъ прошенію, дячокъ церкви Успенскои Старосанжаровскои под-писался. Прихора.

»2. Гаврила Дмитренка, товарища сотнѣ Старосанжаровскои, 1725 году насилно взялъ дворище, при рынку мѣющееся, и на ономъ сѣвъ домомъ, а по многимъ за тое дворище Дмитренковомъ упоминку не пла-тячи ему, хочъ далъ на себе облѣкгъ 1729 г. іюня 24 дня и винился дать рублей 4, однакъ по оному письму и по сроку в облѣкгу напи-санномъ, именно в постъ Спасовъ того 1729 г. денегъ за оное ему Дмитренку не оддавши, отказуетъ то, что мѣшъ облѣкгъ — доискуйся с нимъ. Для чего на своимъ неложномъ сознанію подписался, вмѣсто Га-

врила Дмитренка, по его прошенію, старосанжаровский обыватель Григорій тузинокъ подписался.

»3. Іванъ Кущикъ, кушнѣръ и обиватель старосанжаровский, сожалѣетъ на Спафарія въ томъ, что виноватъ ему за напитки, подъ часъ сотництва награбленныя, рублей два и еще, ездя в Полтаву на него Спафарія за неотдачу денегъ суда просить, витерялъ таляръ, и хочъ винился на Судѣ Полковомъ ему Кущику прописанное все отдать, однакъ опослѣ волокитою и одговорками, тимъ, что будетъ служить, онъ волочитця и такъ пропада до сего часу. Совѣстно сознаетъ и подписуетця Іванъ Кущикъ.

»4. У Іякова Стефановича, товариша сотнѣ Старосанжаровскои Спафаріи, сотникуючи, бралъ кындякъ, железо и прочія крамарскія вещи и виноватъ сталъ ему Стефановичу денегъ рублей три, и всякими волокитами и одговорками до сего часу не росплатился. Вѣрно сознаетъ и подписуетця Іаковъ Стефановичъ.

»5. У вдови Маріи Стефановои Даниловичевои, обивателки старосанжаровскои, он же Спафарій полотна и прочіихъ вещей, бывши еще сотникомъ, набралъ за рубля, и тимъ словомъ бавячися, что отдастъ, не уплатился. Въ вѣрность подписалась (За ii той же дячокъ Прихора.)

»6. Хвеннѣ Калантирцѣ, жителцѣ Старосанжаровской, за панои Спафарій за сотництва своего долженъ сталъ рублей 16, а якъ упоминалася 1728 г. о оныхъ у Спафарія долгъ, призвалъ ея в домъ свой подманою такою, что будетъ ей долгъ платить и вмѣсто того смертно оную билъ, и до сего часу весьма болѣетъ. Суще сознавши, подписалися мѣсто Хвенни Калантирчихи, по повелению ея, зять оной Стефанъ Середа подписался.

»7. Ивану Семилиту, жителеви старосанжаровскому, подлогомъ такимъ, что станѣть ему платить, почему схощеть, за бараны шліонскіе, учинилъ такую обиду, же остатние три бараны взялъ и, кому хотѣлъ, онимы добрился, а по упоминку и награжденіи онъ Спафарій бранилъ его Семилѣта до своеи хоти и хвалился, в дворъ завлекши, кіями награждать. То сознавъ и подписался Іванъ Семилѣтъ.

»8. Татьяна Афанасіева, вдова, в томъ сожалѣетъ на Спафарія, что помѣжъ прописанного Гаврила Дмитренка дворища имѣлося и ея дворище, и Спафарій оное, к своему присовокупивши, держитъ и не платитъ, и особенно виноватъ, бывши оной за панои золотыхъ осемъ, не отдалъ. На томъ истину сознаючи, подписался за ii дячокъ Іванъ Мойсѣець.

»9. Настоящый городовый старосенжаровский атаманъ Василь Па-

велко на него же Спафарія скорбить в томъ, что рубилъ в его атамана лѣсѣ дерево, сколко надобно было ему, и винился дать за оное ему атаману платы денегъ рублей 6, а нѣчого не отдалъ. Саморучно на томъ росписался атаманъ Василь Павелко.

»10. Гаврилу Герасимову, товарищеви сотнѣ Старосанжаровскои, онъ же Спафарій учинилъ такую нужду, что взялъ у него меду полчварта вѣдерка, цѣною вѣдерко по два таляри, а нѣ в чомъ ему не уплачуючи, въ награжденіе похвалку чинилъ—бить хотѣлъ. Правду сознавши, подписался за его дячокъ Прихора.

»11. Григорій Сухій прискорбенъ на Спафарія в томъ случаи: обесчестилъ 1725 году жену Романа Терещенка его Сухого тестя Івана Терещенка, нѣкоторыми урахливымы словами, и лгать ему велѣла, и за то, по предложению на оную сказки Спафарию по суду его жъ Спафаріемъ, зостала виновата и подъ арештъ взята, а пришедшему ночному времени, якъ оную Спафарій с подарешту взявши в свой домъ, привелъ к плотскому ея с нимъ грѣху; то уже на утрій день Сухій с тестемъ своимъ сталъ виноватъ, а она права. На томъ самый пстець подписался; за его дячокъ Мойсѣець.

»12. Леонтія Тузенка означенный же Спафарій с тои причины, что, мѣвшеся неубогъ, не просилъ его Спафарія в домъ свой на честь, билъ смертно, отчего, болно немощенъ бивши, и умеръ. Истить тому сынъ его Григорій Тузинокъ.

»13. Сестра родная Спафаріева, панѣ Семенова Чуйкевичева, бивши в гостяхъ у него Спафарія в Старомъ Сенжаровѣ, купила у вдови Ірины Балихи, обивателки старосанжаровскои, бочку рыбы за три рубля и деньги Спафарию в отдачу овой отдала, а якъ стала оная вдова у него тыхъ денегъ править, то не только не отдалъ, но еще безстужо и уразливо нѣсколко разъ ругалъ. Для чого вѣрно рѣчь свою сознавши, подписалась; за іі дячокъ Прихора.

»14. Докладаемъ при семъ: означенный Спафарій дерево дубовое на цѣлый млинъ на Ворсклу обивателями навоженное, таинымъ образомъ, в битность сотникомъ, побралъ и что хотѣлъ з оного себѣ строилъ; нѣкогда трезвимъ не имѣлся, всегда корчемствовалъ, ходя по ночамъ; з обивателей шапки знимавъ и пропивалъ; драки и сварчи чинилъ; гуси людския по полю ловилъ и в палубъ свой, ездя безпотребно и безпутно, ховалъ, и прошлого 1729 году в генваре мце поросятъ у Івана Боблого укралъ шестеро, а у Івана Середы семеро, якия поросята, по сознанію Івана Середы, онъ Середа з женою, зовемою Безлидскою, в его

Спафарія домѣ и познаходили. Старосанжаровский наказный сотникъ Михайло Карпенко. Городовый атаманъ Василь Павелко. Воитъ мѣскій Степанъ Волошиненко. Старосанжаровский писарь Іванъ Панасевичъ.«

Що зро́блено Спафаріеві, що́ зъ нимъ ста́лось, де вінъ дівся,— незвісно.

Олександеръ Коніський.

Полтава.
7 лютого
Р. Б. 1861.

ПРО КОНОТІПЪ.

I.

У Коното́пі було́ три ба́шти: (1) Попівська, Пути́вльска и Підли́пенська. Бува́ло, якъ ідешъ, зачи́нить заста́ву, дай два шаги́, або́ паляни́цю, ато́ й не пу́стять. И три доро́ги було́: Попівська, Пути́вльска и Підли́пенська. А валъ таки́й, що якъ гля́нешъ, до страшне́ діло. Бляка́вець (2) зове́ться валъ, де Клепаки́ живу́ть. И за́мокъ бу́въ, де тепе́ръ Паламаре́ва живе́ (Голови́ха). Шве́ди хотіли ви́нять (3) го́родъ; у го́роді кулішъ вари́ли, та черпака́ми лили́ зъ валівъ на Шве́дівъ; дакъ вони́ й одійшли́. Мату́ся моя́, якъ ходи́ла въ Ки́івъ на богомілля, ще дівкою, дакъ її пита́ли на доро́зі: »А вітки ви?« — »Зъ Коното́па.« — »Чи кріпки́й же вінъ, що на́ші діди́ и батьки́ тамъ полягли́?«

Літъ пятдеся́тъ тому́ бу́де, мій ро́дичъ, піпъ, повізъ синівъ у Черніговъ; поверну́вшись, каза́въ, що у Чернігові вали́ роско́пують; коли́ и въ насъ ста́ли роско́пувать нево́льники. Річка Езучъ була́ чи́ста та га́рна, а тепе́ръ заросла́.

II.

У Коното́пі були́ шко́ли, при ко́жній це́ркві: що це́рква, то й шко́ла. Микільска шко́ла, за гре́блею, була́ гла́вна. Ще ся шко́ла була́ до реви́зіі. У тій шко́лі бувъ дякъ, два піддя́чихъ и молодиківъ скіль-

(1) Заста́ви и коро́місла.
(2) Блокгаузъ? *Ред.*
(3) Зна́чить: добу́ти си́лою.

кось. Успе́нська шко́ла була́, да не такъ що гла́вна. Хто ви́учитця у Микільскій шко́лі, дакъ пря́мо на-по́пи. Школярі, літъ у 15, ходи́ли безъ штанівъ у шко́лу. Це́рква Успе́ния була́ пре́же про́тивъ собо́рі. Моя́ ма́ти роска́зувала: несе́ дівчи́на сметя́ну на база́ръ продава́ть, ви́скочивъ школя́ръ изъ Успе́ньскоі шко́ли: »Прода́й сметя́ну!« — »Дай три шаги́, та й бери́!« — »До́бре жъ, постій, ви́несу гро́ші!« Ухопи́въ сметя́ну, да й попі́съ у шко́лу; та дівчина дожида́ла, дожида́ла, та дава́й и пла́кать; а ту́тъ ії тітка иде́ »Чого́ ти пла́чешъ?« — »Ухопи́въ школя́ръ, цёту́сю, сметя́ну, и гро́шей и гле́чика не вино́сить!« Отъ вона́ й ка́же: »Ходімъ же у шко́лу!« Прийшли́ у шко́лу, вона́ гла́вному й дава́й жа́луватьця. Отъ той и ка́же: »Пізнава́й же, хто въ те́бе взявъ?« и дава́й шуткува́ть. »Ну, на́ жъ тобі«. Ви́нісъ гле́чикъ и наси́павъ по́венъ со́ли, вмісто гро́шей. Школярі було́ изъ Микільскоі шко́ли переправля́ютця човна́ми черезъ Езучъ, набе́ру́ть глекі́въ, све́рдликі́въ и чопо́чкі́въ; а тутъ на пло́щаді стоя́ли бочки́ зъ горілкою; то оце́ провертя́ть све́рдликомъ бо́чку, напу́стять горілки, и чопо́чкомъ забъю́ть; а тоді за гре́блю опя́ть човна́ми маха́ють. Школярі, було́, овечо́къ тяга́ють и порося́ть.

Ще я невели́чкою була́, у Підли́пному, го́дівъ тому шістьдеся́тъ: дивлю́сь—бурса йде яки́хсь харцизя́къ. Я ду́мала, що люде́й ріжуть, та зъ двора́ узяла́ та й утікла́; а воні́ якъ пішли́, я й верну́лася до-до́му. А мату́ся ка́же: »Чого́ ти, дурна́, утекла́? то були́ студе́нти; воні́ співа́ли.« А тоді ходи́ли студе́нти літомъ по се́лахъ да й співа́ли. Пре́же якісь мандрі́вські попи́ служи́ли, тобъ-то такий, що примандру́е незна́ть ві́тки; отъ було́ й ка́жуть: »Сёго́дні мандрі́вський пі́пъ служи́въ. Успе́ніе погоріло давно́, го́дівъ тому́ бу́де шісьдеся́тъ-чоти́рі, на Св. Неділю, у се́реду, якъ Конотопъ горівъ. А тоді вже перенесли́ ёго́ на се місто, де й тепе́ръ. Якъ уменши́ли попівъ, дакъ Варва́рський прихо́дъ и перечи́слили до суббо́ру; а це́рковъ продали́ у Сміле. Варва́рську це́рковъ літъ 9, якъ продали́. Це́рковъ була́ сла́вна, біла да чи́ста.

Пре́же у Коното́пі не було́ судівъ, а була́ въ Пошівці со́тенна канцеля́рия. Шве́ди були́ ще за гатьма́нівъ, коли́-то Шведчи́на була́, а Гатьма́нщина була́ уже́ по́слі. Було́ ка́жуть: »и верзе́, якъ дурні лю́де Шве́дчи́ну.« Пропа́ла Гатьма́нщина. По́слі уже́ була́ губе́рнія у Но́вгородку.

III.

Старе́нькая бабу́сенька — ле́гко ій згада́етця — роска́зуючи про Микільску шко́лу, зду́мала й пісню, зло́жену на дя́ченькі́въ Микільскоі шко́ли.

Ой мандрува́ли два дя́ченьки
Зъ Мики́льскоі шко́ли,
Написа́ли да памалюва́ли
Мару́сини бро́ві.
»Ой ви́йди, ви́йди мату́сенько,
Або́ ви́шли Мару́сеньку, —
Ой поцілу́ю да помилу́ю,
Да впять и помандру́ю.
— »Бода́й же васъ мандрува́ла
Лиха́я годи́на,
Якъ я зъ ва́ми, пройди́світи,
Літа погуби́ла!«
Пливе́ чо́венъ води́ по́венъ,
Да коли́бъ не проли́вся:
Пішо́въ ми́лий у Крымъ по сіль,
Да коли́бъ не бари́вся!
Ой пливе́ щу́ка съ Кременчу́ка
Да про́битая зъ лу́ка:
»Ой тепе́ръ же намъ, дівчи́нонько,
Съ тобою розлу́ка!«
Ой пливе́ чо́венъ, води́ по́венъ,
Да малёвані кри́льця.
Ой не ма́е и не бу́де
Та мого́ чорнобри́вця.

IV.

У Конотопі, опро́че тихъ пісе́нь, котрі співа́ють усю́ди по Вкраіні, співа́ють и таки́хъ, що по дру́гихъ місця́хъ за рідкость почу́ти; тутъ почу́ешъ про жовні́рівъ по́льскихъ, якъ вони́ жива́ли на на́шій Украіні.

Ой исъ-підъ га́ю, съ-підъ яли́ноньки,
Іхали жовніри зъ Украіноньки:
То въ тонки́хъ, то въ білихъ,
То въ зелене́ькихъ,
На ко́никахъ все ворonéькихъ.
Жовніръ у ха́ту, — хазя́їнъ изъ ха́ти.
Ставъ жовніръ хазя́йку реведова́ти:
»Чого́ въ те́бе, хазя́йко, ли́чко біле́ньке?«
—»Одъ холодо́чку, мій жовні́рочку!«
»Чого́ въ те́бе, хазя́йко, ніжки біле́нькі?«
—»Одъ черевичокъ, мій жовні́рочокъ!«
»Чого́ въ те́бе, хазя́йко, ру́чки біле́нькі?«
—»Одъ рукави́чокъ, мій жовні́рочокъ!«
»Чого́ въ те́бе, хазя́йко, уста́ солоде́нькі?«
—»Ой одъ медо́чку, мій жовні́рочку!«
Ди́вится хазя́їнъ шкарубиною,

Що́ ро́бить жо́вніръ изъ господи́нею;
Ди́вится, ди́вится, та все толку́е,
Та на свою́ ми́лу пру́ття готу́е.
»Ой тя, мужи́че-невірни́ченьку,
Да не віришъ мое́му бі́лому ли́ченьку,
Що невільно ста́ти, пожартува́ти,
Молодо́го жо́вніра поці́лува́ти!
Купи́, мужи́че, ключъ-коло́дочку,
Зачиня́й, замика́й у комірочку!
Якъ схо́че жо́вніръ мене́ люби́ти,
Бу́де твої замки́ ломи́ти.
Якъ нашмару́юся солони́ною,
Ви́скочу къ жо́вніру шкарубі́ною!
Купи́ жъ, мужи́че, срібний дзвіно́чокъ,
Привяжи́ мені до поділо́чокъ,
Да куди́ я ру́шу, то дзвоти́ти му́шу,
За тво́ю прокля́ту, мужи́че, ду́шу.«

Що́ воно́ зна́чить оці слова про солони́ну? Ви́дно, при́мха яка́-не́будь, або́-що; тепе́ръ про таку́ при́мху не чу́тно. Ма́буть, воно́ таку́ си́лу міло, якъ тепе́ръ те, що якъ слі́ду́ візьмешъ исъ-підъ па́рубка, то бу́де такъ люби́ть, такъ люби́ть, такъ слідо́мъ бу́де й ходи́ть! Отъ іще́ конотіпська пісня.

Ой у Ки́ві да на ри́почку
Пили́ Ляхи́ да горілочку,
Да пили́ вони́, випива́ли,
Изъ соббю Мару́сеньку підмовля́ли:
»Да ходімъ, Мару́сенько, зъ на́ми,
Зъ на́ми, молодця́ми!«
Ой ки́нетця старе́нькая ма́ти,
Ажъ нема́с Мару́сеньки въ ха́ті.
Ки́нетця до комо́рі,
Ажъ нема́е ні Мару́сеньки, ні худо́би.
»Сини́ якъ мої молоді́ї!
Сідла́йте ко́пі воронії,
Да поідте шля́хомъ,
Да наженіть Мару́сеньку зъ Ля́хомъ!«
Тілько Мару́сенька братівъ вздріла,
Такъ на піженькахъ изомліла.
»Да брати́ жъ мої молоді́ї!
Да що́ хо́чете, те й беріте,
Тілько мене́ изъ Ля́шенькомъ не губіте!«
Срібло, зла́то — все забра́ли,
Да й Ля́шенька зарубали.
»Тепе́ръ же я не Мару́ся,
Да нема́ жъ мого́ Ля́ха чорноу́са;
Тепе́ръ же я не вдови́ця, —
Нема́ Ля́ха-чорнобри́вця...«

V.

У Конотопі народъ знає про Горкушу, Каханчика, котрі дебуширили въ самому городі и по околіі; сі случаі не остались безъ того, щобъ народъ не вилившъ іхъ у пісняхъ; багато такихъ пісень и привістей носится поміжъ тутешніми людьми.

Мати моя росказувала мені (говоривъ мені одинъ), що у Підлипному розбишака залізнимъ веретеномъ, тимъ що цівки сучуть, замучивъ жінку, утікъ у Карабутовъ, да тамъ и живъ.

У Конотопському суді е »діло« 1784 року про Горкушу. Випишемо съ того діла допросні рѣчи. Може, вони кому-небудь здадутця.

»А на третій день, съ нихъ Романъ Басенко и Прокопъ Коровченко отлучилися отъ нихъ въ Самаръ, для покупки рыбы, съ которою намѣрены были ѣхать въ Малороссію для продажи, а особливо въ Лубни, къ женѣ и дѣтямъ онаго Коровченка, коп тамъ домомъ жили. А на послѣдокъ и они, въ-четирехъ: Горкуша (Семенъ Ивановъ сынъ), Кравченко, Пикинеръ и Хмѣловскій, поѣхали въ степъ Запорожскій, къ Павелъ-граду, и, проѣзжая къ Калмусу, проживая по степамъ, провели времени мѣсяца два; а напослѣдокъ пріѣхали въ Ахтырку въ день Пресвятыя Троицы. Проѣзжая къ оной степами, и остановляся подъ Ахтыркою въ березняку, гдѣ и монастырь, подъ коимъ тогда была ярмонка, и простоявши тамъ дней четыре, на пятый день поѣхали въ Конотопъ, для ограбленія Парпурихи; и, проѣзжая къ оному все степами, остановилися уже за Константиновымъ—къ Смѣлому, на полѣ, въ окопѣ Гусаковомъ, козака смѣлянскаго Гусака, не въ-одталь хутора Бардакового, до котораго они и послали Федора Кравченка съ увѣдомленіемъ, что они пріѣхали. Почему оный Бардакъ къ нимъ туда въ окопъ и пріѣхалъ; и они, напившись съ нимъ горѣлки, ночевали тамо, а между тѣмъ послали Кравченка въ Суховерховку къ Пухлому и Шевченку съ увѣдомленіемъ, что они пріѣхали, и ихъ къ себѣ приглашал. Почему они на другой день пріѣхали и съ собою привезли тамошняго жителя Максима, а по прозванію не вѣдаетъ; а за тѣмъ, согласивши и ихъ, поѣхали къ Конотону черезъ Грузьку и Козацькую, нигдѣ не останавливаяся. Между тѣмъ оный Бардакъ отдалъ его, Горкуши, червонцы на семъ-сотъ рублей, у него хранившіеся отъ ограбленія Холодовича. Подъ ѣхавши жъ подъ Конотонъ, остановились при греблѣ Лугинки, и, оставляя онаго Максима при повозкахъ, пошли сами болотомъ отъ Канды-

биной гребли до самого Конотопа для осмотру двора оной Пурпурихи, жены тамошняго городничаго Петра Базилевича; и какъ оного дому съ того болота узнать не могли, то и воротились назадъ, и поѣхали въ лѣса, къ Сейму и къ селу Жолдакамъ; и въ близь лежащихъ тамо лѣсахъ проводили дней съ четыре, по причинѣ великихъ бывшихъ тогда дождей; а на пятый день, оставя возлѣ повозокъ въ бору Пухлаго, сами въ-шести человѣкъ, съ однимъ ружьемъ, парою пистолетовъ, сокирою и ратищемъ, на одной пароконной повозкѣ поѣхали въ Конотопъ и, подъѣхавши подъ оный, оставя повозку съ лошадьми въ житахъ, сами всѣ въ-шести пошли въ дворъ къ оной Пурпурихи, и, перелѣзши въ садъ черезъ заборъ, оставили въ саду Максима, а на дворѣ—Хмеловского и Шевченка, а онъ, Горкуша, съ Кравченкомъ и Пикипером, пошли въ кухню и, повязавши въ оной двоихъ женщинъ и двухъ же мальчиковъ, пошли къ покоямъ, гдѣ на крильцѣ спали два человѣка козаковъ, отъ коихъ онъ, Гаркуша съ Кравченкомъ, забравши стоявшія два ружья и двѣ шабли и двѣ ладунки, поставили въ-отдаль, подъ хатою, а ихъ, козаковъ, повязавши ихъ же поясами, отвели въ кухню же; а за тѣмъ и на конюшнѣ троихъ же сторожей, связавши жъ, отвели въ кухню жъ, откудова взявши одного мальчика, пошли въ комнаты, гдѣ дочь оной Пурпуриной дѣвица тогда спала и при ней двѣ дѣвки, и, забравши и ихъ, повели въ кухню невязаныхъ и, заперши въ оной, поставили на караулъ Хмеловскаго и Максима, а сами: онъ, Гаркуша, Кравченко, Шевченко и Пикиперъ, пошли въ комнату къ оной Пурпурихѣ, гдѣ и свѣча еще горѣла, а на кровати лежалъ мужъ ея, Пурпуриной, городничій Базилевичъ, а жена его въ другой комнатѣ спала. И они, вошедши въ хату, сказали ему, городничему: »Здоровъ! чи радъ гостя̀мъ?« На что онъ городничій сказалъ: »Здра́стуйте!« Послѣ чего, сказавши ему, что не до его дѣло касается, то чтобъ онъ лежалъ, сами пошли въ другую комнату къ оной женѣ его, Пурпурихи; которую розбудя и одѣвши въ юпку и надѣвши на голову колпакъ, повели къ оному ея мужу и тамо спросили, гдѣ ея деньги сорокъ тысячъ рублей? Послѣ чего она, отперши одинъ сундукъ, въ которомъ было серебреной посуды весьма много и мѣшокъ серебряныхъ денегъ, объявила имъ, что тутъ-де все ея сокровище. И они, взявши съ оного мѣшокъ серебреныхъ денегъ, а съ другого сундучка маленькаго—въ трехъ связочкахъ жемчуга, имперіаловъ четыре и сверхъ того мѣлкихъ два мѣшка денегъ, шубу лисью мужеску подъ краснымъ сукномъ, одинъ кусокъ локтей въ четыре парчи, а другой въ такую жъ мѣру бархату зеленаго венецкаго, голанскаго и простаго,

всего штукъ съ шесть, но сколько именно котораго штучокъ, онъ знать не можетъ; ружей двое: одно венецкое, а другое тульское; шаблю подъ сребромъ, лошадей трое вороныхъ; да въ городничого сундучокъ собственныхъ его денегъ мѣлкихъ серебренныхъ сѣмъ рублей. Между тѣмъ Федоръ Кравченю ударилъ оную городничую разовъ съ четыре барбарою, говоря, чтобы она, по постамъ мяса не ѣла. А Никита Пикинеръ, взявши у него тую же барбару, билъ ея же городничую, говоря, чтобы она не понижала своего мужа. А за тѣмъ Кравченко, Хмеловской и Шевченко, забравши вышеписанныя вещи и, сѣвши на тѣ три лошади, поѣхавши впереди къ оставленной у житахъ повозкѣ Максима, поѣхали за нимъ, а онъ, Горкуша съ Пиканеромъ, пошли пѣшіе вслѣдъ же за ними. Пришедши жъ на то мѣсто, гдѣ оставили повозку, такъ какъ и оные Кравченко, Хмеловскій и Шевченко, не застали и оной тамо, ни посланнаго къ ней Максима, то и поѣхали тѣ на лошадяхъ, а онъ Гаркуша съ Пикинеромъ пѣшіе, но всѣ вмѣстѣ къ повозкамъ, оставленнымъ ими въ бору. Идучи жъ туды, нашли на дорогѣ чумаковъ, человѣкъ зъ десять, но отколь и кто они таковы, не вѣдаеть, ишовшихъ зъ горѣлкою изъ Глухова; къ которымъ они присовокупясь, пили у нихъ горѣлку и притомъ объявили имъ, что они гайдамаки; и онъ, Семенъ Горкуша, давалъ имъ деньги мѣдные мѣлкіе пригорщей съ три, и за тѣмъ они, отставши отъ тѣхъ чумаковъ, пошли черезъ греблю городничаго Базилевича, съ краю отъ Конотопа состоящую, и, перейшовши оную, нашли въ лѣсу стоявшихъ Литвиновъ человѣкъ зъ десять; но кто они таковы, они не спрашивали. Насыпавши имъ съ капшука денегъ мѣлкихъ, скотили съ одной изъ повозокъ бочку съ горѣлкою, объявляя имъ, Литвинамъ, чтобы они ихъ отвезли до ихъ повозокъ; почему оные Литвины на то и согласилися, и они, взявши одного съ нихъ на повозку, на которую поскладали всѣ оные вещи и сѣлъ онъ, Горкуша и Пикинеръ, а Литвинъ поганялъ. Поѣхали вмѣстѣ съ тѣми, что и верхомъ, и, отъѣхавши отъ ихъ Литовскихъ повозокъ, съ одни гоны, нагналъ ихъ на песку Парпура, но кто онъ, Гаркуша, знать не можетъ, съ однимъ козакомъ, верхами на тѣхъ лошадяхъ, что были въ нихъ повозки, оставленной ими подъ городомъ Конотопомъ въ житахъ, и какъ оные его товарищи, что на лошадяхъ, за нимъ, Парпурою, погналися, а онъ, Парпура, съ козакомъ началъ отъ нихъ убѣгать, то лошади ихъ и позбивали съ себя, съ конихъ козакъ ушолъ въ очеретъ, а Парпуру они поймали и, связавши его жъ поясомъ, посадили къ нему, Горкушѣ, на повозку, и поѣхали трактомъ къ повозкамъ своимъ,

что въ бору, и, ѣдучи туда, настигли на дорогѣ онаго ихъ Максима, къ повозкѣ было отправленнаго, и заѣхали въ хуторъ Лободинъ, но которого — онъ знать не можетъ, и, въѣхавши въ дворъ, пострѣчали въ ономъ его жену Лободы, въ которой и начали они требовать подводы; но какъ она начала ихъ бранить, то съ нихъ Кравченко хотѣлъ ея застрѣлить съ ружья, однакъ онъ, Горкуша, до того его, отнявши въ него ружье, не допустилъ. И затѣмъ онъ, Гаркуша, съ Кравченкомъ, оставя прочихъ своихъ товарищей и Парпуру на дворѣ, пошли въ избу къ оному Лободѣ, и какъ тогда Лобода еще спалъ, то они его разбудя, начали у него требовать лошадей. Когда же онъ спросилъ ихъ: »кто ѣдетъ?« , то онъ, Гаркуша, отвѣчалъ, что разбойники и что взяли съ собою въ ясыръ Парпуру; почему онъ и далъ имъ штофъ водки, трое лошадей верховыхъ и служителя для взятья у нихъ обратно тѣхъ лошадей, какъ доѣдутъ до своихъ повозокъ, и сверхъ того, взяли они у него двое ружьевъ. Въ ономъ же хуторѣ было людей его, Лободы, по примѣчанію его, Горкуши, человѣкъ съ шесть и затѣмъ они оттуда всѣ вмѣстѣ верхами — а на повозкѣ ѣхалъ Парпура связанный, Максимъ и Литвинъ — поѣхали; а отъѣхавши отъ хутора, только верстовъ три, настигла команда козачья конная человѣкъ въ пятьдесять, и начали по нихъ стрелять съ ружьевъ, при чемъ и оного ихъ товарища Кравченка застрѣлили, и онъ тамъ же упалъ; а они: Горкуша, Шевченко, Максимъ, Хмеловскій и Пикинеръ ушли къ своимъ повозкамъ, и съ ними Лободинъ служитель съ лошадьми, и застали при оныхъ Пухлаго и повозки свои запряжены, на которыя съ одной выпрягли лошади и оставили порожнюю въ бору, сами поѣхали верхами, а Пухлый на повозкѣ, а Никита Пикинеръ верхомъ отлучился одинъ съ ружьемъ и взятыми якобы имъ тайно отъ нихъ у Базилевича ассигнаціи, коихъ однакожъ онъ, Гаркуша, не видалъ, и Лободиного человѣка принудили жъ съ собою ѣхать, и поѣхали пущею, и остановилися въ лозѣ, подъ селомъ Трибинскаго, гдѣ опять настигла ихъ тая жъ команда и отняла у нихъ всѣ лошади, и повозку также, и забрали они всѣхъ его товарищей, кромѣ его, Горкуши, и все взятое ими у городничаго, а у него, Горкуши, остался только жемчугъ да сабля, которые онъ послѣ оставилъ въ Степана Крамера, жителя села Чертоватого, что на Кильчинѣ; ибо онъ укрылся въ болотѣ, гдѣ до вечера и сидѣлъ, а въ вечеру, вышедши съ онаго, пошолъ лѣсами и степомъ къ Бардаку, куда на другой день въ ночи и пришелъ, и объявилъ ему о своемъ приключеніи; почему онъ, сожа-

лѣя объ немъ, отдалъ ему, Горкушѣ, всѣ деньги, оставшіяся у него, и отвезъ его на своей подводѣ въ Роменской уѣздъ въ хуторъ, прозываемый Ракова Січъ, куда пріѣхавши, онъ его и оставилъ, и продалъ ему лошадь свою, клячъ мастью сывую, за 22 рубля. Онъ же, Горкуша, нанявши тамошняго жителя, ему неизвѣстнаго, и объявивши, что онъ оставшійся отъ своихъ возовъ, на которыхъ онъ рыбу привозилъ, и нанявши его одну лошадь съ повозкою, а свою припрегъ на пристяжку, поѣхалъ съ онымъ жителемъ, въ свободу Бригадировку, положа въ повозку свои деньги съ мѣшкомъ.«

Тепе́ръ послу́хаймо я́къ наро́дъ почи́туе Горку́шу въ своій пісні:

Да хотівъ Барда́къ, да хотівъ Кіндра́тъ,
Зъ Таранóмъ (¹) зрівня́тьця...
Дала́ жъ ёму́ вра́жа ма́ти
Зъ Горку́шею зна́тьця!
Що въ Бардака́ у Кіндра́та
Весь двіръ на помóсті,
Наіхали до Бардака́
Не весе́лі гóсті:
»Здоро́въ, Барда́къ, здоро́въ, Кіндратъ!
Якъ ти пожива́ешъ?
Зъ дале́кого кра́ю гóсті,—
Чимъ ти іхъ вита́ешъ?
Ой чи ме́домъ, ой чи вино́мъ,
Ой чи горілкою?
Попрощáйся, Барда́къ Кіндра́тъ,
Зъ дітками и зъ жінкою!«
—»Отъ вамъ, бра́тця Запорóзці,
Гро́шей по коро́бці,
Та не ведіть ви Бардака́,
Въ Конотіпъ въ коло́дці!
— —
Позайма́ли ше́вці вівці, Неплю́евці ко́ні,
Та вдáрились Таране́нки рука́ми объ по́ли.

Пісня, якъ ба́чите, не дове́дена до кінця́, бо той, хто роска́зував, не зна́е да́лі.

Степанъ Нісъ.

Черніговъ.
Березоль, 1860 ро́ку.

(¹) Таранъ — сотникъ смілянський (Лубенського полку).

СКАЖІТЬ МІНІ, ДОБРІ ЛЮДЕ.

Скажіть мінí, дóбрі лю́де,
Въ кóго я вродúлась:
Що на свíті жилá мáло,
А вже й зажурúлась.

Чи вúйду я у садóчокъ, —
Вáженько вздихáю;
Чи співáла бъ, чи летíла бъ —
И самá не знáю.

Чи вúйду я до рíченьки,—
Изновъ зажурю́ся.
Все дивлю́ся въ степъ широ́кий,
Та й не надивлю́ся.

За фúлею фúля дру́га
Шумúть и женéтця,
А у мéне душá ту́жить,
И сéрденько бъéтця.

Місяць ясни́й зъ зіронька́ми
Тúхо розмовля́е;
А у мéне молодóї
Розмóви немáе.

Скажіть мінí, дóбрі лю́де,
Щó мінí робúти:
Ой якъ мінí на сíмъ свíті
Безъ коха́ння жúти?

Колú бъ мінí далú крúла,
То я бъ полетíла,
Голу́бкою на ру́ченьку
Милéнькому бъ сíла.

Оттоді бъ я, дóбрі лю́де,
Васъ би не питáла;
Жилá бъ собí, співáючи,
И го́ря бъ не знáла!

Л. Глібовъ.

ВИГОВЩИНА.(*)

I.

Похова́ли Богда́на Хмельни́цького, и нещасли́ва за́здрость уря́ду гетьма́нського за́разъ почала́ ёго́ поря́докъ по-сво́ёму переро́блювати. Не оди́нъ зъ старши́хъ генера́льнихъ до гетманува́ння ква́пився, тільки боя́вся я́вне съ тимъ одкри́тися. Тимъ-то, по́тай ра́ди коза́цькоі, хи́трі лю́де намо́вили молодо́го Хмельниче́нка, щобъ не бра́вся до старшинува́ння надъ пова́жними полко́вника́ми, бо вони́ того́ не сте́рплять и віку ёму́ вкоро́тять весе́лого. Учини́ли жъ вони́ ніби ра́ду и, зібра́вши собі зичли́вихъ козаківъ у двіръ до Хмельни́цького, воро́та замкну́ли и більшъ ніко́го не пуска́ли. Ви́йшовъ Юра́сь Хмельниче́нко зъ світли́ці на ту́ю раду; дя́куе козака́мъ за уря́дъ гетьма́нства и молоді літа́ своі прекладáе, що не ёму́ таки́ми спра́вами вели́кими керува́ти и си́вими полковника́ми, лицаря́ми сла́вними, пра́вити; булаву́, бунчу́къ и всі клейно́ди гетьма́нські на стіле́ць покладáе, ни́зько вклоня́етця и одіхо́дить у буди́нокъ. Зуми́лося коза́цтво про́сте, поба́чивши таке́ й почу́вши, бо тільки самі полковники́ таемни́цю зна́ли; и до́вго та булава́ въ тій ра́ді на стільці́ лежа́ла. Старшина́ черезъ осау́лівъ не разъ и не два оклика́ла військо, яка́ бъ була́ ёго́ во́ля, кому́ ту була́ву до рукъ узя́ти. Війско бажа́е, щобъ

(*) Помѣщаемъ эту статью вмѣсто литературнаго извѣстія о продолженіи полезнаго труда П. А. Кулиша по предмету общедоступной исторіи Украины. Въ настоящее время подобный трудъ, представляющій, кромѣ историческаго содержанія, образецъ литературной обработки народнаго языка, долженъ стоять наравнѣ съ высокими творческими произведеніями.

Ред.

тільки та була́ сла́ва, що Хмельни́цький гетману́е, а неха́й би ёго́ пора́дці всіма́ речáми до по́вного ёго́ зро́сту справува́ли. Тоді вже Хмельниче́нка козаки́ въ ра́ду зъ світли́ці силоміць ви́вели и булаву́ при собі держа́ти упроси́ли, а якъ у військо йти, то щобъ тоді зъ своіхъ рукъ Вигóвському дава́въ, а верну́вшись изъ похóду, зновъ щобъ ёму́ Вигóвський верта́въ гетьма́нські клейно́ди. Се вже приятелі Вигóвського про́стихъ козаківъ такъ нала́дили, а до то́го ще усовітували, щобъ Вигóвський, ма́ючи въ се́бе булаву́, *гетьма́номъ на той часъ* на листа́хъ писа́вся. Взя́вши жъ Вигóвський булаву́, вже ій молодо́му Хмельниче́нку не верта́въ; вінъ ёго́ до Ки́ева у пау́ку ви́провадивъ, а самъ гетьма́нство опанува́въ уже́ безпе́чне. Не ми́сливъ Вигóвський Москві голдува́ти; ми́сливъ вінъ річъ поспóлиту По́льску козака́ми підпе́рти и Вкраіну на рівному пра́ві зъ усіма́ воево́дствами поста́вити. Були́ въ старо́го Хмельни́цького вели́кі ска́рби въ землі захо́вані. Вінъ ті ска́рби зъ землі добува́е и до войни́, по́тай царя́, готу́етця. А тимъ ча́сомъ царе́ві листо́вне ра́дить, щобъ вінъ си́лою короля́ Яна Казиміра змýсивъ своé королівство за Моско́вськимъ царе́мъ на во́льному се́ймі ствердúти, и то́ю пора́дою царські о́чі одъ Украіни одверта́е. Царь же ду́мае, що Вигóвський ёму́ на по́мічъ про́тивъ Ляхівъ готу́етця, ажъ тутъ Пушка́рь Полта́вський до ёго пúше, що вже въ Вигóвського зъ Ляха́ми пола́жено и військо чужозе́мне вже гріши́ми Хмельни́цького пона́ймано, щобъ на Москву́ ра́зомъ изъ Ляха́ми несподівано вда́рити. Одни́мъ же у́хомъ царь Вигóвського слу́хае, а дру́ге Пушкаре́нкові настивля́е и самъ не зна́е, кому́ зъ нихъ віри ня́ти. Вінъ свого́ боя́рина Богда́на Хи́трого на Вкраіну въ Переяславъ посила́е, а Вигóвський собі туди́ жъ притя́гъ съ Чигрина́ зъ старши́но́ю, и лести́вими слова́ми и подару́нками вели́кими боя́рина Хи́трого до се́бе прихиля́е. Той ёму́ на ра́ді булаву́ одъ царя́ и гра́моту на гетьма́нство подае́, и вже почáвъ Вигóвський впóвні гетьма́номъ писáтись.

II.

Ра́да жъ була́ въ Переяславі зъ само́і старшúни коза́цькоі, безъ че́рні військовóі, и Пушка́рь полкóвникъ на ра́ду не прiхавъ. То про́сті козаки́ зъ сотника́ми не вважа́ють Вигóвського

за зупо́лного гетьма́на, а Пушкарь ёго́ пройди́світомъ на всю Вкраіну оглаша́е и всю чернь військо́ву городову́ до ра́ди генера́льноі зъ че́рню низово́ю заохо́чуе, підмо́ги противъ во́рога отчи́зного и похлі́бці Ля́дського зъ Запоро́жжя про́сить — и допевня́етця. Ще жъ Низове́ військо зъ Запоріжжя не ви́греблося и зъ городови́мъ військомъ до-ку́пи и до ра́ди генера́льноі не зняло́ся, ще тільки шістьсотъ до́брихъ молодцівъ на підмо́гу Пушка́реві въ Полта́ву прийшло́, а тамъ уже́ ханъ у Криму́ посла́мъ Виго́вського обітни́цю чи́нить, що на ёго́ призи́въ зо всіма́ крила́тими о́рдами на Вкраіні става́тиме. Се жъ уже́ дру́гі посли́ му́сивъ Виго́вський до ха́на ви́правити, бо пе́рвихъ Запоро́зці переняли́, у Дніпрі́ потопи́ли, листи́ Виго́вського зла́пали и до царя́ посла́ли, та ще й приписа́въ кошо́вий ота́манъ Барабаше́нко, що ти, ца́рю, не здолієшъ на Вкраіні городове́ коза́цтво підъ свое́ю руко́ю вде́ржати, а зроби́ ти гетьма́нщину за Поро́гами та мене́ вчини́ гетьма́номъ, а городи́ всі у поспільство поверта́й. Така́-то була́ за́здрість у Низовцівъ на старшину́ городову́ и на роскішне городове́ коза́цтво; такъ-то вони́ зви́кли городи́нцямъ я́му копа́ти, и коли́ не царе́ві на старшину́ наговорювати, то військо́ву й сільску́ чернь бунтува́ти. Убезпе́чивши себе́ съ Кри́му, Виго́вський ще усило́вуетця безъ кріва́вихъ бучъ на Вкраіні загетьма́нити. Вбача́ючи військо́воі че́рні до се́бе незичли́вость, а прихи́льность до Пушкаря́, вінъ че́сти ёго́ й сла́ви не упосліжда́е, листи́ ёму́ лагі́дні й ласка́ві пи́ше, ви́ступокъ ёго́ пе́рший проща́ючи и до прия́зні й зго́ди ёго́ икъ собі нахиля́ючи, що незго́да и неприя́знь спільнёму добру́ Вкраінському зашко́дять, а ворога́мъ си́ли надъ козака́ми приба́влять. А Пушка́рь, я́ко просто́та, на ті листи́ гірки́мъ сло́вомъ Виго́вському дорека́е, Ляхо́мъ Виго́вського, зъ ви́ду и зъ ділъ ёго́, ла́е. Тоді Виго́вський, не дойма́ючи віри козака́мъ Украінськимъ, ви́правивъ до Полта́ви полкъ Се́рбськоі компа́ніі свое́і грошово́і, щобъ Пушкаря́ взя́ти и до ёго припрова́дити. Та́я жъ Се́рбська компа́нія, не дійшо́вши до Полта́ви, підъ Дика́нькою коло Бу́дищъ, противъ Жу́кового Байра́ку, обідати въ по́лі заходи́лась, а тутъ козаки́ Пушкаре́нкови зъ Січови́ми бра́тчиками на іі наліта́ють, січу́ть, руба́ють, якъ поло́ву розмета́ють. То пе́рше пра́вий Дніпрови́й бе́регъ Чигири́нський найбільшъ огне́мъ вое́ннимъ пала́въ и кро́въю облива́вся, а се вже почина́етця зва́да на лівому бе́резі, на на́шій

Полта́вській Украíні, та не зъ Ляха́ми, не зъ жовнірами, не зъ отчи́зними ворога́ми, а мíжъ сами́ми вже козака́ми, міща́нами й селя́нами. Іще́ жъ по Вкраíні бíлíли скрізь костяки́ Ля́дські, Тата́рські, коза́цькі; іще́ о́чі въ матіро́къ по сина́хъ, у женъ по мужа́хъ одъ слізъ не пообсиха́ли, а вже козаки́ зновъ почали́ одъ Пушкаря́ й Вигóвського тру́помъ па́дати. Пушка́рь бо, сподіва́ючись на се́бе одъ Вигóвського вели́кої по́мсти, військо́ву чернь зъ Украíни до се́бе скликáе, волоцю́гъ, дейне́къ, ви́нникíвъ, брова́рникíвъ, пастухíвъ и наймитíвъ людськи́хъ на козакíвъ зна́чнихъ заохо́чуе и, назва́вши іхъ усíхъ дейне́ками, величе́нний по́лкъ зъ нихъ утворя́е. Зъ рога́тинами, ко́сами й кия́ми хи́жа голо́та кругъ Пушкаря́ у Полта́ві сто́впилась, а бага́то й по и́нших города́хъ за Пушкаря́ обізва́лося и въ со́тні ку́пились. Хочъ же й ма́ло мíжъ ти́ми дейне́ками було́ лю́ду ору́жного (найбíлшъ съ коля́ками та ко́сами збіга́лись), та запе́климъ и мсти́вимъ се́рцемъ вони́ лейстро́вому коза́цтву, а найбíльшъ старшинí, не мало́ї трево́ги завдава́ли.

III.

Отъ же гетьма́нъ Вигóвський собо́ю не во́нтпить. Вíнъ пíхо́ту Нíме́цьку коло свого́ бо́ку ма́е и Орди́ де́сять ти́сячъ ко́ней съ Кри́му викликáе. Перейшо́въ Днíпро́ передъ Вознесе́нням, ру́шивъ на Пушкаря́ до Полта́ви, и полко́вникамъ сёгобо́чнímъ звелíвъ до се́бе съ поту́гами прибува́ти. И полко́вники, всю́ди по города́хъ съ Пушкарíвцями спра́вившись и голо́ту потлуми́вши, до бо́ку свого́ гетьма́на схо́дились. Оце́ жъ уже́ до Соко́лíхъ байра́кíвъ Вигóвський съ полковника́ми своíми прибуває, Орду́ про запа́съ коло байра́кíвъ ки́дае, а да́лí на доли́нí Полу́зоръ два полки́ Нíме́цькоі затяжно́і пíхо́ти Хмельни́цького стано́вить, а самъ зъ обо́зомъ до Полта́ви ру́шивъ и вта́борився мíжъ Жука́ми и Рибця́ми, на горі, пíдъ Полта́вою. Ще жъ Вигóвський хи́тримъ ро́зумомъ роскида́е, коро́тку весняну́ нíчъ у по́лі почу́е, на Пушкаря́ вда́рити намíря́ючись, а съ Полта́ви Пушкарíвці густи́ми ла́вами дви́нули, до та́бору ёго́ на схо́ді со́нця гу́чно припа́ли, військо стрівожили. Тутъ Сíчовíмолодцí ви́хромъ налíта́ли и въ та́боръ повска́кували; а дейне́ки Вигóвцівъ кия́ми съ та́бору ви́перли и за́разъ на горільча́нихъ ку́фахъ гуля́ти засíли,

а козаки́ зъ Запоро́зцями ки́нулись Виго́вського вози́ зъ сала́ми, съ пшона́ми, съ запасно́ю збро́єю й оде́жею жакува́ти. Вони́ жъ тутъ по́раютця и въ та́борі бенкету́ють, а Виго́вський, спра́вившись и вхопи́вши Орду́ та Німе́цьку піхо́ту свою́, несподівано на нихъ уда́ривъ. Тоді дейне́ки, на Німцівъ зъ дуби́нами вели́кою ку́пою ки́нувшись, заразъ Німцівъ зломи́ли, погна́ли и на-вікъ осоро́мили; а Виго́вський тимъ ча́сомъ съ Тата́рами й коза́цтвомъ на безпе́чнихъ Пушкарі́вцівъ до́бре насівъ и до спра́ви прийти́ імъ не дава́въ. Би́лися жъ Пушкарі́вці завзя́то; па́ло тру́помъ коза́цтва не ма́ло зъ обо́хъ бо́ківъ, ажъ тутъ коза́къ до Виго́вського наме́ту приска́кує и вже го́лову Пушкаре́ву на спису́ пока́зує. Тоді Січові бра́тчики вте́комъ зара́зъ ру́шили и до Січи манівце́мъ чимчикува́ли. А Виго́вський Пушкарі́вцівъ докінча́въ, безъ оща́дку руба́въ и на всі сто́рони, якъ ота́ру, роспу́дивъ. Тоді вже до Полта́ви дви́нувъ и зара́зъ ії огне́мъ привіта́въ, коза́цькі й міща́нські двори́ пожакува́въ, и, посто́явши днівъ зо́ два, до Чигрина́ верну́вся, сёгобо́чні полки́ по домівкахъ пороспуска́вши и до но́воі войни́ яко́ісь гото́витись імъ заповідавши. Яка́ жъ се но́ва була́ въ ёго війна́ на ду́мці? Се вже вінъ Пушкаря́ зломи́вши и Запоро́зцямъ но́са вте́рши, заду́мавъ одъ царя́ одірва́тися. Не зна́ли жъ того́ ёго́ у́мислу ще й полко́вники всі, бо потае́мне Виго́вський, черезъ прихи́льнихъ собі люде́й, зъ Ордо́ю змо́вився; а хочъ прися́гу на брате́рство старшина́ генера́льна Орді ви́конала и одъ Орди́ тако́і жъ прися́ги допевни́лася, та вважа́ли, що то́ для впоко́ю Украінського ро́битця. Тільки чернь войсько́ва на Виго́вського ми́ркала, та сотники́ за че́рню ру́ку тягну́ли, ёго́ таемни́ць домисля́лися и поголо́су вже таку́ по Вкраіні пуска́ли, що хо́че Виго́вський Москву́ воюва́ти.

IV.

Спра́вді притя́гъ Виго́вський въ-осени́ 1658 ро́ку зъ вели́кими поту́гами на сей бікъ Дніпра́, щобъ и впорядкува́ти ёго́, и супроти́внихъ собі люде́й до оста́нку ви́тлумити. Ніхто́ не зва́живсь противъ ёго зве́рхности озва́тися, а кото́рі вте́комъ пішли́ за грани́цю у Моско́вські городи́, и за ти́ми Виго́вський війскомъ своімъ ганя́въ, а по́слі въ Га́дячі осівся и ра́ду вели́ку зъ стар-

шпиною радивъ. Вбачала єго старшина, що чернь військова й сільска важкимъ духомъ на козаківъ значнихъ и людей заможнихъ дише, — ти, що козаки зъ войни перівно покористувались, а сі, що въ реєстръ іхъ не повписувано, — отъ и вигукували по шинкахъ незвичайні на козаківъ значнихъ рѣчі и завидливимъ окомъ на займанщини людей заможнихъ поглядували. Отожъ и дейнеки ті съ такихъ людей сердитихъ, то зъ опіякъ и гольтяпакъ завзятихъ позбірались, що насилу статечні козаки іхъ розгромили и по всій Украіні роспудили. Хочъ же й ущухнули Пушкарівці, вбачаючи за Виговськимъ потуги великі, а про-те Виговці думали й гадали, якъ себе на-далышъ забезпечити. Отъ и падумались, щобъ уже зъ Украіни вчинити особну річъ посполиту зъ своею шляхтою, маршалками и всякими дигнитарями, на-взіръ Литовського князтва, и до рѣчи посполитої Польскої повими пактами примкнутися. Мабуть, ся думка давно вже въ голові въ Виговського кублилась, та не знавъ вінъ, до чого ще дійдетця; тимъ за живота Хмельницького передъ царськими боярами лисицею звивався и самъ на боярство й вотчини Московські въ царя квапився, и колибъ на Вкраіні ему не повелося, то до царя бъ зъ родичами й приятелями на даровий хлібъ одъіхавъ. Якъ же побачивъ, що старшина козацька шляхецьку пацію на Вкраіні завести рада и головою своею єго до того діла вважае, вінъ тоді царя тільки лудою лудивъ, щобъ панове Ляхи ласку царську збоку вбачали, бо кажуть: *гарна дівка засватана*, такъ уже щобъ, які вінъ схоче, права ему поступили. Такъ же й сталось теперъ, бо король, запобігаючи, щобъ царь Московський на всі вольности козацькі не згодився, прислався у Гадячъ до Виговського покірливі послы, а съ тими вже послами старшина козацька такі пункти у Гадячі написала: щобъ унії міжъ двома вірами посередині не було, а нехай якої хто хоче віри держитця, чи Римської, чи Грецької; щобъ митрополитъ Київський зъ чотирьма владиками своіми мавъ місце въ сенаті Польскому; щобъ гетьманъ мавъ найвищу зверхність у військовихъ и въ земськихъ речахъ по Вкраіні, и щобъ уже самъ бувъ воівода Київськимъ; щобъ війська козацького було шісдесятъ тисячъ; щобъ мала Украіна свої трибунали, академіі, науки, архіви и друкарні, а панамъ коронимъ у всі ті справи не втручатися; щобъ усі податки йшли въ скарбъ Украінський, а не

въ коро́нний; щобъ сто осо́бъ зъ гетьма́нського реймéнту коро́ль за́разъ нобилітува́въ на шляхе́цтво, а по́тімъ щобъ на всякому се́ймі стільки жъ, кого́ гетьма́нъ ви́бере, до шляхе́цтва прийма́въ; щобъ королівське військо, яке́ въ потреби́зні на Вкраїну при́йде, було́ підъ гетьма́нською зве́рхностю; щобъ на запла́ту коза́цькому війську кова́ти на Вкраїні коза́цьку моне́ту; щобъ воюва́ти Москву́ вку́пі съ Поляка́ми було́ до вподо́би козака́мъ оста́влено, а якъ не схо́чуть воюва́ти, то неха́й По́льща сама́ зъ Москво́ю роспра́вляетця; якъ же нападе́ на козаківъ Москва́, то щобъ коро́ль за́разъ імъ давъ підмо́гу.

V.

Впоко́івши сёгобо́чню Украіну и Га́дяцькими та́йними пу́нктами себе́ вбезпе́чивши, верну́всь Вигóвський до Чигирина́ и полки́ свої по домівка́хъ пороспуска́въ, а самъ уже́ съ По́льскими комиса́рами то́ про до́бра церко́вні и свіцькі, котрі підъ часъ війни́ позахо́плювано, розбіра́въ, що́ кому́ й якъ верну́ти, то́ во́льні по-да́внёму торги́ Дніпро́мъ и Чо́рнимъ мо́ремъ обраховувавъ, то́ про суди́, акаде́мії, дру́ки зъ людьми́ письме́нними ра́дився. Вінъто небора́къ не́вну надію собі мавъ, що Вкраіною якъ хотя́ тепе́рь пове́рне и но́ву шляхе́цьку на́цію зъ не́і вчи́нить, бо вже й на се́ймі го́рді пани́ коро́нні міжъ собо́ю рахува́ли, що козаки́ не зо́лотомъ и покло́нами, а хоро́бримъ се́рцемъ и ша́блею добули́ собі того́ го́нору и шляхе́цтва, бо й Македо́нці, мовля́въ, були́ спе́ршу завзя́тими розбишáками, и Римля́не съ чабанівъ и бурлáкъ повста́ли. А тимъ ча́сомъ діло Вигóвського безъ наро́днёі вподо́би зро́бленe, по́тай грома́ди и всёго́ Низово́го війська Запоро́зького роспоря́жене, слідо́мъ за Вигóвськимъ рва́лося, ру́шилось и пе́реду ве́сти ёму́ въ отчи́зні на́шій не дава́ло. Га́дяцькі пу́нкти за́разъ дейне́цькі прonóзи пронюхали и Москві обвісти́ли. Стрівóжилась Москва́, и за́разъ дви́нула кня́зя Ромода́новського зъ військомъ — Вигóвського діло на Вкраіні псува́ти. Оглаша́е князь Ромода́нъ на Вкраіні Вигóвського недоля́шкомъ, — унією, держа́вцями, жовні́рами наро́дъ поло́хас. За́разъ и почали́ но́ві дейне́ки до ёго́ бо́ку горну́тись и вку́пі зъ ёго́ Москаля́ми дворі и всякі до́бра зна́чнихъ козаківъ жакува́ти. Перейшóвъ князь Ромода́нъ річку Псёлъ, тя́гнучи одъ Моско́вського Білгорода, вда́-

ривъ на Ми́ргородъ несподівано; всіхъ Миргородя́нъ зрабува́ла его́ орда́ до ни́тки. Одъ Ми́ргорода до Лубе́нь дейне́цька зграя́ съ Москаля́ми Ромода́новими простува́ла. Почу́ли Лубе́нські козаки́, які́ го́сті хо́чуть до нихъ завіта́ти, — за́разъ усе́ своє́ добро́ почали́ на вози́ риштува́ти, худо́бу, ко́ней зъ Засу́лля въ та́боръ зганя́ти и, хто бувъ заможнійший и до Вигове́ського прихи́льний, всі зъ Лубе́нь якъ мо́га повихо́плювались и по ди́кихъ просто́рахъ Украі́нськихъ порозволіка́лися, саме́ убо́жество въ Лубня́хъ поки́нувши. Ку́па жъ коза́цтва грошови́того, що ще зъ Пилявськоі здо́бичи ска́рби въ се́бе ма́ла, ви́мурувала собі підъ сю завірю́ху скарбо́вню въ манасти́рському винограді за Лубня́ми и тамъ своє́ срібло́, зло́то и кошто́вну оде́жу у му́рі замурува́ло. Насу́нувъ Ромода́нъ на Лубні — пу́сто въ Лубня́хъ, нічого жакува́ти. Вінъ місто ви́палившъ до-щенту, тільки одну́ це́ркву Тро́йцю поки́нувъ, а тутъ ёму́ про манасти́рські ска́рби доне́сено, що ченці Лубе́нське добро́ въ се́бе перехо́вують. Ки́нулись туди́ хи́жі дейне́ки зъ Москаля́ми, ввесь манасти́рь розжакува́ли, а замуро́ваний скарбъ у винограді знайшли́, за мали́мъ и саму́ це́ркву вели́ку не обібрано, та вже самъ Ромода́нъ спини́въ и своє́ драніжне військо одъ рабу́нку одверну́въ.

VI.

Тимъ ча́сомъ коза́цькі полковники́: Гуляни́цький Ніженський, Петро́ Дорошенко Прилу́цький, Они́кій Си́личъ Черні́гівський, скупили своє́ військо, люде́й статечнихъ, замо́жнихъ и до Вигове́ського прихи́льнихъ, почали́ рабу́нкамъ Ромода́новимъ запобіга́ти, городи́ й се́ла одъ ёго одбива́ти. А все жъ ували́всь Ромода́нъ у Пиря́тинъ и, сто́ячи въ Пиря́тині, посила́въ свої загони́ по и́ншихъ города́хъ и се́лахъ до́бра люде́й замо́жнихъ пусто́шити. Побили́ бъ само́го Ромода́на коза́цькі полковники́ ху́тко, та знавъ Ромода́нъ, я́къ іхъ посередъ рідного іхъ кра́ю прити́снути: вінъ усю́ чернь, усі зли́дні, уве́сь голо́дний и завзя́тий людъ противъ лю́ду зна́чного и бага́того підня́въ, та ще й слобідськи́хъ козаківъ, що ще за Хмельни́цького зъ Украіни похо́дили и вже ніби на чужу́ зе́млю на не́і поглида́ли, и тихъ вінъ до спільнёі робо́ти заклика́въ, и ті помага́ли жорсто́кимъ и злиде́нним дейне́камъ се́ла и хуторі па́рити и въ-нівець оберта́ти;

а да́лі й самъ, надпали́вши Пиря́тина и по-Татарськи́й обідра́вши, на Гуляни́цького и на и́ншихъ полковниківъ ру́шивъ, та нічо́го ёго́ війську, я́ко пра́ведно коза́цькому, хоро́брому и испра́вному, не вдіявъ. Тимъ ча́сомъ коло ёго бо́ку зібра́лося зъ різнихъ полківъ війско́вої че́рні вкупі зъ дейне́ками ти́сячъ до пяти́, чи й більшъ. Ба́чить Ромода́нъ, що Вигóвці до́бре на своіхъ ми́сляхъ упяли́ся, наду́мавсь хочъ по Дніпро́ Украіну одъ По́льщи одірва́ти и осо́бного гетьма́на надъ сёгобо́чнёю Украіною огласи́ти. Козаки́ й дейне́ки на те згоди́лися, аби́ одъ Вигóвського ви́крутитись и одъ ка́ри за свої розбишацькі похо́ди захова́тися підъ но́ве гетьма́нство. Отъ и настанови́ли зміждо се́бе гетьма́на зна́чного това́рища військового Ива́на Безпа́лого, підъ Ва́рвою, въ Пили́півку 1658 ро́ку. Тимъ ча́сомъ Вигóвський по той бікъ Дніпра́ съ кня́земъ Шереме́томъ завівся, бо Шереме́тъ, приіхавши на воєво́дство въ Ки́ївъ, поча́въ по Моско́вськимъ звича́ямъ речáми керува́ти, ска́рбу міського допи́туватись и одъ се́бе ме́ншихъ воєво́дъ зъ ору́жнимъ лю́домъ по и́ншихъ города́хъ для грошово́го збо́ру розсила́ти. Вигóвський підступи́въ підъ Ки́ївъ и бійку́ немалу́ зъ Шереме́томъ звівъ; а да́лі зъіхались, помири́лись и до царя́ посланцівъ своіхъ посла́ли. Вигóвський посла́въ одъ се́бе Білоцерківського полко́вника Кравче́нка, що вінъ не про́тивъ царської зве́рхности воює, а тільки своєво́лю гультя́йську по Вкраіні ускромля́є и на тихъ військомъ бъе, хто ту́ю своєво́лю підде́ржуе. »Не на те ми«, ка́же, »царе́ві присяга́ли, щобъ у своіхъ мужиківъ підъ невóлею бу́ти и щобъ насъ на́ші мужики́ за шия́ку води́ли: ми ду́мали, що намъ во́ля більша одъ да́внёї бу́де, а тепе́ръ« ка́же, »воєво́ди Моско́вські, підде́ржуючи своєво́лю, по Вкраіні вели́кі бу́чі счиня́ють.«

VII.

Тамъ же въ Москві Кравче́нко царський гнівъ митигу́е, щобъ не посла́въ царь більшихъ поту́гъ на Вкраіну, а тутъ Вигóвський, одно́ ма́ючи въ ми́сляхъ, посила́е своє́му прия́телеві Гуляни́цькому въ по́мічъ наказно́го свого́ гетьма́на Скоробага́тенка зъ задніпря́нськими трёма́ полка́ми, а зъ нимъ Полька́ Гру́шу зъ грошови́ми По́льскими корогва́ми, та ще й Орди́ ти́сячей скільки.

Самъ же за Дніпро́мъ своє́ ді́ло ро́бить и ще бі́льшихъ поту́гъ съ Кри́му наджида́е. Ки́пувсь князь Ромода́нъ до го́рода Ло́хвиці втіка́ти, а Виговща́не зъ Ордо́ю ёго гна́ти, руба́ти, у поло́нь ору́жний людъ ёго́ бра́ти. Не вде́ржавсь би и въ Ло́хвиці, та зайшла́ чу́тка, що зъ Моско́вської землі ёму́ на пі́дмо́гу ще три воєво́ди зъ ра́тями ви́слано, а тутъ и Запоро́зці, не лю́блячи Вигóвського, ці́лимъ полко́мъ помага́ти дейне́камъ причвала́ли, а тутъ ще де́-які недо́битки Полта́вці, Пушкаре́ви прия́телі. зна́чні козаки́, завихри́лись и скрізь по Вкраїні про́сте коза́цтво на Вигóвського піднима́ли. Добува́въ Вигóвський Ло́хвиці до́вго, тісно сидівъ Ромода́нъ у голо́дному го́роді. Би́лись Виговща́не й підъ Ромно́мъ, де зімува́въ Безпа́лий, добува́ли й Зінько́ва, де Запоро́зці зъ голо́тою засіли, та вся та війна́ на сами́хъ се́лахъ та города́хъ Украінськихъ окоши́лася: пе́рше бо іхъ Москалі зъ дейне́ками пусто́шили, а по́слі Тата́ре та Вигóвського жолні́ре рабува́ли и на Виговща́нъ въ убо́гихъ лю́дяхъ се́рце роздра́жнювали. »Се все старши́на ли́хо ко́іть и но́ву войну́ підійма́е«, козаки́-чернь вку́пі зъ селя́нами й міща́нами, набра́вшись бі́ди, гука́ли. »Коли́бъ іхъ царські ра́тні лю́де де-не́будь засту́кали, то ми бъ іхъ сами́ перевяза́ли и царе́ві въ ру́ки ви́дали!« Оце́ жъ и въ полка́хъ Вигóвського сторони́ козаки́ по своїхъ дво́рахъ одъ військо́вої слу́жби туля́лись, а старши́на невóлею козакі́въ у полки́ виганя́ли, а хто, мо́вляв, буде измінникъ и въ полки́ не піде, у тихъ жіно́къ и діте́й позабіра́ють и Орді попро́дають. Оце́ же сёго-бо́чня Полта́вська Вкраіна на дві сто́рони роспада́лась: одна́ сторона́ — козаки́ вбогі, зъ недо́битками зна́чними Пушкарівцями то зъ бра́тчиками Запоро́зцями до Москви́ нахили́лась, а дру́га, багатирі, на шля́хту закандзю́бившись, до По́льщи, на но́вихъ тає́мнихъ па́ктахъ, верну́тися наду́малась. Отъ же даре́мне Вигóвський, після́ воє́нного ро́зруху, поста́вити на но́ги старосві́тську Украіну силкува́вся, даре́мне ду́мавъ козаківъ про́стихъ ша́блею до зго́ди зъ Ляха́ми и недоля́шками нахили́ти и всю Вкраіну на взіръ Коро́нної и Литóвської ре́чи посполи́тої впорядкува́ти. Про́сті бо лю́де, селя́не й козаки́-чернь, Ляхівъ жаха́лися, не няли́ Ля́дському брате́рству віри, а старши́ни коза́цької не люби́ли; Запоро́зці жъ, ба́чивши ёго́ панібра́тство съ ха́номъ, давно́ вже на ёго ре́мствува́ли: не ходи́вши бо мо́ремъ и по́лемъ на Тата́ръ, імъ нічимъ було́ пропи́туватись, а на самій ри́бі та на полюва́нні військо́вому

лю́дові не всиді́ти; тимъ вони́ й дейне́къ підпира́ли и голо́ту на Вигóвського підійма́ли, щобъ ёго́ сто́рону, люде́й замо́жнихъ, зъ маєтківъ ви́ругувати и іхъ надба́нимъ поживи́тися. Зъ сёго ча́су починáетця до́вга незго́да мiжъ людьми́ вбо́гими и коза́ками зна́чними на Вкраїні, ажъ по́ки вся Вкраіна обнища́ла и вели́кі ска́рби, що на войні козаки́ въ Ляхівъ поздобува́ли, по чужи́хъ скри́нях та кише́няхъ ростекли́ся, а козаки́ зна́чні тільки вже зе́млі собі позахо́плювали, оди́нъ одного́ потісня́ючи и съ тихъ зе́мель почали́ зновъ бáгатіти. На про́весні 1659 ро́ку почáвъ зновъ Вигóвський сёгобо́чню Вкраіну до се́бе едина́ти, и вже напрямоту́ Скоробага́тенка зъ универса́лами своіми розсила́е, щобъ усі становúлись односта́йно противъ Моско́вського вiйська, бо, ка́же, ца́рські комиса́рі ще за Хмельни́цького договори́лись изъ пана́ми Ляха́ми, щобъ царе́ві, якъ умре́ коро́ль, назва́тись королéмъ По́льськимъ, а за те пана́мъ Ляха́мъ оруду́вати якъ хотя́ Украіною. »Тимъ-то«, ка́же, »ми зъ старшино́ю розсуди́ли лу́чче доброхіть прихили́тись до По́льщи на права́хъ во́льного наро́ду, ніжъ ма́тиме насъ оддава́ти Ляха́мъ царь Моско́вський, мовъ своє́ надба́не.«

VIII.

Тимъ ча́сомъ прихи́льні до Вигóвського полковники́: Дорошéнко Прилу́цький ставъ у го́роді Срібному, а Гуляни́цький Ніженський у го́роді Коното́пі, щобъ уже́ більшъ підмо́ги кня́зеві Ромода́ну зъ городівъ Моско́вськихъ не допуска́ти. Спра́ві ру́шила но́ва царська́ ра́ть одъ Пути́вля, а чоло́мъ ій бувъ князь Олексій Трубецькúй. Прочу́вши царь, що Ляхи́ до́бре підъ Вигóвського підмо́щуютця, наказа́въ Трубецько́му, щобъ, не заво́дячи бо́ю зъ Вигóвськимъ, потаємне зъ нимъ зъіхався и нові права́ ёму́ поступи́въ: неха́й бере́ собі, опрічъ гетьма́нства, воєво́дство Ки́евске; ро́дичівъ ёго́ й приятелівъ до́бре вгнобúти, а коли́ упне́тця, то и съ Ки́ева Моско́вську зало́гу зъ воєво́дою ви́вести, тільки вже неха́й Орду́ до Кри́му одсила́е и більше зъ не́ю не бра́таетця. Такъ-то въ Москві здава́лось царській ду́мі ле́гко було́ Вигóвського сто́рону одъ Ляхівъ одмани́ти. А тутъ уже́ нава́жилась старшина́ до ноги́ Москву́ ви́бити. Почу́вши, чимъ воно́ па́хне, князь Трубецькúй, ста́вши на Су́лі въ Костянти́нові, стягну́въ до се́бе Моско́вськихъ воєво́дъ зъ Ло́хвиці, а Безпа́лого зъ

Роме́нъ, и оце́ вже, апре́ля 19-го, до Коното́па підступа́е. Самъ же Трубецькій зъ Ромода́номъ Гуляни́цького въ Коното́пі обля-га́ють, а на Дорошенка підъ Срібне кня́зя Пожа́рського виправля́ють. Пожа́рський Дорошенка зъ Срібного ви́ругувавъ, и Срібне, за прихи́льность до Вигове́ського, ви́різавъ и спліндрува́въ до-ще́нту; а Трубе́цькій зъ Ромода́номъ одъ проводно́і неді́лі ажъ до Петра́ держа́въ Гуляни́цького въ обложе́нню, нічо́го ёму́ въ Коното́пі не вдіявши. Було́ въ Гуляни́цького тільки півъ-третя́ ти́сячи війська, та все то були́ буваль ці, що й підъ Берестечкомъ Пляшову́ вміли загати́ти, и на Дрижино́лі здоліли одъ Ляхівъ и Тата́ръ изза мерзлого тру́пу одбива́тись. Ані щоде́нні при-ступи, ані підко́пи, ані бо́мби й грана́ти козаківъ не ляка́ли. Козаки́ до́бре зъ самопа́лівъ стріля́ли, руко́пашъ га́рно Трубеща́нъ, Ромода́нцівъ и Безна́льцівъ сікли й руба́ли, зъ гарма́тъ гарма́ти підбива́ли и кругъ свого́ ва́лу бага́то війська Моско́вського тру́-помъ положи́ли. Якъ же взяли́ся Москалі валъ передъ собо́ю гна́ти, щобъ кругомъ Коното́па глибо́кий рівъ земле́ю заси́пати, тоді обложе́нці ви́лазками іхъ до́бре одбива́ли, ту зе́млю въ Коно-то́пъ носи́ли и собі валъ прибільшували. Воюють Москалі тутъ безпе́чне, Гуляни́цького добува́ючи, а на нихъ Вигове́ський съ по-ту́гами По́льскими й Тата́рськими зненацька наступа́е. Надбли-зивши́сь Вигове́ський до Коното́пу, не всіма́ поту́гами ра́зомъ на кня́зя Трубецького и козаківъ Безпа́лого вда́ривъ: вінъ ха́на Кри́мського про запа́съ за річкою Соснівкою у за́хисті поста́вивъ, а самъ на безпе́чнихъ Москалівъ и дейпе́къ ри́нувся и за́разъ ко́ні въ нихъ одігна́въ, а по́тімъ сами́хъ розгроми́въ, роспу́дивъ и тру́помъ Моско́вськимъ и дейпе́цькимъ по́ле одъ села́ Соснівки до Коното́па вславъ; тільки те́мна нічъ Москалівъ и Безпа́ловцівъ одъ Виговща́нъ закри́ла. Въ-ночі Москалі попра́вились, у одинъ та́боръ изійшли́ся, ва́ломъ обси́пались, гарма́тами обриштува́лись. Все вони́ ду́мали, що въ Вигове́ського невели́ка задніпря́нська си́ла и на сто ти́сячъ свого́ війська вповали́. Ране́нько 28 ю́ля вони́ кня́зя Пожа́рського зъ зна́тними поту́гами на Вигове́ського ви́правили. Ви́хромъ налетівъ на Виговща́нъ Пожа́рський, и за́разъ Виговща́не наза́дъ подали́ся. Вже й за річку Соснівку Пожа́рський іхъ переганя́е, вже й язика́ доста́е князь Пожа́рський. »Не вганя́йся, кня́же, за Вигове́ськимъ«, ёму́ ка́жуть: »у Вигове́ського Тата́ре стоя́ть у заса́дці!« — »Дава́й сюди́ Тата́ръ!« кри́кне

Пожáрський: »всіхъ іхъ сякúхъ-такúхъ синівъ вúрубаємо й вúполонимо!« та й по-Москóвській ще загнýвъ. Ажъ тутъ, якъ вúхоръ, налетíли на ёгó Татáре й козакú-Чигирúнці зъ засáдки. За малý годúну вже пóле трýпомъ укрúте, и рíчка Соснівка Москóвськими головáми загáчена. Самóго Пожáрського живцéмъ ухопúли и передъ хáна привелú. Вінъ и тутъ лáетця и въ вíчі хáнові плюé. Махнýвъ рукóю ханъ — покотúлась Пожáрського головá вихровáта. Тоді всі Виговщáне и Ордúнці зъ весéлимъ дýхомъ наступúли на Ромодáна и Безпáлого. Не дéсять же, та й не двáдцять тúсячъ Москóвського вíйська лягló тоді пíдъ Конотóпомъ. Тя́гнучи воевóди втéкомъ за Москóвську грянúцю до Путúвля, разъ-пó-разъ въ пóлі отáборювались и вáломъ обсипáлись, ажъ пóки вúругувавши іхъ зъ Украíни, перестáвъ Вигóвський гнáти. Тоді вже тíльки Татарвá осúнимъ рóемъ навкругú того вíйська Москóвського увивáлась и, догнáвши ёгó до Путúвля, дóвго ще по Москóвськихъ сéлахъ грасувáла и людéй у невóлю хапáла.

IX.

Отъ же дарéмне пролилáсь и Москóвська кровъ на Вкраíні. Нáше козáцтво самó по собí важкúмъ ярмóмъ на шúї въ міщáнъ и въ поспíльства лежáло. По городáхъ на Вкраíні козакú охóчі, гайдамáки, затя́зці, колíї, лéвенці, дейнéки, чи якъ тамъ воні ще звáлись, на козаківъ реестрóвихъ важкúмъ дýхомъ дúхали, а въ поля́хъ на Запорóжжі Низовé вíйсько тíльки себé прáведними козакáми и лицаря́ми вважáло, самó себé »кóренемъ и твердúнею чéсти и вікопóмної слáви всёгó товарúства воéнного Украíнського« величáло, и мúслі почалó вже на те хилúти, щобъ царь Москóвський усі козáцькі сéла на Вкраíні повернýвъ у мужúцтво, а тíльки на Запорóжжі козáцьке гетмáнство собí вчинúвъ. Тимъ воно́ зъ сáмого почáтку посланцівъ Вигóвського до хáна Крúмського, перенявши на Днíпрі, потопúло, а листú ёгó до царя́ одісла́ло; тимъ воно́ зáразъ пíдмогу Пушкарéві й дейнéкамъ вúслало; тимъ воно́ й надáльшъ прóтивъ городовóго лейстрóвого козáцтва, нáче прóтивъ якóї шляхти невíрної, крівáві бýчі замишля́ло. Справдí бо въ городовé козáцтво багáто народу шляхéцького повпúсувалось и въ полковникú, въ сотникú, въ хорýнжі й осаýли повп-

ска́кувало. Вони́, сі пано́ве, під'ъ вели́ку завірю́ху за Хмельни́цького, свого́ дідизного шляхе́тства зрека́лися и всі коза́цькі звича́і собі перейма́ли и коза́цькимъ ро́бомъ ходи́ли, грома́дської ла́ски й нова́ги запобіга́ючи; якъ же вщу́хла та бу́ря, що ввесь стари́й поря́докъ догори́ перевернула́, вони́ пома́лу-ма́лу зновъ почали́ Украіну на стари́й ладъ навертати и побилита́ції черезъ Виго́вського въ короля́ випро́шувати, щобъ завести́ зновъ шляхе́цьку на́цію на Вкраіні, а сами́мъ ро́цииою тій новій на́ції вчини́тися. Роби́лось діло те сти́ха и до Га́дяцькихъ пу́нктівъ сами́хъ не вся старшина́ допуска́лась. Ду́малось-то такъ, щобъ пе́рше зъ Ордо́ю та зъ жовнірами Пушкарівцівъ ви́бити та заляка́ти, Низовцівъ зъ Поро́ги попрогаия́ти, Ромода́новцівъ за гряни́цю ви́ругувати, та тоді вже но́ві па́кта, нові права́, нові гоно́ри на Вкраіні огласи́ти и бага́тихъ, розумнійшихъ, статечнихъ люде́й вдовольни́ти. Та не під'ъ си́лу було́ Виго́вському зде́ржати Украіну од'ъ оста́тнёго ро́зруху. Він'ъ-то вповáвъ, що лівобере́жня Украіна вже на́дто осла́бла, бо Пушкарівці, Виговща́не зъ Ордо́ю й Ромода́нівці зъ слобожа́нами, одни за дру́гими, мовъ серпо́мъ її ви́жали: вже бо найбільші полки́, що на поча́тку Хмельни́щини по три́дцять и по со́рокъ ти́сячъ коза́цтва въ собі ма́ли, всі перегинули, — Полта́вський, Миргоро́дський, Прилу́цький, Прклівський, а городи́ й се́ла кропивою позаросталн и навкруги́ людськи́ми костяка́ми біліли. Кото́рі козаки́ тру́помъ па́ли, а кото́рихъ зъ жінка́ми й дітьми до Кри́му одве́дено, та и всі сусідні зе́млі, під'ъ ту руїну вели́ку, въ Но́льщі й на Вкраіні, но́вні були́ полону́ обо́хъ наро́дівъ, а що́ зоста́лося лю́ду після́ Коното́пського по́грому, въ тихъ городáхъ, що за Безпа́лого стояли, то й тихъ звелівъ Виго́вський за Дніпро зганя́ти, а городи́ попали́ти, а де́котрі се́ла Тата́ре росхапа́ли й спліндрува́ли. Зни́кло або́ спустіло въ Виго́вщину бага́то лю́дныхъ містъ: Зінькі́въ, Га́дячъ, Роме́нъ, Ми́ргородъ, Ло́хвиця (кото́ру Москалі зни́щили, а Тата́ре доіли), Ве́прикъ, Ра́шевка, Лю́тенка, Соро́чинці, Ковалівка, Баранівка, Обухівъ, Бага́чка, Устива́ця, Яре́ска, Шишáкъ, Бу́рка и и́нші, — все те пу́стками и пожари́щами до́вго стояло. Підупа́вши самъ того́ жъ ро́ку, Виго́вський всёго́ тільки ти́сячъ изъ со́рокъ супроти́въ се́бе королéві По́льскому налічувавъ. Тимъ він'ъ, нанявши своімъ ко́штомъ чоти́рі ти́сячі затя́зцівъ зъ Се́рбівъ, Німцівъ, Ляхівъ и зо всякого лю́ду, та вта́боривши Тата́рську зало́гу

підъ Чо́рнимъ га́емъ, поблизу́ Чигри́на, та визива́ючи одъ короля́ жовнірську но́мічъ, ду́мавъ силоміць на Вкраі́ні панува́ти и тільки люде́й зна́чнихъ до се́бе побилита́ціею и хлібними ура́дами прихили́ти. Оце́ жъ вінъ роспусти́въ прихи́льні собі полки́ по сей бікъ Дніпра́, а самъ, верну́вшись у Чигири́нъ, Га́дяцькі пу́нкти висила́е до короля́ на скрі́пу съ посла́ми своїми: Немири́чемъ, Верещако́ю, Сули́мою, людьми уче́ними и вельмо́жними, а бра́та Дани́ла підъ Ки́ївъ, съ пятьма́ полка́ми тогобо́чніми и съ Тата́рами, шле, щобъ съ Ки́іва Моско́вську залогу зъ кня́земъ Шереме́томъ вы́ругувати, и такъ уже́ всю Украіну очи́стити.

П. Кулішъ.

Святи́ня.

Мо́вчки стру́ни на банду́рі
Я перебира́ю.
Заспіва́въ би я до те́бе —
Го́лосъ замира́е.

Не почу́ешъ мого́ сло́ва
Се́рцемъ молоде́нькимъ, —
Квітчаною голово́ю
Схи́литься до не́ньки.

»Пести́ ме́не, моя́ не́не,
Якъ малу́ дити́ну.
Я твое́го, не́не, ло́ня
До-віку не ки́ну.«

—»Ой поки́нешъ, моя́ доню,
Да́лебі поки́нешъ,
У чужи́й кра́й, въ чужі лю́де
Пта́шкою поли́нешъ.

При́йде, при́йде, моя́ до́ню,
Така́я годи́на,
Що ріднійша не́ньки бу́де
Лю́бая дружи́на.«

И я чу́ю ти́хі ре́чі,
Голоснійше гра́ю
Я душе́ю молоду́ю
Красу́ обійма́ю.

Ой банду́ро, рідна се́стро,
Золоти́і стру́ни! (¹)
Вложи́ въ не́і мое́ се́рце,
Висо́кні ду́ми.

Неха́й ій въ ві сні присни́тця,
Що́ я чу́ю й зна́ю,
Про що́ се́рцемъ одино́кимъ
Го́спода блага́ю.

Неха́й ій въ ві сні присни́тця
Ма́ти Украіна,
На́ше го́ре, на́ша ра́дість,
Надія еди́на.

Святе́ сло́во — *рідна ма́ти;*
Есть іще́ святи́ня,
Ви́ща, Бо́гові милійша —
Рідная Вкраіна.

Зрозумій, мое́ коха́ння,
Чи́стою душе́ю,
Що́ люблю́ я, чимъ живу́ я, —
Бу́дешъ ти мое́ю.

П. Кулішъ.

(¹) Изъ запорозькоі пісні:

Стру́ни моі, стру́ни золоти́і
Зайгра́йте міні́ сти́ха...

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

СКАРБЪ.

Бувъ собі чоловікъ та жінка. Були вони люде заможненькі; усёго въ іхъ доволі: и поля, и скотинки и худоби, и хата простора зъ садочкомъ и левадою. Послявъ імъ Господь на втіху одного тільки синка, — Павлусемъ звали. Та вже жъ и шанували и пестували вони того одинчика! не такъ батько, якъ мати. И що то вже за мати була! міжъ матірками, на вдивовижу мати! Вже Павлусь бувъ чималий пахолокъ, а вона ще возилася зъ нимъ, якъ зъ маленькою дитинкою. Було власними руками годуе его, а винъ, теленень, тільки глита та, якъ той пуцвиринокъ, зновъ ротъ роззявлюе. Усю зиму и осінь съ хати не випустить: »Не ходи, синку, каже: холодно, змерзнешъ, та ще, крий Боже, занедужаешъ, то и й умру, не дождусь, поки ти й одужаешъ.« Прийде весна або літо,—зновъ не пуска. »Не ходи, синку: душно, сонце напече головку, голова болітиме.« Цілісенький рікъ не дасть ёму порога переступить, хиба у неділю поведе до церкви, та за нимъ и не молитця, такъ обома руками за его й держитця, щобъ хто, не то що штовхнувъ, а й не доторкнувся бъ. Де-коли, якъ обридне ёму стояти, то такий галасъ підійме на всю церкву, бунімъ зъ его чортяка лика дере. »Ходімъ, мамо, до-дому, хліба: исти хочу!« То мати и веде его до дому, не діждавшись кінця служби и благословенія. А якъ кладе его спати, то сама и стеле, и роздягае, и хрестить, и ще й котка співае, неначе надъ годовичкомъ. Часомъ, батько, дивлячись на се юродство, стане грімати на жінку и похваляться, що винъ Павлуся віддасть у школу до дяка ажъ у друге село, такъ куди!.. и не кажи... Така зъ неі добра и покірна жінка, а якъ дійде діло до еі Павлуся, то якъ скажена ста-

не: и о́чі ви́тріщить, и запи́нитця, и за ніжъ хапа́ється; крий Бо́же, що́ виробля́е!... Кажу́ жъ вамъ, що й міжъ матеря́ми навдивовижу була́ ма́ти.

Дорісъ Павлу́сь до па́рубка. Такъ ёго́ ви́гнало та роспе́рло, таки́й ставъ гладки́й та опе́цькуватий! Ни́ка широ́ка та оду́тлу́вата, якъ у того́ салогу́ба, а ру́ки бі́лі, та ніжні, якъ у па́нночки. Та одъ чо́го бъ імъ и пошо́рхнуть? зъ-ро́ду, не то́ щобъ ці́пъ або́ ко́су у рука́хъ подержавъ, не взя́вся й за лопа́ту, щобъ одгребти снігъ одъ поро́га, або́ за ві́никъ, щобъ ви́мести ха́ту. Було́ старий и ста́не дока́зувать жінці:

— На яку́ ра́дість ми ёго́ ви́годували? Яки́й зъ ёго хазя́инъ бу́де? Що́ зъ нимъ ста́нетця, якъ ми помремо́?... Оста́нетця він на світі, мовъ сліпи́й безъ поводатеря!

— Э, чоловічé! одка́же жінка:—якъ Богъ милосе́рдний пошле́ ёму́ ща́стя, то безъ насъ жи́тиме ще лу́чче, якъ тепе́річка!

Уже́ Павлусе́ві мину́въ и двадця́тий, вже бъ він и на вечірни́ці пішо́въ, такъ ма́ти не пуска́.

— Не ходи́ туди́, сы́ну, ка́же:—на вечірни́цяхъ збіра́ютця самі пъяни́ці та розбишаки́; тамъ тебе́ обідять, віку тобі зба́влять. Почека́й тро́шки, я сама́ знайду́ тобі дівчи́ну, саму́ найкра́щу на всёму́ світі, саму́ роботя́щу; вона́ бу́де тебе́ и годува́ть, и зодяга́ть, и доглядать, якъ рідна ма́ти.

Такъ не привівъ же ій Богъ и ожени́ти сы́на. Разъ у ночі розвередува́вся Павлу́сь, якъ на живітъ кричи́ть: »Ме́ду та й ме́ду!« У стари́хъ па ту по́ру не було́ ме́ду. Що́ тутъ на світі роби́ти?.. Уста́ла ма́ти, наки́нула на се́бе свити́ну, не схотіла буди́ть на́ймичку, и сама́ мотну́лась по селу́ шука́ти того́ ме́ду. А на той часъ така́ підня́лась фу́га, що, не то що у ночі, а въ день не поба́чила бъ світу Бо́жого. Бігала серде́шна, бігала одъ ха́ти до ха́ти (у кого́ й е, то ка́же нема́: не хо́четця устава́ть), та я́кось уже́ ви́просила у попа́. За оди́нъ сці́льничо́къ обіща́ла бу́зівка подарува́ти. Тро́хи не заме́рзла, та таки́-принесла́, и що́ жъ?.. Повлусе́ві вже не до ме́ду; засну́въ мане́сенький, ні-я́къ ёго́ и не розбу́ркаешъ. Такъ черезъ той-то медъ занеду́жала небо́га, та и вме́рла. За не́ю вслідъ и ба́тько но́ги простя́гъ, и нашъ Павлу́сь и не схамену́вся, якъ зоста́вся кру́глимъ сиротою.

Що́ жъ зъ нимъ ста́лось?.. Пра́ву каза́ла ма́ти: Якъ Богъ милосе́рдний пошле́ ёму́ ща́стя, то безъ ба́тька и безъ ма́тери жи́тиме ще лу́чче, якъ за іхъ. У покійникі́въ,— звісно, якъ у замо́жныхъ хазяінівъ—бувъ на́ймитъ и на́ймичка. На́ймитъ—па́рубокъ ще молоди́й, працёви́тий, не

питýщий, а нáймичка тежъ чéсного роду, остáлась бíдною сиротóю, и покíйниця приняла́ ії до сéбе, якъ рíдну дитúну. За Павлусéмъ и імъ дóбре жилóсь: було́ чимъ-нéбудь ёмý угóдють, то стара́ и дя́кує и грóшей імъ даé, и дóбру одéжу, а чáсомъ за нáймита скотúну у пóле вúжене, а за нáймичку хáту вúмете и водú принесé. Отóжъ якъ умíрала стара́, то благословúла нáймита зъ нáймичкою побрáтись, наділúла íхъ худóбою и ажъ рýки імъ цілувáла та просúла, щобъ вонú не обіжáли ії Павлуся́, доглядáли бъ ёго́ и булú ёмý рíднимъ бáтькомъ и мáтіръю, а вже вонá на тімъ свíті бýде благáти Гóспода, щобъ вінъ милосéрдний, послáвъ імъ уся́кого щáстя и талáну́.

Отóжъ пíсля смéрти стэрúхъ, нáймитъ оженúвся зъ нáймичкою и стáли собі господарювáти. Щáстя, якъ горóхъ зъ мішкá, такъ и сúплетця на нáшого Павлуся́: и урожáй у ёго лýччий, якъ у дрýгихъ, и корівъ немá я́ловихъ. Накупúли волівъ и послáли кілька хуръ у Крúмъ за сíллю, на Дінъ за рúбою, построíли шинóкъ зъ лáвкою, та й годýють скрúню карбóваньцями, якъ свинúю горóхомъ. Кругóмъ у сусíдівъ талíй дáвить скотúну а у Павлуся́, якъ на смíхъ, хочъ бú одúнъ тобі вілъ здохъ.

Разъ нáймитъ пíймавъ у садóчку ройкá, такъ съ того́ одного́ розроíлось колодóкъ съ трúдцять. Нáймичка доглядáла Павлуся́, якъ рíдна мáти: и годýе ёго́, и голову ёмý змúе, и росчéше, и одягáе, и роздягáе, и стéле, такъ ёмý у вічі й дúвитця, дýмку ёго́ відгадáе, бо Павлýсь за ввесь день и пáри зъ рóта не пýстить; хочъ бú чáсомъ чого́ и схотівъ, вже не попрóсить: я́кось ёмý и слóво вáжко вúмовити. Тільки ёмý и робóти, що цілісінький день їсть (а лóпавъ здóрово) та спить. Було́ прокúнетця вранці—зáразъ нáймичка и стáвить передъ ёго́ душéю жáрену кýрку, або́ кáчку, або́ повнісіньку макітру варéниківъ зъ сметáною; їсть неборáкъ, ажъ за ушúма лящúть. Не вспіла нáймичка ёго́ утéрти, а вінъ вже й уклáвся спáти. Поспúть на перúні, лізе на пічъ поспáти ще у прóсі. Пообідае и зновъ купя́; колú зімóю, то зновъ у прóсо, а колú літомъ, то вúйде у садóкъ, ля́же пíдъ грýшею, а чáсомъ, гля́нувши угóру, трóшки й россéрдитця: »Бісові грýші! пробубонúть: які спілі, и надъ самісінькою головóю вися́ть а ні одна́ жъ то не впадé у ротъ.« И що́ бъ то дригонýть ногóю та штовхнýть объ цівку! то и поспúпались би, такъ, кажý жъ, ёмý вáжко и поворухнýтись. Лежúть, лежúть, та й зáсне. Пополýднуе—знóвъ идé у комóру спáти, и спить вже ажъ до зáхідъ сóнця. Розбýдить ёго́ нáймичка вечéряти, нагодýе, здúйме свитúну, чóботи, покладé на перúну, а вінъ тільки вже

самъ заснe. Лучáлось, наймитъ вéрцетця съ пóля и навідаетця до Павлуся́, а тому́ й гóлову вáжко держáти на плéчахъ.

— А чи не смикнýли бъ, пáне Пáвле, лю́льки? спитáє наймитъ.

— Смикнýвъ би, пробелькóче Павлýсь, — такъ лю́льки не знайдý.

— Та ось же вонá біля васъ на лáвці!

— Такъ хто жъ ії набъé?

— Та вонá жъ набúта, я жъ ії вамъ и набúвъ, якъ іхавъ у цáрину. Одже біля васъ и справу положúвъ!

Та вúкреше вогнió, роспáлить лю́льку и устрóмить ёму́ у ротъ, то вінъ и смóкче.

Було́ прúйдуть до Павлуся́ парубки́, та й намовля́ють ёго́, шобъ ийшóвъ зъ ни́ми на вечірни́ці.

— Не підý, пробуноня́ть, та й óчі заплю́щить.

— Чомъ? пита́ють.

— Далéко. Якъ-би вечірни́ці збіра́лись біля моéї хáти, то мóже бъ и пішóвъ.

— Э, пáне Пáвле! кáжуть ёму́ парубки́, якъ-би ти побáчивъ нáшихъ дівчáтъ, то не казáвъ би, що далéко!

— Бáчивъ, довóлі бáчивъ... озиваéтця Павлýсь.

— Де жъ ти іхъ бáчивъ? ти жъ изъ хáти нікóли нóса не витнешъ?

— Такъ колú жъ сня́тця, щобъ вонú показúлись! ажъ обрúдли!.. одкáже Павлýсь, та й перевéрнетця на другúй бікъ.

Засмію́тця парубки́, та й підуть відъ ёго. Разъ, на зелéну неділю, зібрáлось парубóцтво шукáти скáрба. Узялú зъ собóю заступú, логáти и горілочки не забýли, та й пішлú у стенъ. Идýть біля Павлусéвої хáти, отъ одинъ пáрубокъ и кáже.

— Знáєте, що́, хло́пці! Візьмемо зъ собóю на щáстя Павлá Лéжня (такé далú ему́ прізвище), то вже нéвно знáйдемо скарбъ: вінъ такúй щасли́вий, що такóго и на всёму́ світі не знáйдешъ!

Підійшлú парубки́ до вікнá (вікнó було́ одчúнене), дúвлятця, а Павлýсь роспластáвся на перúні и хроне́ на всю хáту.

— Пáне Пáвле, о пáне Пáвле! гукнýли парубки́.—Ходíмъ лишéнь зъ нáми скáрба шукáти!

— Не підý! одрізавъ Павлýсь.

— Ходíмъ бо! прóсять парубки́, ажъ кланяются. Ми тебé такъ съ

перйною на рукáхъ и понесемó; не тебé намъ трéба, а твогó щáстя. Якъ ти зъ нáми бýдешь, то, мóже, Богъ дасть, и знáйдемо скарбъ.

— Эгé!.. якъ Богъ дасть, то й у вікнó вкúне... не піду!

— Дожидáйся жъ, нóки тобí Богъ у вікнó вкúне, а ми пíдемо шукáти.

Зареготались, та й пішлú собí, заспівáвши чумакá.

Ходúли, ходúли по стенý, ажъ до вéчора. Шукáли, роскóпували могúли, до всёго приглядувались и нічогісінько не знайшлú. Роскáзують лю́де, що чáсомъ скáрби и самú вилáзять на верхъ землі, перекúнувшись у якý-нéбудь пáкость: у старóго шолудúвого ділá, абó у мúршавеньке козенá, абó у дóхлу кішку. Комý щáстя, той и нізнá скарбъ. Такъ, кажý жъ, до всёго приглядáлись и нічóго не побáчили. Вже вертáючись, якъ смéркалось, недалéчко отъ селá, дúвлятця — лежúть край дорóги дóхлий хортъ. Мáбуть, давнó издóхъ, гúдко до ёго и блúзько підступúти. Отъ одúнъ пáрубокъ и кáже:

— Слýхайте, хлóпці: візмемо сёго хорта та шпурнéмъ Лéжневі въ хáту; нехáй се бýде той скарбъ, що Богъ ёмý у вікнó вкúне.

Парубкáмъ подóбалась ся вúгадка; отъ вонú підняли того хортá на дрючкъ и понесли. Підíйшóвши тихéнько до Павлусéвої хáти, розмахáли хортá, та й шпурнýли въ вікнó, а вінъ якъ бебéхнетця объ помістъ! такъ и брúзнувъ, и зазвенівъ, и, якъ жаръ, по всій хáті розсúпався дукáтами.

— Трівáй, не рушъ! закричáли парубкú: се нашъ скарбъ, се нáші гróші.

— Брехнá! кáже Павлýсь: — се мій скарбъ: се міні Богъ у вікнó вкúнувъ! А щó? Я жъ вамъ казáвъ — не вірили?

Парубкú не слýхають ёго та тóвпляться въ хáту, а тутъ на той гáласъ де не взялúсь нáймитъ зъ наймичкою, убігли въ хáту, за рогáчъ та замакогінъ, якъ штурхнýть одного, другого, такъ вонú й угамувáлись.

— Будь ласкавъ, кáжуть парубкú, — хочъ що-нéбудь дай за те, що принеслú твомý хазяйну скарбъ!

Нáймитъ кúнувъ імъ кілька дукáтівъ, та й кáже:

— Нáте вамъ за прáцю, а се нáші гróші, бо самú-такú розсудіть: хто бъ іхъ у чужý хáту вкúнувъ, якъ-бú не самъ Богъ того схотівъ!

Та, сéе кáжучи, позбірáвъ нáймитъ гарнéнько дукáти и сховáвъ іхъ у скрúню.

Оттакúй-то бувъ щаслúвий нашъ Павлýсь! Сказано: якъ комý Богъ дасть щáстя, то не трéба ёмý и рідної мáтері, не трéба и скáрба шукá-

ти: самъ ёго́ зна́йде. А дру́гому небора́кові на бездо́ллі, у те жъ са́ме вікно́, у котре́ вки́нувся скарбъ, улізе зло́дій и оста́нню соро́чку ви́тягне; не поро́бить день, то на дру́гий и істи нічого.

Щасли́ва ни́тка до сме́рти не ввірва́лась Павлусе́ві. Найшла́сь и дівчи́на, що, якъ той скарбъ, сама́ до ёго лиця́лась. Посла́въ ёму́ Госпо́дь и діточо́къ, покірнихъ, слухня́нихъ, працёви́тихъ, не таки́хъ, якъ вінъ пудофе́тъ, а у ма́тіръ, бо жінка у ёго була́ невсипу́ща господи́ня. И віку ёму́ таки́-чима́ло протя́гъ Госпо́дь: до білого во́лоса доспа́вся. Спавъ, спавъ, аж по́ки на-віки не засну́въ.

Що́ таке́ на світі ща́стя? спита́въ би я у ду́же письме́нних. Часте́нько чу́ешъ, лю́ди ка́жуть: ото́й щасли́вий; гля́нешъ на того́ щасли́вого, а вінъ тобі пока́зуе на дру́гого, а самъ жа́луетця на свою́ недо́лю. Зову́ть щасли́вими и тихъ, що уве́сь свій вікъ нічо́го не дба́ють, якъ мій Павлу́сь. Богъ імъ усе́ даé, а вони́ ну́дятця світомъ, не зна́ють, що́ у нихъ е и чого́ імъ тре́ба. Зову́ть и скупо́го щасли́вимъ, бо у ёго бага́цько гро́шей, а вінъ небора́къ, уве́сь свій вікъ стереже́ тихъ гро́шей, якъ рябко́ на ланьцюгу́, ніяко́ї користи зъ нихъ не ма́е, и голо́дний и холо́дний, ще гіршъ одъ яко́го-не́будь бідола́хи. Ні, пано́ве, по мо́ему той тільки щасли́вий, хто дру́гому не зави́дуе, а дя́куе Бо́га за те, що вінъ ёму́ посла́въ, — той, кого́ Госпо́дь благослови́въ на до́брі діла́, що роскину́лись вони́ по́ світу, якъ розросла́сь пшени́ця на до́бре ви́ораній ни́ві. Нагоду́е вона́ и па́харя и ёго́ сусідівъ, попаде́ одъ не́ї ски́бка и ста́рцеві въ то́рбу́: Не той тільки щасли́вий, що самъ натріскаетця и ви́спитця, а той, що й дру́гого нагоду́е и заспокоіть, бо у тако́го и душа бу́де не голо́дна.

Оце́жъ такъ загвозди́въ вамъ зписьме́ньска, що́бъ сами́ одгада́ли, чи мій Павлу́сь спра́вді щасли́вий, чи, мо́же, таки́мъ тільки прозва́ли ёго́ зави́сливі лю́де? Гледіть же, щобъ не було́ по прика́зці: хва́лить шинка́рь пъяни́цю, а дочки́ свое́ї за ёго не відда́сть! Зави́дуете ща́стю мого́ Павлуся́, а ніхто́ бъ не схотівъ бу́ти Павлу́семъ.

Олекса Стороженко.

ЖОНА́ТИЙ ЧОРТЪ.

Давно́ вже́ лю́де ка́жуть: що и самъ чортъ не пізна́, яка́ зъ дівчи́ни ви́йде молоди́ця. Дівчи́ною вона́ и сми́рна и покірна; слу́ха ма́тіръ, ба́тька боїтця, ста́ршихъ поважа́; ви́йде на ву́лицю, то й очи́ не зведе́, а коли́ зачепить ії яки́й па́рубокъ, то й ви́лае або́ запла́че. Подивітця жъ яка́ зъ не́ї молоди́ця, що́ вона́ виробля́е зъ бідола́шнимъ чоловікомъ! И мо́рквy скрома́дить, и ки́рпу гне, и одъ завійниць géдзаетця, а де́-коли рогаче́мъ и тьху дасть небора́кові, и цибу́лькою нагоду́е. Изъ паруо́ка́ми вже не та: не насу́плюетця, а зу́би до нихъ ска́лить и бісики пуска́; міжъ людьми́ не сидить мо́вчки, а цокоти́ть, кого́ попа́ло и корени́ть и га́нить, а ча́сомъ и москаля́ підвезе́, та ще й очи́ у рябка́ не позича́,— жива́ на не́бо лізе. Такъ що́ бу́дешъ робити съ тако́ю жінкою?... Шви́дче тіка́й до чо́рта зъ рога́ми, коли́ не хо́чешъ ду́теля ззісти.

Не бре́шуть же й лю́де, ка́жучи, що и самъ чортъ не пізна́, яка́ зъ дівчи́ни ви́йде молоди́ця, бо такъ воно́ и спра́вді ви́йшло. Ожени́вся чортъ, та й добу́въ собі таку́ жінку, якъ ся молоди́ця, що я роска́зувавъ. За́разъ поба́чивъ серде́шний, бо не дурно бувъ чо́ртомъ, що втявъ до гаплика,— не пере́ливки, ба́чите: и місяця зъ не́ю не прожи́въ, ухопи́въ ши́ломъ па́токи, та й давъ одъ не́ї дра́ла не огля́дуючись.

Пле́нтаетця чортя́ка по́ світу и не́кла одцура́вся, бо до́бре зна, що жінка и тамъ ёго́ зна́йде, и відтіля́ зза пе́чи ви́тягне, и вже такъ ёго́ налякала, що и чужи́хъ жіно́къ жаха́етця; де ні вздрить о́чіпокъ або́ пла́хту, то й хова́етця, а о́чі заплю́щуе, якъ жа́йворонокъ, угля́дівши шульніку. Разъ, якъ хова́вся вінъ по закама́ркахъ, нахопи́вся на ёго яки́йсь чоловікъ, тро́хи зъ нігъ не звали́въ.

— Тю, на твого́ ба́тька! скри́кнувъ чортъ.—Відкіль се нечи́ста ма́ти тебе́ пре?

— Втіка́ю одъ жінки, одказа́въ чоловікъ, — неха́й вона́ ска́зитця!

— Одъ жінки? спита́въ чортъ. — Куди́ жъ ти тіка́ешъ? скажи́ й міні, будь ла́скавъ.

— До чо́рта зъ рога́ми! Теперъ и вінъ міні не страшни́й.

— Ну, коли́ такъ, то не ходи́ жъ дале́ко ёго́ шука́ти: я тобі чортъ!

Чоловікъ, почу́вши се, ду́же зляка́вся, хотівъ бувъ уже́ пята́ми ёму́ накива́ти, а чортъ ёго́ зупини́въ, та й ка́же:

— Не жаха́йся, голу́бчику: я й самъ утікъ одъ жінки; дала́сь вона́ й міні у знаки́!

Лю́де ка́жутъ: біда одна́ — люде́й една́. Отъ вони́ и пішли́ собі у-двохъ, якъ до́брі това́риші. Чоловікъ роска́зуе чо́ртові про свою́ жінку, а чортъ про свою. Нічого каза́ти — обі́дві до́брі, годи́лось би обо́хъ на одну́ оси́ку повісити Да́лі чортъ и ка́же чоловікові:

— Ти міні, чоловіче, ні я́кої пора́ди не даси́, а я тобі у вели́кій приго́ді ста́ну.

— У якій же ти міні приго́ді ста́нешъ?

— Отъ у якій: я бу́ду уска́кувать въ утро́бу жінка́мъ, та й бу́ду іхъ мордува́ти; а ти мене́ виганя́й, та й загріба́й гро́ші лопа́тою, огь що!

— До́бре! тільки не вска́куй въ утро́бу мое́і жінки: тамъ така́ га́спедьска утро́ба, що ти й кінця́ кра́ю не зна́йдешъ; тамъ саме́ пе́кло. та, ма́буть, тамъ вже и безъ те́бе сто кіпъ чортівъ сидить, коли́ не бі́льшъ!...

— Этъ, хіба́ опрічъ на́шихъ жіно́къ и люде́й на світі нема́?..

Якъ згоди́лись, такъ и ро́блять: уско́чить чортъ въ утро́бу який-не́будь бідола́шній и зачне́ мордува́ти, а чоловікъ прийде, поворо́жить, пошахру́е и вижене чо́рта. Не пройшло́ й місяця, якъ у чоловіка повнісінький кашту́къ зо́лота и сріба́. Якъ тутъ не роспри́ндитись и не зачва́нитись? Зъ гроши́ма вже ёму́ и жінки не стра́шно: одъ но́вого очіпка. пла́хти, намі́ста зъ дукача́ми хочъ яка притихне, хочъ який не́льку заткне́шъ. Отъ вінъ за́ щось заспо́рився съ чо́ртомъ, пола́явсь, та й наклика́въ на се́бе ли́хо: чортъ розсе́рдився, та й ка́же:

— Э, трива́й же, продівъ сину! не вмівъ мене́ шанува́ти, такъ покошту́ешъ же́ ти въ ме́не жа́ру!

Розійшо́вся чоловікъ съ чо́ртомъ и байдуже́ собі: гуля́е по шинка́хъ, росхо́жуе зъ музи́кою по ярмарка́хъ, а чортя́ка тимъ-ча́сомъ готу́е ёму́ до́бру халазію. Та й не хи́трий же дия́вольскій синъ! забра́вся въ утро́бу якійсь княги́вні, одни́мъ-одній лоцці у ба́тька, та й мордуе небо́гу, такъ-що князь, гля́дючи на її му́ки, ажъ слізми умива́етця, ажъ воло́сся на собі рве. (А се ще дія́лось, коли́ хочете знати, ще за Польщі, якъ Украіною князі ору́дували.) Зо всёго свого кня́зтва зібра́въ князь лікарівъ, знахурівъ,—такъ ні одинъ нічо́го не вдіе, ніхто́ пора́ди не дасть. Ажъ хтось и ка́же кня́зеві, що е такий чоловікъ, що чортівъ изъ утро́би випру́уе. Якъ се почу́въ князь, за́разъ и розисла́въ за нимъ гонцівъ, щобъ хочъ підъ земле́ю ёго знайшли́, щобъ безъ ёго и не верта́лись. Недо́вго й шукали на́шого небора́ка: десь у шинку́ знайшли́

и помча́ли до кня́зя. Якъ поба́чивъ ёго князь, то ажъ кла́няетця та про́сить; а звісно, якъ ті магна́ти чого́ про́сять, то хочъ вінъ и кла́няетця, а за ша́бельку бере́тця: коли́ не зро́бишъ, чого́ бажа́, то й го́лову одче́ше; якъ ка́жуть: и гро́ші дае́, и шку́ру дере́.

— Ви́рятуй, ка́же князь, — мою дити́ну, то я тобі пів-кня́зтва мого́ відда́мъ, а якъ не ви́рятуешъ, то спалю́ тебе на ти́хому вогню́!

— *Пога́но Тетя́но!* поду́мавъ небора́къ:— я́кось прихо́дитця не до чми́ги. За́разъ пізна́въ, що се бісяка нала́годивсь ёму́ оддя́чити: нічого робити: до чо́рта; сюди́-туди́, кру́ть-верть — чого́ не роби́въ, якъ ні па́нькавъ и перепро́шувавъ чортя́ку, — не хо́че га́спедівъ синъ.

— Князь обіця́въ міні пів-кня́зтва, ка́же чоловікъ, — то и тобі одда́мъ ту полови́ну: тільки поки́нь княгівну!

— Этъ, ка́же чортъ:—магна́ти ще́дрі на обіця́нки; вони́ тоді тільки и не збре́шуть, якъ обіця́ють ка́ру. Залле вінъ тобі за шку́ру са́ла!

Не вила́зить дия́вольский синъ изъ княгівні, та й не вила́зить, — ще гіршъ її морду́е. Не радъ уже́ бідола́шний чоловікъ и тимъ гро́шамъ, що зібра́въ; уже́ бъ и до жінки верну́всь. Хотівъ-бувъ утекти́, такъ не мо́жна жъ: приста́вили за нимъ калаву́ръ и такъ ёго́ пильну́ютъ, якъ о́ка.

Пройшо́въ ти́ждень, дру́гий, а княгівні усе́ гіршъ та гіршъ. Отъ князь и розлютува́всь:

— Ти, ка́же,—усіхъ вилічувавъ, а моеі дочки́ не хо́чешъ? Отъ тобі сро́ку одні су́тки. Якъ не ви́женешъ чо́рта, то я съ те́бе зроблю́ ви́шкварки.

Нічого роби́ти бідному чоловікові; взявъ, та й призна́вся кня́зеві, якъ на спо́віді: »Оттакъ и такъ, ка́же: се чортъ міні на па́кость забра́всь у твою́ дочку́, щобъме не́ зъ світа зігна́ти. Ему́ того́ тільки й хо́четця, щобъ ти мене́ жа́ромъ нагодува́въ.« Такъ що́ жъ? не йме віри князь!

— Бре́шешъ, сяки́й-таки́й! Якъ не ви́женешъ, то бу́де, якъ я тобі сказа́въ. Вже для те́бе не переміню́ свого́ сло́ва: я, ка́же, люблю́ пра́вду!

— А щобъ тебе́ съ пра́вдою! поду́мавъ чоловікъ, почу́хавши поти́лицю. Не твоя́ се пра́вда, а чо́ртова!

Мину́ли су́тки, княгівні ще гіршъ ста́ло. Отъ князь и звелівъ небора́ка спали́ти, бо, ба́чите, люби́въ пра́вду. Скрути́ли бідола́шному ру́ки й но́ги и положи́ли на косте́ръ. Якъ припекли́ серде́шного, такъ де въ ёго й ро́зумъ узя́всь! ви́гадавъ, яки́мъ по́битомъ проту́рити чо́рта.

— Ви́жену, репету́е, — ви́жену дия́вольского си́на, тільки розвяжіть... ба́течки, голу́бчики!

Розвяза́ли, він ъ и побігъ у буди́нки, прямо у ту світли́цю, де чортъ мордує княгівну. Якъ убіжи́ть, якъ кри́кне не своімъ го́лосомъ:

— Тіка́й, чо́рте, жінка йде!!

А чортъ навтіка́ча, такъ прожо́гомъ у вікно́, тільки ши́бка забрязча́ла, зъ собо́ю и квати́рку ви́нісъ!

Олекса Стороженко.

ПАСІШНИКЪ.

...Одже ви ка́жете, що не мо́жна па́сікою придба́ти худо́би й гро́шей; ось послу́хайте про одно́го да́внёго па́сішника. Я ёго́ дуже́ до́бре знавъ. Отъ у тихъ пу́щахъ, що тепе́ръ поповечили, повиру́блювали, на доли́нці поміжъ стари́ми гілля́стими дуба́ми живъ той па́сішникъ. А прозива́вся він ъ Чічібаба.

Якъ тепе́ръ дивлю́сь на ёго: старе́зний дідуга́нъ, лі́тъ, ма́буть, девятдеся́тъ, височе́ний, сухоря́вий, бі́лий якъ молоко́, борода́ ёму́ по по́ясъ, апро-то́ при здоро́вьі и си́лі; но́глядъ завсегда́ весели́нький, ходи́въ він ъ по́вагомъ, мовъ усе́ щось ду́ма; неговірки́й бувъ: поди́вится на те́бе, поду́ма, та тоді вже промо́вить свою́ річъ, мовъ съ кни́жки. А якъ що́ смутне́ прийде на ду́мку, то за́разъ навко́лішки, помоли́вся — ніби й заспоко́івся. Де́-коли,. то й таке́ бува́ло, що сяде на моріжку́, обіпре́тця на пеньёкъ, та й заду́маетця; сиди́ть перухо́мо мовъ нежи́вий; дарма́, що й со́нце пече́, або́ дощъ обі́лле.

Першъ мавъ він ъ ху́тіръ коло́ лісу, а якъ поховавъ жінку та трёхъ синівъ, то й забра́вся у саму́ пу́щу, ху́тіръ віддавъ невістка́мъ та уну́камъ, а самъ завівъ па́сіку. Що́ жъ то за па́сіка була́! не надиву́есся на не́і: ни́івъ було́ пять-со́тъ, а мо́же й більшъ; ву́лики стоя́ли рядо́чками, чисте́нькі, гладе́нькі, покри́ті поливя́ними миска́ми; скрізь повико́шувано, попідчи́щувано. Посере́дині стоя́въ у га́рнімъ кивоті о́бразъ свято́го Зо́сима, тутъ же и свяче́на вода́; а зза́ду хати́на невели́чка, чепурне́нька.

Живъ той дідъ самъ-собі, не боя́вся ні звіря, ні зло́дія; ніщо́ у ёго не було́ під замко́мъ. Оце́ якъ тре́ба було́ ёму́ куди́-не́будь пі́ти, то о́зьме, та й ки́не постіль свою́ під ду́бомъ; отто́ ду́мка така́: поба́чять, що постіль не при́брана, поду́мають, що дідъ де-не́будь близе́нько ве́штаетця по па́сіці. Уну́ки рідко ходи́ли до діда, бо не люби́въ іхъ за те,

що скільки вінъ ні дава́въ імъ гро́шей — протри́нькають, хазя́йствечко звели́ ні на́ що. Вся іжа въ діда була́ *сіра ка́ша:* такъ звавъ вінъ кулішъ *пшоня́ний.* Натовкма́че було́ туди́ сухарівъ жи́тніхъ, попоість трішки, закри́е казано́къ, та й повісить на гілля́ці, щобъ було́ й на дру́гий день. А якъ хто при́йде до ёго, то вінъ поста́новить на деревя́ній талірці спільникі́въ га́рнихъ, що ажъ па́льці пообсмо́ктуешъ, та хлібъ святи́й.

Ніку́ди вінъ и не одверта́вся съ па́сіки, опрічъ до́му Бо́жого. Не бувъ же дідъ и скупи́й, — гріхъ сказа́ти. Якъ-то въ місте́цці Колома́ці будува́ли це́ркву, не достава́ло казни́, прихо́дилось поки́нути. Поріши́ли йти до діда, повідали ёму́ свою́ біду́. До́вго ду́мавъ дідъ, а по́тімъ вставъ мо́вчки, пішо́въ по па́сіці, та й принісъ ти́сячі зо́ дві, звелівши записа́ти въ кни́жку такъ: »Получено відъ *Богу звісного.*« Не хотівъ вінъ, ба́чите, сла́ви. Оце́ вбъе со́тню й дру́гу, прода́сть медъ и віскъ, набере́ таки́-чима́ло гро́шей, то що́ на домъ Бо́жий, на біднихъ, а оста́нні захова́.

Разъ приіхавъ я до ёго, щобъ-то пози́чити гро́шей. Першъ дідъ роспита́въ мене́: на віщо? »На́ що тобі, батьківъ си́ну, гро́ші?« ка́же дідъ, чи не на витребе́ньки па́ньскі? Не дамъ, да́лебі не дамъ!« — »Та ні, діду́сю! трапля́етця по виго́ді прикупи́ти ліску́ й земе́льки.« —Дідъ довге́нько бала́кавъ зо мно́ю, усе́ допи́тувався, що́ я бу́ду роби́ти съ тимъ лісомъ та земле́ю, а да́лі й ка́же: »Піди́ жъ, си́ну, розгрома́дь у сінцяхъ въ куто́чку по́пілъ; що на́йдешъ — принесе́шъ.« Пори́вся, знайшо́въ у́зликъ зъ стома́ червінцями. — Ке лишень глекъ, що у за́пічку. Взявъ я и той глекъ, повнісінький віхтівъ, трісо́къ и гли́ни, ви́трусивъ — покоти́лось ще зъ со́тню.« — »Ище́ жъ підніми́, спаси́бі тобі, отто́й кра́йній ву́ликъ.« — И тамъ нала́павъ я съ пятдеся́тъ. »Бу́де съ те́бе?« — Квитківъ дідъ не бравъ; ка́же: »Якъ ти Бо́га боісся, то віддаси́, коли́ бу́дешъ ма́ти.«

Ба́че дідъ, що не наста́че гро́шей для уну́ківъ, розсуди́въ купи́ти грунта́ и ліски́. Поіхавъ вінъ бра́ти ку́пчу у губе́рнію. Та й до́вго вінъ збіра́вся у ту да́льню доро́гу, верстъ за 50: дуже́ не хотілось ёму́ покида́ти па́сіку! Перегле́дівъ ко́жний ву́ликъ по де́сять разъ; мовъ проща́всь. Посади́въ мене́, та й довге́нько мині роска́зувавъ, що́ и якъ роби́ти. Ажъ тя́жко зітхну́въ, якъ сівъ на візъ: такъ-то вінъ коха́вся у тихъ бжо́лахъ. У Ха́рькові сказа́ли ді́дові, що тре́ба да́ти яко́мусь судовико́ві пала́цькому пятдеся́тъ карбо́ванцівъ за ку́пчу. »За́ що?« гукну́въ дідъ. »Не діжде! та я лу́чче ті гро́ші де-небудь діну.« Жде та жде, обри́дло ёму́; а більшъ того́ — засумува́въ за па́сікою. Купи́въ бу́лку, та й пішо́въ досудовика́; вклони́вся ёму́, положи́въ на стілъ

бу́лку и зве́рху карбо́ванця. Судови́къ якъ поба́чивъ те, такъ и ви́звірився на діда. »Що́ ти, ка́же, глузува́ти зъ ме́не, сяки́й та таки́й жупа́не! Якъ не сто рублівъ, то й ку́пчоі не ма́тиметъ.« — »Нехай я й жупа́нъ, одвіту́е дідъ, та зъ своéі пра́ці; а въ твоімъ каптанці не одна́ кровопійка!« — Узя́въ бу́лку и карбо́ванця, та мовъ про се́бе й ка́же: »Піду́ до старшо́го; спита́ю: коли́ воно́ зако́номъ постано́влено дава́ти отти́мъ драпікамъ, то я й дамъ, сількись.« Ба́че судови́къ, що сей дідъ не аби́-яки́й, що хто ёго́ зна! мо́же, й спра́вді наро́бе ха́лепи; верну́въ ёго, відда́въ ку́пчу та вже не взявъ ні хліба, ні карбо́ванця... »Ні, каже дідъ: дру́гий разъ не ви́манишъ мене́ зъ моéі па́сіки: тамъ тільки я й у-дово́лі. Цуръ імъ отти́мъ города́мъ та драпікамъ!«

Але́жъ ще разъ пришло́сь ді́дові вози́тись изъ драпіками. Підби́въ ёго́ оди́нъ сутя́га до по́зву. Недале́чко відъ па́сіки бувъ лісъ одного́ па́на, зва́вся вінъ Чичисбе́евимъ. Той сутя́га пату́ркавъ дідові, що той лісъ пале́жить до ёго́ ро́ду, такъ для то́го вінъ му́сить ёго́ одтяга́ти відъ па́на, щобъ опісля́ уну́ки не ре́мствували, що дідъ упусти́въ родову́ дідівщи́ну, бо не на́тще зве́тця той лісъ Чичисбе́евимъ. До́вго мій дідъ мня́вся, ра́дився; а по́тімъ ка́же тому́ сутя́зі: »Коли́ ти мене́ не ду́ришъ, то почина́й діло. Зъ ме́не бу́де й па́сіки; а це для уну́ківъ.« — »До́бре, каже сутя́га, тільки тре́ба гро́шей« — »А скільки?« — »Та на пе́рший разъ карбо́ванцівъ зъ со́тню.« — »Дарма́, на́ тобі два́дцять червінчиківъ, та гляди́ мині!« — Пішло́ діло та, ма́будь, літъ зъ де́сять волочи́лось. Панъ, якъ мавъ бума́ги на той лісъ, то й ви́гравъ, а дідъ потра́тивъ тільки́ червінчиківъ чима́ло. Сутя́га пропа́въ десь, якъ у во́ду впавъ. Не ду́же сумува́въ дідъ: па́сіка верну́ла ёму́ ті гро́ші.

Отта́къ живъ собі дідъ Чічіба: ли́шнёго не тра́тивъ, обділя́въ и церкви́, и бідних; ніхто́ на ёго не жалкува́въ. Ажъ-ось, позва́въ мене́ дідъ та й ка́же: »Отъ коли́ прийшло́сь мині покида́ти зовсімъ и па́сіку, и світъ!« Посла́въ я за попо́мъ: сповіда́ли, причасти́ли ёго́... Показа́въ вінъ у́зликъ, завя́заний въ соро́цці: давно́ вінъ ёго носи́въ. »Оци́мъ, ка́же, поховайте мене́: це ті гро́ші, що одинъ бідола́ха позича́въ у ме́не на хазя́йствечко, та черезъ два́дцять літъ відда́въ мині. А все оста́нне моімъ уну́камъ.« — Якъ уме́ръ вінъ, то знайшли́ въ тімъ у́злиці де́сять червінцівъ. Кинулись уну́ки діли́ти па́сіку, та перено́сити, — не оста́лося и сліду. . Не швидко після то́го, оди́нъ изъ уну́ківъ дідовихъ хотівъ узя́ти до́шку, де стоя́въ имшени́къ, підня́въ іі и знайшо́въ пятьдеся́тъ червінцівъ. Прожили́ уну́ки того́ Чічі́баби и свою́, и

дідову худо́бу, та й зледащіли. А діда и до́сі зга́дують и мо́лятъ Бо́га за ёго́ ду́шу...

Отъ тепе́ръ, коли́ хо́чете, и нема́ таки́хъ пасішниківъ. Таки́ одно́ те́, що не вміють пільнува́ти коло бжілъ; а дру́ге—ле́две завору́шитця копійка у кише́ні, за́разъ-таки́ на ро́скішъ; щобъ и сма́шно ззісти, га́рно зодіга́тись; відкіль візьмутця при́мхи городя́нські. Диви́сь—и переведе́тця па́сіка ні на́ що. Тепе́ръ хто мае пнівъ зъ со́ттню, отто́й и багати́рь. »Нейде въ ру́ку, ка́жуть, та й го́ді!«

До́вго шука́ли гро́шей дідовихъ по тій пу́щі, де була́ ёго́ па́сіка; пори́ли ле́две не всю зе́млю, по-підъ дуба́ми, скрізь ви́лазили—не знайшли́ ніодного́ червінчика. »Закля́въ, ка́жуть, щобъ ніко́му не доста́лось; або́ положи́въ зарікъ, черезъ кількісь рікъ той зна́йде, кому́ дідъ назна́чивъ.« Та мині здае́тця, що й спра́вді лу́чче, щобъ дітямъ доста́лись грунта́, лісъ або́ па́сіка, ніжъ ті гро́ші; то якъ даре́мні, то шви́дко розвіютця.....

Кузьма Шаповалъ.

Запи́сано въ м. Колома́ці, 12 апріля 1861 ро́ку.)

СЕМЕНЪ ПАЛІЙ.

(Запи́сано одъ Тара́са Ярово́го, изъ села́ Красно́і, Васильківського повіту, 1847 р. Ярово́му було́ тоді 85 годъ.)

Въ Мотовилівці коли́сь живъ собі зъ жінкою, зъ діточка́ми чоловічокъ. Разъ ви́їхавъ вінъ ора́ти. Оре́ вінъ да про́сить Бо́га, щобъ хо́роше вроди́ло. Жінка обідать ёму́ принесла́; чоловікъ и пообідавъ, да все працю́е. Отъ, на́дъ-вечіръ, чу́е вінъ, що плугъ ёго́ за щось заде́ржався. Ди́витця—яка́сь здорове́нна тру́пъя голова́. »Го́споди Бо́же мій! се, ви́дно, яка́-не́будь лица́рська голова́«, поду́мавъ чоловікъ. »Не до́бре, якъ вона́ бу́де валя́тись по́ полю; тре́ба її закопа́ть на цви́нтарі и одслужи́ть панахи́ду за ду́шу уме́ршого«.

Поду́мавъ-погада́въ, а тимъ ча́сомъ со́нечко зайшло́. Чоловікъ о́бережно положи́въ го́лову въ ху́стку и пішо́въ до-до́му, а до́ма положи́въ го́лову на ла́вку и сівъ вече́ряти. Сіли коло ёго и діти и жінка; попоіли вони́ галушо́къ чи чого́ Богъ посла́въ,—мо́же, й нічо́го, опрічъ хліба

свято́го, не лу́чилось,— повече́ряли, встаю́ть, а жінка подиви́лась на го́лову, да й сказа́ла:

— Оця́ голова́, ма́буть, на своє́му віку́ бага́цько хліба переіла.

— Бу́де вона́ ще їсти, одказа́ла голова́.

— Эге́, такъ ти такі́вська! гово́рить чоловікъ. — Не тре́ба жъ тебе́ нести́ на цвинтарь да служи́ти панахи́ду. Зна́ю я, що́ съ тобо́ю робить.

Узя́въ її, ви́нісъ за свій вишне́вий садо́къ, у чи́сте поле, розіклавъ бага́ття, и дава́й пали́ть. А голова́ горіла-горіла, по́ки ста́ла порохне́ю, такъ якъ отъ са́харь. Подиви́всь чоловікъ и, Богъ зна́е съ чо́го, взявъ ту білу порохню́ въ хусти́ну (на́че пасміявся надь не́ю), принісъ до-до́му и мо́вчки положи́въ на поли́цю.

Незаба́ромъ, мо́же, черезъ день, пішо́въ вінъ съ жінкою до це́ркви, а въ госпо́ді оста́лись тілько дочка́ да мали́й хло́пець. Дочка́ вже и борщъ заста́вила въ пічъ, уже́ и ло́кшину зварила: ска́зано — день воскре́сний; остава́лось тілько посоли́ть стра́ву, — такъ нема́ жъ со́ли.

— Отта́мъ, Га́лю, на поли́ці лежи́ть у хусти́ні щось біле; ма́буть сіль, гово́рить братъ.

Сестра́ ста́ла на ла́вку, взяла́ хусти́ну, подиви́лась и гово́рить бра́тові:

— Не зна́ю, чи се сіль.

— Лизни́, то и взна́ешъ, ка́же братъ.

Вона́ покоштува́ла разъ — нічо́го, вдру́ге, втре́те, и гово́рить:

— Оце́ яке́ нудне́! и положи́ла зновъ на поли́ці.

Отъ, мина́е неділь де́сять, а мо́же и більше, — упа́ла дочка́ въ ноги ба́тьку-ма́тері и гово́рить:

— Я въ тяжу́; отта́къ було́ и такъ.

Почу́хавъ ба́тько гіжку, помо́рщился: тре́ба йти до па́на да росказа́ть усе́, якъ було́. (Тоді за таки́й со́ромъ ду́же кара́ли). Росказа́въ усе́, якъ було́. Панъ одібра́въ одъ ёго ху́стку, а черезъ півъ-ро́ку дочка́ привела́ уже́ сина. Охрести́ли ёго́ и назва́ли Семе́номъ Безба́тченкомъ.

Хло́пець ріс; уже́ и за вола́ми ходи́въ; якъ ось іхали въ Мотови́лівку Запоро́зці, що приїжджа́ли говіть въ Осоки́рки, и змани́ли хло́пця въ Вели́кий Лугъ. А въ Січі кошови́й, замітивши хло́пця, взявъ ёго́ до се́бе въ молодики́. Слу́жить Семе́нъ, слу́жить, а го́нору ёму́ все-таки́ нема́. »Постойте, бу́де и міні го́норъ!« поду́мавъ собі Семе́нъ. Узя́въ, спали́въ отама́нський курінь и втікъ до-до́му.

— Эге́! такъ ти таки́й! гово́рить кошови́й: — захотілось тобі го́нору! Бу́де съ хло́пця лицарь, бу́де!... А ну, пано́ве- моло́дці, гово́рить вінъ

тимъ, що вивезли Семéна,—рушáйте за Семéномъ туди́, звідкіля́ ёго́ взяли́, и привóзьте назáдъ.

А Семéнъ тимъ-чáсомъ сидить дóма на печі.

— Мáмо! говóрить,—сни́лось міні́, що прибудуть до мéне изъ Січи козаки́, привезýть міні́ гóноръ и візьмуть изъ собóю.

Мáти зи́ркъ у кватúрку, ажъ ужé Запорóзці и кóней на дворі підъ повіткою привя́зують.

— Дóбрий тобі, говóрить, си́нку, сонъ сни́вся!

Семéнъ тілько засміявся.

Отъ, явъ прибхали вони́ въ Січъ, то кошови́й и сказáвъ ёмý:

— Ти, Семéне, есй козáкъ дóбрий; тепéръ мáешъ ти и гóноръ; бýдешъ прозивáтись Палiéмъ.

Рáзъ вúхавъ кошови́й на охóту, зъ Семéномъ; іздили вони́ дóвго и заїхали въ такé мíсто, що тілько одні скéлі да пýща. Ставъ при сóнці и чúстому нéбі гриміти грім; а се архáнгелъ Гавриíлъ хотівъ убúти пóлоза. Грімъ удáрить, а пóлозъ вúлізе зъ скéлі, та й засмíється.

— Эгé! оттакá ловúсь! сказáвъ Палій, ухопúвъ съ плечá янчáрку, приложúвся, вúпаливъ—и на тімъ мíсті, де показувався пóлозъ, потеклá смолá.

— Иди́ жъ ти тепéръ, куди́ знáешъ, сказáвъ ёмý кошови́й:—иди́ у свóю крáіну и ріжъ усúку нéхристь, бо ти есй чоловíкъ угóдний Бóгу.

— Ні, бáтьку! кáже Палій—не одпускáй менé одногó, а пусти́ зо мнóю Искру, Кочубéя и Шмалькá.

— Дóбре, сказáвъ кошови́й, и одпустúвъ іхъ трёхъ изъ Січи.

А навпóслі вже Семéнъ Палій зробúвся пáномъ полковникомъ Хвáстовскимъ, дóбре різавъ Орду́ и Ляхівъ, да Мазéпа ёго́ стрáтивъ изъ завúдности, що Палій величáли козáцькимъ бáтькомъ.

Оттáкъ народня невгамóвана фантáзія залилá въ мúоу свого́ коханця Палія, що про ёго ще й дóсі виспівують нáші лíрники, нікчéмні пъяни́чки, не схóжі зъ своіми протопластами, котрúхъ самú жъ вони́ зовýть *великúми старця́ми*. Палiéві и родúтись булá не честь, не подóба такъ, якъ усі лю́де... Разъ тільки я чувъ сю мúоу одъ одногó мáло не столíтнёго діда, що бувъ у насъ пáсішникомъ, одъ Тараса Яровóго. Вінъ зазнáвъ и Запорóзцівъ, якъ булó вони́ наіздя́ть у Богуслáвъ на я́рмарокъ та, въ саетóвихъ штáняхъ, чи то въ гандéверахъ, кúдаютця булó у цé-

беръ зъ дігтемъ, — знáйте мовъ менé, що мінí всяке багáтство — дурúця!

— Слáвні булú лúцарі! говóрить булó, жалкýючи: — такі мотóрні! Кóні у нихъ дóбрі, одéжа знáтна, червінці, дукáти есть. Хоть и повíсить котóрого, по своéму Мадабýрьскому закóну, губернáторъ — все гуля́ють. Одúнъ танцю́е, дрýгий підопрéтця въ бóки рукáми да приспівуе: »Усъ балабáнський, чупри́на черкéська, — не уважáй, мóсці-пáнно, же фортýна кéпська!« Ну, зруйнувáли Січъ, прийшлó, вихóдить, врéмя, и всіхъ Запорóзцівъ скасувáли, а пóслі зновъ збірáли, далú імъ Тамáнь на вічні чáси сісти. Та се (говóрить булó Тарáсъ Яровúй съ прúтискомъ), се зробúвъ Головáтий. Вінъ передъ царúцею три дні и три нóчі на одній нозі стоя́въ, пóки брáтчикамъ вúпросивъ зéмлю. Отъ и пісня есть: »1792 рóку прийшóвъ укáзъ зъ инперúи Петенбýрха-гóрода, щобъ панъ Чапíга и панъ Головáтий збірáли всіхъ Запорóзцівъ на Тамáнь сісти.« Не памятáю більше: втеклó багáто чáсу; да у васъ, панúчу, все те въ книжкáхъ есть.

П. Ревякинъ.

СТАРИННЫЙ ЮЖНОРУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ

ПѢСНИ ПѢСНЕЙ

СЪ ПОСЛѢСЛОВІЯМИ О ЛЮБВИ.

Это одинъ изъ немногихъ старинныхъ памятниковъ нашей литературы, списанный Н. И. Костомаровымъ изъ сборника, хранящагося въ Московской Синодальной Библіотекѣ, почерка XV или начала XVI вѣка.

Блаженъ чоловѣкъ тое, иже будеть чести книги сія, а вси слова тоя духовно розумѣваючи, а въ любовь Божію зъ нихъ ся запалаючи, ани што свѣтьского, ани на похоти тѣлесныя своего ума, ани мыслей оборочаючи. Проклятъ тотъ, которыи бы тыи книги чолъ, а тые бы слова на похоти женьски собѣ складалъ а оборочалъ, запалаючи зъ нихъ къ нимъ въ милость, а говорячи зъ ними тыми словы, проводячи ихъ а розмовляючи на блудную похоть. Бѣда и горе чоловѣку тому! Лучше бы ему не родити, нижли того допустити. Но сама премудрость Божа, которыи же есть Сынъ Божій, складалъ есть самъ тыи книги черезъ уста мудрого Соломона, для милости своее, абы душа съ нимъ такъ умиловала, бо есть его невѣста и Онъ ее безсмертный небесный женихъ милый, самъ Христосъ Богъ. А 3-й книги царя премудрого рекомыи Пѣснь Пѣсень Соломона, о милости Божіи и любови.

Глава 1.

Гласъ невѣсты-души къ любимому жениху Христу, отъ велико палимоѣ любве въпіетъ къ нему, глаголя:

Цѣлуй мя цѣлованіемъ оустъ своихъ, бо лѣпши оустъ перси твои надъ вино, благовонивѣйши нижли ароматы мастіи налѣпшихъ, олеи изліанныи имя твое; про то молодци миловали суть тебѣ, тягни мя по собѣ, побѣгнемъ въ добровонности мастѣи твоихъ. Оувелъ мя есть царь до винницъ твоихъ; радоватись будемъ а веселитись въ тобѣ. Памятливый будучи персеи твоихъ надъ вино; прави и милоуютъ тебѣ.

Гласъ души ку събору святыхъ:

Чорна есмь, але красна дцѣреи Іерусалимскихъ, яко станы кедра, якоже то кожа Соломонова. Недбайте мя знамепати, же смѣда есмь(?); бо мя есть слице на бервѣ промѣнило. Сынове матере моее боіговали соуть противо менѣ, поставили мя соуть сторожемъ оу виниицахъ; виниици моеи не оустерегала есмь.

Гласъ святои церкве а набожноі души къ женіху Христоу:

Рка же ми, егоже милуеть душа моя, гдѣ пасѣшь, гдѣ отпочиваеши о полудне? Ать ся тулять не потиоу по стадахъ товарищовъ твоихъ.

Гласъ Христовъ къ цѣркви святои а невѣсте милои души:

Не знаешь ли себѣ, о прекрасная межи жонами? выиди, иди и послѣдуи стада, а паси козлы твои подле стан пастырскихъ. Ездьцомъ моимъ оу возехъ фараоновыхъ припровнала есмь тобѣ, пріетелко моя; красны соуть ягодки лица твоего, яко горълинка, шіа твоя яко златое монисто; сноурки золотыи оучинимо тобѣ перевпяныи серебромъ.

Гласъ церкви а души о Христѣ:

Коли есь былъ царь оу ѣдлѣ, нардусъ мой далъ есть вонность свою, сноиокъ мирры милыи мои мьпѣ, межи персей моихъ пребывати будеть; грезнъ кипрски милыи мои мнѣ оу виниицахъ Екгадди.

Гласъ Христовъ къ церкви а къ души:

Ой, красна еси ты, пріетелко моя милая, очи твои голубиныи.

Гласъ церкви а души къ Христу:

Ой красны еси ты, милыи мои витежныи! Постеля наша красна свѣтлостію, покрытье домовъ нашихъ кедрово, склепове наши кипарисовы.

Глава 2.

Гласъ Христовъ акъ церкви святои а души боголюбимои:

Я квѣтъ полныи а лилия оудольняя! яко лиліа межи терніемъ, такъ милая моя межи дщерями.

Гласъ церкви къ Христу, своему милому женіху:

Яко же то яблонь межи древіемъ леснымъ, такъ милыи мои межи станы подъ тѣніемъ, его же то есмь жедала. Сѣдела есми, а овощіе его сладко горлу моему. Оувелъ мя есть царь до виниичного покоя, изрядилъ есть въ мнѣ любовъ. Отикайте мя квегіемъ и осыпанте мя яблоки, бо отъ великое милости не могу; левіца его подъ главою моею, а правица его обоимегъ мя.

Гласъ Христовъ.

Заклинаю васъ, дщери Ерусалимскіа, черезъ олени а серны полныи, абысте не боудили, ани прочютити казали милое мосе, докуль сама въсхочеть.

Гласъ церкви Божее, всякая душа любящая Бога, того дѣля зоветься невѣста Христова.

Голосъ милого моего; а и тотъ то есть пришолъ, скачючи по горахъ а перескакиваючи погорки и холмы; подобныи есть милыи мои серне а лапяти еленему. А и онъ то стоитъ за стѣною нашею, смотрячи сквозе окна а преглядаючи черезъ боронки. А милыи мои мовилъ ко мнѣ: въстань, поспешись, пріетелко моя милая, голубичко моя красная, а поиди; бо оуже зима поминоула, превалъ лютости отшолъ и отступилъ, квѣтіе оуказалось оу нашои земли, часъ обрезываніа винниць оужо есть пришолъ; голосъ горъличинъ слышанъ есть въ земли нашой; ѳиникъ выдалъ есть первые овощи свои, винници квитучи дали суть воиность свою.

Гласъ Христовъ къ церкви святои души, къ своеи милои невѣсте:

Въстань, милая моя красная, а поиди въ дирахъ скалныхъ а въ печеркахъ каменя, оукажъ ми тварь твою; атъ звинить голосъ твои въ оушію мою, бо голосъ твои сладкіи, а тварь твоя красна.

Гласъ церкви святои противъ кацкромъ а еретикомъ:

Зымайте намъ лисенята малии, которыи жъ то казятъ винници, бо винница наша квитла есть.

Гласъ церкви святое души къ своему жениху Христоу:

Милыи мои мнѣ, а я ему, ежь ся пасеть межи лиліами, докоуль ся день не наклонить а не оухиляться тѣневе; не враться, милыи мои, подобенъ буди серне алюбо лапятъку еленему на горахъ Веѳиль.

(Глава 3.)

Гласъ церкви и святыхъ душь выбраныхъ съ погановъ въ невѣсты къ своемоу милому женихоу Христоу, обручены жъ ему вѣрою и любовію:

На ложи моемъ въ ночи глядала есмь, егоже милоуеть душа моя; искала есми его, а не нашла. Встану а обоиду мѣсто по рынцѣхъ, а по оулицахъ искати буду его, егоже милоуеть душа моя. Искала есми его а не нашла есми; знашли мя соуть стороже, которыи жъ то остерегали мѣста.

Въ церквахъ невѣстныи души по Христе ся пытають:

Ци выдали есте, егоже милоуеть душа моя маленько? Коли жъ есми проминула есми? Нашла есми, егоже милоуеть душа моя, держала есми его анижъ его пущоу, алижъ его въведу до дому матере моея.

Гласъ Христовъ о своеи невѣсти души:

Заклинаю васъ, дочки Иерусалимскіа, черезъ серны а елени полные, абысте не будили, ани прочютити казали милое моее, докуль бы сама олижъ хотѣла.

Съборъ святыхъ пытаеть о души а о церкви святои въ рекучи:

Которая есть то тая, жь то оуступаеть чересъ поустыню, какъ бы сполнъ домныи зъ добровонныхъ рѣчей мирры а ливана а всякого порохоу мироположного апатекарева, зложеного зъ розполистыхъ зелеи?

Гласъ церковныій а души о Христѣ, о своемъ миломъ женихѣ.

Ложе Соломоново 60-ть мощныхъ объступили изъ насилнѣйшихъ Израильскихъ. А вси держачи мечи а къ боемъ велми оумѣлыи, а единого кождого мечь на бедрахъ его про страхи ночныи.

О Христѣ душа говорить, повѣдаючи:

Престолъ, вечерядло оучинилъ собѣ царь Соломонъ зъ древа ливанова, столпы его сребряны, оучинилъ опочивало золотое, ступени златые зъ особное милости и любовное, роспростерлъ есть про дщери Иерусалимскіи.

Гласъ церкви святое о Христе:

Выйдете, дщери Иерусалимския, а огладайте царя Соломона въ корунѣ, которою жь есть короновала мати его въ день веселіа сердца его.

Глава 4.

Гласъ Христовъ къ своеи милои невѣсте церкви души, похваляючи и говорячи къ неи такъ:

О коль красна еси милая моя, коль красна еси! Очи твои голубиныи кромь того, што ся внутрь таять, волосы твои яко стадо козъ, которыи жъ ступали зъ горы Галаадъ; зубы твои яко стадо остриженыхъ овець, котори жъ суть вышли зъ мытели, вси маючи по двою ягнятокъ, а ялова не есть ни жадна межи ими; яко сноурокъ черленыи оуста твоя, сладка, якоже то оуломокъ райского яблока, такъ ягодки твоего лица кромѣе того, штожъ ся оупутрь таить; яко вежа Давидова шіа твоя, которая жъ то есть оудѣлана зъ дѣлы пушечными, а щитовъ висить изъ нее и всякіи горнашъ моцныхъ; два сесца твоя яко два телятька дикои козы близнятка, яжь ся то пасуть на кьринохъ лиліовыхъ. Докуль ся день не наклонить а не схилиться тѣневе, поиду на гору мирры а на погорохъ кадила Ливанова. Вся красна милая моя, а посквернь нѣтъ на тобѣ. Подь отъ Ливана, милая моя невѣста, подь отъ Ливана, подь а будешь корунована, поченши отъ головы а маючи на верху Саниръ а Гермонъ з отъпочивалъ львовыхъ. Уранила еси сердце мое, сестро моя милая невѣсто, оуранила еси сердце мое однымъ възгляденіемъ очію твоихъ а оудномъ влосу шіи твоеи. Коль красны суть

перъси твои надъ вино, а воня мирра мастіи твоихъ надъ вси добровонныи рѣчи, стѣпникъ жъ каплють оуста твоя, милая невѣсто, медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ, а воня одѣянія твоего яко воня кадила Ливанова. Огородокъ замкненый а источникъ запечатаный; выпуканія твоа раи зерпятыхъ яблокъ со овощомъ яблоннымъ, купрове съ нардомъ, нардъ съ сахаромъ, фистула а циномонъ со всякимъ древомъ Ливановымъ, мирра, аллое съ всими первыми мастьми; колодязь затверженыи про глубину водъ живыхъ, которыи жъ текуть быстрипями прудкостію отъ Ливана.

Гласъ церкви, невѣсты Христовы милои души.

Встань, вѣтре, отъ полночи, а встань, вѣтре полуденныи, провейте огородокъ мои, мироположныхъ апатѣкъ добровонныхъ рѣчей ее.

Глава 5.

Душа опять ко Христу говорить:

Пріиди, милыи мои, до заграды своеи, а ежь овощи яблонеи своихъ.

Христосъ къ души говорить:

Подь до огорода моего, сестро моя милая невѣсто, пожалъ есми мирру мою зъ добровонныма рѣчми моими. Елъ есмь стѣпникъ меду моего, пилъ есми вино мое съ молокомъ моимъ.

Голосъ Христовъ посполито къ всимъ вѣрнымъ:

Ешьте, пріетели мои, а оупиваитеся, намилейщіи мои; я сплю, а сердце мое чюеть.

Опять душа ко Христу говорить:

Голосъ милого моего, толкучего до менѣ: отвори ми, сестро моя милая, голубичко моя непосквернепая! бо голова моя полна есть росы, а челюсти мои кропеи почныхъ.

Сволокла есми къ себѣ сукню мою, какъ ся въ нее оболоку? оумыла есми ноги мои, какъ ихъ измараю?

Тоу опять душа съ великою жалостію ко Христу говорить, всповедуючи свои пригоды:

Милыи мои стягнулъ есть руку свою сквозе дирю, а брюхо мое задрыжало есть зъ дотъкненіа его. Встала есмь, абыхъ отворила милому моемоу; руце мои капали суть мирру прескушеноу, заклепъ двереи моихъ отворила есми миломоу моему; але сонъ ся оуже былъ оухилилъ, отошолъ; душа моя расплылася есть, коли мовилъ къ мнѣ милыи мои, глядала есми, а не нашла есми его, кликала есми, а не озвалъ, ми ся. Знашли мя суть сторожеве, которыи жъ то суть обхоживали мѣсте, били мя суть и ранили, и взяли ми плящь мои сторожеве мура. Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскіа, знайдете ми моего милого, абысте ему оузъявили, же отъ великое милости по немъ не могу.

Гласъ збору святыхъ къ невѣсте Христове церкви святоѣ и милои души:

Таковыи есть милыи твои любимыи, о накрашшая жь жонъ, каковыи есть любимыи твои, же еси насъ такъ закляла?

Душа отповедаетъ святому збору о своемъ миломъ женисѣ Христѣ, выповедуючи его кросоту и с личность во подобенствахъ размоитыхъ рѣчеи:

Милыи мои бѣлыи а червеныи, выборныи исъ тисячеи; голова его злота, налѣпшее чело его, яко листіе пальмовое, черны яко гавранъ, очи его яко голубины надъ потоки водными, которыи жь суть молокомъ обомыты а сѣдятъ подле полныхъ быстринъ, ягодки лица его яко заградки добровонныхъ рѣчеи, посажены отъ апатекаревъ. Оусга его лиліа капаюча мирру первую, руцѣ его оуглажены златы, полныя цинтковъ; брюхо его слоново, передѣлено шаѳерми, голени его столпове морморяны, которыи жъ то соуть оуставлены на подкладахъ златыхъ, тварность его свѣтлость Ливанова, выборныи яко кедръ, горло его пресладко, а весь възъжаданыи, Таковыи и ти есть мои милыи, а тотъ то есть любимыи мои, дщери Перусалимскіа!

Глава 6.

Гласъ збору святого къ невѣсте Христове а къ милои души:

Камъ есть отшолъ милыи твои, о накрашшая зъ жонъ, камъ ся есть оухилилъ милыи твои, а будемъ его глядати съ тобою?

Душа отповѣдаетъ напротивъ збору святому у своемъ миломъ женихъ Христе:

Милыи мои ступилъ есть до заграды своеи, на мѣстцѣ благовонныхъ рѣчеи, бы ся паслъ у заградахъ а лиліе збиралъ, а милому моему, а милыи мои мнѣ, еже ся пасѣть межи крыны лиліами.

Тоутъ онять Христосъ говоритъ къ своеи милои невѣстѣ церкви души, похваляючи ю зъ ее добрыхъ дѣлъ а приподобляючи ю многимъ размоитымъ рѣчамъ:

Красна си, милая моя, сладка и витязна, яко Перусалимъ, грозна, яко синца къ бою сряженая! Отврати очи твои отъ менѣ, бо тыи соуть ми учинили, абыхъ улѣтелъ; волосы твои яко стадо козъ, которыежъ то ся оуказало зъ Галаадъ, зубове твои яко стадо овецъ, которыи жъ суть вышли изъ мытели оумывальное, вси по двою ягнятокъ имуще, а яловое нѣтъ межи ими; яко кожа ранскаго яблока, такъ ягодки лица твоего, кромѣ таиныхъ рѣчеи твоихъ. 60 есть царевенъ а 80 моужнихъ жонъ, а молодицамъ нѣтъ числа, одна есь, голубко моя докопалая моя, едина есть матери своеи, выбрана родителиници своеи (1). Видѣли соуть дщери Перусалимскіа есть а

(1) *На поль противъ этихъ словъ приписано:* Пречистѣи Дѣвици Маріи разоумнѣи.

преблагословеную соуть ю взывали царевны, а мужніи жоны хвалили соуть ю. Которая есть то та южь, ся береть яко заря поустоваючи, красна яко мѣсяць, выборна яко солнце, грозная яко спица къ бою зряженая?

Душа говорить отъ великои радости къ збору святомоу:

Стоупила есмь до заграды орѣховое, абыхъ оглядала яблока оудольная и осмотрела, кьвитуть ли виниици а распложають ли ся ябълока раиска? Не вѣдала есми, душа моя засмутила мя про возы Аминодавовы.

Христосъ къ души говорить а къ церкви, въ бѣдахъ, въ напастѣхъ и въ покусехъ будоучеи отъ свѣта, отъ тѣла, отъ діавола, приводячію опять къ собѣ а рѣкучи:

Навроться, навроться, Сумантянонии, навроться, навроться, ать на тебе смотрю.

Глава 7.

Душа отповѣдаеть ему велми жалобне; Богъ бо такъ хотѣлъ кого онъ милуеть, того и казнить тоутъ, на томъ свѣте; яко злато оу огни, тако ю искушаеть здѣсь многими скорбьми и бѣдами розмоитыми и печальми, а про тежъ она повѣдаеть а рекучи такъ:

То иного видишь на Соумянтянии, одно заступы боюючихъ?

Тоу Христосъ опять отповѣдалъ ей, тѣшачи ю а милыми словы похваляючі ю за то, што его ради миле вси бѣды тыя и напасти и покусы на нее препущоныи зъ доброю волею, то все есть претерпѣла; а мовячи къ ней такъ:

Коль красны суть ходы и ступаніа твоя увъ обуви, дщеро княжати! Свизкове бедръ твоихъ якоже то запоики, которыи жъ то соуть скованы руками золотарьскими, и поупокъ твои яко рѣпичка оуглаженая, николи не требуючи напоевъ, брюхо твое яко стогъ пшеничныи, обложеныи лиліами, два сосца персѣи твоихъ яко двое телятокъ ближнятокъ дикое козы, шіа твоя яко вежа слонова, очи твои яко рыбники оу Зевоне, которыи жъ то соуть оу броны дчерь множества, носъ твои яко вежа Ливанова, яжь то зрить противу Дамашку; голова твоя яко Кармилъ, а волосы головы твоеи якъ багоръ златъ-тканыи царевъ, причиненыи къ жолобомъ. Коль красна и витязна напиленная оу роскошахъ! а постава твоя приподобана есть палмѣ, а сесца персеи твоихъ грезнови виному. Реклъ есми: оуступлю на палму а похвачю овощіе ее; и боудуть перси ее яко гронове виниишніи, а воня оусть твоихъ яко раискихъ яблокъ, горло твое яко вино напеншее.

Свѣста Христова душа тоутъ о своему милому женисѣ Христѣ такъ говорить:

Годно милому купити, а оустомъ и зоубомъ его къ пережюванію. Я милому моему, а ко мнѣ оборочаніе его.

Тоутъ душа ота, познавши милость а любовь своего милого жениха Христа къ собѣ, тыми словы говорить къ нему.

Поиди, милыи мои, а выидимо на поле пребыва въ селехъ, рано встаньмо до виниць а осмотремо, сквитла ли есть виниица, расплодили ли соуть квѣтья овощіи, закветли ли соуть оуже раиская яблока? Тоутъ дамъ тобѣ перси мои. Мандрагоры дали чуть воню свою, оу бронахъ нашихъ вся яблока новая, и ветхая, милыи мои, сховала есмь тобѣ.

Глава 8 а остаточная тыхъ то милыхъ книжокъ.

Тоутъ то душа, милая невѣста Христова, распалившися великою любовію а горячею милостью къ своему милому жениху Христоу, желаючи оуже съ нимъ быти на вѣки въ небѣ а хотячи его видѣти лицемъ въ лице, а про то жь чересъ наборное размышленіе а оумное боговидѣніе къ немоу тыми словы говорить, просячи а молячисѣ ему:

Кто ми тя дасть братца милого моего, ссучего перси матки моея, абыхъ тя знашла на дворѣ а поцеловала тя; а оуже мною тогды ни жодинъ не погордить, а оухвачю тя и поведу до дому матери моеи а да покоика родительницы моеи: такъ мя будешь оучити, а я дамъ тобѣ напои зъ вина складаиаго а смакъ раискихъ яблокъ моихъ; левица есть подъ главою моею, а правица его обоиметь мя.

Голосъ Христовъ къ збору святыхъ о своеи милои невѣстѣ души:

Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскии, абы есте не будили, ани прочютити казали милое моеи, докуль бы олижь сама хотѣла.

Голосъ збору святого къ невѣсте Христове, дивячися о неи а таючись, тыми слова рекоучи:

О которая есть таи, жь то оуступаеть съ пустыни, роскошми ся размогаючи, возлегши на милого своего (1)?

Голосъ жениховъ къ невѣсте:

Подъ деревомъ яблоновымъ оубудилъ есми тебѣ; тоутъ порушена есть матка твоя, тоутъ растлѣна есть (2) родительница твоя.

Къ души Христосъ говорить, выповѣдуючи ей, какъ есть моцна милость его съ нею, какъ пожиточьна есть ей къ спасенію ея:

Положъ мя яко печать на сердци своемъ а яко знамя на рамени твоемъ, бо есть силна яко смерть милость, а твердо яко пекло желаніе, лампы ея

(1) *По славян. «утверждаема о братѣ своемъ».*
(2) *По славян. «поболѣ тобою».*

яко лампы пламенныя а огненыи; воды многи не могли соуть оугасити любви, ани рѣки затопити се; коли дасть человѣкъ все што имѣеть за лю(бо)вь — и будеть яко же бы ничтоже погубивъ.

Церковь святая говоритъ къ душамъ, которыи теперь ново починаютъ миловати Христа, въ вѣрѣ еще боудучи несовершени, ани досконали, а рекучи:

Сестра наша маленька а персеи не имать; што оучинимъ сестре нашеи въ день, коли жь то маеть быти намовлена алюбо смовлена?

Самъ Христосъ отповѣдаеть за нее, а рекучи:

Естли муръ, вланмо жь(?) на неи пушки серебреныи, пакъ ли суть двери, огородѣмъ же ихъ порканы кедровими.

Душа невѣста Христова, которая жь ся Бога размиловала, говорить:

Я есми муръ, а перси мои яко вежда; занеже есмь оучинена предъ нимъ яко покои наиденыи.

Святіи о церкви Христове и его милои невѣсте говорять тыми словы, рекучи:

Винница была есть покоиному, которая же то маеть люди; далъ есть ю сторожемъ. Мужь приносить за овощи еѣ 1000 сребрениковъ.

Христосъ говорить о своеи невѣстѣ святои церкви:

Винница моя предъ мною есть: 1000 твоихъ мирныхъ а съ тыхъ, остерегаютъ которыи овощовъ еѣ.

Голосъ Христовъ къ блаженноі а къ святои души, которая ему набожне безпрестани служить, во дни и въ ночи молячись ему въ псалмѣхъ и въ пѣснехъ и въ пѣніахъ духовныхъ, а въ всемъ волю его чинячи, а надъ все толко его самого вѣрьне милуючи, ани о што о иное на томъ свѣтѣ дьбаючи:

Которая живешь оу виноградѣхъ милого, послухаю голоса твоего; дай ми его слышати.

Душа отповѣдаеть къ своему милому жениху, просячи его, абы ее оуже съ того свѣта взялъ къ собѣ въ горнее царство небесное, гдѣ есть солодкость всякія вони благоуханія божественного и великая радость, небесное веселіе неизрѣченное и вѣчнаго живота оутѣшеніе, и милости божіа и любьви его сладкое насыщеніе а конечнее съ милымъ Богомъ, своимъ милымъ женихомъ, вѣчное съ нимъ милованіе и оутѣшеніе:

Поиди, милыи мои, а оприрвнися дикои козе а ланятку еленему на горахъ благовонныхъ рѣчеи.

Потолѣ конець тымъ милостнымъ книжкамъ. Кто ли хочеть съ милымъ Богомъ вѣчно ся случити въ милости его а въ любьви, а съ нимъ ся вѣчне миловати а радовати въ его небесномъ царствіи, то каждый радуяся то прочитаи и тыи святыи милыи книжки его, а разумѣи тыи слова вси духовно, а ничего тѣлесно, а што наболши можеть — распаляйся тыми словы въ его святую божественую милость и любовь въ розмышленіи своего богомышленіа, въ его боговидѣніи многозрѣніа. Такъ будешь оумъ зряй Бога, и будешь ему милъ, а онъ тому сладокъ; бо ништо есть такъ оудячно Богу отъ насъ, яко милость а любовь къ нему имѣти, а съ того приходить и къ ближнему любовь и до оубогихъ милосердіе. Бо въ тои заповѣди зъодноп любъви весь законъ ся Божий исполняетъ и его воля и хотѣніе въ насъ. Занеже вси святіи оу ветхому законѣ и въ новому оугодили ему тымъ, ижъ его вѣрне миловали и съ правои души. А то все брали наоуку съ тыхъ святыхъ книжокъ его, распаливаючися къ нему въ его милость и любовь, а про тожъ нынѣ суть съ нимъ въ его небесномъ царствіи, съ нимъ радуючися а веселячись, а его сладкія милости поживаючи въ вѣчномъ утѣшеніи живота вѣчнаго на вѣки вѣковъ.

То чего то для писано: иже самъ Богъ любовь а милость, а хто коли пребываеть въ любьви, тои въ Бозѣ пребываеть, а Богъ въ немъ; а гдѣ есть самъ Богъ, и онъ съ нимъ маеть на вѣки жити; гдѣ есть наболшая радость вся, наболшее веселіе, наболшая оутѣха, великая милость, солодкаа любовь, вѣчное оутѣшеніе, вѣчное радованіе и вѣчное житіе а вѣчное зъ Богомъ милованіе а всего доиспольненіе добраго и вѣчныхъ благъ наслаженіе, опловитая роскошь, безмѣрная свѣтлость, любезная ясность, любезное житіе, воли досыть оучиненіе, хотѣнію и конець, желанію полученіе милое, съ всими святыми миловаше, а съ своими любовными знаемыми други, которыхъ тамъ Богъ сподобитъ, любовное любованіе а вѣчное съ ними оутѣшеніе, а милости Божіа и любъви его безконечное сладкое насыщеніе; и што еще о семъ, подолживая, слова многа говорю? Гдѣ есть Богъ, тамъ всего добра полно и опловито, »все въ всемъ, всего всѣхъ въ семъ единемъ Господи нашемъ Іисусѣ Христѣ, миломъ небесномъ женисѣ, знайдемъ всякого добра полность, радости и веселіа, оутѣшеніе, наслаженіе, милованіе любви, а желанія насыщеніа, просвѣщеніа прославленіе, хваленіа, славословленіа, пѣніа,« (1) благодареніа, благословеніа, чит. съ величіа, вѣчного утѣшеніа, боговидѣніа, боголюбленіа, богонаслажденіа а конечного богонасыщеніа. О великая радость а

(1) *Слова отмѣченныя ковычками, написаны въ рукописи почеркомъ отличнымъ отъ того, которымъ писано все сочиненіе. Н. К.*

невымовная доброто! О безмѣрная сладкая оутѣха того милого небесного жениха, прекрасного, вожделѣннаго, сладко-любимаго, милого Іисуса! Котороеждо радости а милости ни око видало, ни оухо слышало, ни на сердце человѣку въсхоживало, што Богъ оуготовалъ однымъ только любящимъ его, которіи его здѣ на семъ свѣте миловали вѣрьне. Нужъ оуже, милая невѣсто Христова, набожная, вѣрная, боголюбимая душе! Колижъ ся его такъ велико розмиловала своего милого прекрасного жениха, того любимаго небеснаго царя, желаемаго сладкого милого Іисуса, милоуючи его съ правои души, со всего сердца и всимъ помышленіемъ твоимъ,—роспали жь ся оуже къ нему великимъ твоимъ люблѣніемъ а горячимъ твоимъ сердечнымъ милованіемъ а сладко рачительнымъ желаніемъ, тужачи по немъ и жадаючи велико къ нему съ великимъ болестнымъ въздыханіемъ сердца твоего, говорячи къ нему съ тыми словы милыми, а рекучи такъ:

Сладкая молба. О Іисусе сладкій, души моея оутѣшеніе и моя великая милосердная надѣже, помилуй мя! О милосердіе твое, души моеи радость и веселіе, спаси менѣ! О оутѣхо мая милая, души моеи сладкая любы и милости моя ненасытная, обрадоуи мя, своего раба, радостію неизрѣченною въ небесномъ твоемъ царствіи, достойно ми дароуи тамо ясно оузрѣти твое святое божественное пресвѣтлое, любимое, сладковъжделѣнное милое лицѣ, ибо внутрь менѣ сердце мое всегда горить къ тобѣ и тужачи по тобѣ, милостію любовною къ тобѣ всегда полаючи Боже мои, желая насладитися сладкіа твоея любове и милости насыщеніа твоего, божественнаго предивнаго насыщеніа и всесладкаго твоего любленіа. О всемилостивыи мои, прекрасныи и възъжелѣныи, сладко милыи мои, мнѣ вѣрно милыи Іисусе, яко ты еси все желаніе мое, весь еси сладость моя а милость моя ненасытнаа. О всемогущаго Бога Отца Божіе слово Дѣвы Маріа прекрасныи милыи Боже, Боже богомъ, Господи святыхъ, святыи, пресвятыи, любовныи мои, милыи, прекрасныи женише! прііми же отъ менѣ сіе хваленіе и моленіе, мое словесное служеніе, плодъ оустенъ нашихъ тебѣ въ жертву живу, святу, богоугодну, въ воню благоуханіа, и освяти ю духомъ твоимъ святымъ, и прости мя за то и освяти, прослави въ небесномъ твоемъ царствіи; достойно ми дарои тамо ясно оузрѣти ми твое святое божественное пресвѣтлое лице, и насыти мя сладости твоея, божественныя сладкіа любьве, наслажденіемъ, оутѣшеніемъ милости въ насыщеніи оныхъ твоихъ вѣчныхъ благъ, наслажденіа сладкаго мира и любьви, живота вѣчнаго и радости великои, и въ веселіи многемъ

съ мудрыми твоими дѣвами въ ономъ твоемъ прекрасномъ, небесномъ, пресвѣтломъ, ясномъ божественномъ чертозѣ, съ ними ми вкупѣ ликовати и царствовати и вѣчно ся оутѣшати даруи, въ твоеи великои, премирнои и въ сладколюбовнои любви, единодушьно сподоби и вѣчно ся съ ними слоучити. О всемилостивыи мои прекрасныи, возьжеленныи, сладколюбимыи Іисусе, въ непрестаньныя и въ превѣчныя и въ безконечныя вѣки, аминь.

О душе милаа, невѣсте Христова любимая! естьли ся будешь такъ вѣрно молитися къ нему а съ нимъ ся такъ вѣрными словы оумовляти, за вѣрно тобѣ поведаю а слюбити могу, же тебѣ выслухаеть въ томъ а въ всемъ волю твою наполнить, о што коли его просишь а жадати будешь. А еслибы ся тобѣ еще мало видѣло такихъ милыхъ словъ оумовляніа съ нимъ, бо милость сыти не имать, ани мѣры знать, и хто кого больши милуеть, тымъ больши ся къ нему любовію роспаляетя а сладкими милыми словы съ нимъ ся часто разоумовляеть, — рци же къ нему, милая душе, такъ:

О великоутѣшныи милый Сыне Божій, женише мои сладчайшей Христе! Не трудно ми тещи въ слѣдъ тебе, ибо сладость любви твоея душю мою надѣжею оупери, и красота милости твоея сердце мое оуслади, желаніе сердца моего влечеть мя всегда къ тобѣ и любви твоя всегда палятлива, Владыко, о источниче жизни и просвѣщеніе мое и живота моего! Есть бо милость твоя въ сердци моемъ, раба твоего, свѣтъ и радость и веселіе, и сладчайше паче медвяпаго соту оустомъ моимъ есть милость твоя, рабу твоему прибѣжище и сила, заступленіе и похвала, полна живота вѣчного и всякія оутѣхи небесныя! Како бо помолчить рабъ твой, Владыко, отъ многія сладости ея, милости твоея и любвѣ, оутѣхо живота моего, ли отверзеть оуста своя зможяляя, ли како претерьпить языкъ мои сице не глаголати, нежели паче въспоеть и славить всегда безпрестанидат еля пользы благихъ. О и како паки зотворю въ себѣ волны милостей твоихъ и како паки истекающихъ изъ моего помышленіи исполнь суща сладости и великихъ даровъ? Но прославитъ рабъ твои, Владыко святый; отъ избытка бо сердцю оустомъ поужа глаголати, обыкоша и самыи тои, языкъ обличитель есть всехъ вноутреннихъ таинъ сердечныхъ: аще кого иного кромѣ тебѣ любимаго сердце мое любить! Сего ради во многои огнемъ палимои любви рожженъ есмь, не могии оуже терпѣть ктому, но отъ великожелаемыя любве въпію и кричю, рыдаю и плачю съ многія туги и болѣзни сердца моего, распаленіелъ тужачи по тобѣ, не могоу ктому жити, ани хочю безъ тебе, дыханіа моего и живота моего. Славлю тебе небесного владыку,

давшаго ми, своему угоднику, милости небесныя вькусити многими дары; о семь величаю милость твою, владыко Іисусе Спасе мои! вже бо величаю тя, рачительно серьдечныи самъ ся величаю; не престаетъ бо языкъ мои и всегда пѣсни а хвалами славя милость твою. О владыко! не оумолкнуть гусли моя, поюще пѣсни духовныя, любы твоя влечеть мя къ тобѣ, Спасе мои, радости сердца его, милость твоя палить мя, желаніа влека на просвѣщеніе разумное. Боуди же ти сердце мое земля блага, приемлющи сѣмя доброе во сторичныи плодъ възращеніа, и да оброситъ милость твоя верху менѣ росу жизни вѣчныя, яко да ся обрящеть душа моя въ свѣте ономъ, идѣже жедаютъ ангели оуникнути. О молю тя еще, Спасе всего мира Христе, оумножиться на мнѣ милость твоя и насытить алкание мое, жажду мою палимую оуставить и серце мое огнемъ жгомо прохладить и просвѣтить омраченоую мысль мою, да съберетъ и помыслы моя вся къ тобѣ и желаніа моя исполнить. Не терплю бо безъ нея быти, Владыко, поне ни на малъ часъ, аки безъ душа, лучши бо есть милость твоя паче живота моего, нѣсть бо къ тобѣ безсумнѣніа, понѣжь бо паче мѣры и вѣры и моего достоинства оумножилась во мнѣ и на мнѣ милость твоя; сіа дивне сладка сердцю моему, языкъ бо мои изнеможе, не достигіи ея изрѣщи; оудиви же ся и оумъ мои, не терпя многихъ чюдесъ и дивныхъ зраковъ волнъ ея. О образе и заре небеснаго царя! да имію здѣ обилно до насыщеніа; якоже бо огнь палить оуды моя и сердце мое желаніе мое, влека къ тобѣ всегда, Боже мои, и тако ми здѣ съ нею и при неи и въ неи и добре поживши, да тамо паки въ небесномъ царствіи твоимъ даси ми ее съ великимъ оутѣшеніемъ съвершеніе обилно доволне въ великосладкомъ насыщеніи ея любовныа милости зъ великою радостію и веселіемъ въ чти и хвалѣ, въ блаженствѣ и въ прославленіи, въ величіи и въ просвѣщеніи и вѣчныхъ благъ и наслажденіи въ утѣшеніи, живота вѣчного твоего божественнаго сладкаго насыщенія, на вѣки и въ вѣки вѣкомъ не имоущаго конца.

Сіе тобѣ отъ менѣ, моя милая любы, хваленіе и славословленіе, благодареніе, сладколюбимое богословіе. Дан же ми, своему оугоднику, идѣже сама живешь, дабы и я съ тобою тамъ былъ, идѣже есть соверъшеніе всего множества, всякого блага любовнаго любящихъ тя:

Похвала любви.

О любви любимая Божіа любы есть, сладка еси милостію въ милости любящимъ тя, неизреченная радостію, ласкосердечна оутѣшеніемъ, милостивна любленіемъ милуючимъ тя, неизглаголанна веселіемъ, пречюдна

сіяніемъ, пресладка наслажденіемъ, предивна благословеніемъ, пречестна веселіемъ, прехвална благословеніемъ, пречестна величіемъ, пресвята святынею, пречестна достояніемъ, преблагословенна великолѣпіемъ, пренеистощимая благоподаяніемъ, пресладка пѣніемъ, превозлюбленна божественнымъ благолѣпіемъ, премногомилосердна обдарованіемъ, краи желаніемъ, милости исполненіе, сердцю оутѣшеніе, души насыщеніе, оуму просвѣщеніе, мысли оцищеніе, хотѣнію полученіе, воли наполненіе, желанію наслажденіе, всесъвершенно спасеніе, премирное прославленіе, небесное радованіе, духовное озареніе, божественное сіаніе, ангельское оудивленіе, всихъ святыхъ вѣчное утѣшеніе, праведныхъ душъ радостное отпочиваніе, благоуханное благовоніе, неизрѣченное веселіе, безмѣрное радованіе, безчисленное милосердіе, неисчетное оущедреніе, невымовное милованіе, безконечное житіе, тихіи покои, вѣчныи миръ твоимъ любовникомъ, твоимъ оугодникомъ, твоимъ рачителемъ, твоимъ миловникамъ, твоимъ желателемъ, вѣчнаго живота до насыщеніа ихъ довольное наслажденіе, оутѣшеніе, насыщеніе, и всякого есть добра имъ заплаченіе достаточное. О ты едина прекрасная сладкая любы, чюдная милости Божіа! откуду тя похвалю, како ли тя вспою, коимъ ли тя словомъ прославлю, каковымъ ли тя языкомъ высловлю? ты бо владѣеши державою морьскою, възмущеніе жъ волнъ его ты оукрочаешъ. Ты смирилъ еси яко язвена гордаго мышцею силы своея, твоя суть небеса и твоя есть земля, вселенную и концы ея ты основа, сѣверъ и море ты създа, отъ востока солнца и до запада хвално имя твое, и вся тобою състояться и съдержаться, коупножь вся видимая и невидимая—вся твоя суть, вся о тобѣ състояться и живуть и движаться, а безъ тебе ничтоже ачь и что есть; и сего ради тобѣ всяко колѣно покланяеться небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и неволею за повинувшаго тобѣ всяческая на оупованіе, и всякъ языкъ исповѣсть се, яко ты Господь Іисусъ Христосъ самъ есть тая милость и любы въ славѣ Бога Отца, съ нимъ царствующи вкупѣ съ святымъ духомъ во вѣки, аминь.

О любви и о ластиць и о дарахъ благодати Его прославляти должно.

Превозлюбленный мои мирныи а милыи брате! Сице Бога твоего възлюби ото всее душа твоея и всимъ сердцемъ твоимъ и всимъ помышленіемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею, якоже и тебѣ Богъ возлюбилъ есть, давъ за тебя душю и животъ свой. Будь же ему церковь духовная, и вселиться въ тя Богъ вышній. Душа бо, имѣющіа Бога въ собѣ, церква на-

рицается жива, свята и честна Богу, и божественыя таины служать ея въ неи и сѣшать ея всегда силы небесныя посѣтити ю; понеже бо Богъ вселилъ ся есть въ душю тую, ангели и небеса веселяться о неи, оублажающе душу и честь велику ей творяще, имьжь наречеться владыка ихъ (?). Блаженъ человѣкъ, иже тя возлюби отъ всея души своея и възненавидѣ мира и яжь въ немъ вся, а токмо имать святаго Владыку добраго и бисера съкровища животнаго ненасытимаго — Бога, и иже еще любить Бога всимъ сердцемъ! Тому на земли нѣсть оумъ, но горѣ всегда, идѣже и възлюбилъ есть, и душа и въсхотѣла есть, и жажеть оумъ отуду и въсхищена есть сладости ради любве Божіа, понеже бо сладости и радости любве Божіа исполнена есть. Въистиню блаженъ есть вкусивыи ея и ненас(ыт)ився. О сладости и любве и милости Божіа! кто оубо можеть изрѣщи твоя достойная? Павелъ оубо апостолъ, вкусивыи отъ нея и ненасытився ея, самъ въпіеть о неи глаголеть, яко ни горѣ высота, ни долу глубина, ни сама та жизнь, ни хотячая быти паки, ни смерть, ни вси ангели, ни начала, ни власти, ниже тварь никоторая — все вкупѣ немогоуть разлоучити палимыя души отъ любви Божіа. Да и вкушеніе ея сладости огнь безсмертенъ есть, любы бо Божіа Богъ есть, съдѣловаеть же въ души любимои свѣтлая дѣла и чювствіа ея възноситъ отъ земля на небо, и ненавидить земныхъ, самого токмо зрить Бога, егоже възлюби. Но оучать ны святи мученицы, вкусившеи ея и не нас(ыт)ившіися отъ нея: съоузъ мяккій есть любы Божіа, не можеть мечь обоюду остръ ея отсѣщи. Отсѣкаху бо мучители оуды святыхъ, любвѣ же ихъ не можаху отсѣщи. О мяккіи съоузе любви Божіа, исполнь сыи чюдесъ! Не могши ея отрѣшити, мечь ея не отсѣче, огнь ея не растая! Оудове отсѣцаху, любы же не отсѣщашеся; поляху оудове, любы же не згораше; потопляхуся паки тѣлеса святыхъ, любы же ихъ не потопляшеся; вяжуть паки тѣлеса святыхъ, любы жъ не связана бысть весма. Кто оубо не дивиться мяккому сему сооузу любовному а зѣло чюдному, иже не отсѣкаеться никогдаже, ниже паки рѣшиться! Иже бо кто возлюбить Бога всимъ сердцемъ, такову любовь къ нему имать. Сію любовь дасть Богъ своеи церкви, яже есть невѣста его любимая прекрасная душа оукрашеньи быти всеи любви. Сіа бо любы начнеть Бога нарицати, въ души столпъ и оутверженіе святыхъ, святая наричеться любы въ души святѣй. Сіа паки любы единочадного сына Божіа съ небеси къ намъ привлече; сеа ради любве Богъ вѣчеловѣчися. Сеа ради любве стати ся безплотныи, сеа ради любве видимъ бысть невидимыи, сеа ради любви Богъ человѣкъ бысть, сеа ради любве человѣка Богъ съдѣлалъ. О сило великая и непостижимая оуму! сея ради

любве отверзе ся рай, сеа ради любве дано есть царство небесное человѣкомъ, сеа ради любве оуже есть миръ на небеси и на земли. Сея ради любве связанъ былъ крѣпкій. Сеа ради любве невѣста есть душа безсмертному жениху Христу, да того ради водить свою красоту душа вноутрь себе дѣлы благими съ любовію. Сея ради любве пострада безсмертныи женихъ за свою любимую невѣсту душю. Кромѣ бо любви сея аще и есть души благое, не благоволить о ней небесныи Владыка, нудити жь воля ея не хощеть, единою бо дасть ей власть ходити и итти якоже хощеть. Кто оубо можеть исповѣдати или кто довольнѣ всегда прославити и воспѣти Бога и Спаса о дарѣхъ ея? Сея бо ради вси пріахомъ даръ его божества. Слава и хвала и поклоненіе о семъ благоволенію его!

Послушаимо, братіе, добраго оученіа и съвѣта сего и потщимся всегда ходити въ сеи святои любви чисто и достоино, дондеже время имамы, да вселиться въ насъ Духъ святый и любы Божіа обьемши, спасеть насъ! Не имѣемо, братіе, иноя вещи честѣйши развѣ сея святыя любве, яко да душя наша чиста невѣста обрящется Христу. Не привяжемъ ся никакоже земныхъ вещей, ни печалей, еще не пещись о стяжаніи и богатествѣ — суетѣ мира сего. Оукрасимъ же ся молитвами и постомъ, бдѣніемъ же и слезами и святою милостынею, яко да тамо обрящеть душа наша дерзновеніе предъ Богомъ на страшномъ его судѣ и честь предъ всѣми святыми, и пріиметь вѣнець жизни, иже оуготовалъ Господь всѣмъ любящимъ его, и будеть едина едино въ единомъ же Бозѣ любима, любимомоу своему женихоу, на вѣки вѣкомъ съ нимъ, царствующимъ въ безконечныи вѣки.

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

VI.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ.

Статья четвертая.

Въ повѣсти ***Майская Ночь или Утопленица***, Гоголь является попеременно то великимъ живописцемъ того, что́ онъ видѣлъ, или могъ живо себѣ представить, то фальшивымъ разсказчикомъ о томъ, чего никакъ не возможно вообразить безъ предварительнаго изученія. Блистательны у него описанія природы украинской, хороши небольшія сцены, которыхъ свидѣтелемъ не трудно быть въ Украинѣ; но все, что́ относится къ чувствамъ, обыкновенно тайнымъ въ душѣ каждаго, къ чертамъ характера внутреннимъ, а также къ нравамъ и обычаямъ народнымъ,—все это такъ слабо, сбивчиво и даже вовсе невѣрно, какъ всегда бываетъ у писателей, болѣе воображающихъ дѣйствительность жизни, чѣмъ ее знающихъ. Пройдемъ по всей повѣсти, съ начала до конца.

Вторая и третья строки ея обнаруживаютъ, что Гоголю были извѣстны ночныя забавы сельской молодежи только по наслышкѣ. Онъ говоритъ, что »утомленные дневными трудами и заботами парубки и дѣвушки собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера.« Если бы онъ умолчалъ хоть о дневныхъ трудахъ, то можно было бы еще подумать, что дѣло происходитъ въ праздничный день. Въ будни же »блескомъ чистаго вечера« пользуются наши поселяне, чтобы окончить

заботы о домашнемъ скотѣ и приготовить вечеръ для трудившейся цѣлый день семьи. Послѣдній отсвѣтъ дня на небѣ служитъ имъ вмѣсто лампы за вечéрею, какъ изображено и въ одномъ изъ стихотвореній Шевченка:

Сімъя́ вечéря коло ха́ти,
Вечірня зіронька встаé.

Уличныя пѣсни начинаются только тогда ужъ, какъ все старое и малое, все степенное и удержанное дома заботами о дѣтяхъ, уляжется спать. Вотъ почему у Шевченка, въ томъ же стихотвореніи, говорится:

Зати́хло все,—тільки дівча́та
Та соловéйко не зати́хъ.

У Гоголя, напротивъ, читаемъ: »Уже и сумерки, а пѣсни всё не утихали«. Да онѣ едва начинаются въ сумерки! Серенада же въ сумерки, передъ дверью хаты, въ которой живетъ *коха́на дівчи́на*, какъ представлено у Гоголя, не возможна, потому что родители вообще съ неудовольствіемъ смотрятъ на уличныя ночныя забавы дочерей, а тутъ вызовъ дочери на тайное свиданье былъ бы слишкомъ для нихъ явенъ. Какъ бы ни были они сами по себѣ поблажливы, да побоялись бы за добрую славу дочери-невѣсты со стороны сосѣдей. Поэтому-то, въ народной пѣснѣ, о влюбленномъ парубкѣ поется такъ:

До вікóнця припада́е,
Сти́ха промовля́е:
»Ви́йди, ви́йди, дівчи́нонько,
Зъ рубле́ної ха́ти:
Тепéръ нічка темне́нькая —
Не зна́тиме ма́ти.«

Гоголь построилъ свою любовную сцену на пѣснѣ:

Со́нце низе́нько,
Ве́чіръ близе́нько,
Ви́йди до ме́не,
Моé серде́нько,

которую и вложилъ въ уста парубка–бандуриста; но, не зная, ка́къ именно это дѣлается у поселянъ, онъ не понялъ, что здѣсь говорится о близости вечера въ томъ смыслѣ, что, когда вечеръ погаснетъ,

можно будетъ любящейся четѣ повидаться безъ свидѣтелей (въ чемъ и состоитъ прелесть свиданія). Странно было бы вообразить въ виду всѣхъ поселянъ такую сцену, о какой мечтаетъ влюбленный парубокъ, нетерпѣливо слѣдящій за садящимся ниже и ниже солнцемъ:

Ой вийди, вийди,
Не бійсь морóзу:
Я твоі ніженьки
Въ шáпочку влóжу, и пр.

Упоминанье о *морозѣ* должно́ было бы перенести воображеніе Гоголя въ ту пору года, которая особенно благопріятствуетъ ночнымъ свиданіямъ—и потому, что кончены полевыя работы, и потому, что ночи тогда очень длинны; но у него молодежь тѣшится уличными забавами въ майскую ночь, а влюбленные толкуютъ въ эту пору года о близкой свадьбѣ, которая возможна для поселянъ только осенью, зимою и раннею весною, но никакъ не *въ косовúцю*. Въ это время и одинъ потерянный день много значитъ въ простомъ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ каждый членъ семьи долженъ работать изо всѣхъ силъ. Но положимъ, что молодежь, изъ любви къ ночнымъ удовольствіямъ, обходится самымъ кратковременнымъ сномъ, что́ въ самомъ дѣлѣ случается; только, не зная, ка́къ именно распоряжается поселянинъ лѣтнимъ временемъ, Гоголь заставляетъ волостного голову бесѣдовать у себя въ хатѣ съ винокуромъ, спустя долгое время послѣ ужина, безъ всякой экстренной надобности: это—осень, а не май, когда ужинаютъ обыкновенно при »блескѣ чистаго вечера«, внѣ хаты, и ни въ одномъ окнѣ на селѣ не увидите ночью огня. Впечатлѣніе осенняго времени неумышленно усиливаетъ авторъ, упомянувъ, что свояченица головы въ это время сидѣла на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги. Еще большая выходитъ несообразность, когда пьяный Кале́никъ, попавъ къ головѣ въ хату, воображаетъ свою жѣнку лежащею на печи. Поселяне лѣтомъ рѣдко спятъ и въ хатѣ, не только на печи. Но это мелочи, а вотъ черта нравовъ, обнаруживающая въ Гоголѣ рѣшительное непониманіе простонародныхъ украинскихъ нравовъ.

У него голова представленъ отъявленнымъ волокитою. Положимъ, что старикъ, у котораго есть взрослыя дѣти, былъ »похотливъ«, какъ поютъ о немъ въ своей пѣснѣ парубки; но такъ ли онъ выразитъ этотъ порокъ, какъ какой-нибудь отставной капитанъ или про-

сто помѣщикъ, отецъ взрослыхъ дѣтей? Мы пропустимъ безъ вниманія, что Гоголевъ голова заглядывается на всякое смазливенькое личико, и даже то, что онъ »шатается подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ«; но вотъ что́ по-истинѣ странно. Въ майскій вечеръ, послѣ того, какъ его сынъ вызвалъ серенадою любящую его дѣвушку, наговорился и нацѣловался съ нею досыта, голова вызываетъ на тайное свиданіе ту же самую дѣвушку, и между ними повторяется разговоръ о сватовствѣ, который составлялъ цѣль свиданія молодыхъ людей. Ганна говорила сыну, между прочимъ, вотъ что́:

»Я тебя люблю, чернобровый козакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими—у меня какъ-будто на душѣ усмѣхается: и весело и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя!«

Потомъ она допрашиваетъ его: говорилъ ли онъ съ отцомъ объ условленной между ними женидьбѣ?

Въ тотъ же вечеръ та же самая дѣвушка говоритъ отцу, въ темнотѣ, подъ деревьями:

«Ты лжешь, ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ.«

Ни единымъ словомъ не предувѣдомилъ Гоголь своего читателя, что его красавица, исполненная дѣтской мечтательности и простодушной поэзіи, способна играть рэль самой лукавой гризетки. Но голова въ роли Ловеласа еще у него интереснѣе. Видите ли, старику захотѣлось жениться на возлюбленной своего сына, какъ Филиппу Второму на невѣстѣ Донъ-Карлоса, и онъ добивается этого счастья самымъ удобнымъ для него способомъ. Недоставало ему еще одного: спѣть подъ бандуру въ сумерки:

Сонце низе́нько,
Ве́чіръ близе́нько,
Вийди до ме́не,
Моє́ серде́нько!

Московскій *День* нашелъ по себѣ критика для *обороны* украинскихъ повѣстей Гоголя отъ моихъ указаній на его погрѣшности противъ народоописанія. Можетъ быть, глядя глазами Москвичей на нашу сельскую жизнь, г. Максимовичъ оборонитъ и эту, какъ онъ, безъ сомнѣнія, скажетъ, »поэтическую, высоко художественную сцену«;

но намъ, не разорвавшимъ живой связи съ нашимъ народомъ, жаль, что повѣсти Гоголя пустили о немъ въ русское читающее общество столько превратныхъ понятій. Почтенному, уважаемому уже за одну его власть поселянину могло придти въ голову—отбить у сына невѣсту, какъ и королю Филиппу Второму; но для этого онъ и обратился бы къ своимъ преимуществамъ передъ сыномъ, а вовсе не къ тому, въ чемъ ему мудрено соперничать съ молодымъ любовникомъ. Въ одной только московской газетѣ подобныя соображенія не имѣютъ мѣста и вызываютъ *оборону Гоголя* отъ здраваго смысла людей, которые, указывая на погрѣшности молодого таланта, высоко цѣнятъ этотъ талантъ въ его дальнѣйшемъ развитіи.

Но посмотрите, какою игрушкою представлялись Гоголю поселяне, какъ онъ поверхностно на нихъ смотрѣлъ, какъ мало похожи они на людей! Влюбленный парубокъ, попавъ на сцену тайнаго свиданья своей нѣжной голубки съ отцомъ, и не помыслилъ о ревности, которая, сколько мы понимаемъ свойства души человѣческой вообще и характеръ нашихъ сельскихъ любовниковъ въ особенности, должна бы быть у него господствующимъ чувствомъ на ту пору. »Невольное покачиваніе головою и легкій сквозь зубы свистъ одни только выразили его *изумленіе*« (*),—вотъ первое впечатлѣніе, произведенное на молодую душу возмутительною сценою женскаго лукавства.

»Ай да батько!« говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія (продолжаетъ Гоголь) и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствомъ головѣ. »Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! Постой же, старый хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ! будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣстъ! Гей, хлопцы! сюда! сюда! кричалъ онъ, махая рукою парубкамъ, которые снова собирались въ кучу: ступайте сюда! Я увѣщевалъ васъ идти спать, но теперь раздумалъ и готовъ, хоть цѣлую ночь, самъ гулять съ вами. Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову? Что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляетъ у насъ, какъ-будто гетманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще подъѣзжаетъ къ дівчáтамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова.« (**)

(*) *Соч. и П. Гоголя.* I, 66.

(**) Тамъ же, 67.

Эта выписка поражаетъ насъ двойною неестественностью: отсутствіемъ въ любовникѣ хотя бы малѣйшаго чувства неудовольствія къ возлюбленной и полнымъ забвеніемъ съ его стороны, что голова всё-таки отецъ его. Левко́ во всемъ разговорѣ съ товарищами даже не назвалъ голову отцомъ. Хоть бы онъ сказалъ, что не признаетъ его больше за отца. Нѣтъ, онъ просто относится къ нему, какъ »вольный козакъ« къ головѣ и говоритъ о старческихъ его проказахъ такимъ тономъ, какъ-будто въ нихъ для сына нѣтъ ничего особенно поразительнаго. Какое! онъ тутъ же сложилъ про отца водевильную пѣсенку.

»А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу, продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры.« (*)

У писателя, болѣе близкаго къ украинскому народу, невольно явилась бы мысль, что дѣло вѣдь идетъ объ отцѣ, и пусть ужъ Левко́—самый безпутный изъ парубковъ (тогда какъ у Гоголя, напротивъ, онъ опоэтизированъ насколько это было для автора возможно); но вѣдь у тѣхъ, къ кому онъ обращался, были тоже отцы. Неужели же ни въ одной душѣ не явился упрекъ товарищу: »Левко́, а всё-таки онъ тебѣ отецъ!« Ни тѣни чего-нибудь подобнаго не явилось въ умѣ живописца украинскихъ нравовъ, обороняемаго г. Максимовичемъ. Его парубки съ восторгомъ приняли предложеніе Левка́ и хоромъ распѣвали слѣдующій во всѣхъ отношеніяхъ безобразный пасквиль, сложенный сыномъ на роднаго отца:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Вдругъ разсыпались всѣ клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами!
Голова нашъ сѣдъ и кривъ,
Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!

(*) Тамъ же, 68.

Прихотливъ и похотливъ:
Жмется къ дѣвкамъ.... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
Тебя бъ нужно въ домовину,
По усамъ да по шеямъ!
За чуприну, за чуприну! (*)

Когда перечитываешь теперь первыя сочиненія Гоголя и находишь въ нихъ мѣстами такое поразительное отсутствіе ума, чувства и вкуса, становится отчасти понятною излишняя строгость къ нему такихъ критиковъ, какъ Полевой. Но, точно такъ, какъ порицатели Гоголя, изъ-за его погрѣшностей противъ природы человѣческой, не видѣли достоинствъ молодой, слишкомъ неопытной его фантазіи, почитатели его, ради свѣжихъ, оригинальныхъ красотъ новаго таланта, не хотѣли видѣть поразительныхъ для насъ его недостатковъ. Таковъ почти всегда бываетъ судъ современниковъ надъ первыми произведеніями литературнаго генія. Горячій споръ за него оканчивается обыкновенно взаимными уступками. Только умы неподвижные, неспособные развиваться ходомъ науки и самой жизни, остаются до конца вѣрны первоначальнымъ убѣжденіямъ.

Чтобы не возмутиться поступкомъ Гоголевой героини Ганны и находить натуральнымъ спокойствіе ея любовника, заставшаго ее на тайномъ свиданіи съ »неожиданнымъ соперникомъ«, надобно быть или очень, очень юнымъ, или очень, очень ветхимъ. Пропѣвъ хоромъ свой пасквиль подъ окномъ родной хаты и пустивъ въ отцовское окно увѣснстымъ камнемъ (не извѣстно, впрочемъ, своеручно ли), Левко́ долго дразнитъ еще отца переодѣваньями, наконецъ успокоивается и засыпаетъ въ сладкихъ мечтахъ о возлюбленной, а послѣ развязки повѣсти видитъ ее спящею подъ отворенньмъ окномъ, говоритъ ей сонной чувствительныя нѣжности, креститъ и радуется, что будетъ мужемъ той дѣвушки, которая въ одну и ту же ночь выходила изъ хаты на тайное свиданье съ сыномъ и отцомъ. »Какая незлобная, какая простосердечная натура украинская!« могутъ заключить изъ всего этого изучающіе нашъ народъ по повѣстямъ Гоголя. »Въ этомъ народѣ автору *Отелло* нечего было бы дѣлать.« А между тѣмъ.

(*) Тамъ же, 72.

пѣсни этого народа часто говорятъ объ отравахъ и убійствахъ изъ ревности, да и уголовныя преступленія въ украинскомъ простонародьи едвали не чаще всего совершаются въ безуміи ревности. Но какое дѣло обороняющимъ Гоголя критикамъ до подобныхъ фактовъ? Они рѣшились оборонять Гоголя героически...

Такимъ-образомъ, мы находимъ противуестественными отношенія любящаго парубка къ его возлюбленной и сына къ отцу, а на этихъ-то отношеніяхъ и основана вся повѣсть. Въ предыдущей статьѣ мы говорили о натянутости у Гоголя разговоровъ между влюбленными. Въ *Майской Ночи*—то же самое, какъ это видно изъ приведенной выше реторической тирады, въ видѣ рѣчи влюбленной сельской дѣвушки. Гоголю, повидимому, такъ же трудно было придумывать рѣчи въ описаніи любовнаго свиданія, какъ и его Ивану Ѳедоровичу Шпонькѣ. Тотъ заговорилъ съ барышнею о мухахъ; у Гоголя сельская красавица отъ сомнѣній въ возможности счастья, отъ задушевной бесѣды съ милымъ парубкомъ, переходитъ по-дѣтски къ счету звѣздъ.

»...Да тебѣ только сто́итъ, Левко́, слово сказать—и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово—и невольно дѣлаю, что́ тебѣ хочется. Посмотри, посмотри! продолжала она, etc. Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая...« (*) и начинается дѣйствительно дѣтскій разговоръ, что дескать ни одинъ дубъ не достанетъ до неба, что Богъ спускаетъ съ неба лѣстницу передъ свѣтлымъ воскресеньемъ... До того ли имъ въ ихъ затруднительномъ положеніи? Все это похоже у Гоголя на то, что́ говорится въ пословицѣ: *Чувъ, що дзво́нять, та не знавъ, у якій це́ркві*. Вся эта сцена не создана, а слѣплена изъ того, что́ сохранилось въ памяти автора отъ бесѣдъ съ нянъками-украинками. Можетъ быть, даже и самый счетъ звѣздъ взятъ Гоголемъ изъ извѣстной пѣсни:

Ой ти въ ха́ті, я на-дво́рі;
Ви́йди, се́рце, злічимъ зо́рі.

(*) Тамъ же, 58.

Но, въ такомъ случаѣ, онъ упустилъ изъ виду слѣдующій за этимъ стихъ, опредѣляющій смыслъ пѣсни:

Не лічйла и не бу́ду...

Сліяніе чудеснаго съ дѣйствительностію въ *Майской Ночи* сдѣлано Гоголемъ по образцу Гофмановыхъ повѣстей, но безъ Гофмановскаго искусства. Какимъ образомъ очутилась въ рукѣ успувшаго парубка записка коммиссара? на этотъ вопросъ можно отвѣчать только: такъ было угодно автору. Но и самая записка, независимо отъ чудесности ея полученія, исполнена невѣроятности, которую можно объяснить только молодостію автора и его незнаніемъ, ка́къ стоятъ вещи въ украинской сельской жизни. Гоголь представляетъ коммиссара неограниченнымъ деспотомъ, котораго прихоть принимается, какъ абсолютный законъ, волостнымъ головою въ такомъ чисто семейномъ, неподлежащемъ полицейскому вѣдѣнію дѣлѣ, какъ женидьба сына. Сто́итъ намъ прочесть эту записку, чтобы судить, до какой степени читатели и критики Гоголя вѣрили ему во всемъ, что́ бы онъ ни сказалъ о своей родинѣ.

»Приказъ головѣ, Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости; а вслѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левка́ Макого́ненка, на козачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петрычёнковой, а также почишить мосты на столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хотя бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое неприведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Коммиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій.« (*)

Смѣшно, но не сообразно съ дѣйствительностію. Гоголь, вѣроятно, зналъ, что въ какомъ-нибудь тридесятомъ царствѣ приближенные къ деспоту люди не только готовы исполнить всякую прихоть своего владыки, но даже стараются предупредительно угадать ее. Иначе дѣлаются дѣла въ сельскомъ мірѣ относительно нелѣпаго вмѣшательства полицейскаго чиновника въ дѣла семейныя, о которыхъ онъ пишетъ на-ряду съ починкою мостовъ и выдачею обывательскихъ лоша-

(*) Тамъ же, 83.

дей. Гдѣ Украина, изображенная Гоголемъ, обороняемымъ отъ насъ московскимъ *Днѣмъ*, мы не знаемъ. У насъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, такой Украины нѣтъ, развѣ отыщетъ ее, собственно для московской газеты, г. Максимовичъ...

Незнаніе правовъ и обычаевъ украинскихъ, неуваженіе къ человѣческой личности украинскаго простолюдина такъ и разитъ на каждомъ шагу въ первыхъ повѣстяхъ Гоголя. Волостной голова, которому влетѣлъ въ окно увѣсистый камень, который былъ осрамленъ пасквилемъ и при этомъ влюбленъ въ молодую дѣвушку,—по запискѣ коммиссара тотчасъ женитъ на этой дѣвушкѣ своего сына, буяна и соперника!

»Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть коммисаръ увидитъ, что̀ значитъ исправность!« (*)

Еслибы животныя имѣли даръ слова, можетъ быть, они въ подобныхъ случаяхъ такъ и говорили бы; но люди, да еще украинцы, да еще козаки, въ лицѣ почетнѣйшаго между ними, могутъ говорить этакъ только на страницахъ украинскихъ повѣстей, написанныхъ для такихъ читателей и судей, какимъ является, спустя тридцать лѣтъ, г. Максимовичъ. *Чортъ съ вами!* Это напутственное благословеніе отца, сказанное сыну, въ присутствіи писаря и другихъ членовъ сельской громады! Подавленный, деморализованный рабствомъ индійскій парій, и тотъ иначе выражается въ подобныхъ случаяхъ. Волостной голова въ Украинѣ слишкомъ далекъ отъ Гоголева типа, въ какой бы зависимости ни находился отъ полицейскаго своего начальника.

И какой легковѣрный этотъ голова! Вечеромъ, въ потемкахъ, столкнулся, въ ролѣ Донъ-Жуана, съ сыномъ, а черезъ часъ, много черезъ два (судя по ходу повѣсти), вѣритъ словамъ сына, что будто бы онъ »отлучался вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ коммиссара« (**). Но такихъ несообразностей, обнаруживающихъ авторскую небрежность къ сущности искусства, много у Гоголя въ первыхъ его повѣстяхъ. Ему, напримѣръ, нужно, чтобы голова и двое спутниковъ его столкнулись въ потемкахъ лбами съ писаремъ и двумя его провожатыми, но тутъ же онъ говоритъ, что писарь былъ

(*) Тамъ же, 84.
(**) Тамъ же, 84.

въ жилетѣ цвѣта винныхъ дрождей (*). Ему нужно женить Левка́ черезъ нѣсколько часовъ по полученіи коммисарской записки,—свадьба къ услугамъ читателя. Не говоря ужъ о томъ, что дѣло происходило въ маѣ, когда женятся только паны, живущіе готовымъ хлѣбомъ; не говоря о пренебреженіи къ обряду сватовства, дѣвичъ-вечера, приготовленья коровая, безъ котораго сельская свадьба немыслима, хоть бы о томъ подумалъ авторъ, что и въ самомъ богатомъ домѣ необходимы разныя приготовленія къ пріему свадебныхъ гостей. Все это соображенія ненужныя для живописца украинскихъ поселянъ, по мнѣнію устарѣвшей, ветхой, отупѣлой критики. Невольно вспомнишь каррикатуру Квитки: »Ему́ кажешъ: блаки́тна, а вінъ товчé: *сіня-ста*. Ему́ ка́жешъ: не годи́тця, а вінъ чу́хаетця та ка́же: *Нічаво–ста: для Хахло́въ и тако́й Богъ брядѝ.*« (**)

Но у Гоголя нелѣпости въ изображеніи нравовъ, обычаевъ и характеровъ украинскихъ выкупаются по крайней мѣрѣ прекрасными описаніями природы и комическою стороною явленій жизни, представленныхъ у него болѣе или менѣе въ каррикатурномъ видѣ. Чѣмъ же выкупитъ себя оборона его украинскихъ повѣстей отъ критики, которая ищетъ въ нихъ истинности изображеній, вдохновенія отъ глубоко–почувствованной жизни и наконецъ пользы, какая необходимо должна для насъ проистекать отъ уразумѣнія извѣстной сферы явленій при посредствѣ поэтическаго ясновидѣнія?

П. Кулішъ.

22 ноября 1861 г.
Петербургъ.

(*) Тамъ же, 74.
(**) *Повісті Квітки*, I, 126.

КРАТКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

III.

Всѣмъ извѣстно, что лучшая для растительности почва есть черноземъ, а въ этомъ отношеніи Украина, конечно, не уступаетъ ни одной странѣ въ мірѣ. Полоса, начинающаяся отъ Карпатскихъ горъ и кончающаяся въ Сибири, Барабинскою степью, большею - частію покрыта этою почвой. Она, произведеніями своими, не только удовлетворяетъ потребностямъ жителей, но и доставляетъ избытки, которые изъ Южнорусскаго края отправляются за границу чрезъ порты Чернаго и Азовскаго морей.

Эта черноземная полоса начинается въ Галиціи, восточнѣе Львовскихъ песчаныхъ возвышеній, и идетъ двумя полосами: одна, чрезъ Буковину, входитъ въ Бессарабію и кончается на сѣверозападѣ отъ г. Кишинева; другая, широкою полосою, направляется на востоко–сѣверо–востокъ, захватываетъ часть Люблинской губерніи и входитъ по этому направленію въ русскіе предѣлы. Въ Россіи, сѣверная граница чернозема идетъ на Житомиръ, Кіевъ, Черниговъ, Чернь (Тульск. губ.), Рязань и Казань. На югъ, черноземъ не касается низовьевъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное и Азовское моря, но близко подходитъ къ берегамъ этихъ морей, и оканчивается среднимъ теченіемъ р. Маныча. Съ востока, отъ этой рѣки, граница полосы идетъ на сѣверъ почти до Саратова, откуда переходитъ на лѣвый берегъ Волги и тянется на востокъ. Наибольшая ширина черноземнаго пространства, отъ Оки до Маныча, достигаетъ 945 верстъ. Мы не говоримъ, что все это пространство сплошь покрыто черноземомъ, но здѣсь онъ составляетъ преобладающую почву. Для лучшаго разсмотрѣнія про-

изводительной почвы нашего края, мы разберемъ её по губерніямъ и, гдѣ потребуется, по уѣздамъ.

Происхожденіе чернозема составляетъ еще спорный вопросъ между учеными. По общенародному мнѣнію, черноземъ образовался чрезъ гніеніе растеній и чрезъ смѣшеніе ихъ съ землею, на которой они выросли. Нѣкоторые ученые согласны съ этимъ мнѣніемъ, предполагая, что прежде страна была покрыта лѣсами; другіе отвергаютъ существованіе здѣсь лѣсовъ, потому что нынѣ не осталось никакого ихъ слѣда, а приписываютъ происхожденіе чернозема образованію водному и полагаютъ, что море, покрывая прежде всю страну, осаждало илъ, подобный тому, какой осаждаетъ нынѣ Средиземное море. Но какъ въ черноземѣ не найдено нигдѣ раковинъ—всегдашней принадлежности морей, то и это мнѣніе отвергается. При разложеніи чернозема на составныя его части, найдено, что въ немъ заключается: минеральныхъ частей отъ 85 до 88, перегнойныхъ отъ $10^1/_2$ до 8,—и воды отъ 4 до $3^3/_4$ на сто частей; обилію перегноя и азотныхъ частей приписываютъ его плодородіе. Выгоды чернозема въ сельскомъ хозяйствѣ состоятъ въ томъ, что онъ не требуетъ тщательной обработки и даже она можетъ быть ему вредна тѣмъ, что заглушаетъ посѣянныя сѣмена; не требуетъ удобренія, заключая въ составѣ своемъ не менѣе 12-й части естественнаго перегноя. Невыгоды же черноземной почвы состятъ: въ совершенныхъ неурожаяхъ во время сильныхъ засухъ, неурожаяхъ, достигающихъ иногда до того, что не родится ни одинъ стебель на посѣянномъ полѣ; для паханья эта почва требуетъ значительной силы, не менѣе пары воловъ; сельскохозяйственныя дороги, пролегающія по этой почвѣ, въ дождливое время бываютъ трудно проходимы, потому что въ то время черноземъ распускается гораздо глубже всякаго другаго грунта, а липкость его увеличиваетъ иногда тяжесть колесъ въ пять разъ и болѣе.

Теперь приступимъ къ обозрѣнію разнаго рода почвъ, залегающихъ на пространствѣ южной Руси. Въ Люблинской губерніи плодородіемъ отличаются уѣзды Грубешовскій, Замосцьскій и Люблинскій, но только первый изъ нихъ имѣетъ настоящій черноземъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣняютъ его жирная глина и мѣловой рухлякъ. Эта послѣдняя почва покрываетъ и среднюю часть губерніи; она, по наружному виду, похожа на черноземъ, но требуетъ однакоже удобренія. Къ западу, земля состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, но производитъ при хорошемъ удобреніи, пшеницу въ изобиліи. Въ сѣверной ча-

сти губерніи грунтъ земли частію илистый, частію болотный. На пространствѣ между г. Люблиномъ и м. Пяски почва песчаная; она же покрываетъ и значительную часть Луковскаго уѣзда. Люблинская губ., во всемъ Царствѣ Польскомъ, есть плодороднѣйшая; въ ней остается отъ продовольствія жителей, среднимъ числомъ, до 600 тыс. четвертей разнаго рода хлѣба, который и вывозится частію въ Варшаву, частію въ Пруссію. Лугами изобильны уѣзды Грубешовскій, Красноставскій, Хелмскій, Радзынскій и Замойскій. Луга расположены по низовьямъ рѣкъ, высоты же заняты или лѣсами, или пахатными полями, оттого здѣшнее сѣно не бываетъ отличнаго качества; травосѣяніе почти неупотребительно; но какъ скотъ и лошади находятся около десяти мѣсяцевъ на подножномъ корму, то и сѣна остается для продажи много; оно сбывается частію въ Варшаву, а частію на мѣстѣ, кавалеріи, постоянно въ губерніи квартирующей.

Восточная Галиція, страна по преимуществу земледѣльческая; почва ея, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, вообще плодородна. Сѣверная полоса имѣетъ грунтъ земли суглинистый, весьма способный для произрастанія зерноваго хлѣба, въ-особенности пшеницы. Полоса, проходящая съ запада на востокъ, чрезъ Львовъ, большею частію песчана, а нѣкоторые холмы подъ этимъ городомъ покрыты чистымъ пескомъ. Чѣмъ южнѣе и ближе къ Карпатамъ, тѣмъ почва разнообразнѣе; къ востоку же и въ Буковинѣ она состоитъ изъ чернозема отъ $^1/_2$ до 1-го аршина глубины. Земледѣліе здѣсь стоитъ не на высокой степени; трехпольное хозяйство почти повсемѣстно. Несмотря на удобства къ разведенію луговъ, въ прекрасно-орошенныхъ долинахъ страны, и значительное количество пастбищъ въ горахъ, скотоводство мало развито въ Галиціи, такъ-что на всю эту страну приходится рогатаго скота менѣе $1^1/_2$ милліона и $^1/_2$ милл. головъ лошадей; какъ то, такъ и другое не высокаго качества. (Жителей въ ней болѣе 6 милліоновъ).

Въ Венгріи, Русинами заселены какъ гребень Карпатскихъ горъ, такъ и часть южной ихъ пологости, а потому здѣсь богатство жителей зависитъ не столько отъ почвы, сколько отъ возвышенія воздѣлываемаго поля надъ поверхностію океана. На самомъ гребнѣ горъ, грунтъ земли каменистый, прикрытый въ иныхъ мѣстахъ мергелемъ, въ другихъ—мѣловымъ рухлякомъ; по суровости климата производитъ только овесъ, ячмень, картофель и рѣпу, но каждая углубленная долина, закрытая отъ сѣверныхъ вѣтровъ, даетъ уже рожь; южнѣе же,

миляхъ въ десяти отъ гребня, ростетъ и пшеница, а южный склонъ горъ даетъ виноградъ отличнаго достоинства, персики и винныя ягоды.

Южноруссы въ Минской губерніи заселяютъ самую неблагопріятную для земледѣлія, песчаную и болотистую, полосу. Почва песчаная залегаетъ здѣсь между Пинскомъ и Кобриномъ, и, вообще, въ Полѣсьѣ, въ Припетскихъ болотахъ, часто, среди открытыхъ болотъ, встрѣчаются пески, въ видѣ обнаженныхъ холмовъ, какъ напр. около м. Любашева и въ другихъ мѣстахъ. Чѣмъ болѣе мѣстность отдаляется на сѣверъ отъ Припети, тѣмъ грунтъ земли становится глинистѣе, или обращается въ супесь и, слѣдственно, плодороднѣе, такъ что, съ помощію хорошаго удобренія, производитъ пшеницу. Около самой рѣки почва болотная, илистая и въ восточной части такъ же песчана, какъ и въ западной. Разумѣется, что при такой дурной землѣ хлѣбопашество не можетъ быть успѣшно; въ иныхъ мѣстахъ, даже сильное удобриваніе полей производитъ только слабый урожай. Сѣна въ этихъ мѣстахъ собирается болѣе, чѣмъ нужно для прокормленія скота, но сбытъ его невозможенъ, по причинѣ дурнаго качества и недостатка дорогъ. Только обиліе лѣса поддерживаетъ здѣсь земледѣльца и дозволяетъ ему, за проданный лѣсъ, покупать въ сѣверныхъ частяхъ губерніи и, преимущественно на Волыни, хлѣбъ, въ которомъ онъ всегда чувствуетъ недостатокъ.

Сѣверная часть Волынской губерніи во всемъ подобна Минской: песчаныя пространства, въ видѣ дюнъ, лежатъ между низовьями р. р. Случи и Горыни; илистый грунтъ находится въ болотахъ Владимірскаго и Ковельскаго уѣздовъ, по низовью р. Стыра и почти во всемъ лѣсистомъ Овручскомъ уѣздѣ. Въ этихъ же мѣстахъ попадаются острова торфу, который употребляется иногда на удобреніе полей. Южная часть губерніи, въ особенности верховья Случи и Горыни, покрыты черноземомъ, хотя неглубокимъ, но дающимъ обильную жатву; остальное же возвышенное пространство на сѣверъ до припетской долины состоитъ изъ суглинка и супеси. Хотя каменистыя мѣста попадаются часто въ обрывахъ лощинъ и берегахъ рѣкъ, но на возвышенностяхъ ихъ почти не видно. Наибольшимъ плодородіемъ отличаются уѣзды: Старо-Константиновскій, Заславскій, Острогскій и Кременецкій. Такимъ образомъ, въ отношеніи доброты почвы, Волынская губернія представляетъ три полосы: сѣверная, едва вознаграждающая трудъ земледѣльца; средняя, дающая средній урожай приблизительно

около 4-хъ зеренъ, и южная, приносящая около 8 зеренъ; средній же сборъ по губерніи полагается слишкомъ въ 4½ четверти на одну посѣянную, что составитъ излишку отъ продовольствія жителей отъ 400 до 800 тыс. четвертей хлѣба, смотря по урожаю. За исключеніемъ степныхъ—въ Старо-Константиновскомъ уѣздѣ, луга въ губерніи заливные и лежатъ по долинамъ рѣкъ и въ болотахъ; собираемое сѣно перемѣшано съ осокою и молодымъ камышемъ; но какъ сѣнокошеніе производится два раза въ годъ, то сѣна въ губерніи достаточно.

Въ Кіевской губерніи почва чрезвычайно разнообразна, а потому мы разберемъ её по уѣздамъ. Въ Радомысльскомъ уѣздѣ подпочва почти вездѣ состоитъ изъ глины, поверхность же покрыта пескомъ въ различномъ смѣшеніи съ глиною. Сѣверозападная часть заключаетъ почти чистый песокъ; въ южной песку отъ 25 до 60 процентовъ; низменныя же мѣста покрыты глеевато-песчаною почвою, иногда въ смѣси съ мергелемъ, а чаще съ болотистымъ торфомъ. Песчаная полоса по прибрежью Днѣпра въ Кіевскомъ уѣздѣ продолжается, заключая въ себѣ не болѣе 20 проц. глины; въ западной сторонѣ этого уѣзда черноземъ съ глиною и пескомъ; первый лежитъ болѣе по отлогостямъ; въ южной же полосѣ черноземъ покрываетъ и возвышенности. Въ Васильковскомъ уѣздѣ, чѣмъ южнѣе, тѣмъ черноземъ тучнѣе; но р. Роси къ нему примѣшанъ песокъ. Въ гористыхъ мѣстахъ Каневскаго уѣзда, черноземъ смѣшанъ съ глиною, а на остальномъ пространствѣ залегаетъ тучный черноземъ. По лѣвому берегу р. Тясмина, близъ м. Смѣлы, Черкаскаго уѣзда, есть пространство, оставшееся послѣ вырубленнаго сосноваго лѣса: покрытое зыбучимъ пескомъ, оно совершенно безплодно и вредитъ еще сосѣднимъ пахатнымъ полямъ, засыпая ихъ мало-помалу пескомъ. Берега Днѣпра въ этомъ уѣздѣ тоже песчаны; въ прочихъ же мѣстахъ то глинистый, то черноземный грунтъ земли. Почва Чигиринскаго уѣзда дѣлится на три полосы; ближайшая къ Днѣпру — иловата и песчана; слѣдующая за нею, шириною въ 3 — 4 версты, состоитъ изъ зыбучаго песку, потомъ черноземъ, смѣшанный съ пескомъ и глиною, при границахъ уѣзда постепенно переходящій въ чистый черноземъ. Въ Бердичевскомъ уѣздѣ преобладаетъ черноземъ, но къ границамъ губерніи въ составъ почвы примѣшивается песокъ и глей. Въ сѣверозападной части Липовецкаго уѣзда, обширныя черноземныя равнины; такой же грунтъ имѣетъ и юговосточная, лѣсистая, часть; по рѣкѣ же Соби,

правая сторона съ примѣсью глины, а лѣвая съ пескомъ; долина рѣки совершенно песчана. Въ Таращанскомъ у. почва черноземная, въ составъ которой входятъ также песокъ и глина въ разныхъ пропорціяхъ, но вообще для растительности благопріятная. Чистый черноземъ покрываетъ и Звенигородскій уѣздъ; только въ южной части песчаная подпочва выходитъ на поверхность. Изъ этого обзора почвы Кіевской губерніи видно, что она на ¾ пространства плодородна, а производительность ея весьма разнообразна. Такъ, въ Радомысльскомъ уѣздѣ, при общемъ неурожаѣ 1841 года, не собрано и половины посѣяннаго,—тогда какъ въ Бердичевскомъ и Липовецкомъ урожай былъ самъ–четвертъ. Въ урожайные года, Радомысльскій уѣздъ не даетъ и пяти зеренъ, тогда-какъ прочіе уѣзды даютъ отъ 8 до 9 разъ болѣе посѣяннаго. Три рода луговъ существуетъ въ Кіевской губерніи: болотные, луговые и степные; болотные—въ Полѣсьи, луговые на долинахъ рѣкъ и степные въ югозападныхъ уѣздахъ. Эти послѣдніе, по произрастенію въ нихъ горошковыхъ и злачныхъ травъ, считаются самыми выгодными. Во всей губерніи, приблизительно, сѣна собирается около 32 милліоновъ пудовъ; а какъ рогатаго скота здѣсь считается отъ 500 до 600 тыс. головъ, и лошадей отъ 95 до 110 тыс., то и корму для нихъ весьма достаточно, хотя бы прибавить мелкаго скота до 900 тысячъ.—

Въ Каменецъ–Подольской губерніи почва гораздо однообразнѣе, чѣмъ въ Кіевсвой. Въ Каменецкомъ и Проскуровскомъ уѣздахъ, она состоитъ изъ жирнаго чернозема, за исключеніемъ незначительнаго пространства каменистыхъ мѣстъ, по нагорному берегу Днѣстра. Въ Винницкомъ у. почти вездѣ также черноземъ; около праваго берега Буга, грунтъ земли, послѣ вырубленнаго лѣса, состоитъ изъ сѣроватой глины, требующей сильнаго удобренія. Ямпольскій, Брацлавскій и Ушицкій уѣзды покрыты черноземомъ; въ первомъ только глина съ пескомъ на югѣ, а въ послѣднемъ возвышенныя мѣста суглинистыя. Въ Летическомъ, Ольгопольскомъ и въ сѣверной части Литинскаго уѣздовъ залегаетъ суглинокъ, способный для произрастенія пшеницы, но въ послѣднемъ, на сѣверѣ, находится чрезвычайно тучный черноземъ. Наконецъ Балтскій у. покрытъ клейкимъ черноземомъ, но въ иныхъ мѣстахъ онъ лежитъ такъ тонко, что въ жаркое лѣто обращается въ пыль; въ дождливое время здѣсъ бываютъ превосходные урожаи. У крестьянъ этой губерніи хозяйство трехпольное: многіе же помѣщики, по недостатку луговъ, ввели у себя многопольное

и сѣютъ кормовыя травы. Вообще Подольская губернія весьма плодородна, и, несмотря на густое населеніе, она сбываетъ въ Одессу значительное количество пшеницы. Луговъ въ губерніи мало и занимаютъ они только $^1/_{38}$ часть всего пространства; оттого и скота здѣсь не много, несмотря на то, что значительнымъ подспорьемъ корму служитъ здѣсь барда съ винокуренныхъ заводовъ, на которыхъ затирается болѣе чѣмъ 30 тыс. четвертей хлѣба.

Въ Херсонской губерніи почти вся страна покрыта черноземомъ, за исключеніемъ долинъ, рѣкъ и лимановъ и морскаго прибрежья, которыя состоятъ изъ супеси, или суглинка, или въ рѣдкихъ мѣстахъ изъ чистаго песку; но плодородіе почвы здѣсь весьма различно, что́ зависитъ болѣе отъ климата, нежели отъ грунта земли. Сѣверная полоса, сохранившая еще небольшое количество лѣсовъ, рѣдко имѣетъ плохіе урожаи, тогда—какъ южная, открытая, необозримая степь, весьма часто подвержена засухамъ, и не будучи закрыта отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, даже и въ не очень жаркое лѣто, даетъ посредственные урожаи; при мокромъ лѣтѣ они бываютъ, впрочемъ, обильны. Система здѣшняго крестьянскаго хозяйства переложная: послѣ четырехлѣтняго посѣва, обыкновенно поле оставляется подъ паръ на 9—10 лѣтъ; по прошествіи двухъ, трехъ лѣтъ поле заростаетъ травою и обращается въ сѣнокосъ. Впрочемъ, въ Александрійскомъ и Бобринецкомъ уѣздахъ перелоговъ не существуетъ. Здѣшніе луга всѣ почти степные; пользуясь обиліемъ ихъ, жители разводятъ много скота и овецъ. Пахатныхъ полей здѣсь четвертая часть противъ всего пространства; при урожаѣ съ нихъ собирается до 4-хъ милліоновъ четвертей хлѣба, и тогда излишекъ простирается до 12 тыс. четвертей. Сбываемый хлѣбъ въ портахъ Чернаго моря состоитъ изъ арнаутки, гирки и озимой пшеницы; ржи въ губерніи сѣютъ мало и для винокуренныхъ заводовъ она получается изъ сосѣднихъ, сѣверныхъ, губерній.

Черноземъ преобладаетъ и въ Курской губерніи, но онъ тамъ находится болѣе или менѣе въ смѣси съ глиною и пескомъ. Толщина этого чернозема здѣсь различна: въ Суджанскомъ у. она не болѣе 3-хъ вершковъ, а между рѣками Псіолъ и Семь достигаетъ до $1^1/_2$ аршина. Менѣе плодородные уѣзды Старооскольскій и Ново-Оскольскій. Сыпучіе пески находятся: на лѣвомъ берегу р. Оскола, за с. Ржавцомъ, по лѣвую сторону Сѣвернаго Донца, при сліяніи р.р. Усожа и Сваны, и вдоль Обоянской дороги къ Курску. Суг-

линокъ залегаетъ почти по всѣмъ ярамъ, а въ особенности по правой сторонѣ р.р. Донца и Корочи, и почти по всему правому нагорному берегу Семи. Каменистая почва попадается только въ нѣкоторыхъ оврагахъ и во многихъ рѣкахъ. Супесь, въ этой губерніи, встрѣчается рѣже другихъ почвъ; наибольшее ею занимаемое пространство, по правому берегу Семи, имѣетъ въ ширину отъ 1–й до 3–хъ верстъ. Несмотря на то, что Курская губернія считается степною, луга въ ней почти всѣ заливные и составляютъ менѣе $^1/_7$ всего пространства; травосѣяніе здѣсь не въ употребленіи, но сѣна на прокормленіе домашняго скота достаточно. Зерновой хлѣбъ родится въ изобиліи; неурожайные года рѣдки и средній сборъ считается въ 5 четвертей на одну посѣянную. Избытки, происходящіе въ урожайные годы, доставляются въ сосѣднія губерніи на пристани, которыхъ Курская не имѣетъ, по той причинѣ, что въ ней находятся только верховья большихъ рѣкъ и судоходства поэтому въ ней быть не можетъ.

Воронежская губ., раздѣленная р. Дономъ почти на двѣ равныя половины, имѣетъ почву, по правую сторону этой рѣки, большею частію черноземную; на лѣвой же сторонѣ преобладаютъ супесь и суглинокъ, а черноземъ залегаетъ полосами и островами. Сѣверная часть Павловскаго уѣзда, въ-особенности по р. Толучѣевкѣ, покрыта мѣловымъ рухлякомъ. Большихъ песчаныхъ пространствъ въ губерніи не имѣется, а незначительныя полосы пролегаютъ по долинамъ лѣвыхъ притоковъ Дона. Изъ всего пространства пахатной земли половина требуетъ удобренія, сильнѣйшаго въ сѣверныхъ, слабѣйшаго въ южныхъ частяхъ губерніи. По десятилѣтней сложности, средній урожай здѣсь высчитанъ въ сам–четвертъ, но въ урожайные годы избытокъ отъ продовольствія жителей бываетъ очень значителенъ; случалось, что онъ достигалъ до 3–хъ милліоновъ четвертей. Хлѣбъ, преимущественно пшеница, сбывается въ Ростовъ, по Дону, чрезъ Волгу, для войскъ Кавказскаго корпуса и въ Елецъ для перемолки и доставки оттуда въ Москву. Луга здѣсь степные и заливные; первыхъ больше, потому–что долины рѣкъ здѣсь узкія; сѣна собирается достаточно для прокормленія скота, тѣмъ болѣе, что здѣсь его зимою прокармливаютъ яровою соломою.

Въ отношеніи почвы, Черниговскую губернію можно раздѣлить на три полосы: сѣверная, т. е. уѣзды Мглинскій и Суражскій, покрыты сѣропесчаною землею, рѣдко вознаграждающую трудъ хлѣбопашца;

здѣсь урожай самъ–третей считается хорошимъ. Средняя полоса состоитъ изъ Глуховскаго, Кролевецкаго, Сосницкаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго уѣздовъ, въ которыхъ верхняя почва покрыта весьма тонкимъ слоемъ чернозема, смѣшаннаго преимущественно съ глиною и отчасти съ пескомъ. Южная полоса, или уѣзды Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій и южныя части Глуховскаго и Кролевецкаго, имѣютъ почву черноземную, съ незначительною подмѣсью глины; южная часть гораздо плодороднѣе двухъ первыхъ, и у жителей остается хлѣбъ для продажи; средняя, большею частію, обходится своимъ сборомъ; сѣверная же, обильная лѣсами, промѣниваетъ ихъ на недостающій хлѣбъ. Кромѣ многихъ лѣсомъ поросшихъ впадинъ, илистый и болотистый грунтъ покрываетъ нижнее теченіе праваго берега р. Десны, до впаденія ея въ Днѣпръ, откуда начинаются пески, тянущіеся по длинѣ Днѣпра, на сѣверъ слишкомъ на 120 верстъ. Не считая лѣсныхъ и болотистыхъ пространствъ, луга занимаютъ $^1/_{14}$ часть губерніи, но ихъ весьма достаточно для прокормленія малорослаго и худаго скота. Сѣно же здѣсь рѣдко превышаетъ цѣну въ 15 коп. серебромъ пудъ.

На подпочвѣ глинистой, плотнаго сложенія, въ Полтавской губерніи лежитъ преимущественно черноземъ, а также супесь, суглинокъ и песокъ. По теченію р. р. Днѣпра, Ворсклы, Орели и Псіола, залегаютъ полосами пески, которые островами находятся также въ Кременчугскомъ и Золотоношскомъ уѣздахъ. Каменистая почва рѣдко встрѣчается на поверхности; можно указать только на окрестности Кременчуга и около с. Исачекъ, на р. Сулѣ. Уѣзды Гадячскій, Полтавскій, Кобеляцкій и Лохвицкій, а также возвышенности, по теченію Сулы, имѣютъ суглинокъ, но черноземъ вездѣ преобладаетъ, залегая большими полосами и островами; остальные уѣзды губерніи покрыты тучнымъ черноземомъ, глубиною отъ $^1/_2$ до 2–хъ аршинъ. Вообще же почва Полтавской губерніи одна изъ самыхъ плодородныхъ, по тучности чернозема, и удобреніе употребляется только подъ конопляники. Сѣно собирается здѣсь съ заливныхъ луговъ и степей; послѣднія даютъ обильнѣйшій сборъ и питательнѣйшую пищу для скота; трава въ степяхъ достигаетъ иногда до 2–хъ аршинъ высоты. Зернового хлѣба и сѣна не только достаточно, для прокормленія жителей и скота, но остается и того и другаго значительный излишекъ, который и сохраняется въ большихъ скирахъ, на случай неурожаевъ. Сбытъ земледѣльческихъ произведеній отсюда весьма затруднителенъ, по отдаленности отъ портовъ Чернаго моря и отъ пристаней на

тѣхъ рѣкахъ, которыя доставляютъ продукты въ Москву, Петербургъ и Ригу; Днѣпръ же весьма неудобенъ для сплава громоздкихъ товаровъ, по причинѣ пороговъ.

Харьковская губ., орошенная рѣками лучше сосѣднихъ съ нею губерній, имѣетъ $^2/_3$ всего пространства подъ черноземною почвою, требующаго удобренія только подъ коноплю и табакъ. Въ уѣздахъ Старобѣльскомъ, Зміевскомъ и Ахтырскомъ, кромѣ наносной въ долинахъ рѣкъ, вся почва состоитъ изъ жирнаго чернозема, прочіе уѣзды нѣсколько бѣднѣе въ этомъ отношеніи. Песчаныя пространства залегаютъ въ Волчанскомъ, Харьковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ длинными, но узкими полосами. Солонцеватая почва встрѣчается въ южной оконечности Изюмскаго уѣзда, а каменистая только на берегу Донца, около Изюма. Черноземъ, смѣшанный съ глиною, находится на югѣ отъ Харькова, по дорогѣ на Екатеринославъ и по р. Лопани. Этотъ грунтъ земли даетъ пшеницу обильнѣе и доброкачественнѣе даже той, которая произрастаетъ на чистомъ черноземѣ, которому больше вредятъ засухи. Система хлѣбопашества въ губерніи трех–польная, но существуютъ и перелоги, тамъ, гдѣ много земли. Хлѣба родится достаточно и излишекъ простирается до 300 тыс. четвертей, который былъ бы еще болѣе, если бы работники не уходили на лѣто въ Донскую землю. Здѣсь случаются и неурожайные годы, во время конхъ хлѣбъ привозится изъ Курской и Екатеринославской губерній. Луга на сѣверѣ заливные, на югѣ степные и сѣна собирается болѣе, чѣмъ надобно.

Въ Екатеринославской губерніи преобладающая почва черноземная; ею обильны Новомосковскій, Павлоградскій, почти весь Бахмутскій и части Александровскаго, Верхнеднѣпровскаго и Екатеринославскаго уѣздовъ. Чѣмъ болѣе подвигаться на югъ, тѣмъ толщина черноземнаго слоя уменьшается и въ южной части сперва залегаетъ черноземъ съ глиною, а потомъ еще южнѣе суглинокъ и чистая глина. Сѣверныя части Славяносербскаго и Бахмутскаго уѣздовъ имѣютъ почву мѣловатую. Пески залегаютъ: по лѣвому берегу Днѣпра, отъ устья Самары до устья Орели; по лѣвому берегу послѣдней до с. Гупаловки; по лѣвому берегу Самары и вверхъ по р. Волчьей до с. Воскресенскаго. Каменистый грунтъ проходитъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ на востокъ до р. Калміуса, но онъ на поверхности прикрытъ другими почвами, а видѣнъ только въ обрывахъ рѣкъ и нѣкоторыхъ оврагахъ; хрящеватой и солонцеватой земли встрѣчается весьма мало.

Плодородіе земли здѣсь необыкновенно; безъ всякаго удабриванія одно и то-же поле даетъ три года сряду хорошій урожай; потомъ оставляется подъ паръ, а черезъ два года на немъ косится отличное сѣно. Зерноваго хлѣба въ губерніи собирается до 3–хъ милліоновъ четвертей и пшеница разнаго рода сбывается въ Таганрогѣ, Маріуполѣ, Бердянскѣ и Ростовѣ. По причинѣ переложной системы, количество сѣнокосныхъ луговъ опредѣлить нельзя, но сѣна въ степяхъ собирается такъ много, что только въ сухія лѣта косится сѣно на заливныхъ лугахъ, по долинамъ рѣкъ.

Таврическая губернія состоитъ изъ трехъ частей: горной, степной и степной–черноземной. Въ горной части, которая составляетъ $^1/_{13}$ часть губ., почва весьма разнообразна: каменистая, глинистая, известковая, песчаная и хорошо удобренный суглинокъ. Все степное пространство Крымскаго полуострова покрыто глиною, смѣшанною съ пескомъ въ разныхъ пропорціяхъ; есть нѣсколько полосъ и сѣрой земли; вся эта степь достаточно хлѣбородна, исключеніе составляютъ глинисто–солонцеватыя полосы въ уѣздахъ Евпаторійскомъ и Перекопскомъ, окраины морскихъ береговъ по Сивашу и небольшія пространства въ уѣздахъ Ѳеодосійскомъ и Симферопольскомъ. Этотъ грунтъ совершенно не удобенъ для хлѣбопашества, а рѣдкія, солонцеватыя, на немъ растущія травы доставляютъ пастбище для скота, преимущественно овецъ и верблюдовъ. Песчаная полоса идетъ по всему низменному берегу Днѣпра и отъ Кинбурна до Каховки и далѣе, эта послѣдняя занимаетъ собою пространство въ длину на 160, а въ ширину на 35 верстъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пески эти образуютъ дюны, называемыя здѣсь кучугурами. Степная черноземная полоса находится въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, на материкѣ; здѣсь залегаетъ черноземъ глубиною около аршина, исключеніе составляютъ: описанная песчаная полоса, глинистосолончаковый берегъ Сиваша и подпочва, выказывающаяся на возвышенностяхъ, которая по р. Токмаку состоитъ изъ кристаллическихъ породъ, въ Бердянскомъ уѣздѣ изъ твердой, красной глины и около Таганрога изъ твердаго известняку. На южномъ берегу Крыма жители занимаются винодѣліемъ и садоводствомъ, пахатныхъ же полей тамъ весьма мало; вся же остальная часть губерніи удобна для хлѣбопашества и скотоводства. Земледѣліе здѣсь было на различныхъ степеняхъ совершенства: начиная отъ переложной системы Ногайскихъ татаръ (нынѣ переселившихся въ Турцію), до прекрасно примѣняемой къ мѣстности четырехпольной системы нѣ-

мецкихъ колонистовъ — съ садами, удобренными лугами и засаживаемымъ лѣсомъ. До переселенія татаръ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи отпускалось за границу до 100 тыс. четвертей зерноваго хлѣба; нынѣ, по переселеніи всего мусульманскаго народа въ Турцію (слишкомъ 200 тыс. человѣкъ), поля останутся невоздѣланными; страна же можетъ прокормить вдвое болѣе прежняго населенія (687,000).

По добротѣ почвы, Землю Войска Донскаго можно раздѣлить на слѣдующія полосы: сѣверную, состоящую изъ округа Хоперскаго и частію Усть-медвѣдицкаго, въ которой грунтъ земли черноземный, смѣшанный то съ глиною, то съ пескомъ и имѣетъ много прогалинъ суглинка и супеси. Это пространство оканчивается на востокѣ спадомъ, перерѣзаннымъ многими оврагами, называемыми здѣсь ериками; на западной, возвышенной сторонѣ этой плоскости и по ерикамъ преимущественно лежитъ черноземъ; на восточной же сторонѣ, внизу, почти вездѣ глинистые и отчасти песчаные солончаки, поглощающіе всю прѣсную воду, стекающую по ерикамъ съ горной части. Эта полоса тянется чрезъ округи Черкасскій и первый и второй Донскіе, сохраняя тотъ же характеръ мѣстности и почвы, но по маловодью она гораздо менѣе плодородна первой полосы. Третью полосу составляетъ вся правая сторона Дона; за исключеніемъ долинъ всѣхъ рѣкъ, она покрыта черноземомъ; тучнѣйшій залегаетъ въ Міускомъ и Черноморскомъ окр. Песчаныя полосы находятся въ долинахъ рѣкъ Дона, Донца, Хопра, Бузулука и Медвѣдицы. Каменистый грунтъ выходитъ на поверхность около р.р. Міуса, Крынки, Севастьяновки и нѣкоторыхъ другихъ. Какъ въ Донской Землѣ удобреніе полей не въ употребленіи, то изъ 144 тыс. квадратныхъ верстъ всего пространства считается неудобной земли 7880 верстъ, которыя впрочемъ и при небольшомъ уходѣ могли бы также производить зерновые хлѣба. Система хозяйства здѣсь въ самомъ плохомъ состояніи; существуютъ единственно одни перелоги, но по плодородію и обилью земли, за исключеніемъ сильныхъ неурожаевъ, жители Земли Войска Донскаго обходятся собственнымъ хлѣбомъ, а пшеницу нѣсколькихъ сортовъ отпускаютъ за границу. Степныхъ и заливныхъ луговъ въ странѣ весьма много, такъ что со всей земли собирается, приблизительно, до 122 милліоновъ пудовъ сѣна; но это огромное количество употребляется безъ остатка въ краю на кормъ рогатому скоту и лошадямъ, которыя составляютъ здѣсь неисчерпаемое богатство.

Исключая Тамань, Земля Черноморскихъ Козаковъ, (нынѣ состав-

ляетъ Кубанскую область, т. е. ея сѣверную часть; закубанская же еще вовсе не изслѣдована, потому что она находилась въ рукахъ непокорныхъ горцевъ), состоитъ изъ сплошнаго чернозема; къ югу, т. е. близъ Кубани, толщина около аршина; чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ онъ лежитъ тоньшимъ слоемъ и на самомъ сѣверѣ проникнутъ солончаками. На Таманн земля сѣрая, чрезвычайно легкая, смѣшана съ пескомъ и во многихъ мѣстахъ согрѣта подземнымъ жаромъ дѣйствующихъ грязныхъ вулкановъ. Таманская почва чрезвычайно плодородна, но легко истощается и требуетъ значительнаго времени для поправленія. Урожай на земляхъ, по сѣверную сторону Кубани лежащихъ, достигаетъ до самъ–тринадцати; а на Таманн зерно, посѣянное въ дѣвственную почву, даетъ самъ–двадцать. — Въ степи черноморскаго войска нѣтъ ни песковъ, ни камней, ни другихъ минераловъ; на Таманн же есть каменья и желѣзныя руды. Прикубанскія и приморскія заливныя болота имѣютъ грунтъ частію песчаный, частію илистый и солончаковый и въ нихъ залегаютъ большія пространства торфа, который здѣсь въ дѣло не йдетъ. На всю черноморскую степь можно смотрѣть, какъ на обширный лугъ, съ превосходными злачными, разнообразными травами; засѣянное поле—рѣдкость, потому что козакъ сѣетъ только для своего обихода, а не на продажу; на продажу же онъ разводитъ скотъ. На 28 тыс. квадр. вестахъ всего пространства — степь прокармливаетъ до 200 тыс. рогатаго скота, овецъ болѣе полумилліона и около 50 тыс. лошадей. Этотъ скотъ и составляетъ главный предметъ торговли края; такъ - что, среднимъ числомъ, козаки продаютъ ежегодно рогатаго скота до 30 тыс., лошадей до 5 тыс. и овецъ около 150 тысячь штукъ, на сумму отъ 800 тыс. до милліона рублей.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что, несмотря на доброту почвы, Южная Русь не производитъ и третьей доли того, что́ бы она могла производить, еслибы не представлялись къ тому одолимыя и неодолимыя преграды. Этихъ главныхъ преградъ существуетъ двѣ: 1) климатъ: хотя его и называютъ умѣреннымъ, но это названіе справедливо только въ–отношеніи южнаго берега Крыма и малой югозападной части Подольской губерніи. Въ самомъ же дѣлѣ, переходы въ температурѣ здѣсь необыкновенно рѣзки и составляютъ до 40 градусовъ въ хорошихъ и до 70 въ худшихъ мѣстахъ, т. е. что въ самой умѣренной полосѣ, какъ напримѣръ въ Подольской губерніи, лѣтомъ жаръ превосходитъ, а зимою холодъ достигаетъ до 20 гр. Реомюра; въ Херсонской же губ. и восточнѣе Дона крайняя температура доходитъ

до 35 гр. Кромѣ этихъ годовыхъ измѣненій иногда бываютъ поразительны и суточныя: разность температуръ въ одинъ день бываетъ въ 20 гр., что́ зависитъ отъ перемѣны вѣтра; западный и югозападный приносятъ тепло и влажность, сѣверовосточный холодъ и сушу. 2) Недостатокъ сообщеній. Вся Южная Русь, за исключеніемъ Галиціи и Люблинской губерніи, весьма мало имѣетъ устроенныхъ шоссе,—между тѣмъ благодатный черноземъ, по своей мягкости, въ дождливое время очень неудобенъ для движенія тяжестей, до-того, что повозки грузнутъ въ немъ по ступицы, а колеса, увлекая грязь за собою, увеличиваются вдвое въ своемъ объемѣ. Водяныя сообщенія почти не подаютъ надежды къ исправленію: извилистое теченіе Днѣстра, пороги на этой рѣкѣ, на Бугѣ и на Днѣпрѣ, измѣнчивость фарватера всѣхъ этихъ рѣкъ и Дона, и, наконецъ мелководье лимановъ — надолго останутся значительными препятствіями къ плаванію судовъ. Единственная надежда остается на постройку сухопутныхъ сообщеній, т. е. шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Тогда только улучшится и сельское хозяйство, потому-что личная польза, не встрѣчая препятствій, будетъ лучшимъ двигателемъ къ его развитію; а теперь главная остановка за сбытомъ сельскихъ произведеній.

И. М.

ВЕЛИКДЕНЬ У ПОДОЛЯНЪ.

(По-поводу «Быта Подолянъ»—Шейковскаго. Выпускъ I-й, 1860 г. Кіевъ.)

II.

Загадка. Сімъ миль мóсту, а на кінці мóсту квіточка зацвіла.—Сімъ миль мóсту, а на кінці квітъ — на ввесь світъ.

Отгадка. Великдень.

Кто захотѣлъ бы изучить народное одѣяніе Подолянъ, пусть пожалуетъ на Великдень на цвинтаръ. Другого удобнаго случая видѣть всѣхъ въ лучшихъ уборахъ, какіе только есть, не найдти; всѣ остальные праздники не представляютъ ничего подобнаго: изъ церкви въ домъ — *та й годі;* Великдень напротивъ собираетъ всѣхъ—и собираетъ тамъ, гдѣ каждому быть можно. Вышедши *на цвинтаръ*, мы увидимъ лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, да притомъ, — въ самыхъ лучшихъ нарядахъ. Слово *нарядъ* представляетъ воображенію шелки, атласы, пожалуй — жемчугъ, бархатъ... Напрасно!..тѣ Украинцы, которые могли бы одѣться богато, отказались отъ національныхъ нарядовъ; а кто не отказался отъ нихъ, тотъ удержалъ самое необходимое—*щобъ тілько голому не ходúти.* Лѣвая сторона хоть кое-что имѣетъ; а на правой и особенно у Подолянъ осталась только неразлучная спутница жизни— *свúта*, и существуетъ въ разныхъ ея измѣненіяхъ: *свúта*, *ствúтка*, *чугáй*, *чугáїна*, и не только *съ прóстого сукнá*, но даже *съ пóртомъ*. Богачи имѣютъ кожухи и *ярочкóві* свитú, а очень богатые — *свúту крамськýю*. Ноги обуваютъ *въ постолú*—самоходы (измѣненный видъ постоловъ — *рáвлики*); сапоги встрѣчаются рѣдко, не только въ будень, но и на Великдень,—а то и безъ постоловъ. Женская одежда отличается отъ мужской отсутствіемъ *кáбки* (по-подольски—кáпа, кантýръ) и *вилóжистимъ кóмóромъ*. По большею частію одна и та-

же свита грѣетъ всѣхъ: мужа и жену, отца и мать, сына и дочь. Мѣсто плахотъ заняли *мере́жані запаски́* и *спідниці*. *Жінки́ завиваютця въ намітки́*, а въ платкѣ *срамъ ви́йти ми́же лю́ди*; *запере́джуютця* большими платками, складывая ихъ по діагонали въ треугольникъ. Вмѣсто очипка служитъ *капту́ръ* — тотъ же очипокъ, но съ круглымъ донышкомъ, и въ цвѣты. Лучшіе *капту́рі* получаются изъ Одессы. Красный поясъ довершаетъ нарядъ. Ходятъ больше босикомъ.

Для дівчатъ лучшимъ нарядомъ служитъ сорочка. Обобранныя до рубахи, Подолянки – дѣвицы умѣли сдѣлать *соро̀чку* щегольскою. Сколько времени проводятъ онѣ *за кро́снами*! *збира́е*, *мере́житъ*, *полики́ вишива́е*... Надъ шитьемъ рубашки проходитъ иногда полгода. Очевидно, этого не было бы, та *хіба ідна́ соро́чка въ голові, а бі́лше робо́ти и нема́*! *Тілько въ ма̀тері й послу́и, якъ дочка́ підросте́*. Но зато ни въ какомъ нарядѣ Подолянки не бываютъ такъ прелестны, какъ *въ сво́і виши́вані соро́чці*. Широкая, бѣлая, какъ снѣгъ, небрежными складками она спадаетъ по плечамъ и груди, закрывая ихъ *одъ цика̀вого о́ка*; станъ туго охваченъ червонымъ *по́ясомъ*. Тамъ не шьютъ рубашекъ *безъ ко́міра* (т. е. съ gо́рсомъ), какъ въ Гетьманщинѣ; тамъ шея плотно охватывается узенькимъ, вышитымъ *за́полочью*, *ко́міромъ*, который не пришивается, но есть *за́гинка* самихъ *бри́жівъ*, состоитъ изъ мелкихъ складокъ. Оттого-то и сорочка въ высшей степени *расна́*, и чѣмъ *расніща*, тѣмъ признается лучше. Рукава, равнымъ образомъ, широкіе, сбираются также *въ комірець* у кисти и подвязываются выше локтя, оставляя нижнюю часть руки открытою. Верхъ щегольства—*полики́*, т. е. шитье на рукавахъ. Головной уборъ дівчатъ-Подолянокъ также отличенъ отъ убора дівчатъ Полтавской, Черниговской и даже Кіевской губерній. *Заплі́та́ютця* тамъ *въ дрібни́ці* и косы повязываютъ, какъ на рисункѣ Ригельмана, (съ подписью, сколько мнѣ помнится, «крестьянская дѣвушка»). Въ Гетьманщинѣ, какъ извѣстно, заплетаютъ одну косу и та виситъ по плечамъ. Мѣщанки подолянки *заплі́таютця пошляхецький*—въ *ріжки́*—двѣ косы на затылкѣ, каждая ближе къ уху; завиваютъ ихъ накрестъ: лѣвая коса идетъ затылкомъ къ правому уху, а правая къ лѣвому и такъ перекрещиваются; на темени онѣ связываются въ узелокъ маленькими *виплітка́ми*. У которой мѣщанки малая коса, та носитъ *уплітки́*, какъ всякія щеголихи высшаго круга. Въ гетьманщинѣ нѣтъ такого разли-

чія: только иная мѣщаночка-кокетка ходитъ совсѣмъ не заплетаясь. Если наблюдать дѣвичій уборъ по дорогѣ отъ Миргорода черезъ Кіевъ и Білу-Церкву на Подоль, то обычай заплетаться въ одну косу доходитъ до Білої-Церкви. Тамъ начинаютъ заплетаться уже *въ ріжкй* и завязанныя голóвы встрѣчаются рѣже и рѣже.

Стрічкй въ Миргородѣ не въ употребленіи; только и лентъ на головѣ, что *підкісникъ* виситъ. Чѣмъ ближе къ Кіеву, сколько я замѣтилъ, тѣмъ больше *стричокъ* употребляютъ и первоначально увеличивается *підкісникъ*: вмѣсто одной *стёнжки*, вплетаютъ ихъ понѣскольку. Попадаются и такія, которыя украшаютъ *стенжками*, и голову. По ту сторону Кіева *підкісникъ* съ одной косой теряется, являются двѣ косы (ріжки) и *стёнжки* преобладаютъ надъ платкомъ. Но *стрічки* какъ-то навязываютъ по головѣ. *Квіткй* также почти *до Білої-Церкви* затыкаютъ бóльшія — спереди, а къ затылку все меньшія,—отчего *заквічана дівчина-чубáта*. Вѣнки постепенно съуживаются и *київські квітки* встрѣчаютъ все рѣже и рѣже; *намúста чіпляють* все больше и больше, *плахти* постепенно замѣняются *спідницями*; *червоні чоботи* постепенно преобладаютъ надъ желтыми, а *чорноголовці* или *чорнобривці* совершенно пропадаютъ. На ярмаркахъ уборы представляютъ смѣсь, въ которой незамѣтно перевѣса на сторонѣ какого-либо обычая, но все идетъ *мішма*. Такую еще физіономію имѣетъ ярмарка въ *Білій-Церквї*. Здѣсь еще встрѣчаются *скипдячкй*, какъ и около Миргорода. *Жінки въ очіпкахъ* и въ *намітках*ъ; *чоловіки въ чумаркахъ; юбкй* тоже есть и т. д. Но въ Умани не увидите *жінки безъ намітки*, развѣ шляхтянку или мѣщанку, да паню; всѣ дѣвчата въ *дрібницях*ъ, кромѣ шляхтянокъ и мѣщанокъ, также *дяківéнъ* и т. п. *Стрічки*, которыя тамъ называютъ *биндами* (бúнда), прикалываются *до лубка* (родъ обичáйки), который дѣлаютъ изъ бумаги, и снимаютъ его съ головы и накладываютъ на голову, какъ шапку. *Лубóкъ* извѣстенъ также подъ именемъ *кички* (кúчка). *Лубокъ безъ биндівъ* точь-въ-точь околышъ отъ фуражки, только выше—всего вершка въ два вышиною. *Бинди* не какъ попало цѣпляютъ къ лубку; но прежде всего самый *лубокъ разъ коло-разу* обвиваютъ *биндою*, спирально, *щобъ и не знати, що тамъ папіръ*. Затѣмъ *чіпляють* и *бинди—саму ширшу на самій спідъ*, а которыя поуже, тѣ постепенно одну на другую *до самої вузéнької; при кінці чорна оксамітка*—шириною въ палецъ или *биндочкóвий кісúкъ; поверхъ него блищáча*

вузе́сенька—мишурная. *Бинди до лубка* не пришиваются, но прикалываются (только сзади) *шпильками съ червоною головкою*. Когда лубокъ наложить на голову, то *бинди* сзади спускаются *понижче пояса*, и застилаютъ всю заднюю часть головы отъ уха до уха, только двѣ верхнія — *блеща́ча* и *оксамі́тка* обыкновенно коротки, только *обходятъ* лубокъ и *кі́нці сходятця*. Когда снять лубокъ, то голова украшается только косами, въ которыя вплетаютъ *кісники* или *шнуркові*—красныя плетенныя шнурочки, толщиною съ тонкое гусиное перо, или—*биндочкові*—красныя узенькія ленточки шириною въ палецъ. Какъ *шнуркові*, такъ и *биндочкові кісни́ки*—шерстяные, нелинючи. *Квічаютця* тожъ въ обратномъ порядкѣ—бо́льшіе цвѣты затыкаются на затылкѣ, а меньшіе въ постепенномъ порядкѣ *на пере́дъ*. Иногда употребляютъ только два цвѣтка, которые втыкаютъ за косу на затылкѣ, или по одному за каждое ухо. Любимые цвѣты подолянокъ:—*повнякъ*, называемый также *купчако̀мъ* (гвозди́ка), *чорнобри́вець грецький чорнобривець* (smutna wdowa), *насту́рція* (красо́ля), *ру́та*, *барвінокъ*, *мнятка* (проста и инге́льська), *любистокъ*, *наідки́* (тожъ *серде́чникъ*), *зірка*, *страпа̀те зіля и сіре зіля*. Сюда же надо причислить *окла̀дникъ*, *ди́вдерево*, *разноцвітъ* или *остру́жки*, *ласкавицю*, *байсаміну*, *мару́ну* и т. д. Вѣнки тамъ плетутъ тонкіе изъ цвѣтовъ и листьевъ; зимою, вмѣсто того и другого, служатъ перья, окрашенныя въ зеленый, синій и красный цвѣтъ *съ позлі́ткою*. Желтыхъ сапогъ совершенно нѣтъ, но и красные, даже черные, рѣдко попадаются: больше ходятъ *босикомъ*! Вмѣсто того, чтобы связывать голову, какъ больные, (какъ въ Гетьманщинѣ), *підвязуютця*—черезъ уши и темя. Шляхтянки и т. п. *закру́тюютця*. Впрочемъ—это для защиты отъ холоду. Кромѣ косъ, носятъ еще *му́шки* (начо́сы), всего пальца въ два шириною. Идутъ они по бокамъ чела за уши и привязываются къ косамъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ начинаются—у самой головы. *Сере́жки* тамъ называются *ковтка̀ми*—*ковтки̇* (отъ *ко́втатися–болтаться*); носятъ *дукачі*, а *нами̇стомъ* богачки застилаютъ всю грудь.

Домашній уборъ отличается тѣмъ, что *молоди́ці завива́ютця*, вм. *намітки*, въ ху́стку, нѣкоторыя въ *кашміро́ву шаль*; *дівчата безъ биндівъ*, и какъ тѣ, такъ и другія въ запаскахъ и постоянно *босі* — даже зимою. Ходить босикомъ на Подоли вошло въ обычай и ту женщину, которая ходитъ босою ногою по снѣгу, называютъ *чепурухою* (бачь якъ чепури́тця!). *Дівчата и молоди̇ці*

отправляются босыми ногами по снѣгу и на довольно-значительное разстояніе, требующее двухъ–трехъ и болѣе часовъ времени, лишь бы въ своей деревнѣ. До глубокой осени (до після Покрови) онѣ и не думаютъ о сапогахъ, даже до Параски и Смі́тра (до Смі́тра дівка хі́тра).

Играющіе, всегда, лѣтомъ и зимою въ хатѣ, и на Великдень подъ открытымъ небомъ, почти безъ исключенія въ сорочкахъ, развѣ ужъ большой холодъ.

Парубочі сорочки также вышиваются; такъ бывало въ старину и въ Гетманщинѣ, но теперь уже вывелось. На Великдень парубки тоже въ сорочкахъ. Вообще говоря, Подоляне только въ особенныхъ случаяхъ одѣваютъ *свитй*, кожухи и т. п., напр. на ярмарку, идучи до попа съ просьбою и т. п. Но возвращаясь *изъ ярмарку*, если погода не мѣшаетъ, большею частію, остаются въ сорочкахъ. Лѣтомъ мужчины, большею частію, ходятъ съ открытою головой. (Здѣсь, разумѣется, вызсказаны не всѣ особенности Подолянъ).

Великдень,—улица;—*дiди съ чоловiками подiлились на гуртóчки*; иные сидятъ, другіе стоятъ, кто опершись на палку, кто на *парканъ*, и *роздебéньдюютъ стиха*, поглядывая на рѣзвящуюся молодежь. Не та пора, чтобъ и имъ принять участіе въ игрѣ: *старі кóсти не ворушатця и сéрце збучавíло*. Не то ужъ у нихъ и въ головѣ: *тóму сина женити, у того внука на віддані, тому дочку дружити*. А хозяйство! Вотъ чѣмъ ихъ голови *турбуютця*. Но бывало... *Э!* скажетъ *дiдъ*, покачивая головою, *бувало и ми тéе... ажъ земля́ движи́тъ. Вмíли до горй головою ходити; та що згадувати: поти вживати свíта, поки служатъ лíта. Отъ чíе теперь* (*грáло*: покажетъ на парубковъ, на дѣвчатъ); *послі оттихъ буде*, укажетъ на дѣтей; *а колись и íмъ вíдлетитъ, якъ будутъ такí угодні въ Господа, що дожи́ютъ нашихъ лíтъ. О! тоді й вони станутъ, якъ и ми, та тíлько будутъ поглядати, якъ молода кровь грае...*

А молода кровь грае! тамъ *шúла бьютъ*, тамъ *кашу варятъ*, тамъ *хáрлая скачутъ*; *онде въ чорта, въ довгоі лози́*... Вотъ дівчина побѣжала, вотъ и другая—въ противоположную сторону. Это *дитинку продаю́тъ*. И *горохъ*, *и гоірóчки*, и *кривий танець*, и *заíнько*... *Великдень та й годі*. Передадимъ же по порядку всѣ эти игры, коснемся и другихъ, какія знаемъ... Хоть наше и *минýло* уже, хоть

намъ ужь и не участвовать въ играхъ,—такъ услужливое воображеніе поможетъ намъ...

Шйла бйти. Парубки прежде всего *вимірàютця*: берутъ поясъ и за него каждый беретъ рукою по порядку—одинъ, потомъ тѣсно возлѣ его руки беретъ другой, тамъ третій, четвертый и т. д. до послѣдняго. Выше руки послѣдняго беретъ первый, за первымъ второй и т. д. пока станетъ пояса. *Спідній* (т. е. тотъ, чья рука будетъ *на сáмімъ спóді*—послѣднею, когда уже весь поясъ вымѣряютъ,) или, смотря по уговору, *вéрхній*—(чья рука будетъ *на самімъ вéрсі*, когда выше этой руки уже нельзя взяться за поясъ) идетъ въ кружокъ, который образуютъ остальные играющіе, плотно усѣвшись одинъ возлѣ другаго, чаще всего вокругъ ямки. Предварительно заготовляютъ *шйло-битку*. Вся сущность этой игры состоитъ въ томъ, что находящійся въ кружкѣ парубокъ долженъ поймать битку, а тѣ между тѣмъ, сколько могутъ, стараются не допустить его до этого, не силою, но хитростію, подавая шило по-за плечами другъ-другу. Тотъ, дѣйствительно, не знаетъ даже въ какой сторонѣ оно *обертàетця* и только ударъ по плечамъ—*сàмий несподіваний* или, какъ говорятъ, *що не знаешь звітки на тéбе спàде*, даетъ ему знать это. Но тѣмъ временемъ битка—*шило* снова *уже гень-гéнь* и новый ударъ, и снова *шило пошйлося*. При неловкости своей и при ловкости кружка, середній можетъ и довольно долго пробыть въ кружкѣ, пока ему удастся поймать-таки это *шило*. Пойманный съ шиломъ, какъ бы въ наказаніе за свою неловкость, самъ идетъ *въ середину*, а тотъ садится на его мѣсто въ кружкѣ. И ужь дастъ же онъ за свое! Но судьба очень часто рѣшаетъ дѣло иначе: не успѣетъ онъ и *замахнýтись, якъ той лапъ! и спіймавъ. »А! сýчого сина!« та й підéшь знóвъ на своє́ мíсце*—въ середину. А тутъ еще хохотъ, остроты... Вся цѣль игры—смѣхъ. Дѣйствительно, шило почти исключительно оканчивается тогда, когда ни играющіе, ни смотрящіе на нихъ уже не въ силахъ больше смѣяться.

Кáшу варúти или въ коня грáти. Парубки или *хлопці* въ четыремъ—(въ двѣ парі) прежде всего *вимірàютця;* но уже иначе: по два, и чаще всего *полдю,* а не поясомъ. Впрочемъ, то не законъ: *»на чимъ би не вимірàтись, аби вйміратись.«* *Вимірàвшись, спідній* станетъ *въ пару съ спіднімъ, а вéрхній съ вéрхнімъ*. Это еще не относится къ самой игрѣ, а составляетъ только преддверіе ея, какъ бы жребій: *кому ставáти за коня, а кому їздити.* Во всѣхъ

играхъ, при которыхъ только *вимі́раютця*, *спі́днімъ* хуже; а *ве́рхні панýютъ*. Но обычай *вимі́рáтьця*—въ ходу при каждой игрѣ, состоящей изъ двухъ половинъ—разумѣется въ игрѣ парубочей. Такъ и здѣсь *спі́дні* стаятъ за коня, а *верхні кашу варять, їздя, перевертаютця.*

Все это происходитъ такимъ образомъ:

Чтобы образовать коня, *спі́дні* стаютъ на колѣни, лицемъ одинъ къ другому, и потомъ наклоняются къ землѣ такъ, что и локтями стаютъ на землю. При этомъ наблюдается, чтобы, когда они *притуляютця* одинъ къ другому, плечо одного приходилось *въ перехва́ті* другого. Спины ихъ обоихъ находятся на одной площади и образуютъ одну сплошную поверхность; причемъ лѣвый или правый бокъ одного прикасается къ лѣвому же или правому боку другаго, ибо они лицемъ (пе́редомъ) въ противныя стороны. Головы свои они оба *подаю́тъ* къ землѣ, чтобы такимъ образомъ не мѣшать *ве́рхнімъ* — да и самимъ лучше. Когда *спі́дні* такимъ образомъ устроятся—*зробля́ть коня, стануть коня, ве́рхні* стаютъ одинъ по одну сторону его, а другой по другую, и который изъ нихъ безсильнѣе, тотъ начинаетъ игру; оборачивается спиною къ коню, слѣд. и къ товарищу, который тоитъ по ту сторону коня, и ложится *горі́ниці*—т. е. спиною на коня, поперегъ его *по самі́ середині*, наблюдая, чтобы не скатиться на землю. Другой, верхній, наклоняется на этого,—разумѣется со стороны головы,—беретъ его *за по́перекъ* (по-пі́дъ кри́жі) и поднимаетъ *до горі́-ногами*. Поднимаемый въ свою очередь охватываетъ руками поднимающаго, такъ же *за по́перекъ*, и ноги поднимаетъ *до гори*, чтобы такимъ образомъ пособить товарищу и приготовиться стать на землю, какъ увидимъ ниже. Если тому удастся поднять этого (иногда *на са́мімъ початку спортитъ; не такъ возьме або-що, та й упуститъ; а поправлятись не годитця*), то голова поднявшаго очутится *въ самихъ ро́зсохахъ* поднятаго, который виситъ внизъ головою и ноги нагнувъ черезъ плечи своего товарища. Если въ этой позиціи посмотримъ на нихъ въ профиль, то увидимъ фигуру, нѣсколько похожую на букву Г, изображенную въ обратномъ видѣ (Д), т. е. отъ правой руки къ лѣвой, или на печатное прописное Т безъ праваго плеча, что́ одно и то же (Т). *Перехре́стя* этой буквы поднято вверхъ и сверхъ того ломается (т. е. ноги въ колѣнахъ). Фигура эта не стоитъ, но тотчасъ же обращается на мѣстѣ, отчего получится изображеніе, походящее на настоящее Г, разумѣется съ тѣмъ же изъяномъ. Потомъ

это Г наклоняется , ложится черезъ коня и, такимъ образомъ, своимъ носомъ достаетъ земли и тотчасъ же поднимается въ обратномъ видѣ: очевидно, это играющіе *перекидаютця—кашу варятъ*: поднявшій оборачивается спиною къ коню, ложится съ ношею, отчего тотъ, кто былъ поднятъ становится на землю и затѣмъ поднимаетъ своего товарища. Если это удастся, то получается снова та же фигура, только въ обратномъ видѣ, и уже по другую сторону коня. Затѣмъ происходитъ то же самое: поднявшій оборачивается, ложится; поднятый становится на землю и т. д. При этомъ нельзя поправляться; поэтому *вéрхні* обыкновенно скоро *спòртятъ:* который-нибудь *упуститъ* товарища, или оба скатятся, или одинъ не подниметъ другаго: *попробуе—цикъ! та лишъ засміётця*. Когда *спортятъ*, тогда *вéрхні* становятся *за коня (коня станетъ)*, а *спідні* уже *кашу варятъ*. Варящіе кашу всѣми силами держатся одинъ другаго и напрягаютъ всѣ усилія, чтобы не испортить; но тяжесть ноши, при напряженности положенія, скоро утомляетъ. *Спіднімъ* въ этой игрѣ легче, нежели *верхнімъ*, но *верхнімъ* больше удовольствія, нежели *спіднімъ*. *»А що? попоіздили?« — А ми по васъ!*

Харлая́ гра̀ти, или скакати харлая́, или же просто *харлая*. Названіе предыдущихъ игръ понятно: *шило*—оттого, что средній постоянно шьется, вьется. Существуетъ и поговорка, напоминающая эту игру: *вьéтця, якъ шило*. Другая игра: *кашу варити*, равнымъ-образомъ имѣетъ для себя объяснительную поговóрку: *каші наварити* — тоже, чтó надѣлать *колотні*, какъ *пива наварити* значитъ накуралесить. Другое названіе этой игры понятно безъ объясненій. Но откуда произошло названіе харлая́? Въ языкѣ существуетъ слово *харлай* или *харлань* — тоже, чтó и *харпакъ* — ничего неимущій. Харлай — названіе относительное: всравненіи съ Ротшильдомъ, всѣ наши богачи — *харлаі*; но, въ свою очередь, найдется очень-очень много и такихъ, которые будутъ дѣйствительными харлаями всравненіи съ послѣднимъ харлаемъ изъ нашихъ богачей. Но едвали можно допустить, чтобы *игра въ харлая* имѣла что-либо общее съ харлаями. А впрочемъ—*хто ёго скаже*... Однако сомнительно: здѣсь одна половина играющихъ представляетъ собою коней, а другая скачетъ на нихъ. Это очевидно не харлацкое дѣло. Развѣ насмѣшка надъ ними, что они не умѣютъ ѣздить *верхи*; потому что роли играющихъ перемѣняются съ паденіемъ на землю кого-либо изъ первыхъ. Самая игра состоитъ въ слѣдующемъ:

Вúміравшись, парубки— не болѣе десяти (т. е. всего четыре, пять паръ)—дѣлятся на двѣ половины—верхніе *къ верхнімъ*, а *спідні* къ *спіднімъ*. *Спідні* идутъ къ церковной стѣнкѣ и стаютъ *коня*: первый въ половину нагибается и опирается объ стѣнку плечомъ, причемъ, очевидно, туловище его должно изогнуться,—иначе оперся бы головой, а не плечомъ. Второй такимъ же образомъ становится позади перваго и на него опирается, но уже не какъ тотъ—объ стѣнку, а слѣдующимъ образомъ: животомъ нѣсколько какъ бы ложится ему на спину *нàздовжь* и *нàскось*, потомъ нагибается къ землѣ и голову прячетъ тому подъ грудь. Третій такимъ же образомъ поступаетъ въ отношеніи ко второму, четвертый въ отношеніи къ третьему и т. д. Если посмотрѣть на этихъ коней съ высоты, то увидимъ родъ *кіски* — какъ если бы обыкновенную женскую косу, заплетенную *въ три пасмі*, срисовать *наздовжь* не цѣликомъ, а только лѣвую ея половину. Когда такимъ-образомъ устроится конь, *вéрхні* одинъ за другимъ *розбігаютця* и скачутъ на нихъ въ длину: скачущій опирается руками на крайняго и сразмаху скачетъ, пропуская—ловкій скакунъ —промежь своихъ ногъ всѣхъ коней и садится на послѣдняго. За первымъ другой, стараясь сѣсть возлѣ перваго, если онъ удачно скочивъ, тамъ третій и д. Прежде всѣхъ скачетъ тотъ, кто скачетъ лучше всѣхъ, потому-что отъ того, гдѣ онъ сядетъ, зависитъ успѣхъ ихъ роли. Если первый сядетъ очень близко, то для втораго,—а для третьяго непремѣнно—не хватитъ мѣста, развѣ перескочитъ перваго.—Для этого первый можетъ и нагнуться. Но рѣдко находятся такіе *митці*, которые могли бы перескочить такимъ образомъ, однако бываютъ. И если участвуютъ въ игрѣ, то скачутъ послѣ всѣхъ: *якъ гицне, то ажъ підъ самісінькою стіною сяде. Щебъ дальше залетівъ, та нікуди.*

— *Не поправляйсь, не поправляйсь*, кричатъ *зісподу*.

— *Говори!* отвѣтитъ онъ, *та ногами въ боки, наче острогами.—Ось лишъ везіть добре; а я не впаду.*

Такъ *верхні* скачутъ до тѣхъ поръ, пока кто изъ нихъ не свалится на землю *до гáсла*. *Гасло* даютъ *зісподу*: *годі*, кричатъ, или *злазь*, и т. п. Если же не выскочитъ, а только *гицне*, или же, выскочивши, *зсунетця* и т. п. *до гасла*, такъ-что ногами коснется земли, то *спідні* идутъ скакать, а *вéрхні* стану́тъ за коня. Если замѣтятъ, что кто изъ вскочившихъ не твердо сѣлъ, то *гасло* нарочно не скоро *подáютъ*. И сколько суматохи при этомъ! *Держись, дер-*

жись-держись! кричатъ *спідні на своіхъ; держись-держись!* кричатъ *верхні на свого.* А той *причéпится и держится, ажъ руки мліютъ.* Въ крайнихъ случаяхъ и зубами схватится, не разбирая мѣста, да въ азартѣ попадетъ, вмѣстѣ съ полотномъ, и *тіла шматъ.*

— *Не кусайся!* завопитъ укушенный: *хто-тамъ? який тамъ сучій синъ заходивсь зъ зубами коло купра!.. Ай а-й! годі! хай вамъ цуръ!* А тѣ, знай, смѣются; *А!.. крякнетъ укушенный-послѣ всего:—ну добрі мае зуби. Якъ собака вкусивъ. Біме́, шо пе́вне, и тіло вирвавъ...* Да вотъ тѣ ужъ готовы, пора *становитись.* И становятся снова въ прежнюю позицію не забывъ сказать: *та не кусайтесь, бо ви́скочу; ви жъ не вовки, щобъ живцемъ істи. А кому мало свячёного, кобили шукай, або біжи зайця злови... Глядіть же! не кусайтесь-гей собачня! ви чуете? не кусайтесь, говору вамъ!* прибавитъ, уже спрятавъ голову. Да тѣ, къ кому рѣчь относилась, и не разслышатъ: они рады, что скакать пора, и *гайда*—одинъ за другимъ.

До́вгоі лозу́. Эта игра не имѣетъ сама по себѣ ничего замѣчательнаго; играющіе ложатся на землю въ рядъ, одинъ отъ другаго на нѣсколько шаговъ, и послѣдній поднимается, бѣжитъ и перескакиваетъ чрезъ всѣхъ лежащихъ. На другомъ концѣ и самъ ложится. То же дѣлаетъ и слѣдующій, и т. д. Бѣгутъ не поодиначкѣ, но едва первый перешагнетъ двухъ-трехъ, какъ начинаетъ слѣдующій, тамъ слѣдующій и т. д. Вся прелесть *довгоі лози* состоитъ въ живости, съ какою парубки бѣгаютъ, и въ плавности. Для-шутки иной лежащій *гицне, шобъ* бѣгущій *носомъ запоровъ.* Если это удастся, то общій смѣхъ наградитъ его выходку; но случается, что этотъ *не піде кумилёмъ* (клубкомъ), и дастъ тому *пляскача́* и поскачетъ далѣе. Тогда смѣхъ имѣетъ для него обратное значеніе; а кромѣ того *ще й пашитъ.*

Есть и *дівоча довга лоза.* Эта уже съ пѣснію. Дѣвицы берутся за руки по—парно и становятся пара отъ пары въ нѣкоторомъ разстояніи. Руки онѣ поднимаютъ *до гори* и образуютъ родъ *одвірцівъ* (что-то въ родѣ буквы П, только перекладина на серединѣ выше, а по краямъ ниже; головы, разумѣется, выдаются). Число паръ неопредѣленно. Въ образованную такимъ образомъ цѣпь дверей, послѣдняя пара пробѣгаетъ и всѣ поютъ:

А въ довгоі лози
Скакали дівки, якъ кози.

Пробѣжавши подъ всѣми руками, эта пара останавливается и поднимаетъ руки, въ свою очередь, а слѣдующая бѣжитъ и т. д.

Въ парубочей довгой лозѣ число играющихъ также не опредѣляется.

Замѣчательнѣйшая и послѣдняя парубоча игра, это — *Чортъ (въ чóрта грáти)*. Она довольно сложна и имѣетъ миѳическій характеръ. — — —

Кромѣ этихъ игръ, парубки иногда *грáютъ въ мячá*. Но игры въ мячъ не *великодні*; изъ нихъ употребляются только тѣ, которыя не требуютъ много мѣста, какъ-то: *въ коня*, *въ каші*, *въ середúнки*, *въ горішкá*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *въ тарапáти* — игра, имѣющая двѣнадцать частей (колінъ). По желанію играющихъ, число колѣнъ уменьшается до шести, но можетъ и увеличиваться (вподвійні) вдвое, (впотрійні) втрое, даже вчетверо и вшестеро, Существуетъ еще игра, называемая *стінкою* (стінка), и нѣкоторыя другія.

Заключительною парубоцькою игрою надо поставить искусство *строїти дзвінницю:* становится пять, на нихъ—на плечахъ—четыре, на четырехъ три, тамъ два и наконецъ одинъ. Чтобъ *дзвінниця не впала*, берутъ длинный шестъ, за который держатся руками средніе въ каждомъ этажѣ и верхній. Такъ они удаляются *зъ цвинтара*, *щобъ уже не вертатись* для игры *до прúшлого рóку*. *Дзвінниця* подвигается и поетъ, за нею идутъ остальные парубки и также поютъ; сверхъ того, *той навприсідки*, *той кóлиса... Якъ пішла вже дзвінúця, то зъ цвинтара всі-наче іхъ вінникомъ замівъ*. Какъ-то грустно становится, когда видишъ уходящую *дзвінúцю:* она будто символизируетъ удаляющійся Великдень. Самая веселость удаляющихся кажется натянутою, искусственною; ихъ пѣсни—не пѣсни, но прощанье, *голосíння*, и, не смотря на веселый, большею частію, напѣвъ, возбуждаютъ въ душѣ противоположныя чувства... Такъ–какъ силачи перевелись, то дзвінницю не въ каждомъ селѣ и не каждый годъ можно видѣть.

Къ великоднымъ играмъ, кажется, надо отнести и нѣкоторыя дѣтскія игры, какъ–то: *въ проса*, *въ дзвона*, *въ баштана*, *въ*

нѣмця и *въ жму́рки* (піжмурки) (*). Ни въ одну, впрочемъ, изъ этихъ игръ на Великдень не играютъ, и я отношу ихъ къ великоднимъ по соотношенію ихъ съ послѣдними: — *просо* потому, что существуетъ гаивка (и танокъ): *просо сіяти* (въ этой игрѣ, впрочемъ, уже приглашаютъ *жати просо*). Игру *въ дзвона*, по сходству обрядовой стороны ея со многими гаивками: играющіе образуютъ цѣльный кругъ (какъ въ запинькѣ и др.) и *въ серéдині, сéрце бьетця, и все: бамъ! бамъ*!, пока не проскочитъ подъ руками, и пр. *Баштанъ роблятъ — граютъ въ баштана* — цѣлое лѣто. Игра эта своеобразна и сложна; въ ней участвуютъ хозяинъ (иногда съ семействомъ), собаки и *злодій. Нѣмець* походитъ на *шило*, только играютъ стоя, и битку носитъ одинъ съ внѣшней стороны кружка; онъ подбрасываетъ битку и если тотъ, подъ кого она подброшена не спохватится, то подбросившій обходитъ весь кругъ, беретъ битку и бьетъ неосмотрительнаго *наздогінъ*, вокругъ всего кружка. Если же этотъ осмотрится, то самъ хватаетъ битку и *наздогінъ* за подбросившимъ. Право бить оканчивается съ занятіемъ опустѣвшаго мѣста въ кружкѣ, которое долженъ занять уходящій. Впрочемъ, эти игры могутъ и не принадлежать къ Великодню. Что́ же касается *жмурокъ*, то эта игра, по всей вѣроятности, есть великодная. Разскажемъ ее въ подробности.

Въ жму́рки на Подоли играютъ двоякимъ образомъ: *на дворі* и *въ хатѣ. Надвірні жмурки* требуютъ много пространства, нуждаются въ городкѣ и т. п. *Жмурятъ* здѣсь обыкновенно два, по добровольному согласію, остальные *ховаютця*. Одинъ изъ прячущихся даетъ знать словомъ *уже́*, что значитъ пора искать. Тогда жмурящіе въ одинъ голосъ кричатъ: «*ко́бле-кобле*! (или бо́бре–бо́бре) *ховай-жеся добре: бо я хорти ма́ю, по полі пуска́ю: якъ піймутъ, роздерутъ, — Я винень не буду*». Прокричавши всѣ эти слова, одинъ идетъ гонять, а другой наблюдаетъ, чтобы кого изъ ховавшихся *покицяти*—ударить, или хоть прикоснуться внѣ городка. *Кицяе* и тотъ, который ходитъ гонять. Кого гоняющій застанетъ непронувшимся съ мѣста, тотъ кричитъ: *цуръ*!.. *на гара́чімъ мі́сці*, — и получаетъ уступки нѣсколько шаговъ. Гоняющій тогда только можетъ *покинути* этого, когда догонитъ послѣ данной уступки. *Цуръ* кричатъ и въ томъ случаѣ, если по какой-либо причинѣ, а не по неумѣнью

(*) 6-я кн. Основы—ціці-ба́ба (стр. 36 Рідзвяні святкі.

и т. п. случится, что нельзя уходить. Иногда еще и плюютъ на землю: *тьху*! *цуръ*... Тоже дѣлаютъ и *на гарачімъ місці*: *тьху*! *цуръ*! *на горачімъ місці*. Кого *покицяли*, тотъ начинаетъ жмурить. Въ жмуркахъ съ большимъ городкомъ обыкновенно дѣлятся на пары, и если *покицяли* одного, то и другой идетъ жмурить. Игра въ томъ только и состоитъ, что жмурятъ, прячутся и *кицяютъ*.

Хатні жмурки отбываются *въ хаті*; стѣны хаты замѣняютъ городокъ. Если же эти жмурки устрояются подъ открытымъ небомъ, то дѣлается городокъ: *забиваемъ кілкивисочéньки и обвóдимо мáтузомъ, чи поясами—паче кошáру чи обару зробимо*. Въ этомъ-то городкѣ должны находиться всѣ играющіе; выходъ за ограду равносиленъ *покицянію*.

Кто первый долженъ *жмýрити*, выбираютъ слѣдующимъ образомъ: кто нибудь одинъ садится и всѣ ставятъ ему на колѣно третій палецъ правой руки, образуя такимъ образомъ звѣздочку. Когда всѣ это сдѣлаютъ, сидящій (найстаршій въ игрѣ говоритъ слѣдующее (и съ каждымъ словомъ, своимъ пальцемъ — тоже третьимъ — прикасается къ пальцу каждого по порядку (*): *дзень передзéнь коти котудзéй, коні купувáвъ, ноги покувáвъ срібломъ, злóтомъ підъ копúтомъ — бразь! великодній князь; кóсточки, пьявочки, чикъ?* На чьемъ пальцѣ придется *чикъ*, тому завязываютъ глазá и онъ, значитъ, жмуритъ. Вмѣсто этихъ словъ иногда считаютъ до десяти слѣдующими словами: *єдúной, другóной, трóйца, лойца, пьядань, лáдань, сукнамъ, бýкнамъ, деревéнь, декусь* (**). На чьемъ пальцѣ придется *дéкусь*, тотъ жмуритъ.

Когда завяжутъ глаза, то приводятъ его къ дверямъ, если играютъ въ хатѣ если же на дворѣ, то къ какому-нибудь колышку, и между приведшимъ и жмурящимъ идетъ слѣдующій разговоръ:

Приведшій: Панáсъ–Панáсъ! на чімъ ти стоішь?

Жмур. На шпилькáхъ, на голкáхъ, у червóнихъ чобіткáхъ.

Прив. Хтожъ тобі купúвъ?

Жмур. Панáсъ.

(*) Пишу эти свова точно такъ, какъ они остались у меня въ головѣ отъ дѣтства; но никогда я не понималъ ихъ. Знаки я разставилъ только тамъ, гдѣ они слышатся въ живой рѣчи.

(**) Дальше этого счета нѣтъ.

Прив. Ки́ньея до насъ не по... насъ (*), и затѣмъ уходитъ, а тотъ ощупью ловитъ играющихъ (навпомацки). Кого поймаетъ, тому уже завязываютъ глаза, приводятъ къ порогу и говорятъ: Пана́съ–Пана́съ! и проч.

Что́ значатъ всѣ эти слова и рѣчи, пусть объяснятъ другіе; я обращусь къ гаивкамъ.

III.

Очевидно, что слово *гаівка* происходитъ отъ гай; отсюда же (?) и *гаітись* — равносильное слову *бари́тись*, медлить, но не «проводить время» и тѣмъ менѣе «терять время по–пусту», какъ говоритъ г. Шейковскій (вып. 1. стр. 1 и 43). «*Терять время*» по–украински — *га́йти часъ*, терять время по–пусту — *дарма́* (под. даре́мне, или надурня́цю) *часъ га́йти*. Это первая ошибка въ «Бытѣ подолянъ,» которую мы должны исправить. Далѣе — г. Шейковскій производитъ отъ одного корня слѣд. слова: *га́ятись, гаітись, гаіти, гаівка и гоітись*. Едва ли справедливо, будто *гоітись* происходитъ отъ того же корня, что и всѣ эти слова. Не лучше ли, для производства слова *гоітись*, обратиться намъ къ народному языку и остановить вниманіе на словѣ *гій* (и gой — то же самое, только новѣйшей формаціи). Склоняется это слово: гоя, гоеві (гоеви) и т. д. і переходитъ въ о. Въ настоящее время чаще употребляется *gой:* »якій же gой!« говорятъ простаку, — или »*иди́ цюди́ до́ю!*« говорятъ тому, кто боится подступить — вообще gой значитъ почти тоже, что *бевзь*, на подоли неупотребляемое. Слово *гій* употребляется только въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «гій на тебе!» «гій на твою го́лову!» Эти выраженія — оскорбительны, и младшій старшему не говоритъ: *гій* и пр. Въ большей части случаевъ къ той и другой фразѣ прибавляется еще—*скаже́ний* (**), или *навісни́й*. Смягченный смыслъ той и другой фразы можно выразить словомъ *схаманись*,

---

(*) Пропущенное слово можно замѣнить русскимъ *не обезслàвь*.

(**) Я не имѣю возможности сравнить между собою слова *гій* или gой и *гой*, встрѣчающіяся въ сѣверно-русскихъ памятникахъ, и *изгой*. Но они должны имѣть что-то общее.

лли *гамýйся* — опомнись, не сумашествуй. Употребительна также и слѣдующая фраза: *...нима гóя въ голові*—тоже, что по польски: on ma fiха w głowie. Какъ бы то ни было, но словомъ *гой*, *гій* выражаютъ больнаго, положимъ, что и душевно. Нельзя ли думать, что того же гóя посылали и на раны, чтобъ *загóівъ*,—какъ посылаютъ его на головы сумашествующихъ? Если это такъ, то очевидно, что слово *гóітись* и *хвостомъ не обернулось до гаївокъ* и *гаю*. Если и носили больныхъ въ гай, если и теперь носятъ, то это едвали значитъ, что больныхъ исцѣляетъ гай; но, вѣроятно, духъ обитающій въ гаю имѣлъ такую силу. Если допустимъ, что слово *гой*, *гій* дало начало слову *гóіти*, *гóітись*, а это кажется, не сомнѣнно, то можно допустить, что такой исцѣлитель былъ *гой* или *гій*, но не гай. Мысль о пребываніи духа-исцѣлителя въ гаяхъ могло породить и то обстоятельство, что цѣлебныя травы растутъ преимущественно въ гаяхъ; но кто же сѣялъ эти травы, если не самъ исцѣлитель? — Далѣе (стр. 45) г. Шейковскій говоритъ: «О сходствѣ нашихъ гаивокъ съ южно-русскими веснянками... и говорить нéчего...» Съ словомъ *нашихъ* мы соединяемъ ту мысль, что онъ говоритъ отъ лица Подолянъ, но кого же разумѣть подъ Южно-Руссами? ужели Подоль не относится къ южной Руси?... Подоль вѣдь южнѣе Кіева, а въ Кіевѣ поются веснянки. Но Подоляне не Бѣлорусы, и не Поляки, а тѣ же Украинцы, что́ и въ Гетманщинѣ, и въ Запорожьѣ, и въ собственной Украинѣ, всѣ они называются Южно-Руссами... Куда же относитъ г. Шейковскій Подолянъ?

Въ описаніи гаивокъ, г. Шейковскій мало или вовсе не даетъ понятія объ обрядовой сторонѣ нѣкоторыхъ гаивокъ. Возьмемъ напр. 12-ю: *кривúй танéць*. Все, что́ г. Шейковскій говоритъ объ этой гаивкѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Это гаивка одноключевая и самая извѣстная, такъ-что вошла даже въ пословицу» (стр. 28). Между тѣмъ, по своей оригинальности, *кривúй танéць* имѣетъ право на подробное описаніе. Изъ всѣхъ гаивокъ только эта нуждается въ городкѣ и играющія дѣвчáта (иногда участвуютъ и молоденькія женщины) прежде всего устрояютъ *городóкъ*, обозначая его тремя камнями или тремя колышками. Если проведемъ прямыя линіи отъ одного камня къ другому и третьему, то получимъ тупой уголъ. Длина сторонъ его зависитъ отъ числа играющихъ. Потомъ играющія берутся за руки, составляютъ цѣльный ключъ и ходятъ возлѣ этого городка, припѣвая:

А въ кривого танця и пр...

Не могу оставить безъ вниманія еще того, что г. Шейковскій относитъ гаивки къ двумъ культамъ — именно — къ эпохѣ «боготворенія лѣсовъ и рощей, (стр. 41) и видитъ въ нихъ слѣды некромантическаго культа «(42). Съ мнѣніемъ о некромантизмѣ въ гаивкахъ мы рѣшительно не согласны. Не касаясь мнѣнія о сходствѣ гаивокъ съ росалками, мы скажемъ, что доказательствомъ некромантизма въ гаивкахъ не можетъ служить то, что онѣ «отправляются только на цвинтарѣ.»

Словомъ *цвúнтаръ* на Подоли означаютъ *мѣсто* въ церковной оградѣ и *кладбище*. Православныя кладбища у Подолянъ заведены отдѣльно отъ цвинтаря, сравнительно въ недавнее время; до тѣхъ же поръ Подоляне погребали своихъ мертвецовъ въ церковной оградѣ — *на цвúнтарі*.—Но не исключительно «на цвинтарі,» а иногда въ церкви, иногда въ саду, подъ любимымъ деревомъ, иногда и просто на полѣ. Такія могилы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно видѣть и теперь, равнымъ образомъ какъ въ большей части селъ нѣтъ *старыхъ* кладбищъ, а только новыя; что̀ очевидно доказываетъ недавность обычая хоронить покойниковъ на кладбищѣ. Но это ничего не говоритъ въ пользу некромантизма, такъ какъ названіе кладбища цвинтаремъ произошло случайно, а для означенія мѣста погребенія умершихъ существуютъ ему только свойственныя имена,—именно: *мо́гилки*, *гробкú*; *жидівське окóпище* или *окóписько*, *турéцьке клáдовище* или *клáдовисько*. Употребляется еще—*гробовúще* для означенія православнаго кладбища— и самое слово *клáдьбище*. Если бы *цвинтарéмъ* называлось мѣсто погребенія правильно, то всякое мѣсто, на которомъ погребаютъ или погребали, носило бы такое же названіе;—чего мы не видимъ. Но ни однимъ изъ именъ, присвоенныхъ кладбищамъ, не называется *цвúнтаръ*, напротивъ очень часто можно слышать, что *въ давнúну́ гробовúще* (и т. п.) *бу́ло на цвúнтарі*. Такое раздѣленіе именъ указываетъ и различіе понятій, ими выражаемыхъ. Слѣдовательно, повторимъ, слово *цвúнтаръ* ничего не говоритъ въ пользу некромантизма.

Какъ не говоритъ въ пользу некромантизма слово, такъ не говоритъ въ пользу его и мѣсто. Хотя гаивки поются только въ церковной оградѣ, гдѣ погребались мертвыя тѣла; но не это сзывало *на цвúнтаръ* пѣть гаивки,—праздновать Великдень. Если бы мы имѣли возможность узнать, разсмотрѣть празднованіе Великодня въ ту

пору, когда еще мертвыхъ не погребали *на цвѝнтарі*, т. е. въ церковной оградѣ,—то нѣтъ сомнѣнія, что увидѣли бы гаивки въ числѣ празднованій, такъ какъ Великдень есть праздникъ весны. Что́ же тогда сзывало на цвинтаръ? Весна, мы должны отвѣтить. Слѣдовательно, она же была причиною пѣшія гаивокъ *на цвинтарі* и тогда, когда у церкви стали погребать. Обычай остался и послѣ того, когда перестали погребать покойниковъ *на цвѝнтарі*, потому–что не имѣлъ никакой связи съ похоронами, съ гробами. Производство слова отъ *гай* подтверждаетъ это же мнѣніе; ибо мы знаемъ, что славяне мертвыхъ сожигали и ставили *на роздорóжахъ*, но не знаемъ, чтобы они выносили ихъ въ гай. Можетъ быть, была и такая пора, но гаивка новѣе ея, какъ увидимъ изъ значенія ихъ въ годовомъ циклѣ празднованій, и относятся къ порѣ обожанія силъ природы.

Еслибы гаивки относились къ некромантикѣ, то очевидно имѣли бы связь *съ прóводами*. Но проводы не имѣютъ никакого сходства съ гаивками: на проводы пьютъ, ѣдятъ, ладанъ курятъ, а на Великдень, на цвѝнтарі, не пьютъ, не ѣдятъ, не курятъ; на проводахъ нѣтъ никакихъ игръ, на Великдень игры, куда ни глянь — и т. д. Далѣе проводы совершаютъ на кладбищѣ, а Великдень празднуется въ церковной оградѣ. Если посмотримъ на цвинтаръ, какъ на мѣсто погребенія мертвыхъ, то увидимъ, что проводы праздновали *на цвѝнтарі:* и теперь первая *ýчта*, первая чарка *за упокóй душъ помéршихъ*. выпивается *на цвѝнтарі* (въ дзвінйці); тамъ же, въ колокольнѣ, выпиваютъ и послѣднюю *провідну́ чáрку;* но нѣтъ никакихъ признаковъ гаивокъ на кладбищѣ. Отсюда слѣдуетъ, что проводы были связаны съ цвинтяремъ, какъ мѣстомъ погребенія и до тѣхъ поръ совершались исключительно на цвинтарѣ, пока *на цвинтарі* погребали. Но какъ только стали погребать на кладбищѣ, то и проводы переведены туда же. Отчего же гаивки не потянулись за проводами, если и онѣ, какъ проводы, относятся къ некромантическому культу? Если бы онѣ хоть *чýточку* вязались *съ цвѝнтаремъ*, какъ мѣстомъ погребенія мертвыхъ, то непремѣнно, *бодай чýточку*, привязались бы къ кладбищу, хоть на столько, насколько проводы остались *на цвѝнтарі*, въ память прежняго значенія его. Но этого нѣтъ, а потому нѣтъ и въ гаивкахъ *слѣдовъ некромантическаго культа*.

На этомъ можно бы и покончить рѣчь о Великоднѣ; въ *бытѣ Подолянъ* о немъ больше не говорится. Но какъ мы обѣщали, въ

началѣ этой статьи, указать мѣсто Великодня въ годовомъ циклѣ празднованій, то и должны обозрѣть весь годовой кругъ празднованій. При этомъ само собою откроется и то мѣсто, которое Великдень, по характеру своему, занимаетъ въ году. Начнемъ съ самого Великодня.

Такъ-какъ мужскія игры не имѣютъ словъ, и физіономія ихъ неопредѣленна, то, оставивъ эти игры въ сторонѣ, займемся гаивками. Внутренній смыслъ ихъ еще болѣе докажетъ, что онѣ не относятся къ некромантическому культу.

Уже было говорено объ обычаѣ *вiдавáти колодкú*, о связи Великодня съ колодіемъ. Тогда мы сказали, что *колодій былъ заключительнымъ праздникомъ любви, а весна—начальнымъ*, и, говоря это, сослались на содержаніе «нѣкоторыхъ гаивокъ.» Эти-то нѣкоторыя гаивки и отнесемъ къ первому отдѣлу ихъ. Всѣхъ отдѣловъ три: *первый* относится къ безбрачной жизни, *второй* воспѣваетъ темную (и свѣтлую) стороны жизни семейной для женщины; *третій* относится къ земледѣлію.

Прослѣдимъ это по гаивкамъ, напечатаннымъ въ *Бытъ Подолянъ*. Скажемъ предварительно, что нѣтъ доказательствъ въ пользу первоначальной полноты извѣстныхъ теперь гаивокъ, что они подверглись порчѣ. Это доказываютъ слова, вставленныя въ гаивки уже послѣ крещенія: *Йсусъ Христосъ*, *церквандр*. Гаивки съ примѣсью христіанскихъ понятій оставимъ въ сторонѣ.

По порядку изложенія, въ *Бытъ Подолянъ*, первой по нашей мысли будетъ:

3 Горóшокъ (стр. 13–14).

Вúйся, горóшку, въ два стручкú,
Зародú, Бóже, чотúрi,
Шобъ ся парубкú женúли,
Та насъ на висiлля просúли.

Цѣль-то едвали такова! Какимъ образомъ съ урожаемъ гороху соединена женитьба парубковъ, рѣшить трудно; развѣ предположимъ, что было время, когда предки наши не знали другаго *збóжа*, кромѣ гороха. Въ такомъ случаѣ очень легко объяснить, почему парубки могли жениться подъ условіемъ урожая гороха: *а чимъ жiнку гудувáти?*

Гречáної полóвиці
Не захóче íсти,
А ячмíнна зъ остюкáми —
Бýде въ зýби лізти.

Такъ поется *въ коломéйці*.

Четвертая гайвка, вѣроятно, безъ конца. Пятую, *Явіръ* (Яворикъ, стр. 15) должно признать также неоконченною. Но потому, что́ въ ней есть, ее можно причислить къ первому отдѣлу. Вотъ она, безъ припѣва.

Коло млинá–мли́на (1),
Тамъ дівчина ходи́ла,
Ажъ тáмъ (2) ви́йшло
Три місяці я́сних —
Три парубки́ крáсних;
Ажъ тамъ ви́йшло
Три зіроньки я́сних—
Три дівчині крáсних... (3)

Тѣмъ оканчивается эта гайвка. Но мы спросимъ: чтожь дальше? Отсутствіе отвѣта наводитъ на мысль, что она безъ конца.

Шестая гайвка, равно какъ и тринадцатая, сатирическія противъ парубковъ; но сатира молода и отзывается грубостію. Впрочемъ шестая гайвка въ такомъ видѣ, какъ она напечатана г. Шейковскимъ, поется рѣдко, а большею частію измѣняется — и именно въ слѣдующемъ:

Кілько въ решетí водúці,
Тілько парубкáмъ *правдúці* (изм. кривдúці)
Кілько въ решетí дірочóкъ (или дюрочóкъ) (4)
Тíлько парубкáмъ *болячóкъ* (изм. сорочóкъ).

---

(1) Я слышалъ: *Коло млинá калúна*.

(2) т. е. *послѣ*, такъ и говорятъ на Подоли, преимущественно—въ повѣствованіяхъ.

(3) Слич. Полт. губ. Вѣд. 1861 г. № 23 — Стояла тополя и пр, стр 187.

(4) Я бывалъ въ с. Шарапоновкѣ, но не слыхалъ, чтобы тамъ говорили *дзюрка*, какъ пишетъ г. Шейковскій. Это отзывается Бѣлоруссіей или Польшею, но украинскаго ничего въ себѣ не имѣетъ. Возлѣ самаго Каменца, гдѣ живутъ *віштякú*, гдѣ наша народность сильно пострадала подъ вліяніемъ Польши, какъ въ гетманщинѣ подъ вліяніемъ *змоскалíлихъ* дворянъ, тамъ только

Поминаютъ и болячки, но, сколько я слышалъ, въ томъ только случаѣ, если поминаютъ пановъ или въ хороводѣ участвуетъ *бо́йдівка*.—Эту гаивку также должно отнести къ первому отдѣлу, такъ какъ въ ней представлены только *парубки́* и *дівча́та*.

Въ седмой—(За́іньо, а не заіньо́к, какъ пишетъ г. Шейковскій) подъ именемъ заіньа представляется, очевидно, дѣвушка въ какихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ:

«А—ні тобі́, за́іньку,
А—ні ви́скочити;
А—ні тобі, за́іньку,
А—ні ви́глянути!»

Быть-можетъ, это—затворничество женщинъ, или послѣдствіе ревности. Въ этомъ случаѣ:

«Заіньку! оберни́ся,
Кого любишь, обійми́ся» —

будетъ наставленіемъ презирать свое непріятное положеніе и жить по влеченію любви. Но, вѣроятнѣе, здѣсь представлена обыкновенная дѣвчина, влюбленная; она тужитъ, что неимѣетъ возможности *ні вискочити* до милаго, *а ні виглянути;* а не видитъ, что милый тутъ же, — что стоитъ только *оберну́тись*, чтобы *обня́тись*. Поэтому, только эта гаивка относится къ первому отдѣлу.

Первый стихъ: *Заіньку! за головоньку!..* выраженіе самой сильной печали, величайшаго горя. Когда поютъ его, это еще разительнѣе, вы видите, что *за́іньо* хватается обѣими руками за голову, на ваше ожиданіе роздается вольнымъ crescendo каждый стихъ:

А—ні тобі́, за́іньку,
А—ні ви́скочити;
А—ні тобі́, за́іньку,
А—ні ви́глянути!«

Неоцѣнимая свобода! о тебѣ такъ горюютъ.

это, пожалуй, и можно слышать. Неслѣдовало такихъ словъ навязывать Подолянамъ вообще. Вообще языкъ въ Бытѣ Подолянъ до крайности *перечищенъ* г. Шейковскимъ: онъ хотѣлъ подвести языкъ подъ выдуманные имъ законы ассимиляціи звуковъ въ языкѣ Подолянъ.

Ой ти, за́йчику—бідола́йчику!
Та попли́нь–попли́нь по Дуна́йчику.
Розчеси́ росу—ко́су,
Пригла́дь чо́рні бро́ви;
Возьми́ся по–пі́дъ на́шки,
Шука́й собі това́ришки.

9) Шумъ (стр. 21).

Въ этой гапвкѣ представлено положеніе дѣвушки, мать которой пьянствуетъ: *дочці́ шу́ба тре́ба*, а мать, *»що наловѝла (ри́би), то й пропи́ла»* и только утѣшаетъ дочку обѣщаніями:

Почка́й, говоритъ, *до́ню до суббо́ти,*
Бу́де шу́ба и чо́боти.»
«Суббо́та мина́е,
А чобітъ не мае.»
— Почка́й, говоритъ, до́ню, до вівті́рка
Бу́де шу́ба и сібі́рка. —

Мнѣ какъ будто помнится еще двустишіе изъ этой гапвки:

Мину́въ вівто́рокъ,
Мине́ и со́рокъ...

Эту гапвку мы отнесемъ тоже къ первому отдѣлу. Слово — *Шумъ* можетъ быть прозвищемъ *гультая́*, который

..,не ро́бе, ті́лько пье,
Прі́йде до до́му — жі́нку бье.

Пьяные подымаютъ шумъ въ семьѣ. Есть стихъ въ народной пѣснѣ: *Ой у шу́ма зеле́ная шу́ба.* Шубы, покрытыя сукномъ или чѣмъ–либо другимъ зеленаго цвѣта, и теперь можно видѣть на старикахъ мѣщанахъ и шляхтичахъ.

Отъ одной гапвки, не знаю подъ какимъ именемъ она извѣстна, у меня осталось въ памяти слѣдующее двустишіе:

Ой дівки, якъ квітки!
Женітеся, парубки!...

На рубежѣ между первымъ и вторымъ отдѣломъ стоитъ гапвка *Жельманъ*.

Объ этой гаивкѣ г. Шейковскій говоритъ: «Преданіе гласитъ, что во время уніи Жельманъ — жидъ взялъ, въ арендное владѣніе, церкви. Когда онъ на великдень не хотѣлъ отворить ихъ, его стали упрашивать и будто бы съ этихъ поръ сохранилась пѣсня» (стр. 34–35). Не можетъ статься, чтобы Подоляне, между которыми разыгрались двѣ послѣднія драмы нашей исторіи–*різаніна* (харківщина) и *коліївщіна* (коліївщина), стали воспѣвать *орендаря*–и еще возлѣ церкви и на Великдень. Здѣсь двѣ невозможности: украинская —народная и религіозная. Жельманъ былъ не еврей, а кто–то другой. Не укажетъ ли намъ этого самая гаивка?

Жельманъ—гаивка двуключевая: одинъ ключъ сидитъ, накрывши чѣмъ попало одну *дівчину*, которая лежитъ или наклонится къ землѣ; другой подходитъ къ нему и начинаетъ пѣть. Г. Шейковскій говоритъ, что сидящій ключъ представляетъ собою семейство Жельмана, а дѣвушка, «у которой закрываютъ лице (не лице) платкомъ, представляетъ собою панну Жельманъ.» (стр. 35). Это объясненіе не можетъ быть принято даже и тогда, если согласиться, что эта гаивка относится къ временамъ уніи, потому что 1) въ такомъ случаѣ, для чего паннѣ прятаться? 2) Если бы дѣвушка представляла собою дочь Жельмана, то звалась бы Жельманівна, а не панна Жельманъ. Такое выраженіе совершенно не въ духѣ украинскаго языка. 3) Если бы Жельманъ былъ еврей, то звался бы Зельманъ, а не Жельманъ. Итакъ—Жельманъ не еврей, а дѣвушка— и пр. не его дочь и не еврейка. Но кто жъ они?

Извѣстно, что хороводы представляютъ начала сценическаго искусства; потому и въ Жельманѣ первый ключъ играетъ одну роль, а второй другую. Первый ключъ привѣтствуетъ (напишемъ такъ, какъ въ *Бытъ Подолянъ*):

Помага́й–Бігъ, Же́льманъ,
Помога́й–Бігъ, ёго́ братъ,
Пома́гай–Бігъ, Жельмано́ва
И братова́ и вся Жельмано́вы роди́на.

Второй ключъ отвѣчаетъ на это привѣтствіе:

Богда́й здоро́въ Же́льма́нъ,
Богда́й здоро́въ, ёго́ братъ,

Богда́й здоро́въ, Жельмано́ва
И братова́ зъ вшистковъ (1) роди́новъ.

И затѣмъ спрашиваетъ:

За чимъ–за чимъ, Же́льманъ?
За чимъ–за чимъ, Жельмано́ва?
За чимъ–за чимъ, и пр...

По мѣсту знаковъ препинанія, должно заключать, что г. Шейковскій принималъ звательный падежъ всѣхъ слѣдующихъ словъ: *Жельманъ, его братъ, Жельманова и братова* и *вся родина*. Но это не звательный падежъ, и по формѣ и по смыслу.

На вопросъ сидящаго ключа: *за чимъ–за чимъ* и пр., пришедшій отвѣчаетъ: *за па́нною*. Спросимъ еще отъ себя: кто пришелъ *за панною*? На нашъ вопросъ отвѣчаетъ самъ пришедшій ключъ Онъ поетъ:

За па́нною Же́льманъ,
За па́нною его́ братъ,
За па́нною Жельмано́ва (а не Жельмановы)
И братова́ (а не братовы) зъ вшистковъ родиновъ. (2)

Итакъ, Жельманъ былъ въ приходящемъ ключѣ — не одинъ, но и Жельмано́ва — его жена и пр. Если же приходилъ Жельманъ и Жельманова и пр., тоесть — если первый ключъ игралъ роль Жельмана и пр..., что́ очевидно, то онъ, привѣтствуя сидящихъ, не могъ видѣть въ нихъ себя — а потому и въ его рѣчи надо видѣть не *обращеніе*, выражаемое звательнымъ падежемъ, но простое повѣствованіе. Сценическое искусство здѣсь еще въ младенчествѣ: пришедшій ключъ, представляя собою семейство Жельмана, самъ и разсказываетъ, кто́ пришелъ, кто́ привѣтствуетъ. Первыя слова его представляютъ простой разсказъ и должны быть понимаемы такъ:

Помога́й Бігъ (ка́же) Же́льманъ,
Помога́й Бігъ (ка́же) Жельмано́ва и пр.

---

(1) Окончаніе *овъ* есть стар. *юсъ* и въ Виницкомъ уѣздѣ эти слова произнесли бы такъ: зъ вши́стковъ родиноёвъ—т. е. въ первомъ случаѣ юсъ простой (ą), а во второмъ — іотированный (ją). *Вшистка* вм. *вся* — очевидно, полонизмъ.

(2) Г. Шейковскій въ этомъ мѣстѣ не точно передалъ гаивку. Я слышалъ, что ее поютъ именно такъ, какъ я здѣсь пишу.

Возстановимъ же эту гаивку въ первоначальномъ ея смыслѣ:

Прих. ключъ: Помога́й–Бігъ—Же́льманъ,
Помога́й–Бігъ—его́ братъ,
Помога́й Бігъ—Жельмано́ва
И братова́ и вся Же́льманова роди́на.

Сид. ключъ: Богда́й—здоро́въ (т. е. бувъ) Же́льманъ,
Богда́й—здоро́въ его братъ,
Богда́й—здоро́въ Жельмано́ва
И братова́ зъ вшистковъ роди́новъ. и пр.

Предложенный выше вопросъ: кто былъ Жельманъ и панна?—начинаетъ уясняться: мы видимъ, что Жельманъ былъ кто–то пришедшій за панною. Если мы рѣшимъ, для чего Жельманъ пришелъ за панною, то рѣшимъ и кто онъ былъ самъ, и кто была та панна, *за* которою онъ пришелъ.

За панною могутъ приходить *старости́*, для сватанья.

На Подоли, (не знаю, такъ–ли и въ другихъ мѣстахъ), когда приходятъ *старости́*, то *вiдданúця* (разумѣется, въ простомъ народѣ) прячется *на пiчъ*. Но это теперь, когда есть печь; а въ то время, когда предки наши жили *въ бу́дахъ* (*) — когда, стало–быть, печи не было, куда она пряталась? Кто поспоритъ, что ее не прикрывали чѣмъ–попало, какъ это и теперь представляется въ гаивкѣ? Очевидно, не блестящая будущность предстояла *вiдданицi*, если она пряталась. Прикрывая свою дочь, родители хотѣли добра для своей дочери. Въ гаивкѣ видно, какъ родители допрашиваютъ пришедшаго: *на яки́й грунтъ*? (чѣмъ ты будешъ жить?

— Я, говоритъ, *на жидiвскiй грунтъ* беру ее.

— *Ми па́нни не маемо, на таки́й грунтъ не даемо.*

Итакъ — *дiвчина* — это панна *вiдданúця*, а Жельманъ — *вiрьянъ — свата́ъ*, женихъ. Вѣроятнѣе всего, эта гаивка представляетъ собою весь процессъ выхода замужъ *дiвчини*, — отъ прихода *съ хлiбомъ* и оканчивая *шлюбомъ*.

Для объясненiя имени *Же́льманъ*, представляемъ свою догадку. Можно, въ нашемъ языкѣ, найти много словъ гдѣ передъ *м* стоитъ *ль*—напр. *гальмо́*—недостатокъ. Это слово я слышалъ въ слѣдующей фразѣ на ярмаркѣ: *а нiчого собi шкапúна*,—*безъ гальма́*;

(*) На это указываетъ уцѣлѣвшее слово бу́да и дальше *будува́ти, будúнокъ, будiвля, забудúнки.*

нізащо зганить. *Гальмó*, слѣд., происходитъ отъ корня ган, и слѣдовало бы сказать — ганьмó, но *нь* перешло,—смягчилось въ *ль* и вышло гальмó. По этому соображенію, слово Жельманъ — будетъ *жень*манъ. Извѣстно, что *ь* соотвѣтствуетъ звуку *е* — итакъ будетъ—Жене*ма*нъ—т. е. слово сложное изъ двухъ—*жена и мана́*, *ма*нить, вы*ма*нивать. Слѣдовательно, слово жельманъ означаетъ выманивающій жену. Смыслъ гаивки подтверждаетъ это значеніе слова: Жельманъ то такой, то иной *грунтъ* сулитъ,—очевидно—обманываетъ. Итакъ *Жельманъ*—имя нарицательное — можетъ быть даже, общее, какъ теперь *сватáчь*. И при теперешнихъ *сва́таняхъ* стараются обманывать. Для этого употребляютъ даже *підбре́хача*.

Иного значенія этой гаивкѣ и дать нельзя, потому самому что она гаивка.

Кострубонько (стр. 23)

Если эта гаивка имѣетъ миѳическое значеніе, то для объясненія ея не пригодится ли слѣдующая *оповідка*:

Ишлú собí втрохъ—сóнце, вíтеръ и морóзъ, а дівчина пере́ шмáтя:

— Здорóвъ, дíвчино! заговорúли.

— Здорóвъ, відказа́ла вона́.

И пішлú да́лі. Та не погоди́тця,—кому зъ нихъ дíвчина здоро́влёмъ озва́лась. Сóнце ка́же: минí; вíтеръ ка́же: минí; морóзъ ка́же: минí!—Тре́ба самóі запита́тись. Верну́лись.

— А кому́ зъ насъ, небóго, ти здоро́влёмъ озва́лась?

— Отóму *коштрубане́ви*,—озва́лась вона́,—що въ сере́динí. —А то бувъ вíтеръ.

Разсе́рдилось сóнце.

— Постíй же! каже;—я жъ тебе спалю́, якъ ви́йдешь въ поле лежáти.

— Не бíйсь! озва́всь вíтеръ: сóнце припече́, а я повíю, то й прохоло́дю.

— Я жъ тебе́ зморо́зю, морóзъ ка́же,—якъ ви́йдешь на лíдъ шмáтя прáти.

— Не бíйсь, озвавсь вíтеръ: що́ вартъ моро́зъ безъ ме́не!

Не будетъ ли *коструубонько* то же самое лице, что́ и въ этой оповидкѣ *коштрубань*—т. е. вíтеръ?

Коструубонько, по содержанію, едвали не вдовья гаивка; она кончается радостью жены, освободившейся отъ мужа. Содержаніе га-

ивки слѣдующее: въ началѣ ея представляется *дівчина* въ раскаяніи, *що Кóструба не злюбúла* и проситъ его пріѣхать, обѣщая стать съ нимъ *до шлюбоньку*. Потомъ постепенно отъ поѣздки *въ пóле сіяти* переходятъ къ похорону Кострубóнька, помнная болѣзнь его и т. д. Кончается она слѣдующими словами:

Слáва тóбі, Христé царю́,
Шо мій мúлий на цвúнтарі!
Ніженькáми притоптáла,
Рученькáми прилескáла.

Причина этой радости высказана въ самой гаивкѣ.

.....Кострубóньку!
Не лай не лай мóі мáмі!...

За этимъ ограничимся выпискою еще нѣсколькихъ мѣстъ изъ гаивокъ.

Кому вóля...
. . . . . .
А жіночкáмъ не своя́ вóля:
Підъ порóгомъ порося́ квичúтъ,
У печі казáнъ біжúтъ,
У колúсці дитя́ крúчитъ,
А на печі́ воркýнъ ворчúтъ.
Порося́ кáже: на годýй менé;
Окрíпъ кáже: відсýнь менé;
Дитя́ кáже: заколиш менé;
Воркýнъ кáже: накрúй менé.

Черéзъ сíни, черéзъ хáту
(А) я молодéнька
Иду стихéнька,
Шобъ ключáми не бражчáти,
Шобъ свекрýхи не збудúти
. . . . . .
. . . . . .
Нехáй спить (шобъ не встала!)
Шобъ мóі голóвоньки не клопотáла.

Гаивка, представляющая продажу дитяти, выражаетъ весь ужасъ такого явленія супружеской жизни: продающую проклинаютъ, вмѣсто уплаты за дитя. Продающая хочетъ —

Сімъ кіпъ
И снігъ,
Сімъ міхівъ
Горіхівъ,
Бо́чку води́
На три годи́.

Покупающая отвѣчаетъ:

А я дамъ клубо́къ ва́лу,
Шобъ тобі доро́гу заснува́ло,
Чере́пъ и чересло́,
Шобъ тебе́ въ очере́тъ занесло́.

Это, впрочемъ, не поется, но говорится, и послѣднія слова говорятъ разомъ продающая и покупающая.—Очевидно, эта игра относится къ глубокой древности: слова *черепъ* теперь нѣтъ въ языкѣ и мѣсто его заняло другое—*лемішъ*. —

Остановимся нѣсколько на пройденныхъ гаивкахъ. Важное значеніе семьи у Славянъ возвышалось еще болѣе, вслѣдствіе религіозныхъ вѣрованій о загробной жизни. Оставивъ въ сторонѣ историческія свидѣтельства объ этомъ, обратимся къ народу. До сихъ поръ думаютъ, что для умирающихъ *безъ дружи́ни* нѣтъ мѣста *на тімъ світі* (6), и потому по́хоронъ парубка нѣсколько походитъ на свадьбу: *квітки*, *вінокъ*, *хустки*... (7) Похоронъ дѣвушки въ этомъ отношеніи еще замѣчательнѣе. Кромѣ того, что умершей прикалываютъ *два* вѣнка и даютъ *хустки* несущимъ *корогви* (процесію, образство), для нея *на той світі* назначается женихъ. Какой-нибудь изъ парубковъ—большею частію любившій покойницу,—*оббира́ется за молодо́го*: ему перевязываютъ руку *(ху́сткою)* и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу *до ха́ти*. (8) Послѣ этого въ семействѣ умершей онъ считается

---

(6) Не отсюда ли вѣрованіе о роса́лкахъ.

(7) Мнѣ помнится, что похоронъ парубка или *дівки—відданиці* называютъ *весіллемъ*: *давъ богъ весілля*.

(8) Хатою на Подоли называютъ иногда могилу, а домъ *куріне́мъ*. «*Хата́ на́ші на цвінтарі*» говорилъ мнѣ крестьянинъ во Ольгоп. уѣздѣ; «*а васъ пі́дсю до куріня*.»

зятемъ и въ общемъ мнѣніи, кажется, вдовцомъ. Что́ породило это вѣрованіе, рѣшать не намъ; но для насъ важно то, что на *той-свѣтъ* нельзя было являться *безъ дружини*. Это вѣрованіе, быть можетъ, было причиною сожженія вдовъ.

Представляя себѣ брачную жизнь дѣломъ такой важности, предки наши, очевидно, всѣми силами должны были стараться о пріисканіи *дружи́ни*. Это стараніе до сихъ поръ замѣтно въ народныхъ празднованіяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ празднованій одною только половиною сюда относятся, а другія и не имѣютъ иного значенія. Великдень принадлежитъ къ первымъ,—не весь, а только частію относится къ празднованіямъ, такъ-сказать, любви. Какое же именно мѣсто занимаетъ Великдень въ ряду этихъ празднованій?

Прочитавши гаивки, отнесенныя нами къ первому отдѣлу, каждый легко можетъ замѣтить, что любовь здѣсь представлена, какъ мечта, какъ желаніе. Иныя гаивки покрайней мѣрѣ выражаются ясно (*шобъ парубки́ женѝлись*; *женітеся, парубки́*); но въ другихъ и того нѣтъ: *кого́ лю́бишь, обійми́ся*. Мнѣ помнится еще одна гаивка, въ обрядовой сторонѣ которой одна изъ играющихъ представляетъ, *якъ на ми́лого подиви́тись, якъ коло́ ми́лого ста́ти, якъ до ми́лого притули́тись, якъ ми́лого обня́ти...* Но играющія словно не сочувствуютъ всему этому, будто ихъ дѣло — сторона. Въ остальныхъ празднованіяхъ оказывается не то́: такъ *на Купа́йла* (ночь противъ 24 іюня) уже является имя парубка и родителя дѣвицы. Въ одной пѣснѣ представлено поле, на которомъ цвѣтетъ гречиха, и тѣмъ полемъ конь бѣжитъ, а за нимъ парубокъ съ уздою, и говоритъ коню:

Чека́й, ко́ню, загнузда́ю
Та поі́димъ до Дуна́ю —
До Дуна́ю води́ пи́ти,
До Карпа́ дівку люби́ти.

Какъ видно, здѣсь любовь уже ближе къ личностямъ, но всё еще далека отъ опредѣленности и существуетъ только въ намѣреніи— *поі́демъ люби́ти*. Равнымъ образомъ и существующій обычай купаться, *шобъ вінки́ спли́ли*, не менѣе далекъ отъ опредѣленности и лицъ. Вѣнокъ—символъ *дівова́ння*, явственнѣе указываетъ на любовь,— тѣмъ не менѣе мы не видимъ здѣсь, желаетъ ли чего дѣвица, пуская *шобъ вінокъ сплився*, и только можемъ догадываться, что это

предзнаменованіе или родъ гаданья, быть ли ей молодицею, или еще ходить въ вѣнкѣ. За то *на Катери́ни* (24 ноября) и *на Андре́я* (29 ноября) видимъ стремленія къ супружеской жизни, съ при мымъ указаніемъ лицъ: *чи ожене́юсь я? чи вiддáмся я? На Андре́я* первенствуетъ вопросъ: *хто пе́рше* (*)? Ночь противъ Екатерины назначается собственно для гаданія мужчинъ о невѣстахъ, а ночь противъ Андрея для гаданія дѣвицъ о женихахъ. Впрочемъ, нельзя сказать, что на Катерины гадаютъ только мужчины, а на Андрея только женщины: въ томъ и другомъ празднованіи участвуютъ оба пола. Вѣроятно, въ свое время существовало и рѣзкое разграниченіе, но теперь этого нѣтъ, и только при разсказахъ о гаданіи спрашиваютъ: *а коли́ ворожи́въ?* Если противъ Андрея, то замѣчаютъ: *проти́ Катери́ни було́ ворожи́ти, а на Андре́я дiво́че гра́ло.* Тоже самое замѣчаютъ и дѣвицамъ: *на Андре́я було́ ворожи́ти, а на Катери́ни–дiло парубо́цьке.* Вѣрованіе о вишневой вѣткѣ связываетъ праздникъ *Катери́ни съ пе́ршимъ свято́мъ ве́чiромъ* (бага́та кутя́) «*На Катери́ни,*» разсказывала мнѣ дѣвчина, «*ло́мимо вишне́ву ги́льку iдно́лiтку и садимо́ ii въ черепку́, або́ въ пля́щi, та й кладемъ на те́плiмъ мiсцi, а хто ма́с, то въ лёху́ и що-дня́, вiдъ Катери́ни ажъ до пе́ршого свято́го ве́чiра, полива́емъ зъ губи (изъ устъ). Примiча́ютъ, якъ зацвiте́ на св. вечiръ, то збу́детця на що помiни́ла.*» Скромность *дiво́ча* не дозволила ей сказать: «якъ зацвiте́, то цвiте́ до́ля, — то вiддасйся.» *На Катери́ни до схiдъ–сонця на́ще* начинаютъ плесть вѣнокъ *для пе́ршого свято́го ве́чiра* (см. ниже).

На Андрея гадаютъ, сверхъ помянутаго, на слѣд. вопросы: *вдове́ць чи молоде́ць буде су́жений? якъ ёго́ звати?* ходятъ подслушивать разговоры и замѣчаютъ, *чи доведе́тця сидiти, чи нi* и т. п.

На Рождество гаданья идутъ уже далѣе: «*дiвчина,* котра *на вiддани́, бире́ iдну́ ло́жку пiдъ пахву́, а дру́гу на стiлъ кладе́. Якъ поку́шае кути́, то бiжитъ на двiръ—на те мiсце, де кабана́ шмали́ли, та й слухае. Зъ яко́i сторони́ соба́ки загáвкаютъ, съ тоi бу́дуть старости́. Якъ вертáетця до хáти, то дúвитця въ вiкно́ крiзь ве́рхню шúбку. Кажу́ть, дáстця ба́чити су́жений, що сидúтъ за столо́мъ и кива́е на ню ло́ж-*

(*) Вспомнимъ *бала́бушки.*

кою.» Подобное гаданье есть и на Андрея: «якъ повечéраютъ, якъ ми́ски заберýтъ зъ сти́ла, дівка бирé скáтерку зъ ложкáми, стаé на сіннімъ порóзі и три рáзи торокхóче ложкáми. Зъ якóго бóку озвýтця собáки, съ тóго бýде сýжений.» Но въ колядахъ. *хлóпці* и *дівчáта* представляются уже имѣющими пару. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ колядокъ:

Молодцéві.

1.

Въ слáвнімъ селі, въ багáтімъ дворі,
Ой дай Боже!
Тамъ пьютъ молодці все добірніі,
Ой дай Боже! (*)
Ми́же ни́ми есть ґрéшний молодéць
Грéшний молодéць» N хлóпець.
Посилáе вінъ *вірь* я́віръ (¹) за дівку.
Вонá до ёго все ли́сти ни́ше:
«Грéшний молóдче! не томи́ кóней —
Не томи́ кóней, не турбýй людéй;
Тамъ я до тéбе самá прибýду.»—
Пóлемъ ишлá, якъ чóрна хмáра;
Въ селó ввійшлá, якъ дрóбенъ дóщикъ;
У сіни ввійшлá, якъ зорá зійшлá;
До хáти ввійшлá, якъ паня́ночка.
Ёго нéнька ажъ ся зъумíла:
Що мині Богъ давъ за паня́ночку? —
За поня́ночку, за невісточку!
По вóду пішлá, винá принеслá;
По вогóнь пішлá, злóта принесла—и пр.

2.

А въ неділю рáно-поранéнько,
Ой дай Боже!
А загадáли всімъ на війнý ити́: (**)

(*) Припѣвается за каждымъ стихомъ.
(¹) Не *вірьяна* ли?—*Ред.*
(**) Ой заказано да й загáдано (или зарáдано)
Увсімъ молодцямъ на війну ийти́.

«Хто сйна мáе, най висилáе,
А хто не мáе, нехáй наймáе.»
Вдовá сйна мала, то й висилáла,
Якъ висилáла, то й научáла:
Не ідь, сйнку, попередъ вíська,
Алй ідь, сйнку, позадý вíська.
А вінъ не слýхавъ, вперéдъ поіхавъ.
Корóль питáе: чій-то синъ грáе? —
Вінъ конéмъ повернýвъ, вíсько навернýвъ:
«Та рушáй, вíсько, підъ Бендéръ мíсто.»
Вíсько рушáе, зъ гармáтъ стріляе,
Ажъ чотúрі пéчі росипáетця,—
Татáрський городáрь издригáетця,—
Міщáне хóдя, рáдоньку рáдя:
Що цéму дитяті подарувáти.
Вйнесли імý срíбла, зóлота.
А вінъ на тéе не подивйвся,
Шáпочки не знявъ и не вклонйвся;
Конéмъ повернýвъ, хýсткою махнýвъ —
Хýсткою махнýвъ, вíсько навернýвъ:
»А рушáй, вíсько, підъ Бендéръ мíсто!«
Вíсько рушáе зъ гармáтъ стріляе и пр., какъ и выше.
Только послѣ рады, купці
Вйвели імý коня́ воронóго.
А вінъ на тéе не подивйвся,
Шáпочки не знявъ и не вклонйвся;
Конéмъ повернýвъ, шáблею махнýвъ —
Шáблею махнýвъ, на вíсько гукнýвъ:
«А рушáй, вíсько, підъ Бендéръ мíсто!»
Вíсько рушáе и пр. какъ и выше. Только здѣсь уже:
Старшинá хóде, рáдоньку рáде:
Що цéму дитяті подарувáти.
Вйвели емý пáнну въ парáді.
А вінъ на цéе та й подивйвся,
Шáпочку знявъ, низько вклонйвся, и пр.

3.

Ой рáно-рáно кýри запíли —

Ой дай Боже!
А ще ра́ньше вставъ gре́шний молоде́ць —
Gре́шний молоде́ць, N хло́пець —
Ой уста́въ-уста́въ, три свічки всука́въ:
При ідні свічі ли́ченько вмива́въ,
При дру́гі свічі ко́ника сідла́въ,
При тре́ті свічі бра́тя пробужда́въ:
«Вставайте, братя́, ко́ні сідла́йте —
Ко́ні сідла́йте, хортівъ скликайте,
Та поідимо на полюва́ня:
Ой бо я назна́въ ку́нку въ де́реві —
Ку́нку въ де́реві, па́нну въ те́ремі.
А кому́ бу́де ку́нка на шу́бу,
А мині бу́де па́нна до шлю́бу.
Відъ цего́ сло́ва бува́й же здоро́въ —
Та не самъ собо́ю, зъ отцемъ—зъ не́нькою—
Зъ отцемъ — зъ не́нькою и съ челя́дкою —
И съ челя́дкою, и съ коля́дкою,
Зо всіма́ на́ми-приятеля́ми. (*)

Дівці.

У чи́стімъ по́лі покра́й доро́ги,
Ой дай, Боже!
Тамъ gре́шна па́нна пшени́цю жа́ла;
Ой жа́ла жа́ла, не спочива́ла;
За не́ю сні́пки въ чоти́рі ра́дки.
Прийшло́-жъ до не́і ажъ три ві́рьяни:
«Ой ви-ві́рьяни! ви, голубля́та!
Не берітъ мене́ изъ по́ля, зъ ни́ви,
Возьме́те мене́ у ба́тька зъ двора́
У ба́тька зъ двора́, зъ ха́ти з–за стола́.
Відъ цего́ сло́ва бува́й здоро́ва, и пр.

Къ тому времени, значитъ, когда мы празднуемъ Рождество Христово, парубки и дѣвицы въ древности имѣли уже въ виду пары для

(*) Такъ оканчивается и всякая другая *молодецька* коляда и всякая *дівоча* съ необходимою перемѣною для смысла.

себя, чтобы побраться, когда наступитъ мѣсяцъ Просинецъ. Но, очевидно, не всѣмъ это удавалось. Оттого и остался еще одинъ день для гаданій о женихахъ и невѣстахъ. Это новый годъ—и собственно ночь противъ нов. года. Въ это время можно гадать тому и другому полу безъ различія. Гадающіе сидятъ за зеркаломъ, думая увидѣть въ немъ *до́лю*. Также зовутъ суженаго крикомъ въ трубу: «су́дженій нерозгуже́ний! йди до ме́не вече́рати.» Думаютъ, что сидѣнье передъ зеркаломъ можетъ окончиться смертью. Только крайность можетъ вызвать такія рискованыя гаданья. Это наводитъ на мысль, что нынѣшній новый годъ былъ послѣднимъ временемъ гаданій и быть можетъ оканчивалъ собою пору сватовства, а покрайней мѣрѣ былъ недалекъ отъ этого. И въ самомъ дѣлѣ, за новымъ годомъ слѣдуетъ уже *Колодій*, когда, какъ мы видѣли, уже вяжутъ *колодки́*, оставшимся безъ пары, какъ бы въ наказаніе за оплошность. Кто знаетъ, что́ означала въ свое время колодка? Быть можетъ, съ этимъ соединялось лишеніе какихъ-либо правъ, а можетъ быть это дѣлалось просто для того, да будетъ стыдно. Во всякомъ случаѣ, привязанная колодка не означала чести. За Колодіемъ слѣдуетъ уже Великдень.

Такимъ образомъ, въ цѣломъ году, мы не находимъ ни одного празднованія, подходящаго къ гаивкамъ перваго отдѣла, гдѣ бы любовь была выражена болѣе обще, нежели на Великдень. Поэтому мы и ставимъ Великдень начальнымъ праздникомъ по отношенію къ любви.

Какъ будто для предостереженія отъ увлеченія любовью,—въ параллель съ первымъ отдѣломъ гаивокъ, даже совмѣстно, — *по́мішъ*, идутъ гаивки отнесенныя нами ко второму отдѣлу, въ которыхъ воспѣвается уже семейная жизнь и притомъ съ тайной своей стороны. Объ опытъ разбились всѣ поэти́ческія прикрасы, и молоди́ці какъ-будто говорятъ дѣвицамъ-мечтательницамъ: «не спѣшите, *подівуйте*! Ужели васъ прельщаютъ ежедневныя хлопоты (Кому воля)? А *свекру́ха*! Не будете ходить, какъ вамъ угодно и пріятно, по *стихе́нька*, и не только *черезъ хату*, но и *черезъ сіни*, остерегаясь и ключа́ми бра́знуть. И все только потому, что *свекру́ха* спитъ (шобъ не вста́ла!), чтобъ не разбудить ее! А пожа́луй, какой-нибудь Кострубонько *ля́тиме кохàній матýсі*. Васъ прельщаетъ *свій* хлѣбъ? Вотъ продаютъ *дити́нку*! конечно не изъ роскоши. Сверхъ всего и *кні* васъ ждутъ! Не спѣшите же, неопытныя, *не лізьте въ во́ду, не спита́вши бро́ду*.«

Не можетъ статься, чтобы эти гаивки составились, какъ говорит-

ся, такъ-себѣ; но можетъ быть, что онѣ относились только къ молодицямъ—и, быть можетъ, еще къ тѣмъ, которыя только-что разстались *съ дівованнемъ* и грустили о потерянной волѣ, о житьѣ *за мамиными плечима*. Во всякомъ случаѣ мы не будемъ къ нимъ возвращаться, ибо не знаемъ остальныхъ *бабськихъ святъ*, съ которыми эти гаивки могутъ имѣть связь, если онѣ *жіночі*. Въ отношеніи къ мѣсту, занимаемому Великоднемъ въ годовомъ кругѣ празднованій, гаивки втораго отдѣла могутъ имѣть самостоятельное значеніе только тогда, когда онѣ составляютъ собою одно изъ *жіночихъ* празднованій. Но объ этомъ мы ничего не можемъ сказать.

Не безъ основанія поставивъ Великдень первымъ въ ряду празднованій любви, перейдемъ къ третьему отдѣлу гаивокъ—къ гаивкамъ хозяйственнымъ. Послѣ укажемъ, какое мѣсто занимаетъ Великдень и въ ряду этихъ празднованій.

Одного оглавленія гаивокъ третьяго отдѣла достаточно для того, чтобы видѣть, къ какой порѣ хозяйственныхъ работъ относится Великдень: «макъ сіяти», прóсо сіяти.» Пора, очевидно, сѣянья — но поздняя; время теплое, когда просо сѣютъ. *Огірóчки* въ то время уже стелются—уже *ся вьютъ*, и горохъ вьется. Теперь просо сѣютъ уже тогда, когда летаютъ *хрущі;* но это всё еще весна — пора сѣянья. На Подоли, послѣ Великодня, встрѣчаемъ хозяйственный праздникъ въ Зеленыхъ святахъ, тогда какъ Гетманцы выходятъ на Юра, Подоляне ходятъ на поле съ крестнымъ ходомъ *збóже святúти*. Пора, очевидно, позднѣе сѣянія. *На Купайла*, расхвативши *гильцѣ*, несутъ схваченное каждый на свой огородъ, *шобъ дувъ вязъ на горúкахъ*. *На Маковéя* (Маковій 1-го августа: —не Макошъ ли?) уже святятъ плоды лѣтнихъ трудовъ: спѣлый макъ въ головкахъ, подсолнечники въ цвѣтахъ, морковь (корни), пастырнакъ, колосья и т. п. Повѣріе про *осéтъ* (*) указываетъ, что Маковеемъ оканчиваются *сёгóрішні свя́та*: уже заботятся, *шобъ на-рікъ осетý не булó*, и святятъ его. Но и кромѣ осета, освященіе плодовъ свидѣтельствуетъ, что *Маковій* былъ послѣднимъ хозяйственнымъ праздникомъ. Между-тѣмъ передъ нами еще есть Різдвяні святки. Вспомнимъ, что́ происходитъ еще и этими святками.

(*) Вѣники, вынувши изъ воды, бросаютъ *на хáту*—на крышу, «шобъ морóзъ горóдини не побúвъ;» послѣ снимаютъ ихъ и *варя мятíль*.»

Время *съ пе́ршого свято́го ве́чі́ра* до *тіки-пратіки* (**) (10 січня) на Подоли извѣстно подъ именемъ *Різдвяних̀ъ свято́къ*.

Когда все уже готово, хата прибрана и т. д., Подоляне, впрочемъ не вездѣ, вносятъ въ хату *до́бру ві́зку* соломы и разстилаютъ ее по всей комнатѣ, такъ-что земли, или полу, нигдѣ не видать. Это я видѣлъ, между-прочимъ, и въ домѣ своихъ родителей. На столъ сыплютъ горсть проса, ставятъ нѣсколько *зубкі́въ* чесноку, немного отрубей (ві́сівокъ); всѐ это накрываютъ лучшимъ, нарочно выбираемымъ, сѣномъ и потомъ столъ накрываютъ скатертью. Такое же сѣно кладутъ и подъ столъ. На *по́куті* ставится снопъ *жи́та* или *сі́ржку* колосьями вгору; иногда этотъ снопъ украшаютъ еще и обжиночнымъ вѣнкомъ. Именно этимъ начинается Святый Вечеръ, а пока въ хатѣ ничего этого нѣтъ, нѣтъ еще и свят. вечера. Все это такъ и стоитъ *до Ново́го ро́ку*,—у кого и долѣе. Духовенство объясняетъ этотъ обычай яслями виолеемскими, а въ народѣ эта солома извѣстна подъ именемъ *ді́духá ді́ду́хъ* (см. ниже), и въ этой соломѣ дѣвицы, или кто другой, квокчутъ, какъ насѣдки, *шобъ ку́ри квокта́ли*; солому изъ того снопа, что́ *на по́куті*, употребляютъ для дѣланія гнѣздъ насѣдкамъ, а зерномъ его кормятъ куръ, *шобъ до́бре нѐслися*. Во время ужина, Подоляне *ло́влять роі:* хозяинъ, или кто занимаетъ его мѣсто, первый беретъ *куті* ложкою.—Подоляне начинаютъ съ кутьи—поздравить всѣхъ съ праздникомъ, пожелаетъ дождать *при́шлого ро́ку*, съѣстъ три ложки и наберетъ немного въ четвертый разъ; за этимъ разомъ набранное кидаетъ къ потолку и отскочившія зерна ловитъ обратно въ ложку; сколько поймаетъ зеренъ, столько поймаетъ роевъ. Это, кажется, дѣлаютъ только въ тѣхъ домахъ, у кого есть пасіка. Замѣчаютъ, если много кутьи останется у потолка, то будетъ *медни́й рі́къ*. Кутью на Подоли приготовляютъ не изъ ячныхъ зеренъ, какъ въ Гетманщинѣ, а изъ пшеничныхъ, нарочно отбирая лучшія зерна. Зерно это варятъ такъ, чтобы оно не розкипѣло, но было цѣло. Пока зерно еще въ печкѣ, трутъ макъ, мѣшаютъ его съ медомъ, разведеннымъ теплою водою (літепломъ), и потомъ съ этимъ макомъ мѣшаютъ вареную пшеницу; въ такомъ видѣ она получаетъ названіе кутьи. Ячная кутья (изъ шу́станого ячме́ню)

(**) Сорная трава; ее называютъ чортовымъ растеніемъ—*чо́ртове зі́лля*. Не осотъ ли? см. *Очеркъ дом. жизни и* нравовъ *Великорусскаго народа въ XVI и XVII стол.*, Костомарова. Спб. 1860. стр. 197.

на Подоли составляетъ родъ каши; ее называютъ *логáзою* (логáза) и ѣдятъ, когда вздумается, съ саломъ, съ молокомъ и т. д. Но на Рождество даже у крайне бѣдныхъ кутя непремѣнно пшеничная. Г. Шейковскій смѣшалъ *кутю̀ съ ко̀ливомъ*—Это напрасно: *ко̀ливо* готовится безъ маку и думаютъ, кто сколько съѣстъ зеренъ *ко̀лива*, столько разъ долженъ помолиться о душѣ. Ничего подобнаго о кутьѣ не думаютъ. Съ ко̀ливомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, неразлучна *помá-на* (**)—особый родъ куличей съ крестами; при кутьѣ этого нигдѣ нѣтъ.

Послѣ ужина въ ходу обычай *посилáти вечéру:* сыплютъ въ платокъ орѣховъ, иногда яблокъ, потомъ ставятъ три кулича или три *палянѝці*, или три *книші*; завязываютъ и отсылаютъ по такой вечерѣ попу, кумамъ, крестному отцу и матери, родителямъ, и т. д. Къ куличамъ и т. п. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавляется кутья въ тарѣлочкѣ, или два-три вареника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обычаѣ при вечéрѣ посылать жувую курицу. Принесшій вечéру, если онъ самъ глава семейства, говоритъ: *прóсимо на вечéру;* если же принесшій будетъ сынъ или дочь, то говоритъ: »просѝли тáто й нéня (*) на вечéру, и я прóсю.« У попа, въ тотъ платокъ, въ которомъ принесли вечерю, въ замѣнъ ея, завязываютъ просфору; дѣтямъ, какъ и вездѣ, даютъ гостинца (нѣсколько грошей), а взрослымъ тутъ же бываетъ *ýчта*. Духовенство объясняетъ вечерю дарами волхвовъ, а народъ видитъ въ немъ простое засвидѣтельствованіе уваженія: *кого̀ поважáємо* (или *шанýємъ*), *тóму й вечéрю шлемó*.

Подоляне, на перший день Різдва, готовятъ обѣдъ, а Гетьманцы нѣтъ. Но это къ намъ не относится: прежде всего мы должны обратить вниманіе на *господáрські колядки*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Пáне господáру! На вáшімъ дворý золоті крісла —
Ой дай, Боже!
А на тихъ кріслахъ панóве сидя́, рáдоньку рáдя —
Ой дай, Боже!
Рáдоньку рáдя старосвіцькую:

(*) Подоляне начинаютъ ужинъ съ кутьи, какъ обѣдъ на Великдень съ яйца.
(**) Отъ *поминать*. Я видѣлъ это въ Балтскомъ уѣздѣ.
(***) На Подоли до-сихъ-поръ не вывелось изъ употребленія это слово.

Чомъ тепе́рь не такъ, якъ спре́жа було́ —
Якъ спре́жа було́, якъ ся дія́ло?
Ба́тько изъ сйномъ до спра́ви стає́,
Сестра́ на сестру́ ча́рн готу́е,
А братъ на бра́та мечъ виготовля́е...
Якъ жидова́ Христа́ му́чила
Та на кудре́ві (*) ой роспина́ла;
Гвіздя́ми ру́чки прибива́ла,
Увся́ке дре́во за *гвісті* (**) гна́ал.
Увсяке дре́во за гвісті не йшло́,
Прокля́та гйва та й проступи́ла:
Съ па́льця мізи́ньця та й кровь пусти́ла.
Де крівця́ ка́пе,—церковця ста́не —
Ста́не це́рковця съ трома́ верха́ми —
Съ трома́ верха́ми, съ трома́ хреста́ми —
Съ трома́ хреста́ми, съ шістьма́ вікнами.
У пе́ршімъ верху́ дзво̀ники дзво́ня,
А въ дру́гімъ верху́ свічі пала́ютъ,
А въ тре́тімъ верху́ слу́жбоньки пра́вля.
Слу́жбоньки пра́вля за господа́ра,
Свічі пала́ютъ за господи́ню,
Дзво́ники дзво́ня за діти ва́ші.
Дай же вамъ, Бо́же, здоро́вля въ вашъ двіръ —
Здоро́вля въ вашъ двіръ, а ща́стя на-двіръ —
Ща́стя на-двіръ на худібочку,
Здоро́вля на васъ, на челя́дочку —
На худібочку на роговую́,
На челя́дочку на молоду́ю.
Дай вамъ, Бо́же, въ по́лі и въ дво́рі —
Въ дво́рі и въ по́лі, въ па́сіку, до́лі.
Шобъ ва́ша бджола́ все медна́ була́,
У по́ле ишла́, вигра́ваючи,
А съ по́ля ишла́, спочива́ючи,
Въ тічки ввійшла̀, сі́ла, спочи́ла—
Сі́ла, спочи́ла, ввесь медъ зложи́ла.

(*) Ку́деръ—кедръ. Говорятъ и куди́ръ; кудре́вій и кедро́вий.
(**) Теперь говорятъ *па́гість* или просто *пагість* — ноготь.

Відъ цéго слóва бýдьте здорóві
— Бýдьте здорóві, панъ-господáру! (*)
Цíї святки святкýйте здорóві,
Дрýгихъ у Бóга дождíтъ въ здорóвлі —
Та не самí собóю, зъ дідьмúй, зъ жонóю,
Зъ Ийсýсомъ Христóмъ, съ святúмъ Рожествóмъ,
Зо всімá пáми-приятелúми,
Зо всімъ собóромъ и Святúмъ Бóгомъ.

2.

Пáне-господáру! Ви прославúлись:
Новúмъ острогóмъ (**) обгородúлись —
Ой дай, Боже!
Колó вáшої хáти чотúрі сáди —
Чотúрі садú все виногрáди —
Ой дай, Боже!
Пáне-господáру! ми жъ васъ просúмо —
Ми жъ васъ прóсимо не прогнівайтесь:
Ми вáші воротá повічиняемъ
И садъ-виногрáдъ повиломляемъ —
Ой садъ-виногрáдъ повиломляемъ,
Рáйскую птúцю порозганяемъ.
Пáне-господару! ми жъ бо васъ прóсимъ —
Ми жъ бо васъ прóсимъ—не прогнівайтесь;
Ми вáши воротá позачиняемъ
И садъ-виногрáдъ попідіймаемъ —
Ой садъ-виногрáдъ попідіймáемъ,
Рáйскую птúцю позаганяемъ
Відъ цего слóва — и пр.

3.

Пáне господáру! А съ твóго двóру —
Ой дай, Боже!
А съ твóго двору плужóкъ вихóде;

(*) Такъ оканчивается всякая коляда *господáровi*.

(**) Острігъ — особаго рода тынъ съ *острíшкомъ* (стріха). Плетется онъ почти всегда *кíскою*, красивый и сравнительно не дешевъ.

Ой дай, Бóже!
А за тимъ плужкóмъ самъ Гóсподь хóде,
А святúй Петрó волú погóне,
Пресвятá Дíва
или
А Бóжа Мáти
імъ íсти нóсе,
Імъ íсти нóсе, гарнéнько прóсе:
Ой орíтъ, синкú, гóри й долинкú,
Бýдемъ сíяти жúто, пшенúцю —
Жúто, пшенúцю, всáку пашнúцю;
Збирéмо жíнцíвъ сíмьсотъ молодцíвъ,
А вязáличокъ сíмьсотъ дівочóкъ.
Закладéмъ стíжкú, якъ землú вширшкú —
Якъ землú вширшкú, до нéба ввишкú.
За цимъ же слóвомъ и пр...

Замѣчательно, что колядки *господині* не имѣютъ хозяйственнаго значенія. Вотъ двѣ изъ нихъ:

1.

Въ чúстімъ пóлі по-край Дунáю
Ой дай, Боже!
Тамъ три святíї вóду святúли —
Вóду святúли, золотúй хрестъ згубúли.
Тудú ишлá чéсная жонá, —
Якъ тудú ишлá, и той хрестъ знайшлá
Перейшлú íї ажъ три святíї:
»Ви, чéсна жóно-господúнечко!
Ви-жъ тудú ишлú, ви-жъ той хрестъ знайшлú.
А вручíтъ же намъ золотúй хрéстикъ,
Бýдете мáти дорогýзаплáту —
Дорогýзаплáту: три служби-Бóжі —
Пéрша слýжба за вáшого мýжа,
А другá слýжба за господúньку,
А трéтя слýжба за дíтки вáші.«
Відъ цего слова бýдьте здорóві,
Бýдьте здорóві, чéсная жóно —
Чéсная жóно—-господúнечко! и пр.

2.

Фали́лась бере́за пере́дъ дуба́ми
Ой дай, Боже!
Передъ дуба́ми сво́іми вітами.
Фали́сь-не фали́сь, не ти коха́ла:
Коха́ли тобі дрібнії дощі.
Фали́лась дівка пере́дъ дівка́ми —
Пере́дъ дівка́ми сво́іми ко́сами.
Фали́сь-не фали́сь, не ти коха́ла;
Коха́ла тобі пе́нька старе́нька.
Відъ цего сло́ва и пр. —

Вечеромъ противъ Новаго года ходятъ *щедрува́ти*. Отъ этого ли вечеръ получилъ названіе *щедраго* (щедрий вечіръ), или его названіе распространено и на пѣсни того вечера (щедрівки) и на самый обычай пѣть эти пѣсни — (щедрувати)? Всѣ *щедрівки* имѣютъ чисто-хозяйственное значеніе. Въ одной изъ нихъ поется желаніе, чтобы господарь имѣлъ щастя до товару и

До вся́кого ста́тку (1)
Шобъ не мавъ припа́дку,
Якъ ча́шечка у меду́,
Якъ барві́нокъ у саду́.

Одна изъ извѣстныхъ мнѣ щедрівокъ представляетъ господаря гобачемъ. Онъ

...сидитъ въ коне́ць сто́ла,
На німъ шу́ба шубалёва (соболь),
А въ ті шу́бі дзінькато́рі, (2)
А ті дзінькаторі сто черво́нихъ.

Утромъ на Новый годъ ходятъ *посіва́льники:* и старики и мальчики набираютъ всякаго зерна, большею частію, въ рукавицу, и ходятъ изъ дома въ домъ *посіва́ти*. *Посіва́ючи*, приговариваютъ:

(1) Ста́токъ—достатокъ. Слово *ста́токъ* значитъ также хорошо ведущій себя, *статкува́ти*—хорошо вести себя, не быть разгульнымъ и т. п.

(2) Портмоне (?) но не кошелекъ — *кали́тка*. Словомъ кошелекъ Подоляне называютъ церковный *дзво́нокъ*, въ который собираютъ »кошельковыя деньги.«

«сійся, роди́ся жи́то, пшени́ця, всяка пашни́ця на ща́стя, на здоро́вля, на нови́й рік, шобъ уроди́ла краще, якъ у-торі́къ.» Это зерно собираютъ и прячутъ. «*Якъ поміръ въ селі*, это зерно *сипля по вікнахъ;—ніби-то поміръ ска́же: не йдімъ цюди; тутъ Новий Рікъ.*»

По выходѣ изъ церкви, слуги берутъ коня, вола и барана, гдѣ есть эта худоба, украшаютъ ихъ поясами, колосьемъ, калиной, барвинкомъ и въ такомъ видѣ вводятъ въ комнату поздравить господаря съ новымъ годомъ, новымъ счастьемъ. Замѣчаютъ при этомъ *чи густе́, чи рідке́* счастье будетъ. — Это я видѣлъ въ домѣ родителей.

Еще раньше—не медля по отходѣ всенощной—выходятъ въ садъ *дідуха́ пали́ти*—т. е. ту солому, что́ была въ комнатѣ, собираютъ, выносятъ въ садъ и тамъ зажигаютъ, *шобъ садовина́ родила, шобъ осе́льня* (гусеница) *не объіда́ла*. Кромѣ этого, замѣчателенъ обычай на первый св. вечеръ: послѣ ужина одинъ кто-либо изъ мужчинъ беретъ сѣкиру (топоровъ на Подоли нѣтъ), зоветъ кого-либо съ собою въ садъ. Въ саду происходитъ слѣдующее: тотъ, что́ вышелъ безъ сѣкиры, садится за *породю́чою дерева́ною*, а тотъ, что́ съ сѣкирой, будто хочетъ рубить ее и *цю́кне*.

— Не ру́бай мене! бу́ду вже роди́ти, говоритъ сидящій.

— Ні, зруба́ю, говоритъ второй: чомусь не роди́ла.—И другой разъ ударитъ сѣкирою.

— Не руба́й! буду вже роди́ти!

— Ні, зруба́ю-таки́: чомусь не родила!—И третій разъ ударитъ сѣкирою.

— Бі́йся Бо́га! не руба́й! буду роди́ти лу́че за всіхъ.

— Гляди жъ!—говоритъ тотъ и удаляется. А сидѣвшій перевяжетъ это дерево *перева́сломъ* и также удаляется. Это происходитъ возлѣ каждаго дерева, которое не родитъ.

Около Новаго Года вымолачиваютъ и тотъ снопъ, что́ стоялъ на покутьѣ. Вымолоченное зерно прячутъ до сѣвбы, а тогда мѣшаютъ въ сѣмена. (*)

(*) Противъ Нов. Года, ночью, послѣ щедрівокъ, парубки ходятъ по домамъ съ Миланкою. Это родъ маскарада: одинъ парубокъ одѣвается молодицею—это Миланка, другой цыганомъ, третій *дідомъ* — старикомъ. Этотъ водитъ козу—тоже переодѣтаго парубка. Цыганъ иногда ходитъ съ медвѣдемъ (парубокъ), иногда бываетъ и лошадь. Вся эта компанія входитъ въ комнату. Подъ окномъ передъ тѣмъ временемъ поютъ:

На другий св. вечіръ (голодна кутя) поутру пекутъ *підпа́лки*, и мажутъ ихъ медомъ. Передъ ужиномъ, отецъ, или сынъ, или братъ отца идетъ, *съ підпа́лкомъ на обо́ру, на коша́ру*—вообще между

Ой учо́ра изъ вечіра
На́сла Мила́нка два ка́чурі —
На́сла-на́сла, загуби́ла,
Шука́ючи, заблуди́ла,
Приблуди́ла въ чи́сте по́ле:
Въ чи́стімъ по́лі Васи́ль о́ре:
»Васи́льчику-чиче́рчику (че́бчику, вѣроятно)!
Посію тебе́ въ горо́дчику;
Бу́ду тебе́ доглядáти:
По три́чи на́-день поливáти,
Що суботи проривáти,
За росу-ко́су затикáти,
До це́рковці выражáти,«
На́ша Мила́нка ложки́ ми́ла,
Ло́жку, тарілку́ упусти́ла: (*)
Ло́жку, тарілку доставáла,
Тонки́й хвартýхъ замачáла (или замочи́ла):
Новій, вітре буйне́сенький,
Ви́суши хвартýхъ гоне́сенький;
Новій, вітре, крізь воро́та,
Ви́суши хвартýхъ кра́ще зло́та;
Новій, вітре, сякъ-та́къ, сякъ-та́къ,
Ви́суши хвартýхъ, якъ макъ, якъ макъ.
Пустіть Мила́нку — пустіть до ха́ти;
На́ша Мила́нка зме́рзла въ пя́ти;
Ой у Мила́нки коро́тка сви́тка,
На́ша Мила́нка зме́рзла въ литки́.

Когда впустятъ до хаты, тогда поочередно начинаютъ каждый свою роль, а праздные выманиваютъ что́ могутъ: *прадіва Милащі на памітку, св. Мико́лі на очкуръ*, са́ла и т. п. Коза танцуетъ, а *дідъ* припѣваетъ:

Ой ко́зо-ко́зо! ко́зо-небо́го!
Поскачи́ жъ мині тро́хи, немно́го:
Дасть панъ господаръ півзолотого,
А подобріе, дасть и друго́го;
А хозя́ечка—мірочку гре́чки—
На́ші козу́ні на варе́нички.
Ой ко́зо-ко́зо! погля́нь на гра́ба!
Погля́нь на гра́ба, тамъ сиди́тъ зра́да.
Яка́ то зра́да? Стара́я ба́ба.
Стара́я ба́ба на печі сиди́тъ —

(*) Вм. этимъ двухъ стиховъ иногда поютъ:
На́ша Мила́нка въ Дністрі бу́ла,
Дністрову́ во́ду-воду пи́ла —

чистыхъ животныхъ, кропитъ тамъ св. водою, пишетъ крестъ мѣломъ на дверяхъ, на воротахъ и ѣстъ *підпа́локъ*, »*шобъ не приступивъ який злий духъ, якъ ото втіка́ютъ вони зъ води.*« Кормъ для скота берутъ не вилами, но руками,—по той же причинѣ.

Бѣлоруссы, вмѣсто *підпа́лка*, пекутъ пирогъ съ кашею и грибами, и съ этимъ пирогомъ ходятъ, какъ Подоляне съ *підпа́лкомъ*. Бѣлоруссы, пиша крестъ, приговариваютъ:» пирога кусни, а хреста писни.« Это дѣлается во избѣженіе несчастія.

Стрѣльба во время водоосвященія у Подолянъ, кажется, не имѣетъ значенія. Но у Бѣлоруссовъ она значитъ *волковъ разгонять*: куда два побѣгутъ, куда три, такъ и будутъ ходить цѣлый годъ.

На печі сиди́тъ, соло́му січе́ —
Соло́му січе́, пироги́ пече́;
А зъ но́са капти́тъ,
Пироги́ масти́тъ.

∴

Ой ко́зо-ко́зо! не огляда́йся!
На ме́не-діда не задивля́йся;
Бо въ ме́не-діда борода́ гніда,
Борода́ гніда, ажъ до коліна.

Ой на горі монасти́ръ,
До не́го доріжка.
Вме́рла моя бабусенька,
Зоста́лася кізка.
А я дідъ, а я дідъ,
А я невели́чкий;
А я сво́і дзю́бі-лю́бі
Ку́плю черевички.
Черевички невели́чки,
Передо́чки съ китаечки (2)
Закаблу́ки съ кабака́ (гарбузъ)
А якъ пі́демъ до оре́нди (ко́рчма),
То вда́римо тропака.

∴

А дідъ ба́бці купи́въ ка́нці,
Та коро́тки були, товтявъ на́льці.

Коза танцуетъ подъ тактъ.

Полученное за коляду; щедривки и Миланку, за исключеніемъ расходовъ, поступаетъ въ церковь *на братство*. Братства на Подоли до-сихъ-поръ остались. Недавно только отнята у братствъ пасіка. Также, когда отдали на откупъ свѣчную продажу, *брачикамъ* и *сестричкамъ* запрещено дѣлать свѣчи въ 1859 году. Пасіки отняты раньше.

Кто первый наберетъ св. воды такая вода *до́бра для па́сіки—кропити, якъ бджола́ заіда́етця.*

Есть хозяева, которые до этого времени поятъ весь скотъ дома изъ ведеръ и теперь только начинаютъ гонять къ проруби—въ томъ убѣжденіи, что лучше онъ выдетъ изъ зимовки—*ситіщий бу́де*-Бѣлоруссы, на Богоявленіе, по выходѣ изъ церкви, передъ обѣдомъ, бросаютъ въ огонь кусокъ желѣза и тамъ—въ печкѣ—онъ остается цѣлый годъ, въ предохраненіе скота отъ волковъ во время ночлеговъ на полѣ.

На Ордань Подоляне собираютъ со стола сѣно и все, что́ было подъ сѣномъ: отруби (висівки), чеснокъ, просо. Изъ отрубей дѣлаютъ припарки, когда болитъ подъ грудью. Въ случаѣ кражи, чеснокомъ мажутъ языкъ одного изъ церковныхъ колоколовъ и такимъ образомъ звонятъ. Вѣрятъ, что если воръ заслышитъ этотъ звонъ, то его Богъ выявитъ. Прсо трутъ, и когда завидятъ, что идетъ попъ съ кропиломъ, на скорую руку разводятъ эту муку водою и этою жижею пишутъ кресты на четырехъ стѣнкахъ въ комнатѣ—на каждой по одному, чтобы ихъ, еще мокрые, окропили святою водою. Эти кресты остаются на стѣнкахъ до Срѣтенія; тогда ихъ счищаютъ и прячутъ счищенное. Когда корова *не може счиститись*, то ей даютъ этихъ остатковъ креста. (Вѣрятъ, что ночью противъ Ордани вся тварь получаетъ даръ слова,—что вся вода на нѣкоторое время обращается въ вино.)

Изъ всего сказаннаго видно, что *Різдвяні Святки* отрываются отъ прошедшаго времени и имѣютъ значеніе только для будущаго. Слѣдовательно, въ ряду хозяйственныхъ празднованій, они предшествуютъ Великодню. такимъ образомъ, Великдень есть весенній праздникъ и, въ настоящее время, второй относительно хозяйства. Послѣдній между ними—т. е. заключительный — праздникъ есть *Маковѣя*, а первый—т. е. начальный—Різдвяні Святки.

И такъ Великдень, по своему значенію, имѣетъ два мѣста между народными празднованіями, по двумъ сторонамъ самыхъ празднованій: въ отношеніи къ любви Великоднемъ празднованія начинаются, въ отношеніи къ хозяйству—Великдень есть продолженіе празднованій. Едвали можетъ быть, чтобы и въ древности съ Великоднемъ совпадали два эти празднованія; вѣроятно, любовь праздновалась раньше—въ началѣ весны, а сѣва въ концѣ ея, когда *обсіютця*, какъ

теперь по окончаніи жнивъ празднуются *обжинки*, гдѣ поются пѣсни про жниво.

За этимъ мнѣ остается только пожелать, чтобы тѣ, кто имѣетъ возможность повѣрить мои слова съ дѣйствительностію, дополнилъ недосказанное мною и исправилъ мои ошибки. Ziarnko do ziarnka—będzie miarka. *Курка по зёрні клюе, и то найдаетця.*

Надо сказать еще, что остатки *свячёного* закапываютъ въ землю и вѣрятъ, что на который день, послѣ перваго дня Великодня, закопать ихъ, черезъ столько лѣтъ на томъ мѣстѣ выростетъ *рута*, но не *маруна*, какъ бы слѣдовало, если бы Великдень относился къ некромантикѣ. — Изъ маруны (мо[illegible]ана?) дѣлаютъ для покойниковъ вѣнки.

Въ нѣкоторыхъ селахъ на Подоли говорятъ еще *вирши*. Въ награду за доставленное удовольствіе, составители, или, правильнѣе, декламаторы виршей получаютъ писанки и крашанки, которыя складываютъ для нихъ въ нарочно—поставленную шапку. Вирши произносятся съ колокольни въ окно, а слушатели стоятъ на землѣ. Такихъ виршей у меня есть достаточное количество въ рукописи, очень древней. Составителями виршей почитаются *бакалары*. Имъ же приписываютъ и составленіе *нагласниковъ*. Бакаларство на Подоли существуетъ и теперь въ мизерныхъ остаткахъ; но давняго разгула школы не имѣютъ, и составителей виршей теперь нѣтъ: пользуются старинными. За бакаларами Подоляне жалѣютъ, но въ самомъ дѣлѣ они не стоютъ того; рѣдко между бакаларами встрѣчался порядочный человѣкъ: кромѣ того, что обыкновенно ничѣмъ не занимались, они еще крали птицу, дрова, *звóдили дівчáтъ* и т. п. Иначе и быть не могло; потому что ихъ было довольно много, жить было не-чѣмъ. Одно, чѣмъ они приносили пользу, это—обученіе дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, съ паденіемъ бакаларовъ, число грамотныхъ до—того уменьшилось, что нерѣдко встрѣчается одно грамотное лице изъ *піддáнихъ* — на нѣсколько деревень подъ-рядъ. Всѣ вирши отличаются юморомъ—иногда очень непескуснымъ. Кромѣ виршей, говорили еще *орацiї*. Орацiи произносимы были обыкновенно въ *господі*. Когда приходили съ орацiею, самый бойкій, который долженъ былъ произносить ее, входилъ въ комнату, а прочіе оставались въ сѣняхъ или, просто, подъ окномъ и пѣли—или тропарь—передъ виршею, а кондакъ послѣ нея, или то и другое передъ виршею, если хозяинъ долго не выходилъ слушать орацію. Иногда были пѣты пѣсни, похожія на церковныя, но соб-

ственнаго произведенія. Иногда вирша, или орація, дѣлилась между нѣсколькими отроками; тогда входили въ комнату всѣ тѣ, которые должны были говорить. Языкъ въ виршахъ и въ ораціяхъ несравненно чище языка проповѣдей, хоть и здѣсь удерживается *л* въ прошед. времени, и много есть польскаго—особенно въ заключеніяхъ, которыя обыкновенно суть молитвы о многолѣтіи *слухачо́въ*, *жолнѣро́въ*, *па́нства* и пр. Преимущественно поминаютъ *рица́рство*—Теперь вирши уже вытѣснены изъ школъ и бытуютъ между *пьяню́жками* изъ шляхты, отставныхъ солдатъ и т. п. Иногда декламируютъ вирши пономари или *шутники* изъ поселянъ. Изъ дьячковъ развѣ старики занимаются ими, но молодое все не *відва́жуется* — по застѣнчивости, хотя у многихъ хватило бы и охоты и способностей. Къ нелѣпостямъ, которыя выдумала нужда бакалярская, относится такъ-называемый *Сонъ Богородицы*, который между Подолянами чрезвычайно распространенъ и считается молитвою. По преданію, *Сонъ Богородицы* бакалары переписывали и мѣняли на что́ могли: на прядиво, сало, крупу, пшено и т. д., для чего они ходили *по-пі́дъ ві́кна*, какъ теперь *щі́тники* и т. п. Голь на выдумки хитра.

А. Свидницкій. (Натриченко).

ПО ВОПРОСУ О ЮЖНО-РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

(*Письмо къ редактору*).

Къ статьѣ моей: *Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину,* напечатанной въ августовской книжкѣ «Основы», редакція сдѣлала слѣдующее примѣчаніе»: Помѣщаемъ ее, (т. е. статью) не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ быть и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны—Великороссы, а съ другой—Поляки, въ древней южно-русской письменности усматриваютъ начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ тоже время, признаковъ языка мѣстнаго».

Это примѣчаніе, какъ ни кажется оно, *на первый взглядъ*, вѣрнымъ, прямо опредѣляющимъ результаты и моихъ собственныхъ наблюденій, приведенныхъ даже и въ настоящемъ «отвѣтѣ», и замѣтки г. Погодина, въ его спорахъ съ г. Максимовичемъ, поразило, однакоже, меня до такой степени *неточностью выраженій и смѣшеніемъ предметовъ* (*), что я призналъ необходимымъ объясниться и, если возможно, устранить поводъ къ недоразумѣніямъ и неправильному взгляду тѣхъ читателей «Основы», которые питаютъ какое-нибудь сочувствіе къ рѣшаемому вопросу. Подобное объясненіе показалось мнѣ тѣмъ полезнѣе, чѣмъ желательнѣе надежда редакціи на возраженіе, а можетъ быть и на разрѣшеніе не только весьма любопытнаго, но и весьма важнаго въ наукѣ, вопроса. Послѣдній относится прямо къ филологіи, а эта наука успѣла уже получить ту опредѣленность и точ-

(*) Какихъ—предметовъ? *Ред.*

ность, (конечно, въ глазахъ людей слѣдившихъ и слѣдящихъ за ея развитіемъ), какія во многомъ приближаютъ ее къ послѣдовательности выводовъ математическихъ. Въ математикѣ же часто приходится начинать сызнова всю работу, какъ скоро въ предшествующихъ выкладкахъ вкралась хотя ничтожная, въ одной цифрѣ или въ одномъ знакѣ, ошибка.

Какъ ни коротко примѣчаніе редакціи, но въ немъ ярко отдѣляются двѣ мысли, одна съ другою, какъ увидимъ, не имѣющія ни малѣйшей связи: 1) Великоруссы въ древней южно-русской письменности видятъ зачатки собственнаго языка, отрицая признаки языка мѣстнаго; 2) Поляки въ древней южно-русской письменности видятъ зачатки собственнаго языка, отрицая также признаки языка мѣстнаго.

Что́ касается до первой мысли, то я бы желалъ знать, кого имѣете вы въ виду, говоря вообще о *Великоруссахъ*? Позвольте мнѣ, въ этомъ случаѣ, перемѣнить ваше *о* на *у*, потому что народъ знаетъ только *Русь*, *Руссъ*, прилагательное *русскій*; неправильность или чужеземность терминовъ *Россъ*, *Великороссъ*, встрѣчающихся въ письменномъ языкѣ торжественнаго слога одъ и иныхъ воззваній прошлаго вѣка (1), всего нагляднѣе обнаруживается изъ отсутствія отъ нихъ прилагательныхъ *россійскій* или *великороссійскій*. Полякъ можетъ хвататься за случайно и въ позднюю уже пору явившееся названіе *Россія*, чтобы, слѣдуя неумѣстнымъ и нелѣпымъ своимъ посягательствамъ, искусственно сколоченнымъ терминомъ *Россіянинъ* указать на совершенное отличіе народа сѣвернаго отъ южнаго, но намъ, *русскимъ*, неприлично съ такимъ же презрѣніемъ попирать ногами голосъ цѣлыхъ десятковъ мильоновъ народа (2) и положительныя свидѣтельства исторіи. Народъ русскій сѣверный, какъ я уже замѣтилъ, не знаетъ ни Росса, тѣмъ менѣе—Великороса, а исторія, на самыхъ первыхъ страницахъ своихъ, отмѣтила для сѣвера названіе *Русь*, *Русская земля*, въ ту пору, когда югъ не успѣлъ еще и войти въ составъ одного государственнаго (?) цѣлаго: «и изъбрашася 3 братья съ роды своими, ояша по себѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ

---

(1) Слово-Россія—употреблялось уже гораздо раньше. (2) Совершенно справедливо; но, вѣдь, народъ же говоритъ—*Ра(о)сея*; это слово встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, — даже украинскихъ; одна изъ послѣднихъ начинается такъ: »Була́ Но́льща, була́ Но́льща, а ста́ла Росія.« *Ред.*

сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій, Изборстѣ, Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася *руская земля*, Новугородьци (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 8—9).

Кто же эти—Великоруссы? Невольно придется отвѣчать на этотъ вопросъ русской поговоркой: *первой, другой да и обчелся*; въ самомъ дѣлѣ, первой—*Погодинъ*, другой—*Лавровскій*, а больше нѣтъ. Но нѣтъ изъ Великоруссовъ, а есть и еще одинъ, самый важный, говорившій о томъ же дѣлѣ съ полнымъ знаніемъ его, отчетливостью и основательностью, говорившій, какъ истинный ученый, фактами, а не пустыми словами, подобно нѣкоторымъ фантастамъ-беллетристамъ, привыкшимъ, въ умственномъ своемъ усыпленіи, рѣшать всѣ вопросы силою, развитаго у нихъ бездѣятельностью, одного воображенія и даже отъ надутости самомнѣнія бросающимся съ яростью на эти факты науки, свидѣтельствующіе такъ ясно объ ихъ грубѣйшемъ невѣжествѣ, а тотъ еще одинъ — *И. И. Срезневскій*. Къ какимъ его относите вы? Хотя и родился онъ въ великорусскомъ городѣ, Ярославлѣ, но еще грудянымъ ребенкомъ былъ привезенъ въ южную Русь, гдѣ воспитался, развился, образовался и всецѣло сродился съ новою мѣстностью, ставшею для него вполнѣ родиною (1). Такимъ-образомъ, на двоихъ великоруссовъ приходится одинъ малоруссъ, въ рѣшеніи даннаго вопроса, о языкѣ южнорусскомъ, стоющій обоихъ первыхъ. А вы говорите *вообще* о великоруссахъ и даже сравниваете съ поляками. Не говоря, пока, ничего о характерѣ отзывовъ послѣднихъ, я останавливаюсь на *количественной* невѣрности сравненія. Вѣдь въ Познани, и Берлинѣ, и Парижѣ, и Краковѣ и Львовѣ, даже въ самомъ Царствѣ, трубятъ поляки десятки лѣтъ и цѣлыми легіонами объ отсутствіи малорусскаго нарѣчія,—тутъ можно обобщать; но какъ возможно обобщеніе

(1) Мы должны замѣтить, что такой взглядъ на г. Срезневскаго и его сродство съ южною Русью, которая будто бы стала для него *вполнѣ родиною*, принадлежитъ собственно автору, но никакъ не нашему вѣстнику. Изъ чего видитъ г. Лавровскій, что въ г. Срезневскомъ мы пріобрѣли новаго соотечественника? Не изъ того ли, что, живя въ Харьковѣ, онъ находилъ для себя полезнымъ издавать сочиненія Котляревскаго и украинскія народныя пѣсни съ замѣтками въ духѣ тогдашняго, вовсе не критическаго, направленія, а перейдя на каѳедру въ С.-петербургскій университетъ и Академію Наукъ, тотчасъ убѣдился, что гораздо полезнѣе отвергать возможность своеобразнаго развитія украинской литературы и народности?.. Нѣтъ, мы не посягаемъ на права города Ярославля. *Ред.*

великоруссовъ, на основаніи двоихъ лицъ, положенія которыхъ притомъ послѣдовали за учеными выводами малоруса (1)? Не будетъ ли въ этомъ много излишней чести великоруссамъ? Я думаю такъ, и вотъ почему.

Отзывы двоихъ великоруссовъ основаны исключительно на научныхъ данныхъ, выведены изъ наблюденій надъ языкомъ древнихъ памятниковъ письменности русской; другими словами, явились они результатомъ ихъ филологическихъ, правильнѣе—лингвистическихъ, занятій довольно частнымъ вопросомъ–отличіями нарѣчій сѣвернаго русскаго и южнаго русскаго, отличіями въ звукахъ и этимологическихъ формахъ языка. Эта только исключительно лингвистическая сторона и послужила поводомъ отзывовъ ихъ; ничего посторонняго тутъ не примѣшивалось. Но, помилуйте, вѣдь такое занятіе въ современной великорусской литературѣ, сосредоточенной въ журналахъ, выставлено чуть не позорнымъ, заклеймено бездарностью, совершенною безполезностью; въ требованіяхъ ею рѣшеній *жизненныхъ вопросовъ*, вы встрѣчаете на каждомъ шагу непростительнѣйшее презрѣніе къ вопросамъ, составляющимъ основаніе, почву правильнаго рѣшенія и первыхъ; крикливымъ вожатаямъ этой литературы нѣсколько лѣтъ уже стали ненадобны вовсе трудъ, а съ нимъ и положительныя свѣдѣнія, которыя одни могутъ быть порукою вѣрности и основательности заключеній и по жизненнымъ вопросамъ; имъ необходимы только слова, гладко составленныя, перемѣшанныя съ извѣстнымъ количествомъ чужеязычныхъ терминовъ для ходячихъ современныхъ понятій, которымъ часто не въ состояніи дать правильнаго и опредѣленія пишущій, схватывающій ихъ, какъ пѣвучая птица, съ голосу другихъ. И въ вопросѣ объ отношеніи великорусскаго нарѣчія къ малорусскому, современная великорусская литература, въ лицѣ считающихъ себя представителями современныхъ прогрессивныхъ мнѣній въ Россіи, скорѣе бы допустила голословное и отвлеченное сужденіе, чѣмъ бы дозволила явиться на страницахъ своихъ подробному перечисленію фактовъ

(1) Московская газета *День* удостовѣритъ почтеннаго автора, что имя тѣхъ, рѣшающихъ сплеча подобные вопросы—легіонъ. Они употребляютъ всѣ мнимо-научные пріемы для убѣжденія своихъ читателей — «въ нелѣпости украинской литературы»,—тогда какъ для этого было бы достаточно и одного книжно-національнаго самодовольства и непониманія. *Ред.*

того или другаго нарѣчія; другими словами, журнальная литература великорусская охотно дала бы у себя мѣсто самому нелѣпому мнѣнію, лишь бы оно затрогивало *живые вопросы*, т. е., въ вылощенныхъ фразахъ, высказывало бы досужую игру воображенія, безъ малѣйшей даже и претензіи на отношеніе этого мнѣнія къ истинѣ (1). Но относительно малорусскаго нарѣчія, великорусская литература не сдѣлала и того (2), а обобщеніе ваше двухъ слабыхъ примѣровъ, къ тому же—съ скучными филологическими данными, по моему мнѣнію, придаетъ много чести великоруссамъ.

Съ другой стороны, при такомъ характерѣ рѣшенія вопроса о малорусскомъ нарѣчіи, представленнаго двоими великоруссами, ваше обобщеніе оскорбляетъ и малороссовъ. Ежели у великороссовъ нашлось хотя два человѣка, которые обратили вниманіе, при чтеніи древней русской письменности, на ваше прекрасное нарѣчіе и представили свое мнѣніе о томъ, основанное не на голыхъ словахъ, а на фактическихъ данныхъ, то почему-же молчатъ сами малороссы (3) и спокойно смотрятъ, какъ одинъ народъ за другимъ, великороссы и поляки, вторгаются разомъ въ область ихъ языка? Согласитесь, вѣдь, это не къ чести малороссовъ, ежели они понимаютъ невѣрность выводовъ вели-

---

(1) Еще разъ должны мы заявить свое разномысліе съ г. Лавровскимъ. Если между дѣятелями современной журнальной литературы не оказалось, положимъ, людей довольно сильныхъ въ его спеціальности, для того, чтобы признать жизненную полезность лингвистическихъ трудовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта литература была до такой степени безнравственна въ своихъ отношеніяхъ къ *живымъ вопросамъ*, какъ это представлено г. Лавровскимъ. Это выходитъ тоже, что̀ въ пословицѣ: *разсердясь — да* и *шубу въ печь*. *Ред.*

(2) Такъ-какъ мы, въ объявленіи объ «Основѣ» на 1862 годъ, выразили нашу благодарность «образованнѣйшимъ великоруссамъ за трогательное для насъ доброжелательство», съ которымъ они смотрятъ на оживленіе украинской словесности, то печатая въ своемъ журналѣ упреки г. Лавровскаго, мы обязаны сказать, что слова наши преимущественно относились къ дѣятелямъ современной журнальной литературы, великорусской, которые и въ настоящее время почти единодушно вооружались противъ москвофильской исключительности, проповѣдуемой газетою *День*. *Ред.*

(3) Они не молчали. Лишь только г. Погодинъ заселилъ великоруссами землю Кіевскую, г. Максимовичъ вступилъ съ нимъ въ *прю*, а мы слушали только, что̀ изъ этой *прі* выйдетъ, вмѣсто того чтобы множествомъ голосовъ заглушать препирающихся. Что̀ будетъ далѣе — увидите, но погодите оскорбляться (нашими замѣтками) за украинцевъ: у нихъ найдутся собственные голоса для выраженія своего оскорбленія. *Ред.*

корусскихъ; о полякахъ пока умолчимъ. Но въ томъ–то и дѣло, что подобное заключеніе, вытекающее изъ вашихъ словъ, невѣрно, и именно потому, что вы о народности–то излагавшихъ научное мнѣніе о малорусскомъ нарѣчіи судили по результатамъ этого мнѣнія; вотъ почему и попался г. Срезневскій въ число великоруссовъ, если только вы не оставили его, въ ту минуту, какъ дѣлали примѣчаніе, ни при чемъ, какъ будто онъ ничего и не говорилъ по этому вопросу. А между тѣмъ, г. Срезневскій раньше великоруссовъ высказалъ это мнѣніе, даже зашелъ нѣсколько дальше, до чего не рѣшились доходить послѣдніе, именно, будто и развитіе–то отличительныхъ чертъ *нынѣшняго* малорусскаго нарѣчія обязано своимъ происхожденіемъ не раньше, какъ времени послѣ XIII столѣтія. Слѣдовательно, не только два великорусса, но, что относится къ непризнанной вами чести малороссовъ, и одинъ малоруссъ, прежде всѣхъ, путемъ чисто научныхъ и самыхъ строгихъ ученыхъ наблюденій, заявилъ, что въ древней письменности русской не выразились характеристическія свойства нарѣчія малорусскаго. Такимъ–образомъ, съ этой точки зрѣнія, вы, смѣю думать, не можете видѣть въ высказанномъ мнѣніи исключительной принадлежности великорусской, еще болѣе какого–либо непозволительнаго стремленія великоруссовъ, о чемъ можно догадываться изъ сопоставленія вашего послѣднихъ съ поляками (*).

Да и что́ говорится въ этомъ мнѣніи? По словамъ вашего примѣчанія, великоруссы видятъ *въ древней южно-русской письменности начатки собственнаго языка*. Какого своего собственнаго языка. Конечно не народнаго? потому что народный языкъ на сѣверѣ и югѣ существуетъ исконно и развивался самъ–собою, то въ большей общности, какъ въ древнее время, въ силу бо́льшаго общенія отъ единства государственнаго, то въ отдаленіи другъ отъ друга, вслѣдствіе насильственнаго расторженія и подчиненія чужеплеменному господству, прошедшему также безъ вліянія на языкъ оторванной части. Безъ–сомнѣнія, вы разумѣете *собственный* языкъ письменный. И неужели же вы что–нибудь серьезно можете сказать противъ этого? неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы думаете, что языкъ древней письменности русской, даже и южной, не былъ дѣйствительно началомъ нынѣшняго письменнаго или литературнаго языка русскаго? Сколько

(*) Вотъ въ вашихъ словахъ можно дѣйствительно видѣть смѣшеніе предметовъ.

Ред.

ни извѣстно намъ памятниковъ древней письменности, и южной и сѣверной, языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же, за исключеніемъ развѣ мѣны взаимной *ч* и *ц* новгородцевъ. Да при единствѣ государственномъ, при единствѣ народа, иначе и быть не могло: раздѣленіе письменнаго языка, при такихъ условіяхъ и не мыслимо. Этотъ единый письменный языкъ настолько же былъ началомъ сѣвернаго литературнаго языка, насколько и южнаго, иначе онъ былъ началомъ литературнаго языка *русскаго*.

Въ XIII столѣтіи, югъ Руси разрушенъ Татарами; посредствомъ в. княжества литовскаго, въ XIV столѣтіи, онъ отошелъ къ Польшѣ: первое обстоятельство остановило на нѣкоторое время литературную дѣятельность, а послѣднее не могло не содѣйствовать новому обороту языка письменнаго на югѣ, и въ то время, какъ на сѣверѣ продолжалось самобытное развитіе древняго языка письменнаго, на югѣ, съ конца XIV, особенно въ XV и XVI вѣкахъ, мы уже находимъ отраженіе въ письменномъ языкѣ нѣкоторыхъ отличительныхъ свойствъ народнаго языка и примѣсь польскихъ особенностей. При возстановленіи, въ XVII вѣкѣ, снова единства между югомъ и сѣверомъ, обитатели перваго встрѣтили тотъ-же письменный языкъ на сѣверѣ, который, въ основаніи своемъ и въ развитіи до XIII вѣка, былъ и ихъ, въ такой же мѣрѣ, собственнымъ языкомъ; только въ теченіи четырехъ вѣковъ раздѣльности, онъ успѣлъ пойти дальше въ развитіи и кое–что выработалъ новаго. Да, древнюю письменность русскую, все равно, гдѣ бы ни была она, безъ всякой тѣни сомнѣнія, считаемъ мы положительнымъ началомъ *нашего языка*, признавая ее точно въ той же степени и началомъ *вашего*, потому, что онъ былъ одинъ для всѣхъ областей единаго государства, съ общими признаками выдѣлившагося уже изъ среды остальныхъ Славянъ *языка русскаго*, безъ особенностей, которыя бы указывали на мѣстное нарѣчіе южное. Замѣтьте, съ *обще-русскими признаками*, какъ говорилось мною и въ 1852, и въ 1858, и въ 1859, наконецъ, и въ 1861 г., въ августовской книжкѣ «Основы». Только взаимная мѣна *ц* и *ч* Новгородцевъ составляетъ исключеніе. И при настоящемъ случаѣ, я рѣшаюсь высказать вамъ прямо и рѣшительно, не какъ аксіому, добытую вообще наукою, что́ и трудно при отсутствіи у насъ воздѣлывателей науки, а какъ личное мое убѣжденіе, вытекшее изъ долголѣтнихъ наблюденій, что это единство въ древней письменности языка и отсутствіе признаковъ въ ней мѣстнаго южнаго нарѣчія есть *фактъ*, котораго наличными

матеріалами никакимъ образомъ вы не опровергнете. Въ иныхъ обстоятельствахъ находится вопросъ, который можетъ возникнуть изъ этого факта и рѣшеніе котораго не только любопытно, но и въ высокой степени важно для науки, именно: заключается-ли причина отсутствія признаковъ малорусскаго нарѣчія въ древнѣйшей письменности южной въ томъ, что такіе признаки еще не успѣли развиться, по крайней мѣрѣ не успѣли еще охватить бо́льшей части народа, какъ, напр., и нынѣшній переходъ *о* въ *и*, или отсутствіе мѣстныхъ особенностей нарѣчія объясняется не первобытностью большинства массы южно-русскаго народа въ нынѣшнихъ предѣлахъ южной Руси, другими словами—видѣть ли причину въ мнѣніи г. Срезневскаго или въ мнѣніи г. Погодина. Такимъ образомъ, первая половина вашего примѣчанія разрѣшается слѣдующимъ образомъ: ученый знатокъ славянскихъ нарѣчій и въ частности малорусскаго нарѣчія, какъ ему роднаго, малоруссъ (*), а за нимъ *только два Великорусса*, въ древней письменности русской до XIII—XVI вѣковъ видятъ одинъ языкъ для всѣхъ областей государства и въ немъ *необходимо* справедливо усматриваютъ начатки *собственнаго* языка письменнаго, т. е. русскаго литературнаго, одинаковаго для сѣвера и для юга Россіи. Обратимся ко второй половинѣ вашего примѣчанія.

«Поляки въ древне-южно-русской письменности усматриваютъ начатки своего собственнаго языка и не признаютъ въ то же время признаковъ языка мѣстнаго». Прежде всего раждается вопросъ: къ какой древне-южно-руской письменности обратились Поляки? Къ той-ли, какую имѣли въ виду одинъ Малоруссъ и два Великорусса, при выводахъ своихъ о единствѣ языка письменнаго въ древнее время на Руси и объ отсутствіи въ немъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, или къ другой? Вопросъ этотъ слишкомъ нетрудный, чтобы затрудняться немедленнымъ же его рѣшеніемъ. Къ древней письменности Поляки не обращаются и въ своей литературѣ; языкъ и собственныхъ ихъ начальныхъ памятниковъ, XIV—XV вѣковъ, становится имъ извѣстнымъ изъ занятій и выводовъ иноплеменныхъ ученыхъ, тѣмъ, естественно, менѣе можно ожидать вниманія отъ нихъ и еще менѣе изученія ими древне-кирилловской нашей письменности. И литература польская, несмотря на все ея громадное богатство въ объемѣ, не

(*) Не Малоруссъ ни по происхожденію, ни по мѣсту рожденія, ни по образу литературной и общественной дѣятельности. *Ред.*

укажетъ ни на что въ пользу такого вниманія (1) и подобнаго изученія памятниковъ нашей письменности до XIII—XIV столѣтій. Одинъ почтенный Мацѣёвскій вздумалъ-было доказывать полонизмъ языка въ словѣ о полку Игоревомъ, приводя какъ будто факты для подтвержденія своего мнѣнія; но этотъ опытъ скорѣе похожъ на опредѣленіе красокъ слѣпымъ или звуковъ глухимъ, какъ имѣли мы случай нѣкогда доказать это печатно. Нѣтъ, Поляки взглянули на письменность южно-русскую совершенно иную, на ту письменность, о которой сказалъ я выше, по поводу насильственнаго отторженія юга Руси отъ сѣвера и подчиненія перваго господству польскому, письменность, во которой, на ряду съ выразившимися признаками малорусскаго говора, попадаются и свойства польскаго языка. Различіе, какъ видите, громадное. Поляки приняли въ соображеніе такую письменность, въ которой и Малоруссъ и два Великорусса отличили уже несомнѣнные слѣды нарѣчія южно-русскаго, письменность такого времени, когда всѣ они трое сочли-бы безумiемъ не признавать фактически выявившимся нарѣчіе малорусское, какъ самостоятельное нарѣчіе въ ряду остальныхъ славянскихъ, и притомъ отстоящее отъ польскаго, за исключеніемъ вдавленныхъ временнымъ и случайнымъ польскимъ господствомъ словъ, системою звуковою и развитіемъ этимологическихъ формъ такъ-же далеко, какъ каждое юго-восточное нарѣчіе отъ нарѣчій сѣверо-западныхъ. Слѣдовательно, сопоставленіе Великоруссовъ съ Поляками, въ вашемъ примѣчаніи, отзывается полнѣйшею несостоятельностью и неосновательностью. (2)

Но этого мало. Сопоставленіе ваше, убѣжденъ, безъ всякаго съ вашей стороны умысла, заключаетъ въ себѣ tacite и несправедливое оскорбленіе. Разсмотримъ обстоятельства.

Поляки обратились къ дикому заключенію о языкѣ письменности южно-русской, XVI—XVII столѣтій, не непосредственно, а ужъ какъ къ доказательству ихъ еще болѣе нелѣпыхъ сужденій о *нынѣшнемъ* малорусскомъ нарѣчіи. Вамъ, конечно, извѣстны давнишнія тенденціи Поляковъ выставить малорусское нарѣчіе въ смыслѣ провинціализма языка польскаго, на подобіе говора мазурскаго и другихъ поль-

---

(1) А въ *исторіи Польской литературы*, Вишневскаго, въ *Несторѣ*, Бартоневича? *Ред.*

(2) Не ошибаетесь ли вы сами,—такъ-какъ вамъ извѣстно мнѣніе одного только Мацѣёвскаго? *Ред.*

ско-народныхъ говоровъ (1); извѣстна и цѣль столь невѣжественнаго взгляда Поляковъ, противорѣчіе здравому смыслу котораго можно объяснить единственно лишь разгоряченною фантазіею политиковъ польскихъ, перешедшею, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, за предѣлы самой простой и очевиднѣйшей истины. Объ этомъ имѣлъ уже случай говорить я гораздо прежде выхода августовской книжки Основы и гораздо подробнѣе, нежели въ примѣчаніи редакціи Основы къ статьѣ моей. Скажите теперь, нашелся-ли хотя одинъ Великоруссъ, который-бы, подобно Полякамъ, возставалъ противъ самобытности нынѣшняго малорусскаго нарѣчія (2)? Напротивъ, не каждый ли изъ *Русскихъ*, занимавшихся вопросомъ о древне-русскомъ языкѣ, ставилъ во главу угла самостоятельность южно-русскаго нарѣчія въ нынѣшнее время, и уже черезъ эту самостоятельность дѣлалъ поиски въ древности? Примѣчаніе ваше появилось по поводу моей статьи, слѣдовательно черезъ меня произошло и обобщеніе Великорусовъ и сопоставленіе ихъ съ Поляками, а потому я и вынужденъ остановиться на себѣ.

Сколько разъ ни случалось мнѣ говорить печатно о малорусскомъ нарѣчіи, въ статьяхъ-ли другаго содержанія, въ которое малорусское нарѣчіе входило стороною, случайно, или въ статьяхъ, касающихся спеціально этого нарѣчія, вездѣ, при всякомъ случаѣ, разсматривалъ я его, какъ особое нарѣчіе,—какъ объ особомъ самостоятельномъ нарѣчіи и отзывался. Не утомляя вашего вниманія приведеніемъ доказательствъ изъ старыхъ годовъ, за семь, за восемь лѣтъ и больше, я упомяну о самомъ недавнемъ времени. Вамъ, какъ истинному любителю всего малорусскаго, а слѣдовательно не неинтересующемуся всѣмъ, что относится въ литературѣ до южной Руси, конечно, извѣстна статейка 1861 года въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ, подъ заглавіемъ «южно-русс ій элементъ въ Австріи». Ежели она прошла вами не замѣченною въ свое время, то прошу взглянуть на нее теперь, и вы увидите, что какъ прежде, такъ и въ этой статейкѣ, со всею положительностью высказано мною мнѣніе о самостоятельности вообще

(1) Ту же самую тенденцію нынѣ обнаруживаетъ—съ другой только стороны — московская газета *День*. *Ред.*

(2) Этотъ вопросъ поражаетъ насъ своею неожиданностію, особенно въ то время, когда новѣйшіе славянофилы производятъ въ представители Галицкой Руси такихъ людей, какъ г. Раковскій,—совершенно чуждый почтеннымъ дѣятелямъ галицко-украинской народности,—подобно тому, какъ г. Лавровскій произвелъ г. Срезневскаго въ Украинцы. *Ред.*

южно-русскаго нарѣчія; вы увидите, что и сама статейка, между прочимъ, вызвана именно нелѣпыми криками въ польскихъ газетахъ, журналахъ и брошюрахъ, отрицающими дѣйствительность такого значенія малорусскаго нарѣчія. Поднимитесь двумя годами по-выше, и пробѣгите въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1859, № 6) статью: «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго, сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями». Тамъ, самыя первыя строки укажутъ вамъ, какъ смотрѣлъ я и въ 1859 году на ваше родное нарѣчіе. Чтобы не утруждать васъ поисками, я выпишу первыя четыре строчки, въ которыхъ явственно обозначился взгладъ мой, вотъ онѣ: «При современномъ вниманіи къ ученой разработкѣ языка славянскаго, по всѣмъ его нарѣчіямъ, нельзя не остановиться и на малорусскомъ нарѣчіи, развившемъ въ себѣ *столь-же своебытныя черты, какъ и остальныя нарѣчія славянскія*». А вотъ и заключеніе, на страницѣ 39: «Пробѣгая мысленно всѣ приведеныя выше черты малорусскаго нарѣчія, легко замѣчаемъ, что между ними есть много такихъ, которые *неоспоримо даютъ этому нарѣчію право на такое-же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія*».

Но независимо отъ всего этого, чѣмъ могла дать вамъ поводъ дѣлать посредствомъ меня сопоставленіе Великоруссовъ съ Поляками и отвѣтная статья моя, напечатанная въ Основѣ? Въ ней точно также, на почвѣ нынѣшняго малорусскаго нарѣчія совершенъ и весь процесъ опроверженія г. Максимовича, и подборъ и объясненіе моихъ доказательствъ.

И не смотря на все это, въ примѣчаніи редакціи Основы, по поводу отвѣтной статьи, обвиняюсь не только я, но и Великоруссы вообще въ отрицаніи самобытности нарѣчія малорусскаго, я, который имѣлъ случай едва-ли не больше и не положительнѣе другихъ утверждать, и притомъ не голословно, а разборомъ данныхъ языка, его самобытность, и какъ обвиняюсь?—сравненіемъ съ тѣми Поляками, противъ намѣренной и безобразной слѣпоты которыхъ, въ этомъ случаѣ, возставалъ-же самъ я, такъ еще недавно. Какъ понять, какъ объяснить это? Мнѣ думается, что у васъ прежде уже, быть можетъ, издавна вертѣлась въ головѣ какая-нибудь сродная съ этимъ мысль, быть можетъ и истинная, и благородная, и благоразумная; вы искали случая обнародовать ее, моя статья почему-то показалась вамъ

пригодною для этого обнародованія и вы, не обративши вниманія, что въ ней идетъ дѣло объ отдаленной старинѣ и ограничено единственно поисками характеристическихъ чертъ нарѣчія въ древней письменности русской, впустили эту мысль; а забывши, что сродство не есть тождество, что $a \times b \times c$ не есть $a \times b \times d$, ввернули и сравненіе съ Поляками.

Не считаю нужнымъ объяснять руководящую вами мысль, при этомъ сравненіи, но считаю для себя правомъ высказать свой взглядъ на это сравненіе. Оно въ моихъ глазахъ, такъ близко присмотрѣвшихся къ дикимъ бредиямъ большей части газетчиковъ и журналистовъ польскихъ о южно-русскомъ языкѣ, является синонимомъ укора въ абсолютномъ невѣжествѣ, въ привычкѣ говорить не знаніемъ и изученіемъ, а фантазіею, необузданною въ полетѣ своемъ за идеями, не имѣющими вовсе прямаго отношенія къ поставленному предмету разговора — о языкѣ или нарѣчіи, синонимомъ укора въ проведеніи въ общество понятій не истины, все созидающей, а лжи и обмана, все разрушающихъ. Можно-ли обвинять въ этомъ вообще Великоруссовъ, по отношенію къ взгляду на самостоятельность нарѣчія малорусскаго и въ частности обвинять меня, предоставляю рѣшить вамъ самимъ, хотя однимъ словомъ «да» или «нѣтъ», и хотя въ примѣчаніи подъ этимъ письмомъ, (*) которое прошу васъ напечатать, если вы дорожите истинными понятіями читателей вашей Основы, въ чемъ я не позволяю себѣ сомнѣваться.

Петръ Лавровскій.

Харьковъ, 4 ноября, 1861 года.

(*) Мы уже выше замѣтили, что авторъ самъ смѣшалъ предметы. *Ред.*

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объ освобожденіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отъ тѣлесныхъ наказаній временно—обязанныхъ крестьянъ, коимъ объявлено Высочайшее благоволеніе. Въ дополненіе 8 пункта прил. къ 19 ст. XV Т. улож. о наказ. постановлено, что тѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, которымъ лично, а не въ числѣ другихъ объявлено было высочайшее благоволеніе, если притомъ они не подвергались наказаніямъ по суду, въ прежнее время, могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію только въ томъ случаѣ, когда они признаны виновными въ преступленіяхъ, за которыя въ законахъ опредѣлены или лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или же лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, или заключеніе въ смирительномъ домѣ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и не иначе, какъ по испрошеніи высочайшаго соизволенія на приведеніе приговора въ исполненіе. (Пол. глав. ком. объ устр. сельск. сост. 26 сент. 1861 г. въ сен. вѣд. 14 ноябр. 1861 г. № 91).

О введеніи взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ въ городахъ и мѣстечкахъ имперіи. Положеніемъ комитета гг. министровъ 10 октября 1861 г. опредѣлено: разъяснивъ, черезъ начальниковъ губерній, домовладѣльцамъ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ пользу взаимнаго страхованія имуществъ отъ огня и различныя системы этого страхованія, предложить имъ, не пожелаютъ ли они учредить общества взаимнаго страхованія на слѣдующихъ условіяхъ: *а*) участіе во взаимномъ страхованіи предоставляется на волю каждаго изъ владѣльцевъ; *б*) взаимное страхованіе можетъ быть учреждено отдѣльное по каждому городу, или общее по нѣсколькимъ городамъ; *в*) избраніе той или другой системы страхованія и начертаніе подробныхъ правилъ по страхованію, предоставляется усмотрѣнію самихъ владѣльцевъ и съ этою цѣлью имъ дозволяется составить изъ среды себя временную коммисію отъ 3 до 5 лицъ. При

желаніи же домовладѣльцевъ одного города учредить взаимное страхованіе въ соединеніи съ другими городами, заявляется о томъ губернскому начальству, которое, по полученіи подобныхъ заявленій отъ двухъ или болѣе городовъ, разрѣшаетъ присылку въ одинъ изъ нихъ уполномоченныхъ отъ прочихъ, для составленія проекта положенія; *г*) для покрытія убытковъ, превышающихъ годовую премію, можетъ быть испрошенъ кредитъ изъ городскихъ и общественныхъ суммъ, по приговору подлежащаго общества, а гдѣ сіе не представится возможнымъ, то изъ казны, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ нынѣ производимымъ въ пожарныхъ случаяхъ ссудамъ, т. е. не свыше $^1/_3$ суммы убытковъ, впредь до составленія запаснаго капитала, равняющагося этому размѣру. (Пол. ком. мин. 10 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 28 ноябр. 1861 г. № 93).

О принятіи неизлѣчимо больныхъ и престарѣлыхъ солдатокъ, въ богодѣльни приказовъ общественнаго призрѣнія. Постановлено, что въ богадѣльни приказовъ общественнаго призрѣнія, по распоряженію губернскаго начальства, отсылаются солдатки, какъ замужнія, такъ и вдовы, неизлѣчимо больныя, умалишенныя, равно престарѣлыя, дряхлыя и калеки, съ производствомъ на сихъ женщинъ солдатскаго пайка отъ казны. (Мн. гос. сов. 23 окт. 1861 г въ сен. вѣд. 28 ноябр. 1861 г. № 95).

Объ отмѣнѣ троекратной публикаціи въ вѣдомостяхъ, при выѣздѣ частныхъ лицъ за границу. Отмѣненъ пунктъ 2 ст. 436 устава о паспорт. и бѣгл. (св. зак. 1857 г. Т. XIV), въ коемъ содержится правило о троекратной публикаціи въ вѣдомостяхъ объ отѣздѣ за границу, и въ дополненіе подлежащихъ статей того же устава постановлено, что мѣсто и лица, отъ коихъ зависитъ выдача отъѣзжающимъ за границу, какъ русскимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ, свидѣтельствъ о неимѣніи къ тому препятствій, обязаны выдавать подобныя свидѣтельства, если на отбывающихъ за границу не были предъявлены или не поступили въ установленномъ порядкѣ въ сіи мѣста или къ симъ лицамъ, по день выдачи означенныхъ свидѣтельствъ, законныя требованія со стороны частныхъ кредиторовъ или со стороны правительственныхъ мѣстъ и лицъ. (Мн. гос. сов. 23 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 8 дек. 1861 г. № 98).

Объ учрежденіи совѣта министровъ. 12 Ноября 1861 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи совѣта министровъ и о порядкѣ движенія дѣлъ въ оном. Цѣль учрежденія сего совѣта министровъ и главноуправляющихъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ самаго Государя, видна изъ высочайшаго повелѣнія, въ которомъ сказано: «Государь Императоръ, имѣя въ виду, что кромѣ дѣлъ государственнаго управленія, требующихъ высочайшаго разрѣшенія или утвержденія, и представляемыхъ Его Величеству чрезъ государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и другія высшія государственныя учрежденія, есть много дѣлъ, по существу своему представляемыхъ Его Величеству непосредственно министрами и главноуправляющими отдѣльными частями государственнаго управленія, — изволилъ признать полезнымъ, для соблюденія общей системы и единства, при разрѣшеніи дѣлъ сего рода, подвергать предварительному, въ присутствіи Государя Императора, обсужденію и разсмотрѣнію всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ тѣ изъ сихъ дѣлъ, кои по роду ихъ требуютъ общаго соображенія.»

Такимъ образомъ, на предварительное разсмотрѣніе совѣта министровъ, въ присутствіи Государя, поступаютъ изъ министерствъ и главныхъ управле-

ній: *а*) виды и предположенія къ устройству и усовершенствованію разныхъ частей, ввѣренныхъ каждому министерству и главному управленію; *б*) свѣденія о ходѣ работъ по устройству и усовершенствованію разныхъ частей, завѣдываемыхъ министрами и главными управленіями, и предположенія, объ устраненіи тѣхъ затрудненій, кои при производствѣ сихъ работъ могутъ встрѣтиться; *в*) первоначальныя предположенія, возникающія въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, о необходимости отмѣнить или измѣнить какой либо изъ дѣйствующихъ законовъ, съ тѣмъ, чтобы проектъ закона, составленный въ слѣдствіе разсмотреннаго такимъ порядкомъ предположенія, былъ министерствомъ или главнымъ управленіемъ внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта; *г*) тѣ мѣры, требующія общаго содѣйствія разныхъ вѣдомствъ и управленій, кои по существу своему не подлежатъ разсмотрѣнію другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій; *д*) свѣдѣнія о важнѣйшихъ распоряженіяхъ каждаго министерства и главнаго управленія по его вѣдомству, требующихъ общаго соображенія. Свѣдѣнія сіи должны быть заявляемы въ совѣтѣ министровъ съ тою цѣлію, чтобы каждому министру и главноуправляющему были извѣстны главнѣйшія дѣйствія и распоряженія другихъ министровъ и главныхъ управленій; *е*) заключенія особыхъ коммисій, учреждаемыхъ по высочайшимъ повелѣніямъ, для разсмотрѣнія отчетовъ министровъ и главныхъ управленій; и *ж*) тѣ дѣла, кои по особымъ повелѣніямъ Государя, будутъ назначены для предварительнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ совѣтѣ министровъ. (Выс. пов. 12 ноябр. 1861 г. въ сен. вѣд. 17 ноябр. 1861 г. № 92).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объ облегченіи владѣльцевъ крымскихъ имѣній при взысканіи казенныхъ долговъ. Относительно оказанія облегченій владѣльцамъ крымскихъ имѣній, при взысканіи съ нихъ казенныхъ долговъ за неисправныхъ подрядчиковъ, принимавшихъ разныя поставки для Черноморскаго вѣдомства въ 1807—1819 годахъ, — постановлено: отъ взысканія долговъ, по неисправнымъ подрядамъ для черноморскаго вѣдомства, въ количествѣ 91,480 руб. освободить, съ утвержденія генералъ-губернатора, тѣхъ владѣльцевъ заложенныхъ имѣній, которые представятъ доказательства, что имъ, при покупкѣ сихъ имѣній, не было извѣстно, что они состоятъ въ залогѣ казны. (Пол. ком. мин-въ 20 іюня и 4 іюля 1861 г. въ сен. вѣд. 13 окт. 1861 г. № 82.)

Объ учрежденіи почетныхъ блюстителей приходскихъ училищъ войска Донскаго. Для ближайшаго попеченія о приходскихъ училищахъ войска Донскаго въ хозяйственномъ и нравственномъ отношеніи, учреждается званіе почетныхъ блюстителей; въ почетные блюстители избираются станичными обществами отставные чиновники, урядники, и козаки войска Донскаго, но только тѣ, которые сами изъявятъ на это согласіе и готовность принимать особенное участіе въ благосостояніи училищъ; они утверждаются въ званіи наказнымъ атаманомъ и выбываютъ только по собственному желанію, или же, когда служ-

ба ихъ признана будетъ училищнымъ начальствомъ безполезною для училища. Состоящіе въ званіи почетныхъ блюстителей освобождаются отъ всякой другой службы по воинскому. (Пол. воен. сов. 31 авг. 1861 г. въ сен. вѣд. 17 окт. 1861 г. № 83).

О *продолженіи срока ярмарокъ въ городѣ Зеньковѣ.* Продолженъ срокъ существующихъ въ г. Зенковѣ (Полтавской губ.) ярмарокъ: Средопостной, Успенской, Покровской и Николаевской на 7 дней. (Доп. мин. вѣ. д. 21 авг. 1861 г. въ сен. вѣд. 24 окт. 1861 г. № 85).

Учрежденіе новыхъ ярмарокъ. Разрѣшено учредить въ городахъ: Новой Ушицѣ (Подольстой губ.) двѣ трехдневныя ярмарки, — первую съ 25 апрѣля, а вторую съ 26 сентября и Заславлѣ (Волынской губ.) 15-ти-дневную ярмарку съ 1-го іюля. (доп. мин. вн. д. 21 авг. 1861 г. въ сен. вѣд. 24 окт. 1861 г. № 85).

О замѣнѣ для козаковъ войска Донскаго безочередной службы—ссылкою. Въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановлено: козаковъ войска Донскаго, приговариваемыхъ на безочередную службу, въ случаѣ совершенной неспособности ихъ ни къ полевой, ни къ внутренней службѣ,—отправлять для водворенія въ Сибирь или отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ, губерніи, не лишая правъ лично и по состоянію имъ присвоенныхъ. Приговоры станичныхъ обществъ объ удаленіи такого рода порочныхъ и неспособныхъ къ службѣ козаковъ въ Сибирь или отдаленныя губерніи, приводить въ исполненіе съ утвержденія войсковаго правленія. (Пол. воен. сов. 20 сент. 1861 г. въ сен. вѣд 7 ноябр. 1861 г. № 89.)

О предоставленіи начальникамъ губерній права назначать полиціймейстеровъ въ губернскіе и городничихъ въ уѣздные города. Предоставлено начальникамъ губерній право назначать полиціймейстеровъ въ губернскіе и городничихъ въ уѣздные города, значительные по торговлѣ, промышленности и населенію, безъ сношенія съ комитетомъ о раненыхъ, по непосредственному ихъ усмотрѣнію и подъ личною отвѣтственностію. Въ числѣ этихъ городовъ поименованы слѣдующіе: Екатеринославъ, Полтава, Симферополь, Харьковъ, Черниговъ, Одесса, Кременчугъ и Нѣжинъ. (Выс. пов. въ сен. вѣд. 7 ноябр. 1861 г. № 89.)

Учрежденіе общества для вспомоществованія и чиновникамъ города Харькова. 1-го октября 1861 г. утвержденъ уставъ общества, имѣющаго главнѣйшею цѣлью вспомоществованіе чиновникамъ въ г. Харьковѣ, служащимъ и отставнымъ, равно и семействамъ ихъ, выдачею ссудъ и пособій какъ денежныхъ, такъ и матеріальныхъ. При дальнѣйшемъ же развитіи своихъ средствъ, общество будетъ заботиться о доставленіи чиновникамъ и семействамъ ихъ способовъ къ образованію и приготовленію къ той дѣятельности, къ которой, по врожденному дарованію, они будутъ имѣть призваніе.

Учредители Общества суть депутаты отъ всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ Харьковѣ, а также отъ тамошнихъ: университета, попечителя учебнаго округа и конторы государственнаго банка.

Общество составляется а.) изъ чиновниковъ служащихъ, которые обязаны вносить ежегодно извѣстный процентъ съ получаемаго на службѣ содержанія, и изъ чиновниковъ, служащихъ, но не получающихъ содержанія, которые обязаны вносить въ годъ не менѣе 1 р. 50 коп., какъ процентъ съ

средняго оклада содержанія; лица эти называются дѣйствительными членаки; *б.*) изъ лицъ обоего пола, всѣхъ сословій, приглашаемыхъ обществомъ и называемыхъ почетными членами, и *в*) изъ лицъ обоего пола всѣхъ сословій, вносящихъ ежегодно не менѣе опредѣленной суммы деньгами, которые называются членами вспомогателями.

Средствами, составляющими вспомогательную кассу общества, служатъ: *а.*) ежегодные взносы дѣйствительными членами, получающими на службѣ содержаніе, одного процента изъ общей суммы содержанія и не получающими таковаго—одного процента со стапятидесяти рублей, а также единовременные вычеты трехъ процентовъ изъ получаемыхъ дѣйствительными членами наградъ, какъ деньгами, такъ и подарками; *б.*) добровольные взносы почетныхъ членовъ; *в*) постоянные взносы членовъ—вспомогателей, не менѣе 10 р. въ годъ.

Лица, состоящія дѣйствительными членами общества, въ теченіи не менѣе пяти лѣтъ, имѣютъ право, если пожелаютъ, при отставкѣ или при переходѣ на службу въ другой городъ, получить изъ кассы общества взнесенныя ими однопроцентныя деньги, безъ начисленія на нихъ процентовъ.

Дѣйствія общества обусловливаются самою цѣлію его, именно вспомоществованіемъ чиновникамъ и ихъ семействамъ, посредствомъ выдачи ссудъ и пособій.

Кругъ дѣйствій общества обнимаетъ собою только чиновниковъ, служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ и вѣдомствахъ г. Харькова, а изъ служившихъ въ тѣхъ же мѣстахъ и вѣдомствахъ, тѣхъ, которые имѣютъ жительство въ самомъ городѣ Харьковѣ; отсюда не изъемлются ихъ семейства, вдовы и сироты.

Ссуды производятся только дѣйствительнымъ членамъ общества, соразмѣрно нуждамъ ихъ и по усмотрѣнію правленія общества, въ количествѣ въ одинъ разъ: для дѣйствительныхъ членовъ, получающихъ содержаніе, не болѣе половины годоваго оклада его, а для неполучающихъ содержанія—не болѣе 75-ти рублей, съ платежемъ за пользованіе выданными въ ссуду деньгами, $^1/_2$ % съ рубля въ мѣсяцъ.

Пособія же производятся какъ дѣйствительнымъ членамъ общества, такъ равно всѣмъ служащимъ и отставнымъ чиновникамъ, ихъ семействамъ, вдовамъ и сиротамъ.

Пособіе выдается, по усмотрѣнію правленія общества или полнаго его собранія, сообразно дѣйствительной нуждѣ. Пособія производятся какъ деньгами, такъ и вещами, въ размѣрѣ, по усмотрѣнію правленія, не выше 300 рублей, а на сумму больше означенной—по усмотрѣнію полнаго собранія.

Правленіе общества составляютъ депутаты, ежегодно избираемые изъ дѣйствительныхъ членовъ, отъ каждаго присутственнаго мѣста.

Общему собранію всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ общества, принадлежитъ право повѣрять сообразность дѣйствій правленія съ уставомъ общества, выслушивать годовой отчетъ, дѣлать свои соображенія для будущихъ дѣйствій общества, сообразно цѣли и средствамъ онаго, разсуждать и постановлять опредѣленія по такимъ дѣламъ, которыя превышаютъ власть правленія. (Пол. ком. мин—въ 10 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 14-го ноября 1861 г. № 91.)

О преподаніи свеклосахарнымъ заводчикамъ нѣкоторыхъ средствъ къ поддержанію ихъ оборотовъ. Въ видѣ временной мѣры, предоставлено свек-

лосахарнымъ заводчикамъ какъ Кіевской, Подольской и Волынской, такъ и другихъ губерній, пользоваться въ Кіевской конторѣ кредитомъ, подъ учетъ векселей, на принятыхъ, въ государственномъ банкѣ, правилахъ. Для разсмотрѣнія же кредита тѣхъ изъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, которые обратятся въ контору за ссудами на общихъ правилахъ, постановленныхъ для учета векселей, образуется при Кіевской конторѣ, по примѣру государственнаго банка, учетный комитетъ изъ управляющаго и нынѣшнихъ директоровъ отъ дворянства и купечества, съ назначеніемъ въ оный двухъ или болѣе чиновъ, отъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, по соглашенію Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ—губернатора съ мѣстнымъ губернскимъ предводителемъ дворянства. (Выс. пов. 13 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 21 ноября, 1861 г. № 93.)

Объ упраздненіи школы для приготовленія сельскихъ писарей. Упразднена учрежденная въ имѣніи Межирихъ, Волынской губерніи, школа для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ Волынской, Кіевской, Подольской и Могилевской губерній, на должности сельскихъ писарей. (Выс. пов. 1 ноября, 1861 г. въ сен. вѣд. 5 дек. 1861 г. № 97.)

О порядкѣ избранія городскаго головы въ г. Евпаторіи. (Таврической губерніи.) Городской голова въ Евпаторіи, также какъ и въ Симферополѣ, Ѳеодосіи и Перекопѣ, избирается поочереди: на одно трехлѣтіе изъ Христіанъ, а на другое изъ Татаръ или Караимовъ; но еслибы общество пожелало оставить прежняго голову и на слѣдующее трехлѣтіе, то это, при взаимномъ согласіи, не воспрещается. (Мн. гос. сов. 30 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 1 дек. 1861 г. № 96.)

О дозволеніи избирать въ Одесскій городовой сиротскій судъ особаго первоприсутствующаго. Въ дополненіе ст. 4560 общ. губ. учр. постановлено, что въ сиротскомъ судѣ города Одессы, вмѣсто городскаго головы, предсѣдательствуетъ особый первоприсутствующій, избираемый на основаніи правилъ, постановленныхъ въ уставѣ о службѣ по выборамъ. (Мн. гос. сов. 30 окт. 1861 г. въ сен. вѣд. 8 дек. 1861 г. № 98.)

ВІСТІ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О ДВОРЯНАХЪ ПРАВАГО БЕРЕГА ДНѢПРА.

Желая сказать нѣсколько словъ о современномъ нравственномъ состояніи такъ-называемаго высшаго сословія въ Украинѣ правобережной, мы должны бросить бѣглый взглядъ на прошедшее.

Среди демократическаго общиннаго славянства, на берегахъ Днѣпра, какъ и вездѣ, не было дворянъ. Первый ихъ зародышъ въ этомъ краѣ—дружина князей варяго-русскихъ, утвердившихся здѣсь помощью оружія.

Потомки княжескіе и дружинники стали впослѣдствіи богатыми землевладѣльцами.

Монголы грабили, разоряли, ставили баскаковъ, но не коснулись внутренней жизни народа, не измѣнили значенія сословій. Къ высшему классу завоевателей—надо предположить—присоединялись по временамъ и мѣстные жители, награждаемые за услуги ихъ въ пользу князей.

Литовское вліяніе установило феодальную лѣстницу изъ тѣхъ же бояръ, и, наконецъ, польское нивелировало феодальную іерархію во имя шляхетскаго равенства.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, всѣ юридическія фазы, чрезъ которыя проходило высшее украинское сословіе до извѣстнаго времени.

Что̀ касается національнаго характера украинскаго высшаго сословія, то онъ также подвергался нѣсколькимъ видоизмѣненіямъ.

Пришельцы Варяги, вступивъ въ родственныя связи съ коренными мѣстными жителями, находясь въ постоянномъ съ ними общеніи, веко-

рѣ приняли языкъ и другія отличія мѣстной народности. На фактъ этотъ, въ которомъ видно сближеніе одного класса данной мѣстности съ другимъ, въ которомъ замѣтна уступка (сознательная или инстинктивная) пришлаго меньшинства мѣстному народному большинству, высшаго класса низшему,—мы смотримъ, какъ на явленіе нормальное, которое въ исторіи не всегда, къ сожалѣнію, повторяется. Съ теченіемъ времени прежнія варяжскія начала—естественно—все болѣе и болѣе исчезали, поглощаемыя мѣстнымъ элементомъ.

Монголы не имѣли почти никакого нравственнаго вліянія на Украину, а во время литовскаго владычества Русинская народность имѣла сильное вліяніе на весь высшій классъ великаго княжества литовскаго.

Южная Русь вошла въ составъ шляхетской рѣчи-посполитой, имѣя уже образовавшійся классъ дворянъ, которые, и послѣ присоединенія, до нѣкотораго времени, стояли за религію и народность мѣстную. Но устройство польское, предоставлявшее обширныя выгоды дворянскому классу вообще,—освобождавшее его отъ феодальной зависимости, водворенной литовскими князьями,—было заманчиво для украинской шляхты. Обычаи, языкъ, сословная гражданственность, болѣе развитая свободою шляхты въ Польшѣ,—вскорѣ получили предпочтеніе и въ глазахъ шляхты украинской. Господствующая народность въ эпохи невѣжества всегда имѣетъ нравственное вліяніе на людей, которые, по своимъ аристократическимъ свойствамъ, болѣе преслѣдуютъ собственныя выгоды, чѣмъ общенародныя пользы, — да притомъ полонизмъ полагалъ рѣзкое отличіе шляхтича отъ хлопа: могъ ли, послѣ этого, аристократъ найти въ себѣ достаточную нравственную силу, чтобъ противустоять подобному искушенію?

Бопланъ, въ первой половинѣ XVII вѣка, говоритъ, что дворяне украинскіе стыдились своей мѣстной народности, языка и православной вѣры, перемѣняя ее на католическую.

Такъ-какъ исторія не указываетъ намъ значительныхъ переселеній шляхты польской, въ особенности — землевладѣльцевъ, въ Украину, (хотя, конечно, не безъ того, чтобы нѣкоторые здѣшніе дворянскіе роды не были въ самомъ дѣлѣ переселенцы польскіе) — то, говоря вообще, мы должны принять слѣдующее основное положеніе: *бо́льшая часть украинскихъ дворянъ праваго берега Днѣпра не что иное, какъ ополячившіеся украинцы.* Это положеніе важно въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что упреки людямъ, вышедшимъ изъ

этого сословія, но считающимъ себя украинцами, упреки въ національномъ отступничествѣ, похожи на то, какъ еслибы онѣмечившіеся чешскіе аристократы стали бы упрекать чеховъ, обращающихся къ своей родной, славянской національности.

Не станемъ слѣдить за подробностями историческихъ событій и укажемъ только на нѣкоторые факты, имѣющіе болѣе прямое отношеніе къ нашему вопросу. — — —

Принявъ народность польскую, дворяне южнорусскіе мало-помалу приняли и весь складъ понятій тогдашняго польскаго дворянства и съ-той-поры составляютъ вмѣстѣ съ нимъ, по большей части, одну нравственную единицу. — — —

Они приняли характеръ повсемѣстныхъ пропагандистовъ польской народности, защитниковъ шляхетства во имя идеи, пропагандистовъ католицизма; этихъ же самихъ началъ далеко не чуждо и современное польско-украинское дворянство.

Причину того, что эти начала такъ глубоко всосались въ плоть и кровь польской шляхты, должно искать въ самой формѣ польскаго правительства и въ началахъ католическаго ученія.

По нашему мнѣнію, нѣтъ другой формы общественной, которая бы такъ зловредно дѣйствовала на развитіе общественнаго сознанія, какъ аристократическая республика. Самая уродливая форма нѣмецко-деспотической централизаціи не причиняетъ такого глубокаго вреда развитію общества, какъ шляхетская децентрализація. — — —

Въ аристократической же республикѣ выгоды привилегій распространяются на многочисленное общество, на длинный рядъ поколѣній. Люди эти, при большихъ матеріальныхъ средствахъ и др. удобствахъ, доставляемыхъ ихъ положеніемъ, достигаютъ прежде другихъ своего рода просвѣщенія, и запечатлѣваютъ аристократическимъ характеромъ дальнѣйшее умственное развитіе.

На Украинѣ, къ аристократизму сословному присоединился и аристократизмъ народный, такъ какъ паны считали себя поляками, а народъ былъ украинскій; понятіе превосходства сословнаго перешло въ понятіе превосходства національнаго; мысль подчиненія сословнаго—перешла въ мысль полонизаціи. До сихъ поръ очень часто можно встрѣтить у здѣшней шляхты фразы въ родѣ этихъ: «mówi po-chłopsku, pochłopsku napisana ksiązka.» и т. п.

Что̀ касается до религіознаго прозелитизма — то онъ прямо вытекаетъ изъ доктрины католической, которая говоритъ: внѣ меня — нѣтъ

спасенія. До чего можетъ онъ дойти, какой фанатизмъ можетъ породить эта доктрина — въ исторіи уніи самое краснорѣчивое доказательство.

Но «что было—то прошло и быльемъ поросло» и мы объ этомъ и не упомянули бы, если–бъ эти черты нравственнаго направленія стараго времени не проглядывали и въ настоящее время.

Для болѣе полной характеристики общества дворянъ правагоч берега Днѣпра — мы коснемся всѣхъ группъ, которыя образовались среди него въ настоящее время. Для обозначенія ихъ — мы позволимъ себѣ употребить мѣстныя названія которыми обозначаются эти группы: а) мошродзѣи; b) knejpa szlachecka katolicka — иногда *крылатые*; с) большая часть здѣшней молодежи.

а) ***Мошродзѣями*** здѣсь называются помѣщики разныхъ сортовъ и подраздѣленій. Тутъ и Уманскіе солидные паны, и Бердичевскіе разудалые ярмарочные молодцы, и Радомысльскіе крикуны, и благоразумные сахаровары, и всякаго рода спекулянты, и Волынскіе, и Подольскіе аристократы съ ихъ шестернями; здѣсь–же и всѣ ихъ сателиты т. е. всѣхъ родовъ помѣщичьи чиновники, всякіе Нагайкевичи и т. п.; здѣсь-же и панскіе паразиты. Сословныя понятія этой группыдовольно хорошо характеризируются однимъ сатирическимъ произведеніемъ, обще–извѣстнымъ у насъ. Содержаніе его — сѣтованіе шляхты, по поводу предпринимаемой крестьянской реформы. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ него.

Narodził się zły Antychryst
Powiał na nas duch zachodni,
Chłopi mają być swobodni,
A panowie wszyscy głodni...
Wieczna hańba polskiéj szlachcie
Uswych chłopów być na pachcie.
Narodził zię zły Antychryst —
Dzisiaj górą plemie chama,
Na oścież piekielna brama...
Natura wzdryga się sama...
Bez pana, bez ekonoma
Toż Gomora i Sodoma!..
Narodził się zły Antychryst!..
Ukraino, kraju żyzny!
Cóż ty poczniesz bez pańszczyzny?
Jak przywykniesz do golizny?
Bez pańszczyzny i bez bata
Toż to istny koniec świata!..

Но кромѣ этой практически полезной стороны ихъ образа мыслей,

у нихъ есть и общія черты отвлеченно нравственныя есть и своего рода либерализмъ, и патріотизмъ, и демократія, и особые педагогическіе принципы...

Такъ, напр., первый догматъ этого либерализма и патріотизма—это въ высшей степени возмутительное, негуманное обращеніе съ мелкими чиновниками и священниками — конечно православными. «Dalem się we znaki popowi» — говоритъ самодовольно *мошродзъй*, отличившійся на этомъ поприщѣ. Въ этомъ отношеніи, слывутъ недостижимыми идеалами достославныя личности изъ среды балагульской онаго времени, оскорблявшія безъ разбора священниковъ православныхъ и мелкихъ чиновниковъ (передъ болѣе крупными эти господа раболѣпствуютъ — конечно не на словахъ, а на дѣлѣ) — первыхъ за то, что у нихъ широкополыя рясы и бороды, вторыхъ—за красный воротникъ, да наконецъ тѣхъ и другихъ за то, что они не удостоились чести — принадлежать къ мѣстному шляхетско–польскому кругу и находиться въ числѣ вѣрныхъ чадъ римскаго папы.

Демократія проявляется здѣсь въ зависти всякого сколько-нибудь менѣе состоятельнаго въ отношеніи къ болѣе состоятельному. «My biedna szlachta—a to panowie»—такъ отзывается владѣтель «100 душъ» крестьянъ (употребляемъ любимое этою группою выраженіе) о владѣтелѣ «150 душъ.» Всякій низшій кружокъ завидуетъ и терпѣть не можетъ высшаго, всякій высшій пренебрегаетъ низшимъ.

Въ педагогикѣ у нихъ есть тоже свои оригинальные взгляды. Такъ, любимое ихъ наставленіе для дѣтей: «не дѣлай такъ: такъ ни папаша, ни мамаша не дѣлаютъ, tak tylko chłopskie dzieci robią.»

Въ отношеніи ко всякой болѣе широкой мысли, они ведутъ себя очень изворотливо. Такъ, *напр.* они постоянно повторяютъ, что они поляки, но если, по этому поводу, потребуется отъ нихъ какое-нибудь пожертвованіе, хоть–бы на какую-нибудь польскую библіотеку, они отвѣчаютъ: «хотя мы поляки, но у насъ есть свои мѣстные интересы», когда заговорить имъ о мѣстныхъ интересахъ, *напр.* о какой-нибудь мѣстной народной школѣ, они отвѣчаютъ: «намъ до этого нѣтъ дѣла, мы поляки.» Превосходное, обоюдуострое оружіе!

Впрочемъ, есть дѣла, въ которыхъ энергія ихъ проявляется чрезвычайно блистательно—это, именно въ противодѣйствіи всякому сближенію съ крестьянами и всякому проблеску южно–русской народности. Дерзнетъ кто ли заговорить дружески съ крестьяниномъ, осмѣлиться ли дать ему малорусскую книгу—пойдутъ

толки отъ Кіева до Житомира, отъ Житомира до Каменца, и по всѣмъ захолустьямъ. Вдругъ начнутъ вамъ доказывать, что вы, вотъ въ такомъ то и въ такомъ мѣстѣ—доказывали въ такое—то и въ такое время крестьянамъ то-то, хотя—бы вы въ этомъ мѣстѣ никогда и не говорили съкрестьянами, или даже совсѣмъ не были. Причины подобныхъ слуховъ легко угадать:—шляхетская гордость, нечистая совѣсть въ отношеніи къ крестьянину («на злодію шапка горить»), притязанія на полонизмъ здѣшняго края;—вотъ мотивы, заставляющіе клеветать на всякаго, кто дерзнетъ высказаться съ симпатіею къ крестьянскому народу и къ южно-русской народности.

Всё то, что́ дѣлаютъ мужчины *en grand*, ихъ почтенныя жены дѣлаютъ *en petit*, съ примѣсью, конечно, сантиментальныхъ вздоховъ. Искуство сплётничать и надоѣдать дворовымъ людямъ доведено у нихъ до совершенства. Конечно, чувствительныя дамы плачутъ, когда ихъ слугъ наказываютъ, но онѣ сами сознательно доводятъ до этого своихъ мужей, причемъ обыкновенно прибавляютъ: «какъ это ужасно, что *avec nos gens* иначе нельзя поступать.» Правокакое доброе сердце у этихъ кроткихъ ангеловъ!

Конечно,—есть исключенія изъ всего сказаннаго, но это общая характеристика.

Мы сказали теперь о самой солидной части нашего дворянскаго населенія спокойствіе ея рѣдко возмущается какою—нибудь мыслію, голова и сердце ея спокойны,—за то органы пищеваренія обременены работою и—надо отдать имъ честь,-работаютъ неутомимо; сами дворяне этого разряда считаютъ себя самыми порядочными людьми, добрыми семьянами и вѣрными чадами римской церкви, такъ—какъ они еженедѣльно посѣщаютъ костёлы и цѣлуютъ ксёндзовъ въ руку.

Теперь перейдемъ къ менѣе солиднымъ группамъ разнородныхъ направленій.

Здѣсь, на первомъ планѣ, какъ самые близкіе къ предъидущей группѣ, рисуются пропагандисты идеи шляхетства и католицизма, послѣдователи воздушной мистики Красинскаго.

То, что́ въ предидущей группѣ является съ цинизмомъ неумытой, грязной дѣйствительности, то здѣсъ окружается скучнымъ туманомъ слёзныхъ воздыханій. Теоріи этой группы похожи на тѣ фосфорическіе огоньки, которые носятся надъ старыми могилами. — Они чрезвычайно какъ любятъ разсуждать объ идеѣ шляхетства

и католицизма, они хотятъ облагородить эти доктрины кой-какими уступками—или лучше—кой-какими восклицательными фразами.

»Nie szlachtę chłopić, lecz lud szlachcić trzeba« вотъ девизъ ихъ соціальныхъ понятій. Фраза эта въ теоріи довольно смѣшна —не ужели нѣтъ болѣе развитаго человѣческаго типа, какъ шляхтичъ? —для насъ она даже очень возмутительна. Она намъ напоминаетъ шляхтича, со всѣми его шляхетными угнетеніями пешляхетной черни, шляхтича не только древнихъ какихъ-нибудь временъ, но временъ, которыя гораздо ближе къ нашей памяти....

Но у этихъ господъ всё выходитъ иначе, у нихъ всё окрашено шляхетствомъ; прошедшее у нихъ совсѣмъ иначе рисуется, чѣмъ у всѣхъ прочихъ. Они враги фактическаго изученія въ прошедшемъ, они преслѣдуютъ только какую-то идею, отвлеченно носящуюся надъ прошедшимъ въ ихней фантазіи. Представитель ихъ взглядовъ въ этомъ отношеніи это г. Короновичъ, въ сочиненіи »Słowo dziejów polskich.«

Этотъ господинъ умѣлъ всё такъ ушляхетнить, что у него рѣчь депутата Бенёвскаго, доказующаго, что можно надуть казаковъ и не исполнить постановленій Гадячскаго договора, имъ самимъ подписаннаго, считается благородною!

Тотъ-же самый міръ шляхетскій, который пытается поддержать и превознести г. Короновичъ ! quasi—историческими разсужденіями г. Поль воспѣваетъ въ своихъ шляхетскихъ рапсодіяхъ, гдѣ всякій шляхтичъ со всѣми предразсудками является какою—то величественною статуею, а весь міръ шляхетскій какимъ-то высокимъ идеаломъ. Объ его произведеніяхъ выразился Лелевель: »всё это арабески на развалинахъ ветхаго зданія.«

Г. Поль заговорилъ, было, когда-то и въ пользу простаго народа, но потомъ, начитавшись по-больше родословныхъ, опомнился и издалъ тоже сочиненіе въ исправленномъ видѣ, замѣнивъ упомянутыя мѣста описаніемъ осени (Pieśń o Ziemi). (*)

Что касается католицизма, то люди этой группы защищаютъ его непогрѣшимость, на основаніяхъ историческихъ, конечно, изложенныхъ à la Короновичъ, и даже часто доказываютъ полезность отцевъ езуитовъ. Впрочемъ объ этомъ вопросѣ—мы, отрицающіе непогрѣшимость

(*) Г. Поль одного своего посѣтителя встрѣтилъ, на первыхъ порахъ, вопросомъ: «какой вашъ гербъ»—тотъ, разсмѣявшись, ушелъ къ соблазну нѣсколькихъ контушовыхъ лицъ, пересматривавшихъ родословныя.

католицизма, аки блуждающія во мракѣ овцы, которымъ предопредѣлено поступить въ адъ, не станемъ говорить во избѣжаніе вящшей духовной гибели.

Что́ касается большей части молодежи здѣшняго края, то тутъ рисуются группы съ самыми разнородными оттѣнками, болѣе или менѣе отличающимися отъ предъидущихъ.

Значительная часть молодыхъ оффиціалистовъ у пановъ при фабрикахъ, въ роли писарей и т. п., до сихъ поръ и, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти вся молодежъ отличалась главнымъ образомъ энергіей, заявлявшейся въ фразахъ, въ презрительныхъ отзывахъ о всякой не-польской народности. Они любуются прошедшимъ (Nie tak to iIlo temporo bywało) съ той точки зрѣнія, что

«Dawniéj wiedziano—komu się ukłonić.
Szedł pan w kontuszu, a lokaj w kubraku
Dziś od pomyłki trudno się uchronić—
I pan i sługa—obydwaj we fraku!..

Поручъ съ ними рисуются предметы ихъ сердечныхъ вздоховъ, вносящіе безъ разбора, но очень усердно, подобные этимъ стишки въ свои альбомы. Но, впрочемъ, такъ-какъ ихъ вниманіе занято совсѣмъ другими вопросами, то мы, раскланявшись съ ними по-вѣжливѣе и пожелавъ имъ счастливой ловли женіховъ, перейдемъ къ кружку Украинофиловъ á la Чайковскій.

Эти господа отлично ѣздятъ верхомъ, травятъ зайцевъ, носятъ какія-то quasi-козацкія свитки, свистятъ громогласно и поютъ пахабныя нѣсеньки народныя, иногда читаютъ Богдана Залѣскаго, Чайковскаго и Мальчевскаго, иногда бьютъ своихъ лакеевъ-козачковъ, но впрочемъ приговариваютъ, для поддержанія любви къ свое-народности, что это »по-козацькі«. Если вы съ ними заговорите о народности и народной литературѣ, то они вамъ укажутъ на великаго рапсодиста Надуру и знаменитаго этнографа Осташевскаго. И о томъ, что существовалъ какой-то Шевченко, они знаютъ, но впрочемъ рѣдко кто его читалъ, а корифей ихняго вкуса, г. Надура, говоритъ, будто Шевченко воняетъ хлопскимъ дёгтемъ и за 20 к., да чарку водки, онъ готовъ-бы рѣзать встрѣчнаго поперечнаго шляхтича. »Да, впрочемъ, онъ и языка не знаетъ хорошо« — вотъ *поучился-бъ у нашего пьтуха* и пропѣлъ-бы съ нимъ »Ukrainky.«

По отъ всѣхъ этихъ оттѣнковъ рѣзко отдѣляется значительная часть болѣе просвѣщенной здѣшней молодежи. Они, въ самомъ дѣлѣ, довольно

искренно сочувствуютъ положенію народной массы, они готовы на личныя пожертвованія въ пользу своихъ идей, но у нихъ есть кой-какія преданія, почерпнутыя изъ той среды, изъ которой они вышли и которая ихъ заставляетъ нерѣдко противодѣйствовать интересамъ мѣстной народной массы.

Они смотрятъ на дѣла человѣческія съ извѣстной напряженной, напередъ составленной, точки зрѣнія и преслѣдуя свои убѣжденія тамъ гдѣ это возможно, и тамъ, гдѣ невозможно, теряютъ изъ виду то, что́ лежитъ въ основаніи всякаго человѣческаго общества—насущныя потребности человѣка, сообразныя съ его развитіемъ. Отсюда выходитъ то, что нѣкоторые изъ нихъ—либералы въ университетѣ—сдѣлавшись помѣщиками, примѣрно угнетаютъ крестьянъ (конечно, по какому-нибудь высшему соображенію). Другіе, болѣе добросовѣстные, гнушаясь положительнымъ занятіемъ, проводятъ всю жизнь въ разрѣшеніи запутанныхъ общественныхъ вопросовъ, посредствомъ громкихъ споровъ что́ называется у нихъ публицизмомъ; этотъ разрядъ людей, часто съ запасомъ значительныхъ силъ, съ обширными дарованіями, теряетъ ихъ въ нравственныхъ попойкахъ, къ которымъ эта группа имѣетъ особое пристрастіе. Если-бы міръ физическій былъ созданъ по складу ихъ фантазіи, то отъ землетрясеній, вулканическихъ изверженій, солнечныхъ затмѣній и т. п. не было-бы покоя.

Кромѣ этихъ обще-нравственныхъ чертъ, рѣшительно не гармонирующихъ съ современными потребностями нашего народа, нуждающагося въ систематическомъ развитіи нравственныхъ, юридическихъ и экономическихъ силъ — у нихъ есть взгляды, которымъ ужъ никакъ мы не можемъ симпатизировать.

Такъ, нѣкоторые изъ нихъ защищаютъ слѣдующій силлогизмъ: потребности народа выражаются въ его просвѣщенныхъ представителяхъ; такъ-какъ болѣе просвѣщенная часть здѣшняго общества (intelligencja kraju) ополячилась, то, значитъ, здѣшній край польскій. И эти люди считаютъ себя демократами!..

Всѣмъ этимъ господамъ мы совѣтовали бы присматриваться попристальнѣе къ современнымъ потребностямъ общества, не предупреждать хода дѣлъ слишкомъ заблаговременными рѣшеніями, помнить, какая связь должна быть между демократами извѣстной мѣстности и ея народомъ, не забывать, что полонизмъ на Украинѣ—это шляхетство—или, ужъ если преданія шляхетской среды въ нихъ слишкомъ сильны, не мѣшаться ни въ какіе щекотливые дѣла и вопросы.

Сказавъ обо всѣхъ этихъ группахъ, образовавшихся среди общества дворянъ Украины правобережной, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о той группѣ, которая здѣсь слыветъ подъ именемъ *хохломановъ* и окончательно расходится со всѣми предъидущими.

Эти люди, вышедши изъ среды украинской ополяченной шляхты изучая мѣстную прошедшую жизнь и современныя ея потребности, пришли къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ Украинскимъ населеніемъ, и считаютъ интересы его самыми близкими своими интересами.

Предмета, для своей общественной дѣятельности, они ищутъ въ просвѣщеніи народа на его собственныхъ началахъ, въ развитіи его общественной жизни, дѣйствуя притомъ самымъ спокойнымъ и систематическимъ образомъ.

На нихъ нападаютъ всѣ предъидущія группы, называя ихъ взглядъ и ихъ дѣятельность національнымъ отступничествомъ; но они на это отвѣчаютъ, что это только - обращеніе; что желающій быть дѣйствительно полезнымъ какому-нибудь обществу не можетъ оставаться въ роли колониста, дѣйствующаго на пользу метрополіи; что ихъ образъ дѣйствія согласенъ съ мѣстными простонародными интересами, которые они принимаютъ за точку отправленія во всѣхъ своихъ взглядахъ.

Что́ толкуютъ объ нихъ *мошродзьи*, мы уже говорили; сами же,—во избѣжаніе пристрастія,—мы не судимъ.

Оаддей Рыльскій.

ДЕ-ЩО ЗЪ ПОЛТАВИ (*).

II.

(14 сентября 1861 г.).

Поки я збірався, у-друге, де-объ-чімъ написати до васъ, пройшовъ Спасъ, перша Пречиста и друга, и одійшли наші послідні, дрібні селянські ярмарки (літні). На полі вже повіяло осіннімъ віт-

(*) Прочитайте, прочитайте, шановна громадо! оці дорогі листи, зрадіете душею и подя́куете відъ щирого серця високоповажному народолюбцеві за ёго тепле, гарне слово, за ёго правдиві и ясні, якъ день, ду́мки. *Ред.*

ромъ; на нивахъ де й подівались полукіпки й копи; зате на токáхъ золотіють скирти́. Де-де буріе останнє просо и пізня гречка сніе, та й те, опісля Пречистої, здебільшого, повижинали, и теперъ тільки й побачишъ у полі чабанівъ зъ гирлигами за отарою, або плугатаря на чорній борозні. Хочъ и радіють наші господарі, дивлючись на свої повні токи́, а все-таки, якось сумно, якъ ви́їдишъ на поле, де ще недавно горіла робота и розлягалась лунною пісня. Поди́вився на округи́—усе чорніе; де-де похожають дрохви, обізве́тця жалібно посмітюха, зацвірінькчить горобець, або журавель крикне зразу на усю околицю; поди́вився на небо—ажъ ось іхъ ціла низка простуе у вирій... туди десь далеко... за море, сиві хмари розстилаютця та холодний, степовий, вітеръ гуде, наганяючи тугу на козацькее серце...

Зате́жъ по селахъ стало веселійшъ: літнёї доби, якъ проідешъ по вулиці, то тільки й побачишъ, що стоять пусті хати зъ підпертими дверима (себъ то нікóго нема у господі—бо замки́ та запори, дяка Богові, ще у насъ не усюди потрібні), та граютця діти зъ цуцинятами на смітнику (бо, знову дяка Богові, у насъ ще не мордують дітей каторжною роботою, де небудь на завóді, або у підземельній шахті); а теперъ, проізжаючи по селі, або зустрінешъ старостівъ перевязанихъ рушниками, або почуешъ, то у тімъ, то у другімъ кутку села, музику, або ціле весілля перепи́нить тобі дорогу, гу́комъ та галасомъ лякаючи коней; а часомъ и таке бува, що коней за вузди, та до двору—пришрошують до господи *на хлібъ, на сіль, на весілля*. Ставъ нашъ народъ, якось, смілівійшимъ зъ проізжачимъ, хочъ би й зъ панóмъ, та, дяка Богові, не на зле... Зъ того щасливого дня, якъ на віки знесено ганебне крепацтво, у нашого селянина першою думкою стало, я́къби дитину одружити, хату охаяти, господарьству ладъ дати. Щаслива доля припала тимъ дівчатамъ, що дорослú у-пору, та й тиі, що не по своій волі позасúжувались—поди́вився—вже у очіпкахъ похожають. Почули бъ ви, добродію, якимъ людськимъ окомъ дивлятця наші недавні кренаки на той гріхъ, що тяжка неволя видавила зъ нашої соромливої честної селянки, ваше серце заплига́ло бъ радіючи за нашъ народъ. »Бери!« каже старий молодшому:« матимишъ дружину вірну; а той гріхъ... не вона, а неволя винна.« И старечимъ словомъ зъ неї соромъ здіймаетця. Були й такі, що не по волі, отай жили, не по Божому, и дітокъ мали. »Не соромъ, бо неволя:«—така була одповідь, и старі мовчали, бо правда. А теперъ—звідкіля́ той соромъ и жаль узявся? заразъ себе огласили

та й побралисъ; а коли дé-які загаялись, то якъ обступлять старі: »одружітця та й одружітця, коли *жаліли* одинъ одного у неволі — не кидайте на волі: станьте передъ Богомъ. .« Та такъ тиі гріхи, одинъ за другимъ, честнимъ шлюбомъ и покриваютця. Такъ–то наші невчені сиві дідугани та бабусі лагодять те, що попсували ті розумні, котрі про мораль багацько по книжкахъ читали... Мабуть у сімъ році шлюбівъ, по щоту, вийде у́двое бíлшъ, якъ у прежні года. Оттакъ нашъ народъ празникýе волю. До сёго часу козáчки не йшли замíжъ за панськихъ парубківъ, а теперъ крепакъ сміливо засилае старостівъ до дівчини козацького роду. Найшлись такі й паничі, що поженились на багатенькихъ козачкахъ у сусідстві, та й живуть на своіхъ грунтахъ хуторами... и добре! Якъ би ви іхали надворсклянською низинóю, поміжъ местечками Біликами и Новими Санжарами, де живуть, помішано, козаки и панські, то задивувались би: ідешъ не селомъ и не степомъ, а зеленимъ садомъ, безъ пéреерву; зъ усіхъ бокívъ обгортае садъ, білі хати и чистенькі двóрики. Запримітили бъ ви де–яку хату, геть навкругú обсажену, уквічану високими квітками — се жъ ознака, щобъ парубки знали: у хаті е батькова дочка на порі... заіжджай, козаче, попроси води напитись, подивйсь на спражню квіточку... Запримітили бъ ви: коло старої хати нові сохи стоять, крокви становлятця: — сежъ нова хата будуетця, де молодéнька пара свій вікъ вікуватиме... Побачили бъ ви навкругú зеленихъ левадъ тиú свіже–заплетені зъ різними ви́гадками, гарно та штучно, якъ та коса дівоча, то й гукнули бъ на конéй: тпру! щобъ устати та полюбоватись... А зайдіть лишень, добродію, до двору, дéстарий музика, на призьбі, заплющивши очі, наíрюе на скрипці козака, або метелицю, а підъ гиллястою грушою тупотять чобітки зъ підківками. Просимо у хату; сідайте на лаві, за стілъ, підъ самими образáми; побалакайте зъ сивоусими хліборобами; покуштуйте нашого хліба и убогої страви; святий коровай на столі, гільце яке гарне, рушники які чистенькі на віконцяхъ... Надъ вашою головою Божа Матіръ... чия–сь рученька обквітчала ії квіточкáми... Подívитесь и душею зрадіете, що не окчемнівъ у неволі нашъ народъ. А може й таке прийде на думку: дежъ подівалась *тáя*?... Э! стрівайте, добродію! е й вона клята, и вамъ ії піднесуть, але жъ тільки такъ, для звичáю, щобъ злиднями не назвали. Зъ того часу, якъ померла злюща пані Неволя, то й ії паскудна похлібниця Горілка багато поваги збулáся. Частують и куштують ії тáкъ — для закону, а вже

пьянимъ бути на честнимъ весіллі не годиться. Пьють ії по-прежнёму, *нáхильцемъ*, хиба тільки де-які ледачі городянські міщане та сердеги ремесницькі робітники (*).

Щожъ се таке? спитаетесь ви; якъ воно сталось? Не знаю, що вамъ другі скажуть, а по-мóему отъ--що: силкуются, якъ зуміють, наші недавні крепаки тіеї правди доказати, що вони варті пóручь стати, щобъ уже навіки не розъєднатися, зъ тією ясною панною, котроі ранокъ и вечіръ сподівалися, котру у столітній розлуці не здоліли забути. Якъ оніеля дурману, що оманою піддали, вставъ нашъ народъ чистий серцемъ, не знаючи помсти, незнаючи злодійства за собою; якъ чоловікъ, котрому здавалось у ночі, що ёго давить яка-сь

(*) Тутъ якъ слову добавлю, що оттімъ біднимъ ремесницькимъ робітникамъ гіршъ, якъ було крепакамъ, бо хазяіни-ремесники—народъ, здебільшого, зовсімъ попсований: пьяний, безсердечний, безъ жадноі освіти, и тільки до грошей ласий Сі городяне негідні, щобъ іхъ и прирівняти до нашого доброго и правдивого селянина-хліборобa. — Найбільшъ достаеться тімъ біднимъ хлопьятамъ, що у науку до такихъ хазяінівъ віддані. Поки тому реместву дитина навчиться, то здоровья збудеться; щасливе коли викрепить. У насъ ще того не завелось, якъ у васъ у Петербурсі, щобъ надъ такими хазяінами надглядати и штрáфувати:—начальству ніколи, бо, бачите, великі діла справляе, а се діло маленьке... Та хочь би й завелось, то чи тожъ закличуть до того далі такихъ людей, на котрихъ увесь городъ покаже, якъ на правдивихъ чоловіколюбцівъ?... ні! не по тій часті служять, або якому-небудь чиновному владиці невгодні... Тутъ треба такого пашича, що гарно по панськихъ горницяхъ базікае, на видъ и на одежу такий, якого тамъ треба.., Та й те по правді сказати: коли и у насъ буде такъ якъ у васъ (якъ то ми знаемо зъ газетъ), що коли хазяінъ пробивъ хлопцеві молоткомъ голову, накладуютъ три карбованці штрафу—то ліпше й не роспочинати. Може, Бога та якоі-небудь невідомоі кари більшъ боятимутця. А що вже ті молоденькі дівчата, жидівські наймички, що жидамъ на услугу віддані (бо й досі багацько с такихъ) — то подивившись на іихъ, тільки обіллється кровью серце та й годі: голе, босе, непагодоване и з морепе роботою такъ, що и до свого росту не доходить... ні церкви, ні молитви... Сухе, якъ каменюка серце, безъ усякого жалю—таке зустріне наша маленька землячка у жидівській хаті, а далій и самий ii соромъ и краса,—коли зосганеться,—на хазяйський капиталъ не реверпетця... Гіршого нашъ народъ нічого собі й вимислить не зможе, якъ *жидівська наймичка*, а матіръ, коли така доля донці лучилася, оплаче ii, якъ мертву.— А у законі написано... нáщо жъ вінъ писаний? Намъ звісно, що и поміжъ жидами (найбільшъ зъ тихъ, що вчились по гимназіяхъ и университетахъ) є такі, що инакъ дивлятця на нашого земляка-наймита; та чи тожъ такихъ багато? просимо жъ не докоряти насъ фанатизмомъ, якъ то звикли робити де-котрі зъ жидівъ. Фанатизму ми не маемо и цураемось, а тільки показуемо (минаючи багато де-чого й гіршого) на сей сумний фактъ, усякому у насъ звісний, якъ на гидку болячку нашого краю.

мара́—а вийшовъ у поле та дихнувъ чистимъ повітрямъ, то де́ те усе й подівалося, такъ нашъ народъ виходить теперъ, здоровий духомъ, здоровий тіломъ на плодючу ниву волі и науки. Послухали наші діди злої ради, гидкої памьяти отця Климентия, а теперъ відомстивъ нашъ народъ упукамъ за столітню кривду... чимъ? весіллями та піснями, хлібомъ-сіллю та добрею працёю. Щожъ теперъ скажете ви, премудрі пророки? де́-жъ тая мара́, що стояла передъ вашими очима (а, здаєтця, більшъ тільки на язиці)? дежъ тая мара ледача, пьяна, страшенна? Подивітця: ось иде вона — наша ясна панночка Воля — иде нашими нивьями и селами, у зоряному вінку, сяючи небесною красою, ласка́вими очами на насъ поглядаючи, усміхаючись до насъ, якъ до родичівъ, що довго, довго зъ ними не бачилась; передъ нею квітки виростаютъ, за нею колосья золотіютъ; попередъ неї біжить мале хлопья зъ розумними очепятами... туди, куди вона перстомъ указуе; пильно задивившись на неї чорнявий парубокъ; до її одежи припала молода дівчина; вийшли зъ хати чоловікъ и жінка, щобъ святимъ хлібомъ її привітати; подибали за нею старші дідуганъ и бабуся, щобъ хочъ передъ смертю надивитись на її красу несмертельну; зъ пісня́ми виходить село її на зустрічъ, далеко за околицю, зъ пісня́ми й випроважае її благословляючи... Будь же щастлива та плодюча на добро и розумъ, моя рідна українська Ниво—пройшла по тобі блага богиня...

. . . . . Орися
Ниво-десятино,
Та посійся не словами,
А розумомъ, Ниво!..

III.

(7 Листопаду 1861 г.).

Може ви, прочитавши пе́редній листъ, каза́тимете про мене такъ, якъ мовлявъ Коніський про Мазепу: *»ни, а льститъ народы;«* може мі́слитимете, що ми заплющуемо очі на те, що треба бъ не похваляти, а ганити у нашому народі—*да исцьлится*. Ой ні, добродію, бачимо ми й самі, що багато бракуе нашому народові усюди: и у дорозі, и у господі, и у хаті и на полі, а найбільшъ, чого найпотребнійшъ: громадського духу и правдивої освіти—не тієї освіти,

що зъ великого розуму де-котрі панічі хотять надати нашому народові, що серце сушить и голову завертає, для котроі треба першъ увесь народъ на який–сь не-паський кшталтъ переробити. (Себъ то й легенько! ніби то й є на світі така сила, щобъ таке надъ милліоннимъ народомъ доказала)! Не тіеі намъ треба науки, котрою, ще нічóму не навчивши, а вже відрізняють дитину відъ матірнёі мови, забувши отсі великі слова великого думця: »першою наукою для кожного чоловіка було матеріне слово, котре найпершъ зрозуміла дитина, тіеі святоі хвилі, якъ тільки блиснула божествéнна искра—прокинувся розумъ; звідтіля й начинайте, тимъ шляхомъ и простуйте »до вищоі науки. Вихованне и чоловіка и народу зъ матірнеі мови »повинно починатися; вона есть початокъ усякоі науки, для розуму и »для серця, по закону самоі природи. Якъ до чоловіка, такъ и до »народа тільки та наука пишнимъ цвітомъ и добримъ плодомъ колись »себе виявить, котра зъ матірнеі мови почалася и зъ того живущого »жерела змалечку поилася.« Воно й правда: чи не легше жъ науку приладити до народа, а ніжъ цілий народъ нівечити прилажуючи его до якоі–сь негнучкоі науки. Алежъ, кажіть! розумні панічі намъ свое радять: отъ, якъ би Хоролъ ставъ такий, якъ Царевококшайскъ, а Полтава загомоніла такъ саме, якъ Калуга, то́ бъ то на Вкраіні усе покращало и порозумнійшало!! Эге жъ, панове–радці! —добре булобъ, тільки те біда, що така цивилизация зостанетця на поверсі великоі народнёі громади—для панічівъ, а народъ нашъ навіки буде для неі и глухий и німий. А вони, ті панічі, якъ же то логично доводять! Недавно п. Северянинъ, оповідаючи у »*Современній* Літописі« (?!) про подоляньскі селяньскі школи, радить не вчити дітей по нашимъ граматкáмъ, бо на нашій мові ще нема... чого бъ ви думали? а нутé, вгадайте!?.. нема *юридичнёі науки, философіи права!* — Отъ що, бачте, потрібне для тихъ хлопцівъ, що, якъ виростуть, то зъ ранку до вечора за плугомъ ходитимуть, або коло худоби товктимутця!.. а до того часу, поки наші земляки зберутця (коли то й можна буде) понаписувати вдоволі философичныхъ и юридичныхъ книжокъ (та й тоді, хочъ би й закони на нашу мову переложили, п. Северянинъ не радить вчити дітей у селяньскихъ школахъ на рідній мові—бо юрисдикция не по нашому!)—до того часу нехай подоляньский хлопець не заглядуе у нашу грамáтку, котру добре розуміе для того, щобъ початки святоі віри и моралі для свого життя зъ неі вичитати, а нехай вчитця по тій, зъ котроі вінъ не все гараздъ уторопае, бо писа-

на такою мовою, якої він на селі змалечку не чув та чи й чуватиме, коли у салдати не візьмуть. Сам авторъ якої небудь столичної азбуки, ніколи не бачивши нашого народу, любонь чи й згадувавъ пишучи, що е на світі подоляньский хлопець, котрого ц. Северянинъ, ради юридичної науки, примусить вчитись по тій книжці! Для бідної дитини нашого селянина треба нашимъ, *своїмъ* складомъ писати, щобъ той початокъ науки зачепивъ молодий розумъ и серце. Не диво, якъ би те радили у Харьківщині... тамъ по селяньскихъ ярмаркахъ »Таньку–разбойницу« и »Наші кутятъ« за добру ціну москалі збувають... а то на Подоллі, де селянинъ частійшъ почуе ляцьку або жидівську мову, аніжъ московську, де по московські тільки такъ-сякъ уміють судові папіри компонувати, а такихъ, щобъ добре знали, чи знайдетця (и то поміжъ невеличкої купки чиновної братіи) $^1/_{10}$ проценту зъ усього люду. Та дарма! п. Северянинъ каже, що то бувъ би »естественный ходъ исторіи«, якъ би по його раді зробилось. За скільки жъ то роківъ сподіваетця п. Северянинъ переучити подоляньскихъ селянъ такъ, щобъ вони розуміли юридичні книжки, писанні не іхнею мовою? Забувши исторію, можна, сидючи у кабинеті, вигадати яку-небудь теорію та й багатіти думкою, що нею цілий народъ на инший кшталтъ перевернешъ... Е ще, видно, такі, що у те вірують... А по нашому, коли щиро бажаешъ одного добра для народу, то, доглядаючись до нього самого, берись найпростійшимъ шляхомъ проводити світло науки и правди у темну массу, ото й буде для неї »естественный ходъ исторіи.« Народъ формуе свої идеї объ правді й неправді зъ християнської моралі и зъ власного життя своего. Практикою у громадськімъ ділі, вильнимъ словомъ та правдивимъ серцемъ, народъ скоро доходить до того, що не згіршъ відъ иншого юристи свої одбудки и право розуміе,— що добре, а що зле розбірае. Хочъ би й ті присяжні, що у британськихъ судахъ *правду творятъ* — чи тожъ юристи? ні, опрічъ одвокатівъ. Отъ же, чого тамъ и не додумались, тимъ п. Северянинъ нашій молодій литературі и нашимъ селянамъ докоряе и за те нашу мову зъ початкових шкілъ викоренити хоче! Якъ би просто сказали, що у селяньскіхъ школахъ хлопці на канцеляристівъ готуватимутця, то инша річъ. Міні здаетця, що отті задні теорії виходять одъ того, що ми усі беремось вести народъ, не знаючи його, а не хочемо у нього й трохи повчитись, хочъ би тіеі мові, котру щодня чуемо, котрою навкруги насъ миллонія нашихъ земляківъ свої думки и надію, горе й радощі, виповіда-

ють... Такъ колижъ ми зъ друкованихъ граматокъ, а не зъ живого слова, вчитись звикли.

Не всі жъ такъ міркують, якъ и. Северянинъ. На лівобочній Україні, сёго року, повіяло якимъ-сь тихимъ и теплимъ вітромъ. Наші пани (хочъ и не всі, а таки багатенько и серцемъ и розумомъ почули той гомінъ, що за нашого часу, зъ усюди підіймають народи коженъ своімъ голосомъ—великий гомінъ світа, волі и правди; почули й те, що вони *кость отъ кости* свого народу. Вибори на члени губерського присутствия и на мировихъ посередниківъ— упали добре... хотівъ бы назвати по йменню високоповажнихъ панівъ...

Перший мировий зъіздъ одбувався у Полтаві публичне. Публика прислухалась и вийшла зъ повнимъ серцемъ, тихо радіючи святій правді... Запримітимо тільки, що було бъ ще краще, якъ бы п.п. посередники промовляли до селянина тимъ словомъ, яке вінъ звикъ чути на селі, а то вінъ, зъ того канцелярського письма, не все гаразъ уторопае. Найважніше діло: віра у правду судову,—а тієї віри инакъ не можна здобудись у народа, якъ балакаючи до нёго—ёго власною мовою и звичаемъ. Чому не спробувати? Для нашихъ панівъ се діло не важке, бо, дяка Богові, наше панство живе не на столицяхъ, а по селахъ, поміжъ хліборобами. На мирові зъізди велика надія — нехай же вони не походитимуть на земські и повітові суди и на поверсі, якъ не походять и самъ-ділі. Геть же той канцелярській штиль, коли не зъ папіру такъ зъ живої розмови зъ тими селянами, що вірують у правду нової институції и вбачають у мировихъ посередникахъ правдивихъ судей! Сподіваемось, що шановні п.п. посередники кинуть окомъ на сю нашу увагу... Багато де-чого доброго скоілось у насъ сёго року. Сини й дочки нашихъ панівъ працюють, не томлючись, надъ козацькими и кріпацькими дітьми у нашихъ недільнихъ школахъ: — на серці весело, якъ подивився. Знову хотівъ бы назвати по-йменню високо-шановну панію, котра, до того святого діла, кошту и личнёї праці додае! Прокинулись ми...Може незабаромъ потішимо васъ такою дивною новиною, котра васъ завірить, що те, чимъ докоряе нашихъ дідівъ правдива исторія, вже — не для нашого покоління, бо дознаетесь, що наші пани, жадаючи бути вірними историчнёму характерові украінського племени, одкинувши панську пиху, хотять стати правдивими вожаками свого народу у всякому доброму ділі; дознаетесь, що підъ панською одежою бьется, й досі, тёжъ щире украінське серце, що не вміло замикатись у кастовиї пута.

Питайте жъ, відъ чого–то Полтавщина у такій злигоді, такъ тихесенько переживае великий экономичний кризисъ?.. Теперъ намъ тільки треба—книжóкъ, книжóкъ... починаючи відъ святого Евангелия.

Хотівъ було вже закончити сей листъ, та згадавъ ще ось-що. Незнаю, чи оповістивъ васъ хто-небудь зъ Полтавцівъ, що объ Иллінській була у насъ пані Леонова. Часъ бувъ гарячий, ярмарковий, и доба негарна, але жъ збіглось у залу нашої Панської Громади народу чимало. Поплакали ми таки знову споминаючи *Останнёго Крепака*–Кобзаря. Привітали ми славну співачку по-старосвітськи—хлібомъ-сіллю. »Нехай тебе Бэгъ любить, паша Одарочко!« Дякуемо оце ище разъ, и за ті солодкі слези, и за добре слово, просніване нашій Полтаві:

Бодай тая степовая
Квіточка Полтава
Розросталась, красувалась,
Свого цвіту не теряла...

В. Куликъ.

P. S. У насъ зъ початку осени було холодненько, а пóтімъ, по сей день, стало тепло та гарно якъ весною... а ось Листопаду скоро половина! В. К.

ДРУГИЙ ЛИСТЪ ЗЪ ДУДАРІВЪ.

(16 Листопаду, 1861 г.).

Знóву я пишý до васъ, до всёго мíру хрещёного. Недáвно ще сéла нáші рябíли посередъ ланівъ стернёвихъ, де вже зъорáнихъ на паръ,—а оцé въ неділю хмáри побíліли; а въ понеділокъ, 13 листопáду, унáвъ снігъ — и тепéръ все кругóмъ біліе и біліе. Нáче до спочúнку зібрáлися; сидимó въ хáті, чáсомъ бíлі грýби—все якось тúхо; чáсомъ зъ рощóтами хто прúйде до тéбе, або й такъ — побалакати трóхи. Вже хлібъ и городовина зібрана — все у тéбе підъ бокóмъ, тільки бъ сидíть та писáть, бо й робóти íншої нема.

Я дýмаю, що й »Хуторянúнъ« оцé упóравшись, чи не обізветця до насъ якúмъ *Листóмъ зъ хýтора,* бо то, мабýть, літня робóта

не дозво́лила ви́конать обіця́нку — »объ чімъ же я, мовля́е, писатиму до васъ?« Та й замо́вкъ. Чи не слабий ча́сомъ, нехай Богъ ми́лує! Обізві́тесь, добро́дію, до насъ: и ми такі,—якъ ті хуторя́не; то зъ своїмъ бра́томъ и побала́кати й послу́хати ёго́ ре́чі я́кось миліше. Отъ би и я–тежъ збіра́вся—якъ поба́чивъ пе́ршій свій листъ въ *Основі*–за́разъ написа́ти зно́ву, коли́жъ—нігде пра́вди ді́ти—заклля́въ тро́хи.

Хлібъ у насъ — хвали́ти Го́спода милосердого—уроди́въ,—такъ людьці й загуля́ли,—а тутъ ще до того́ лу́чилось Михайла Архи́нгела, на́шого патро́на,—наварили ме́ду. За людьми́ и я посу́пився — до́бре було́! Се бъ то, ба́чите, на церко́вніі гро́ші скупо́вуетця медъ, ва́ритця та й продаєтця; кори́сть йде́ на це́ркву. У насъ капли́ця, а не це́рква,—такъ слу́жби й не було́, а ті́льки часи́. Після́ часі́въ, панотецъ благослови́въ корогви́, котрі ми оце́ собі спра́вили. На медъ зусю́ди схо́дитця люде́й таки́ чима́ло,—й тепе́рички зібра́лось гара́здъ,—отъ ми й загуля́ли. Пе́рше було́ ко́жний хазя́инъ закли́кавъ до се́бе люде́й на обі́дъ, а після́ всі вихо́дили до *конупу*,—се зна́чить-туди́, де медъ продаю́ть. Тутъ вже бі́ліе ві́дъ кожу́хивъ. Людьці́ гуля́ють кружка́ми, музи́ка гра́е, че́лядь таньцю́е. По́тімъ розіхо́дятця полу́дпувати, та вже такъ гуля́ють и до но́чі, хто охо́чий—й до світа. На дру́гий день у насъ *ра́хта*, щобъ то медъ вже допива́ти. За́разъ бра́тчики церко́вніі запроси́ли усіхъ госте́й, посадови́ли за сті́лъ у конупи́чиці (бачте–ха́ту на конупъ та ви́брали у вдови́) медомъ шанувати. Не зна́ю, чи бага́то нанівъ діжда́лось тако́ї че́сти. Отта́къ и погуля́ли! На дру́гий день зно́ву бувъ я на *зливкахъ*, бо Миха́йло Архи́нгелъ перебивъ намъ обхо́дъ крести́нъ: я собі у одного́ чоловіка кумува́въ. А оце́ зъ неділі у на́съ й *пущання*. Тепе́ръ вже заговівши, наду́мався писа́ти.

Почну́ зъ того́, що оповіщу́ вамъ де́-що про на́ше життя́.———

За́втра я почина́ю учи́ть діте́й,—такъ оце́ до́бре поговори́ти объ тімъ, якъ се ді́ло стої́ть тутъ ко́ло насъ. По пра́вді, нема́ чого́ ши́роко роскида́тись: все я́кось ще ду́же мо́лодо. Шко́ли въ се́лахъ е; нера́зъ, проізжа́ючи черезъ се́ла, ба́чишъ куну дітей зъ торбинка́ми: се школярі. Панотці сімъ пікл́уютця, та тільки шко́да, що все йде́ такъ са́мо, якъ и того́ віку: тіжъ азъ–бу́ки, ти́тли, а при томужъ и різка, загінъ теля́тъ, свиней и т. п. Мині здае́тця, мо́жна й церко́вне чита́ти, навчи́вшись по граждапському; ато́, на́че на перекіръ тобі, усе́ псалтирі та часло́вці—а дальше а ні же́! Ще й то учать по старо́му, такъ-що зъ ці́лої со́тні ви́беретця хиба́ тільки 7, 8, що дійду́ть пуття́, а оста́тніі

й такъ пі́дуть зъ чимъ прийшли́. Чомъ не введу́ть но́вої мето́ди та рі́дної мо́ви?... Отже бага́то говори́ти, та нема́ кому́ слу́хати.

Тепе́ръ скажу́ ва́мъ, яка у насъ була́ ціна́ на хлібъ. Коло Покро́ви, пшени́цю у насъ купува́ли по 60 к. сер. за пудъ, на берли́ни, бо одъ насъ хлібъ йде въ го́ру, на Литву́. Жи́то по 30 к. сер. за пудъ, про́со й ячмі́нь по 25 к. сер. Тепе́ръ, якъ ста́ли збира́ть поду́шне, то хлібъ подешевшавъ: за пшени́цю жиди́ даю́ть мужико́ві 16 гри́вень (40 к. сер.), а жи́то по 7, або по 8 гри́вень ($17^1/_2$—20 к.)

Оди́нъ мій знако́мий присла́въ менї, якъ Украї́нцеві, въ подару́нокъ дві пі́єси:—спаси́бі тобі, дру́же. Але́, якъ би ти знавъ, яку́ ти бо́лість сімъ зроби́въ менї, то ти не присила́въ би сёго. Ді́ло таке́: менї знако́мі літера́тори украї́нські въ по́льскій літерату́рі: Богданъ Залеський и Михайло Чайко́вський. Я тро́хи зна́ю літерату́ру по́льску, и—якъ польскихъ літера́торівъ—я іхъ хвалю́, и більшъ нічо́го; а якъ украї́нськихъ могу́ й суди́ти. У Богда́на Заліского Украї́на є край широ́кихъ степівъ, черезъ ко́трі бурча́ть страшні поро́ги... черезъ нихъ въ чайка́хъ пла́ваютъ сміливі козаки́, а по ночам купа́ютця руса́лки. Зъ нимъ можно проказа́ти слова́ Пушкина:

»Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ.«

Залеський, якъ поэтъ, не мігъ не почу́ти правди́вої на́шої поэзні, мо́же го́лосъ ду́мки на́шої нера́зъ ви́гнавъ и слёзу́ на о́ко ёго, бідного, якъ то менї росказува́ли. Се й вінъ самъ ви́сказавъ, перево́дячи ві́рно на́ші ду́мки и пі́сні на по́льску мо́ву. Михайло Чайко́вський въ своіхъ повістяхъ ві́рно и искриво малю́е Украї́ну, тільки падае́ ій бі́льшу, ніжъ на пра́вді, любо́въ до По́льщи. Его́ новісті горя́чи и поэтичні, запа́люютъ ду́шу. Чайко́вський и Залеський люби́ли Украї́ну по своёму; ім мо́жно було́ виска́зувати свої идеа́ли, мо́жно було сказа́ти, що вони́ хотя́ть ба́чити Украї́ну въ любо́ві зъ По́льщею. Пра́вда, Б. Заліский и въ непріязні до По́льщи ба́чивъ поэзію: се свідчитъ его́ ду́мка про Мазе́пу. (Zbior poezij Bohdana Zaleskiego). Пі́сля іхъ ми ба́чили Осташе́вського зъ ёго *Пі́вкопи каза́къ* (Pivkopy kazok) и Тимка́ Паду́ру зъ его *Думками*, та либо́нь сіхъ людей пора́дивъ бу́вшій тоді *бородолизмъ* (baragoli).

Осташе́вський ще такъ собі,—а що Тимка́ Падури поэзію мо́жно засчитать до бігання го́лимъ по ярмарка́хъ Берди́чова и Ярмолі́нець;—це такъ на́че панський дуръ. Ажъ ось появи́вся у насъ панъ Дио-

низій Бонковський: Вінъ пускаé въ свiтъ, одна́ за дру́гою, либо́нь пісні: *Гандзя; Тропакъ; Українець козакъ* (Kozak Ukraiiniec, Poezie i muzyka) і Tęsknota kozaka, spiewek Ukraiński): себъ-то журба козака́, пісьня Украінська). Польський титу́лъ и а́збука цiхъ *штукъ* ка́жуть намъ, що Бонковский хоче ознако́мити по́льску пу́блику зъ Украінськімъ сло́вомъ — а самі пісні на дiлі нача́ намъ на смiхъ скомпоно́вані. Намъ, Украіньцямъ, тре́ба хоть смiхомъ одігнать того́, хто такъ нечéсно посяга́е на таке́ святéе дiло, якъ на́ша мо́ва за-для насъ. Оцежъ мій прия́тель и присла́въ менi дві оста́тні пiéси. Я іхъ становлю́ на судъ пу́блики, зна́ющої нашу поэзию й мо́ву. Де тутъ Украінське сло́во, де поэзия и де ладъ, яки́й е въ на́шій кохáній пісні? Цей козакъ »Во́дя« живу́чий тiльки въ ду́мці па́на Бонко́вського, таки́й собі куме́дний: и сюди́ и туди́ кида́ется—ажъ перехри́стится, якъ почуешъ! Себъ то нiби *лиричне*; а воно́ поправді, не знать що́, бо писатель не розумiе свого дiла... Не вже це ви, па́не Бонковський, хо́чете бу́ти таки́мъ козако́мъ? Неха́й васъ боро́нить Госпiдь! Чи се тiльки смiхъ надъ на́ми и тума́нъ напуска́ете на товари́ство? Пе́рше—непра́вда, а дру́ге—нечéсно. Ще я вамъ скажу́, яка́ до́ля жде ваші пiéси. Зъ пе́ршого початку, якъ но́винна въ га́рних окла́дках, беру́ть іхъ пани́—грають й спiва́ють. Пiсля́ воно́ йде въ прихо́жу, по́тiмъ розпо́сится по харчéвняхъ; до́бре, коли́ катери́нка ста́не вигравáти ва́ші пісні, а то й такъ загинуть. Не зна́ю, чи вамъ че́сть. Спочáтку вередли́ве, охоче до новинй, а пiсля...попсо́ване товариство погра́ется ва́шимъ ві́ршуваннямъ, а здоро́ві се́рцемъ селя́не щось не хотя́ть сего́ прийма́ти. А задля чо́го, одгада́йте? Не вже вамъ—користь? Хиба 50 якихъ карбо́ванцівъ заробити? та сежъ не таке́ дiло. Се дiло святеé, тутъ грiхъ такъ зароблáти — тимъ тiльки, що хтось спра́вді за до́брий това́ръ прийме. Ки́пьте се дiло — воно́ него́же. Него́же такъ робити шляхтичові (z szlachetnego stanowiska). Ви жъ, усі пано́ве, такъ поважа́ете свое́ шляхе́тство:—чомъ же ви не шану́етесь?

Тимъ ча́сомъ—прощава́йте, браття!

Борисъ Познаньський.

ЗЪ ПОДОРОЖНИКА.

V.

У Сторожевій (якъ и по другихъ селахъ навкруги Полтави) нема зовсімъ бідныхъ такихъ, щобъ мусіли зъ торбинками по–підъ вікнами вештатись; алежъ и не то щобъ усі були у достаткахъ: є такі вбогі, що не спроможутця казенні віддати. Оттожъ такі йдутъ у *заборъ*. Голова, бачите, поєднаетця зъ якимъ–небудь паномъ, котрому треба косарівъ або жінцівъ, записує тихъ, що не заплатили податей та й висилає іхъ зъ села на роботу. Збіраютця бідолахи до шинку; тутъ усяке є: и старе й молоде: чоловіки, жінки и дівчата; тутъ родичі й сусіди назбігаютця; піде поштуваніе, прощаніе, слёзи, мовъ на цілий вікъ розлучаютця. Знялись, пішли *заборяне* купою на степи, и довго ще лунає іхъ жалібна пісня... и довго родичі до неї дослухаютця, ажъ поки стихне... Нема більшого горя нашому землякові, якъ коли недоля примусить его покидати свое село, бо є за чимъ и жалкувати—країна гарна! Отъ для такóго разу у великій пригоді стала бъ громадська казна: якъ чоловікъ при нужді, то узявъ кільки тамъ ёму треба, віддавъ казенне, та спромігся бъ у господарьстві и вернувъ би ті громадскі грошí, а то дарма що вінъ у заборі працює: за ёго виплатять, а вінъ на вісля приходе до дому зъ голими руками; літо минуло—ні–за–що зачепитись. Іноли заміжні козаки та урядники визволяють вбогого зъ біди позичкою грошей, та вжежъ гірко приходитця за те росплачуватись—робота не по пóзичці.

— »А що се й ти, Юхиме, мандруешъ у заборъ?« спитавъ я одного знаёмого чоловічка, зъ косою и саквами за плечима.

— »Та вже жъ! прийшлось и міні одвідати того заборянства!«

— »А ти-жъ, здавалось міні, маешъ худобу и не любишъ на-боку лежати.«

— »Щожъ робити?—така впала недоля; торікъ вóлики подохли, та й не спромігся на другі.«

— »Чимъ же йти у заборъ, ти бъ позичивъ у кого–небудь на видробітокъ.«

— »Цуръ ій, оттій позичці.«

— »А що? хиба далась у тямки?«

— »А якъ–же?.. надало міні позичити у одного заміжнёго козака рошí, та ціле літо й мусивъ відробляти...«

— »Чого-жъ ти не змовився на кільки тамъ днівъ тіеі роботи?«

»Э! бачите, вінъ, якъ дававъ міні гроші, казавъ, що коли та коли покличе мене; а якъ я застря́въ у нёго, то тільки що зачнешъ орати або косити, дивись—и шле за мною — и не кажи що є сво́я робота.«

— »Хиба у заборі є надія придбати? чи може такъ—хочъ гірше аби инше!«

— »Та вже-жъ, що́ Бігъ дасть!..

Оттакъ-то! коли вбогий разъ зачепивъ у багатій кишені, то вже більшъ не вивернетця, бо опрічъ хліборобства, другихъ роздобутківъ не трапляетця. Міщанъ або такихъ селянъ, що пробуваютця торгами у Сторожевській волости зовсімъ нема. Одинъ козакъ завівся було лавочкою у селі, та щось не везе ему. Таки й те сказати, що наші незугарні якъ слідъ у тімъ ділі пово̀дитись: поки хліборобъ, то й робить по Божому, а вилізъ у торгові міщани, то заразъ —обмірювати та обвішувати. Чесний торгъ по нашихъ закуткахъ якось не держитця, найбільшъ черезъ жидівъ. — — — И що-то зъ того вийде одинъ Бігъ святий знае... Освіти треба нашимъ землякамъ, щобъ зупинити хочъ трохи жидівське га́рбаннє и зъ підъ іхнёі кормиги ви́битись.

Урядники більшъ знаютця зъ попами. И яка поведенція! зберутця та тільки те й роблять, що кружляють; не ви́пий, коли хочъ, повну чарку—пристане, вклоняетця и—вблагае. Шкода, що за старими та й молодиця або й дівчина мусить пити—не відпроситця, бо якъ-же таки можно відмагатися, коли сама головиха, або паніматка, піднесе и не бере назадъ відъ тебе чарки, а самій на стілъ іі поставити по тутешнёму незвичайно—а то, чого доброго, й вилають. Щожъ? навпісля, дивись, пішли дуріти та катъ-зна-що балакати. Інколи який небудь сіромаха йдучи вздрить, покива головою та й промовить: »бачъ що наші старші виробляють; таке що нашъ братъ и підъ чаркою не вигадае.« Дочки заміжніхъ козаківъ ходять у гостину до попівенъ або до полупаніёкъ, та й навчаютця панськимъ примхамъ, співають не наші писни (бо негарні—мужичі!), а *романці* зъ московськихъ сіренькихъ пісенниківъ, у карти грають, гадають, у дзеркало дивлятця, польки дріботя́ть... просвіщенні!..

Селяне держятця своеі стародавнёі одежи: жупани, вишівані сорочки, киреі зъ відлогою, клітчасті плахти, запаски, саньянці чи жовті чи червоні, добре намисто—разківъ по десять. Дівчата поверхъ

стрічки кладуть вінки зъ робленихъ квітокъ, а літомъ заквічуютця полёвими квітками. Сторожевські дівчата завжде кладуть вінки на стрічкахъ спереді, а у сусіднёмý селі Будищахъ вінки кладутця ззаді. Такий неодмінний звичай. Відъ чого–бъ то? роспитувавъ я у дівчатъ, такъ вони й сами не знаютъ. Одна одповідь: »на те вона Будищанська, на те вона Сторожевська.« Рідко побачишъ, щобъ чоловіки зодівались по–панськи, хиба тільки урядники у свято папьялюють пальто (по тутешнёму—*пультикъ*), а про те шаравари у чоботи; жінки–жъ и дочки урядниківъ и заміжнійшихъ козаківъ безприміннo у міщанськихъ платтяхъ. Косу ділять на–двое и кладуть навкруги головй або повьязуютця шовковими хустками и квітки причеплюють — незвичайно!

Далеко нероскішна іжа у нашихъ селянъ. Найубожші тільки вряди–годи ласуютця скóромомъ, а більшъ пісне ідять. Якъ заготують на зіму картоплі, та капусти и буряківъ наквасять, та хлібець святий — отто й усе. И борщъ рідко затовкують саломъ; у пістъ олія та й та стала дорога. Хиба тільки на великі свята, та на заговіння придбають трохи мясного. Хвороба на скотину и овечятъ частенько бувае. Ся біда найбільшъ вганяе нашихъ селянъ въ убожество. Коли у кого и задержитця корівка, жінка придбае масла чи сиру, такъ не для себе, а все тее йде на силь, на дёготь, світло... Не дуже роскошують и заміжні, алежъ усе таки частійшъ борщъ зъ качкою або куркою, и хиба одинъ голова пье чай.

Не трапилось міні записати гарні, весільні пісні, що співаютця у насъ. На весілляхъ законъ сповняетця усюди. У козаківъ, якъ памьятокъ нашої славної давнини, ведетця звичай, що бояринъ стоіть коло молодої зъ голою, стародовнёю, шаблею, а якъ провожають молодихъ до дому, то стреляють зъ рушниць. (Объ весільнихъ звичаяхъ писатиму напісля). Міжъ тутешнімъ простимъ людомъ не чути, щобъ у сімьі була бійка поміжъ чоловіками и жінками; тільки ті, що у москаляхъ були, іноді позиваютця. Не чути у тімъ селі ні якихъ злихъ вчинківъ; не безъ того щобъ яке небудь ледащо не вкинулось у громаду, алежъ за вдиновижу. Горільки не цураютця, за те жъ и гіркихъ пьяничокъ немае. Старенькі люде міні кажали, що Сторожева не багатіе—усе однаковісінька; и справді, не побачишъ ніякихъ будинківъ, якъ у другихъ селахъ; самі хати, хоча село и геть–то простягаетця що–року.

Згадавъ я, що хотівъ побалакати про тутéшне рибальство. Не

геть–то роздобутокъ той користний для селянъ. Знавъ я старенького рибалку; а бувъ вінъ мітець у тімъ ділі; приносить бувало рибу й раки. Отъ разъ и кажу ему:

— »А що голубчику! чи ти таки справді рибалка? тимъ и живешъ?«

— »Який врагъ! це такъ значевья; якъ нема чимъ луччимъ пробуватись, то й за вершу; зъ того, мовлявъ, не розживесся.«

— »А риба водитця у Коломаці?«

— »Водитця, та, бачите, луччі плеса панскі; а було у насъ одно плесо громадське, ми й ловили и бідний бувало покуштуе тіеі риби — по правді було; такъ якось по бумагахъ вийшло що намъ не слідъ риби ловити, а ловили ми у тімъ плесі зъ діда и прадіда; палата й звеліла віддати тее плесо на оренду. Голова й взявъ.«

— »Чи багато–жъ вінъ платить?«

— »Та 10–ть карбованцівъ чи що.«

— »Мабуть и поживу мае?«

— Та вжежъ! не державъ би: трапляетця що й на 50 карбованцівъ продасть.«

— »Полтавські закупають?«

— »Якъ лучитця; що продае на місці, а то частину посилае на обивательскихъ у городъ, що слідуе начальству, чи що.«

— »Оттаке! мабуть погано, якъ усі іли:—нехай одинъ ість.

— »Та кажу–жъ вамъ, що такъ по бумагахъ вийшло; сказано: багатому чортъ дітей колише. Та ще Богу дяка, що голова держить: усе таки й намъ зволяе трохи зъ нашого плеса поживитись; а вже якъ би жидъ заорандарювавъ, то нашимъ бідолахамъ и у велике свято не прийшлось би покуштувати тіеі риби.«

— »Все–жъ таки, хочай небагато тіеі риби у васъ, та якось ви іі ловите... хотилось би знати.«

— »Та ми такъ... по гниловодахъ та по течіяхъ; коли хочете, поідьмо моімъ таки човникомъ, то й побачите.«

Сівъ я зъ тимъ рибалкою у ёго душегубку, та й поіхали. Пристали ми до берега, де росли вільхи; вода промила коріння. Рибалка поштурхавъ *рогулею*, а потімъ спустивъ *підсаку* и витягъ десятківъ зо два раківъ. Биля насъ хлоньята хлюпостадись у воді; я гукнувъ на нихъ.

— »А що ви робите хлопці?«

— »Раківъ видираемо зъ–підъ кручъ.«

— »А що, багато навидирали?«

— »Отъ по торбйнці віднесемо до дому.«

Нехай поласують! — Ідемо далій; маленька течія снує поміжъ очеретомъ; рибалка зупинивъ душегубку.

— »Отце жъ, каже, ми робимо *затинъ* — зъ очерету пускаемо ворітця, а біля нихъ спускаемо у воду вершу противъ води; черезъ день и набіжить окунь и плітка.«

— »А рівчакъ той на–що?«

— »То для вьюнівъ; інколи налізуть ажъ кишять.«

— »Ну, а трапилось тобі, ловити у панськихъ плесахъ?«

— »Чому–жъ? задумае голова поеднатись зъ паномъ, та й наймае насъ зъ тихъ, хто, бачите, кільки–небудь знае те діло; дае намъ по *сёмаку* або по четвертаку, та по три порціи на день, та рибки аби–якоі не боронить на брата по торбиниці.«

—»А коли се бува у васъ?«

—»Більшъ зімнёі доби, якъ річка добре замерзне; першъ рубаемо *ополонки*, та й спускаемо невідъ на *щоглахъ*. Якъ панъ дае свою помічъ, то бере половину риби; а якъ ні, то третю долю. Найгірша біда бувае якъ *засититця* невідъ у *жабурі*, або *кушірі*, або у тихъ проклятихъ *осетиягахъ*; тоді. пропавъ невідъ—тільки шматки виволочишъ.

»А то інколи, дивись, кілокъ або паля, стремить на дні—и не видко; тягнемо мовчки, чуги що й риби вдоволі, а тутъ зразу тпру! ні сюди Микито, ні туди Микито; ми й се, ми й те—и не кажи: держить хтось та й годі! потягнули дужче...трісь! риба шубовсть назадъ у річку; гаспідський кілокъ роспанахавъ сітку відъ краю до краю... тільки й слави, що намерзнемось.«

—»А коли кращі бувають *тоні*?«

—»Не скажу. Отъ тільки я запримітивъ, що якъ люта зіма зъ великими морозами та вітри, и лідъ стане якъ скло, оттóді найвигоднійше рибу ловити. Вона сердешна відъ задухи не зна куди дітись.—Тоді й дітворі лахва: придивитця де риба залягла підъ кригою, та й стане гатити кійкомъ—глушити стало–буть, а потімъ прорубае ополонку и бере руками.»

Літомъ риби у Сторожевій не купишъ, бо людямъ ніколи зъ нею панькатись, за другою нужнішою роботою, а зімою продають ii по 2 и по 3 карбованця за пудъ. Купують пани и жидова, то й перекупки наізжають зъ города. Селяне, якъ бачите, зъ того небагато роздобудуть.

Годі про Сторожеву! Думка така: мандрувати далій—придивитись зблизу по великихъ надворсклянськихъ селахъ до нашихъ крамарівъ, рашівцівъ, гончарівъ або до степовихъ чабанівъ и табунщиківъ на Запорожжі.

Кузьма Шаповалъ.

1) *Рогу́ля*—палиця, на однімъ кінці зроблена вилами, котрою полошять раківъ.

2) *Підса́ка* або *сакъ*—сітка на паляці, которою ловлятъ раківъ; меньша сітка, кругла, інде прозиваетця *хваткою*.

3) *Зату́нъ*—стінка зъ очерету; робитця у водѣ, щобъ зупинити рибу.

4) *Сёмакъ*—20-ть копіёкъ сребр.

5) *Ополонка* або *полонка*—прорубъ на лёду.

6) *Щогла* або *тичка*—довгий дрючокъ, котримъ тягнуть невідъ підъ лёдомъ.

7) *Засититись*—загрузитись у водяныхъ рослинахъ (говоритця про невода́).

8) *Жа́буръ, куширъ, осетня́га*—водяні рослини.

9) *То́ня*—місце для лову риби, скільки неводомъ за одинъ разъ захопишъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

КНИГЪ И ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ,

относящихся до

ЮЖНО-РУССКАГО КРАЯ.

II.

1) Исторія, археологія и біографіи.

(Дополненіе).

93. Письмо Переяславскаго Епископа Іова къ Могилевс. архіепископу Георгію Конисскому, отъ 5 февр. 1775 *Могилев. губ. вѣд.* 1859, 93.

94. Біографіи достопамятныхъ Малороссіянъ. *Черниговской губ. вѣд.* 1860 II.

95. Письмо князя Стурдзы къ Могил. архіепископу Георгію Конисскому, отъ 15 авг. 1794 г. *Могил. губ. вѣд.* 2.

96. Записка преосв. Георгія Конисскаго, касающаяся могилевской семинаріи, писан. 1793 г. *Могил. губ. вѣд.* 1860.

97. Письмо къ преосвящ. Георгію Конисскому 1774 г. Протопопа *І. Голоскевича. Могил. губ. вѣд.* 1860.

98. Письмо перваго Могил. епископа І. Бобриковича, изъ м. Головчина, къ Могил. братству, у котораго онъ проситъ пособія въ своей болѣзни 1635 г. *Могил. губ. вѣд.* 1860.

99. Письмо Полоцкаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго, 1629 г. *Могил. губ. вѣд.* 1860.

100. Жалоба виленскаго духовенства на уніятскаго митрополита Поцѣя и намѣстника его, Рутскаго, за притѣсненіе православія. *Могил. губ. вѣд.* 1860.

101. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній, состоящіе изъ царскихъ грамотъ и другихъ актовъ XV—XVIII стол. *Воронеж. губ. вѣд.* № 1 — 5, 8, 9 11, 1860.

102. Посланіе Кіевскаго Митрополита Іосифа Борецкаго къ Могилевскому братству, отъ 1628 г. *Могил. губ. вѣд.* 1859.

103. Письмо Полоцкаго правосл. архіепископа, Мелетія Смотрицкаго къ Могилевскому братству, отъ 1629 г. *Могил. губ. вѣд.* 1859.

104. Письмо Виктора, епископа Переяславскаго, къ Могилев. архіепископу Георгію Конисскому, отъ 1792 г. *Могил. губ. вѣд.*

105. Матеріалы для исторіи Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи съ 1806—1812. *Бессараб. обл. вѣд.* 1860.

Предисловіе о диванахъ Молдавск. и Валахск. до прибытія сенатора Кушникова и первые годы его президенства.

106. Историческіе матеріалы II. Новая Сербія. *Ф. Вапоновъ. Одесскій Вѣстникъ* 1859.

2) Географія, Топографія, Этнографія и Статистика.

107. О географическомъ положеніи города Харькова. *Прибавленіе къ Харьковскимъ губ. вѣд.* 1859.

108. Записка о топографіи города Харькова, *В. И. Лапшина*. Съ приложеніемъ карты. Харьковъ 1860.

109. Путевое воспоминаніе о Полтавѣ. *М. Максимовичъ Украинецъ* I. 115—122 стр.

(Историческіе факты, относящіеся къ этому городу).

110. Константиноградскій округъ Полтавской губ. *Журналъ Минист. Госуд. Имуществъ.* 1859, 3, стр. 95—125.

111. Пространство Полтавской губ. *Полтавскія губ. вѣд.* 1860.

112. Воспоминаніе о Золотоношѣ, *М. Максимовича Украинецъ*. I. 125—145 стр.

113. О Черниговѣ. *Л. Я. Черниговскія губ. вѣд.* 1859.

(По поводу ст. г. Шамраевскаго, помѣщенной въ 49 № Черниг. губ. вѣд. 1858 г.).

114. Мѣстечко Любечь, *гр. Милорадовича. Черниов. губ. вѣд.* 1859.

115. Село Поноры, Конотопскаго уѣзда. *Ст. Носа. Черниг. губ. вѣд.* 1859.

116. Село Голёнка. Конотопскаго уѣзда, *М. Исаенка. Черниг. губ. вѣд.* 1860.

117. Ейскій округъ, Земли Войска Черноморскаго. *А. П. Русскій Дневникъ.* 1859.

118. Селеніе Куничи. *К. Х. Бессараб. обл. вѣд.* 1860.

119. Очерки Дона, *А. Филонова. Спб.* 1859.

Разборы «Очерковъ» помѣщены въ журналахъ «Свѣточъ» 1860, № 2, стр. 70—73 и въ «Современникѣ». 1859, № 11, стр. 84—97.

120. Старочеркаскъ и его достопримѣчательности, *гр. Левитскаго. Донскія войсков. вѣд.* 1860.

121. Описаніе Каменской станицы. *Б. Донскія войсковыя вѣдомости.* 1860.

122. Обозрѣніе г. Кіева и планъ его. *Д. Т.* Кіевъ. Губерн. тип. 1860.

123. Городъ Новомосковскъ или Самара. *Памятн. книжка Екатеринославской губ.* на 1860.

124. Стайки и Ржищевъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1859.

(Эти два селенія замѣчательны были въ старину какъ укрѣпленныя мѣста надъ Днѣпромъ, о которыхъ весьма часто шло дѣло въ трактатахъ между Россіею и Польшею).

125. Село Великая Половецка. *Г. Ростовицкій. Кіевскія губ. вѣд.* 1859.

126. Село Предславино на р. Лыбеди. *Кіевскія губ. вѣд.* 1859.

Это село находится въ Кіевской губ.; объ немъ упоминается у Нестора.

127. Село Погребы въ Кіевской губ. *Т. Мацьіовичъ. Кіевс. губ. вѣд.* 1859.

128. Васильковскій уѣздъ. Васильковъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

129. Каневскій уѣздъ. Каневъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860, 34, 35 и 36; 10 стр.

130 Мѣстечко Сарны. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

131. Село Лозоватка. *І, А—скій. Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

132. Село Лемеши. *Кобзарь Василенко. Московскія вѣдом.* 1860.

Небольшое село Лемеши, Черниговской губ., Козелецкаго уѣзда—родина гр. Разумовскихъ.

133. Трактомировъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

134. Копачевъ. (Кіевскаго уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

135. Трилісы, (Васильковскаго уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

136. Хвастовъ (Васильковскаго уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

137. Мазепинцы. (Василь. уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

138. Борщаговка (Василь. уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

139. Ольшаница (Василь. уѣзда) *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

140. Богуславъ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

141. Мѣстечко Корсунь. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860.

142. Село Пекари. *Кіевскія губ. вѣд.* 1860. 39 и 3 стр.

143. Очерки нагорной части Крыма. I. *Балаклава* и ея окрестности. *Гр. Карауловъ, Радуга* 1860.

144. Очерки Крыма. *А. Дьяченко.* Лѣсоводство и лѣсныя промыслы въ Крыму. *Листокъ русск. Общ. Парох.* 1860.

145. Изъ разсказовъ старожила о Керчи. *А. Апостоловъ. Полицейскій листокъ Керчь-Еник. градоначальства.* 1860.

146. Очерки Керчи. *В. Игнатьева. Одес. Вѣстникъ.* 1860.

147. Севастопольскій альбомъ, Н. Берга. Москва. 1858.

148. Севастополь въ нынѣшнемъ его состояніи *А. Рудковскій. Листокъ русскаго пароходства.* 1860.

149. Армянскій городъ Григоріополь. *Радуга.* 1860.

150. Еврейская колонія Моргуновка, Херсонской губ. Бобринецкаго уѣзда *А. Леванда. Разсвѣтъ, журналъ русскихъ Евреевъ.* 1860.

151. Мѣстечко Никополь *А. Чирковъ. Листокъ Рус. Общ. Пароходства.* 1860.

152. Станица Николаевка — Новороссійская. *Одесскій Вѣстникъ.* 1859.

153. Черный-Лѣсъ и его окрестности. *А. Иващенковъ. Вѣстникъ И. Рус. Географич. Общества.* 1859.

154. Взглядъ на настоящее положеніе Крыма. *В. Игнатьева Одесскій Вѣстникъ* 1860.

155. Азовскія письма, *И. Кукольника. Сибирскія вѣдомости.* 1860.

156. Замѣтки по случаю войны въ Днѣпровскомъ лиманѣ, въ 1851 и 1855-мъ г. *М. Череповъ. Инженерный. журналъ* 1860.

Здѣсь помѣщена топографія прибрежья Чернаго моря, съ лиманами Днѣпр. и Бугскимъ).

157. Очерки Бессарабіи, *К. Ханацкій, Бессараб. обл. вѣд.* 1860. 16, 17 и 18 стр.

158. О соединеніи Каспійскаго моря съ Чернымъ. *А. Сотниковъ. Эконом. Указатель.* 1858 и 1860.

159. Краткій взглядъ на возможность соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ. *Г. Бергштрессеръ. Астраханскія губ. вѣд.* и *Русскій Инвалидъ.* 1859.

По нѣкоторымъ изслѣдованіямъ мѣстности, авторъ вывелъ предположеніе о возможности, при весеннемъ полноводіи, проѣхать водою чрезъ одно изъ руселъ идущихъ отъ Каспійскаго моря до Азовскаго.

160. О соединеніи Касп. моря съ Азовскимъ. Д—ръ *Бергштрессеръ.* Указатель Полит. Эконом. 1859; Спб. вѣдомости 1859; Экономистъ 1859; Астраханскія губ. вѣдомости 1859 и Морской Сборникъ 1859.

161. О водяномъ пути между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. *Д-ръ Бергштрессеръ. Сѣверная Пчела* 1860 и *Русскій Инвалидъ* 1860.

162. Невозможность соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ водою, *г. Короткевичъ-Почовный. Спб. вѣдомости* 1860.

163. Соленыя озера Таврической губерніи. *И. Комаровъ. Горный журналъ.* 1858.

164. О Куяльникскомъ лиманѣ и объ обращеніи его въ самосадочное соляное озеро. *В. Рожковъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1859.

165. Рѣка Днѣстръ. *В. Скавронскій. Записки Имп. Общества Южной Россіи.* 1859.

166. Описаніе дороги отъ Царицына до Новохоперской крѣпости, составленное въ 1766 г. *Д. Мордовцевъ. Саратовскія губ. вѣд.* 1859, 5 и 6.

167. Воспоминаніе о старой польской границѣ. *Ф. Псевдонимъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860.

168. Черноморскіе козаки въ ихъ гражд. и военномъ быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. Въ 17–ти разсказахъ, съ эпилогомъ, картою и 4-мя рисунками соч. *И. Попки.* Въ 2-хъ ч. Спб. 1858. Въ тип. П. А. Кулиша.

169. Черноморскіе пластуны. *Чтеніе для солдатъ.* 1860.

170. Низовые и Верховые Донскіе казаки. *И. Красновъ. Донскія войск. вѣд.* 1859, 34, 35, 47, 48 и 50; и 1860, 26.

(Эта статья была уже напечатана въ «Военномъ Сборникѣ» 1858 г., но съ измѣненіями и пропусками).

171. 2-й разсказъ Никиты Сливаева (изъ быта донскихъ казаковъ) *П. Сонинъ. Московскій Вѣстникъ.* 1860, 11 и 28.

(Здѣсь описана казацкая свадьба).

172. Нѣсколько словъ о Донскихъ казакахъ и ихъ образованіи. *К. Русскій Инвалидъ.* 1860, 77.

173. Воспоминаніе о Чугуевскихъ козакахъ. *И. Жадановскій. Харьковскія губ. вѣд.* 1859, 19.

174. Разсказы изъ крестьянскаго быта Малороссіянъ. *А. П. Стороженка.* Спб. Въ тип. Н. Греча. 1858.

(О тд. оттискъ изъ «Сѣверной Пчелы 1857 и 1858 г.)

175. Поселяне Воронежской губерніи. *Р. Русскій Художест. Листокъ.* 1850, 34.

176. Харьковскій крестьянинъ. *Гр. Н. Данилевскій. Журналъ Землевладѣльцевъ.* 1858.

177. Кіевскіе богомольцы *П. А. Кулишъ. Народное Чтеніе.* 1857, 2.

178. Картина весны въ Малороссіи. *Часъ досуга.* 9.

179. Замѣтки о повѣрьяхъ Малороссіянъ Суджане. уѣзда. *И. Производитель и Промышленникъ.* 1860.

О домовомъ, вѣдьмѣ, вѣдюкѣ, упырѣ, хованѣ, марѣ, вовколакѣ, лѣшемъ и русалкѣ.

180. Малороссъ въ анекдотахъ про него и въ произведеніяхъ

народной его литературы. *П. Омельяненко. Кіевскій телеграфъ.* 1859; 12 и 14.

181. Батуринъ, мѣстечко Черниг. губ. *М. Исаенко. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 1, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 22.

Исторія. Этнографія (предразсудки и суевѣрія, образцы мѣстнаго нарѣчія, народн. пѣсни, пословицы и поговорки. Статистика.

182. Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и Галицкія приповѣдки. Собралъ *И. Закревскій.* Москва. Въ Университ. тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 139—244. (Помѣщены во 2-й книгѣ: «*Старосвѣтскій бандуриста*».

183. Памятники украинской народной словесности. *Ефименко Черниговскія губ. вѣд.* 1859; 6, 16, 18 и 25.

1) Украинскія пословицы и поговорки, 2) Украинскія обрядныя пѣсни. 3) Украинскія шептанья и замовляныя.

184. Памятники Украинской народной словесности. *П. Ефименко. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 49.

Заговоры отъ зубной боли, на остановленіе крови, и пр.

185. Объ Украинскихъ пословицахъ и поговоркахъ. *А. Тищинскій. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 29.

186. Дополненіе къ украинскимъ пословицамъ и поговоркамъ *П. Ефименко. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 31—33, 38 и 40.

187. Додатокъ до украинскихъ помовокъ та погудокъ. *П. Ефименко. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 23, 24, 25 и 26.

188. Украинскія загадки. *Ст. Носъ. Черниг. губ. вѣд.* 1859, 24.

189. Малорусскія пословицы. *Кіев. губ. вѣд.* 1858, 26.

190. Малороссійскіе бандуристы, (съ картиною). *Русскій Худож. Листокъ.* 1859; 12,

191. Преданія приволжскихъ Малороссіянъ. *И. С. Саратов. губ. вѣд.* 1 59; 28.

192. Преданіе. *Гр. Иваненковъ. Харьков. губ. вѣд.* 1859; 8.

193. 1) Казка про кравця и вовка. 2) Про козла и барана. 3) Можебилиця. *П. Ефименко. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 21.

Записаны въ с. Николаевѣ, Борзенскаго уѣзда; и въ г. Переяславѣ.

194. Смерть. Украинская сказка. *Гр. П. Данилевскій. Подснѣжникъ.* 1859; 9.

195. Украинская сказка про куму, лисицу, пастуха, рыболова, и возницу. *Гр. Данилевскій.* Семейный Иллюстрированный Листокъ. 1859; 7—8.

Объ сказки написаны стихами.

196. Украинскія сказки, *Г. П. Данилевскій. Русскій Вѣстникъ.* 1858; 1, 2, 3.

197. Бѣсы. украинская сказка. *Г. П. Данилевскій. Рус. Вѣстникъ* 1858.

198. Разсказъ объ ужѣ. *П. Томинъ. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 22.

199. Четыре варіанта малорусскихъ сказокъ. *Малорус. Литерат. Сборникъ.* Саратовъ. 1859.

1) Охъ. 2) Коза–дереза. 3) Казка про Ивашечка и про відьму и 4) Казка про королеву Катерину.

200. Нѣсколько словъ о малороссійскихъ сказкахъ. Ст. *А. Шишацкаго Иллита.* (Изъ № 21 *Черниг. губ. вѣд.* Черниговъ. 1859).

201. Преданія о кладахъ. Матеріалы для исторіи Новороссійскаго края. *Ф. Воропоновъ. Одес. Вѣстникъ* 1860; 167.

202. Народныя пѣсни собранныя въ западной части Волынской губерніи въ 1844 г. *П. П. Костомаровымъ, Малорусск. Литерат. Сборникъ.* Саратовъ. 1859.

203. Народныя пѣсни, подобранныя *П. Кулишемъ. Народное Чтеніе.* 1859; 2.

204. Сказки и предразсудки Полѣскаго народа. *Волынскія губ. вѣд.* 1859; 20 и 37.

205. Свадьба на Полѣсьѣ. *Кіевскій Телеграфъ.* 1859; 19, 20 и 25.

206. Замѣчаніе на статью: «Мужицьке весилье» *Гр. Кульжинскій Кіевскія губ. вѣд.* 1859, 7.

207. О малороссійской свадьбѣ. *К. Непытайенко. Кіевскія губ. вѣд.* 1859, 10.

Замѣчаніе на статью Кульжинскаго.

208. Свадебные обряды Малороссіянъ. *Полтавск. губ. вѣд.* 1859; 31—34.

209. Разсказы о кладахъ. *М. Исаенко. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 51.

210. Легенды и повѣрья Украинскаго народа. *А. Новосельскаго. Кіевскій Телеграфъ.* 1860; 75, 76 и 77.

211. Погане поле. Легенда *П. К.—ко. Черниов. губ. вѣд.* 1860, 29; 2 стр.

Урочище «Погане поле» находится на границѣ Нѣжинскаго и Козелецкаго уѣздовъ.

212. Крещатый дубъ. Преданіе. *М. Исаенко. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 38.

213. Пѣсни, записанныя въ м. Олишевкѣ (Козелецкаго уѣзда). *Д. Лавриненко. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 49, 50.

214. Коляда *С. Микуцкій. Виленск. Вѣстникъ.* 1860, 37.

Выписка изъ соч. Glossarium mediae et infimae Latinitatis, etc. Ducange, которою доказывается ошибочность мнѣнія многихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Шафарика, что Коляда есть словянское божество.

215. О волкахъ и волчьемъ богѣ Полисунѣ. *П. Ефименко. Черниов. губ. вѣд.* 1859; 23.

216. Разсказы про Полісуна. *А. Тищинскій. Черниов. губ. вѣд.* 1859, 38.

217. Разсказъ о Лісунѣ (Записанъ *М. Исаенко* въ Батуринѣ). *Черниов. губ. вѣд.* 1860; 28, 2 стр.

218. Народный бытъ Волынскаго Полѣсья. *Волынск. губ. вѣд.* 1859; 15—20.

219. Бытъ Подолянъ. Изд. *К. Шейковскаго.* Т. 1-й вып. 1-й и 2-й. Кіевъ. Тип. И. и *А. Давыденко.* 1860.

Разборъ помѣщенъ въ «Современникѣ» 1860 г. № 9.

220. О суевѣріяхъ, встрѣчаемыхъ на праздникъ Рождества Христова въ Кіевскомъ уѣздѣ. *Вас. Сикачинскій. Кіевскія губ. вѣд.* 1860; 30.

221. О похоронахъ въ Подольской губ. *К. Шейковскій. Кіевскій Телеграфъ.* 1860; 24, 25, 26.

222. Народные музыкальные инструменты въ Россіи. Русск. Худож. Листокъ. 1860.

223. Село Лютежъ. П..... *Кіевскія губ. вѣд.* 1859, 12.

224. Мѣстечко Екатеринополь. (Калиболото-тожъ) *К. Петрушевскій Кіевскія, губ. вѣд.* 1859; 5.

225. Село Водотые. *П. Сенаторскій. Кіевскія губ. вѣд.* 1859; 20.

226. Хозяйственный и нравственный бытъ колонистовъ Маріупольскаго округа. *И. Рачинскій. Экономическія Записки.* 1859; 7 и 18.

227. Очерки хозяйственнаго быта въ Новороссіи. *Д. Георгіевскій. Русскій Дневникъ.* № 59, 65 и 66.
1) Чумаки. 2) Вольные косари въ степяхъ.

228. О рабочихъ въ степяхъ Крыма. *Таврическія губ. вѣд.* 1859; 12.

229. Бюджетъ рабочаго въ Одессѣ. *П. З. Одесскій Вѣстникъ.* 1858, 7.

230. О захожихъ рабочихъ въ Херсонской губ. *Я. Грудзино, Земледѣльч. газета.* 1858; 34 и 35.

231. Переселеніе Крымскихъ татаръ. *И. Щербань. Русскій Вѣстникъ.* 1860; 23—24.

232. Бѣглыя замѣтки на пути по Малороссіи. *А. Чужбинскій. Сѣв. Пчела.* 1860; 288.

233. Евреи въ Харьковѣ. *В. Крѣпостинцъ. Прибавл. къ Харьк. губ. вѣд.* 1860; 10.

234. Объясненіе по поводу статьи г. М. Д. «Гоненія Евреевъ въ Одессѣ». *Палеологъ. Русскій Міръ.* 1860; 11.

235. Поѣздка по низовьямъ Днѣпра. *А. Афонасьевъ-Чужбинскій. Морской Сборникъ.* 1858; 2, 8, 9 и 11;—1859; 2, 4, 7, 8 и 11;—1860; 9.
1) Правый берегъ. 2) Отъ Мѣловой до Берислава. 3) Отъ Берислава до Херсона. 4) Херсонъ лѣвый берегъ. 5) Отъ Каменки до Алешекъ. 6) Лиманъ и его окрестности.

236. Въ Кіевъ и обратно. *В. Михайловъ. Русскій Худож. Листокъ.* 1860; 12 и 17.

237. Сагайдаки. *А. Перелешинъ. Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общества.* 1859; 10.

Сагайдаками называются въ Малороссіи, въ Воронежской, Курской и Харьковской губ.—дороги.

238. Пути Сообщенія въ Херсонской губ. *А. Шмитъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 26 и 29.

239. Отъ Ставрополя на Донъ. *И. В. Русскій Дневникъ.* 1859; 88.

240. Съ дороги. Донъ и Волга. *Ж. С.-пбургскія Вѣдомости.* 1860; 121.

241. Ростовъ и Таганрогъ. Замѣтки туриста. Кн. *М. Г. Голицынъ. Библіотека для чтенія.* 1859.

242. Путевыя замѣтки въ Крыму въ 1857 г. *В. Назарьевъ. Иллюстрація.* 1859; 58, 59, 61—64.

243. Нѣсколько словъ о дорогѣ изъ Петербурга въ Таганрогъ. *А. Б—ко. Сѣв. Пчела.* 1860; 281.

244. Замѣтки по Бессарабіи. К. Х. *Бессараб. област. вѣд.* 1860.

245. Замѣтки по Бессарабіи. г. Бѣльцы. *К. Х. Бессараб. обл. вѣд.* 1860; 31.

246. Воспоминаніе прогулки по Бессарабскимъ монастырямъ. *В. Шостакъ Бессараб. губ. вѣд.* 1860; 42.

247. Изъ Канева въ Чигиринъ и обратно *М. Александровичъ. Черниов. губ. вѣд.* 1860; 30—34.

248. Письма съ Юга. *А. Николичъ. Семейный Кругъ.* 1860; 18.

Отъ Харькова до Керчи. Керчь. Одесса. Мартыновъ. Воскр. школы въ Керчи.

249. Четыре дня на Азовскомъ морѣ. *И. В.* (Изъ дорожныхъ записокъ). *Новороссійскій Сборникъ.* 1859.

250. На почтовой дорогѣ въ Малороссіи. *П. Кулишъ. Искра.* 1860; 49.

251. Нѣсколько словъ о плаваніи по Днѣпру. *И. Мунтяновъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 137.

252. Дорожныя записки. *А. Чужбинскій. Русское Слово.* 1860; 1, 8.

Плаваніе по Черному и Азовскому морямъ.

253. Два мѣсяца въ Малороссіи. *К. Козловскій. Оберточный Листокъ.* 1860; 49.

254. По пути изъ Одессы въ Кіевъ. *Д—ій. Одесскій Вѣстникъ.* 1859; 72 и 76.

255. Отъ С.-Петербурга до Одессы. *Сѣверная Пчела.* 1859; 222.

256. Замѣтки на пути изъ Одессы въ Тифлисъ. *И—ъ. Южный Сборникъ.* 1859; 8, 9.

257. Путевыя замѣтки. *С. Толмачевъ. Производитель и промышленникъ.* 1860; 28.

Изъ путешествія по Новороссіи.

258. Путевыя замѣтки отъ Кишинева до Одессы. *К. Ханацкій. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 14—и *Бессарабскія обл. вѣд.* 1860; 25, 26, 27 и 50.

259. Походныя письма ополченца изъ южной Бессарабіи 1855—1856 г. *А. В. Рачинскаго.* Москва. Въ тип. А. Семена. 1858. (Изъ Русской Бесѣды, № 2, 1858 г.).

---

260. Статистическое описаніе Харьковской губ. *Г. Турбинъ. Харьков. губ. вѣд.* 1860; 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 47—52.

261. Историко-статистическое описаніе г. Харькова. *И. Кованко. Прибавл. къ Харьков. губ. вѣд.* 1859.

262. Статистическія свѣдѣнія о Черниговской губ. *Черниго. губ. вѣд.* 1860; 32. О народонаселеніи губ. за 1859 г.

263. Народонаселеніе Полтавской губ. и ея городовъ въ 1858 по 10-й народн. переписи. *Полтав. губ. вѣд.* 1859. 4, 15, 16.

264. Движеніе народонаселенія въ Полтавской губ. въ 1859 году. *Полтав. губ. вѣд.* 1860; 50, 51.

265. Число жителей Полтавской губ. въ 1858 г. *Полтав. губ. вѣд.* 1859; 47.

266. Число православныхъ церквей въ Полтавской губ. въ 1858 г. *Полтав. губ. вѣд.* 1859; 47.

267. Заводы и фабрики въ Полтавской губ. въ 1858 г. *Полтавск. губ. вѣд.* 1859; 48.

268. Число купеческихъ капиталовъ, объявленныхъ въ Полтавской губ. въ 1858 г. *Полтав. губ. вѣд.* 1859; 49.

269. Статистическое обозрѣніе Судачской долины. *А. Д. Листокъ Русскаго Общества Пароход.* 1860.

270. Опытъ статистическаго описанія городовъ Бессарабіи (Хотинъ) *А. Защука. Бессараб. обл. вѣд.* 1860. 48, 49.

271. Отрывки изъ статист. описанія Херсонской губ. и Одесск. градонач. *А. Шмитъ.* Одесса. 1860.

272. Роспись въ алфавитномъ порядкѣ съ уѣзднымъ городомъ, селъ и деревень, находящ. въ Васильковскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. *Кіевскія губ. вѣд.* 1859; 11, 15, 24 и 25.

273. Возможность скораго заселенія Крыма. *Фр. Д—скій. Одесскій Вѣстникъ*, 33.

274. Статистическое описаніе села Ярославичь, Дубенскаго уѣзда. *Волынскія губ. вѣд.* 1859.

275. Статистическое описаніе Заславскаго уѣзда. *Волынскія губ. вѣд.* 1859; 40, 41, 42, 44, 45, 46, 49.

276. Нѣсколько свѣдѣній о Житомирѣ. *Экономистъ I.*

277. Статистическое описаніе Новоградволынскаго уѣзда. *Волынскія губ. вѣд.* 4.

278. Статистическіе труды *И. Ѳ. Штукенберга.* изд. его сыномъ *А. Штукенбергомъ.* Спб. 1858.

279. Населеніе Новороссіи. *А. А. Скальковскій. Экономистъ.* 1858. I.

280. Изъ военно-статистическаго описанія Новороссійскаго края. *Русскій Инвалидъ.* 1858; 41 и 57.

281. Краткое описаніе Таврической губ. *Б. Бассалъ. Записки Имп. Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.* 10 и 11.

282. Статистическое обозрѣніе Екатеринославской губ. *Памятная книжка Екатеринославской губ.* на 1860.

283. Матеріалы для статистики Подольской губ. *Памятная книжка Подольской губ.* за 1859.

284. Село Нападовка. *Кіевскія губ. вѣд.* 1859, 9.

285. Статистическое описаніе города Алешекъ. *А. Чириковъ. Листокъ Русскаго Общ. пароходства.* 1860. 62.

286. Мѣстечко Никополь. (Статистическое описаніе). *Листокъ Русскаго Общ. Пароходства.* 1860. 65.

287. Харьковъ и Воронежъ. *С. Соколовъ. Производитель и Промышленникъ.* 1860. 40.

288. Одесская торговля. *А. Скальковскій. Экономическій Указатель.* 1858. 4. *и Земледельческая Газета.* 1858. 10.

289. Одесская торговля въ 1857. *Одесскій Вѣстникъ* 1858 39 и 40.

290. О табачной промышленности въ Сорокскомъ уѣздѣ. *Одесскій Вѣстникъ* 1858. 43.

291. Крымскія Каменоломни Тюринъ. *Морской Сборникъ.* 1858; 7 и 8.

292. Заграничная торговля Азовскаго бассейна въ 1858 году. *А. А. Скальковскій. Русскій Дневникъ* 7.

293. Объ Азовскомъ морѣ, *Соковнинъ. Экономическій Указатель.* 1858; 28.

294. Объ Азовскомъ морѣ. *Ал. Д. О. Петербургскія вѣд.* 268.

295. О Херсонской торговлѣ. *М. Чудновскій. Одесскій Вѣстникъ.* 1858; 46.

296. Заграничная торговля Черноморскаго бассейна. *А. Скальковскій. Промышленный листокъ.* 1888. 36 и 37.

297. Заграничная торговля Новороссійскаго края. *А. Скальковскій. Промышленный листокъ.* 1858; 32, 33 и 46.

298. Историческій очеркъ торговли Новороссійскаго края, за послѣднее время. 1856—58 г. *И. Сокальскій. Одесскій Вѣстникъ* 1859; 1, 2, 3 и 5.

299. О торговыхъ оборотахъ города Оеодосіи. *Таврическія губ. вѣдомости.* 1859.

300. Краткій очеркъ торговой дѣятельности въ Курской губ. *Памятная книжка Курской губ.* на 1860 г.

301. О каменноугольной промышленности въ Новороссійскомъ краѣ. *Журналъ Министр. Вн. Дѣлъ.* 1858, 1. (Изъ Одесскаго Вѣстника).

302. Обзоръ судоходства и пароходства по Днѣпру. *Москов. вѣдомости.* 1858. 41.

303. Замѣтки о плаваніи иностранныхъ и русскихъ каботажныхъ судовъ въ Азовскомъ морѣ. *К. Гр. Спб. вѣд.* 95 и *Таврическія губ. вѣд.* 15.

304. О каботажномъ судоходствѣ въ Азовскомъ морѣ. *И. Б—нъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1858; 51.

305. Обзоръ судоходства по Днѣпру. *Коммерческая газета.* 1858; 90.

306. Обзоръ судоходства и пароходства по р. Днѣпру и его притокамъ. Спб. 1858.

307. Донъ и Волга. Новые пути сообщенія между югозападомъ и востокомъ Россіи. *А. Скальковскій* Одесса. 1858.

308. Картины судоходства по Медвѣдицѣ и по Дону. *Д. Мордовцевъ. Памятная книжка Саратовской губ.*

309. Табаководство въ Полтавской губ. *Полтав. губ. вѣд.* и *Производитель и Промышленникъ.* 1860; 39 и 40.

310. Документы, относящ. до хлѣбной торговли Новорос. края. *Скальковскій. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 16.

311. По поводу хлѣбной торговли на югѣ Россіи. *Сѣверная Пчела.* 1860; 125.

Отвѣтъ г. помѣщику М. Антонову въ 68 №. Спбург. вѣдом.

312. Чумацкій извозъ въ Одессу. *Одесск. Вѣсти.* 1860; 51.

313. О сельдяномъ промыслѣ въ Новорос. краѣ. *А. Скальковскій. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 24.

314. Нѣсколько словъ о шелководствѣ на югѣ Россіи. *П. Бефани. Одес. Вѣсти.* 1860; 23, 1 ст.

315. Каменно-угольная промышленность на югѣ Россіи. *Одес. Вѣсти.* 1860; 7.

316. Движеніе судоходства на р. Днѣстрѣ въ 1859 г. *А. Мелиховъ. Листокъ Пароходства.* 1860; 23.

317. Списокъ свеклосахарнымъ заводамъ въ губ. Кіевской, Черниговской, Полтавской, Волынской и Подольской. *Кіевскія губ. вѣд.* 19, 20.

318. О свеклосахарныхъ заводахъ Кіевской губ. *И. Рахманиновъ. Кіевскія губ. вѣд.* 1859; 1 и 2.

319. Промышленность Суджанскаго уѣзда Курской губ. Производитель и Промышленникъ. 41—43 и *Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ*, 8.

320. О свеклосахарной промышленности въ Кіевской губ. *Коммерческая газета.* 1858, 13.

321. О соляной промышленности въ Крыму. *А. Джіоти. Одесскій Вѣстникъ* 1859, 135.

322. О торговлѣ саломъ въ Екатеринославлѣ. *М. С–й. Промышленный Листокъ*. 1858, 44.

323. Статистическій очеркъ мѣстъ нахожденія, добыванія и доставки къ мѣстамъ построекъ строительныхъ матеріаловъ; употребляемыхъ въ Таврической губ. *Соханскій. Журналъ Гл. Управ. Пут. Сообщенія съ картой*. 1859, 2.

324. Свѣдѣнія о Покровской ярмаркѣ въ Харьковѣ, въ 1860 г. *Вольфъ Иткинъ. Прибавленія къ Харьков. губ. вѣд*. 1860 110.

325. Замѣтки объ Ильинской ярмаркѣ въ Полтавѣ. *Р. Сыромятниковъ. Акціонеръ*. 1860; 47.

326. Статистическое описаніе Никольской Баховской ярмарки. *Листокъ Русскаго Общества. Пароходства и Торговли*. 1860; 75.

327. Ростовъ на Дону. *Производитель и Промышленникъ*. 1859; 15.

328. О торговлѣ крымскою мерлушкою. *Сѣверная Пчела*. 1860; 184.

329. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ. *И. Аксаковъ*. Спб. 1858.

330. Выписка ярмаркамъ, существующимъ по Войску Донскому. *Донскія войсковыя вѣдомости*. 1859; 33.

331. Крещенская ярмарка въ 1859 г. въ Харьковѣ. *Вольфъ Иткинъ. Прибавленіе къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ*. 1859 г.

332. Украинскія ярмарки. *К. С. Аксаковъ. Русская Бесѣда*. 1858; 2.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

№ XX.—Деревянныя ворота, снятыя мною съ натуры въ старинномъ мѣстечкѣ *Седневѣ*, въ 25 верстахъ отъ Чернигова. На воротахъ надпись: *Созданы быша врата си на 1763 году, мѣсяца октоврія 23 дня*. Надпись эта вырѣзана въ деревѣ.—Ворота эти, къ сожалѣнію, уже полуразрушены; по остаткамъ видно, что на нихъ была крыша, но какая именно, деревянная или соломенная—не знаю.

№ XXI.—Лірникъ Дмитро Погорілий, съ рисунка П. А. Кулиша. Съ удовольствіемъ помѣщаю здѣсь нѣсколько словъ о немъ, сообщенныхъ мнѣ П. А. Кулишомъ.

»Встрѣтился я съ нимъ въ Звенигородкѣ на улицѣ—какъ обыкновенно бываетъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ—безлюдной и молчаливой. Онъ былъ слѣпъ и шелъ съ поводыремъ.

— Здоро́въ, брате! сказалъ я.

— Добри́день, па́не! отвѣчалъ онъ.

— Почімъ же ти зна́ешъ, що я панъ?

— Чу́ю, отвѣчалъ коротко Дмитро.

— Ні, бра́те, сказалъ я, сдѣлавъ знакъ молчанія поводырю:—я не панъ, я такий же про́стий чоловікъ, якъ и ти.

Дмитро́ молчалъ.

— Де твоя́ ха́та? спросилъ я.

— Онъ–тамъ, за рівчако́мъ.

Дмитро показалъ рукою.

— Ходімъ до те́бе въ ха́ту,—загра́й та заспіва́й міні.

— Ходімъ, па́не, коли́ ваша ми́лость.

— Не зови́ мене́, бра́тіку, па́номъ: я сёго не люблю́, бо я таки́й же панъ, якъ и ти.

— То якъ же вашу ми́лость величáти?

Къ моему сожалѣнію, Дмитро со мной дѣлался все учтиве. нѣеучтивѣ

— Да яка́ тутъ ми́лость, Богъ съ тобо́ю! сказалъ я, плохо играя свою роль: я тогда еще не умѣлъ говорить съ простымъ народомъ, и потому запугивалъ нищаго, самъ не понимая, чѣмъ. — Зови́ мене́, коли́ хо́чешъ, Панько́мъ. А тебе́ якъ зову́ть?

— Дмитро́мъ, па́не, Дмитро́ Погорі́лий.

Такимъ образомъ Дмитро, умышленно, или по привычкѣ, ставилъ слово *панъ* между собой и мною, какъ непереходимую для насъ обоихъ пропасть. Мнѣ сдѣлалось больно за тотъ слой общества, къ которому онъ меня такъ-сказать отталкивалъ. Но я не сомнѣвался, что Дмитро будетъ мой.

Хата у него была самая жалкая, — тѣмъ болѣе, что на всемъ видно было отсутствіе женскихъ рукъ. Мы застали въ ней его товарища, такого жъ, какъ и онъ, безроднаго бѣдняка-лирника. Ихъ заботы о томъ, чтобы меня накормить, какъ гостя, тронули меня. У нихъ оказались очень вкусные соленые огурцы въ деревянномъ ведрѣ и ломти хлѣба изъ разныхъ печей. Молодость и прогулка по неровной мѣстности Звенигородки возбудили мой аппетитъ. Мы втроемъ принялись завтракать посреди рушащихся бревенчатыхъ стѣнъ, точно въ комфортномъ домѣ. Проворный поводырь въ одну минуту притащилъ, по моей просьбѣ, водки. Какъ говорится, ледъ былъ сломанъ,— бесѣда закипѣла, полились рѣкой гайдамацкія пѣсни. Дмитро Погорѣлый, какъ видно и по набросанному мною съ натуры портрету, понравился мнѣ съ перваго взгляда гайдамацкою своею наружностію. Недѣли съ двѣ не бритая борода очень шла къ его дикимъ и вмѣстѣ простодушнымъ чертамъ. Онъ, вѣроятно, не счелъ бы для себя грѣхомъ поступить съ Ляхами и Жидами такъ, какъ поступали, въ свое время, герои его разсказовъ. Это былъ необтершійся еще въ новой жизни осколокъ прежняго вѣка. О самыхъ невѣроятныхъ вещахъ (см. *Записки о Южной Руси*, I, стр. 93) онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ-будто это случилось передъ его глазами (которые, къ сожалѣнію, были слѣпы). Пѣлъ онъ съ энтузіазмомъ и съ такою выразительностію, какъ-будто и содержаніе пѣсни и напѣвъ были его созданіе. Почти каждую пѣсню сопровождалъ онъ объясненіями, которыя сто́ило записать всѣ. Языкъ его разсказовъ былъ превосходный. Я очень полюбилъ Дмитра; а онъ ужъ больше не называлъ меня паномъ и говорилъ мнѣ—*ты*. Не смотря на это, онъ раза два замолкалъ, качалъ значительно головой и говорилъ:

— Ой, не прóстий ти чоловікъ!.. Знáю я, хто ти: мóже, твоя́ паніматка въ золотóму палáцу сидúть.

— Нехáй же вонá собі тамъ сидúть, отвѣчалъ я, — а ми вúпъемо по чáрці та заспівáемо щó про Максúма Залізнякá.

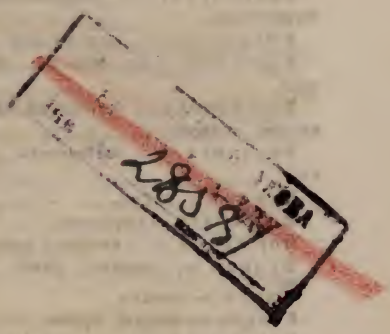
Во время моихъ странствованій по убогимъ хатамъ, всего больше я располагалъ простой народъ въ свою пользу тѣмъ, что пѣлъ или читалъ наизусть множество народныхъ пѣсень. Этотъ запасъ знанія, усвоенный мною еще съ неграмотнаго моего дѣтства, помогъ мнѣ сойтись и съ Дмитромъ Погорѣлымъ. Онъ, съ наивностію горячаго сердца, предлагалъ мнѣ идти и ѣхать со мной куда-угодно, такъ-что ставилъ меня даже въ нѣкоторое затрудненіе своею преданностію. Къ сожалѣнію, это была одна изъ первыхъ моихъ встрѣчъ въ такомъ родѣ. Мнѣ казалось, что я найду множество подобныхъ личностей, углубясь больше въ Задѣпровскую Украину, и я разстался съ нимъ навсегда послѣ первой бесѣды.

№ XXII.—Мѣщанка Полтавской губ., гравирована мною съ рисунка И. И. Соколова.

№ XXIII.—Дѣвушка Полтавской губ.,—тоже съ рисунка И. И. Соколова.

№ XXIV.—Видъ снятый съ натуры, въ одной изъ станицъ Черноморія, А. Е. Бейдеманомъ,—изъ этого рисунка можно видѣть до какой степени наружный видъ жилья въ Черноморіи сохранилъ свой первобытный, малороссійскій характеръ.

Л. Ж.



ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 11-Й И 12-ОЙ КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ба́вити — забавлять.
Ба́нька — стеклянный шаръ, которымъ выглаживаются памятки; глаза́.
Балаба́нъ — (купанье) — пышки.
Балаку́чий — говорливый.
Беркицутись — упасть, опрокинуться, перекувыркнуться.
Биши́ха — (болѣзнь) рожа.
Брузуме́нтъ — позументъ.
Бундю́читьця — дуться; сердиться.
Бурха́ти — порывисто, сильно дуть (о вѣтрѣ).
Бухи́нка — булка хлѣба.

Варня́кати — говорить невнятно и безтолку.
Вглы́бшки (нарѣчіе) — глубиною.
Вдряпну́ти — оцарапнуть.
Вели́чня — величественная, пышная.
Ви́годувати — выкормить; воспитать.
Випру́чуватись — вырываться; освобождаться.
Ви́ткнутись — высунуться.
Відхо́жий — на выходѣ, прощальный.
Вісьмири́къ — жерновой камень въ восемь четвертей.
Ви́хопитись — выскочить; вырваться.
Вкруть — круто.
Вко́ськати — упросить.
Воріче́чка — (уменьш.) ворота.
Ву́ликъ — (уменьш.) улей.

Гартъ — зака́лъ.
Ге́тьте — подите прочь.
Гіллі́чка — (уменьш.) вѣтка.
Гнатъ — Игнатъ.
Гомі́лка — голень.
Горпи́на — Агрипина.
Гря́хнути — грохнуть.
Гуна́, (луна́) — эхо.
Gирлы́ga — пастушескій посохъ съ шишкой или крюкомъ на одномъ концѣ.

Да́лібі, далебі́ — ей-Богу.
Джирча́ти — дребезжать.
Дія — дѣйствіе; дѣяніе.
Довже́зний — очень длинный.
Доку́чува́ти — паскучать.
До́лі — на землѣ; на полу.
Дома́ха — Домна.
Домонта́рь — доможилъ.
До горы́ (нога́ми) — вверхъ (ногами).
До ру́къ (пода́ти) — отдать въ руки.
Драпіка — (бранн. слово) обдирало.
Дроковы́ця — жаркое время, когда скотъ дрочится, бѣсится.

Жене́ — гонить.
Женётця — гонится.
Жижки́ — подколѣнныя жилы.

Зато́го — скоро, вотъ-вотъ.
Завійна (болѣзнь) — сильная рѣзь въ животѣ.
Законотіти — топать на бѣгу ногами.
Зачі́дити — ударить; хватить.
Защіпнутий — застегнутый.
Зва́житись — отважиться.
Звідкіля́ — откудова.
Зgе́дзкатись — закапризиться.
Зжоло́бити — скорчить.
Змісти́тьця — вмѣститься.
Зіпха́ти — спихнуть; сбить.

Ильѣко́ — Илья.
Зупо́лний — полный.

Іжа́ — пища.

Ка́пость — пакость.
Капшу́къ — кошелекъ; кисетъ.
Ква́ша — вареное жидкое тѣсто.
Кесе́тина — кисетъ.
Кинджя́къ — лента.
Кінъ, род. кона — сцена.

Кі́ива — кружка.
Кі́тиця — кисть.
Клубъ — вертлугъ (круглая часть, конецъ сурели).
Ко́дло — родъ, порода.
Коми́зитись — сердиться; капризничать.
Ку́блитись — гнѣздиться, умащиваться.
Комонникъ — конный ѣздокъ.
Контентува́тись — угощаться.
Кора́лі — коралы.
Криниъ — растеніе.
Куди́сь — куда-то.
Кубло́ — логовище въ сѣнѣ или соломѣ.
Кукульва́нъ — дурманъ.
Ку́ра — пыль, курево.
Ку́рячий — куриный.
Кули́на — Акулина.
Куншта́ція — штуки. хитрости, искуство.

Лата́ттс — растеніе.
Лашту́нки — лѣса; деревяныя подмостки, для устройства чего-либо.
Ле́щата — тиски, раскепъ для выглаживанія ремней.
Лемента́рь (реймента́рь) — начальникъ отряда.
Литки́ — икры.
Липівка — кадка, сдѣланная изъ цѣльнаго дерева, преимущественно изъ липы.
Лю́тий — февраль.
Ля́лька — кукла; игрушка.

Мамій — матушкинъ сынокъ.
Мару́шка — Марья.
Ма́нька — Машенька, Марфуша, душенька (въ переноси. смыслѣ, ласкательное).
Марю́ка — (увелич.) привидѣніе.
Ме́нія — имя.
Ми́мрити—подъ носъ, невнятно говорить.
Млинці — блины.
Мля́вий — слабый; разслабленный; несносливый
Мовчязли́вий —молчаливый.
Моло́діжъ — молодёжъ.
Му́литись — жаться; мяться; соглашаться какъ-бы нехотя
Мяке́нький — (уменьш.) мягкій.

Навпо́слі — послѣ: потомъ.
Нащадокъ — потомство.
На́дібокъ — дерево, подготовленное для подѣлокъ.
На-вспра́жки — въ самомъ дѣлѣ.
Настроми́ти — наткнуть; надѣть.
Навтікача́ — бѣго́мъ; убѣжать.
Намо́нятись — (переноси.) напиться до-пьяна.
Неприторе́ний — не-натершійся (въ свѣтѣ, въ жизни. въ обычаяхъ).
Не впо́мку — не вспомнить мнѣ.
Нехлю́я — (брашное слово) неряха.

Одрізни́тись — отдѣлиться, отрозниться.
Обликъ — обличье — лицо; очеркъ лица.
Обіхідка — (на обіхідку) текущій расходъ.
Окульба́чити — осѣдлать.
Опини́тись — очутиться.
Ори́шка — Ирина.
Ори́нка — Ирина.
Ось-якъ! — а вотъ какъ!
Отютя́нтъ — адъютантъ.
Оцюди́ — вотъ сюда.
Очи́ці — глазки.
Ощадокъ — остатокъ.
О-що! — вотъ-что!

Паше́нна я́ма — ссыпная хлѣбная яма.
Пита́нне — вопросъ.
Підвечі́ркувати — поздно полдничать.
Підка́нокъ — черпеча камилавка.
Підсковзну́тись — поскользнуться.
Пірьячко — пёрушки.
Плига́ти — прыгать.
По́бить — быть.
Подві́дчикъ — подводчикъ.
Подиха́ти — дуть; повѣвать.
По́дря́пати — поцарапать.
Посу́ха — засуха.
Позіха́ти — зѣвать.
Цо́ква́питись — польститься.
Поквб́ломъ — потихоньку; съ нѣкоторою важностью.
По́кіль — покуда; пока; покамѣсть.
Пола́—въ вісімъ пілъ—въ восемъ полотницъ.
Полуни́ця — степная клубника.
Пол-чварта — три съ половиною.
Попполотні́ти — поблѣдѣть, побѣлѣть какъ полотно.
Попполо́хати — спугнуть; встревожить.
Посвари́тись — погрозиться; поссориться.
Пошти́во — учтиво; почтительно.
По́чи́тувати — почитать; помнить въ церкви.
Почерзі — по-очереди.
Приги́бити — притронуться къ чаркѣ губами.
Притёпатись — прибрести.

Прицу́цуватий—глуповатый.
Причепе́нда — придирчивый.
Пріська — Аѳросинья.
Пристру́нчити — приструнить; напугать.
Про́бі! — ради Бога, помогите!
Прогайнува́ти — промотать.
Прозі́рний — прозрачный свѣтлый.
Проковну́ти — проглотить.
Пухки́й — мягкій какъ пухъ.
Пшоня́ний — пшенный.

Ра́ніщній — утренній.
Ре́петъ—крикъ; шумъ.
Розбу́ркатись — проснуться, очнуться.
Роздима́ти — розлувать.
Роздобу́ти — добыть; пріобрѣсть.
Розло́гий—обширный.
Ро́змиръ — разрывъ.
Розчуру́пати — разобрать; понять: розслышать.
Розтрощи́ти — раздавить; роздробить.

Самоту́жки (везти)—на себѣ(везти).
Середу-дня́ — среди-дня.
Си́рно—маленькій низенькій столикъ, употребляемый въ землянкахъ; сидятъ у него на землѣ.
Скатерти́на (уменьш.)—скатерть.
Скота́рство — скотоводство.
Сму́га — полоса
Соло́ха — Соломонида.
Спра́вдитись — исполниться.
Стидки́й — безстыдный.
Суре́лі — ляшки.
Су́тозоло́тий — обильно-золотой.

Таганóкъ — треножникъ, на которомъ вѣшается котелъ.
Таджéжъ — ну,—да.
Тиліпа́тись — мотаться.
Ти́рло — сбойное мѣсто, на которомъ почевали овцы.
Тирка́тий — (пѣвень).
Товкува́ти — толковать; говорить.
Товче́никъ—(въ переносномъ смыслѣ) тумакъ.
Торохтíйка — говорливая женщина.
Трішечки — (уменьш.) —немножко.
Тря́сця — лихорадка.
Ту́ркотъ —хохлатый голубъ.
Тю́тьки — не вдогадъ.

Узликъ — узелъ.
Уразливо — язвительно, больно.
Уразли́вий — раздражительный.
Устоньки —(уменьш.) уста; губки.

Хи́жа —часть хаты.
Харко́ — Захаръ, Харитонъ.
Хве́ська — Ѳеодосія

Цвíгати — (переносн.) бить.
Цвіркýнъ — свер чокъ

Шавлія — шалфей.
Ше́вський — сапожницкій.
Широче́нний — очень широкій.
Шкульга́ти — прихрамывать.
Штимъ — холка.
Штимова́та вівця — овца съ стоячею шерстью.
Шморгну́ти — дёрнуть, шмигнуть.
Шпáрко — рѣзко; скоро.
Шугу́нути —полетѣть.
Щóглі — высокія стоячія бревна; мачты.

Якóсь — какъ-то.
Яцько́ — Яковъ.
Ярочко́вий — поярчатый.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

К. В. Шейкіси, заявовившій о своихъ занятіяхъ украинскою этнографіею изданіемъ »*Быта Подолянъ*«, началъ изданіе »*Опыта южно-русскаго Словаря*«, въ Кіевѣ.

Цѣна первому выпуску, безъ статьи: »*Нѣсколько словъ о южно-русскомъ народѣ и въ-особенности о его языкѣ*« 1 р., со статьею 1 р. 50 к. На пересылку прилагается за 1 фунтъ. Первый выпускъ получать можно въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ В. Г. Барщевскаго и у составителя, на Кудрявцѣ въ д. Ващенка; въ Черниговѣ въ редакціи »Черниговскаго Листка«, въ Екатеринославѣ у учителя гимназіи А. К. Левицкаго, въ Немировѣ у учителя гимназіи Ѳ. Я. Воронаго, въ Каменецъ-Подольскѣ у чиновника В. Д. Кашубскаго. Въ теченіе 1862 года, выйдетъ первый томъ словаря, т. е. четыре выпуска, заключающіе въ себѣ minimum 43 печатныхъ листа. Подписная цѣна первому тому 4 рубля съ пересылкою. Лица, внесшія болѣе одного рубля за 1-й в., если пожелаютъ подписаться на цѣлый томъ, доплачиваютъ столько, сколько будетъ слѣдовать по разсчету. Первый томъ можетъ выйти въ теченіе 1862 года только въ такомъ случаѣ, если къ 1 февраля 1862 года будетъ по крайней мѣрѣ 100 подписчиковъ на цѣлый томъ. Въ противномъ случаѣ, изданіе словаря, какъ дѣло не *своевременное* и не сообразное съ потребностями и развитіемъ южно-русскаго народа, будетъ прекращено, о чемъ будетъ объявлено, и деньги будутъ возвращены подписчикамъ.

Надѣюсь, что лица, имѣющія у себя матеріалы для словаря, доставятъ ихъ мнѣ, какъ это уже и сдѣлали нѣкоторые. Матеріалы и требованія на словарь должны быть адресуемы такъ: въ Кіевъ. Кандидату историко-филологическаго факультета Университета Св. Владиміра, Каллинику Васильевичу Шейковскому.

ВЪ КІЕВѢ ВЫШЛО

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИХЪ КАТЕГОРІЙ,

СОСТАВЛЕННОЕ (по Штейнталю)

М. А. ТУЛОВЫМЪ.

Книгу эту (69 стр., in 8°) можно пріобрѣтать въ Петербургѣ у Матвѣя Терентьевича Симонова, на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ Розова, кварт. № 7. Цѣна безъ пересылки 50 к. за экземпляръ; иногородные прилагаютъ, сверхъ того, пересылочныхъ и укупорныхъ 25 к. сер. Книгопродавцы, при покупкѣ 5 и болѣе экземпляровъ, получаютъ 10% уступки *съ цѣны*.

ОБЪ ИЗДАНІИ

СОВРЕМЕННИКА

ВЪ 1862 ГОДУ.

«Современникъ» въ 1862 году будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ, тѣми же лицами, какъ и въ прошломъ году.

Направленіе «Современника» извѣстно его читателямъ. Продолжая, по мѣрѣ возможности, развивать это направленіе въ приложеніи къ разнымъ отраслямъ науки и жизни, редакція въ послѣдніе годы должна была ожидать измѣненія своихъ отношеній къ нѣкоторымъ изъ сотрудниковъ (преимущественно беллетристическаго отдѣла), которыхъ произведенія въ прежнее время, когда еще направленія не обозначались такъ ясно,—нерѣдко съ удовольствіемъ встрѣчаемы были читателями въ нашемъ журналѣ. Сожалѣя объ утратѣ ихъ сотрудничества, редакція однакоже не хотѣла, въ надеждѣ на будущіе прекрасные труды ихъ, пожертвовать основными идеями изданія, которыя кажутся ей справедливыми и честными и служеніе которымъ привлекаетъ и будетъ привлекать къ ней новыхъ, свѣжихъ дѣятелей и новыя сочувствія, между-тѣмъ какъ дѣятели, хотя и талантливые, но остановившіеся на прежнемъ направленіи—именно потому, что

не хотятъ признать новыхъ требованій жизни—сами себя лишаютъ своей силы и охлаждаютъ прежнія къ нимъ сочувствія. Впрочемъ изъ писателей, пользующихся постояннымъ сочувствіемъ публики, «Современнику» вполнѣ обезпечено въ будущемъ году сотрудничество гг. Островскаго, Салтыкова (Щедрина), Марка Вовчка, Станицкаго, Успенскаго, Григоровича и другихъ.

Что касается до отдѣла серьёзныхъ и современныхъ статей, то надо сказать, что въ большинствѣ случаевъ онѣ зависятъ отъ разныхъ условій. Впрочемъ, мы надѣемся, что кругъ предметовъ, доступныхъ обсужденію въ журналахъ, будетъ постепенно разширяться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разнообразіе и сила нашего журнала увеличиваться.

Въ отдѣлахъ библіографіи, внутренняго обозрѣнія, фельетона, «Современникъ» старается, какъ замѣтили, конечно, читатели, не о педантической полнотѣ и систематичности, но всего болѣе о проведеніи, хотя бы и въ бѣглыхъ замѣткахъ, тѣхъ же истинъ и выводовъ, разъясненію которыхъ посвящаются, по возможности, цѣльныя статьи въ другихъ отдѣлахъ журнала. Этой же цѣли служилъ и «Свистокъ», отъ котораго редакція вовсе не намѣрена отказываться.

Составъ журнала остается прежній:

I. Повѣсти, романы, путешествія, драматическія произведенія, стихотворенія, статьи серьёзнаго содержанія, преимущественно по части исторіи, политической экономіи, исторіи литературъ, и прочее.

II. Современное обозрѣніе, то есть: 1) Критика и библіографія книгъ и журнальныхъ статей, почему либо заслуживающихъ вниманія, какъ русскихъ, такъ иногда и иностранныхъ; 2) Внутреннее обозрѣніе замѣчательныхъ явленій русской жизни; 3) Замѣтки о петербургской жизни; 4) Политическое обозрѣніе; 5) Мелкія статьи, касающіяся отдѣльно того или другаго явленія современности.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ «Современника», на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Звѣтнова, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

Въ Москвѣ: въ конторѣ «Современника», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе «Современника» въ С.-Петербургѣ безъ доставки: *пятнадцать руб. сер.*, съ пересылкою: *шестнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.*

И. ПАНАЕВЪ.
Н. НЕКРАСОВЪ.
Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ПОДПИСКА НА ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

на 1862 годъ.

ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ“

И ГАЗЕТА

„ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ“.

Въ началѣ текущаго года, редакціею «*Трудовъ*» и «*Экономическихъ Записокъ*» было заявлено, что, она, оставаясь при прежнемъ направленіи, обратитъ однако особое вниманіе на *отдѣлъ библіографіи* и на *хронику заграничнаго хозяйства*. Съ этою цѣлію, въ каждомъ почти номерѣ «Трудовъ», были разбираемы новыя хозяйственныя сочиненія и періодическія изданія. Хроника же заграничнаго хозяйства помѣщалась въ смѣси подъ особой рубрикой: *Обозрѣніе новостей по сельскому хозяйству за границею.*

Въ будущемъ 1862-мъ году, программа *Трудовъ* и *Экономическихъ Записокъ* остается, въ главныхъ основаніяхъ, согласно занятіямъ Общества, прежняя.

Въ составъ «Трудовъ» войдутъ слѣд. отдѣлы:

1. ЖУРНАЛЫ (ПРОТОКОЛЫ) ЗАСѢДАНІЙ Совѣта и Общаго Собранія Общества.
2. ОТДѢЛЕНІЕ I: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО съ главными его отраслями.
3. ОТДѢЛЕНІЕ II: РЕМЕСЛА и ФАБРИЧНЫЯ ПРОИЗВОДСТВА, состоящія въ ближайшей связи съ сельскимъ хозяйствомъ.
4. ОТДѢЛЕНІЕ III: ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ НАУКИ, политическая экономія, естествознаніе и т. п.
5. БИБЛІОГРАФІЯ: разборъ хозяйственныхъ періодическихъ изданій и книгъ.
6. ОБОЗРѢНІЕ НОВОСТЕЙ по сельскому хозяйству за границею.
7. СМѢСЬ.

Въ **«Экономическихъ Запискахъ»** будутъ помѣщаться протоколы засѣданій Отдѣленій и Общаго Собранія, болѣе мелкія и спѣшныя статьи, хозяйственныя и промышленныя извѣстія, вопросы сельскихъ хозяевъ и отвѣты на нихъ редакціи, разныя хозяйственныя объявленія и т. п.

Къ статьямъ какъ въ **«Трудахъ»**, такъ въ и **«Экономическихъ Запискахъ»** будутъ прилагаемы, по мѣрѣ надобности, *рисунки*. При выборѣ послѣднихъ, редакція будетъ обращать вниманіе не столько на новизну, сколько на практичность, простоту и удобопримѣнимость изображаемаго предмета въ русскомъ хозяйствѣ. Болѣе замѣчательныя полевыя и огородныя сѣмена будутъ при изданіяхъ разсылаться по прежнему.

«Труды» будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками, каждая не менѣе 10 печатныхъ листовъ, а **«Экономическія Записки»** *еженедѣльно* по одному листу прежняго формата.

Цѣна за оба изданія остается 4 р., съ пересылкою во всѣ города и доставкою на домъ. Журналъ пересылается чрезъ С. Петербургскій почтамтъ по *тяжелой*, а газета по *легкой* почтѣ.

Подписка на **«Труды»** и **«Экономическія Записки»** на 1862 годъ принимается въ **С. Петербургѣ: въ домѣ И. В. Э. Общества** (въ 4-й ротѣ Измайловскаго полка), въ книжномъ магазинѣ **Лермонтова и К°.** (въ Караванной, № 24) и въ **Москвѣ:** у книгопродавца **Глазунова** (на Кузнецкомъ мосту) и въ сельскохозяйственномъ коммисіонерствѣ **Н. И. Анненкова,** на Зубов-

скомъ бульварѣ, въ домѣ Земледѣльческой школы. Иногородные благоволятъ адресоваться въ **С. Петербургъ, въ Императорское Вольное Экономическое Общество.**

Подписка отдѣльно на какое либо изъ этихъ изданій не принимается.

Редакторъ **А. Совѣтовъ.**

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,

ВЪ **1862** ГОДУ,

выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 15-ти до 20-ти печатныхъ листовъ въ каждой.

«Военный Сборникъ», издаваемый по Высочайшему повелѣнію, будетъ продолжатся въ 1862 году на прежнемъ основаніи.

Въ четыре года своего существованія, «Военный Сборникъ» стремился неуклонно къ всесторонней разработкѣ своей обширной программы. Не Редакціи судить, въ какой мѣрѣ выполнила она эту трудную задачу; но, конечно, ни одинъ безпристрастный человѣкъ, постоянно слѣдившій за журналомъ, не упрекнетъ ее въ отсутствіи усердія и желанія служить, на сколько отъ нея зависѣло, интересамъ военнаго сословія. Равнымъ образомъ, всякій знакомый съ журнальнымъ дѣломъ согласится, что у насъ изданіе такого рода, какъ «Военный Сборникъ», представляло особенныя затрудненія при неразвитости отечественной военной литературы и при маломъ числѣ нашихъ военныхъ писателей. Что затрудненія, эти были преодолѣны, если не вполнѣ, то большею частію доказательства тому налицо: «Военный Сборникъ» можетъ, не преуве-

личивая своихъ заслугъ, сказать съ увѣренностію, что способствовалъ пробужденію въ нашемъ военномъ сословіи умственной дѣятельности и, наполняясь во-сихъ поръ преимущественно статьями оригинальными, фактически заявилъ мысль о возможности существованія у насъ военнаго журнала самобытнаго, независимаго отъ иностранныхъ военныхъ изданій. Постояннымъ читателямъ «Военнаго Сборника» извѣстно, что главное вниманіе Редакціи было обращаемо на разработку всѣхъ живыхъ, современныхъ военныхъ вопросовъ, на отечественную военную исторію, на нравственный и матеріальный бытъ нашихъ войскъ и что многое объ этихъ предметахъ впервые было высказано гласно въ нашемъ журналѣ.

Такимъ путемъ Редакція будетъ слѣдовать и впредь. Но, выставляя на первый планъ отечественный элементъ, «Военный Сборникъ» будетъ знакомить своихъ читателей и съ замѣчательнѣйшими явленіями военной жизни у другихъ народовъ, равно и съ наиболѣе важными произведеніями иностранной военной литературы, весьма богатой, но мало у насъ извѣстной. Въ теченіе 1862 года Редакція приложитъ къ журналу переводъ съ нѣмецкаго: «Руководство къ изученію стратегіи для офицеровъ всѣхъ оружій». Посредствомъ такихъ приложеній читатели «Военнаго Сборника» получатъ постепенно рядъ настольныхъ книгъ и руководствъ, основанныхъ на новѣйшихъ изысканіяхъ. «Тактика *Грисгейма* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Нолана,* могутъ служить образчиками подобныхъ справочныхъ книгъ.

Программа «Военнаго Сборника», Высочайше одобренная, остается неизмѣнною и въ 1862 году.

I. ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. а) Извлеченія изъ приказовъ военнаго Министра, главнокомандующихъ арміями, Генералъ-Инспектора по инженерной части, Генералъ-Фельдцейхмейстера, начальника Штаба по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ и командировъ корпусовъ. б) Извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій департаментовъ Военнаго Министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ такой мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру,

Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній (*).

II. ОТДѢЛЪ ВОЕННЫХЪ НАУКЪ. а) Тактика. б) Военная исторія. в) Военная администрація. г) Военная статистика. д) Фортификація и артиллерія.

По тактикѣ будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавалеріи, и артиллеріи, о соотвѣтствующихъ современному состоянію военнаго искуства, способахъ обученія войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ приложены соотвѣтствующіе карты и планы.

По военной администраціи — все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По военной статистикѣ и географіи — обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательныхъ театровъ войны.

По фортификаціи и артиллеріи буудтъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъпо отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для изслѣдованія которыхъ существуютъ у насъ спеціальные журналы.

III. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ. а) Разсказы изъ военнаго быта. б) Записки военныхъ людей (мемуары). в) Путешествія, имѣющія военный интересъ. г) Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. СМѢСЬ. а) Извлеченія изъ журналовъ коммиссіи улучшеній по военной части. б) Открытія и опыты разнаго рода, за границею и у насъ въ Россіи произведенные. в) Выдержки изъ журналовъ Русскихъ и иностранныхъ. г) Библіографическія извѣстія о военныхъ книгахъ и статьяхъ различныхъ журналовъ, выходящихъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. д) Всѣ

Извлеченія эти, само собою разумѣется, не могутъ замѣнить подлинныхъ приказовъ и циркуляровъ, которые, въ настоящее время, обязаны выписывать различные штабы и другія управленія.

нововведенія по военно-административной и строевой части во всѣхъ государствахъ.

Страницы «Военнаго Сборника» открыты, по прежнему, для всѣхъ, желающихъ своими познаніями и наблюденіями содѣйствовать общей пользѣ военной семьи. Только при такомъ дружномъ содѣйствіи и возможно достиженіе важной цѣли органа военныхъ интересовъ—распространенія въ войскахъ раціональныхъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ. Редакція надѣется, что на призывъ ея откликнутся, какъ было до сихъ поръ, всѣ свѣдущіе и образованные офицеры, служащіе и служившіе.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ Редакцію «Сборника». Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана при первой возможности; въ случаѣ же неодобрѣнія—возвращается автору, по олэличное в умотребованію, или довѣренному отъ него лицу, *безъ всякихъ объясненій*. Редакція принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя хотя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ либо отношеніи трудъ замѣчательный. Въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ необходимо обозначать источники, откуда онѣ взяты. Чертежи, прилагаемые къ статьямъ, Редакція проситъ составлять, по возможности, въ форматѣ осьмушки или четверти печатнаго листа.

Вмѣстѣ съ симъ Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ присылающихъ къ ней статьи для печати подписывать имена свои и адресы *четко* и *ясно*. По желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только *одному* редактору. Статьи и письма *неподписанныя* Редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборникѣ» опредѣлено: за переводы отъ 12 до 20 руб. сер. съ печатнаго листа, за извлеченія и компиляціи по 30 р. с., а за оригинальныя сти до ать50 р. с. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получить безплатно до 25 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи, помѣчая о томъ на самой статьѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается:

Въ **С.-Петербургѣ,** *въ конторѣ Редакціи «Военнаго Сборника», на Литейной, домъ Дендера, № 13, и*

Въ конторѣ при книжномъ магазинѣ Давидова, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ арсенала Николаевскаго Дворца.

Въ **Москвѣ,** *въ конторѣ, при книжномъ магазинѣ Щепкина и Комп., на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина.*

«Военный Сборникъ» выходитъ *ежемѣсячно*, книжками отъ 15 до 20 листовъ въ каждой.

Подписная цѣна за годовое изданіе, или за *двѣнадцать книжекъ шесть рублей серебромъ.*

Иногородные подписчики, служащіе въ войскахъ, прилагаютъ за пересылку *пятьдесятъ копѣекъ серебромъ;* неслужащіе въ войскахъ—*одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ,* равно и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ, которые пожелаютъ, *чтобы журналъ доставлялся имъ на домъ.*

Редакція «Военнаго Сборника» покорнѣйше проситъ гг. начальниковъ частей доставлять, вмѣстѣ съ требованіями на журналъ, *именные списки* гг. офицеровъ, подписавшихся на «Военный Сборникъ», съ тою цѣлью, чтобы книжки журнала могли быть доставляемы на имя каждаго подписчика, чрезъ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта, въ наглухо задѣланныхъ пакетахъ, какъ пересылаются всѣ частныя періодическія изданія.

Желающіе имѣть «Военный Сборникъ» за 1859 годъ, *съ картою Италіи,* и за 1860 и 1861 годы, съ *приложеніями:* «Тактика» *Грисгейма* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Нолана,* благоволятъ обращаться съ требованіями въ Редакцію.

Главный Редакторъ «Военнаго Сборника»,
Генеральнаго штаба Генералъ-Маіоръ **Меньковъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ 1862 ГОДУ.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія будетъ издаваться въ будущемъ году по той-же программѣ, по которой издается съ половины 1860 года. *Въ первомъ отдѣлѣ* журнала будутъ помѣ-

щаться теоретическія разсужденія и практическія замѣтки по вопросамъ изъ области педагогики и дидактики, а также критическія описанія воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, въ ихъ современномъ состояніи и историческомъ развитіи. *Во второй отдѣлъ* войдутъ статьи психологическія, физіологическія и философскія, если онѣ прямо или косвенно могутъ содѣйствовать къ разрѣшенію педагогическихъ вопросовъ; въ этомъ-же отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи по исторіи просвѣщенія и статьи обще-историческія, въ которыхъ раскрывается ходъ народнаго образованія. *Третій отдѣлъ* будетъ посвященъ критикѣ и библіографіи: въ него войдутъ критическіе разборы педагогическихъ сочиненій и журналовъ, учебниковъ и дѣтскихъ книгъ, а также научныхъ и литературныхъ произведеній, которыя по содержанію своему могутъ имѣть вліяніе на педагогическую дѣятельность. Наконецъ *четвертый отдѣлъ* журнала будетъ содержать въ себѣ извѣстія о всѣхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ фактахъ, относящихся до народнаго образованія въ Россіи и мелкія педагогическія статьи. Кромѣ того при журналѣ будутъ издаваемы особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замѣчательныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. При чемъ не лишнимъ считаемъ напомнить, что въ эти полтора года журналъ министерства роздалъ безденежно своимъ подписчикамъ слѣдующія особыя приложенія: Уроки географіи, *Д. Семенова*, два выпуска; Дѣтство человѣка, *Д-ра Гейфельдера;* Начатки дѣтскаго школьнаго ученія, *А. Дистервега*; Уроки физики, *А. Игнатовича*, и нѣсколько библіографическихъ указателей книгъ, періодическихъ изданій и болѣе замѣчательныхъ журнальныхъ статей. Въ будущемъ году редакція предполагаетъ издать при журналѣ: 1) Продолженіе *Уроковъ физики*, А. Игнатовича. 2) *Основные законы воспитанія*, К. Ушинскаго. 3) *Исторію педагогики*. 4) Третій выпускъ *Уроковъ географіи*, Д. Семенова. Новые подписчики получатъ первый выпускъ тѣхъ приложеній, которые начаты въ 1861 году.

Условія подписки остаются прежнія; подписная цѣна: за одну неоффиціальную часть, выходящую ежемѣсячно отдѣльными книгами отъ 12 до 15-ти листовъ каждая, за годъ 6 руб. 50 коп. безъ пересылки и 8 руб. съ пересылкою; съ оффиціальною частью, выходящею особенными тетрадками, 13 руб. 50 коп. съ пересылкою и 12

руб. безъ пересылки. Подписка принимается въ редакціи журнала министерства, въ газетной экспедиціи и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Редакторъ К. Ушинскій.

9145/II-12 экз.

К-107

168983